

ВСЕВОЛОД БОБРОВ

Михаил
Щеглов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В послевоенные и 1950-е годы не было в нашей стране спортсмена популярнее Всеволода Боброва. С его именем связаны едва ли не все эпохальные спортивные события тех лет. Триумфальное турне футболистов московского «Динамо» по Великобритании в 1945-м. Победа сборной СССР в год её дебюта на чемпионате мира по хоккею в 1954-м. Золотые медали сборной по хоккею на Олимпийских играх 1956 года. Блестящие успехи команд, в которых играл Бобров, на всесоюзной арене. Трижды подряд становился чемпионом СССР по футболу ЦДКА — знаменитая «команда лейтенантов». Такого же результата добивались и хоккейные команды — сначала ЦДКА, а затем ВВС. Завершив выступления, Всеволод Михайлович стал выдающимся хоккейным тренером. Он привёл к чемпионскому званию московский «Спартак», сборная СССР под его руководством дважды побеждала на чемпионатах мира. Но пиком тренерской карьеры Боброва стало равное соперничество нашей сборной по хоккею в Суперсерии матчей с лучшими канадскими профессионалами в 1972 году. Однако жизненный путь Всеволода Боброва вовсе не был усыпан розами. Он с лихвой получал травмы физические и в достатке душевные. Зато наградой были искренняя всенародная любовь и слава.

-
- [Всеволод Бобров](#)
 -
 - [ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ В СЕСТРОРЕЦКЕ](#)
 - [В ГОДЫ ВОЙНЫ](#)
 - [ЛУЧШИЙ СРЕДИ «ПАСЫНКОВ»](#)
 - [ЗА СЕЗОН ОТ СУХУМИ ДО ЛОНДОНА](#)

- [«ГРЕНКИ В ГОРОХОВОМ СУПЕ»](#)
 - [ОТ МЯЧА К ШАЙБЕ](#)
 - [ПРАЗДНИК СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ](#)
 - [ГРИГОРИЙ ФЕДОТОВ](#)
 - [ПОД ОГНЁМ КРИТИКИ](#)
 - [МАГИЧЕСКАЯ АББРЕВИАТУРА — ЛТЦ](#)
 - [«ЗОЛОТАЯ НОГА» БОБРОВА](#)
 - [РАССТАВАНИЕ БЕЗ ПРОБЛЕМ](#)
 - [РЯДОМ С ВАСИЛИЕМ СТАЛИНЫМ](#)
 - [С ФУТБОЛОМ НЕ УДАЛОСЬ...](#)
 - [В ХОККЕЕ ПОЛУЧИЛОСЬ!](#)
 - [ПЕРВАЯ ТРОЙКА](#)
 - [ЧУДО В ТАМПЕРЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ](#)
 - [ХАОС В СПОРТИВНОМ ХОЗЯЙСТВЕ](#)
 - [ТРИУМФ В СТОКГОЛЬМЕ](#)
 - [ЗОЛОТО ОЛИМПИАДЫ](#)
 - [ЦЕПЬ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ](#)
 - [ГНЕВ РЕВНИВЦА](#)
 - [ЖИЗНЬ ДВИЖЕТСЯ ПО СИНУСОИДЕ](#)
 - [САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПЛАВАНИЕ](#)
 - [СО «СПАРТАКОМ» НА ВЕРШИНЕ](#)
 - [В ШАГЕ ОТ ПОБЕДЫ](#)
 - [ВЫЗОВ БРОШЕН](#)
 - [СОБЫТИЕ ВЕКА](#)
 - [ОТСТАВКА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ](#)
 - [ВОЗВРАЩЕНИЕ В ФУТБОЛ](#)
 - [ВТОРАЯ ПОПЫТКА](#)
 - [ЧЕЛОВЕК С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ](#)
 - [НА ПОЛЕ ПАМЯТИ НАРОДНОЙ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. М. БОБРОВА](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Всеволод Бобров

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1902

(1702)

Автор благодарит за помощь в работе над книгой

**Овидия Баженова, Константина Смирнова и Юрия
Шейна.**

**В книге использованы фотографии из семейного
архива**

**Елены Николаевны Бобровой, В. Гребнёва и М.
Кононенко.**

Михаил Щеглов

ВСЕВОЛОД БОБРОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2018

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ В СЕСТРОРЕЦКЕ

Всеволод был младшим из троих детей в семье Михаила Андреевича и Лидии Дмитриевны Бобровых. В то бурное время многим людям приходилось часто менять место жительства. Вот и у Бобровых дочь Антонина родилась в 1917 году в Петрограде в разгар революционных событий, сын Володя — в 1920-м в подмосковном городе Пушкино, а Всеволод появился на свет в 1922 году в городе Моршанске Тамбовской губернии.

Отец, Михаил Бобров, в 1906 году приехал в столицу — Санкт-Петербург из тверской деревни Полубратово пятнадцатилетним юношей, чтобы пойти по уже проторённому земляками пути — стать рабочим крупнейшего Путиловского (в дальнейшем Кировского) завода. Физически сильный и смекалистый, парень быстро овладел сложной профессией размётчика, требующей высокой квалификации.

На Путиловском заводе в большой чести был спорт. Михаил Бобров начал играть в футбол, а затем увлёкся хоккеем, стал играть в командах «Путиловского кружка». Однажды ему удалось стать обладателем лучших по тем временам стальных коньков знаменитой норвежской фирмы «Хааген», которые в России считались большой редкостью и в народе звались «гаги».

Эти самые коньки сыграли особую роль в жизни Михаила Андреевича. Со своей будущей женой Лидией Ермолаевой зимой 1912 года Михаил Бобров познакомился на катке в Таврическом саду. На

отцовских «гагах» впоследствии учились играть в хоккей сыновья Владимир и Всеволод.

Лидия Дмитриевна Ермолаева родилась в Гатчине, под Санкт-Петербургом. С Михаилом Бобровым она познакомилась, будучи ученицей в магазине художественной вышивки на Невском проспекте: под началом мастерицы-итальянки расшивала абажуры. Лидия преуспевала в своём занятии, и её направили учиться во Францию, в известную парижскую школу художественной вышивки и шитья. Свадьбу пришлось отложить на два года...

У Лидии был родной брат Михаил, который служил на военном аэродроме в Гатчине. Михаил Дмитриевич Ермолаев принадлежал к плеяде первых русских авиаторов, был в дружеских отношениях со знаменитым Петром Нестеровым — первым в мире лётчиком-истребителем, автором «мёртвой петли» и воздушного тарана.

В то время питерский пролетариат уже активно вёл борьбу за свои права. Михаил не раз принимал участие в забастовках. После разгона очередной стачки Бобров попал в тюрьму. Просидел он в ней недолго — всего полмесяца, однако в сырой, холодной камере подхватил туберкулёз. Именно это обстоятельство заставило семью Бобровых в 1919 году переехать в подмосковный город Пушкино, где был более подходящий для здоровья Михаила Андреевича климат. Там они поселились у брата Лидии Дмитриевны — Михаила.

В годы Гражданской войны Михаил Ермолаев сумел угнать из белогвардейского тыла самолёт, за что был награждён орденом Красного Знамени. Он был близко знаком с Валерием Чкаловым, провожал чкаловский экипаж в беспосадочный полёт через Северный полюс в Америку.

В голодном 1921 году большевика Михаила Андреевича Боброва направили в Тамбовскую губернию — уполномоченным по заготовке продовольствия для московских рабочих.

Литератор Анатолий Салуцкий в своей книге о Всеволоде Боброве писал: «Семья поселилась в селе Островка, в бывшей помещичьей усадьбе, где размещались правление местной сельскохозяйственной коммуны и заготовительная контора. Однажды летом 1922 года Бобров уехал по делам в уездный центр Сасово. Как раз в этот день на Островку налетела одна из банд атамана Антонова.

Волна всадников в невообразимо пёстрых одеяниях и головных уборах — от фуражки до чалмы — внезапно накатилась на село. В одной из тачанок на богатых коврах сидела — нога на ногу — женщина в военном кителе, она и повелевала. Этот разбойный сброд сразу ринулся к помещичьей усадьбе.

Было время обеда. На первом этаже в своей комнатке пили чай бухгалтер с женой — их застрелили прямо через окно. Денежные купюры в то инфляционное время обесценились донельзя, счёт шёл на миллионы, поэтому в конторе стояли не сейфы, а большие книжные шкафы, туго набитые тысячами ассигнаций, — для расплаты с крестьянами за продовольствие. Добыча показалась бандитам крупной: они мешками таскали деньги в тачанки...

Времени у налётчиков было в обрез. Всё же они решили осмотреть второй этаж и увидели там беременную женщину с маленьким ребёнком на руках, за её подол держалась пятилетняя девочка. В суматохе бандиты не разобрались, что это жена большевика-уполномоченного, выгнали её на улицу, подожгли усадьбу и умчались.

Таким образом, судьба впервые смилостивилась над Всеволодом Бобровым ещё до его появления на свет.

Это обстоятельство представляется весьма примечательным по той причине, что впоследствии было много случаев, когда жизни Всеволода Боброва угрожали нелепые опасности. Однако всякий раз, и всегда в самый последний момент, судьба оказывалась благосклонной к нему».

Трудно представить, где почерпнул Салуцкий столь живописные подробности того налёта. Поведать их ему Лидия Дмитриевна, увы, не могла, как и её дети, в ту пору ещё несмышлёныши. Книга Салуцкого заявлена как «художественное исследование», и, стало быть, включать воображение литератор имел полное право. В отличие от автора этой книги, для которого любое отступление от подтверждённых фактов — табу.

Салуцкий продолжал: «После трагедии в селе Островка Бобровы переселились в Моршанск. Там, в старинном рубленом доме на берегу реки Цны, 1 декабря 1922 года и родился Всеволод Бобров, родился с печатью того голодного и трудного времени — очень слабым, тщедушным и болезненным.

Зима уже вступила в свои права, дров не было, круглые железные печи топили дефицитными брикетами сена. Родителей не покидала тревога за жизнь новорождённого: в 1919 году в возрасте шести месяцев у Бобровых умер сын Виктор. Мучительные воспоминания об этом заставляли маму буквально не дышать над Севой. Его укутали в вату и держали в небольшой картонной коробке из-под кукол — обычно так хранят хрупкие ёлочные украшения.

К весне Бобровы завели корову. На её молоке дети окрепли, а главное — отцу удалось излечиться от туберкулёза. И к новому, 1924 году семья вернулась в Гатчину.

А вскоре случился страшный пожар в доме при маленькой электростанции в Тайцах, где Михаил Андреевич работал электриком и где в служебном

помещении поселились Бобровы. Здесь Сева (ему было год и два месяца) опять уцелел чудом: в поднявшейся невероятной панике, в удушающем дыму, на ощупь маме с огромным трудом удалось отыскать малыша и вынести его из огня.

Едва Лидия Дмитриевна отбежала шагов на десять от полыхавшего дома, как позади затрещали стропила и рухнувшая крыша погребла под собой остатки строения».

В 1925 году семья переехала в Сестрорецк. Всеволод Бобров в автобиографической книге «Самый интересный матч» вспоминал: «Здесь я и прожил до самой войны. Это один из живописнейших уголков нашей земли, с его знаменитыми дубками, посаженными ещё Петром I, с огромным парком и тенистыми садами...

Отец стал работать инженером-инструментальщиком, а затем преподавателем школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) при заводе имени Воскова».

В дружной семье Бобровых как-то само собой повелось, что Всеволод был любимцем мамы, Володя — папиным сыном, а к сестре Антонине, Тосе, все относились ровно. Всеволод всем пошёл в маму: и внешностью, и характером — добрый, мягкий, впечатлительный. Володя отличался отцовским логическим складом ума, подтянутостью, самодисциплиной. А старшая сестра Тося, пропорционально сочетая родительские черты, была к тому же очень категоричной, принципиальной.

Но лидерство среди детей безусловно и безраздельно принадлежало Володе. В Сестрорецке у него было прозвище «Голова». Спокойный, целеустремлённый, очень основательный, Володя хорошо учился, много читал, и ребята слушались его беспрекословно. Он, и только он, был капитаном всех

сестрорецких футбольных и хоккейных команд, в которых приходилось играть братьям Бобровым.

И как-то само собой получилось, что Володя взял на себя роль начальника команды и её играющего тренера. Он точил ребятам коньки, помогал мастерить клюшки. Требовал дисциплины на поле, а также опрятного внешнего вида. Он умел организовать тренировку, а перед календарными матчами на первенство Ленинградской области давал хоккеистам наставления по части тактики игры. Сказывалось влияние Михаила Андреевича: именно старшему сыну отец поручал «доведение до юных мозгов» своих взрослых мыслей.

Читаем у Анатолия Салуцкого: «Особенно много внимания Володя уделял младшему брату. Отец с утра до вечера работал и проводил с детьми только выходные. А Володя каждый день играл с маленьким Севой в футбол или в хоккей, обучал его всему, что умел сам. Бобровы жили в старом арсенале петровских времён, переоборудованном в пятиэтажный дом. На глухой торцевой кирпичной стене здания Володя начертил мелом футбольные ворота в натуральную величину и нарисовал в них “девятки” и “шестёрки” диаметром с футбольный мяч. Сам Володя, а под его руководством и Сева часами лупили в эти “девятки” и “шестёрки”, отрабатывая удары. Впоследствии Всеволод Бобров не раз говорил, что без помощи старшего брата не смог бы столь быстро вырасти в спорте.

Сестрорецк двадцатых—тридцатых годов представлял собой своеобразную “высокоразвитую спортивную цивилизацию”. В этом небольшом пограничном городке занятия спортом были не забавой и не доблестью, а такой же обязательной повседневностью, как работа или учёба. Даже новогодние праздники многие, в том числе Бобровы,

отмечали здесь не за столом, а на льду — катаясь вокруг нарядной ёлки в городском саду.

Тех, кто не увлекался спортом, презирали, не считали за достойных людей. Здесь были десятки хоккейных и футбольных династий: Викторовы, Бобровы, Шавыкины, Комаровы, конечно, Худяковы, старший из которых Лев Худяков, хотя в силу возраста и занятости сам не играл в мяч, однако всемерно содействовал развитию спорта. А возможности для этого у Льва Худякова имелись немалые: он был директором сестрорецкого завода имени Воскова...»

Младший из четырёх братьев Викторovich — Анатолий впоследствии стал известным футболистом и хоккеистом, много лет выступал за ленинградское «Динамо». Участник легендарных блокадных футбольных матчей, фронтовик Анатолий Викторovich в начале 1950-х значительно усилил команду ВВС, возглавляемую Всеволодом Бобровым, трижды становился чемпионом страны по хоккею с шайбой.

Довелось поработать на заводе им. С. П. Воскова после окончания школы ФЗО и Всеволоду Боброву. В своей книге он отмечал: «Годы, проведённые на заводе, в рабочей семье, навсегда останутся в моём сердце как самые замечательные, самые яркие. Старшие товарищи учили нас не только своему удивительному мастерству, но и воспитывали трудолюбивыми, скромными, честными людьми. Здесь, у станка, из уст старого производственника, чудесного воспитателя и спортсмена Ивана Христофоровича Первухина услышал я замечательные слова о рабочей чести:

— Это, брат Сева, — говорил Иван Христофорович, — знаешь ли, превыше всего. Ведь мы теперь кто? Хозяева страны. Мы за всё, что делается у нас на земле, в ответе. Так что давай всегда и во всём показывать

другим, как жить надо. Честно. Ясно. Прежде всего для людей. А потом уж и для себя».

«И когда годы спустя в дружеском кругу заходил разговор о самых дорогих собравшимся людях, — пишет Салуцкий, — один вспоминал первую учительницу, другой — старшину в армии, Всеволод в таких случаях называл Ивана Христофоровича.

Видимо, удивительным мастером, замечательным педагогом был этот простой ленинградский рабочий, коль скоро прославленный Бобров пронёс к нему любовь через всю жизнь».

О спортивных достоинствах старшего брата Всеволод Бобров отзывался так: «Должен сказать, что он и в футбол и в хоккей играл намного лучше меня. Отличался точными ударами по воротам, комбинационным талантом. Владимир “выдавал” такие мячи, что не забивать их было просто невозможно. Я не сомневаюсь, что при удачно сложившихся обстоятельствах он стал бы яркой звездой в нашем спорте».

Оценка младшего брата могла бы показаться преувеличенной, но она совпадает с мнениями других специалистов. В 1936 году после одного из футбольных матчей, в котором принимал участие Владимир Бобров, знаменитый Валентин Фёдоров, игрок ленинградского «Динамо» и сборной РСФСР, человек, обладавший большим авторитетом в спортивных кругах, во всеуслышание сказал о Володе:

— Когда этот парень подрастёт, он будет классным игроком. Очень классным. Намного лучше меня.

Уже в 16 лет Владимир Бобров, высокий, стройный юноша, привлекал к себе внимание элегантной и рациональной манерой игры. Это не было стремлением произвести эффект на публику, таков был его стиль, отражавший незаурядность натуры. Он был виднее, заметнее всех своих сверстников не только на

футбольном или хоккейном поле, но и в жизни тоже. Одним из немногих сестрорецких ребят он окончил десятилетку почти на одни «пятёрки», а Всеволоду учёба давалась труднее, после семилетки пошёл учиться в школу ФЗО при заводе им. С. П. Воскова.

Такова была семейная традиция Бобровых: хоккей был на первом месте для Михаила Андреевича, то же пристрастие передалось сыновьям. В детскую хоккейную команду Сестрорецка Всеволод вошёл, едва ему исполнилось 12 лет.

Но в хоккей в ту пору, когда зимы были куда суровее нынешних, можно было играть в лучшем случае пять месяцев в году.

Анатолий Салуцкий развивает эту тему: «Когда наступала зима, мальчишки начинали хоккейные сражения на “бочаге”. Об этой знаменитой сестрорецкой “бочаге”, где прошло спортивное детство Всеволода Боброва, написано уже немало. Однако никто не разъяснил смысла этого странного слова. А между тем его происхождение имеет не только познавательную ценность, но также проливает свет на причины одного трагического события, происшедшего на льду “бочаги”.

“Бочага” — это чухонское название непроточного озера, образовавшегося на месте прежнего русла реки, старицы. Вода сюда стекает, однако не вытекает: частично испаряется, частично фильтруется через песок. В Сестрорецке “бочагу” иногда использовали для сброса отработанной воды с завода имени Воскова.

Хотя это предприятие числилось инструментальным, здесь был большой металлургический цех. Сестрорецкий завод — это старый петровский завод, один из самых первых заводов в России. Но известно: при наличии металлургического цикла водяные сбросы могут быть

тёплыми. Особенно это сказывалось в начале зимы, когда “бочага” только-только начинала замерзать.

Но юным хоккеистам не терпелось поскорее встать на коньки, они то и дело пробовали лёд. И однажды декабрьским вечером 1933 года, убедившись в его прочности, два брата Бобровых и два брата Томилиных первыми из сестрорецких ребят решили открыть хоккейный сезон на “бочаге”.

Они не знали, что завод только что произвёл очередной сброс тёплой воды. А “бочага” — озеро непроточное... Не окрепший ещё лёд подтаял и треснул, каток разбился на отдельные льдины. Четверо мальчишек в валенках и на коньках провалились в большие полыньи, образовавшиеся на “бочаге”.

Первым выбрался Володя. И сразу бросился на помощь младшему брату, который безуспешно, выбиваясь из сил, карабкался на крошившийся лёд. Лёжа на животе, Володя пытался схватить тонущего, но когда ему наконец удалось вытащить Севу из воды, тот был уже без сознания. В это время на крики о помощи прибежали взрослые и в таком же бессознательном состоянии вытащили из полыньи Володю и Витю Томилиных.

Откачивать ребят стали здесь же, на берегу “бочаги”. Томилиных откачать не удалось. А Сева всё-таки очнулся, через рот пошла вода, он начал дышать, и его отнесли домой.

На следующий день болезненный, слабенький одиннадцатилетний Севка как ни в чём не бывало бегал по морозцу. А Володя слёг с двусторонним воспалением лёгких и воспалением лимфатических узлов...

Через несколько лет Владимиру снова пришлось выручать младшего брата из беды.

Среди детских хоккейных матчей, которые проходили в Сестрорецке, не все были официальными: иногда шли длительные, упорные сражения с парнями

из соседних посёлков и городков. И после одной из таких хоккейных баталий вспыхнула драка. Объектом нападения стал маленький, юркий Севка, который в тот раз доставлял соперникам особенно много хлопот своим неудержимым дриблингом. Но добро, если бы дело ограничилось лёгкой кулачной потасовкой — чего не бывает меж ребятами.

Однако команда гостей не отличалась такой дисциплинированностью, как сестрорецкие хоккеисты, парни там были разные... Страсти разгорелись, и кто-то ударил Севу по лицу доской с гвоздём. Володя увидел, как младший брат залился кровью, увидел, что один из нападавших достал распространённый в ту пору финский нож, — и ринулся на защиту.

Ссадина у Севы оказалась пустяковой, хотя до конца жизни он носил между бровей маленький шрам, память о том случае. А Володю с ножевым ранением доставили в больницу...»

Вновь обратимся к книге Всеволода Боброва, где говорится об известности главы семейства Бобровых в городе: «Эта известность во многом объяснялась спортивной биографией отца. Выполняя свои служебные обязанности, обучая молодых рабочих сложному ремеслу инструментальщиков, Михаил Андреевич на протяжении многих лет выступал в сборной завода по футболу и особенно по хоккею. Хоккей он любил самозабвенно, был бессменным капитаном первой команды и, по общему признанию, одним из самых надёжных игроков. Выступал он всё время на месте правого защитника.

День официальных игр, а им почти всегда являлось воскресенье, становился для всей нашей семьи большим и радостным праздником. С утра мать утюжила форму, а отец прилаживал клюшку, точил коньки, складывал хоккейное обмундирование. Потом

всей семьёй мы шли на стадион. Отец уходил в раздевалку, а мы выбирали себе места поудобнее на трибунах.

После матча, как правило, отец приглашал к себе в гости особо отличившихся во время матча хоккеистов. Это было своеобразной традицией, и игроки команды очень дорожили ею. Мать готовила вкусный обед, пили чай с вареньем и пирогами, слушали патефон. Спиртного отец не признавал. После угощения отец с товарищами начинали разговор о прошедшей игре, ещё и ещё раз разбирали удачные комбинации и допущенные ошибки, спорили о будущем хоккея.

— Быстрее нужно играть, — как сейчас помню, часто повторял отец. — Скорость, она, брат, всегда в таком деле мать победы.

Каждый раз с наступлением зимы папа заливал во дворе нашего небольшого, уютного дворика семейный каток. Здесь по вечерам он катался вместе с нами, учил технике бега. В одном из углов устанавливались непременно хоккейные ворота. Хотя отец и был в команде защитником, но очень упорно, систематически изучал, отрабатывал удары по воротам. И не случайно, по-видимому, в играх он часто забивал.

Первый раз я встал на коньки, когда мне было лет пять, а может быть, и того меньше. Как сейчас помню, это были очень старые, доставшиеся мне в наследство от старшего брата Володи, “снегурки”. У него и сестры Тони к тому времени уже были клёпанные “гаги”, а я ещё три-четыре года прикреплял свои к валенкам при помощи шпагата и карандашей...

Научившись как следует бегать, я тут же “заболел” хоккеем. Мы играли по вечерам: два брата и сестра против отца. Сначала он нас побеждал легко, потом забрал к себе для усиления Тоню. Сражения шли азартные, долгие. Только когда мать выйдет на крыльцо, прикрикнет: “Да будете вы сегодня спать

укладываться?” — мы нехотя возвращались в дом, сбрасывали коньки и аккуратнейшим образом протирали их, складывали мячи и клюшки.

Кстати, о клюшках. Делали мы их с братом тогда сами. Выпиливали из фанеры крючки и скрепляли их мелкими гвоздиками. Потом эти крючки приклеивали к палкам и плотно обматывали сыромятным ремнём. Получались клюшки, правда, у каждого своеобразные, сделанные по индивидуальному вкусу, но, в общем, совсем как настоящие.

В 1935 году мы переехали из маленького деревянного домика в новый — четырёхэтажный, кирпичный. Рядом с ним, всего метрах в двадцати, была чудесная травяная площадка, а за нею начиналось болотистое озеро, которое все мы почему-то называли “бочагой”. Площадка служила нам прекрасным летним стадионом, а “бочага” — зимним. Помню, лёд ещё совсем некрепкий, трещит даже под нашим ребячьим весом, а мы уже носимся по озерку со своими самодельными клюшками.

В этих “свободных”, не связанных никакими официальностями играх как нельзя лучше крепились, развивались индивидуальные качества и наклонности каждого. Хорошо помню, уже с самых первых своих шагов в хоккее я почувствовал непреодолимую страсть к скорости, к обводке, к стремительным проходам. Когда они мне удавались, ребята говорили: “Здорово, Севка!”».

Их общее с Всеволодом детство вспоминал в своей книге «Эти настоящие парни» Олег Белаковский — знаменитый спортивный врач, много лет работавший со сборными СССР по футболу и хоккею: «Семья Бобровых жила рядом с нами. Я часто приходил к братьям, присаживался к ним на диван и слушал эти первые в моей жизни разборы игр. Потом вместе с Севой и Володи́ей мы спускались на их семейный каток, который

каждую зиму Михаил Андреевич заливал во дворе дома. Здесь он учил сыновей технике бега на коньках, владению клюшкой, отработке ударов...

Что-то изменилось в нашей игре. Всё меньше становится стихийных атак, откровенной грубости, стремления любыми средствами, любыми путями нашвырять как можно больше “банок” в ворота противника. Красивый финт, красивая обводка или передача уже не проходят незамеченными.

Теперь вокруг поля толпятся не только мальчишки и девчонки. Всё чаще среди наших первых зрителей мы видим взрослых. И, что нам особенно льстит, известных всему Сестрорецку спортсменов из мужских команд завода имени Воскова.

И вообще мы уже не “дикие” дворовые команды, сражающиеся двор на двор, улица на улицу. Мы организованны, у нас есть имя — “хоккейная команда второй сестрорецкой школы”, и у нас есть свой основной и очень грозный соперник — хоккейная команда первой школы, которая находится в Разливе. У нас есть расписание игр, мы официально зарегистрированы в спортклубе, и, что самое главное, мы включены в игры на первенство Ленинградской области среди школьников.

Тренирует нас не просто тренер. Нас тренирует человек-легенда. Герман Николаевич Худяков старше нас лет на пятнадцать. Он уже известен как один из самых сильных хоккеистов не только в Сестрорецке, но и в сборной Ленинграда. В одном из матчей он сумел обвести практически всех соперников и, выйдя один на один с вратарём, забил красивый гол. Но он был не только нашим тренером, но и педагогом...

Я хорошо помню Боброва мальчишкой. Может быть, потому, что жизнь сложилась так, что в течение долгих лет мы оставались друзьями, часто возвращались к дорогим нам воспоминаниям детства. Мы склонны

идеализировать детские годы, но и потом, позже, у меня никогда не возникало “разночтений” с теми, кто знал Севу Боброва периода сестрорецкой “бочаги”...

В физическом плане Бобров был просто одарён. И одарён с детских лет. Он прекрасно бегал, был прыгуч, крепок и очень пластичен. Обладал редким по силе ударом, резким, внезапным, ошеломляющим. Севка очень красиво двигался. Красиво обводил соперника. Великолепным было его скольжение. Он, я бы сказал, двигался необыкновенно музыкально. Широко, певуче, свободно. *И* всем этим он делился с нами. Но, увы, так двигаться мог только он. Остальные просто бегали на коньках. Как бегают большинство мальчишек. Резко, угловато, с большим раскатом, прежде чем набрать скорость. Да и скорости были так себе...

Что ещё поражало уже в те годы в Боброве? Два обстоятельства, уже тогда предвещавшие в нём мастера.

Во-первых, абсолютное неприятие поражения. Эта, как теперь говорят, идиосинкразия к проигрышу. Он физически не воспринимал его. Душа его не принимала поражения. Оно было противно его нутру... Конечно, этим он заражал нас. И уже вся команда в целом рвалась к победе, вырывая успех на последних минутах.

И вторая черта. Черта, без которой тоже нет мастера. С детских лет этот человек был очень стоек по отношению к боли. Ну, сами представьте, ребята целыми днями гоняют то в футбол, то в хоккей. Никаких защитных приспособлений, конечно же, нет. То ударили бутсой, то упал и рассёк бровь, то резанули коньком, то заехали в глаз довольно-таки тяжёлым плетёным мячом. Смею вас уверить, это довольно больно. И вот мальчишка, стиснув зубы, терпит боль. Слёзы на глазах, а терпит. Первые уроки воли, первые уроки спортивного мужества...

Уделом этого мальчишки, счастливым уделом, останется его способность решать судьбу поединков. Спустя много лет, став свидетелем многих первенств мира, Европы и Олимпийских игр, наблюдая сотни спортсменов и сотни самых разнообразных матчей, я могу со всей уверенностью сказать, что его игра не была “игрой Фортуны”. “Феномен Боброва” заключался не только в блистательном техническом мастерстве этого “спортсмена от бога”. Он заключался в не меньшей мере в способности Всеволода Михайловича чувствовать нерв игры в любом временном интервале, предугадать кульминационную ситуацию, собрать себя в упругий крепкий пучок, сжаться в морально-волевую пружину, в единственную, решающую секунду, от которой зависит “быть или не быть”, выбросить навстречу сломленному противнику целенаправленную энергию неукротимой жажды победить.

Становилось ясно, что, пропадая на “бочаге” с утра до темноты, Бобёр не убивал время, отлынивая от уроков, не гонял плетёный мяч просто для того, чтобы позабавиться. Он был из тех счастливцев, которым с детских лет дана одна, но пламенная страсть. Одна любовь. Одна привязанность на всю жизнь. Он играл “свою игру”. Играл, испытывая ни с чем не сравнимое наслаждение от сиюминутности игровых ситуаций, от скорости, от красоты игры, от решения молниеносно возникающих игровых шарад, от ощущения соперника. Азарт. Бешеный, неукротимый азарт. Но не во имя самого азарта. А того, что рождается вдохновением, наслаждением игрой...

Мы выходим в финал первенства Ленинградской области. Играем с Череповцом. 3:0. Все три гола забивает Бобров».

Это событие вспоминал и сам герой матча: «Финал игрался на стадионе имени В. И. Ленина — самом большом и красивом тогда в Ленинграде. Трудно даже

передать словами, какую мы испытывали радость и гордость. А тут ещё победа, первое место — и нам в качестве приза вручают настоящие клюшки. Мы просто не верили своему счастью...»

Герман Худяков был сильным хоккеистом — первым из Сестрорецка прозвучал на всесоюзном уровне, играл за сборные Ленинграда и ВЦСПС.

Олег Белаковский свидетельствовал: «Юношескую хоккейную команду Сестрорецка тренировал Герман Николаевич Худяков. Впоследствии своим размашистым бегом, скоростной обводкой Бобров напоминал мне именно Худякова».

Подтверждение мы находим и в книге Всеволода: «Был, конечно, и у меня свой “старший” — рабочий завода имени Воскова Герман Худяков. Он играл в хоккей за первую заводскую команду, а потом даже вошёл в сборную Ленинграда, где выступал рядом с самыми известными мастерами. Но и среди них он выделялся непревзойдённой обводкой, стремительными рывками, удивительным по красоте катанием. Во время воскресных матчей я часами наблюдал за ним, учился у этого замечательного спортсмена хоккейному почерку».

Вернёмся к книге Белаковского: «Первым из нас был включён в состав заводской команды Сева Бобров...

В долголетней или кратковременной спортивной биографии есть события особой значимости. Они остаются в памяти и больших спортсменов и тех, чей спортивный путь был лишь ярким жизненным эпизодом. Таким событием для нас был матч, в котором мы встретились с одной из сильнейших команд страны тех лет — ленинградским “Динамо”...

Игра 6 февраля 1940 года была для нас решающей: в случае проигрыша коллектив Сестрорецка должен был покинуть первую группу...

Ситуация действительно была не из приятных. И тогда тренерский совет нашего клуба принял решение о переводе части игроков второй команды в первый состав. Мы вновь с Севой оказались в одной команде...

На стадионе творилось что-то невообразимое: сидели буквально друг на друге, стояли и сидели в проходах, на крышах близлежащих строений, у самой кромки поля и за воротами. Такого наш Сестрорецк ещё не видел...

За шесть минут до финального свистка Бобров в каком-то неистовом порыве обводит одного за другим шестерых игроков “Динамо” и забивает гол, решивший судьбу этого поединка. 3:3. Ничья, равная победе...»

После поединка с «Динамо» Всеволода Боброва и Анатолия Викторова утвердили кандидатами в сборную Ленинграда, которая готовилась к традиционному матчу со сборной Москвы. Выйти на лёд им тогда не довелось. А вот год спустя Викторов, который на три года старше Всеволода, за сборную Ленинграда сыграл. Выйдя на поле после перерыва при счёте 0:2, Анатолий трижды поразил ворота москвичей. Встреча закончилась вничью — 5:5.

Олег Белаковский отмечал, что в юношеские годы как футболист Всеволод Бобров не выделялся, а в хоккее уже блистал: «Помню, обычно на тренировке Всеволод вместе с вратарём и защитником играли против десятих. И минут тридцать у него невозможно было отобрать мяч, пока Бобёр сам не падал от усталости...

Как-то раз, когда ворота соперников защищал один из лучших вратарей того времени Финк, а ворота тогда были маленькими, Бобров, выйдя один на один, успел два раза прокатиться вдоль ворот от одной штанги к другой и только после этого послал мяч в сетку».

Пришлось любимцу болельщиков, будущему фронтовику-герою Николаю Христьяновичу Финку

«проглотить» от юнца.

Вызов в сборную Ленинграда Всеволод Бобров вспоминал так: «Нужно ли говорить о том, какая это была для меня высокая честь. Собрал свой нехитрый инвентарь и поехал в город. Но чем ближе я подходил к стадиону, тем всё больше и больше мною овладевали робость и смущение. Я не знал, как войти, что сказать, не знал, как меня встретят. В нерешительности сел на запорошенную снегом лавку, смотрю. Мимо меня один за другим проходят игроки сборной. У всех в руках красивые и, как мне казалось, только что купленные чемоданчики. Красивые клюшки в специально сшитых сумках. А у меня... Посмотрел я на свёрток, в который мать уложила коньки и лыжный костюм, на старую, повидавшую виды клюшку и... пошёл к выходу.

У самых ворот чуть не столкнулся с Валентином Васильевичем Фёдоровым. В то время это был, можно прямо сказать, великолепный мастер обводки и в футболе и в хоккее, игрок большого диапазона. Слава его гремела по всей стране, а Валентин Васильевич оставался для всех, кто его знал, кто находился рядом с ним, удивительно простым, душевным, предельно скромным человеком. Он любил детей и детский спорт и в свободное время по собственной инициативе безвозмездно занимался с юношеской сборной города. Там-то мы с ним и познакомились. Увидев меня и, видимо, поняв моё состояние, Фёдоров подошёл, молча обнял меня:

— Пойдём на тренировку, Сева, — сказал он как ни в чём не бывало. Сказал так, будто мы с ним уже играли вместе лет десять.

В раздевалке он помог мне найти удобное место, познакомил с товарищами, рассказал, как выходить на поле, какой установлен в сборной порядок. С ним я сразу почувствовал себя иначе...»

Заслуженный мастер спорта Валентин Васильевич Фёдоров многие годы защищал цвета ленинградского «Динамо» в футболе и обоих видах хоккея, был капитаном команды и играющим тренером, входил в сборную СССР.

Организатор и участник матчей в блокадном Ленинграде в 1942-м, Валентин Васильевич работал в дальнейшем как с командами мастеров, так и с юными футболистами и хоккеистами. Острый глаз Фёдорова позволял ему быстро определить потенциал юного спортсмена.

Уйдя на пенсию, Валентин Васильевич Фёдоров стал собирать экспозицию о развитии футбола в Музее истории Ленинграда.

Так случилось, что когда Михаил Андреевич Бобров в 1936-м временно перешёл работать на завод «Электрик», его сыновья выступали в футбольный и следом хоккейный сезоны за команды этого предприятия. Но затем они вернулись в Сестрорецк. Команда завода им. С. П. Воскова стала тогда представлять спортивное общество «Родина».

В хоккейный сезон 1941 года Всеволод играл за ленинградское «Динамо». В своей книге он отмечал: «Даже не верилось, что я выезжаю на поле в одном строю с людьми, которых я ещё два-три года назад мечтал просто увидеть близко. Но, если разобраться, ничего в происшедшем со мной нет удивительного. Я любил спорт, все детские годы не жалел ни времени, ни труда для того, чтобы играть всё лучше и лучше. В этом труде — путь к успеху для всех.

С командой я провёл весь сезон. К концу розыгрыша «Динамо» набрало одинаковое количество очков с хоккеистами Кировского завода. Была назначена переигровка, и тут, как назло, все наши ведущие мастера уехали на юг готовиться к футбольному сезону.

С кировцами играли молодые. Мы выиграли — 2:1! В этой игре автором второго гола оказался я. И вот в торжественной обстановке мне и моим товарищам вручили жетоны чемпионов Ленинграда.

Первая спортивная награда! Она до сих пор хранится у меня на самом видном месте».

Вероятно, следует объяснить, почему лучшие силы динамовцев отправились на сборы перед решающим хоккейным матчем. Это был спор за победу в городских соревнованиях, а футбольная команда ленинградского «Динамо» входила в число сильнейших в стране. В 1940 году она заняла пятое место, в 1941-м, в прерванном войной чемпионате шла третьей...

«С детства я делил свою любовь между хоккеем и футболом, — писал Всеволод Бобров. — Хоккейный сезон 1941 года закончился в марте. А в апреле меня вызвали в городской совет общества “Динамо”, выдали новенькую спортивную форму:

— Вот что, Бобров, — сказал начальник футбольной команды, — нынешним летом будешь у нас играть. Готовься.

Два месяца я мечтал о том, как выйду в составе этой грозной, богатой традициями команды на зелёный ковёр стадиона имени В. И. Ленина. Но мечте этой не суждено было осуществиться. Первые встречи динамовцы проводили на юге без меня, а 22 июня грянула война...»

В ГОДЫ ВОЙНЫ

Когда стало ясно, что немецкие войска могут приблизиться к Ленинграду, началась эвакуация из города предприятий, имевших оборонное значение. В их число входил и завод «Прогресс», на котором трудился отец Всеволода. Именно на этом оптико-механическом заводе производились прицелы для самозарядной винтовки Токарева, а в ходе войны было освоено производство прицелов для снайперской винтовки Мосина.

Олег Белаковский, который в 1939 году стал слушателем Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, в своей книге описал случайную встречу с Всеволодом на Финляндском вокзале в августе 1941-го: «Осунувшийся, поблекший, в поношенном демисезонном пальто, он показался мне каким-то погасшим. Пожалуй, единственным, что не изменилось в этом похудевшем и вытянувшемся парне, была его неизменная кепка...

Всего несколько месяцев прошло со дня последней нашей встречи в Сестрорецке. Но эти месяцы отбросили прошлое на сотни лет назад, и мы с трудом представляли, что мальчишки на “бочаге”, на стадионах Сестрорецка и Ленинграда — это мы...

Бобёр молчал. Смотрел на спешившую мимо нас толпу, на все эти мешки, чемоданы, на детей, укутанных в женские платки, на чёрную пасть вокзала, поглощавшую людской поток:

- Завод эвакуируется.
- Куда?
- Точно пока не знаю.
- Ваши едут с заводом?

— Конечно, куда отцу без него...

— А ты?

— Тоже с ними.

Он уже казался мне таким же, как и раньше. Только впали бледные щёки, и голос был тусклый, погасший. Он комкал в руках кепку и время от времени проводил широкой ладонью по волосам, но упрямый чубчик всё равно продолжал стоять торчком...»

Старший брат Всеволода Владимир был призван на военную службу в 1938 году. Отучившись на курсах младших командиров, он был направлен в Ленинградское артиллерийское техническое училище зенитной артиллерии им. П. И. Баранова. Служба не помешала занятиям спортом. Выступать за команду мастеров ленинградского «Динамо» Владимир не мог, играл он за клубную команду. В клубной футбольной команде «Динамо» в начавшемся сезоне 1941 года братья встретились вновь.

В 1941-м Владимир должен был демобилизоваться, но началась Великая Отечественная война. В своей книге Всеволод Бобров писал: «Уже в начале 1942 года он прошёл ускоренный курс военного училища и отправился на фронт в качестве командира огневого взвода артиллерийско-зенитной части».

А Всеволода в армию не взяли. В ту пору существовало такое положение: после окончания десятилетки на военную службу призывали в 18 лет. А того, кто десятилетку не окончил, кто работал на заводе, призывали в 19. Между тем в 1941 году слесарю-инструментальщику завода «Прогресс» Всеволоду Боброву (он после семилетки окончил школу ФЗО, работал и учился в школе рабочей молодёжи) девятнадцати ещё не было. Вместе с эвакуированным в конце лета 1941 года заводом младший брат оказался в сибирском городе Омске.

С началом войны Омск превратился в важнейший город тыла. Здесь помимо оборонных заводов, эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Запорожья и других городов, разместились военные училища, госпитали, детские дома, театры. Население города увеличилось в полтора раза.

Несмотря на ограничения и трудности военного времени, спорт, и особенно футбол, продолжал занимать видное место в жизни города. В дни футбольных матчей на стадион приходило до шести тысяч омичей. Деньги от билетов поступали в фонд помощи детям-сиротам, эвакуированным из Ленинграда и Сталинграда. В календарных городских соревнованиях стали принимать участие и команды прибывших заводов, в которых оказалось немало опытных футболистов. Все они в первую очередь трудились на производстве и только в свободное время становились спортсменами.

Завод «Прогресс» разместился в пяти километрах от города на территории СИ БАКА — так сокращённо именовалась Сибирская сельскохозяйственная академия. Там же поселились эвакуированные ленинградцы.

В своей книге Всеволод Бобров вспоминал: «Только приехали в Омск, на следующий день стали подавать эшелоны с эвакуированным оборудованием. Перед нами была поставлена задача — в максимально короткий срок восстановить завод в помещении, где ещё совсем недавно находился сельскохозяйственный институт, и на прилегающей к нему территории...

Когда намного раньше установленного срока завод был восстановлен, нашему ликование не было границ. Начались будни военного времени. Я работал сборщиком-механиком в цехе, где изготавливались артиллерийские прицелы. И мне всегда почему-то казалось, — хотя я и знал, что это мечта, не больше —

что прицелы, изготовленные мной, попадут когда-нибудь к брату Володе, к его товарищам...

И мы отдавали великому делу нашей борьбы свои силы, знания, энергию. Бывало, мы не выходили с завода, ночуя тут же, в цехах, — кто на земляном полу, кто на невесть откуда взявшейся соломе. Впрочем, “ночуя”, — это не то слово. Несколько часов, иногда всего два-три, тревожного забвения — и снова на ногах. Ведь нужен план, фронту нужно оружие.

Переносить эти невероятно тяжёлые условия нам помогал спорт. На середине заводского двора мы разбили футбольную площадку и, чуть только выпадает свободная минута, высыпали сюда погонять мяч. Двадцать-тридцать минут игры, и усталости как не бывало. И снова тело, словно от невидимого аккумулятора, заряжено бодростью».

В одной из весточек с фронта, адресованных отцу, Владимир писал: «Скажи Севке, чтобы, несмотря даже на такое суровое время, спорт ни за что не бросал. Здесь, на передовой, особенно понимаешь, какую огромную закалку дали нам детские игры. Спортсмены, люди хорошо тренированные, куда легче переносят боевые тяготы и, как правило, ведут себя во время обстрела, атак и других неприятностей храбрее остальных».

И Всеволод старался следовать заветам брата. Но выкроить время для спорта удавалось с трудом. Вот строки из той же книги: «Как раз начался сезон дождей. Холодные бесконечные потоки падали с хмурого неба. Казалось, солнце тоже призвали на военную службу — мы его не видели месяцами. Вокруг стояла непролазная грязь. Не хватало рабочих рук. В таких условиях мы работали по четырнадцать часов в сутки, а иногда и больше».

В своей «Летописи» — цикле статей по истории советского футбола — Аксель Вартанян отмечал: «На “Прогрессе” трудились и ленинградские футболисты, поигравшие в советском первенстве на высшем уровне, — Денисов, Белов, Топталов, Ларионов, Цвиликх...

Об играх на большом футбольном поле осенью 41-го Бобров ни словом не обмолвился.

Низкий поклон “Омской правде”, чуть приоткрывшей завесу. В годы войны истощались не только люди. Главная в этом промышленном городе газета похудела вдвое: объём её с четырёх страниц сократился до двух. Первая — посвящалась событиям военным, вторая — трудовым подвигам в тылу. В этой невероятной тесноте редактор умудрялся находить место и для футбола. Благодаря его стараниям стало мне известно, что в середине сентября 1941 года разыгрывался Кубок Омска с участием восьми команд. Завод “Прогресс” представляли две. В первую входили только что названные мастера союзного масштаба вместе с дилетантами, во вторую — молодняк, в их числе — Сева Бобров.

В первом же матче молодёжь проиграла омскому “Спартаку” — 2:3. У побеждённых оба гола забил Бобров. Единственная фамилия, упомянутая в микроскопическом отчёте. Впечатлил юноша журналиста. Особенно понравился ему первый гол, забитый на 10-й минуте “красивым ударом”. В утешительном матче омского “Динамо” со вторым составом “Прогресса” зрители стали свидетелями грандиозного фейерверка, устроенного обеими командами: основное время — 6:6, общий итог — 12:7 в пользу рабочих.

Отчёт о матче подписал в “Омской правде” 26 сентября 1941 года широко известный футбольной публике московский журналист Юрий Ваньят. Работал он в это время корреспондентом “Красного спорта” в

Западной Сибири. Среди 19 мячей выделил два, забитых Бобровым. Сколько их всего было?

По прошествии нескольких десятков лет Ваньят вспоминал: “Поле после дождя грязное, вязкое. Мяч быстро набухает, а другого для замены нет... ‘Динамо’ — опытная команда, в её составе несколько игроков из Москвы и Ленинграда. А ‘Прогресс’-2 — зелёная молодёжь... Очень запомнился мне нападающий, игравший на левом фланге. Стройный, широкоплечий, худощавый, с задорно вздёрнутым носом и аккуратной чёлкой на лбу — он чувствовал себя на этом ‘ватерполо’ буквально как рыба в воде. Хитроумно расправлялся с тяжеловесными защитниками ‘Динамо’ и из самых разных положений забивал один гол за другим. Всего их оказалось, кажется, семь!

После игры я спросил у представителя ‘Прогресса’ Первухина, кто этот парень:

— Этот-то, курносый? Бобёр. Севка Бобров. Ему будет скоро девятнадцать. А вы посмотрите его в хоккее. Артист!

Надо ли говорить, что на следующий день игрок второй команды ‘Прогресса’ Всеволод Бобров был взят мной в сборную города”».

Несколько иначе описывал те события Анатолий Салуцкий: «До первой военной зимы Всеволод Бобров на стадион почти не ходил: по-настоящему он начал в Омске с хоккея. И сразу же произвёл сенсацию, по городу ходили разговоры: “Слышали, в команде ‘Прогресса’ паренёк есть — Бобров? Играет бесподобно!” И действительно, после команды мастеров ленинградского “Динамо”, где Всеволод играл в предвоенном сезоне, на омском уровне он творил чудеса: подъезжал к своим воротам, просил мяч у голкипера — и начиналось! В одиночку он обводил пять, шесть, а иногда и семь соперников, прорывался к их воротам, укладывал на лёд бросившегося навстречу

вратаря и тихонечко закатывал плетёный мяч в сетку. Болельщики с ума сходили от восторга.

С весны он начал отличаться и в футболе, играя за вторую команду “Прогресса”. Когда после матчей разгорячённые игроки заваливались в раздевалку, где готовилась к выходу на поле первая команда завода, кто-нибудь из вошедших каждый раз подзадоривал игроков первой команды: “Бобёр снова пять штук заколошматил! Посмотрим, как вы теперь сыграете...”

За первую команду Всеволод поначалу играть не хотел, капризничал, хотя приглашали его упорно. Поговаривали, что он хочет забивать побольше. Возможно, так оно и было в действительности. Но когда Бобров по настоянию отца всё же перешёл в группу сильнейших, то без двух-трёх, а иногда и четырёх голов тоже не уходил с поля.

Михаил Андреевич в это время работал начальником инструментального цеха, а на общественных началах руководил спортклубом завода “Прогресс”. Его знал весь спортивный Омск...

Летом и осенью 1942 года Всеволод Бобров впервые начал блистать в “футбольном свете”. Его включили в сборную города, которую по поручению обкома партии сформировал Юрий Ваньят. Сборную отправили в своеобразный агитпробег — в турне по различным городам Сибири, Урала и Верхнего Поволжья, поставив перед футболистами задачу: собрать средства в фонд детских домов, эвакуированных из Ленинграда и Сталинграда. О благородной цели поездки информировали афиши, и всюду — в Петропавловске, Челябинске, Казани, Свердловске, Тюмени — матчи собирали множество зрителей.

Кроме того, эти спортивные гастроли стали как бы продолжением той важной миссии, которую в годы Великой Отечественной войны выполняли в тылу

культура и искусство, вдохновлявшие людей на труд во имя Победы.

В Омск был эвакуирован из Москвы Театр имени Вахтангова. По воскресеньям, когда на стадионе устраивали спортивные праздники, там нередко можно было увидеть Рубена Симонова с сыном Евгением, Михаила Державина с сыном Мишей, Николая Охлопкова. В теннис играла Людмила Целиковская. Эти имена благодаря театральным афишам знал весь город.

Но в Омске военных лет вывешивались и футбольные афиши — в тех случаях, когда сборной города предстояли товарищеские матчи с командами из других областей. На таких футбольных афишах крупными буквами обязательно перечисляли лучших омских игроков. Ближе к осени 1942 года омичи впервые увидели на этих афишах новое имя и фамилию — “Всеволод Бобров”».

Приводя маршруты сборной Омска, Салуцкий несколько преувеличил. К её выступлениям мы вернёмся ниже, а пока вновь обратимся к находкам Акселя Вартаняна: «На следующий год Бобров уже в первой команде “Прогресса”. В матче открытия футбольного сезона в Омске с теми же динамовцами (3:3) он забил все три мяча. Его фамилия впервые появилась в центральной прессе. “В первом тайме ‘Прогресс’ выиграл со счётом 3:0, причём все три гола забил Бобров”, — писал “Красный спорт” 19 мая 1942 года.

Его тут же включают в сборную Омска. В дебютном матче, выигранном сборной, он имел хорошую прессу (“инициатор ряда хитроумных комбинаций”) и забил победный гол, “близко подойдя к воротам”. Подозреваю, автор стал свидетелем прорыва Боброва, самого страшного его оружия вкупе с мощными и точными ударами, воспетого Евгением Евтушенко.

В чемпионате Омска «Прогресс» с Бобровым громит всех подряд: 3:0, 8:0, 12:0... Шесть побед в шести матчах. Всего за два тура до окончания Боброва призывают в армию и готовят к отправке на фронт. Так он лишился первого чемпионского титула, пусть и на местном, городском уровне. Без своего лидера команда проиграла две оставшиеся встречи и откатилась на вторую позицию».

А теперь о поездке сборной Омска. В 1942 году она выезжала на Урал, где играла в Свердловске, Серове и Челябинске, и сбор с её матчей поступил в фонд детских домов. В линии атаки этой сборной наряду с выступавшим в довоенных сезонах за московское «Торпедо» центрфорвардом Александром Синяковым играл 19-летний Всеволод Бобров. В Челябинске омичи разгромили сборную города со счётом 7:3, и автором четырёх голов стал Бобров.

По возвращении в Омск сборная встретила более серьёзных соперников. Сначала это было «Динамо» (Казань), за которое выступали несколько сильных игроков из Ленинграда и Киева. Гости победили со счётом 6:2. Решающую роль в их успехе сыграли блестящие мастера киевского «Динамо» довоенной поры Константин Щегоцкий и Пётр Лайко. Но и Бобров «свой» гол забил.

В начале октября в Омск прибыл ленинградский «Зенит» во главе с легендарным «Пекой» — орденоносцем Петром Дементьевым. «Зенит» взял верх над всеми соперниками. А вскоре гостями Омска стали футболисты другой ленинградской команды — «Динамо». Обыграв местных одноклубников, 8 октября ленинградцы уступили со счётом 1:2 сборной Омска. Оба мяча в ворота популярного впоследствии телекомментатора Виктора Набутова забил Всеволод Бобров.

К этому времени Всеволод был уже курсантом Ярославского военно-интендантского училища, которое перебазировалось в Омск.

Попытки попасть на фронт он предпринимал неоднократно. В своей книге Бобров писал: «Все мы, рабочие, в душе понимали, что делаем важное, большое дело. И всё-таки иногда казалось обидным находиться в тылу. Несколько раз отпраивлялся я в военкомат и каждый раз слышал неизменное:

— Когда нужно будет — позовём.

Позвали меня в августе 1942 года. Получив повестку, я уже мысленно представлял себе, как несусь в эшелоне навстречу войне. Но оказалось, что до фронта ещё очень и очень далеко. Мне сказали, что армии сейчас нужны в большом количестве младшие офицеры, и направили учиться в военное училище».

Однако попасть на фронт Всеволоду было не суждено. Почему так случилось, подробно рассказал Анатолий Салуцкий: «Призвали Всеволода рядовым, необученным солдатом. И отвезли в военные лагеря. Там происходило формирование воинских команд для отправки на фронт. Путь Всеволода лежал в Сталинград.

Но как раз в это время в Омск приехал капитан танковых войск Дмитрий Богинов. Он был ленинградцем. В начале тридцатых годов играл в футбол и хоккей в детских командах Таврического сада и на соседнем стадионе ткацкой фабрики имени Халтурина, где начинали Пётр и Николай Дементьевы. А когда пришёл работать слесарем на завод хирургических инструментов “Красногвардеец”, где своих команд не было, стал выступать за спортклубы сначала “Электрика”, а затем “Прогресса”. В “Электрике” Богинов играл в одной футбольной команде с Владимиром Бобровым, а в хоккейной и с

Михаилом Андреевичем, который продолжал “баловаться” клюшкой. В “Прогрессе” к ним присоединился и подросший Всеволод.

Но в 1939 году Дмитрия Богинова призвали в армию, и он расстался с ленинградским спортом. Всеволод Бобров остался в его памяти подающим надежды парнишкой, маленького роста, узкоплечим, физически слабым, хотя и вёртким, с изумительным дриблингом.

Летом 1942 года Богинов был ранен под Харьковом, а затем был вывезен в один из архангельских госпиталей. Вылечившись, он прибыл за назначением в Москву, и капитана направили в Омск за сибирским пополнением: ему предстояло доставить в Сталинград два солдатских эшелона. Богинов вышел из поезда на незнакомом омском перроне и только принялся разыскивать военную комендатуру, как нос к носу столкнулся с Михаилом Андреевичем и Иваном Христофоровичем Первухиным.

Эта встреча была архислучайной... Забыв о трамвае, Бобров и Первухин ударились в сумбурные расспросы, обязательные при таких внезапных встречах военной поры. А потом в числе прочих известий сообщили Богинову, что от Володи Боброва вестей давно нет никаких — возможно, погиб, что Всеволод находится пока в военных лагерях и ожидает отправки на фронт.

На следующий день Дмитрий Богинов получил списки солдат, прошедших курс молодого бойца и готовых к переброске в Сталинград. Пишущих машинок в то время в воинских частях не было, все документы от руки, каллиграфическим почерком, исполняли штабные писари. Богинов просматривал списки новобранцев, и неожиданно в глаза ему бросилось: “Бобров Всеволод Михайлович, 1922 г.р.”. Фамилия “Бобров” — весьма распространённая, и не будь той случайной встречи на омском вокзале, Богинов наверняка не обратил бы на неё внимания.

Но теперь он твёрдо знал, чья судьба находится у него в руках.

Богинову было известно, что по решению государственных и партийных органов некоторых ведущих футболистов страны, как и некоторых артистов, учёных, не отправляли на фронт, используя их для работы в тылу. Это решение было мудрым и дальновидным, оно свидетельствовало о глубокой вере в грядущую победу и закладывало основы послевоенного развития искусства, физической культуры и спорта. Безусловно, в тот момент Богинов не предполагал, что из маленького Севки Боброва, какого он знал, вырастет выдающийся футбольный форвард. Но он вспомнил прекрасную, зрелую игру Владимира Боброва, которого, возможно, уже нет в живых, перед его глазами возникло постаревшее, сникшее лицо Михаила Андреевича Боброва, который проводил в армию второго сына... И дарованной ему, капитану Богинову, властью решил не включать в состав своего эшелона призывников красноармейца Всеволода Боброва. Пусть его отправят другим эшелонам.

Богинов ткнул пальцем в фамилию “Бобров” и приказал писарю:

— Такие маломерки мне не нужны. Вычеркни и перепиши лист.

Но эта небольшая случайная отсрочка оказалась решающей. Очень скоро стало ясно: из Боброва вырастет один из лучших футболистов страны...

Путь в большой спорт для Всеволода Боброва начался именно осенью 1942 года, когда красноармеец Бобров остался в военных лагерях. Как раз в это время начальник Ярославского военно-интендантского училища генерал Белов решил создать сильную футбольную команду. В неё вместе с лучшими игроками спортклуба “Прогресс” Зубаревым и Цвилихом был включён Всеволод Бобров.

Той же осенью он стал курсантом училища.

Команда, за которую он играл, сразу стала сильнейшей в Омске. Её посылали для товарищеских игр в другие крупные города Сибири.

Так начала восходить спортивная звезда Всеволода Боброва».

Представляет интерес и ещё один фрагмент из книги Салуцкого: «В тот раз, в Омске, Дмитрий Богинов так и не увидел Всеволода Боброва воочию. И летом 1945 года, когда впервые после войны пришёл “поболеть” на московский стадион “Динамо”, не узнал в высоком, атлетически сложенном форварде ЦДКА своего бывшего товарища по ленинградским футбольно-хоккейным командам. На трибунах только и говорили о Боброве, однако в сознании Богинова этот великолепный нападающий никак не ассоциировался с маленьким Севкой довоенных времён. Лишь позже кто-то из ленинградских футболистов сказал, что это и есть тот самый Севка. И встретившись с Бобровым после одного из матчей, Богинов с изумлением понял, какого “маломерка” он вычеркнул из списка призывников 1942 года».

Дмитрий Николаевич Богинов был человеком незаурядным, с яркой судьбой. Будучи всего на четыре года старше Всеволода Боброва, к началу войны он прошёл уже немалую школу жизни.

Друживший с ним ведущий хоккейный журналист 1960—1970-х Евгений Рубин в своей книге «Пан или пропал!» писал: «Богинов рождён матерью-француженкой, неизвестно как занесённой Гражданской войной в Россию, и русским отцом, давшим сыну свою фамилию, но, кажется, никогда им не виденным. Он вырос на улице и к отрочеству успел стать своим в блатной среде нескольких городов, где был известен по кличке “Жид”. Живя в Ленинграде,

начал играть в футбол и приглянулся легендарному Михаилу Бутусову, тренировавшему местное “Динамо”, но не проявил себя в спорте, так как угодил за решётку. Бутусов вытащил его из тюрьмы, и вскоре парень ушёл на фронт.

В разгар войны, не знаю уж за какие грехи, его отправили в штрафной батальон. И лежать бы ему уже тогда в земле, как едва ли не всем остальным штрафникам, если бы не вызволил его легендарный военачальник Рокоссовский, знавший его, запомнивший и взявший к себе шофёром.

Закончил он войну капитаном, командиром танкового батальона. Как-то, когда я был дома у Богинова, он открыл ящик кухонного стола, и там я увидел грудку орденов и медалей, которые он никогда не носил. После победы он демобилизовался, попробовал вернуться в спорт, в футбол и хоккей, но без всякого успеха. Надо было чем-то заняться, и он поступил в ленинградскую школу тренеров».

На советско-финляндскую войну Богинов попал прямо из лагеря. Получил на ней орден Красной Звезды. И это при том, что начинал в штрафниках.

Случилось Богинову оказаться в штрафной роте и в Великую Отечественную. Произошло это под Сталинградом. Будучи командиром танковой роты, он подавил вражескую пушку, а заодно, придя в ярость от увиденных повешенными соотечественников, искромсал гусеницами находившийся рядом коровник, в котором оказались раненые немцы. Попал под трибунал...

И вновь в штрафниках заслужил орден Красной Звезды. А всего таковых у него было четыре.

Начав с работы с молодёжной хоккейной сборной Ленинграда, в 1955 году, ещё не имея должного опыта, Богинов возглавил команду класса «А» горьковское «Торпедо». За восемь сезонов под его руководством волжане из аутсайдеров превратились в стабильно

выступающую команду. Взлёт «Торпедо» случился в 1961 году, когда автозаводцы завоевали серебряные медали и стали финалистами Кубка СССР. Любимым учеником Богинова был вратарь Виктор Коноваленко — будущий двукратный олимпийский чемпион, восьмикратный чемпион мира.

В 1963-м Дмитрий Николаевич взялся с нуля создавать киевское «Динамо» и за два сезона вывел команду в класс «А». Отработав пять лет в столице Украины, он несколько сезонов пытался «реанимировать» московский «Локомотив», а поняв тщетность этих попыток, в 1976 году вновь с нуля принялся создавать «Торпедо» (Тольятти) и сумел заложить базис для развития этой в дальнейшем успешной команды.

Тренировал Богинов вторую и молодёжные сборные СССР, а в 1966 и 1968 годах ведомая им студенческая сборная СССР становилась победителем турниров универсиад. Накопленный опыт пригодился Дмитрию Николаевичу в работе на посту председателя Федерации хоккея РСФСР, которую он возглавлял с 1979 по 1987 год.

Годами верного служения хоккею заслуженный тренер РСФСР и СССР Дмитрий Николаевич Богинов заработал репутацию самобытного наставника, великолепного психолога, умеющего создать в командах творческую обстановку.

Человек светский, общительный и остроумный, понимавший толк в коньяке, любимец женщин (он отвечал им взаимностью, женат был трижды), Богинов свободно владел французским, изъяснялся по-немецки. Был членом Союза журналистов, владел и специальностью слесаря-инструментальщика. Единственное, чему Богинов так и не научился, — это сносить высокомерное отношение со стороны партийного и административного начальства, не терпел

невежественного вмешательства в тренерскую деятельность.

«Вообще же человек этот достоин стать героем книги, — уверял Евгений Рубин. — Для того, кто бы взялся за неё, простор в выборе жанра — безграничный, от “Педагогической поэмы” до “Двенадцати стульев”. И, в отличие от Макаренко или Ильфа и Петрова, создателю художественно-документального произведения о жизни Дмитрия Богонова не надо было бы ничего придумывать».

В главе о хоккейных тренерах в книге Рубина рассказывается и об Аркадии Чернышёве, Анатолии Тарасове, Николае Эпштейне и Викторе Тихонове. Таков масштаб...

Вскоре после начала учёбы судьба послала Всеволоду Боброву тяжёлое испытание — в декабре 1942 года от сердечного приступа скончалась его мать, Лидия Дмитриевна.

Анатолий Салуцкий писал: «Для Всеволода это было страшным потрясением. В то время курсанты находились в военных лагерях, связь с ними была ненадёжной — только с оказией, и трагическое известие пришло к Боброву с запозданием. Быстро оформив увольнительную, он в кузове попутной машины, прячась от леденящего ветра, добрался до города, затем из конца в конец пересёк его на трамвае. Но от конечной остановки до посёлка СИБАКА оставалось ещё два километра. Было темно и холодно. Подобрал длинные полы шинели, Всеволод побежал. Он очень спешил, однако всё-таки опоздал: появился в доме в тот момент, когда все уже вернулись с кладбища.

Но за поминальный стол он не сел, а тут же отправился к могиле. Холодным декабрьским вечером в одиночестве он долго стоял у свежего холмика земли,

прощаясь с самым дорогим для него человеком. Именно мама всегда была главной в семье Бобровых. Она воспитывала детей и глубоко влияла на них своей мягкой, доброй натурой. Она была великой труженицей: на её руках держался дом, она сама шила для всех одежду. Наконец, она не только любила спорт, но, как ни странно, была в семье “спортивным идеологом” и поощряла спортивные занятия детей. В детстве покупала сыновьям пирожные за каждый забитый гол, а позже непременно присутствовала на матчах с их участием.

Всеволод Бобров всегда трогательно вспоминал маму и сокрушался, что ей не довелось увидеть его спортивные успехи, о которых она мечтала».

В 1943 году команда училища выиграла Кубок города и нацелилась на областной. Жребий уже в стартовом матче свёл курсантов с командой «Прогресса». Перед игрой Всеволод узнал, что директор завода в случае победы своих футболистов пообещал премировать их костюмами.

Матч выиграл «Прогресс» со счётом 1:0 и впоследствии стал обладателем Кубка. К удивлению болельщиков и руководителей училища, Бобров, имея много возможностей, гола не забил...

Отличился Всеволод летом в Новосибирске, где проходила военная Сибирская спартакиада. Футбольный турнир превратился в бенефис Боброва. Омичи переиграли команды Иркутска (5:2), Новосибирска (2:0) и Кемерово (3:1). В каждом матче Бобров забивал по два мяча. После этого Всеволод был включён в сборную Сибирского военного округа.

Быть на виду Боброву довелось и в очередном зимнем сезоне, по итогам которого он также вошёл в сборную Сибирского военного округа, и в весеннем чемпионате города 1944 года. А вот в августе в Иркутске на второй военной Сибирской спартакиаде

омичи оказались вторыми. Всеволода Боброва в составе команды уже не было...

В конце 1943 года, когда обстановка на фронтах изменилась, в отделе спорта Центрального дома Красной армии занялись поисками в воинских частях и военных учебных заведениях игроков, способных пополнить лучшую армейскую команду. Докатилась до Москвы и молва о сибирском самородке Всеволоде Боброве. Выпускнику военно-интендантского училища пришёл вызов из Главного политического управления Красной армии.

Но был случай, когда Всеволод мог отправиться иным маршрутом. Эту историю поведал в своей книге «Всеволод Бобров — гений прорыва» Владимир Пахомов: «В одну из июльских ночей 44-го года в Омске прошли по домам совместные патрули милиции и военной комендатуры, искавшие нарушителей паспортного режима и курсантов интендантского училища, ушедших в самоволку или не вернувшихся из увольнения к урочному часу. К будущим провинившимся офицерам применяли одно наказание — отправка на фронт.

В “улов” попал той ночью и Бобров. Но он избежал общей участи — его не отправили в сторону Белоруссии, где проштрафившихся курсантов неудачно десантировали и они все как один погибли...»

Кто-то из областных руководителей, просматривая сводку ночных происшествий, вычеркнул из списка задержанных парня, чьё имя было в Омске на устах. Ещё одно доказательство того, что Бобров явно родился в рубашке...

В своей книге Всеволод писал: «По какому-то необычайному стечению обстоятельств, только что закончив курс обучения, получив диплом и офицерское

звание, я ехал не на фронт, как мечтал все эти годы, а в Москву.

Был жаркий августовский день 1944 года, когда я сошёл на перрон столичного вокзала...»

Анатолий Салуцкий, опираясь на слова Бориса Боброва (о появлении ещё одного сына в семье Бобровых мы расскажем ниже), утверждает, что, уезжая воинским эшелоном из Омска, маршрут его следования Всеволод точно не знал. Дальнейшие события Салуцкий описывает так: «Ему дали увольнительную, и он долго шагал по железнодорожным путям, пока не вышел на перрон Курского вокзала. Здесь Бобров растерялся от обилия людей и в конце концов вломился в какую-то дверь, не заметив таблички “Посторонним вход запрещён!”. На него сразу же набросилась дежурная в железнодорожной фуражке, схватила младшего лейтенанта за вещмешок и попыталась вытолкнуть на перрон. Но Бобров, слегка ошалевший от московской вокзальной круговерти, продолжал упрямо шагать по какому-то коридору вперёд, волоча на себе дежурную, вцепившуюся в заплечный “сидор”. В это время он уже был силен как буйвол и не чувствовал тяжести, а вопли за спиной только подгоняли его.

Так Бобров подошёл к следующей двери, отворил её и, провожаемый угрозами станционной дежурной, оказался на площади Курского вокзала.

Оглядевшись и поправив заплечный “сидор”, Всеволод Бобров впервые зашагал по московским улицам — в долгополой шинели, в низеньких жёлтых сапожках, сшитых Иваном Христофоровичем Первухиным по моде “джимми”, и с маленьким колечком на мизинце правой руки, в которое был вделан круглый голубой камешек бирюзы, — талисман на счастье».

Живописный рассказ Салуцкого замечательно подходит для литературного киносценария. Правда, он не обозначил, куда, ступив на московскую землю, отправился Бобров. Да и зачем ему потребовалась увольнительная записка, коли уезжал из училища с соответствующими документами, которыми его снабдили в ответ на телеграмму Главпура?

Иначе представил те события Владимир Пахомов: «Боброва, вызванного в Москву, встретил на вокзале Яков Цигель. Его хорошо знали футболисты и хоккеисты нескольких поколений. Он работал в разное время администратором, тренером команд, выполнял отдельные поручения спортивных работников. На встречу с Бобровым он приехал как служащий части генерала Василькевича.

Бобров сообщил, что ему велено прибыть в распоряжение Главного политуправления Красной Армии. Спросил, как туда проехать.

— О твоих голах в Сибири все в Москве наслышаны, — заметил Яков Исаакович. — Тебя хотят направить в ЦДКА. А пока давай поедem к нам, к Василькевичу. В ЦДКА ты ещё успеешь. Но сейчас в состав тебе не пробиться. В команду пришёл тренером Аркадьев из “Динамо”. Пока он разберётся что к чему и на тебя, наконец, обратит внимание, знаешь, сколько времени пройдёт! Неужели хочется на скамейке запасных сидеть? А в команде авиаучилища — не слышал о такой? — недобор. Так что давай прямо поедem к Виктору Эдуардовичу, мужик толковый, ждёт нас...

Бобров, в ту пору не очень-то разбиравшийся в структуре армейского спорта, не видел никакой разницы, за какую команду Вооружённых сил ему следует играть. Недолго думая, он отправился с Цигелем к Василькевичу, а спустя некоторое время появился на поле в составе команды авиаучилища, встречавшейся с “Динамо”-2...

В день своего дебюта в Москве Бобров, выступая в роли центрального нападающего, забил на стадионе “Динамо” два гола. На новичка обратил внимание “Красный спорт”. В заметке за подписью Юр. Ваньят говорилось, что “это, бесспорно, игрок с большим спортивным будущим”».

Возникает вполне правомерный вопрос. Воинский эшелон не мог остановиться у перрона, к тому же был транзитным. Каким же образом, не зная даты прибытия Боброва, сумел его встретить Яков Цигель? Так кто же прав? Салуцкий или Пахомов? Судя по всему, оба смоделировали ту ситуацию в своём воображении.

В книге самого Всеволода не упоминается якобы встречавший его Цигель. Внимание Боброва сосредоточилось на другом: «Вышел на шумную вокзальную площадь. И первое, что мне бросилось в глаза, оказалось афишей о предстоящем на Центральном стадионе “Динамо” финальном матче на Кубок Советского Союза между ленинградским “Зенитом” и армейской командой Москвы — точнее, моей командой. У афиши толпится много людей, особенно военных, слышны шутки. Кто-то убеждённо говорит:

— Ну, братцы, доложу я вам, если уж на “Динамо” опять футболы начались — значит, Гитлеру точный капут...»

Описание увиденного Всеволодом на трибуне стадиона пока опустим, поскольку нас интересует иное: «Я сравнивал эту команду со всеми, в которых мне приходилось до этого выступать, в том числе с нашим “Динамо”, и приходил к выводу, что она несравненно сильнее. Да так, пожалуй, и было на самом деле.

Опасения, что в ЦДКА меня не возьмут, ещё больше усилились, когда тренер команды сказал, что в этом сезоне в состав вводить меня поздно, и предложил для поддержания формы поиграть за московское

авиаучилище, которое тогда выступало в первенстве столицы по высшей группе. “Сплавляют”, — подумал я. И настроение у меня стало примерно таким же, как у гадкого утёнка из широко известной сказки.

Но делать было нечего, и я отправился по указанному мне адресу. И уже через три дня выступил в матче против второй команды московского “Динамо”. Минут за десять до начала я увидел у входа на поле Григория Федотова. Он с кем-то оживлённо беседовал. Увидев меня, подошёл, протянул руку:

— Пришёл посмотреть и поведать, — сказал он со свойственной ему простотой. — Тренер и ребята привет передают.

Сразу стало легче на душе. И захотелось сделать что-то особенное, очень хорошее. Игра сложилась нелегко. Мыс трудом свели её вничью. Меня мучил вопрос: как я сыграл? Какое мнение сложилось обо мне у Федотова, у товарищей. Мучаюсь этими вопросами, и вдруг кто-то из соседей по комнате кричит:

— Смотри, Бобров, о тебе написано.

— Где? — вскочил я с постели.

— А вот здесь, милый ты мой, — отвечает он и протягивает свежий номер газеты “Красный спорт”.

Это была не очень большая, уместившаяся где-то внизу газетной страницы, заметка. Но это была первая в моей жизни заметка обо мне, о моей игре. “В игре ‘Динамо’-2 и авиаучилища, — читал и перечитывал я, — счёт открыл динамовец Балясов. Однако к перерыву в сетку хозяев поля влетели два мяча от центра нападения курсантов молодого Всеволода Боброва. Это, бесспорно, игрок с большим спортивным будущим, хотя ему ещё надо очень много работать над собой, ибо его стремление во всём подражать Федотову часто ничем не оправдывается”.

Всего несколько строк, а как много значили они для меня. Ведь заметка одновременно и подбодрила и

нацелила на труд и указала на серьёзный недостаток — голое подражательство. Я спрятал её в карман и долго носил повсюду, перечитывая при каждом удобном случае. Она и сейчас бережно хранится в моём доме.

Автором заметки был Юр. Ваньят. Тогда я никого вообще не знал, но мне очень и очень хотелось увидеть человека, заметившего меня на поле и тепло написавшего обо мне. Вскоре наше знакомство состоялось — в перерыве между таймами какого-то матча. В раздевалку вошёл стройный, высокий мужчина средних лет, в безукоризненно сшитом костюме. Он вежливо раскланялся со всеми, и все приветливо ответили ему. Видно было сразу, что среди футболистов это свой человек.

— Кто это? — спросил я.

— Корреспондент Ваньят, — ответил мне кто-то, — всё про футбол пишет. Неплохо».

Юрий Ильич Ваньят и в самом деле писал о футболе неплохо — на протяжении многих лет, хотя завихрения у него случались. Автора этой книги смутили в изложенном два момента. Если Ваньят, о чём говорилось выше, в начале военных лет находился в Омске, писал о футболе в местной газете, судил матчи и даже являлся тренером сборной Омска, пригласившим в неё Боброва, как Всеволод мог не признать старого знакомого?

Обратим внимание и на ещё одну немаловажную деталь. Прозвучало, будто бы Бобров был отправлен из ЦДКА «в аренду» тренером команды. Но тренером армейцев в то время являлся уже Борис Андреевич Аркадьев. А он во многих своих статьях указывал, что впервые увидел Всеволода в составе хоккейной команды...

Оставим эти нестыковки на совести автора литературной записи книги Леонида Горянова.

Если заметка Ваньята датирована 17 октября, то вскоре — 4 ноября — в «Вечерней Москве» появилась ещё одна публикация, посвящённая итогам столичного первенства: «Неплохое впечатление произвёл центральный нападающий команды авиаучилища Бобров, обладающий задатками очень хорошего игрока. Он во многом копирует на поле Федотова...» Написал эти строки Виктор Дубинин (в дальнейшем — заслуженный мастер спорта).

Такие слова в устах сдержанного на похвалы специалиста звучали как комплимент. Однако нельзя не обратить внимания, что в обеих заметках имеются упоминания о подражательстве дебютанта Федотову. Тем паче попали они в печать с малым интервалом. Не сговаривались же их авторы.

Возразил против такой трактовки в своей книге «Я — из ЦДКА!» многолетний партнёр Боброва по ЦДКА Валентин Николаев: «Невозможно согласиться с тем, что Всеволод подражал Федотову. Бобров, как мне думается, не подражал никому. Он играл по своему разумению, а прицел на ворота соперников свидетельствовал о том, что в лице Боброва наш футбол вот-вот получит столь же классного бомбардира. Всеволод был самобытен, и в этом его основное отличие от многих форвардов той поры».

Бросилось это в глаза и Акселю Вартаняну, который в «Летописи» отмечал: «Озадачило сравнение двух совершенно разных по игровому почерку футболистов. Федотов — игрок командный, созидатель, комбинатор, экзекутор. Бобров — индивидуалист, непревзойдённый дриблёр, “гений прорыва”, беспощадный палач со смертоносными ударами. Отдавал пас только для того, чтобы немедля, улучшив позицию, получить мяч обратно, желательно на “вырыв”. А там ищи ветра в поле. Он требовал, чтобы играли только на него. Если

партнёры находили другой адрес, покрикивал на них, поругивал».

Пусть в новой обстановке Всеволод ещё никак не мог заявлять о себе как премьеру, но в целом его «собираТЕЛЬный образ» передан верно. И всё же если игрок старается встроиться в командную игру, быть полезным партнёрам, можно ли это воспринимать как подражательство, даже такому большому мастеру, как Григорий Федотов?

Констатируем одно: только два матча успел провести в Москве в 1944 году Всеволод Бобров, но его заметили.

Старший брат Всеволода Владимир воевал в 1941-м на Калининском фронте. Он был начальником мастерских артиллерийского полка. В декабре лейтенант Бобров получил пулевое ранение в ногу. Через месяц он вернулся в строй. Но под Смоленском снова был ранен, на сей раз тяжело — осколок снаряда застрял под сердцем.

Отлежав полгода в ярославском госпитале, Владимир был выписан по инвалидной статье. Но от демобилизации он категорически отказался. Рапорт удовлетворили, но отправили фронтовика на долечивание в инвалидный дом отдыха близ Ярославля.

К концу пребывания в госпитале Владимиру удалось разыскать в находившемся неподалёку детском доме вывезенного из блокадного Ленинграда племянника Михаила Андреевича — Бориса. Одиннадцатилетний мальчик лишился родителей, и после его прибытия в Омск Боря был усыновлён Михаилом Андреевичем, став не двоюродным, а родным братом Владимира и Всеволода.

Затем Владимира отправили на Третий Белорусский фронт, он служил в отделе артиллерийского вооружения дивизии. Передвижные артмастерские

находились в передовых порядках наступающих войск. К концу 1944 года у капитана Боброва вся грудь была в боевых наградах: ордена Отечественной войны I и II степени, два ордена Красной Звезды, медаль «За отвагу», две медали «За боевые заслуги».

Во всём блеске этих регалий Владимир Бобров и предстал перед своей роднёй.

Анатолий Салуцкий описывал те события: «Под самый Новый год Владимира Боброва на три дня командировали в столицу — получать новое вооружение для дивизии. Это была счастливая командировка: Новый, 1945 год, год Победы, семья Бобровых встречала вместе — в Москве.

Первым в Москву перебрался один Михаил Андреевич — его перевели в столицу по приказу главка существовавшего в ту пору Наркомата вооружения, который возглавлял нарком Д. Ф. Устинов. Бобров поселился в небольшой двухкомнатной квартире неподалёку от железнодорожной станции Лосиноостровская, на втором этаже пятиэтажного дома. Туда вскоре приехали Тося с дочерью Аллой и Боря. А Всеволод как раз в это время стал играть в хоккейной команде ЦДКА...

С особым вниманием слушали, конечно, Володю — фронтовика, боевого офицера. Физическая закалка, полученная в детстве, дала себя знать: крепкий, молодой организм переборол последствия ранений. В свои двадцать четыре года Владимир Бобров ощущал прилив сил и энергии. Он уже начинал задумываться о послевоенной жизни и расспрашивал Всеволода о большом спорте, справедливо рассчитывая, что будет играть в одной из команд мастеров, скорее всего, тоже в ЦДКА.

Безусловно, Всеволод по сравнению с предвоенными временами внешне переменился неузнаваемо, возмужал и, видимо, сильно прибавил в игре. Но уж кто-

кто, а Володя лучше всех знал его истинные спортивные возможности. Он очень высоко ценил способности Всеволода, однако между братьями был свой счёт, гамбургский счёт.

Омские болельщики восхищались тем, что Всеволод забивал за игру три-четыре гола. А Владимир называл эти голы рядовыми. Он так и говорил: Севка без нескольких рядовых голов не должен уйти с поля. И в понятие “рядовые голы” вкладывал будничные, буквальный смысл, имея в виду целый ряд голов. Потому что забивать в матче лишь по одному мячу считалось между братьями признаком плохой, слабой игры. Старший брат тоже не уходил с поля без нескольких забитых мячей.

И хотя за годы войны Владимир Бобров ни разу не касался ни кожаного, ни плетёного мяча, он, повзрослевший, прошедший огромную жизненную школу, уверенный в себе и знавший цену собственным спортивным способностям, не сомневался, что сможет играть в футбол и хоккей никак не хуже Всеволода, не исключено, что и получше. Что же касается возраста, то Владимир был в самом расцвете.

Потому братья Бобровы, вместе встречая победный год, подняли бокалы и за будущие совместные успехи в спорте. Оба верили в удачу и надеялись, что вскоре снова, как в прекрасные предвоенные годы, будут играть в одной команде».

Но надеждам Владимира не суждено было сбыться. Оставалось ещё несколько месяцев войны...

Его часть сражалась в Померании, близ балтийского побережья. Во время движения колонны под автомобилем, в котором он находился, взорвалась мина.

Анатолий Салуцкий писал: «Взрыв был сильный. Деревянную кабину грузовика разнесло вдребезги, капитана Боброва выбросило на обочину. Очнулся он в медсанбате, где ему должны были ампутировать левую

ногу. В наркоз Владимир Бобров провалился с неясным, ещё не полностью осознанным, горьким и горячечным ощущением того, что теперь всё кончено — он превращается в инвалида.

Но придя в себя на госпитальной койке, вдруг почувствовал, что обе ноги — вот они, здесь! Оказывается, в самый последний момент, уже на операционном столе, один из хирургов взялся провести очень сложную операцию, позволившую обойтись без ампутации.

Третьего апреля 1945 года, в день сухумского футбольного дебюта Всеволода Боброва в команде ЦДКА, взрыв мины на просёлочной дороге в Померании навсегда закрыл перед его старшим братом Владимиром Бобровым путь в большой спорт. После операции, благодаря которой удалось избежать ампутации, левый голеностоп у Владимира остался покалеченным. Нога плохо слушалась, были раздроблены кости, перебит главный нерв, пальцы не двигались, и осязания в стопе не было. Ниже лодыжки начиналась нечувствительная, мёртвая зона.

В народе это издревле называли “костяная нога”...

В мае 1945 года Владимир прочитал в армейской газете, что Всеволод, дебютировав в игре с московским “Локомотивом”, забил два мяча. Однако ничуть не удивился, а в своей невозмутимой манере подумал: “Так оно и должно быть, уж я-то знаю, на что Севка способен”. Понимая, что самому уже не придётся по-серьёзному выйти на поле, Владимир Бобров с мудрым спокойствием фронтовика без лишних эмоций и восторгов твёрдо рассчитывал, что Всеволод не посрамит их фамилию.

В День Победы Владимир Бобров уже чуть ли не танцевал, ведь свою часть он не покидал, медсанбат располагался рядом. Более того, ещё через месяц начал даже играть в футбол за дивизионку — футбол был

первым мирным отдыхом, первым солдатским видом спорта после Победы. А когда к концу сорок пятого дивизию расформировали и капитана Боброва перевели служить под Москву, он несколько лет подряд участвовал в первенстве Московского военного округа по хоккею с мячом, выступая за одну из сильнейших армейских команд.

Но Всеволод-то не подозревал в то время, что брат уже навсегда распрощался с большим спортом. И когда узнал из письма, что Володину дивизию расформировывают, тут же бросился к Борису Андреевичу Аркадьеву, рассказал тренеру о своём старшем брате, наделённом истинным футбольным талантом.

Вскоре бессменный “адъютант” Всеволода Боброва Николай Демидов, хорошо известный в спортивном мире под прозвищем “Кокач”, повёз главному маршалу артиллерии Николаю Николаевичу Воронову, курировавшему армейский спорт, официальное письмо с просьбой отозвать капитана Владимира Михайловича Боброва в Москву для использования его в команде ЦДКА.

В столицу Владимир прибыл вскоре после английского триумфа Всеволода. Именно в тот день, в день приезда, между братьями состоялся откровенный разговор, расставивший все точки над *i*. “Лучше тебя я уже не сыграю, а хуже — не хочу”, — сформулировал брат.

Отказался Володя и от предложенной ему должности в спортклубе ЦДКА. Он выбрал другое: службу в одной из зенитных частей...

Конечно, Владимир частенько бывал в Москве, приходил на матчи ЦДКА, на тренировки армейских хоккеистов. Однажды в январе 1946 года на катке в парке Центрального Дома Красной Армии он скинул шинель и гимнастёрку, надел спортивную форму,

Севкины коньки, взял его клюшку и вошёл в игру. Евгений Бабич, увидев Владимира Боброва на льду, пришёл в восторг и принялся горячо уговаривать его перейти в ЦДКА, начать серьёзные тренировки, с уверенностью заявляя, что сокола видно по полёту и что у Володи наверняка прекрасно пойдёт игра. Но старший Бобров неопределённо улыбался и отнекивался.

А Всеволод брата не уговаривал.

Всеволод знал всё...

Мирные, торжественные залпы с самой высокой и почётной точки столицы — с Ленинских гор — много лет подряд зенитчики производили под руководством капитана артиллерии Владимира Боброва, начальника артвооружения одного из подразделений ПВО.

Последний праздничный салют с Ленинских гор Владимир Бобров провёл в 1954 году, когда его младший брат Всеволод Бобров достиг зенита славы: команда СССР, дебютировав в чемпионате мира по хоккею с шайбой, стала чемпионом мира, а её капитан Всеволод Бобров был признан лучшим нападающим турнира».

Успехи Всеволода на зарубежных аренах были впереди, предстоял дебют на хоккейном поле перед московскими зрителями.

ЛУЧШИЙ СРЕДИ «ПАСЫНКОВ»

В хоккее с мячом выступления Всеволода Боброва на высшем уровне ограничились всего двумя сезонами. После окончания футбольного первенства столицы 1944 года он был отозван из команды авиаучилища в ЦДКА. Там и провёл эти два зимних сезона.

Анатолий Салуцкий живописал: «Появившись в составе команды ЦДКА в начале зимы 1945 года, Всеволод поразил даже выдавших виды армейцев. Тренировалась команда в парке у площади Коммуны, где каток заливали на месте теннисных кортов, — теперь примерно на этом месте построен Музей Вооружённых сил. И когда Бобров в первой же двусторонней игре подхватил мяч, когда он без разбега, словно пущенный из катапульты, сразу набрал высокую скорость и стал одного за другим обводить противников, многие буквально ахнули. Всеволод с лёгкостью перекидывал клюшку из руки в руку, прикрывал мяч корпусом, и защитники не могли справиться с ним. Играющий тренер ЦДКА Павел Коротков, на собственной шкуре испытывавший неудержимость бобровского дриблинга, был изумлён, и уже самая первая тренировочная игра бесповоротно решила вопрос о том, что новичок Бобров должен выступать за основной состав».

Хоккей с мячом (применительно к той поре уместнее называть его просто хоккеем, поскольку о заморском конкуренте и речи не было) был очень популярен. За схожесть строя игры — одинаковые размеры поля, число игроков — 11, во многом такие же правила, тактические принципы, деление игроков по амплу — его совсем не случайно именовали «зимним футболом».

Тем не менее русский хоккей пребывал в положении пасынка. Если в футболе в предвоенные годы уже проводились двухкруговые чемпионаты страны с разъездами, то в хоккее в «бобровские» годы главным соревнованием был розыгрыш Кубка страны. Кубковая система (проигравший выбывает) предусматривала подключение сильнейших команд начиная с 1/8 финала, а это означало, что даже финалисты проводили в этом скоротечном турнире всего четыре матча. К тому же часть из них игралась на полях соперников — в других городах.

Где же болельщики могли наблюдать за игрой своих любимцев? Календарь зимних сезонов заполнялся встречами в чемпионате и розыгрыше Кубка Москвы. В те времена «команды мастеров» (так многие годы именовались звёзды всесоюзных турниров) регулярно участвовали в городских соревнованиях.

Ведущими командами являлись столичные «Динамо», ЦДКА, «Крылья Советов» и ленинградское «Динамо». В московском «Динамо» блистали Михаил Якушин, Василий Трофимов, Всеволод Блинков, Сергей Соловьёв, Николай Медведев. В «Крыльях Советов» выделялись Владимир Егоров, Иван Новиков и Зденек Зигмунд. В ленинградском «Динамо» на первых ролях были Валентин и Виктор Фёдоровы, Анатолий Викторов. Из армейцев преуспевали в «зимнем футболе» Александр Виноградов, Евгений Бабич, Владимир Никаноров.

Но самой яркой звездой двух сезонов — ещё военного 1945-го и первого послевоенного — стал Всеволод Бобров. Вот каким он запомнился популярному телекомментатору Николаю Озерову: «Такое надо было видеть. На сумасшедшей скорости рейд с мячом от ворот до ворот, в течение которого никто не мог остановить его. Помню смех на трибунах

— это был уникальный, поистине цирковой номер, когда игроки, казалось, отскакивали от мчавшейся ракеты».

Партнёр Боброва по ЦДКА Валентин Николаев высказался так: «Я считаю, что лучше Боброва в русском хоккее не было никого. Мы вместе играли: я — на правом краю, он — на левом. Против него никто не мог играть. Бил одинаково с обеих рук, катался прекрасно».

Третьего сезона русского хоккея у Всеволода Боброва не получилось. Помешала травма. А в дальнейшем команда ЦДКА переключилась на хоккей с шайбой. Свою песню на ледовых просторах Бобров не допел...

Это сказано отнюдь не ради красного словца. Много лет не играя на серьёзном уровне в хоккей с мячом, Бобров появился на ледовом поле под свет прожекторов в матче ветеранов «Динамо» и ЦСКА 19 января 1960 года. Армейцы выиграли со счётом 9:3, и шесть мячей в ворота соперников забил Всеволод Бобров. Очевидцы только разводили руками — игра Боброва в русском хоккее не потускнела...

На ледовом поле Всеволоду немало доставалось от соперников. Анатолий Салуцкий писал: «В 1945-м, когда армейцы в полуфинале Кубка СССР встречались с командой “Крылья Советов” и Бобров подряд обводил двух, трёх, а то и четырёх соперников, защитники “Крылышек” психологически этого не выдержали. Сперва Всеволода начали бить клюшками по лодыжкам, по голени. Но он перепрыгивал через клюшки и снова неудержимо рвался к воротам. Тогда защитники стали бить его по коленям.

Играющий тренер Павел Коротков испугался, что Бобров получит травму и не сможет выступать в предстоящем финальном матче, где он был нужен

позарез. И поскольку уже в первом тайме игра была сделана, Коротков решил поберечь Всеволода: в перерыве заменил его, снял с матча.

Какой после этого поднялся скандал! Дело дошло до политуправления, в команду приезжали разбираться генералы. Однако нравы спортивной среды того времени были такими, что тот инцидент отнюдь не испортил отношений между Бобровым и Коротковым, впоследствии они любили во время тренировочных сборов селиться в одном гостиничном номере».

Всем хорош красочный рассказ Салуцкого, вот только тот матч армейцам удалось выиграть со счётом 1:0 в дополнительное время. Гол, решивший его исход, забил Анатолий Гусев. О замене Боброва газеты даже не упомянули...

Новая команда Всеволода выиграла у бывшей в финале Кубка СССР 1945 года — 2:1.

В своей книге Бобров отмечал: «Лётчики играли очень напористо, и нам приходилось несладко. Правда, на 3-й минуте превосходно игравший Евгений Бабич забил гол, но этот результат долго не изменялся. А через полчаса соперники сравняли счёт. Продолжаем наступать — ничего не получается. Чувствую, что тайм подходит к концу. И тут я решил вспомнить детство: рванул вперёд, обвёл одного защитника, второго, выманил из ворот вратаря и послал мяч в сетку...»

Вскоре эти же соперники встретились в финале Кубка Москвы. И вновь победу одержал ЦДКА — 3:0. В тот день героем матча стал забивший два гола Валентин Николаев — будущий постоянный партнёр Всеволода в футболе.

До этого — в полуфинале городского Кубка — хоккеисты ЦДКА в упорнейшем противостоянии одержали верх над «Динамо». Для этого потребовалось три матча. Два завершились вничью (с дополнительным временем!) и лишь третий поединок принёс победу

армейцам — 2:0. Голы забили Анатолий Тарасов и Всеволод Бобров. Играющий тренер соперников Михаил Якушин прокомментировал впоследствии неудачу своей команды так: «Сказалось, видимо, то, что армейская команда была моложе, к тому же в этих матчах блестяще сыграл Всеволод Бобров».

Похожая картина наблюдалась и в следующем сезоне. На сей раз ЦДКА и «Динамо» встретились в финале Кубка Москвы. Два дня подряд соперники тщетно пытались взять ворота. За 240 минут игрового времени ни одного гола! Естественно, нервы у хоккеистов стали сдавать. Были удалены с поля и дисквалифицированы до конца сезона лидеры команд Михаил Якушин и Всеволод Бобров. В протоколе было указано, что Бобров удалён за удар соперника клюшкой по ногам, а Якушин — за грубую игру. И спустя годы Михаил Иосифович вспоминал тот случай с досадой: «Я отмахнулся клюшкой от буквально приклеившегося ко мне Виноградова. Вины с себя не снимаю, но скажу в оправдание, что армеец постоянно цеплял клюшкой за коньки, хватал руками за куртку, исподтишка толкал руками».

В третьем матче, который команды проводили без лидеров, победу ЦДКА принёс точный удар Анатолия Тарасова — 1:0. Произошло это на 83-й минуте. Голевая засуха продолжалась в общей сложности 323 минуты! Случай уникальный для хоккея с мячом.

Анатолий Салуцкий писал: «Товарищи по команде сами сразу же выдвинули Боброва на острие атаки, поручив ему дежурить в середине поля, — это создавало сильнейшую угрозу для противника. До Боброва армейцы применяли футбольную тактику, созданную “русачами” из московского “Динамо” — сильнейшей команды того времени в русском хоккее. Эту тактику можно было бы перевести на цифровой язык такой формулой: 1-2-3-5.

Но Всеволоду тесно было играть при пяти форвардах, и было решено Анатолия Тарасова из нападения перевести в полузащиту, трансформировав схему расстановки игроков, которая приобрела такой вид: 1-3-3-4. Иными словами, как и в футболе, появление в линии атаки такого сильнейшего форварда, как Бобров, подтолкнуло тренерскую мысль к поискам в том направлении, которое впоследствии привело к созданию так называемой “бразильской системы”».

Всё верно, но с одной оговоркой. Тренерская мысль отечественных специалистов сработала быстрее, чем бразильских. Об этом читателям предстоит узнать дальше.

Михаил Якушин в книге «Вечная тайна футбола» писал об игре Боброва так: «В ЦДКА сразу заметной фигурой стал Всеволод Бобров, который был яркой индивидуальностью и в хоккее с мячом. Он хорошо бежал на коньках, много маневрировал, владел своеобразной обводкой. Ключку Бобров держал в левой руке, что было для соперников непривычным, и он умело пользовался этим».

Если Якушин был мастером не только футбола, но и хоккея с мячом, одним из лучших игроков за всю историю этой игры, то Никита Симонян — центрфорвард московского «Спартака» и сборной СССР — был знаменит только в футболе.

В книге «Футбол — только ли игра?» он поделился своими впечатлениями болельщика: «В январе 1946 года, приехав в Москву, я впервые лицезрел знаменитость в деле. Как известно, раньше почти все футболисты играли зимой в хоккей. Хоккея с шайбой у нас ещё не было — играли в хоккей с мячом. И, увидев Боброва на ледяном поле (а не заметить, не выделить его было просто нельзя, даже если б трибуны

безмолвствовали и не кричали все вокруг: “Сева! Сева!”), был потрясён: соперники никак не могли к нему приспособиться — он одинаково владел и правой и левой рукой. Только подстроится соперник справа, а Бобров уже перевёл мяч на другую сторону».

Но не все отклики были столь восторженными. Литератор Александр Нилин при подготовке книги о блистательном динамовце Василии Трофимове — футболисте и хоккеисте — сделал собственные выводы: «В русском хоккее он выделялся великолепным владением клюшкой, остроумием мгновенных решений (прыгал, например, на коньках, перепрыгивал через клюшки озадаченных защитников). Но игроком особо широкого плана в русском хоккее Бобров, однако, не был. Выдающийся левый крайний, но и только левый крайний. Трофимов же играл по всему полю...»

Весьма показательна и ещё одна сентенция Нилина: «В составе ЦДКА появился и Анатолий Тарасов. С точки зрения Трофимова, всегда придирчиво относящегося к скоростным качествам игрока, Тарасов был тихоходом. Но в понимании игры ему, как легко догадаться, зная о дальнейшей его судьбе, отказать было трудно».

«В ту пору начали играть и в хоккей с шайбой, — вспоминал Никита Симонян. — В Москву приехала чехословацкая команда ЛТЦ. И снова всех поразил Бобров. Он так управлялся с новой для него хоккейной клюшкой и шайбой, словно этому предшествовало несколько лет подготовки».

К встречам с ЛТЦ мы вскоре обратимся, но прежде расскажем о других событиях, не менее важных...

ЗА СЕЗОН ОТ СУХУМИ ДО ЛОНДОНА

Как мы уже говорили, в описании приезда Всеволода Боброва в Москву в августе 1944-го у авторов книг имелись отдельные нестыковки. В изложении самого Боброва фигурировал некий тренер ЦДКА, который отправил его в команду авиаучилища. В ту пору ещё не было дублирующих составов (их стали формировать в 1945 году, а разыгрывать своё первенство они начали в 1946-м), поэтому официального помощника — второго тренера — у Бориса Андреевича Аркадьева не имелось. Кто был тот загадочный тренер, нам уже не узнать. Да и важно ли это?

Точно известно, что это был не Аркадьев. Борис Андреевич впервые увидел Боброва в игре в том самом матче армейских «русачей», о которой рассказывалось ранее.

Анатолию Салуцкому довелось держать в руках письменное подтверждение самого Аркадьева: «Борис Андреевич сообщает об этом в отрывках своих неизданных записок. Написанные от руки, крупным круглым почерком, на листах в клеточку, вырванных из тетради большого формата, эти беглые заметки позволяют пролить истинный свет на историю футбольного дебюта Всеволода Боброва.

Борис Андреевич пишет: “Я пришёл на первую тренировку хоккейной команды посмотреть на новичка, и то, что я увидел, поразило меня. Прежде всего я увидел, что новичок, попав в общество чемпионов страны, не чувствовал себя экзаменуемым и

держался уверенно и спокойно и в раздевалке и на льду. Я сразу всё понял: это был настоящий, волей божьей талант и мастер индивидуальной игры. 'Проходимость' Боброва при помощи скоростной обводки сквозь оборону противника была буквально потрясающей... А после разыгранного Приза открытия хоккейного сезона все заговорили о появлении новой хоккейной 'звезды' небывалой величины"».

Аркадьев, к великому сожалению, не оставил мемуаров. Называл он себя «тугопис», как отмечал один из лучших футбольных обозревателей Лев Филатов, которому на посту главного редактора еженедельника «Футбол-хоккей» многократно доводилось редактировать статьи Аркадьева. Выступая по различным аспектам футбола, Борис Андреевич заинтересованно вступал в полемику с другими специалистами. А вот на книгу воспоминаний так и не сподобился...

Хотя попытки предпринимал. По всей вероятности, Салуцкому случилось держать в руках страницы не доведённой до конца рукописи, о которой в разговоре с Аркадьевым упоминает в книге «Московский футбол» Константин Есенин:

«— Пишете книгу?

— Да, вместе с братом Виталием пишем книгу о двух "Ф".

Аркадьев улыбается, увидев недоумение на лице собеседника.

— "футбол — фехтование", — говорит он. — Название это ещё условно...»

Если Борис Андреевич стал заслуженным тренером СССР по футболу, то его брат-близнец Виталий Андреевич — по фехтованию. Да и «футбольному» Аркадьеву этот вид спорта был не чужд, равно как «фехтовальному» — футбол.

Салуцкий продолжал: «Павел Михайлович Коротков, играющий тренер команды тех лет, а также многие другие люди, которые в годы войны были непосредственно связаны с Всеволодом Бобровым, так объясняют его появление в составе армейских футболистов.

В то время большинство игроков совмещали футбол с хоккеем. И когда в марте 1945 года завершился очередной хоккейный сезон, команде ЦДКА предстояло выехать на футбольный сбор в Сухуми.

Всю зиму армейцы жили в гостинице Центрального дома Красной Армии на площади Коммуны, лишь у Григория Ивановича Федотова была небольшая комнатка в коммунальной квартире близ станции метро “Автозаводская”. Но поскольку вся команда, сменившая коньки на бутсы, уезжала на сборы, то новичку-хоккеисту Боброву пришлось бы на сорок дней остаться в гостинице ЦДКА без товарищей.

По чисто финансовым соображениям это было невыгодно. Вдобавок у руководства клуба был и другой резон взять Боброва на юг: в команде не хватало игроков для двусторонних тренировочных игр и даже “футбольный статист” мог пригодиться. Поэтому, как считает Коротков, Борис Андреевич Аркадьев внял просьбе начальника команды и разрешил командировать новичка в Сухуми...

Однако существовала ещё одна, неведомая даже Короткову, но самая главная причина, которая привела Всеволода Боброва на сухумские сборы 1945 года, сыгравшие особую роль в его футбольной судьбе. Об этой главной причине много лет спустя рассказал бывший тренер ЦДКА Борис Андреевич Аркадьев. Оказывается, соглашаясь с просьбой начальника команды, он умолчал о том, что независимо от всех привходящих обстоятельств, по принципиальным тренерским соображениям уже принял решение

обязательно взять хоккеиста Боброва на футбольные сборы...

Опытному тренеру, великолепному знатоку спорта Борису Андреевичу Аркадьеву сразу стало ясно, что перед ним особый спортивный талант. Поэтому решение привлечь Всеволода Боброва к футболу созрело в нём ещё зимой. Просьба начальника команды, мотивированная чисто “техническими”, административными соображениями, просто-напросто опередила события.

Команда ЦДКА прибыла в Сухуми в последней декаде марта 1945 года. Несколько дней ушло на акклиматизацию, на усиленные занятия по физподготовке. Затем начались тренировки с мячом. И наконец третьего апреля состоялась первая двусторонняя игра. Эту игру Бобров провёл с блеском, забив два мяча.

Борис Андреевич Аркадьев понял, что не ошибся в своих предположениях.

Так, третьего апреля 1945 года, началось стремительное восхождение Всеволода Боброва, уже осенью того же года приведшее его на стадионы Англии. Эта скрупулёзная точность в, казалось бы, малозначащей дате продиктована отнюдь не стремлением в деталях увековечить биографию Всеволода Боброва. Именно в тот же самый день, в день первого футбольного триумфа Боброва, далеко, очень далеко от черноморского Сухуми, на побережье Балтики, произошло ещё одно событие...»

Назвав удачную игру Боброва в «двусторонке» триумфом, Салуцкий, конечно, преувеличил. Триумф был впереди. А на побережье Балтики, в Померании, тогда же подорвался на mine автомобиль, в котором ехал старший брат Всеволода Владимир Бобров.

Вновь послушаем Бориса Аркадьева: «Помню, в первых тренировках он выглядел рядом с Федотовым,

Николаевым, Грининым и Дёминым просто новичком. Я подходил к Боброву и говорил: “Вот посмотрите, Сева, как выполняет приём Федотов. Делайте так же, как он”. И через каких-нибудь несколько тренировок Бобров выполнял приём не хуже самого Федотова!..

В общем, новичок через два-три месяца тренировок представлял собою уже настоящего мастера, ничем не уступавшего своим знаменитым партнёрам. А к концу сезона во многих вещах Бобров даже превосходил напарников — такая была у него двигательная восприимчивость».

Представляет интерес и высказывание Григория Федотова в его книге «Записки футболиста»: «Пришли в команду и новые, молодые игроки. Одним из них был Всеволод Бобров. Рослый, разносторонне развитый, он пришёл в наш футбольный коллектив с небольшим футбольным и хоккейным стажем. Мы все помогали молодому футболисту отточить технику. Поработали с ним над овладением стремительным рывком с мячом, умением делать всегда убедительными обманные движения — качеством столь важным в единоборстве нападающего с защитой».

Во время сухумского сбора армейцы провели несколько товарищеских матчей. Наиболее важным из них был с командой ДКА (Дом Красной армии) Закавказского фронта. Эта команда стала хорошим, выражаясь современным языком, спарринг-партнёром. О силе соперника говорит то, что в чемпионате страны 1945 года команда ДКА (Тбилиси) заняла четвёртое место во второй группе (тождественно первой лиге), лишь на очко отстав от команды ВВС.

Тот матч состоялся в Тбилиси 15 апреля. Газета Закавказского фронта «Боец РККА» сообщала, что счёт открыл на 22-й минуте младший лейтенант Бобров, подправивший мяч, посланный со штрафного Алексеем

Грининым. Второй гол забил сам Гринин, третий — Щербатенко. А окончательный итог — 3:1.

Вновь обратимся к книге Анатолия Салуцкого: «В 1945 году футболисты Центрального дома Красной Армии имени М. В. Фрунзе продолжали жить в гостинице ЦДКА. Эта традиция установилась ещё в военные годы, когда армейским спортсменам вменили в обязанность охрану большого комплекса зданий на площади Коммуны. У каждого из них был свой пост, а Владимира Никанорова назначили комендантом.

Правда, поначалу футболистов разместили непосредственно в Доме, их солдатские койки были расставлены в помещениях, где прежде находились библиотека и читальня. Если вечерние часы выдавались свободными от дежурств, спортсмены неизменно отправлялись на концерты, проходившие в ЦДКА. Билеты покупать не приходилось: из “спален” через фойе второго этажа можно было выйти прямо на балкон главного зрительного зала Центрального дома Красной Армии.

Позднее футболистов перевели в гостиницу ЦДКА и почти всех поселили в одной большой комнате, где старшиной сразу же стал Анатолий Тарасов, бдительно следивший за порядком. Чем успешнее шли сражения на фронтах, тем быстрее начинал набирать силу московский футбол, и следствием этого явилось постоянное “улучшение жилищных условий” армейских футболистов: из перенаселённого общежития их постепенно переводили в номера на двух-трёх человек. Всеволода Боброва поместили сперва на седьмом этаже в комнате № 714 вместе с Владимиром Дёминым. Но позднее, после триумфального выступления на футбольных полях Великобритании, Всеволода перевели в “люкс” четвёртого этажа, где он по распоряжению гостиничной администрации жил один.

Однако на самом деле вместе с Бобровым постоянно жил его брат Борис, приехавший из Омска...

Тренировались армейцы в Сокольниках, куда ездили с улицы Дурова (бывшей Божедомки) на трамвае. Весь футбольный реквизит обычно хранили в гостинице, поэтому гигантскую “авоську”, набитую тренировочными мячами, приходилось чуть ли не каждый день возить через весь город.

После возвращения с сухумских сборов сетку с мячами, которую раньше таскал запасной игрок Владимир Шлычков, перепоручили новичку. Москвичи, ездившие в ту пору по маршруту с площади Коммуны в Сокольники, могли дважды в день видеть высокого парня в кепочке, с торчащим из-под козырька чубчиком, в тенниске, который занимал целую площадку старенького московского трамвая, усаживаясь на упругие мячи, словно насадка.

Однако возить “авоську” с футбольными мячами Боброву пришлось очень недолго: уже через три недели Всеволод заработал право ездить налегке...

Как только Всеволод Бобров вошёл в основной состав, само собой получилось, что он перестал возить с улицы Дурова в Сокольники сетку с тренировочными мячами. В футбольном, да и вообще в спортивном коллективе авторитет каждого игрока очень сильно зависит от его мастерства. Поэтому армейцы сразу изменили своё отношение к дебютанту, сменив снисходительно-доброжелательный тон на серьёзный и уважительный. За три недели Бобров из новичка превратился в полноправного члена знаменитого футбольного армейского коллектива».

О начале своих выступлений за футбольную команду ЦДКА Всеволод Бобров вспоминал: «19 мая мы встречались в календарном матче первенства страны с московским “Локомотивом” на стадионе в Черкизове... На 4-й минуте Дёмин получил мяч. Его внимательно

сторожил Петров. Володя имитирует движение влево и вдруг резким рывком уходит вправо. Петров не успевает, разворачивается очень медленно, это даёт игроку в красной майке возможность оторваться и нанести неотразимый удар. 1:0...

Гол, забитый Дёминым, долгое время оставался единственным. Игра стала ровней, даже с некоторым преимуществом железнодорожников. Только перед самым свистком на перерыв наши сделали рывок, и Федотов, стоя вполоборота к воротам, эффектным ударом удвоил счёт.

После отдыха армейцы продолжали наступать. Ещё два гола забили Гринин и Федотов. Я увлёкся, наблюдая за их игрой, и вдруг услышал рядом до обидного спокойный голос Аркадьева:

— Ну-ка попрыгайте, Бобров. Сейчас замените Щербатенко.

Я почувствовал, как к сердцу пробирается холодок. Разные мысли полезли в голову: а вдруг, случись, выйду — и всё развалится, не дай бог начнут смеяться на трибунах. Мне очень захотелось сказать Борису Андреевичу:

— Давайте я лучше в другой раз?!

Вероятно, угадав моё состояние, он взял меня под руку и, ведя к бровке, говорил:

— Игра сделана. О результате не думайте. Играйте проще, больше выходите на свободное место...

И вот я на поле. Почти сразу же получаю пас от Федотова, затем две прекрасные передачи делает Валентин Николаев, всё время играет со мной Дёмин...

Нетрудно было понять, что, поведя игру на меня, товарищи тем самым хотели приободрить, дать мне почувствовать себя равноправным членом коллектива. Ведя ответственный и, несмотря на счёт, трудный матч, они все вместе и каждый в отдельности искали возможность поддержать новичка. Случалось, я делал

ошибки, может быть даже непростительные, но они “не замечали” их в тот раз. И эта забота, это искреннее доверие более всего помогли мне быстро найти себя».

Всеволод верно истолковал «ходы» партнёров, стремившихся поделить с ним мячом в выгодных для себя ситуациях.

Жена Григория Федотова Валентина Ивановна вспоминала: «А дебют Севы Боброва? Его же тогда никто не знал, и вот Аркадьев ставит новичка на игру. Момент у ворот соперника — Федотов выходит один на один, должен забивать и вдруг отдаёт пас Боброву. Гол. Гриша дарит ему свой гол. После игры выговариваю ему, а в ответ слышу: “Да, я был в лучшем положении, но пойми, ведь надо было его поддержать, чтобы игроком себя почувствовал”».

Примечательно, что Бобров ни словом не обмолвился о собственных достижениях в той игре. А между тем выход дебютанта армейцев произвёл фурор. Не сохранились, к сожалению, протокольные данные того матча, поэтому в воспоминаниях очевидцев разнится количество минут, проведённых Всеволодом на поле: от двадцати до семи. Точно, однако, известно одно — за то небольшое время новичок сумел дважды отправить мяч в сетку ворот «Локомотива» (один из голов он забил головой), да и пятый в матче гол Николаев забил после удачных действий Боброва. ЦДКА одержал крупную победу — 7:1.

Первым предоставим слово «пострадавшему» — игроку «Локомотива» Николаю Эпштейну, который отвечал за опеку Боброва. Тому самому Николаю Семёновичу Эпштейну — будущему заслуженному тренеру СССР по хоккею, легендарному наставнику воскресенского «Химика», извечному оппоненту Анатолия Тарасова.

Эпштейн вспоминал: «Армейская команда — замечательная. Гриша Федотов, красавец. Выдающийся

форвард. А с ним рядом Гринин, Дёмин, Николаев. Я хавбека играл и держал Петю Щербатенко. Хороший игрок, парень замечательный, красивый. И тренером он стал впоследствии отличным.

И вот где-то минут за двадцать до конца матча Аркадьев меняет Петра. Выходит на замену парень, фамилию называют — Бобров. Ну, парень как парень, ничего такого особенного в нём нет. Курносый, вихрастый. Мне, стало быть, его надо было держать.

И вот этот парень за двадцать минут “привёз” нам три гола! Что-то непривычное вытворял он тогда на поле. Потом появились статьи: в одних пишут, что Бобров забил “Локомотиву” три мяча, в других — два. Да разве в этом всё дело? Два, три...

Меня журналисты уже позже, через много лет, когда Бобров гением общепризнанным был и играть-то, по-моему, уже перестал, вопросами одолевали: “Николай Семёнович, скажите, что вы чувствовали, когда ‘Бобёр’ стал голы забивать?” И вроде я отвечал, что, мол, после первого гола я подумал: “Ну что ж, бывает”. После второго насторожился, ну а после третьего понял, что в составе ЦДКА появился незаурядный игрок. Не помню, честно говоря, что уж я отвечал. Может, чего и добавили в мои ответы “кудесники пера”.

Зато точно помню, что после игры меня партнёры по “Локомотиву” упрекнули: “Что ж ты, Коля, не смог прикрыть этого молодого?” И абсолютно точно я друзьям своим отвечал: “Прикрыть? Да вы что, охренели? Его ж всей командой не удержать”.

Вот такое ощущение осталось у меня от того первого знакомства с Всеволодом Михайловичем. Ощущение это так на всю жизнь мою навсегда и сохранилось. Прикрыть Боброва. Вот задачка, бином Ньютона. Да у него ж скоростина какая была, как рванёт — только его и видели. Сию минуту вот рядом

был, а уже — у чужих ворот. При этом дриблинг замечательный, обводка потрясающая. И удар хлесткий.

Как его прикроешь? Когда с ним рядом тоже ведь играли не дурачки какие-нибудь. Григорий Иванович Федотов — игровище выдающийся. Валя Николаев поле бороздит взад-вперёд, по краям Гринин с Дёминым снуют. Кого держать, кого прикрывать? И как? Голова кругом идёт.

В тот день родился в нашем футболе, я так считаю, гений игры. Лучший футболист в истории отечественного футбола. И хоккея тоже...»

В своей восторженности Николай Семёнович даже преувеличил вклад Боброва в том матче: 20 минут, три гола. Было меньше — и минут, и голов.

Очевидцем той встречи на стадионе «Сталинец» был известный артист эстрады Евгений Кравинский, который в своих мемуарных записках «Театр и футбол — любовь моя» также не скрывал восторга от увиденного: «Борис Андреевич Аркадьев выпустил на поле, причём тогда тренер и запасные игроки сидели за воротами, подтолкнув в спину, как бы благословляя, нового футболиста.

И вот выбежал на поле с какими-то иксообразными ногами игрок, напоминающий застоявшуюся лошадь. И когда закончился матч и с поля уходила команда легендарного Федотова, весь стадион уже знал фамилию этого обаятельного парня, получившего ласково произносимое прозвище “Бобёр”».

В своей книге Всеволод Бобров далее сделал пропуск в описании событий вплоть до одного из ключевых матчей сезона с московским «Динамо», который состоялся 22 июля 1945 года.

Но на одном из проведённых в этом промежутке матчей нам придётся задержаться. После успеха в поединке с «Локомотивом» армейцы учинили в Киеве разгром местному «Динамо» — 7:0, и вновь два гола

оказались на счету Боброва, уже ставшего игроком стартового состава.

Следом предстоял матч с «Зенитом» в Москве. Прибегнем вновь к услугам Евгения Кравинского — единственного, кстати, кто оставил свидетельства об этой, в общем-то, со всех позиций проходной игре. Со всех, кроме одной...

Кравинский писал: «3 июня 1945 года открылся сезон на Центральном стадионе “Динамо”. Встречались ленинградский “Зенит” и ЦДКА.

Мне не терпелось увидеть Боброва, за короткое время он стал уже лидером армейцев. Уговорил многих приятелей прийти на эту игру. Взахлёб рассказывал им, кто такой этот новичок Бобров, какое все должны получить удовольствие от его игры.

И вот по свистку изящного, подтянутого Николая Латышева команды появляются на поле.

В ленинградском “Зените” выделялась абсолютно лысая голова Бориса Левина-Когана. О нём писатель Борис Ласкин как-то пошутил: “Левин-Коган — дважды еврей Советского Союза”. Но меня интересовала моя команда — ЦДКА. Вглядывался в своих любимцев и, конечно, искал Боброва. Его можно было узнать сразу. Даже с трибуны виделось бобровское симпатичное лицо и курносый нос. Впоследствии его близкие друзья называли Севу не иначе как “Курносый”.

Игра началась, я предвкушал удовольствие, ждущее меня впереди. Но что это? Прошло всего шесть минут, и Латышев выгоняет с поля Боброва. Я не верил своим глазам, неужели больше не увижу его сегодня? А потом — скольких людей я соблазнил пойти именно на Боброва! И “мой” Бобров в своей первой игре на стадионе “Динамо”, при переполненных трибунах, покидает поле. Да простят меня игроки этой команды. Я, конечно, болел за ЦДКА, но всё время мне не хватало именно Боброва.

Победили армейцы со счётом 1:0. Ах, если бы играл Сева, сколько бы он забил, мечтал я, но...

А потом надо мной издевались приятели. “Где же твой Бобров?” — говорили они. А я всё пытался уразуметь, за что его выгнал судья? Наверное, сказал что-нибудь не то, потому как грубости с его стороны не было.

И вот как-то, спустя много лет, я встретил Николая Гавриловича Латышева. Естественно, начали говорить о футболе, пошли воспоминания. И я ему напомнил, как он в сорок пятом, в игре первого круга ЦДКА — “Зенит” выгнал с поля Боброва. Латышев посмотрел на меня каким-то странным, отчуждённым взглядом и сказал весьма категорично: “Я Боброва с поля никогда не удалял”.

Я просто онемел. Уж чего-чего, но память у меня, как у актёра, профессиональная. Я и сейчас всё помню, как будто было это вчера. Но тогда я смутился, мы простились...

Прошло с тех пор много лет, и вот как-то на стадионе поведал я эту далёкую историю. Все слушали меня внимательно. А сидевший рядом солидный Валентин Александрович Николаев сказал, что не помнит, чтобы Боброва удаляли. А он ведь играл рядом с Бобровым?!

Все присутствующие посмотрели на меня как на фантазёра. Но я-то всё равно прекрасно помню ту картину. Конечно, можно пойти в библиотеку, найти “Красный спорт”. Но это уже слишком. Может быть, кто-нибудь, прочтя эти строки, подтвердит мою правоту?!»

Подтвердим правоту Евгения Анатольевича Кравинского в этой книге. И в самом деле, Всеволод Бобров на шестой минуте матча ЦДКА — «Зенит» был удалён с поля. Сообщалось, что «за грубую игру».

Хотя заметим, что Владимир Пахомов, так же как и Кравинский, предполагал, что Латышев отреагировал

на ненормативную лексику Боброва, раздосадованного собственным техническим огрехом, а вовсе не на грубую игру.

За Всеволодом сразу укрепилась репутация корректного игрока. Хотя по молодости лет в горячке случалось всякое. В августе 1945 года он на первых минутах матча с ленинградским «Динамо» нанёс травму Виктору Набутову, после чего вратарь вынужден был три встречи пропустить, а вскоре в поединке с московским «Спартак» Бобров сцепился с авторитетным Василием Соколовым.

В последнем случае «Красный спорт», отметив, что «нападение ЦДКА играло блестяще. Душой атак был молодой Бобров», констатировал: «К сожалению, он испортил впечатление неприкрытой грубостью, умудрившись “на ходу” подраться с Василием Соколовым».

В вышеперечисленных эпизодах Всеволода подводила излишняя эмоциональность, но однажды ему пришлось нарушить правила осознанно.

Этот случай описал в своей книге Анатолий Салуцкий: «Однажды Всеволод Бобров вынужден был постоять за себя в несвойственной ему манере. Это произошло в Тбилиси в матче с местным “Динамо”. Боброва персонально опекал полузащитник Григорий Гагуа, “страстный в борьбе”, как характеризует его футбольный справочник, и грубый, жёсткий игрок, каким знали его все зрители, судьи и футболисты.

Сдержать Боброва ему не удавалось, форвард был, что называется, в ударе и своими финтами всё время обманывал Гагуа. Полузащитник не выдержал и начал грубить. Ударил Боброва по ноге один раз, второй, третий... И, наконец, так сильно хлестанул Всеволода по обеим ногам, что Бобров буквально рухнул на колени и... заплакал. Да, впервые в жизни заплакал на футбольном поле — наверное, не от боли, а от обиды, от

несправедливости: ведь знал же Гагуа, что у него болит нога, знал, что хирургическая операция, которую сделали в Югославии, прошла неудачно! И всё равно так безжалостно!

Судья в очередной раз дал штрафной в пользу армейцев, и матч продолжился. Но вскоре в одном из эпизодов, когда Бобров и Гагуа боролись за навесной мяч, Всеволод совершенно открыто, намеренно, можно сказать, демонстративно, пошёл на полузащитника с прямой ногой... Гагуа свалился. К месту происшествия подбежал судья. Но столь же демонстративно не наказал Боброва, а сердито проворчал в адрес полузащитника: “Ну что, получил? Так тебе и надо! Вставай!”

Хорошо известно, что тбилисские зрители очень эмоционально болеют за свою команду. Но в этот раз они преподнесли показательный урок истинной болельщицкой объективности — освистали именно Гагуа, наградив аплодисментами Боброва.

С тех пор на матчах в Тбилиси — а было их немало — ни один защитник не играл против Всеволода грубо: не из боязни ответных действий, а из уважения к игроку, который в критической ситуации проявил бойцовский характер и сумел ответить на несправедливость, постоять за себя».

Как рассказывал автору книги одноклубник Боброва Владимир Венёвцев, Всеволод не просто пошёл на Гагуа с прямой ногой, а совершенно конкретно нанёс ему удар в промежность, после чего тбилисца вынесли с поля на носилках. Венёвцев подчеркнул, что на футбольном поле Бобров мог постоять за себя (в отличие от Федотова, который не отвечал даже на намеренную грубость), но на хоккейной площадке Всеволод никогда не отмахивался клюшкой, за исключением истории с Сеглиным, о которой мы расскажем на этих страницах.

«Футбольный сезон 1945 года выдался очень интересным и напряжённым, — вспоминал Бобров. — История первенств страны, пожалуй, не знала ещё до этого такой острой, упорной борьбы за лидерство. Две команды — ЦДКА и “Динамо” — десять туров прошли без единого поражения, как говорится, грудь в грудь. И вот, наконец, они сошлись в противостоянии.

Человек долго помнит радости, но ещё дольше — неудачи и печали. Вот почему я говорю сегодня об этом поединке, в котором динамовцы преподнесли нам суровый и горький урок. Они не просто победили, а методически переиграли нас, забив четыре мяча. Мы сумели ответить лишь одним».

Понятно, что Боброву было «не с руки» останавливаться на перипетиях этого поединка. Но он того заслуживает. Три мяча подряд забил форвард динамовцев Сергей Соловьёв. Когда исход матча уже не вызывал сомнений, армейцы получили право пробить 11-метровый. Хомич парировал удар Дёмина, однако судья Щелчков зафиксировал, что вратарь сдвинулся с места до удара. Со второй попытки Дёмин добился успеха. Эффектный гол Бескова установил окончательный счёт — 4:1.

В своей книге Валентин Николаев признал: «Мы не просто проиграли, мы “залетели”, как привыкли выражаться болельщики, говоря о команде, безнадежно и с крупным счётом уступившей сопернику. Динамовцы в тот вечер на зелёном газоне своего стадиона были достойны всяческих похвал, и тысячи болельщиков бурей оваций встретили их успех».

Всеволод Бобров повествовал: «“Почему победили наши соперники? — спрашивал на следующий день Борис Андреевич Аркадьев. И сам же отвечал: — Потому что, во-первых, лучше подготовились к матчу. Они учли всё: игровую неосмотрительность Ивана Кочеткова — и

систематически выводили диагональными передачами ему за спину Бескова. За минуту до конца, получив одну из таких передач, Бесков забил гол.

Они учли медлительность, недостаточное техническое совершенство нашего правого защитника Бориса Афанасьева, и поставили перед Сергеем Соловьёвым, обладающим редким по силе рывком, задачу уходить от своего опекуна, выводя его вперёд длинными, сильными передачами. На 27-й минуте первого тайма и на 4-й минуте второго такие отрывы закончились голами в наши ворота.

Они учли всё — и победили. Ибо в единоборстве равных правильная постановка задач, доскональный учёт слабых и сильных сторон соперников, высокие волевые качества футболистов, как правило, являются определяющими исход схватки”.

Эти слова полностью подтвердили два следующих матча с динамовцами. Встреча второго круга состоялась 22 сентября. Бело-голубые уже завоевали звание чемпионов страны, мы прочно укрепились на втором месте. Но вне зависимости от этого оба коллектива ждали игры с нетерпением.

Во-первых, в то время каждое соревнование между нашими клубами было сугубо принципиальным. Во-вторых, в случае благоприятного исхода динамовцы устанавливали своеобразный рекорд в истории советского футбола — сезон без поражений. О нас и нечего говорить. Жажда реванша не давала покоя. Одним словом, обе команды рвались в бой. И матч, по общему признанию, оказался лучшим в сезоне...

Только начали, и сразу же острейшие ситуации создаются то у одних, то у других ворот. Вот мне удаётся рывком уйти вперёд, отдаю мяч оторвавшемуся от Радикорского Федотову. Впереди — один вратарь. Следует сильнейший удар, и мяч рядом со штангой уходит на свободный. На следующий день во всех

газетах об этом эпизоде было сказано: “Находясь в очень выгодном положении, Федотов метров с пятнадцати пробил мимо ворот. Невероятно, но... факт”. Да, для Григория Федотова такой случай был просто невероятным.

Матч продолжался в очень быстром темпе. Великолепно играют вратари Владимир Никаноров и Алексей Хомич. Вот уже подходит к концу первая половина. Остаются считанные секунды. И в это мгновение многоопытные наши соперники допустили непозволительную ошибку: решив, видимо, во что бы то ни стало открыть счёт, они всей командой ушли вперёд. Последовала наша резкая контратака, Федотов точно передал мне мяч на выход и, приняв пас, я забил гол. Во второй половине Иван Щербаков, заменивший Григория Ивановича, увеличил счёт. Долгожданный реванш состоялся».

После окончания чемпионата наступила страда кубковая. Завершалась она третьим за сезон соперничеством динамовцев и армейцев. В розыгрыше Кубка финалисты провели по пять матчей.

Аксель Вартамян в своей «Летописи» отмечал: «Всё шло как должно: сильные убирали с дороги тех, кто послабее. Рейтинг сработал практически безотказно. Удивил разве что результат, вернее его размер, полуфинальной пары ЦДКА — “Зенит”. 7:0.

Обладатель Кубка-44, шестая команда страны, не имел права проигрывать так крупно кому бы то ни было, да ещё в шаге от финала. Но армейцы имели на “зенитчиков” большой зуб: в 44-м уступили им в финале, в 45-м потеряли очко, фактически лишившее шанса на первенство. Наверняка ждали случая вернуть сполна накопившиеся долги. Случай представился. Экзекуцию совершил Бобров, забивший Леониду Иванову четыре гола».

Это и в самом деле походило на экзекуцию, если учесть их давние дружеские отношения. О том матче Всеволод Бобров в своей книге не упомянул из деликатности, но вспоминал он своего земляка-товарища нередко. Вместе они играли за детскую хоккейную команду завода «Электрик», куда временно в 1936 году перешёл работать Михаил Андреевич Бобров.

Война разлучила друзей. Новая встреча произошла на том самом финальном кубковом матче 1944 года, афиша которого привлекала внимание Всеволода при первых шагах по московской земле.

Бобров вспоминал: «И вот настал долгожданный день. Трибуны московского “Динамо”, показавшегося мне гигантским сооружением по сравнению с нашим ленинградским стадионом, заполнены до отказа. Вот уже выбегают на поле ленинградцы. Фигура человека в воротах кажется мне очень знакомой. Одет он в серый свитер, на голову нахлобучена кепка. Коренастая фигура, уверенные, порывистые движения. Ба, да ведь это наш Лёня Иванов, товарищ детских лет!

Странное чувство испытал я, когда мяч был введён в игру. За кого же болеть? Слева — мои земляки, мой закадычный друг Лёня, ребята из моего города. Да, в тот вечер я болел за них. За посланцев героического Ленинграда. И когда во втором тайме, смело бросившись в атаку, они ответили двумя голами на гол, забитый армейцами до перерыва, я радовался, как мальчишка. И почему-то особенно приятно мне было оттого, что героем этого поединка, этого незабываемого кубкового матча был молодой вратарь зенитовцев.

— Да знаете ли вы, — хотелось мне крикнуть на весь стадион, — что это наш рабочий парень, отличный спортсмен и замечательный товарищ!»

Пройдёт ещё несколько лет, и друзья сыграют в одной команде: за сборную СССР на Олимпиаде-52. В своей книге «В воротах “Зенита”» Леонид Иванов высказывался так: «По всему комплексу футбольных качеств — умению забить мяч в, казалось бы, невероятной ситуации, видению поля, взрывной реакции, искусству рывка и дриблинга — такого игрока, как Всеволод Бобров, в советском футболе я больше не видел.

Несмотря на то, что мы жили с Севой в разных городах, наша дружба, начавшаяся ещё до войны, с каждым годом крепла. Во время коротких встреч мы почти всё свободное время проводили вместе. Сейчас даже не вспомнить, сколько футбольных и прочих проблем мы тогда обсудили с ним. На поле же мы были непримиримыми противниками. Не пропустить гол именно от Боброва для меня было чуть ли не главной целью в каждом матче “Зенит” — ЦДКА. Ему тоже больше хотелось забить гол мне, чем кому бы то ни было другому...»

Добавляет в копилку воспоминаний журналист Анатолий Мурадов: «Я хорошо помню Боброва во встрече ветеранов Москвы и Ленинграда в середине 60-х. Он, как и прежде, был на виду — в центре атаки. Как и прежде, партнёры играли на него. Бобров был в ударе — забил три или четыре мяча в ворота Леонида Иванова. Один гол помню хорошо: стоя на границе штрафной спиной к воротам, Бобров получил мяч, укрыл его корпусом и с разворота пробил в верхний угол ворот... И ещё запомнилось, что Бобров был в хорошем настроении: обычно суровый в игре, здесь он улыбался. После забитых голов успевал переброситься шуточками с вратарём Ивановым, подбадривал его жестами».

Вернёмся к повествованию Боброва: «Спортивная судьба уготовила для нас ещё один матч с динамовцами

в том сезоне. На этот раз мы встречались в финале Кубка СССР. Всего год назад на этом же стадионе я сидел, наблюдая за тем, как вели армейцы решающее сражение за почётный трофей. И вот теперь в их дружной компании я выхожу на поле. Все мы горим желанием добиться того, чего команда не смогла в прошлом году.

14 октября. Динамовцы и мы выходим на поле в самых боевых составах. В первые минуты игра развивается медленно, и вдруг на 9-й минуте взрыв. Василий Трофимов метрах в тридцати от углового флага выбросил мяч из аута Блинкову, тот устремился в штрафную, а затем передал мяч сместившемуся в центр Сергею Соловьёву. Никаноров вышел наперехват, но опоздал на мгновение, и Соловьёв сильнейшим ударом с лета забил гол.

С этого момента и до 40-й минуты инициативой владели воодушевившиеся хозяева поля. Нашей защите пришлось поработать изо всех сил. И она сдержала натиск грозных соперников.

До конца тайма оставалось пять минут. И тут мы бросились на штурм. За тридцать секунд до свистка мне удалось, получив хороший пас, рвануться вперёд. Бью по воротам и в это мгновение вижу: Хомич отлично выбрал место — гола не будет. Но, однако, случилось иначе — сильно посланный мяч задевает бегущего к воротам Валентина Николаева, меняет направление и не влетает, а вкатывается в противоположный от Хомича угол ворот. Как сейчас вижу схватившегося за голову Михаила Семичастного, растерянного вратаря и судью, поднимающего к небу две руки. 1:1.

Итак, два матча. 45-я минута первого тайма оказалась для динамовцев роковой. Это нельзя считать случайностью. Уставшая защита теряла бдительность — вот разгадка этого совпадения. Тот, кто хочет

побеждать, должен отдавать игре, как бы она ни складывалась, всё от первой до последней минуты.

Второй тайм начался острым рывком Карцева. Он буквально влетел с мячом в штрафную площадку, замахнулся для удара, и в этот момент Афанасьев, спасая команду от верного гола, нарушил правила. Одиннадцатиметровый. Я закрыл глаза. Не видел, как подошёл к мячу Леонид Соловьёв. Ничего не видел. Лишь по тяжёлому вздоху трибун понял, что гола нет. Да, сильнейший удар Соловьёва пришёлся в штангу. Отскочивший мяч подхватил Сергей Соловьёв, но его удар пришёлся во вратаря.

Теперь у всех у нас словно прибавилось сил. Темп, и без того казавшийся высоким, ещё больше возрос. Подаём пять угловых подряд. На трибунах — сплошной гул. Идёт 20-я минута. Мяч у Алексея Гринина, переместившегося на левый край. Его неотступно преследует динамовец Станкевич. Рывок нашего нападающего, он всё дальше и дальше уходит к боковой линии, увлекая за собой защитника, и вдруг резко перебрасывает мяч в образовавшийся коридор, куда уже устремился наш полузащитник Виноградов. Удар, бросок Хомича, но достать мяч, посланный в угол ворот, он не смог. 2:1!

К чести динамовцев нужно сказать, что и после этой неудачи они нашли в себе силы бороться за победу. Следует серия острых атак. Вот Николай Дементьев, принимая навесную передачу, сильно бьёт головой — Владимир Никаноров едва успевает перебросить мяч через перекладину. Через две минуты Иван Кочетков броском в ноги прорвавшемуся Трофимову ликвидирует опасность.

Шум на трибунах усиливается, потом вдруг, когда игра идёт в центре, вспыхивают аплодисменты. В чём дело? А, это на беговую дорожку вышел тренер динамовцев Михаил Якушин. Он совершает обход

вокруг поля, давая последние указания своим игрокам. Динамовцы идут на решительный штурм. Мы тоже предпринимаем несколько острых контратак. Два совершенно невообразимых броска совершает Алексей Хомич, один мяч он достаёт из верхнего угла. Счёт не меняется.

Финальный свисток. Кубок наш! И хоть проигрывать всегда больно, а тем более в таком ответственном поединке, — динамовцы первыми бросаются поздравлять нас. Таковы законы советского спорта...

В раздевалке меня встретил отец.

— Ну, новичок, поздравляю, — сказал он, делая шаг навстречу и протягивая руку.

— Он у нас уже не новичок, — неожиданно вмешался в разговор Борис Андреевич. — Он уже такой же мастер, как все. И спрос с него — не как с новичка. Понимаешь, Всеволод, к чему клоню?

— Понимаю, — ответил я и вздохнул.

Отец с Аркадьевым заливисто засмеялись. Засмеялся и я. Ибо трудно быть серьёзным, когда на тебя впервые в жизни свалилось большое спортивное счастье!»

Несколько иначе описывал собственный гол Валентин Николаев: «Я совершенно обдуманно шёл на добивание мяча, который, как это часто бывает, мог быть отбит вратарём в поле. Однако по ходу дела увидел, что Хомич точно угадал направление удара нашего бомбардира, и тогда, подставив ногу, слегка изменил траекторию полёта мяча». Не согласился Валентин Александрович с пассивностью своей роли, не рикошет это был...

Его правоту подтвердил и Григорий Федотов: «Молодой вратарь Алексей Хомич уже взлетел в броске, но подоспевший Валентин Николаев успевает носком чуть подправить стремительный полёт мяча. Хомич лежит в одном углу, мяч — в другом».

Яркую деталь, описывая победный гол армейцев, подметил Аксель Вартанян. Когда Хомич капитулировал, «вихрем вторгся в его владения Бобров. Он всегда после выстрелов однополчан шёл на добивание. Чтобы ни у кого не осталось сомнений, Бобров трижды добивал отскакивающий от туго натянутой сетки мяч».

В том случае это был лишь кураж победителя. Но удавалось Всеволоду таким образом забивать и «настоящие» голы, делал он это нередко.

При том, что чемпионом стало «Динамо», Борис Аркадьев остался доволен результатом: «Мы провели сезон 1945 года, может быть, не так ровно, как динамовцы, но у нас были подлинные взлёты, которыми те не могли похвастаться».

Одним из взлётов стал победный финал Кубка. Его Борис Андреевич охарактеризовал так: «Если ни одна команда не переиграла другую тактически, то армейские футболисты в этом матче проявили больше воли, стойкости и физической выдержки в перипетиях борьбы, чем наши противники».

Тот сезон положил начало принципиальному соперничеству между московским «Динамо» и ЦДКА. Именно эти команды боролись за право называться чемпионом страны на протяжении пяти лет. Пока в линии атаки армейцев играли Григорий Федотов и Всеволод Бобров, а динамовцев возглавлял Михаил Якушин.

Роль тренеров в том противоборстве была чрезвычайно велика. Борис Аркадьев являлся уже опытным тренером. Несколько лет он тренировал московский «Металлург», который сенсационно занял в 1938 году третье место. По его словам, Аркадьев не собирался покидать «Металлург», но сделал это, досадуя, что команда ежегодно теряла лучших игроков.

Именно в «Металлурге» заявили о себе Григорий Федотов, Сергей Капелькин, Константин Бесков.

В 1940 году Борис Андреевич принял находившееся в кризисе московское «Динамо» и за один сезон не только вернул команду в чемпионы, но и перестроил её игру, усовершенствовал взятую на вооружение тактическую схему «дубль-вэ».

Динамовские нападающие демонстрировали ширококоманёвранные действия со сменой мест, что получило название «организованный беспорядок». И основным проводником этого оригинального тактического решения был наделённый диспетчерскими качествами правый инсайд Михаил Якушин.

В книге Леонида Прибыловского «Тренеры большого футбола» приводится характеристика, данная той команде Борисом Аркадьевым: «Динамо́вцы много поработали над тем, чтобы уйти от схематичного “дубль-вэ”, вдохнуть в английское изобретение нашу русскую душу, наш размах, наше пренебрежение к догмам. И это нам удалось, причём в наиболее главном звене — в линии нападения. Игроки в каждом матче сбивали с толку защитников и полузащитников противника, действовали на больших скоростях, обезоруживали внезапностью, точностью, пробивной мощью.

Интересно отметить, что большинство своих мячей левый крайний Сергей Ильин забил, находясь на месте центрального нападающего, правый крайний Михаил Семичастный — с места левого инсайда, а центр нападения Сергей Соловьёв — с краёв».

Вот как это виделось из противоположного лагеря. Григорий Федотов в своей книге писал: «Кажущийся беспорядок был отлично организованным. Казалось порой почти непостижимым, почему мяч, посланный кем-нибудь из динамовцев не на игрока, а просто на свободное место, непременно достигал цели, попадал к

партнёру. И непонятно, каким чувством угадывали игроки путь мяча, появляясь всякий раз в наиболее выгодном месте для его приёма и, главное, свободными от опеки...

Они сами строили благоприятную для себя обстановку, создавая живой, стремительно меняющийся рисунок игры. Главным действующим лицом в атаке оказывался не игрок с мячом, а его партнёры — игроки без мяча...

Индивидуальные качества каждого из них не мешали общей игре, а дополняли друг друга. Видно было, как много поработали тренер и коллектив над тем, чтобы особенности каждого футболиста получили своё наиболее полное выражение, а вместе с тем, и наиболее полезное применение».

Известный в довоенное время футболист, а впоследствии незаурядный тренер Евгений Елисеев годы спустя говорил об Аркадьеве: «Он был рождён тренером... К футболистам он обращался только на “вы”, и, казалось, никакая ошибка игрока не могла вывести Аркадьева из себя и заставить его повысить голос на провинившегося. Но при всём при этом он не допускал в команде анархии и разгильдяйства. Вряд ли кто лучше его мог разобраться в самых сложных хитросплетениях игры. Я затрудняюсь назвать в нашем футболе равнозначную ему фигуру тренера».

Но такая фигура в тренерском цехе появилась, причём очень скоро. Это был Михаил Якушин. Он стал во главе московского «Динамо» в октябре 1944 года. И за год проделал путь от тренера-новичка до наставника команды-чемпиона, с блеском проявившей себя на полях Великобритании.

Борис Андреевич Аркадьев расстался с «Динамо» весной 1944 года. Динамовцы дважды подряд занимали в военных чемпионатах Москвы второе место, у тренера возникли разногласия с руководителями

спортобщества, и Аркадьев предпочёл не доказывать собственную правоту, а сменил клубные цвета, возглавив ЦДКА.

В интервью Константину Есенину для книги «Московский футбол» Борис Аркадьев объяснил это так: «Я много лет был связан с кафедрой физподготовки Академии имени Фрунзе и ушёл в армейский коллектив. В ЦДКА ко мне отнеслись с большим доверием, не мешали экспериментировать, не докучали мелочной опекой».

Сменивший Аркадьева Лев Корчебоков на тренерском посту не преуспел. «Динамо» проиграло матч возобновлённого Кубка страны ленинградскому «Зениту», а четыре поражения подряд (одно из них от ведомого Аркадьевым ЦДКА) на финише чемпионата Москвы довершили дело. Именно тогда бразды правления были вручены капитану команды Михаилу Якушину.

В своей книге Якушин рассказывал: «Особенно близко с творческой лабораторией Аркадьева-педагога я познакомился, когда он был наставником московского “Динамо”, где в то время я играл. Коллектив у нас подобрался отличный — дружный и спаянный. Особенно сильна была команда в сороковом году, когда к нам перешли Сергей Соловьёв и Николай Дементьев. И Борис Андреевич тогда очень много сделал, чтобы придать действиям каждого игрока тактическую стройность в рамках коллективных действий. Как педагог, он не только мог доходчиво изложить сущность задачи, но и убедить, что именно эта задача единственно правильна.

Однако в его трактовке не чувствовалось бесцеремонного единоначалия. Нет, он много советовался с игроками, со мной как с капитаном команды, внимательно выслушивал мнения каждого. Нам нравилось, что Борис Андреевич никогда не терял

самообладания. Даже в самые отчаянные минуты он не повышал голоса, был неизменно вежлив, корректен».

Свои первые впечатления в новой ипостаси тренера Михаил Якушин сформулировал так: «Про московское “Динамо” тех времён, когда я взялся его тренировать, можно было сказать так: есть игроки, но нет команды».

А Борис Аркадьев в упомянутом интервью для книги «Московский футбол» так охарактеризовал армейскую команду тех лет: «Команда ЦДКА была средненькая. Если она и представляла собой что-то, то только потому, что в ней играл Федотов. Несмотря на громкие имена, команда нуждалась в доукомплектовании».

Что же в части тактики принесло нашему футболу соперничество «Динамо» и ЦДКА в сезоне 1945 года?

О том, как решал проблемы Аркадьев, рассказал в своей книге Григорий Федотов: «Борис Андреевич детально критически разобрал защитные действия нашей команды. Доказал на конкретных, всем нам памятных примерах, что мы слишком прямолинейно и примитивно понимали принцип “нападение есть лучшая защита”. Резкой критике подверглась, в частности, игра нашего полузащитника Виноградова, который, увлекаясь нападением, пренебрегал зачастую своими защитными обязанностями. Тренер поставил перед коллективом вопрос о необходимости принципиально пересмотреть наш взгляд на игру защиты. Игроки полузащиты были призваны прежде всего исполнять свои защитные функции.

— Полузащита, — говорил Аркадьев, — должна быть всегда в системе защиты. Но не только полузащитники. При атаке противника в любом случае должно создаваться численное превосходство защиты над нападением. Следовательно, в систему активной обороны в случае необходимости включаются и полусредние нападающие.

Перед полузащитниками была поставлена задача неусыпного надзора за своими подопечными — полусредними нападающими противника».

В армейской команде с появлением Боброва изменилось построение линии нападения. Борису Аркадьеву пришлось поломать голову над тем, как совместить двух центрфорвардов — Федотова и Боброва. Формально Всеволод располагался на позиции левого полусреднего, инсайда. Но игра на этом месте подразумевала отходы в глубину поля, сдерживание противостоящего полузащитника соперников, а иногда и помощь обороне. Это успешно выполнял правый инсайд Валентин Николаев, но никак не Бобров, полностью сосредоточенный на атаке.

Борис Андреевич сориентировался быстро, создав сдвоенный центр атаки. Федотов держался чуть сзади, снабжал партнёра мячами, но по ситуации сам врывался на передовую и делал то, что прекрасно умел, — бил по воротам.

Всеволод Бобров в своей книге вспоминал: «В чём же была сущность применённой нами новинки? Два наиболее быстрых и результативных игрока — эту роль поручили Федотову и мне — располагались в пятёрке нападения впереди и несколько шире друг от друга, нежели обычно. При построении противника 3+2+5 наличие сдвоенного центра ставило в крайне затруднительное положение центрального защитника обороняющейся команды. Он всё время как бы попадал в клещи, устраиваемые ему двумя быстрыми форвардами, всё время был под страхом обхода справа или слева. Должен сказать, что в первое время это “секретное оружие” действовало очень метко».

Поняв, что волею случая ему достался самородок, Борис Андреевич был озабочен тем, как органично соединить новобранца с Федотовым. При этом идея сдвоенного центра родилась у Аркадьева, что

называется, «по ходу пьесы», а вовсе не заранее, что заставило бы его искать напарника Федотову.

Ещё до матча с московским «Спартакoм», в котором армейцы одержали более чем убедительную победу (5:1), Юрий Ваньят писал в «Красном спорте»: «Бесспорно, футболисты ЦДКА играют сейчас в стиле чемпиона. Но львиную долю в этот стиль вносит пятёрка нападения, где все понимают друг друга».

Противостоять грозному тандему соперники были не в состоянии. В десяти турах Федотов с Бобровым забили 20 мячей из 38. Это обстоятельство не могло не насторожить динамовского тренера Михаила Якушина. Конкуренты шли нога в ногу, приближался час встречи. Надо было что-то предпринимать, чтобы решить проблему армейских бомбардиров. И одному защитнику справиться с каждым из них в отдельности было невероятно сложно, а с двумя и вовсе невозможно...

Якушин нашёл решение. В своей книге он писал: «В нашей команде появился помимо Михаила Семичастного ещё один центральный защитник — Леонид Соловьёв. Он, кстати, имел и опыт, и желание играть на этом месте. Теперь зона перед воротами у нас была всегда прикрыта, причём центральные защитники постоянно и надёжно страховали друг друга».

В полузащиту Якушин оттянул работоспособного левого полусреднего Александра Малявкина. А в атаке правый инсайд Василий Карцев составил тандем с центрфорвардом Константином Бесковым. Таким образом, в «Динамо» также сформировался сдвоенный центр.

В цифровом выражении этот вариант выглядел 4+2+4. С его помощью «Динамо» со счётом 4:1 одержало верх в матче, проходившем 22 июля. Он вошёл в золотой фонд команды, но славен не только этим.

Такое же тактическое построение продемонстрировала спустя много лет — на чемпионате мира 1958 года — сборная Бразилии, после чего оно получило название «бразильская система», которую надолго взял на вооружение весь футбольный мир.

Михаил Якушин шагнул тогда дальше Аркадьева. И хотя новая схема игры «Динамо» стала общим достоянием (её с комментариями опубликовал «Красный спорт» 28 августа 1945 года), в постоянную она не превратилась.

Михаил Иосифович объяснял: «Возникает законный вопрос: почему же всё-таки мы затем отошли от этого варианта и вернулись к знакомой всем системе “дубль-вэ”?

Однозначный ответ тут не дашь. Как вообще определяется тактика игры команды? Я всегда исходил, прежде всего, из индивидуальных особенностей и возможностей тех футболистов, которые были в моём распоряжении. Могу поэтому сказать, что тактический вариант 1945 года был разработан мной для определённых игроков московского “Динамо” — с учётом специфических и редких качеств, скажем, Семичастного и Леонида Соловьёва, Карцева и Трофимова, Бескова...

Стоило, однако, кому-либо из них выбыть из строя — то ли по болезни, то ли по другой причине, — как игру приходилось перестраивать. В том же 1945 году в Англии, к примеру, в передней линии атаки у нас находились трое: Карцев, Архангельский, Бобров. Бесков действовал немного сзади, а Сергей Соловьёв выполнял функции Трофимова, но уже на левом краю...

Отсутствие даже одного ключевого исполнителя вынуждало менять тактическое построение, поскольку в те годы, когда все игроки были приучены выполнять конкретные обязанности по системе “дубль-вэ”,

автоматически найти ему подходящую замену не было возможности.

Корю себя за то, что не осознал тогда до конца значения сделанного мной тактического открытия. Да и мои коллеги-тренеры из других клубов не заинтересовались им, не подхватили и не развили интересную идею, посчитав это просто удачным эпизодом в игре московского «Динамо». А жаль...»

К словам Якушина требуются некоторые пояснения. Не погружаясь глубоко в тактические дебри, скажем, что система «дубль-вэ» была принята на вооружение в нашем футболе после визита сборной Басконии в 1937 году. Знаменитое турне басков по Советскому Союзу, в ходе которого наши команды получили предметный урок футбольной тактики, обусловившей преимущество гостей, заставило перестроиться.

До этого нападающие действовали на одной линии: система так и называлась — «пять в линию». При «дубль-вэ» два нападающих, располагавшихся по бокам от центрфорварда, оттянулись в глубину поля, их стали именовать полусредними (инсайдами). На них возлагалась задача установить более тесные связи с полузащитниками. Именно «дубль-вэ» сменила со временем «бразильская система».

Будь настойчивее и последовательнее Якушин и другие наши тренеры, стать первооткрывателями могли бы они...

Говоря о том, что в Англии Сергей Соловьёв выполнял функции Трофимова, Якушин имел в виду особенности игры своего правого крайнего. Василий Трофимов был футболистом широкого диапазона действий, благодаря своей работоспособности он успевал выполнять и оборонительные функции, которые по «штатному расписанию» возлагались на правого инсайда Василия Карцева.

Упомянув в данном контексте Сергея Соловьёва, Якушин дал понять, что тот отработывал за Боброва, который, как и Карцев, редко оттягивался назад. При наличии в составе левого инсайда Александра Малявкина возросла бы ударная мощь Сергея Соловьёва...

Спортивный журналист Лев Филатов, чьё литературное мастерство является маяком для работающих в этом жанре в наши дни, высказался так: «Знаменитое послевоенное семилетнее противостояние ЦДКА и “Динамо” мало того, что подняло футбол в глазах публики, — заставило всех обернуться к тренерам. В то время принялись гадать не только о том, забьют ли Федотов с Бобровым или Соловьёв с Карцевым, а и о том, что секретно задумали мудрый Аркадьев и хитрый Якушин. Оба они тогда сделались невероятно известными, каждое их словечко ловили и передавали. Своей сегодняшней устойчивой популярностью тренерский цех обязан им двоим. Во всяком случае, они положили ей начало».

Мастерством Боброва наслаждались на многих стадионах. Большой знаток футбола профессор Тбилисской консерватории Гулбат Торадзе в своей книге «Футбол на всю жизнь» вспоминал события матча ЦДКА в Тбилиси 15 июля 1945 года: «Гул на трибунах по ходу объявления футболистов всё нарастал, достигал кульминации на Федотове, переходя затем в сплошной рёв при упоминании Боброва, да так, что фамилия игрока под № 11 Дёмина уже не была слышна!..

Когда в ворота тбилисцев был назначен пенальти, все были уверены, что бить будет Федотов или новая “звезда” Бобров (забил Дёмин). Лишь много лет спустя я узнал, что Бобров вообще никогда не бил пенальти.

Во втором тайме блестящая пятёрка нападающих москвичей буквально смяла выдохшихся хозяев поля,

игра шла в одни ворота. Особенно “неистовствовали” Федотов и Бобров, мощным тандемом таранившие защиту. Первый своим коронным ударом с разворота по летящему в метре над землёй мячу забил неотразимо, так, что реактивный вратарь тбилисцев Саная и не шелохнулся. Бобров же продемонстрировал два своих “фирменных” приёма забивания: в стремительном кинжальном прорыве и на опережение в сутолоке у ворот противника — 4:2».

Несколько увлёкся уважаемый музыковед. Бобров отличился один раз, скорее — в «стремительном кинжальном прорыве»!

О том, как выглядел на поле Всеволод Бобров в своём первом в большом футболе сезоне, проникновенно написал Анатолий Салуцкий: «Как играл Бобров в сорок пятом! Ещё не было травм, он был здоров и невероятно быстр. Он упивался игрой, каждый матч был для него праздником. И он не щадил себя, не экономил силы, не стремился распределить их на весь сезон. Его нещадно били по ногам, он падал, но тут же поднимался и снова рвался к воротам противника, никогда не катался по траве, демонстрируя, что ему больно. Никогда Бобров не апеллировал к судьям или зрителям. Он играл яростно и благородно. Он заранее не знал, что будет делать с мячом, не готовился к тому или иному финту, всё у него получалось как-то само собой. Он играл, как дышал, так же естественно и свободно».

В своей книге Бобров вспоминал: «Конец 1945 года мы провели без Григория Федотова: он был очень серьёзно травмирован. В те дни его место занимал я. Товарищи нередко доверяли мне право завершающего удара. А это и предопределило тактику: сильный продольный пас “на выход”, стремительные проходы по флангам и прострел вдоль ворот, игра на отрыв».

В 21 матче Всеволод Бобров забил 25 мячей, став лучшим бомбардиром чемпионата.

В семнадцати матчах он не уходил с поля без гола. В шести забивал по два гола, а во встрече с «Крыльями Советов» сделал «хет-трик» — поразил ворота соперников трижды. Шесть голов было на счету Боброва в кубковых поединках, и столько же он забил в составе московского «Динамо» на полях Великобритании!

«ГРЕНКИ В ГОРОХОВОМ СУПЕ»

Идея организации футбольных встреч с командой из Советского Союза в Великобритании витала в воздухе весь 1945 год. Более того, есть основания полагать, что эта тема обсуждалась и на самом высоком уровне. Во всяком случае, в начале января 1945 года в наших газетах промелькнуло сообщение о закончившихся в Лондоне неких переговорах, где было достигнуто соглашение о проведении в Англии и СССР футбольных встреч между советскими и британскими футболистами. Но время шло, и вскоре возобновившийся чемпионат СССР затмил собой волнующие перспективы.

В книге «Пассовочка» («Passovotchka» — так англичанам слышалась часто раздававшаяся из уст динамовцев безобидная «пасовочка») английского историка и журналиста Дэвида Даунинга, во всех подробностях описавшего визит московского «Динамо» в Великобританию, говорится: «Первое приглашение советской стороне было отослано, вероятно, ещё в апреле. Обсуждалась возможность проведения матча “Лондон” — “Москва” на стадионе “Уэмбли” с перечислением выручки в Фонд помощи России, и жена премьер-министра, находившаяся в Москве по другим делам, в неофициальном порядке помогала продвижению инициативы Футбольной ассоциации».

Жена Уинстона Черчилля Клементина, которая являлась президентом «Фонда Красного Креста помощи России», целых полтора месяца, с апреля и до середины мая, находилась в Советском Союзе. Встретив День Победы в Москве, Клементина выступила по радио с открытым посланием Уинстона Черчилля. За свою деятельность по оказанию помощи нашей стране она

была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Встречалась Клементина и со Сталиным, который подарил ей кольцо с бриллиантом.

Поворотным моментом в предыстории поездки московского «Динамо» стало 13 октября 1945 года. Всерьёз взявшийся за дело генеральный секретарь Футбольной ассоциации Англии Стэнли Роуз (будущий многолетний президент Международной федерации футбола — ФИФА) пригласил советских дипломатов на матч между командами «Челси» и «Вест Хэм», чтобы как-то ускорить решение вопроса. Видимо, уже не надеясь на скорый визит, Роуз в качестве возможной даты встречи назвал первому секретарю посольства СССР Борису Караваеву 26 мая 1946 года, сообщив, что правление стадиона «Уэмбли» готово предоставить стадион бесплатно и собранные средства будут пожертвованы на восстановление Сталинграда.

Караваев предложил конец октября — начало ноября, мотивируя это тем, что потом игроки переходят на хоккей. Какое отношение хоккей имел к названной Роузом дате, сказать трудно. К тому же если Роуз, чтобы поднять статус матча, видел в качестве соперника чемпиона страны московское «Динамо», то советский дипломат выбрал противоположный вектор, предложив «Торпедо» или «кого-нибудь ещё», как он указал в письме в Москву.

В «Пассовочке» в качестве собеседника Роуза называется Ревенко — «он недавно прибыл в Лондон в качестве эmissара советского Министерства спорта». И далее: «После обсуждения идеи с посольским руководством он отправил телеграмму в Москву и уже вскоре известил Роуза, что столичный клуб “Динамо”, выигравший недавно чемпионат страны, вероятно, сможет ответить на предложение о турне».

Павел Митрофанович Ревенко (впоследствии — генерал-майор) являлся армейским спортивным

работником. Можно предположить, что его появление ускорило продвижение инициативы Стэнли Роуза.

Во всяком случае, стала стремительно раскручиваться спираль событий, приведших к отлёту ранним утром 4 ноября в Лондон с аэродрома Внуково самолётов Ли-2 с командой московского «Динамо». Эта спираль включала в себя многочисленные заседания во Всесоюзном спорткомитете, совещание в Кремле, размышления тренерского состава, многочисленные хлопоты чиновников Министерства иностранных дел.

Ровно через месяц после памятного разговора, 13 ноября 1945 года, в 14 часов 30 минут по лондонскому времени Стэнли Роуз вновь занял своё привычное место в ложе стадиона «Стэмфорд Бридж», чтобы стать свидетелем матча, открывшего эру послевоенного международного футбола. А по всем городам и весям нашей страны разнёсся голос Вадима Синявского: «Внимание! Говорит Лондон...»

Правда, услышали голос Синявского в Советском Союзе синхронно с началом игры далеко не все. Предоставим слово Акселю Вартаняну: «Прямую трансляцию матча, организованную Всесоюзным радио, принимали только обладатели ламповых приёмников. Внутренняя московская сеть подключилась во втором тайме. И только тогда в квартиры большинства москвичей и тех, кто стоял на улице, проник через репродукторы голос Синявского. О событиях первого тайма в подробностях они узнали через несколько часов, когда весь матч передали повторно в записи».

Причина была не в технических неполадках. Власти опасались: а вдруг проиграем? Зачем же подробно рассказывать массам о неудаче советских футболистов. А когда выяснилось, что игра идёт на равных, решили порадовать соотечественников...

Чопорные англичане в довоенные годы не сомневались в своём превосходстве на футбольных полях и встречаться с командами континентальной Европы не стремились. Это касалось профессиональных клубов. На любительском уровне англичане были более сговорчивы. Во времена, предшествовавшие поездке «Динамо» на Британские острова, советские и английские футболисты встречались трижды. Так, во всяком случае, подавалось в нашей футбольной историографии.

В 1944 году в столице Ирана Тегеране проводился турнир под названием «Кубок шаха», патронируемый шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви. Полуфинальный матч между командами советского воинского контингента и английского гарнизона завершился победой наших футболистов — 1:0. Победив в финале иранский клуб «Дараи» со счётом 3:1, они стали победителями турнира. Никому тогда не известный вратарь Алексей Хомич заслужил поощрительный отзыв монарха и ободряющую улыбку его молодой красавицы-жены.

В том же 1944 году английское посольство в Москве обратилось в Спорткомитет СССР с предложением провести товарищеский футбольный матч между командами двух стран. Отказывать союзникам было неудобно, и пришлось спортивным чиновникам поломать голову над тем, кого выставить против англичан. Никто не имел тогда представления о том, насколько сильна команда союзников, при этом обсуждалось, что из Лондона будто бы ожидается приезд нескольких профессионалов.

Представлять советский футбол доверили столичным «Крыльям Советов», чей состав укрепили армейцами Валентином Николаевым и Александром Прохоровым. Матч решено было сделать закрытым, не допустить на трибуны стадиона «Динамо»

болельщиков. Лишь для избранных ввели особые пропуска, заполучить которые могли только очень влиятельные люди. Стадион был оцеплен милицией и солдатами НКВД.

Однако на поверку оказалось, что в рядах англичан играли только любители — работники посольства, различных представительств и журналисты. И хотя англичане открыли счёт, соперничества не получилось: к финальному свистку счёт был 19:1 в пользу хозяев...

Третья встреча между советскими и английскими футболистами состоялась 14 октября 1945 года — на сей раз в Вене. Соперником команды английских военных лётчиков стали игроки команды ВВС, возглавляемые играющим тренером Анатолием Тарасовым. Матч завершился победой советских футболистов со счётом 5:1.

Судя по всему, такие результаты несколько поколебали уверенность англичан в своём превосходстве. Во всяком случае, шапкозакидательских настроений перед приездом «Динамо» в газетных комментариях не наблюдалось.

Правда, поражение в кубковом финале едва не поставило под сомнение поездку «Динамо» на Британские острова. Кое-кто из высоких покровителей ЦДКА доказывал, что армейцы более достойны представлять страну.

Самый молодой игрок команды, недавний фронтовик Владимир Савдунин в сборнике «19:9. Взгляд сквозь годы» вспоминал: «Помню, как несколько раз расстроенный Якушин уезжал на какие-то совещания в верхах и доверял проводить тренировки, о которых мы не забывали перед поездкой, своему помощнику Евгению Фокину».

В том же издании приведён комментарий тех событий Михаила Якушина: «Когда меня пригласили на совещание, проводимое в Кремле под

председательством Г. М. Маленкова (помню, на нём присутствовал и Л. П. Берия), я ответственно сказал, что играть мы умеем и должны выступить достойно. При этом не обещал побед, этого в спорте никогда делать не следует, но гарантировал, что мальчиками для битья не будем».

Владимир Савдунин продолжал: «Поддерживать физическую форму нашей команде было непросто. Из-за всяких формальностей, связанных с оформлением документов для выезда в Министерстве иностранных дел, мы не могли уехать далеко от Москвы. Тренировки проводили на своей загородной базе — на стрельбище в Мытищах.

К тому же вмешалась погода: необычайно рано, как раз в ночь перед финалом Кубка, выпал обильный снег. И вот каждое утро вся команда занималась очисткой поля от снега. Работали лопатами полтора-два часа, что само по себе было солидной физической нагрузкой. Кроме того, занимались гимнастикой, часто бегали кроссы, играли в футбол на утрамбованном снегу. Занимались с удовольствием, работали без понуждения. Кроме тех нагрузок, что предлагали нам тренеры, каждый из футболистов сам ещё добавлял час-полтора для индивидуальных занятий с мячом.

Помню и день, когда всё определилось. 24 октября с утра нас известили, что приедут фотографы и будет проводиться общекомандная съёмка для поездки в Великобританию. В результате её появилась та всем известная общая фотография команды, которая часто публикуется в различных изданиях...

На этой фотографии нет Всеволода Боброва. Он был в одиночку срочно направлен в МИД для оформления документов. За четыре дня до отбытия фамилия Боброва в составе “Динамо” ещё не значилась. Бобров был приглашён Якушиным в последний момент из-за неважного самочувствия Малявкина. И опять же

прозорлив оказался наш тренер. Через считанные дни после прилёта в Лондон наш футболист попал в госпиталь из-за обнаруженной желтухи...»

О том, что Бобров фотографировался на выездные документы отдельно, поведал автору книги Эдуард Мудрик. Его семья, как и семьи ещё нескольких динамовских спортсменов, жила в двухэтажном доме на стрельбище. На второй этаж другого дома — жилища футболистов — и забрался по водосточной трубе мучимый любопытством шестилетний тогда Мудрик (будущий защитник «Динамо» и сборной СССР), чтобы хоть одним глазком увидеть происходящее. «Смотрел на Всеволода Боброва с обожанием, и хорошо помню своё разочарование от того, что он оказался не динамовцем, а лишь приглашённым в команду для участия в той знаменитой поездке», — рассказывал Мудрик.

Разочарование ребёнка объяснимо. Но объяснить присутствие в «Динамо» игрока другой команды нужно было и английским журналистам. Подходящую формулировку нашли: в СССР переходы игроков разрешены после окончания сезона, а поскольку он уже закончился, Бобров изъявил желание играть за этот клуб.

Всеволод Бобров был включён в состав «Динамо», когда его команда также активно готовилась к зарубежной поездке. Армейцам в декабре предстоял вояж в Югославию, ведущие клубы которой — «Партизан», «Црвена звезда», «Хайдук» и «Динамо» из Загреба — котировались в Европе уже достаточно высоко.

Вместо Боброва Аркадьев взял в Югославию Александра Севидова из «Крыльев Советов». Были в составе ЦДКА и ещё три футболиста из других клубов. Усиливать команду, выезжавшую за рубеж, было в то

время обычной практикой. Поэтому тренеру предоставлялся карт-бланш. Но иногда такое усиление навязывалось, что нередко приносило вред.

В составе «Динамо» в Лондон отправились 24 игрока. Не много ли, если предстояло провести всего четыре матча, а изначально планировались и вовсе два? Четверо футболистов являлись к тому же приглашёнными. Помимо Боброва это были Евгений Архангельский, Владимир Лемешев и Борис Орешкин из ленинградского «Динамо».

Но Якушин знал что делал. Заранее не были объявлены точные даты намеченных матчей, Михаил Иосифович предполагал, что интервалы между ними могут оказаться значительными. Заполнять же их одними тренировками не годилось. Для проведения двусторонних встреч требовались два полных состава.

Как рассказывал автору книги Владимир Савдунин, резервный состав выглядел не слабее основного. Во всяком случае, ни разу на тренировках не проигрывал. А Валерий Бехтенов не без гордости заявлял, что забил «основе» два мяча, что отмечалось в английской прессе.

Если ветерана Сергея Ильина Якушин взял в Англию, понимая, что тот ни разу не выйдет на поле, то на одного из ведущих форвардов Василия Трофимова он рассчитывал, хотя в предпоследнем матче чемпионата как раз с ленинградскими одноклубниками тот получил болезненную травму колена и в полную силу играть не мог.

Якушин надеялся, что Трофимов сумеет восстановиться, но на всякий случай взял 24-летнего правого крайнего ленинградцев Евгения Архангельского. Привлечение Архангельского себя полностью оправдало. В какой-то мере то же можно сказать и о другом ленинградце — полузащитнике Борисе Орешкине, которому пришлось заменить травмированного Леонида Соловьёва.

Устроители турне получили краткие игровые характеристики на игроков «Динамо». Про Всеволода Боброва говорилось: «Один из самых молодых талантливейших мастеров советского футбола. За один сезон 1945 года завоевал огромную популярность. Обладает молниеносным рывком, исключительно хорошо “видит поле”, то есть быстро оценивает положение и в нужный момент всегда оказывается у мяча. Славится своим разнообразным и неотразимым ударом, который сочетается с изящной техникой игры. Подлинный виртуоз хоккея».

С такой характеристикой можно было покорять любые высоты. И Бобров её подтвердил.

Многое оказалось новым и непривычным для Всеволода ещё до выхода на футбольное поле. Чтобы придать лоск внешнему виду футболистов, их «приодели». Всей делегации была выдана одинаковая верхняя одежда — тёмно-синие драповые пальто и велюровые шляпы. Ботинки жёлтого оттенка на толстой подошве и широкие брюки дополнили этот безвкусный наряд. Одежду им не шили по заказу, а на скорую руку подобрали на каком-то промтоварном складе.

Бобров чувствовал себя весьма неуютно в длинном пальто с короткими рукавами, из которых сантиметров на десять выглядывали рукава пиджака. Шляпы с удовольствием носили Константин Бесков, Леонид Соловьёв, Всеволод Радикорский и не придававший особого значения внешнему виду Алексей Хомич, а Якушин, Сергей Соловьёв и Бобров вскоре надели привычные кепки.

Во время перелёта Всеволод познакомился с радиокомментатором Вадимом Синявским. Синявского уже знали, и не только болельщики, по военным репортажам, но широкая известность пришла к нему после поездки с «Динамо» в Великобританию.

В своей книге Бобров вспоминал:

«— Ну как, Сева, — спрашивает он меня, — первый раз в жизни будешь играть на чужой земле?

— Да, — отвечаю, — и первый раз в жизни лечу на самолёте, и первый раз в жизни вижу вас. Вот какой у меня необычный день...»

Зажатые, сторонящиеся общения не только из-за незнания языка, но и в силу заданных установок, динамовцы сразу же получили от английских репортёров не лучшее определение — «молчаливые люди в синих пальто».

Английская пресса старалась представить гостей в невыгодном свете. Бульварная «Санди тайме» писала: «Это попросту начинающие игроки, они рабочие, любители, которые ездят на игру ночью, используя свободное время».

«Дейли мейл» пошла ещё дальше: «Сегодня у советских динамовцев перерыв для водки и икры. Молчаливые советские футболисты будут петь под дикие, надоедливые звуки балалайки и кричать “ура” или другие слова, выражая свой восторг».

Прибытие «Динамо» стало не только заметным спортивным, но и политическим событием. Оно стало одной из тем на переговорах нового премьер-министра Великобритании Клемента Эттли в Вашингтоне с президентом США Гарри Трумэном.

На матч «Динамо» и «Челси» было продано 74 тысячи билетов. Это был рекорд посещаемости английских стадионов, где проводились встречи клубных команд. А с учётом безбилетников, тесным кольцом окруживших поле, зрителей насчитывалось куда больше.

Бобров отмечал: «Часть зрителей прорвалась к футбольному полю и разместилась плотной живой стеной вдоль боковых и лицевых линий. Безбилетники

устроились на крышах близлежащих домов, даже на электрических столбах и рекламных щитах, привязав себя к ним ремнями».

Непосредственно возле ворот стояли полицейские и корреспонденты. Такое соседство однажды едва не помешало ходу игры. При счёте 0:2 на 37-й минуте за снос Бескова был назначен пенальти. К одиннадцатиметровой отметке подошёл Леонид Соловьёв. Его сильный удар пришёлся в штангу, а отскочивший мяч угодил в голову стоявшего рядом корреспондента...

А начался матч атаками динамовцев, но их удары были неточны. Упустил выгодный момент и Бобров. По возвращении он рассказывал в «Красном спорте»: «В начале игры я вырвался вперёд и остался один на один с вратарём. На наших стадионах зрители в этот момент замирают и уже после удара выражают свои чувства. Здесь же рёв, свист, крики, шум трещоток, одним словом, всё то, что английские газеты называют “вокальным аккомпанементом”, усилилось до такой степени, что я оказался попросту оглушённым и потерял контроль над собой. Я ударил, но мяч пролетел мимо. Потом Хомич рассказывал мне, что он пережил примерно то же самое...»

Тем не менее Хомич стал одним из героев матча, если не главным. В самом конце первого тайма случился эпизод, во многом определивший дальнейший ход встречи. Вот как его увидел Михаил Якушин: «Томми Лаутон, этот выдающийся центрфорвард, не входя в штрафную, нанёс удар необычайной силы в правый от Хомича верхний угол ворот. В тот момент я только и успел подумать: “Всё, верный гол...” Как Хомич в броске отбил мяч, и сейчас объяснить не могу. Вратарей с такой реакцией я не встречал...

Теперь представьте себе, как должна была реагировать на бросок Хомича публика, если даже я,

тренер, стоявший у его ворот, не мог поверить в то, что он парирует удар Лаутона. На трибунах царил какой-то невообразимый восторг. Тут ещё примешалось то, что зрители, уже начавшие симпатизировать нам за хорошую игру, понимали, что если бы счёт стал 3:0, то всё, наверное, было бы кончено. А им так не хотелось этого!.. Мне кажется, что прежде всего за этот бросок Хомич получил в Англии прозвище «Тигр»».

Правда, сам Хомич в книге «Девятнадцать на девять» говорил, что «Тигром» его прозвали в Англии после первой публичной тренировки: «Постараюсь показать, что они не ошиблись. Попробую почувствовать себя в «тигровой шкуре»».

Много позже Алексей Хомич вспоминал: «Прорыв Лаутона на 23-й минуте закончился печально. Я бросился навстречу мелькнувшей бутсе и уловил его удивление: как это кипер решился — ведь тогда носки английских бутс были такие твёрдые, что гвозди можно было заколачивать. Однако я бросился, но Лаутон успел откатить мяч Гудцену — 0:1...

Когда счёт стал 2:2, тот же Лаутон забил мне третий гол, при этом оттолкнув от мяча. Но мы не знали, как английские арбитры толкуют правила: оказывается, разрешалось нападение на вратаря, типа силовых приёмов в хоккее...

Газеты комментировали мою игру с восхищением, а я не мог простить себе второй гол, пропущенный только по моей вине. И тренер был не очень доволен».

Скорее всего, Хомич казнился напрасно. Второй мяч оказался в его воротах после того, как Станкевич, пытаясь разрядить обстановку в штрафной, угодил в ногу Уильямсу, и мяч рикошетом влетел в сетку.

В этом матче Хомич прервал 19 верховых передач (при росте 172 сантиметра!) и 7 передач низом, 12 раз ловил мяч после угловых ударов, 12 раз поймал посланные в ворота мячи, 14 — отбил или поймал в

прыжках в падении. В приведённом выше эпизоде он совершил нечто большее — сохранил надежду...

После перерыва динамовцы сразу же бросились в атаку. В середине тайма Карцев после передачи Бескова хлестким ударом метров с восемнадцати в левый угол ворот сократил разрыв в счёте. 1:2.

В сборнике «Девятнадцать на девять» Василий Карцев высказался так: «Среди всех своих голов самым важным и самым почётным считаю забитый мною на 65-й минуте в ворота “Челси”. Сергей Соловьёв, получив мяч, стремительно прошёл по своему краю и отдал его назад Бескову, вошедшему в штрафную площадь. Бесков, не задерживаясь, передал мяч мне. И вдруг, первый раз за всю игру, я увидел не только мяч, но и ворота. Я ударил. И на мгновение опять перестал видеть ворота. Но зато увидел и услышал грохот и рёв трибун. И я понял — гол!»

Английский журналист Армор Милн описал то, что произошло потом: «В Британии традиционно говорят, что самый сильный вопль, какой когда-либо издавала толпа, это единый крик шотландских болельщиков на стадионе “Хэмпден Парк” в Глазго во время матча сборных Шотландии и Англии. Этот вопль называется “рёв Хэмпдена”. Если я когда-то и слышал “рёв Хэмпдена” вне самого “Хэмпдена”, то это было в тот момент, когда Карцев забил гол в ворота “Челси”. Все 85 000 зрителей как один человек встали и приветствовали русского инсайда».

Через шесть минут счёт сравнялся — 2:2. Константин Бесков вспоминал: «Делаю обманные движения, финт, предпринимаю сильный рывок. Опекающий меня защитник Харрис бежит не так быстро, он отстаёт. Вхожу в штрафную площадь англичан, мне в ноги бросается в затяжном подкате Расселл, пытавшийся разрядить обстановку. К мячу также устремляется поддерживавший атаку

Архангельский и с близкого расстояния успевает протолкнуть мяч в сетку ворот, получив в этом эпизоде удар по ногам от защитника англичан...»

И вновь дадим слово Михаилу Якушину: «После того, как счёт стал равным, игра приняла упорный характер. Чувствовалось, что обе команды полны решимости добиться победы. Болельщики “Челси” вспомнили уже о своей команде и стали скандировать: “Лаутон! Лаутон! Фортин саузенд!” Они напоминали ему о тех 14 тысячах фунтов стерлингов, которые “Челси” заплатил за него “Эвертону” — что, мол, надо бы и отрабатывать их. Тут надо заметить, что Лаутон, как он потом сам рассказывал, не ожидал, что игравший против него центральный защитник Михаил Семичастный не будет ему уступать в его коронном приёме — игре головой. Интересно, что при росте 172 сантиметра Семичастный в воздушных дуэлях переигрывал почти всех...»

И всё-таки именно Лаутону и именно головой удалось в борьбе с Хомичем на 77-й минуте послать мяч в сетку наших ворот.

Семичастный в сборнике «Девятнадцать на девять» подтвердил правоту динамовского голкипера: «Лаутон буквально врывается в Хомича, пытающегося взять мяч. Это была отчасти тактическая ошибка Хомича, ещё не освоившегося с английскими правилами, допускающими резкий прыжок на вратаря».

А на 83-й минуте счёт стал 3:3. Рассказывает Всеволод Бобров: «Вот мяч у Карцева. Он обводит своего опекуна, вытягивает на себя защитника и вдруг сильно посылает мне мяч на выход. Это то, о чём я просил в перерыве. Говорил: “Дайте использовать рывок”. Значит, вспомнил Вася. Центральный защитник оставил Бескова, несётся наперерез. На какую-то долю секунды раньше, чем он падает в ноги, успеваю пробросить мяч себе на ход, и тут же метров с десяти бью в ближний угол. Вижу: Вудли — в воздухе, но мяча

не достаёт. Гол! Кто-то бросился мне на шею. Оглядываюсь: Михаил Семичастный, наш капитан. Мы целуемся, не скрывая своих чувств...»

«Неслыханная для того времени сентиментальность», — справедливо подметил Аксель Вартанян.

Зрители были в восторге от такого зрелища, что отметил и автор «Пассовочки»: «Динамоцам пришлось пережить несколько неприятных мгновений, когда они увидели, что к ним бегут местные болельщики. Но у них были добрые намерения. Нескольких динамовцев подняли на руки и понесли с поля, словно королей, одержавших победу в решающем сражении».

В одном из газетных комментариев эксперт не скрывал восхищения: «Они менялись позициями до такой степени, что левый крайний уходил на правый край и наоборот. Я никогда не видел, чтобы в футбол играли подобным образом. Следить за игроками по их позициям, указанным в программке, было всё равно что решать китайскую головоломку. Они просто переходили с позиции на позицию по желанию, но замечательно в этом то, что никогда не мешали друг другу».

Свои ощущения после матча Всеволод Бобров выразил такими словами: «Ясно было, что мы завоевали сердца футбольной Англии, не уронили чести советского спорта. Сознание этого было таким счастьем, какое трудно себе представить».

Но далось оно большой ценой. Запасной в том матче Владимир Савдунин рассказывал автору книги, что после матча он помогал Василию Карцеву снимать форму — тот так выложился, что и пошевелиться не мог. «Ему единственному англичане вручили специальный памятный знак», — с гордостью произнёс Савдунин.

Комбинационная игра динамовцев в матче с «Челси» и привела Дэвида Даунинга к мысли назвать свою книгу

«Пассовочка». Вот как он это описал: «Динамо́вцы играли не “по книге”. В первые двадцать минут они казались чуть ли не суперменами, быстрым бегом перемещаясь по полю, словно красивая хореографическая танцгруппа, вкручиваясь в свободное пространство и передавая друг другу мяч с такой ловкостью, что их противники выглядели так, словно в башмаки им залили свинец.

Для такой игры у русских имелось специальное название — пассовочка — короткий перепас на скорости, черчение углов и предчувствие, всё на красивом текущем движении.

И когда их противники получали мяч, русские вовсе не показывали леность при отборе или нежелание вступать в силовую борьбу, что было общим ожиданием. Напротив, они сразу шли в цепкий контакт, отбирали мяч и начинали новую удалую и красивую атаку на ворота противника. Где игроки “Челси” спотыкались, они скользили».

Официальный отчёт об игре, переданный английским агентством, был озаглавлен «Эпический матч». Таковым он и был — и в спортивном, и в политическом отношении.

Через четыре дня «Динамо» провело второй матч турне — в главном городе Уэльса Кардиффе. «Кардифф-Сити» выступал лишь в региональном дивизионе, но имел хорошую репутацию, считался самой быстрой командой Великобритании, в его составе было много молодых амбициозных игроков, а отличал этот клуб, как указывалось в «Пассовочке», «удивительный командный дух».

Хозяева нисколько не сомневались в своей победе. Но реальность оказалась иной. Натиск динамовцев быстро принёс результат. На шестой минуте Бесков со штрафного послал мяч в район одиннадцатиметровой

отметки, где Бобров в борьбе с защитником в высоком прыжке головой направил мяч в верхний левый угол.

Описал этот свой гол в книге «Девятнадцать на девять» сам Бобров: «До ворот метров двенадцать-тринадцать. С быстрого разбега взлетаю в высоком прыжке впереди английского защитника и сильным ударом головой посылаю мяч в самый верхний угол, как мы говорим в “девятку”».

Четыре минуты спустя счёт стал 2:0. Участники комбинации те же — Бобров и Бесков, порядок действий — обратный. Бобров, выдержав точно рассчитанную паузу, отдал мяч чуть вправо Бескову, который в борьбе с двумя защитниками точно пробил низом метров с одиннадцати в левый угол мимо выходящего навстречу вратаря.

«Взяв мяч за средней линией поля, — конкретизировал Бобров, — делаю с ним длинный рывок. Тем самым вытягивая на себя центра защиты “Кардиффа”. Он устремляется в погоню за мной и оставляет свою зону. В это образовавшееся “окно” я передаю мяч Бескову...»

«Пассовочка» отметила «великолепный стелющийся по траве пас».

На 25-й минуте Леонид Соловьёв передал мяч Бескову, от него с небольшим рикошетом от защитника мяч принял Архангельский и сильнейшим ударом с правого угла площади ворот отправил в ближний верхний угол. 3:0. Однако оставшееся время первого тайма хозяева, поддерживаемые 45 тысячами зрителей, провели в непрерывных атаках.

Это не могло не насторожить наставника «Динамо». И даже при таком благополучном счёте у Якушина возникли претензии к Боброву. Помнил о них он и спустя много лет: «В первом тайме матча с “Кардиффом” смотрю — Бобров раз позволил себе не побежать за мячом, второй, потом задержался с пасом

Бескову, потом поленился побежать за защитником. Короче, стал проявлять повадки премьера. В перерыве я ему откровенно всё высказал — или ты играешь, как у нас принято, или отдыхай. К его чести, он сразу всё понял и заверил меня, что это было в последний раз. И действительно, больше поводов усомниться в своих действиях не давал. Играл здорово, коллективно, как и все динамовцы».

Сам же Всеволод описывал события так: «Игра, что называется, пошла. И это не случайно. На этот раз у нас отсутствовали скованность и волнение первого матча, была снята нервная обстановка экзамена на зрелость. Всё выходило легко, всё задуманное получалось. И в душе всё больше и больше нарастало чувство, которое не назовёшь иначе, чем вдохновение».

На 55-й минуте Бесков в четвёртый раз поражает ворота соперников. В книге «Девятнадцать на девять» расшифровка такова: «Мяч быстро переходит от Архангельского к Сергею Соловьёву, затем к Карцеву, снова к Архангельскому, наконец, к Бескову, и тот с ходу забивает гол».

Куда изящнее излагает «Пассовочка»: «Мяч через всё поле доставили Сергею Соловьёву, чей мгновенный обратный пас поймал защиту “Кардиффа” в противоход, что позволило дерзкому Бескову пяткой направить мяч в ворота».

Однако футболисты «Кардифф-Сити» прилагали все усилия, чтобы переломить ход матча. Но Хомич неоднократно спасал команду. Капитулировал он лишь однажды (к тому времени «Динамо» вело уже 8:0). На 70-й минуте валлийцам удалось забить свой единственный гол. Мур с правого фланга под острым углом нанёс навесной удар, и мяч, задев руки Хомича и перекладину, оказался в сетке. Но через три минуты наш вратарь вновь проявил себя во всём блеске. За игру рукой был назначен одиннадцатиметровый. Алексей в

красивом броске отбил мяч, направленный в левый от него угол, а затем перевернулся в воздухе и, падая, телом наглухо накрыл мяч, отскочивший от стойки. Стадион заревел от восторга.

На 61-й минуте Архангельский, сыграв в стенку с Карцевым, в одно касание переадресовал его в зону левого крайнего Боброву, который поразил левый верхний угол ворот хозяев — 5:0.

Этот эпизод описал в сборнике «Девятнадцать на девять» Всеволод Бобров: «Следует сильная “перекидная” передача: мяч вдруг резко перелетает влево, в штрафную площадь. Я подоспеваю, останавливаю мяч метрах в тринадцати от ворот и в “стиле Карцева”, переложив мяч с правой ноги на левую, сильно бью подъёмом в верхний левый угол».

Ещё не смолк шум на трибунах, как динамовцы добились нового успеха. Последовала многоходовая комбинация Бобров — Бесков — Карцев — Архангельский, и валлийцы вновь начали с центра.

Именно этот гол произвёл наибольшее впечатление на англичан. Восторженный эксперт назвал его «величайшим образцом футбольного волшебства из увиденного за последние годы».

На 65-й минуте счёт вырос до 7:0. С подачи Карцева, обманным движением оставившего не у дел всю оборону валлийцев, гол с близкого расстояния забил Бесков.

На 69-й минуте Бобров довёл счёт до 8:0. Сделал он это, пользуясь английской трактовкой правил. Пытаясь поймать мяч после подачи Карцева с углового, вратарь Маклафлин едва достал его кончиками пальцев. Бобров подтолкнул держащего мяч голкипера плечом, и тот вместе с добычей оказался за линией ворот. Этот приём Всеволод позаимствовал в матче с «Челси» у Лаутона, который, налетев на Хомича, выбил у него мяч, после чего его тут же доби́ли в сетку.

На этом динамовцы не успокоились. 82-я минута принесла очередной успех. Сергей Соловьёв прошёл по левому краю и с лицевой линии отдал пас назад Боброву. Вратарь замер в нерешительности, затем бросился в ноги форварду, но тот отдал мяч вправо Бескову, который забил его в пустые ворота.

Этот гол в книге «Девятнадцать на девять» Всеволод Бобров описал как забавный эпизод: «Сергей Соловьёв проходит по левому краю и почти с лицевой линии поля даёт пас назад. Я принимаю мяч метрах в четырёх от открытых ворот “Кардиффа”. Вратарь в замешательстве. Он падает на колени, порывается прыгнуть, откидывается и в течение нескольких мгновений делает какие-то странные движения, словно кланяясь мне. Громовой хохот стадиона. Затем вратарь, решившись, бросается мне в ноги, но я успеваю отдать мяч чуть вправо и назад, откуда совершенно свободный Бесков забивает очередной гол».

А завершил разгром на 88-й минуте Архангельский. Для этого Боброву потребовалось пробить трижды. Первый удар отразил вратарь, затем на пути мяча оказался защитник, но третья попытка была удачной — партнёру удалось подправить мяч. 10:1!

Михаил Якушин в своей книге был краток: «Бывает так, что у команды в какой-то день получается буквально всё. Для нас таким матчем стала встреча с “Кардифф-Сити”. После удачной игры с “Челси” ребята испытывали необыкновенный подъём. А тут ещё отличное поле, хорошая погода, доброжелательные зрители... В общем, сыграли здорово».

Никогда дотоле английский профессиональный клуб не проигрывал так крупно соперникам с континента. Комментарии газет были различными: от восторженных до издевательских.

«Дейли мейл», та самая, что сочиняла небылицы про досуг динамовцев с пением под балалайку, свой отчёт о

матче в Кардиффе озаглавила «Ни один английский клуб не смог бы победить “Кардифф” с таким счётом».

«Санди экспресс»: «В матче соревновались лошади чистокровной породы с клячами. Подарить шахтёрские лампочки — хорошая идея. Если бы русские надели их, игроки “Кардиффа” смогли бы заметить, куда они бегут».

Англичане жаждали реванша. Следующим соперником «Динамо» стал самый авторитетный на родине футбола клуб — лондонский «Арсенал». Выбор состоялся по воле хозяев, но учтены были и пожелания советской стороны. В меморандуме, который был сразу же по прибытии вручён англичанам, один из четырнадцати пунктов согласования условий турне содержал просьбу о встрече с «Арсеналом». Однако руководители делегации (К. А. Андрианов и его заместитель Г. М. Рогульский) ориентировались на имя клуба, не зная сложившейся конъюнктуры.

Когда состав «Арсенала», который должен был противостоять «Динамо», опубликовали, с нашей стороны последовал письменный протест, переданный капитаном Михаилом Семичастным в Футбольную ассоциацию. В нём говорилось, что усиленный состав соперников представляет собой один из вариантов сборной английских клубов, а это не предусматривалось.

Подчеркнём, что инициатива протеста исходила не от тренеров, а от руководителей делегации, озабоченных лишь положительными результатами матчей, но не уровнем соперничества. Впрочем, протест не возымел никакого действия.

Спустя много лет Михаил Якушин признавался: «Лично меня все эти заявления, протесты и прочая шумиха только раздражали, хотя и не подавал виду. Считал тогда и продолжаю считать и теперь, что чем

больше мы играем с сильными соперниками, тем это будет полезнее для нас. Всегда обращал внимание на игру, а не на результат. Поэтому всячески приветствовал идею сыграть со сборной Англии. Но надо понять и позицию наших руководителей. Ведь вначале планировались всего две встречи в этой поездке, мы же пошли навстречу организаторам и провели вдвое больше матчей...»

Понятно, что найти сторонников среди тех, кто отвечал за итог турне, Якушин не мог. «На помощь» тренеру пришла принимающая сторона — могли ли англичане после сокрушительного поражения в Кардиффе «отпустить» гостей, не поправив ситуацию?

Дело было в том, что большинство футболистов «Арсенала» во время войны были призваны в армию и оказались рассеянными по всему миру — от Индии до Палестины. Назначенный в этом матче капитаном Бернард Джой позже прокомментировал: «Из 46 профессиональных игроков “Арсенала” 44 служили в армии, причём многие за границей. Мне удалось тогда прилететь из Германии прежде, чем на Западную Европу опустился туман. А наш капитан Эдди Хэпгуд застрял в Брюсселе...»

В результате только пять игроков представляли «Арсенал», остальные являлись приглашёнными. Среди них были правый крайний Стэнли Мэтьюз из «Сток-Сити» (будущий первый обладатель «Золотого мяча» — приза лучшему футболисту Европы), форвард Стэнли Мортенсен из «Блэкпула», таранный центрфорвард Ронни Рук из «Фулхэма».

Матч этот вошёл в историю мирового футбола не только своей значимостью, а ещё и потому, что в день его проведения, 21 ноября, на Лондон опустился густой туман. В Англии такой именуется «гороховым супом», а сам матч получил остроумное название «гренки в

гороховом супе». Представители сторон даже долго совещались о возможности проведения игры.

История с туманом, который якобы не позволял игрокам толком видеть друг друга и ворота, в значительной мере оказалась эмоционально поданной выдумкой в репортаже Вадима Синявского.

В книге «19:9. Взгляд сквозь годы» Михаил Якушин свидетельствовал: «На самом поле туман мало мешал игре. Пожалуй, лишь при высоких навесных передачах мяч действительно исчезал из поля зрения футболистов. В остальных случаях, хотя видимость и была ограниченной, она серьёзно не мешала игре. Как мне разъяснили потом знающие люди, всё зависело от того, где находились следящие за игрой. На трибунах — действительно, болельщики плохо видели мяч и противоположные трибуны из-за плотного тумана, а непосредственные участники матча видели всё достаточно хорошо, и туман не был им помехой.

Дело в том, что в отличие от наших утренних или вечерних туманов, которые представляют собой своего рода “испарину” тёплой влажной земли, лондонский городской смог опускается откуда-то сверху и не всегда плотно садится на футбольное поле. Он как бы зависает на небольшой высоте...»

Вывел команды на поле стадиона «Уайт Харт Лейн» советский арбитр Николай Латышев, тот самый, который в начале сезона удалил с поля Боброва в матче с «Зенитом». Справедливости ради скажем, что со временем Латышев стал одним из лучших в мировом футболе, ему было доверено право судить финал чемпионата мира 1962 года.

«Арсенал» неистово поддерживали 55 тысяч зрителей. Но игра началась для англичан с «холодного душа». Не успела секундная стрелка сделать полный оборот, как счёт стал 1:0 в пользу «Динамо». Сергей Соловьёв обошёл двух защитников, выкатил мяч на ход

Боброву, и тот левой ногой с линии штрафной нанёс точный удар в нижний угол.

Вот как описывал этот гол Бобров по свежим следам в сборнике «Девятнадцать на девять»: «Мчимся вперёд. Мяч попадает к Сергею Соловьёву, следует передача вправо, ко мне. Выхожу на мяч рывком. Навстречу несутся вратарь и защитник. Но я опережаю их: с левой ноги посылаю свой “гостинец” арсенальцам в нижний угол. И в ту же долю секунды меня сшибают с ног. Скулой ударяюсь о коленку Джоя. Искры из глаз...

...Надо мной стоят Всеволод Блинков и судья Николай Латышев. Оказывается, несколько секунд я был в “нокауте”. Но футбол это не пинг-понг. Я поднялся. Походил минуточку-две, держась за скулу, но с первой же передачи мяча забыл даже, за какую скулу следует держаться...»

Несколько иначе это прозвучало у Боброва в его книге: «Мяч у Сергея Соловьёва, я вижу, как он обходит одного защитника, другого и вдруг резко, точно отдаёт пас мне. Мгновенный взгляд вперёд, различаю перед собой стойки ворот и бью. Мяч исчезает в тумане, как самолёт в облаках. Лишь через мгновение вижу: вратарь Гриффитс направляется вглубь ворот. Значит, удар достиг цели. Радостный, бегу к центру поля, пожимаю руку Сергею Соловьёву. Начало хорошее!»

«Мяч исчезает в тумане, как самолёт в облаках» — гипербола от Леонида Горянова.

Пропущенный гол буквально разъярил англичан. Большинство атак на правом фланге начинал Мэтьюз. Он несколько раз финтами и движениями корпуса обыгрывал Станкевича и посылал мяч в центр динамовской штрафной. Но ответный гол на 12-й минуте пришёл с левого фланга. Камнер прострелил вдоль ворот, и Рук с близкого расстояния мощным ударом в левую «девятку» сравнял счёт. 1:1.

На 20-й минуте Леонид Соловьёв, блокируя в подкате удар Мортенсена, получил перелом костей щиколотки, после чего уступил место на поле Орешкину.

В середине тайма вратарь «Арсенала» Вин Гриффитс совершил бросок в ноги Сергею Соловьёву и получил удар по голове. Далее обратимся к «Пассовочке»: «Три минуты потребовалось на то, чтобы убедить тренера в его способности продолжить матч, но если бы имелась достойная замена, то Гриффитс, несомненно, покинул бы поле. По громкой связи немедленно сделали объявление с просьбой голкиперу “Куинз Парк Рейнджерс” Гарри Брауну, который, как было известно, присутствовал на стадионе, пройти в раздевалку... Гриффитс доигрывал концовку тайма, будучи явно не в порядке. К перерыву он даже не знал, какой счёт».

На 39-й минуте Бастин проникающим пасом вывел вперёд Рука, а тот выдал мяч на ход Мортенсену, который сильным ударом поразил левый угол ворот. 2:1. Через две минуты Мэтьюз на правом фланге обыграл Станкевича и ювелирным навесом отправил мяч в центр на голову Мортенсену, удар которого был точен. 3:1.

Трибуны гудели. Зрители ликовали, предчувствуя победу своей команды. Но динамовцы не собирались сдаваться.

На 43-й минуте им удалось сократить разрыв в счёте. Подключившийся к атаке Блинков направляет мяч направо Трофимову (это был единственный выход на поле правого крайнего «Динамо»), который, финтом уйдя от защитника к центру, отдал мяч свободному Бескову. Центральный нападающий «Динамо» мощным ударом послал его в дальний от вратаря угол. 2:3.

Второй тайм начался с результативной атаки «Динамо». На 48-й минуте счёт стал 3:3. Комбинацию начал Трофимов. Овладев мячом в центре поля, он

отдал пас Бескову. В своей книге «Моя жизнь в футболе» динамовский центрфорвард вспоминал: «Пока Джой, насколько позволял ход и темп игры, разыскивал меня, через центр рванулся к английским воротам Бобров. Джой сейчас же приклеился к нему. Наш левый полусредний продолжил движение, надеясь на пас. И получил пас из тумана — это я верхом отослал его Боброву. Всеволод на бегу боднул мяч головой, отбросил его в сторону от себя и защитника, по направлению к воротам. Голкипер бросился навстречу мячу, но натолкнулся на Сергея Соловьёва, от ноги которого мяч и вкатился в сетку...»

Бобров в сборнике «Девятнадцать на девять» описывал это так: «В один из подходящих моментов бью головой. Ударил неточно и не очень сильно. Но мяч, стукнувшись перед вратарём о землю, “срезается”, меняя направление. Вратарь теряет мяч, и подоспевший Сергей Соловьёв забивает гол».

Темп игры не снижался. На атаку «Арсенала» следовала атака «Динамо». Однако с каждой минутой становилось очевидным, что хозяева поля устал и, рисунок их игры размывается. Москвичи же взвинчивали темп, проводя молниеносные, размашистые, по всему фронту атаки, комбинации. К тому же Станкевич, попривыкнув к финтам Мэтьюза, стал успешнее действовать против него, пресекая атаки соперников уже в зародыше.

На 65-й минуте «Динамо» вышло вперёд. Станкевич отобрал у Мэтьюза мяч и передал его Орешкину. Тот продолжил атаку пасом Карцеву. Далее рассказывает Всеволод Бобров: «Карцев, получив мяч в глубине поля, провёл его до центрального круга, сыграл со мной в стенку и вдруг неожиданно выложил мяч Бескову. Наш центр нападения ворвался в штрафную, ему наперерез бросился защитник Джой. Бесков сделал стремительный рывок влево и, чутьём угадав, что я бегу

за ним, пяткой оставил мяч мне. С хода, метров с пятнадцати, я сильно ударил и отчётливо увидел, как мяч влетел в верхний угол ворот». 4:3!

В сборнике «Девятнадцать на девять» в описании Всеволода завершение голевого эпизода выглядит так: «Метрах в двадцати от ворот Бесков хорошо выходит на удар, но в борьбе с Джоем есть опасность потерять мяч. Бесков внезапно останавливает мяч и сам уклоняется в сторону, увлекая за собой Джоя. Я бегу позади и, точно примерившись, наношу удар с хода по неподвижному мячу. Совсем как на тренировке. На сей раз я уверен в себе и спокоен. Удар вышел образцово... И я вижу, как мяч влетает в нижний правый угол.

Зрители, которым был виден этот удар (а надо честно сказать, он, действительно, получился очень эффектным), кричат: “О, Боброфф! Хип-хип, Боброфф! Бери гуд!”

Это был, пожалуй, самый красивый гол за всю мою, правда, ещё недолгую спортивную жизнь и мой последний, шестой “гостинец” вратарям Британии».

Остаётся только удивляться тому, как авторы литературной записи, призванные помогать, на самом деле искажали суть событий. Нетрудно заметить, что в интерпретации книги, изданной в 1946 году, мяч после удара Боброва влетел в нижний угол, а спустя много лет — почему-то в верхний...

Игра приняла жёсткий характер. Две минуты спустя, захромав, покинул поле Трофимов. Особенно хорош был в эти минуты Хомич. На 84-й минуте он в непостижимом броске вытянул из левого верхнего угла ворот мяч, направленный Мортенсеном, успел вскочить на ноги и отбить из нижнего угла повторный удар Рука.

Одержатъ победу над такой командой, уступая в счёте два мяча, было серьёзным достижением, признаком высокого класса.

Правда, в «Пассовочке» много говорится о некачественном судействе Николая Латышева. В частности о том, что в случаях третьего и четвёртого голов Сергей Соловьёв находился в офсайде. При этом возникла такая путаница в именах игроков, принимавших участие в комбинациях, что разобраться вряд ли возможно.

Приводится в этой книге и мнение Стэнли Мэтьюза: «Их форвардам надо отдать должное. Они занимают нужные позиции быстрее и точнее, чем нападающие тех континентальных команд, против которых мне доводилось играть. Их крайние форварды техничны и отлично бегут, а инсайды хитры и способны заставить двигаться мяч по нужным траекториям. И всё же “Динамо” не может считаться великой командой до тех пор, пока не будет укреплена их защита. Она слишком стереотипна и легко проходима для форвардов, которые умеют держать мяч».

Блестящий мастер английского футбола обозначил, что динамовская атака сильнее обороны. Это, нужно признать, соответствовало реальному положению вещей и не являлось откровением для Михаила Якушина.

Он нанёс Мэтьюзу в печати ответный «укол»: «Его индивидуальные качества высоки, но мы ставим коллективный футбол на первое место, а индивидуализм на второе, поэтому мы не приветствуем его стиль, поскольку считаем, что может пострадать слаженность внутрикомандных взаимодействий».

Интересным наблюдением поделился и Бернард Джой, что также поведала «Пассовочка»: «Ключом успеха русских, как ему виделось, была их умелая позиционная игра. Общекомандное движение обеспечивало игроку, владеющему мячом, очень широкий выбор возможных действий. Ему не требовалось обязательно обыгрывать противника,

работу за него мог выполнить мяч. Британские игроки, утратившие это искусство, были вынуждены либо обыгрывать противника с помощью дриблинга, либо отдавать мяч товарищу по команде, взятому под опеку. “Мы делаем упор на индивидуальное мастерство, а не на создание из индивидуальностей хорошей команды”».

Подобное признание — высшая похвала тренеру, сумевшему создать настоящую команду. Напомним, что Якушину удалось этого добиться за один сезон. В советском футболе появился ещё один большой тренер.

В своей книге Михаил Иосифович свидетельствовал: «Наши футболисты, главным образом нападающие, чётко взаимодействовали друг с другом, постоянно менялись местами, чем вконец запутывали защиту соперников. Англичан мы этой тактической новинкой порядком удивили.

Когда спустя десять лет центральный защитник “Арсенала” Бернард Джой приехал в Москву уже в качестве корреспондента, он прямо мне сказал: “Я до сих пор так и не понял, как мне надо было играть тогда в матче с вами. Я ведь привык действовать против определённого центрфорварда, а тут передо мной появлялись то Бесков, то Карцев, то Бобров... То вдруг никого нет. Голова кругом шла”»...

Динамоцам предстоял заключительный матч в Шотландии с «Глазго Рейнджерс». Состоялся он 28 ноября в присутствии 90 тысяч зрителей, собравшихся на стадионе «Айброкс Парк».

Для шотландцев было престижно сыграть с приезжей командой лучше англичан. Они даже не пожелали усиливаться игроками английских клубов. Футболистов «Рейнджерс» немало удивило, что значительная часть зрителей поддерживала гостей. По прошествии лет участник матча Джимми Смит заявил,

что это были 30 тысяч коммунистов, собравшихся со всей Шотландии поболеть за «своих»...

Вопреки ожиданиям гости открыли счёт уже на третьей минуте. Это Василий Карцев удачно пробил штрафной удар (назначенный за снос Бескова) с двадцати метров со своего места правого инсайда, исполнив его «шведкой», то есть внешней стороной стопы, когда мяч, вращаясь, летит по дуге, удаляясь от вратаря. Вратарь Доусон запоздал с прыжком. 1:0.

Через четыре минуты Уодделл с правого края вошёл с мячом в штрафную площадь, где наткнулся на неосторожно подставленную спину Станкевича и упал. Судья тут же назначил пенальти. Хомич успел подставить руки под сильнейший удар Уодделла, а проворнее всех оказался Семичастный, который вынес мяч на угловой.

На 24-й минуте счёт стал 2:0. «Пассовочка» откликнулась подробным описанием: «Русские исполнили лучшую атаку матча, а может быть, и всего турне. Вновь она началась с Соловьёва, но на этот раз все пять форвардов были вовлечены в ослепительную перепасовку. Блуждающий левый вингер нашёл Архангельского, тот отдал пас на Боброва, находившегося на позиции правого инсайда на линии штрафной. Он задержал мяч на пару секунд, обвёл спокойно двух защитников “Рейнджерс” и отдал поперечный пас на Бескова. Центрфорвард элегантным движением стопы откинул мяч назад и вправо между двумя потерявшими ориентировку защитниками на ход никем не прикрытому Карцеву, который молниеносным ударом послал мяч мимо совершившего отчаянный бросок Доусона в левый нижний угол ворот».

«Самый совершенный гол, который когда-либо забивался на “Айброкс”», — написала «Телеграф».

40-я минута принесла успех шотландцам. Ошибся Хомич, решивший вмешаться в борьбу Станкевича и

Смита за верховую подачу Г шишка, и мяч от шотландца медленно вкатился в оставленные голкипером ворота. 1:2.

Штурм ворот «Динамо» продолжился с первых же минут второго тайма. Опасные моменты следовали один за другим. Шотландцы действовали предельно жёстко. Из-за травмы на 63-й минуте поле покинул Бобров, которого заменил Дементьев.

По этому поводу высказался Аксель Вартанян: «Непревзойдённый спец по производству голов, решающих, в частности, останься он на поле, без забитого мяча вряд ли бы ушёл, как не уходил во всех предыдущих матчах. Знали, кого бить. Впрочем, хозяева у многих наших футболистов оставили на теле следы в память об этой встрече».

На 78-й минуте в ворота «Динамо» был назначен второй пенальти. На границе штрафной в единоборстве упали Радикорский и заменивший Смита Данкенсон. Судья определил нарушение со стороны шотландца и назначил штрафной в пользу москвичей. Но вмешался судья на линии, который убедил арбитра в обратном.

Михаил Якушин упомянул этот момент в своей книге: «Я никогда не имел привычки искать причины неудач своей команды в судейских ошибках. Но в том случае, мне кажется, арбитр погрешил против истины. Никакого нарушения правил в борьбе с шотландским форвардом наш защитник Радикорский не допустил... Довлел над арбитром, видимо, тот ажиотаж, который создали шотландские газеты перед матчем, провозглашая обязательность успеха “Глазго Рейнджерс”».

Пенальти реализовал центральный защитник Янг — 2:2.

В «Пассовочке» было приведено описание: «Янг с крайней тщательностью установил мяч на точку, отступил на несколько шагов и сделал глубокий вдох.

Толпа затаила дыхание, пока он бежал к мячу, а затем нанёс сильный удар в левый от Хомича угол, примерно на равном расстоянии от Хомича и штанги. Хомич, который настроился прыгать в другой угол, остался недвижим».

В книге «Девятнадцать на девять» Алексей Хомич прокомментировал: «К тому времени я получил очень болезненное повреждение и уже не мог так быстро кинуться за мячом. И в наши ворота был забит гол. Благодаря ему шотландцы избежали поражения. Хотя меня и успокаивали, что трудно представить, как можно взять два пенальти в одном международном матче, всё же было досадно. Для себя я сделал вывод такой: надо приучиться брать и два подряд пенальти».

Ещё до начала вечернего банкета в отель, где проживали москвичи, доставили корзину цветов от мэра города лорда Правоса. В приложенном обращении он писал: «Жители Глазго очарованы вашей командой. В её успехе они видят невиданный взлёт всего советского спорта».

После матча полетели газетные «утки». Писали, что неназванный менеджер с севера страны предложил Всеволоду Боброву любительский контракт, а затем он будто бы сумел уединиться с Бобровым на предмет конкретизации условий. Русский — который вскоре станет одним из самых знаменитых советских спортсменов — предположительно заявил, что останется в Англии, если его обеспечат женой.

Результат встречи в Глазго утвердил руководство делегации во мнении, что игра со сборной Англии — как бы ни хотелось хозяевам устроить 5 декабря представление на «Уэмбли» или в Бирмингеме — нежелательна. 7 декабря московская делегация вылетела домой.

По возвращении в интервью «Красному спорту» Всеволод Бобров об игре в Глазго высказался так: «Если

бы наша команда так не устала и несколько ведущих игроков не получили бы повреждения, счёт, несомненно, был бы другим».

С полным на то основанием Бобров мог отнести к ведущим не только Василия Трофимова и Леонида Соловьёва, но и себя самого.

Через два дня после того, как был сыгран последний матч английского турне, 1 декабря 1945 года Всеволоду Боброву исполнилось 23 года. В мемуарах глава советских комсомольцев Николай Александрович Михайлов написал, что особое впечатление на британскую публику произвели Алексей Хомич, Всеволод Бобров и Евгений Архангельский.

В своей книге Михаил Якушин отмечал: «Я был рад, что не ошибся, пригласив с нами в поездку Всеволода Боброва. Этот нападающий всегда был нацелен на ворота соперников. Он обычно располагался от них метрах в тридцати и занимал позицию с таким расчётом, чтобы партнёры могли ему сделать передачу вразрез, как мы говорили, — на вырыв. Бобров в любой момент был готов получить мяч, ворваться с ним в штрафную и нанести точный удар. Он не прощал защитникам ошибок, постоянно шёл на добивание мяча, использовал все отскоки...»

Якушин писал: «Бобров или Малявкин? Игроки они тоже совершенно непохожие, как Карцев и Николаев. Малявкина можно было называть и оттянутым нападающим и атакующим полузащитником. Подвижность у него была недостаточная, зато мог хитро и точно сыграть в пас, создать благоприятную ситуацию для партнёров. Сам угрожал воротам сравнительно редко... В целом же, конечно, Малявкин уступал Боброву. В своих оборонительных планах соперники уделяли ему гораздо меньше внимания, чем

мы армейскому бомбардиру, сдержать которого для нас было целой проблемой».

В конце 1980-х, когда писалась эта книга, в печати уже можно было говорить свободнее, в 1990-х Михаил Иосифович стал ещё более критичен. Сетую на потери Трофимова и Малявкина, он отмечал: будь они в строю, команда выглядела бы в Англии ещё сильнее. Про Трофимова — понятно, но Малявкин в «Динамо» играл на том же месте, что и Бобров.

На вопрос, уступал ли Бобров Малявкину, Якушин ответил: «Совсем нет. Имею в виду вот что — он был из другой команды, из другого коллектива, с другим стилем игры, с другими взаимоотношениями. В ЦЦКА на него работала вся команда, он был на особом положении премьера, забивалы. У нас же все были равны, премьеров не было. Все играли друг на друга, все в одинаковой степени должны были бороться за мяч, идти вперёд и возвращаться назад, помогать друг другу. И однажды, подчеркну, только однажды, мои опасения оправдались». Далее речь пошла о первом тайме матча в Кардиффе, это высказывание мы привели выше.

Подытожил Михаил Якушин своё отношение к Всеволоду Боброву и вообще, на наш взгляд, странно.

В 1996 году главный редактор газеты «Къ спорту!» (сохранено было дореформенное написание) Анатолий Юсин по случаю столетия возрождения Олимпийских игр определил с помощью авторитетных экспертов десятку лучших спортсменов в вековой истории русского и советского спорта. По итогам опроса Бобров занял второе место, уступив только Льву Яшину.

Михаил Иосифович продиктовал ответ на анкету в день своего 85-летия, сопроводив его таким комментарием: «Я, наверное, единственный не назвал Боброва в этой десятке. А почему? А потому, что, на мой взгляд, в футболе он был не форвардом, а добивалой.

Пятьдесят лет назад я взял его в динамовскую команду перед поездкой в Великобританию и до сих пор жалею, что он стал там лучшим бомбардиром, мы бы и без него выиграли...

Знаю, что обрету новых врагов среди поклонников Боброва, но от своего мнения не откажусь. А для объективности замечу: вот в хоккее Бобров был велик, я ведь играл против него и помню всё...»

Стоит ли удивляться тому, что Аксель Вартанян обнаружил в архивных бумагах, что «игру ленинградца Архангельского и “ворошиловского стрелка” из ЦДКА Боброва оценили в динамовском стане сдержанно. Боброва даже упрекали в пренебрежении тренерскими установками, нежелании отходить назад».

В противовес приведём мнение Николая Эпштейна, перед глазами которого прошла вся игровая карьера Всеволода Боброва: «Говорят, что он “гастролер” был, мол, только в атаке играл, к своим воротам не оттягивался. А я вот не так давно посмотрел кадры кинохроники о послевоенном турне динамовцев по Англии и вдруг вижу: Бобров из своей штрафной площади рывок делает в штрафную англичан. Через всё поле, как торпеда. Вот тебе и “гастролер”. Мирового класса игрок был. Нападение его стихией было, главным делом. Он нападающий был от Бога. Лучше него никто забивать не умел».

В предновогоднем выпуске «Вечерней Москвы» в адрес «Динамо» была опубликована «пророческая» эпитафия:

*Да, ваша слава высока —
Страна футбола пройдена парадом.
Но Англия в тумане далека,
А ЦДКА всегда бывает рядом.*

ОТ МЯЧА К ШАЙБЕ

Следующий хоккейный сезон некоторые динамовцы и Бобров проводили под знаком недавнего английского триумфа. Но если динамовские хоккеисты Якушин, Трофимов и Блинков уступили в кубковом полуфинале ЦДКА (1:3), то Бобров и здесь оказался на высоте.

Приведём рассказ Михаила Якушина об этом противостоянии: «В том сезоне мы проиграли все решающие матчи армейцам, уступили им в чемпионате столицы, в упорнейших трёх встречах проиграли с разрывом в один мяч в финале Кубка Москвы. Уступили мы ЦДКА и в полуфинале Кубка СССР, хотя поначалу действовали азартнее и слаженнее соперников. Во всяком случае, анализируя игру в раздевалке во время перерыва, я дал установку продолжать встречу в таком же ключе, особо подчеркнув, что надо без грубых ошибок сыграть в обороне.

Именно здесь мы проигрывали армейцам. Говорят, что Всеволод Бобров во время перерыва оценил задачи своей команды так: главное не пропустить второго мяча, если динамовцы забьют первыми, то всё для нас будет кончено, а если сумеем сквитать счёт, то игру вытянем. И он оказался прав.

Изначально мы вышли на лёд с мыслями о том, чтобы дать решительный бой армейцам и взять реванш за свои неудачи в предыдущих встречах. И этот волевой настрой сразу же дал о себе знать. Уже в самом начале тайма Блинков, быстро пройдя по левому краю, сделал сильную подачу на ворота. Вратарь армейцев хладнокровно проводил мяч глазами, уверенный, что он покинет поле. Но тот, к его ужасу, неожиданно влетел в сетку...

Получив преимущество в счёте, мы старались закрепить победу. Превосходство наше стало явным, но с ударами как-то не везло: нападающие то торопились, то били во вратаря или мимо цели.

Армейцы, игравшие более индивидуально, строили свои атаки преимущественно на проходах Боброва, которого, однако, мы в первом тайме сумели плотно взять в тиски. Армейцы, в свою очередь, жёстко играли в обороне, за мной неотступно следовали два-три опекуна. Но получившие относительную свободу Трофимов и особенно Чернышёв никак не могли результативно сыграть в завершении атаки.

И второй тайм мы начали активно, но по-прежнему никак не могли увеличить счёт. Постепенно армейцы выровняли игру, наша защита начала ошибаться, и вскоре затяжная атака армейцев закончилась тремя подряд угловыми ударами у наших ворот. При подаче третьего из них, когда внимание наших игроков было сосредоточено на Боброве, лидер армейцев, получив мяч, откинул его левее оставленному без присмотра Стриганову, который резко бьёт в дальний угол — 1:1.

Пропущенный мяч решающим образом сказался на игре нашей команды, от былой уверенности не осталось и следа. Ближе к концу встречи Бобров с левого края сильно пробивает штрафной удар. Мяч по пути попадает в корпус Стриганова, резко меняет направление и рикошетирует в противоположный от бросившегося вратаря угол ворот — 1:2.

За считанные минуты до финального свистка прорвался по центру Бобров. Он обвёл нескольких динамовцев и вышел к воротам. В последнее мгновение Бочарникову удалось выбить мяч за линию ворот. Венёвцев подал мяч в центр, и набежавший Стриганов в третий раз точно пробил в самый угол ворот».

Хоккеисты ЦДКА в том сезоне стали победителями всех соревнований городского календаря: Приза

открытия сезона, чемпионата и Кубка Москвы.

Финал Кубка СССР по хоккею с мячом в 1946 году армейцы выиграли у «Крыльев Советов» со счётом 2:0. Автором обеих мячей стал Бобров.

Спустя годы вратарь «Крылышек» Борис Запрягаев, обращаясь памятью к тому матчу, был краток: «Бобров нас тогда один обыграл».

Сам же Всеволод Бобров в своей книге «Рыцари спорта» припомнил многие подробности: «Примерно в середине первого тайма наша команда проводила очередную атаку. Мяч получил Виноградов. Я, по его совету, выдвинулся к штрафной, слева от центра, а Саша на полной скорости шёл по правому краю. Обошёл одного из соперников, другого, сыграл в стенку с Мишей Ореховым и вдруг точным, идеально рассчитанным пасом отослал мяч в мою зону. До сих пор не пойму, увидел ли он тогда, что я открыт, или просто угадал, но передача получилась как нельзя кстати: я оказался один перед воротами, рванулся вперёд по открытому коридору, успел опередить кинувшегося мне наперерез защитника и ударил. Запрягаев среагировал и на этот раз, но не достал мяч, который рядом со штангой нырнул в сетку.

В перерыве мы горячо обсуждали ход состязания и все хвалили игру “вражеского” вратаря. Сказал несколько восторженных слов в его адрес и я.

— Правильно, — поддержал нас Виноградов. — Да только одна слабость у него есть. Часто не ловит, а отбивает мяч. Обратил ты на это внимание?

Я отрицательно мотнул головой.

— Вот и зря. Мы бьём из глубины, а ты иди на ворота, заставляй его нервничать, весь будь внимание...

Почти до самого финального свистка счёт 1:0 сохранялся. Судьба матча висела на волоске. Развязка наступила за десять минут до конца. Женя Бабиц сильнейшим ударом послал мяч в ворота, Запрягаев в

умопомрачительном броске отбил мяч. На какую-то тысячную долю секунды я опередил защитников и протолкнул мяч в сетку — 2:0».

Произвёл впечатление тот финал и на Валентина Николаева, который был тогда запасным. В своей книге он писал: «Финальный матч можно смело назвать бенефисом Всеволода Боброва. Из-за травмы он пропустил много матчей и во встрече с “Крыльями Советов”, словно пытаюсь наверстать упущенное, блеснул замечательной игрой. Мы выиграли со счётом 2:0, и оба мяча провёл в ворота соперников именно Бобров.

Особо выделяя игру этого форварда, я отнюдь не хочу принизить заслуг всей команды. Никогда бы Всеволод не смог раскрыться с такой полнотой, если бы плохо играла команда. Мы ведь, играя с “Крыльями Советов”, своими постоянными атаками не давали соперникам ни минуты передышки, и только исключительно надёжная игра вратаря Бориса Запрягаева спасла их от разгромного счёта.

В ударе в тот день были Саша Виноградов и Женя Бабиц, наш капитан Паша Коротков и Толя Тарасов. Да и я, если верить газетным отчётам, сыграл неплохо».

Ранее говорилось о том, что третьего сезона в русском хоккее у Всеволода Боброва не получилось. Однако при детальном рассмотрении хода сезона 1947 года автор книги оказался в весьма затруднительном положении. Известно, что перед Новым годом Бобров сыграл свой единственный в том сезоне матч в хоккее с шайбой. Произошло это непосредственно перед отъездом на операцию колена в Югославию. Там хирург предупредил Всеволода, что выходить на поле нельзя целый год и, следовательно, футбольный сезон придётся пропустить.

Но в книге, рассказывающей об истории команды московского «Динамо» по хоккею с мячом, содержится упоминание Михаилом Якушиным того факта, что пропускавший хоккейный сезон Бобров всё же однажды вышел на поле в матче городского первенства против «Динамо».

Михаил Иосифович относился к числу людей, чья профессиональная память цепко держала важные события. А к таковым, несомненно, должен был относиться столь примечательный случай, как единственный в сезоне выход лидера соперников. Тем более против команды, за которую играл Якушин.

Усомниться было трудно. Смущало одно — как мог Бобров месяц спустя после операции проявить такое безрассудство?

В те годы матчи чемпионата Москвы освещались в печати. И «Красным спортом», и городскими газетами. Правда, это не носило обязательного характера. Так и произошло в этом случае. Да и зачем было публиковать отчёт о встрече по хоккею с мячом, которая закончилась очередной нулевой ничьей. Переигровка не потребовалась, поскольку игра была не кубковой, а календарной.

Подумалось, что Якушин на сей раз, вероятно, допустил «осечку», хотя сомнения оставались. Окончательно они развеялись, когда в книге Боброва «Рыцари спорта» удалось обнаружить, что Всеволод отправился на решающий матч по хоккею с шайбой между «Динамо» и ЦДКА, который проходил 26 января, на костылях...

Вернёмся на год назад. В день полуфинала розыгрыша Кубка СССР 1946 года между московским «Динамо» и ЦДКА, 17 февраля, когда армейцы одержали верх со счётом 3:1 (это был бенефис автора

всех трёх мячей Александра Стриганова), произошло и другое знаменательное событие...

В книге М. Н. Александрова «Призвание — тренер» приводится свидетельство многолетнего наставника московского «Динамо» и сборной СССР по хоккею с шайбой Аркадия Чернышёва: «Когда закончилась игра, по радио объявили, что сейчас состоится показательная встреча по канадскому хоккею между студентами Инфизкульта.

Наскоро была отгорожена щитами небольшая площадка на льду перед Восточной трибуной. Выехали игроки с необычно длинными клюшками и принялись гонять по льду плоскую чёрную шайбу, а в маленьких воротах метались вратари, облачённые в доспехи, чем-то смахивающие на рыцарские...

Первый открытый матч по хоккею с шайбой в Москве!

Студенты, помнится, очень старались. Но игра не слишком понравилась зрителям. Ни в какое сравнение не могла идти эта толкотня на “пяточке” с тем привычным упоительным зрелищем, свидетелями которого они только что были.

Зрители начали дружно расходиться. Быстро опустела даже самая шумная, демократичная Восточная трибуна.

И я подумал тогда не без некоторой тревоги: “Долгонько, как видно, придётся хоккею с шайбой завоёвывать у нас право на существование”.

К счастью, я здорово ошибся. Не учёл, что всё ведь зависит от того, в чьих руках окажется клюшка. Как вскоре выяснилось, овладеть техническими приёмами новой игры оказалось не такой уж трудной задачей для мастеров хоккея с мячом, умения же стоять на коньках им было не занимать».

Получилось, что студенты-неумехи едва не создали канадскому хоккею антирекламу. Хотя готовились

хоккейные неопиты показаться на публике под бдительным оком Сергея Александровича Савина — «отца» советского хоккея с шайбой — с сентября 1945-го.

Кстати, играли они клюшками, которые хранились в инфизкульте со времени визита в Москву немецкой команды «Фихте» в 1932 году. Были они, как рассказывал автору книги участник тех встреч Владимир Венёвцев, очень крепкими, внутри имелись металлические струны.

С хоккеем с шайбой часть первопроходцев познакомилась в 1945 году. Во время пребывания в Англии динамовцы посетили «Уэмбли». Визит на знаменитый лондонский стадион был не случайным. Динамовцам предложили сыграть на нём со сборной Англии. Но матч не состоялся, поскольку в оговорённую программу турне он не входил, а пребывание динамовцев в Туманном Альбионе затянулось.

Среди прочего динамовцам показали находившийся на той же территории каток с искусственным льдом. Советские спортсмены, которые прежде видели искусственный лёд только в американской картине «Серенада солнечной долины», где блистала мастерством знаменитая норвежская фигуристка Сони Хени, были ещё более поражены, когда на этом льду перед ними предстали закованные в массивные доспехи хоккеисты.

Далее предоставим слово Анатолию Салуцкому: «Они были одеты в немыслимую по тем временам и совершенно привычную для нынешних дней хоккейную амуницию.

Команды были английские, однако игроки — в основном канадские: заштатные канадские “профи”, канадцы, которые работали в Великобритании по

контрактам, поскольку не удовлетворяли своим мастерством Канадо-американскую хоккейную лигу...

Неудивительно, что тренировочная игра на искусственном льду стадиона “Уэмбли”, которую увидели в 1945 году советские спортсмены, заморозила их. И когда хоккеисты ушли в раздевалку, Всеволод Бобров через переводчика обратился к администратору ледового дворца: нельзя ли попробовать покататься на искусственном льду с этими чудными клюшками?

Позади уже были матчи с “Челси” и “Арсеналом”, футболисты из СССР уже стали знаменитостями, английская пресса ежедневно писала о динамовцах, газеты публиковали их фотографии. И когда администратор катка услышал, что советские футболисты хотят попробовать его лёд, то, попросту говоря, пришёл в восторг. Откуда-то немедленно появились коньки, клюшки, шайбы. И всё это сопровождалось вежливо-ироничной английской предупредительностью:

— Возможно, футболисты так прекрасно катаются на коньках, что было бы лучше уже сейчас послать за врачом?

Конечно, администратор катка не знал, что на лёд выходят не просто экстраклассные игроки в хоккей с мячом, а “суперзвезды”, как сказали бы о них где-нибудь в Канаде. Уже через две-три минуты Михаил Якушин, Василий Трофимов, Всеволод Блинков, Николай Дементьев, Сергей Соловьёв, Всеволод Бобров так освоили непривычные для них канадские коньки, будто всю жизнь только на них и катались. И незнакомые клюшки были мгновенно укрощены, и шайба то и дело влетала в ворота, поставленные поперёк площадки. Правда, она всё время скользила по льду, поднимать её никто не умел.

В это время из раздевалки вышли канадцы, собиравшиеся уезжать со стадиона. И увидев русских

футболистов на коньках, с клюшками и шайбой, они от неожиданности “прилипли” к борту ледовой площадки. Опытным профессионалам сразу стало ясно, что эти русские отлично стоят на коньках, а потому немедленно последовало предложение:

— Сыграем!»

Уточним, что экскурсия на «Уэмбли» происходила за два дня до матча с «Арсеналом», а инициативу опробовать лёд проявил не Бобров, а Якушин. Он же — тренер команды — и увёл футболистов со льда. К тому же в ту пору вступить в несанкционированный контакт с иностранцами наши игроки не могли. Требовалось разрешение руководителя делегации. А Константин Андрианов в это время, поражённый ровностью футбольного газона, вёл разговор с агрономом стадиона. Но и будь он рядом, маловероятно, чтобы незапланированный матч, угрожавший советским футболистам травмами, состоялся. Пришлось подождать — всего-то четверть века...

Салуцкий продолжал: «Канадцы разочарованно развели руками и, показывая на Боброва и Трофимова, дружно подняли большие пальцы. Переводчик пояснил: они говорят, что в России неплохо развит хоккей с шайбой и есть хорошие игроки. Когда же Якушин ответил, что советские спортсмены первый раз в жизни держат в руках канадскую клюшку, “профи” весело рассмеялись и гурьбой двинулись к выходу с ледового стадиона. Они восприняли ответ Якушина как удачную шутку и отдали должное его остроумию, но не оценили истинное искусство советских игроков.

А “Бобров со товарищи” около часу играли в шайбу на искусственном льду стадиона “Уэмбли”, пока бдительный Михей не приказал: хватит, не то заболят мышцы.

Всеволод Бобров со льда уходить не хотел, новая игра ему понравилась. Но, конечно, никакой голос

свыше не подсказал в тот момент Боброву, что спустя девять лет он будет признан лучшим форвардом мира именно в этой игре — в хоккее с шайбой.

Канадский хоккей, с которым познакомился Бобров во время поездки в Англию, остался в его памяти коротким экзотическим эпизодом, не более...»

Из Англии Всеволод привёз две гибкие камышовые трости — для себя и Евгения Бабича. Приделав к ним закруглённые «крючки», вырезанные как обычно из конских дуг, вклеив их в расщеплённые трости и обмотав сыромятными ремнями, друзья стали обладателями превосходных клюшек — гибких и пружинистых, на зависть другим хоккеистам.

Единственным из тех, кто тогда увидел хоккей с шайбой на «Уэмбли», прежде с ним был знаком только Михаил Якушин. Ему довелось лицезреть заморскую игру, которую в Канаде называли «шинни», в 1936 году в Париже. Футбольная сборная Москвы, составленная из игроков «Динамо» и «Спартак», сыграла с лучшим французским клубом «Рэсинг», и в рамках культурной программы гостей пригласили в «Палас де спорт» посмотреть матч сборных Франции и Англии. В составах обеих команд играли в основном натурализованные канадцы.

В своей книге Михаил Якушин рассказывал: «После игры, в которой победили англичане (если мне не изменяет память, со счётом 2:1), я сделал для себя такую запись: “Как бы мы сыграли с этими командами? Наверное, проиграли бы, но если канадский хоккей будет у нас культивироваться, то мы скоро достигнем класса лучших европейских команд”.

Запись, как видите, оказалась пророческой. Из чего я исходил, делая такой вывод? Конечно, хоккей с мячом и шайбой — игры во многом различные, но основа у них одна — умение хорошо бегать на коньках. Технике же

владения клюшкой умелому спортсмену научиться не так сложно. В Париже я тогда заметил, что мы бегаем на коньках не хуже, если не лучше, чем игроки сборных Франции и Англии, поэтому и позволил себе столь смелый прогноз».

Строго говоря, и парижское впечатление от хоккея с шайбой не являлось для Якушина первым. Но о том, действительно первом, Михаил Иосифович отозвался весьма пренебрежительно: «Приезжали как-то в Москву немецкие студенты, изъявившие вдруг желание сыграть в эту игру с какой-нибудь нашей командой. Собрали, помню, нас, столичных хоккеистов, — тех, кто пожелал, но ничего серьёзного не вышло. Так, побаловались на ледяной площадке и разошлись. Игра тогда на нас особого впечатления не произвела».

Михаил Якушин и в последующие годы не жаловал хоккей с шайбой. Хотя являлся чемпионом СССР в 1947-м, что позволило ему добиться уникального достижения — стать первым чемпионом страны по футболу и обоим видам хоккея, он высказывался о собственных опытах критически: «Сыграл я и в нападении, и в защите, но особого удовлетворения не получал. Если бы был помоложе, может быть, и всерьёз заинтересовался этой игрой. Но начинать всё сначала в 36 лет было, конечно, поздно — сил уже для настоящей спортивной борьбы не хватало».

Вернёмся, однако, к тому событию, о котором упомянул Михаил Иосифович, — приезду немецкой рабочей команды «Фихте» в 1932 году. Названа она была в честь мыслителя Иоганна Готлиба Фихте, имя которого стоит в одном ряду с такими философами, как Кант и Гегель.

Первым соперником немецких хоккеистов стала команда ЦЦКА. И хотя советские игроки действовали по наитию, не зная толком даже правил игры, да и клюшками их вооружили гости, преимущество

оказалось на стороне хозяев — 3:0. Все три шайбы (тогда в нашей печати она называлась «плашка») забросил Владимир Венёвцев. Этому хоккеисту уже в послевоенные годы довелось стать двукратным чемпионом СССР.

И в двух других матчах хоккеисты «Фихте» оказались поверженными. Они дважды проиграли сборной Москвы, так и не сумев забить на московском льду ни одной шайбы. Наиболее известным игроком столичной сборной был будущий капитан футбольного «Спартака» Андрей Старостин.

Зимой 1938 года Московский спорткомитет обязал участников городского хоккейного первенства выставить со второго круга зачётную команду по хоккею с шайбой. Но выполнить это не удалось из-за отсутствия снаряжения.

Анатолий Тарасов в книге «Совершеннолетие» рассказывал: «Мы изучали “шинни” ещё до войны. В 1938 году смогли по учебникам провести восьмичасовой курс освоения хоккея с шайбой. И учил нас этому заведующий кафедрой в Центральном институте физкультуры Михаил Давыдович Товаровский, крупный теоретик футбола, через школу которого прошли многие известные мастера. Он хотел приобщить нас к новой игре, а мы, чудаки, сопротивлялись.

Новый вид спорта, откровенно говоря, не вызвал тогда энтузиазма, не заинтересовал, не увлёк нас. Мы удивились каким-то новым клюшкам и решили не вмешиваться в любимое, по слухам, занятие канадских спортсменов».

Добавим, что в рамках курса освоения хоккея слушателям показывали хроникально-документальный фильм «Белая Олимпиада» об Олимпийских играх 1936 года.

К этой констатации требуется небольшое уточнение. Тарасов учился не в инфизкульте, а в

двухгодичной школе тренеров при нём. Её выпускники могли поступать на третий курс инфизкульта, но у Анатолия Владимировича подобного желания не возникло. Это привело со временем к осложнениям при защите кандидатской диссертации...

Попытка ознакомить хоккеистов-«русачей» с канадским хоккеем была предпринята в 1939 году в Ленинграде на катке Института физкультуры им. П. Ф. Лесгафта. Руководил сбором известный в городе специалист Иван Таланов. Но и это был всего лишь эпизод, не получивший развития.

Первый чемпионат Советского Союза по хоккею с шайбой был проведён зимой 1947 года. А стартовал он 22 декабря 1946 года в Архангельске матчем местного «Водника» с московским «Динамо». Символично, что первую шайбу в чемпионатах забросил будущий многолетний наставник сборной СССР Аркадий Чернышёв. В Москве в тот же день сыграли ЦДКА и команда свердловского Дома офицеров. Всеволод Бобров не собирался принимать участие в этой встрече — опасался усугубить травму ноги, ждал отправки на операцию в Югославию. Но на стадионе присутствовал, и отчёт об игре в «Советском спорте» был подписан его фамилией.

Первопроходцы очень старались, сражения на маленьких ледовых площадках случались нешуточные. Да и зрителям новая игра пришлась по вкусу.

Основные проблемы были в отсутствии должной экипировки и неумении хоккеистов отрывать шайбу ото льда. Владел этим приёмом разве что известный легкоатлет Борис Замбримборц (заявленный за ЦДКА), который до войны жил с родителями в Маньчжурии, где практиковался в канадском хоккее. Правда, его «показательные выступления» явились эпизодическими. Замбримборц сосредоточился на тройном прыжке, в котором стал пятикратным

чемпионом СССР. К тому же из соображений безопасности (теми, кто прибывал из Харбина, активно интересовались органы НКВД) Борис вскоре сменил Москву на Ригу. Там он играл в хоккей на скромном клубном уровне, но свой вклад в развитие игры внёс.

Что касается экипировки, то участникам оставалось завидовать хоккеистам из тех мест, где игра культивировалась в довоенные годы. Очевидцы первых матчей рассказывали о визите в Москву «Спартака» из Ужгорода. Гости вышли на лёд в яркой форме, с наплечниками, налокотниками и наколенниками, а динамовцы — в байковых куртках и шароварах. Когда же один из визитёров, высокий усач в кепочке-«аэродром», сделал на разминке крутой вираж за воротами, стадион и вовсе ахнул.

Москвичи поначалу робели, но быстро освоились и выиграли со счётом 23:0. Всё решили их виртуозное катание и скорость...

Московское «Динамо» и стало первым чемпионом СССР. В финальной пушке динамовцы, уступив в первом круге московскому «Спартаку» и ЦДКА с разрывом в одну шайбу, во втором также с минимальным преимуществом взяли реванш у армейцев, а «Спартак» переиграли более чем убедительно — 6:1. Именно эта победа с крупным счётом позволила «Динамо» опередить соперников. Все три команды набрали по четыре очка, но только динамовцы имели положительную разницу забитых и пропущенных шайб.

Отметился в первом чемпионате и Всеволод Бобров. Как уже было сказано, играть он не собирался и даже не тренировался, но играющий тренер Павел Коротков уговорил его выйти на лёд в матче с ВВС, поскольку только победа позволяла армейцам продолжить борьбу за чемпионство.

В книге Салуцкого мы читаем: «Игра состоялась ровно за день до отлёта Боброва в Югославию, это был январь 1947 года. И Коротков на протяжении сорока лет не мог прийти в себя от того, что увидел: Всеволод, впервые приняв участие в матче по хоккею с шайбой, творил на льду чудеса и предрешил исход матча в пользу армейцев, забив несколько шайб. Окончательный счёт был 5:2. Таким образом, внезапно появившись на хоккейной площадке, Всеволод Бобров оставил команду ВВС, которую в то время тренировал играющий тренер Анатолий Тарасов, за чертой призёров, поскольку в финальной части турнира медали предстояло разыграть динамовцам, спартаковцам и армейцам».

Остаётся уточнить, что счёт матча был 5:3, проходил он 29 декабря 1946 года, а Бобров забросил три шайбы. Тарасов с 14 шайбами стал лучшим бомбардиром первого чемпионата.

Можно предположить, что Боброва ожидало в горячо им любимом хоккее с мячом прекрасное будущее. Но не случилось. В 1947 году было принято постановление, запрещающее игрокам совмещать два вида хоккея. Нужно было выбирать. В ЦДКА отдали предпочтение хоккею с шайбой, а команда по русскому хоккею на многие годы перестала существовать.

В «Динамо» подошли к этой альтернативе более рационально — возникли две разные команды. Хотя лучшие силы оказались в распоряжении Аркадия Чернышёва в хоккее с шайбой, Михаил Якушин продолжил побеждать в розыгрышах Кубка СССР с оставшимися. Тем более что ведущие — Василий Трофимов и Всеволод Блинков — вскоре вернулись в русский хоккей.

Представляют интерес и изменения в терминологии. В рамках борьбы с космополитизмом в 1948 году было

принято постановление Всесоюзного совета по физической культуре и спорту, которое предписывало, что название «хоккей» переходит к канадскому хоккею (хоккею с шайбой), а хоккей с мячом стал именоваться «русским хоккеем».

Для русского хоккея наступили нелёгкие времена. Лучшие игроки перешли к заморскому собрату, где, как и в футболе, команды получили статус «команд мастеров» с соответствующей оплатой игрокам. К тому же из-за разночтения в правилах, что усугублялось возникновением «железного занавеса», русский хоккей оказался в изоляции. Первые международные контакты у «русачей» состоялись только в 1954 году. В том же году сборная СССР по хоккею с шайбой дебютировала в чемпионате мира. Но приобщение к соперничеству с зарубежными командами у «шайбистов» произошло значительно раньше.

ПРАЗДНИК СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

Сезон 1946 года футболисты московского «Динамо» и ЦДКА начали в приподнятом настроении. Динамовцы триумфально выступили на полях Великобритании, армейцы успешно сыграли в Югославии. Конечно, общественный резонанс этих поездок был несопоставим, тем не менее зарубежный вояж придал игрокам ЦДКА дополнительную уверенность.

Число поклонников ЦДКА после войны увеличилось многократно. Команда, представлявшая победоносную Красную армию, пользовалась огромной популярностью. В народ пошло название — «команда лейтенантов».

О его происхождении рассказал в книге «Я — из ЦДКА!» Валентин Николаев: «Раньше только в армейской печати иногда упоминались воинские звания футболистов ЦДКА, а после завоевания Кубка СССР и в некоторых гражданских газетах, наверное, с целью подчеркнуть нашу принадлежность к Красной Армии и тем самым придать особую значимость событию, фамилии игроков были напечатаны вместе со званиями. Вот отсюда, скорее всего, и пошло ещё одно название армейского коллектива — “команда лейтенантов”. В самом деле, в 45-м мы все были лейтенантами — от младшего до старшего — и только наш признанный лидер Григорий Федотов имел звание капитана...»

Лев Филатов, говоря о роли Бориса Аркадьева в создании игрового ансамбля ЦДКА, отметил: «Команда “красно-синих” была необычайно любима в те годы, она напоминала о победе в Великой Отечественной, ею любовались. И как-то так получилось, что игра её

отвечала представлениям о том, как должны выглядеть в чистом поле, в деле, пусть шуточном, весёлом, представители Советской Армии, “лейтенанты”. У команды различали уверенность в своей силе, бесстрашие, лихость. Победоносный, убедительный, красивый футбол в исполнении армейцев был тогда и вовремя и к месту. Конечно, такого умысла никто не имел, вышло само собой. Но имя постановщика известно.

Идея игры со сменой мест в нападении, испробованная в “Динамо” до войны, была развита: мяч в решающие моменты атаки армейцы передавали обязательно “в одно касание”, отыгрывая секунды у обороняющегося противника. “Игра изо всех сил” — это тоже аркадьевский принцип, означающий непрерывно высокий темп, без длиннот и замедлений».

Первый круг армейцы прошли победным маршем, лишь с ленинградским «Зенитом» сыграв вничью. Их преследователями оказались тбилисские динамовцы, которые также одержали десять побед, уступив только ЦДКА. А вот их московские одноклубники, овеянные европейской славой, то и дело спотыкались, чередуя победы с поражениями.

Михаил Якушин в своей книге констатировал: «Трудным оказалось для многих игроков испытание славой. Психологический момент, безусловно, сложный. Вроде бы только создали команду и сразу стали чемпионами, да ещё удачно с британскими профессионалами сыграли. Столько похвал наслушались, такими знаменитыми стали, что голова кое у кого закружилась... Одни недобросовестно к подготовке отнеслись, другие — к играм, вот и пошло всё кувырком.

И я, разумеется, как старший тренер, промахов по молодости наделал, проще говоря, вожжи отпустил и не

подхлестнул вовремя футболистов, требовательность к ним чуть снизил. Да, признаться, в какой-то момент тоже подумал, что всё по накату пойдёт. В ряде матчей ещё и с составом не угадал».

Совсем другие настроения царили в армейском стане. Леонид Горянов побывал на предсезонном сборе ЦДКА в Сухуми. Вот что он повествовал в книге «Характер чемпионов»: «Футболист и пианист в одном схожи, — любил повторять Борис Андреевич. — Для поддержания высокого уровня мастерства им необходимы постоянные упражнения. Гений ты или не гений, а над техникой изволь работать ежедневно...»

Каждому давался мяч, и он должен был забавляться им как умел и хотел: перебрасывать с ноги на ногу, устанавливать рекорд продолжительности удержания его на голове, подбрасывать и останавливать... Запрещалось лишь ничего не делать и использовать партнёра. Всё установленное тренером время игрок оставался наедине с мячом.

«Это приносило нам огромную пользу, — вспоминал годы спустя Всеволод Бобров. — Именно в эти часы мы переходили с мячом на “ты”, учились обращаться с ним по-дружески, вырабатывали столь необходимую в этих взаимоотношениях естественность и простоту».

Динамоцы проиграли и в главном сражении — с ЦДКА. Состоялся этот матч 24 мая и завершился со счётом 2:0 в пользу армейцев.

Отличились Федотов и Бобров. На 33-й минуте Всеволод, грудью приняв мяч, посланный Афанасьевым со штрафного, резким рывком прошёл между двумя защитниками и почти от линии ворот сделал передачу в центр Федотову, который с близкого расстояния переадресовал мяч в нижний угол ворот.

На последней минуте первого тайма Бобров на правом краю принял мяч, поданный со штрафного

Грининым, продвинулся вперёд и сильно пробил. Мяч задел Радикорского и отскочил в сетку.

В отчёте «Красного спорта» Юрий Ваньят расточал комплименты армейцам: «Команда ЦДКА играла выше всяких похвал. Особенно хорош Федотов — это жемчужина нашего футбола. Он вновь обрёл свою боевую форму, и ведомая им команда добилась большой и заслуженной победы».

Спустя четыре дня ЦДКА в седьмом туре со счётом 3:0 одержал верх над киевским «Динамо». Но 28 мая стало чёрным днём в истории армейского клуба...

Конечный результат был достигнут в первом тайме: дважды отличился Федотов, один гол был на счету Боброва. Во втором тайме оба лидера атак ЦДКА получили тяжёлые травмы. Григорий Федотов выбыл из игры на 55-й минуте. 20 минут спустя покинул поле и Всеволод Бобров. У него травма оказалась настолько серьёзной, что после неё Всеволод так и не смог вернуться на прежний игровой уровень.

В книге «Московский футбол» Борис Аркадьев вспоминал: «Их унесли тогда на носилках. После этого Бобров лёг на операцию. На его колено было страшно смотреть. Он всё-таки ещё играл, его боялись, действовал гипноз авторитета. Но, конечно, после киевской травмы это был уже не тот Бобров».

Что же произошло в Киеве?

Сам Бобров в своей книге не заострил на той драматичной ситуации внимание. За него это сделали другие.

Наиболее подробно ход событий изложил Анатолий Салуцкий: «Сначала с поля унесли Григория Ивановича Федотова. Перед игрой прошёл дождь, земля была влажной, а Федотов не учёл этого и хотел применить один из своих коронных финтов — с поворотом корпуса резко убрать под себя мяч. Но, видимо, шипы его бутс

очень глубоко вонзились в сырую землю, подошва оказалась словно приклеенной к полю. Между тем Григорий Иванович уже развернулся всем телом. В итоге — разрыв коленных связок.

А через несколько минут несчастье произошло с Всеволодом Бобровым.

Его персонально опекал защитник Николай Махиня, который никак не мог справиться со стремительным армейским форвардом: киевляне проигрывали 0:3. И в один из моментов, когда Бобров в очередной раз обвёл своего опекуна и готовился напрямик рвануться к воротам, обозлённый защитник... прыгнул ему на пятку. Это хорошо видел находившийся поблизости Валентин Николаев.

Бобров как всегда изо всех сил уже рванул вперёд, но его нога оказалась припечатанной к земле. Коленный сустав не выдержал такой колоссальной нагрузки, Бобров потерял сознание.

Так “сломали” одного из самых выдающихся футболистов нашего времени...»

Аксель Вартанян, полностью приняв ту же версию произошедшего, задался вопросом, почему центральные газеты, словно под диктовку, произносили одну и ту же нейтральную фразу: «Федотов и Бобров покинули поле из-за повреждения ноги». Киевский корреспондент «Советского спорта» Ковалевский убеждал читателей: «Федотов, принимая мяч, повредил колено, а Бобров во время дриблинга также растянул себе ногу». Создалось впечатление, будто футболисты сами виноваты в случившихся травмах.

Пытливый Вартанян увязал это с тем, что пятью днями ранее в Ленинграде состоялась настоящая битва между местным «Динамо» и «Торпедо». В ходе её многие игроки получили серьёзные травмы, а ленинградец Аркадий Алов прыжком двумя ногами в опорную Александра Севидова лишил 24-летнего

форварда автозаводцев возможности продолжить игровую карьеру.

Это выплеснулось на страницы печати, а писать о грубости спортсменов вновь, спустя считанные дни, в советской прессе сочли чрезмерным.

В спортивной среде по поводу случившегося в Киеве ходили разные слухи. Известному фехтовальщику Давиду Тышлеру запомнилось утверждение, что Боброва «сломали» за деньги...

Высказал свою точку зрения и друживший с Всеволодом Евгений Кравинский, который ссылаясь на самого Боброва: «Пресса утверждала, что обоим армейцам нанёс травмы защитник киевлян Лерман, но всё обстояло несколько иначе.

С Федотовым действительно было столкновение, и Лерман очень сильно зацепил за ногу Федотова, нанеся ему тяжёлую травму.

Что же касается Боброва, то его никто не трогал, просто он очень неудачно повернул ногу, и как он сам мне рассказывал, буквально взвыл от боли в колене — это был его первый мениск».

В этом пересказе важно признание Боброва в том, что причиной травмы стало его собственное неудачное движение. А с Лерманом Боброву значительно позже предстояло ещё одно свидание, которое ему запомнилось...

Налицо два диаметрально противоположных мнения. Салуцкий говорит, что Федотов получил травму сам, а Боброва травмировал соперник, Кравинский — с точностью до наоборот.

Заметим, что Салуцкий сгустил краски, говоря о травме Федотова. Случись у того разрыв связок, через три недели он не смог бы выйти на поле, как это произошло в действительности. Вероятно, это был надрыв.

Здесь стоит задержаться на фамилии грубияна. Долгое время считалось, что травму Боброву нанёс Николай Махиня. Автору книги остаётся только досадовать на себя: в 1986 году, когда в Москве по случаю полувекового юбилея первого клубного чемпионата страны собрали его участников, в организационной суеде мне не пришло в голову выведать у Николая Борисовича подробности того киевского матча.

Уже в ту пору, когда Россия и Украина стали отдельными государствами, киевский журналист Артём Франков провёл своё расследование и подтвердил, что злоумышленником, который травмировал Боброва, был всё-таки Махиня. А вот Абрам Лерман вряд ли мог быть к этому причастен, поскольку первый круг того чемпионата отыграл в нападении.

Нисколько не пытаясь обелить в той ситуации Лермана, за которым неспроста закрепилась репутация «костолома», следует напомнить, что в 1947 году он вместе с ЦДКА выезжал в турне по Чехословакии. Вряд ли армейские руководители пригласили бы в команду игрока, который намеренно нанёс травму их ведущему футболисту.

Впрочем, свой «фирменный стиль» Абрам Лерман демонстрировал и дальше — даже в матчах ветеранов. Ленинградский форвард-виртуоз Пётр Дементьев в своей книге вспоминал о событиях турнира ветеранов 1958 года: «Встреча с киевлянами за третье место завершилась для меня сильнейшей травмой. Я сидел на трибуне, играть не хотелось, так как плохо себя чувствовал. Но меня упростили выйти на поле — товарищи проигрывали. Я вышел во втором тайме. Принимал головой низколетающий мяч, и бывший партнёр по киевскому “Динамо” Лерман грубо атаковал меня, сломав мне ногой ключицу».

Анатолий Салуцкий продолжал: «Бобров так и не оправился от той тяжёлой киевской травмы, которая, по мнению Бориса Аркадьева, а также товарищей Всеволода по знаменитой пятёрке нападения ЦДКА, отняла у Боброва “пятьдесят процентов игры”. Иными словами, начиная уже с 1946 года, Бобров играл в футбол только наполовину своих истинных возможностей.

Каким же непревзойдённым виртуозом футбола сотворила его природа, если он всё равно не имел себе равных!

Он играл на обезболивающих уколах. Он бинтовал больную ногу так туго, что частично прекращалось кровообращение и, когда после матчей Бобров снимал повязку с опухшего колена, товарищи по команде думали: “Господи! Как он играет? Как он бегаёт да ещё забивает голы? Ведь с такой ногой и ходить-то трудно!”».

После событий в Киеве ЦДКА предстоял матч в Москве с опережавшим его на очко тбилисским «Динамо». Команда лишилась двух основных бомбардиров. К этому моменту на счету Федотова числилось девять голов, у Боброва — восемь. Девять голов забил и Николаев, которого в этой связи передвинули на место центрального нападающего.

Именно тогда пригодилось пристальное внимание Бориса Аркадьева к дублирующему составу, с которым плодотворно работал второй тренер Евгений Никишин. Сыгравший на месте правого инсайда Евгений Бабич сумел отличиться уже в начале матча. Второй гол забил другой дублёр — Вячеслав Соловьёв, который по ходу игры заменил травмированного Ивана Щербакова. Этот успех помог ему закрепиться в основном составе.

Проиграв стартовый матч второго круга “Торпедо”, армейцы в дальнейшем продолжали наращивать своё преимущество. Оступились они только в предпоследнем

туре, когда проиграли столичным “Крыльям Советов”. На финише ЦДКА был впереди московского и тбилисского “Динамо” на четыре очка. Армейцы впервые стали чемпионами страны!

В том сезоне игроки команды-чемпиона награждались дипломами первой степени и фуфайками с гербом СССР на груди. Всеволоду награды не достались: не сыграл в пятидесяти процентах матчей, из необходимых одиннадцати провёл только восемь.

Увы, Всеволод Бобров мог наблюдать победное шествие своей команды лишь со стороны. «После сильнейшей травмы, полученной в матче с киевским “Динамо” в 1946 году, Бобров в том футбольном сезоне на зелёном поле уже не появлялся», — сообщал Анатолий Салуцкий.

Однако уважаемый литератор заблуждался. Его ошибку исправил Владимир Пахомов: «Считается, что впервые Бобров после травмы появился в начале октября, когда футболисты ЦДКА в *Д финала Кубка СССР принимали ленинградский “Зенит”. Но на самом деле он сыграл один раз в июле, правда, провёл на поле всего несколько минут. Об этом мне рассказывал свидетель того появления Всеволода — Борис Бобров.

Армейцы приехали в Ленинград на календарную встречу с динамовцами. Местные болельщики, считающие Боброва своим земляком, откуда-то узнали, что он собирается играть, из-за чего к матчу проявлялся повышенный интерес. Особый ажиотаж наблюдался в Сестрорецке, откуда делегировали большую группу поклонников футбола, включая бывших партнёров и сверстников Всеволода.

Боброву было всё известно, а потому он буквально упросил Бориса Андреевича выпустить его на поле. Тренер дал согласие, но уже в самом начале встречи схватился за голову — ничто не напоминало прежнего Боброва, он еле передвигался по полю, едва ли не

хромал. Чтобы не портить впечатления зрителям, испугавшись, что этот выход на поле усугубит последствия травмы, Аркадьев быстро увёл Боброва с поля.

В те немногие минуты, что он находился в игре, Всеволод был ближе к трибуне, противоположной той, на которой располагались журналисты. Поэтому они и не заметили появления Боброва...

Тогда Всеволод рассердился на Аркадьева, возмутился, что ему не дали поиграть перед болельщиками, приехавшими из Сестрорецка. Но тренер считал себя правым — зачем показывать мастера травмированным, неприглядным?

Нетрудно представить, как выглядел Бобров в ленинградском матче, если спустя ещё три месяца, уже как следует подлечившись, он был во встрече с “Зенитом” всё-таки малоподвижен. Лишь на последней минуте Бобров напомнил себя прежнего, когда исполнил свой “коронный” номер — протолкнул в сетку мяч мимо замешкавшегося вратаря Леонида Иванова.

Как это ни парадоксально, но гол, забитый Бобровым, сослужил армейцам плохую службу. Если перед игрой с “Зенитом” ещё не было ясно, как на самом деле чувствует себя Бобров, то накануне следующего матча все сомнения вроде бы ушли прочь: коль забил мяч в привычной для себя манере, то, видимо, выздоровел и готов вновь идти в прорыв. Даже Аркадьев оказался под впечатлением мимолётного успеха Боброва, продемонстрировавшего, как и прежде, до травмы, великолепную технику владения мячом. Поэтому Борис Андреевич вновь решил дать возможность Боброву сыграть в течение всего матча, что было со стороны тренера определённым риском...

Аркадьев не мог не видеть, как Бобров на протяжении почти всего матча с “Зенитом” чуть ли не пешком перемещался по полю. В то же время Аркадьев

внушал себе, что не способен Бобров перестать быть Бобровым, несмотря на долгий перерыв, вызванный травмой.

Но Бобров против торпедовцев не сумел сыграть так, как от него ожидали — прорваться и забить гол, ибо на передачи партнёров бомбардир, ставший малоподвижным, плотно опекаемый соперниками, опаздывал. Временами он просто стоял на месте, из-за чего создавалось впечатление, что армейцы играют вдесятером. Линия нападения, фактически потерявшая одного футболиста, недостаточно поддерживалась полузащитниками...

Это был редкий случай, если не единственный, когда вполне понятная и желанная надежда тренера и всей команды на Боброва обернулась горькой для коллектива неудачей».

Своими впечатлениями от того кубкового матча поделился и сам Всеволод Бобров:

«Этот матч памятен мне и серьёзной собственной ошибкой, допущенной совместно с тренером. Я только-только заканчивал лечение после тяжёлой травмы, полученной в Киеве. И вот накануне матча Борис Андреевич спрашивает меня:

— Всеволод, сможете играть?

В двадцать четыре года, да ещё после весьма длительного перерыва кто устоит от искушения принять участие в интересном, важном поединке! Я ответил:

— Конечно, смогу!

Поймите, я искренне верил в справедливость этих слов. Но по существу я не должен был их произносить. И тренер не должен был легко доверять игроку в таком случае. Ибо на деле я оказался плохим помощником своей команде.

Матч мы проиграли, и проиграли трагически. Первые тридцать минут инициатива была полностью на

нашей стороне. Потом игра выровнялась. После перерыва автозаводцы минут на пятнадцать прижали нас к воротам. А потом начался наш затяжной штурм. В течение получаса игра шла в основном в пределах штрафной торпедовцев. Угловые, удары в штангу, удары выше ворот — всё было в те роковые тридцать минут — всё, кроме гола.

Могу сказать по собственному опыту, что ничего нет страшнее вот такого “безголевого” натиска. Команда напрягает все силы, бросает на чашу весов весь запас воли и веры, ждёт — вот придёт железный успех, — а результата нет. Нет из-за ненужной спешки, из-за непозволительной торопливости, а порой и небрежности нападающих. И груз, брошенный на весы, начинает медленно, но неотвратимо таять, и чаша удачи склоняется в сторону соперников.

Так получилось и тогда. Основное время — 0:0. А на сороковой секунде дополнительного пятёрка бело-чёрных рванулась вперёд. Александр Пономарёв сильно пробил. Никаноров совершил бросок, но мяч ударился в штангу, отскочил в поле, и набежавший Василий Жарков послал его в незащищённые ворота.

Нет, эта неудача ещё не сломила нас. Мы бросились нападать. Но торпедовцы защищались прекрасно. И эта стойкость, несомненно, тоже подтачивала наши силы...

Надежда живёт в сердцах. Но вот во время одной из торпедовских атак Георгий Жарков сильно бьёт по воротам. Мяч рикошетом от прибежавшего в штрафную Щербакова отлетает к Александру Пономарёву, который никогда не упускал возможности воспользоваться подобной “любезностью”. 0:2.

Тут-то мы и растерялись. И за оставшиеся шесть минут пропустили ещё два мяча. Горькое поражение. И поучительное. Кто не использует в игре свои возможности, тот даёт возможность победить противнику».

Надобно дополнить сказанное о кубковых матчах фрагментом из «Летописи» Акселя Вартаняна: «Бобров был не так активен, как прежде, зато чрезвычайно эффективен. Забил не засчитанный судьёй мяч, заработал пенальти, сделал голевую передачу, а в самом конце обыграл в присутствии ему стили защитников Ленинграда и установил окончательный счёт. Но чего ему это стоило. Полуживой вышел через три дня на матч с “Торпедо”, но двигаться не мог. Стало совсем худо».

Читателям уже известно о том, что на операцию Всеволод отправился в Югославию. Каким образом появился такой вариант, рассказал Анатолий Салуцкий: «В том же, 1946 году в СССР впервые приехали югославские футболисты — белградская команда “Партизан”, в состав которой входили несколько игроков сборной. После окончания серии из трёх игр состоялся приём для участников. На этом приёме знаменитый в будущем югославский инсайд Митич в разговоре о травмах мимоходом обмолвился о том, что белградский профессор Гроспич научился “ремонтировать” коленные суставы.

По дипломатическим каналам быстро навели справки, и той же зимой врач команды ЦДКА ортопед Ранитенский повёз Всеволода Боброва в Белград — на операцию...

Увы, операция, которую сделал Гроспич, оказалась неудачной...

Бобров держался только на уколах и процедурах, во время игр ему приходилось превозмогать сильную боль.

Вдобавок природа, щедро наделив Боброва двигательной гениальностью — движение было его стихией, он моментально, с первого показа усваивал и точно повторял любые физические упражнения, — в то же время отметила его своеобразием конституции. К

двадцати годам у Всеволода очень сильно развились плечевой пояс и торс, широкоплечая фигура стала поистине богатырской. А у таких людей на коленные суставы ложится повышенная нагрузка. Что же касается Боброва, то случай тут и вовсе оказался особым. От рождения у него были сравнительно небольшие коленные чашечки. Возможно, именно этой особенностью и объяснялась его изумительная, невиданная пластичность бега, которая проявлялась в футболе, а ещё больше — на льду. Но эта врождённая особенность, видимо, сделала Боброва более чувствительным к травмам, что сокращало футбольный век выдающегося спортсмена.

В футболе он вынужден был уменьшить беговую нагрузку и порой дожидался паса, собирая силы для решающего рывка к воротам соперника. Иногда ему даже приходилось по несколько секунд стоять на одной, здоровой ноге, чтобы дать отдых больной. Не понимая, в чём дело, зрители кричали ему: «Балерина!»».

Впоследствии Бобров перенёс ещё несколько операций на коленях, о чём мы расскажем далее. Здесь же ещё раз отметим, что он не стал придерживаться рекомендации врача. У Анатолия Салуцкого сказано, что запрет был дан на год, Анатолий Мурадов указывает полгода.

И если, как уже говорилось, Всеволоду достало ума не кинуться сразу же в хоккейные битвы, то весной 1947 года он сделал всё возможное, чтобы к футбольному сезону быть во всеоружии...

ГРИГОРИЙ ФЕДОТОВ

Странно, что при многократных упоминаниях о поездке Боброва в Югославию никогда не говорилось о том, что вместе с ним там находился Григорий Федотов. Он перенёс операцию на руке. Травма плечевого сустава не давала ему покоя с 27 октября 1940 года, когда состоялся матч с московским «Спартакoм». Прочитать о том, что тогда произошло, можно только в «Книге прощания» (сокращённый вариант — «Ни дня без строчки») Юрия Олеши, известного в основном как автора «Трёх толстяков».

Большой любитель футбола, Олеша писал: «Так как я очень люблю капитана “Спартакa” Андрея Петровича Старостина, то мне хотелось, чтобы выиграл “Спартак”. Это по дружбе, из чувства симпатии к очень милому человеку. Но спортивно мне хотелось, чтобы выиграл ЦДКА, так как там играет поражающий меня центрфорвард Григорий Федотов. Этот Федотов, действительно великолепный игрок, является сейчас сенсационной фигурой в Москве. О нём знают и говорят даже те, кто не ходил на футбол...

Примерно на десятой минуте, в то время, когда у ворот “Спартакa” произошла свалка, вдруг Федотов отделился от общей кучи игроков у самых ворот и стал отходить к лицевой линии, уже по виду не участвуя в игре.

Он шёл, согнувшись, видимо, страдая, и держал левой рукой правую руку у плеча, и эта рука, видимо, повреждённая, висела неестественно прямо по направлению к земле и выделялась на всей его фигуре этой неестественной для согнутой фигуры прямизной. Рука в красном, обтягивающем рукаве.

Федотов вывихнул руку.

Игра не остановилась. Федотов вышел за лицевую линию, его окружили сразу устремившиеся к нему люди, среди которых был врач с повязкой и с чемоданом. Федотов, как это видно было, сдерживал себя, чтобы внешне не выразить страдания, сел на скамью, и, когда к нему кто-то из окружающих нагнулся, он приткнулся головой к этому человеку. Так ему было больно. Сразу очутившись вне игры, то есть сразу сделавшись обыкновенным человеком и, кроме того, ещё страдающим, он не мог остаться в положении человека, легко одетого и не чувствующего в холодный день холода, и поэтому на него тотчас набросили чью-то кожаную с белым меховым воротником куртку.

Всё время продолжалась игра, и сама по себе продолжалась сцена у лицевых ворот, где на скамейке, окружённый людьми, сидел знаменитый игрок, над которым склонился проделывающий какие-то манипуляции врач. Потом Федотова, который шёл, так же согнувшись, как он уходил с поля, и так же поддерживал у плеча прямо висящую руку, повели вдоль северных трибун. Из-под висящей на нём кожаной куртки виднелась кусками его яркая одежда футболиста.

Обычно когда игрок покидает поле, этот путь освещается в направлении подземного хода, находящегося в восточном углу поля, откуда обычно выбегают перед началом матча футболисты. Но Федотов что-то сказал тому, кто его вёл, и они свернули с середины пути к главному выходу, откуда входит на трибуны публика. Может быть, ему, как вызывающему у зрителей обычно интерес славы и победы, не хотелось, чтобы его видели и наблюдали за ним в то время, когда он находился в положении, которое могло вызвать не тот интерес, а другой, связанный с тем, что он

страдает. Ему, видимо, не хотелось, чтобы на него глазели».

А теперь выслушаем другого очевидца случившегося — жену футболиста Валентину Ивановну, которая в интервью «Спорт-экспрессу» в августе 1995 года рассказывала:

«Он как к воротам выходил, редко когда гол не забивал. Вот и тогда к воротам прорвался, а кто-то из спартаковских защитников возьми да и схвати его за руку, чтобы Гриша выпрыгнуть не смог на верховой мяч. Ох и больно же ему тогда было!

Но не думаю, что ему хотели травму умышленно нанести. Да и сам Гриша потом за своего обидчика вступался, жалел его, когда тому пеняли, что такого игрока травмировал: “Чего вы на человека напустились? Это же футбол”...

Когда руку ему травмировали, попросил, чтобы я ему сшила резиновый бандаж. Наденет его на руку и — вперёд. Все мышцы оторваны, а он — вперёд. Ребята просят: “Гриша, ты только выйди, одним своим присутствием нас вдохновишь. А гол забьёшь — уходи, отдыхай”. И верно, он гол забьёт и уходит.

В Югославии ему операцию сделали. Вытащили из верхней части ноги две мышцы и связали ими две кости в плечевом суставе. Вроде всё приросло нормально, но только потом после каждой игры он ночью не мог долго уснуть. Из-за боли.

— А финал Кубка СССР 44-го года помните? Это, наверное, был тот случай, когда Федотов, вняв просьбам товарищей помочь команде, позднее пожалел о своём благородстве...

— У него перед игрой был перелом малой берцовой кости и трещина в другой. Врачи выдали ему справку, что он может бегать по прямой. Представляете? После матча Грише сделали рентген, показавший уже

перелом обеих костей. Как он мог играть с двумя переломами?!

Это просто не укладывается в голове. А как он мучился со своей рукой! Она ведь выскакивала всякий раз, когда он открывал дверь. А он всё терпел. Терпел и играл».

И в самом деле, можно ли играть с переломом ноги? Не утратила ли Валентина Ивановна?

Сам Григорий Федотов в «Записках футболиста» о своём участии в финале Кубка 1944 года высказался так: «Мне кажется, что здесь, как я понял потом, была допущена ошибка. Не думаю, что она решающим образом повлияла на исход состязания, но всё же своё действие определённо оказала. Дело в том, что команда настаивала на моём обязательном участии в игре. Я же перед встречей был не совсем здоров: побаливала нога, ушибленная в предыдущей игре. Команда, вместе с тем, привыкла ко мне. Конечно, товарищи не требовали от меня игры выше сил. Они говорили, что приложат все усилия, чтобы моё участие в игре было облегчённым. Я знал, что так оно и будет, к тому же мне самому очень хотелось сыграть. Какой же настоящий футболист откажется от игры, а тем более в финальной встрече на Кубок! Я поспешил присоединить свою просьбу дать мне сыграть. Тренер неохотно, но всё же дал согласие...

Недостатка в желании отыгаться, выиграть у нас, конечно, не было. Нельзя было тут особенно винить и мою ушибленную ногу. Повторяю, я забыл о ней и, как мне казалось, играл в полную силу...»

В словах Федотова видится некоторая нарочитость. Постарался, видимо, делавший литературную запись Михаил Александров. Хотя, конечно, «ушибленная нога» и перелом — не одно и то же. И всё-таки показалось странным, что такой искушённый тренер, как Аркадьев,

дал согласие на участие в игре травмированного футболиста.

Подтверждение правильности этих подозрений удалось обнаружить в книге Валентина Николаева: «Григорий Иванович был травмирован — трещина берцовой кости. Все ребята очень за него переживали и, как один, считали, что он не должен выходить на поле во избежание серьёзных последствий. Высказывались соображения, что команда — боеспособный коллектив — и способна и в отсутствие выдающегося мастера показать хорошую игру и победить. Говорили об этом самому Григорию Ивановичу, и он с нами соглашался. Такого же мнения был Борис Андреевич Аркадьев, но подвергся сильному давлению со стороны руководства, требовавшего выставить Федотова на матч. Наш наставник как мог сопротивлялся, но всё решили врачи, сообщившие начальству, что Григорий Иванович играть может. Я же и сегодня считаю, что в этом был наш промах, главным образом, психологического плана. Если же говорить о том, как играл тогда наш лидер, то во имя истины не могу не сказать о том, что он побаивался вступать в единоборства, бить больной ногой».

Не прошёл мимо того случая и Михаил Якушин: «Я знал, что накануне Федотов получил серьёзную травму колена, и, сидя на трибуне, несколько удивился, когда увидел, что он выходит на поле. Сцену, которая происходила накануне матча в армейской команде, я себе представил точно.

ЦДКА впервые в своей истории вышел в финал. Игра почётная, престижная, всем хочется в ней выступить, а особенно лучшему футболисту команды. Он сам ещё колеблется, но товарищи уговаривают: “Гриша, выходи играть. Мы, если что, поможем тебе, всё равно их обыграем, ведь финал Кубка...”

ЦДКА в тот момент был действительно сильнее “Зенита”. Федотов, видя такое настроение партнёров, согласился и допустил грубейшую ошибку. Армейцы весь матч играли вдесятером. Федотов и больной ногой ничего не мог сделать, и здоровой, так как опоры не было...»

Вернёмся, однако, к травме Федотова, которую описал Юрий Карлович Олеша.

Человек бесконечно добрый, Григорий Федотов своего обидчика жалел, а наивной души Валентина Ивановна полагала, что травму мужу нанесли неумышленно. Она заблуждалась. Много ли нужно, чтобы вывести соперника из строя подлым приёмом? Надо только знать, как это сделать незаметно от судьи.

В том случае злоумышленником являлся игрок «Спартака» Тучков. По иронии судьбы полный тёзка Федотова — тоже Григорий Иванович. Тучков дёрнул Федотова за руку во время прыжка, о чём поведал автору книги вратарь ЦДКА Владимир Венёвцев, находившийся тогда в запасе. Пути Господни неисповедимы — в послевоенные годы Тучков играл за ЦДКА.

Как известно, долг платежом красен. Не все были столь простодушны, как Федотов. Анатолий Мурадов приводит фрагмент монолога вратаря футбольного «Спартака» Алексея Леонтьева: «Вот Якушин, Михей. Я его считаю гениальным спортсменом. Игроков с таким умом больше не было. И хитрый был — страшно. Но в игре не брезговал ничем. Мог технично сделать кому-нибудь накладку или ногу подставить так, что мениск мог тут же выскочить. Помню, играл у нас Гриша Тучков. Михей называл его “стальным”: и так, говорит, ногу ставлю — хоть бы что, и так — хоть бы что, ну ничем его не возьмёшь. Вот не брезговал... А игрок был — от Бога».

Спору нет, прав был Алексей Иванович. Не должно быть в спорте разного рода нечестных приёмов и ухищрений. Но не всё, видимо, из ворот ему было видно. Якушин знал, кто чего стоит. Совсем неспроста он «охотился» именно за Тучковым...

Несмотря на операцию, у Григория Федотова развился так называемый привычный вывих плечевого сустава.

Читаем у Анатолия Салуцкого: «Это означало, что травма могла периодически повторяться. Особенно сильно Федотов пострадал в 1948 году в матче против ленинградского “Зенита”. Он столкнулся с полузащитником Левиным-Коганом, упал и снова получил чрезвычайно болезненный вывих плечевого сустава. Врач ЦДКА Искандер Файзуллин не рискнул вправлять плечо в медпункте стадиона, поскольку Григорий Иванович незадолго до этого перенёс операцию.

На “Скорой помощи” Федотова немедленно доставили в Ленинградский травматологический институт, где врачи долго, но безуспешно пытались “вставить” плечо на место. Наконец пришёл какой-то пожилой травматолог, осмотрел Григория Ивановича и велел... положить его на пол. А сам стал снимать с правой ноги сапог. Потом лёг на пол рядом с Федотовым, сунул ему под мышку свою пятку и сильно дёрнул его за правую руку.

Плечевая кость встала на место, и Федотов поднялся с пола вполне здоровым. Это был старый пироговский способ “валета”, которым ещё в прошлом веке вправляли плечевые суставы».

«Бобров был на шесть лет моложе Федотова, — писал Владимир Пахомов. — Для него, воспитанного в почтении к старшим, особенно пользовавшимся

большим уважением окружающих, это являлось существенной причиной для соблюдения некоторой дистанции с Федотовым, которого в 30-летнем возрасте называли в команде не иначе как Григорием Ивановичем. Тот приезжал на предматчевые сборы на Ленинских горах с женой и маленьким сыном. Общих интересов за пределами футбольного поля у семейного человека и молодого парня, расположенного к поступкам, свойственным его возрасту, не было».

Григорий Федотов пользовался огромным авторитетом в футбольной среде. И не только в футбольной. В знак благодарности за успешную игру в составе «Торпедо» в турне по Франции в 1938 году директор Московского автомобильного завода Иван Алексеевич Лихачёв предоставил ему комнату в одном из ведомственных домов. Был он единственным из команды, кто к 1945 году имел своё жильё. Опережал Федотов своих партнёров и по числу звёздочек на погонах.

Валентина Ивановна рассказывала: «Гриша со многими торпедовцами дружил, не только со ставшим тренером Виктором Масловым. Мы в Москве на улице Машиностроителей жили, и автозаводцы там же. После игры любили к нам приходить. Сидели допоздна, все матчи обсуждали...

К нам домой кто только не заходил. Ну, армейцы это само собой. Спартаковцы очень Гришу любили, особенно Старостины и особенно Николай Петрович. Если «Спартак» куда ехал за рубеж, они Федотовым усиливались в обязательном порядке. Подходил он этой команде, да и Гриша сам мне говорил: «Валюша, ты понимаешь, ближе мне 'Спартак', чем ЦДКА. Там хочу играть».

Его ведь и перед армией звали в «Спартак». Когда срок службы закончился, это в сороковом году было, решил он перейти туда, куда звали. Посоветовался со

мной. Не знаю, говорю, делай так, как тебе будет лучше. Поехали мы в Сокольники, где на лыжной базе ЦДКА тренировался. Заходим в комнату, а там ребята сидят, его ждут. Головы у всех опущены. Гринин встаёт и говорит, ко мне обращаясь: “Валя, если он уйдёт, у нас же вся команда распадётся, не будет больше ЦДКА”. Говорит, а у самого голос дрожит и в глазах слёзы стоят. И не только у него. Не выдержал Гриша: “Остаюсь”. Не мог он отказать, если ребята просили».

Спартакотцы и в самом деле мечтали заполучить Федотова не только для зарубежных вояжей. Для Николая Петровича Старостина Григорий был своего рода футбольной иконой.

Спартакотский патриарх в своих мемуарах «Футбол сквозь годы» поведал, что впервые услышал о нём весной 1937 года, когда в парилке Сандуновских бань с ним рядом оказался известный футболист Константин Блинков, имевший отношение к команде «Металлург»: «Найден игрок, каких ещё Москва не видела. Этот малый из Ногинска утрёт нос всем нашим атаманам. С первого взгляда видно, что игрок от Господа Бога. Фамилия Федотов. Словами не расскажешь. Приходи, увидишь. А когда увидишь, то спать не будешь, пока в “Спартак” не перетянешь. Я заметил его ещё осенью, но, конечно, молчал, а сейчас он на левом краю “Металлурга” в Сочи чудеса творит...»

В подтверждение приоритета «Металлурга» в открытии Федотова приведём фрагмент из книги Татьяны Любецкой о братьях Аркадьевых: «Борис Андреевич вспоминал, как однажды его команда приехала на товарищескую встречу в Глухово и там на поле он увидел нескладного, косолапного парня. Но лишь только “косолапый” овладевал мячом, как сразу же преображался в виртуоза, у которого получалось абсолютно всё».

Старостин-старший признавался: «Я сразу поверил, что Федотов — звезда, которую проглядел наш “Спартак”, третий год играющий без настоящего левого края.

Если меня спросят, кто лучший из лучших в советском футболе, отвечу: Григорий Федотов...

Чего, например, стоил первый гол непобедимым баскам, забитый им так, что и сейчас не верится! Мяч непостижимо влетел в ворота с самой лицевой линии. Вот и верь после этого, что резаный удар “сухой лист” изобретён в 50-х годах в Бразилии. На двадцать лет раньше им уже владел Григорий Федотов.

На Антверпенской рабочей олимпиаде он обеспечил победу в турнире “Спартак”. В решающей встрече с командой Барселоны Григорий одного за другим обвёл всех испанских защитников и протолкнул мяч в сетку. Мы победили 2:1. Через несколько дней в Париже с его помощью был взят Кубок парижской выставки».

«Этот виртуоз с лицом васнецовского Иванушки стал бы бесценным украшением для любой сильнейшей профессиональной команды мира», — писали о Федотове французские газеты.

Автору этих строк довелось услышать рассказ о поездке автозаводцев во Францию из уст её участника Вячеслава Орлова. Как и в составе «Спартака», лучшим в «Торпедо» оказался Григорий Федотов. И в этом случае он внёс решающий вклад в победу над сборной рабочих клубов Французской Ривьеры — 6:1. Григорию удалось поразить ворота в падении коронным ударом с лета. Восторженные болельщики на руках донесли его до раздевалки...

Вот другой фрагмент из мемуаров Николая Старостина: «В своё время я не мог налюбоваться игрой Григория Федотова. Не в том дело, что он забивал имевшие дорогую цену голы, и даже не в том, что, наблюдая за ним, нельзя было не испытывать

эстетического удовольствия. Федотов надолго предвосхитил футбол будущего, внёс в игру столько нового, сколько не снилось самым прозорливым тренерам.

Ещё в довоенное время он с безошибочной разумностью, непринуждённо действовал согласно требованиям обстановки, умел сыграть либо индивидуально, либо строго в командных интересах. С ним все партнёры играли хорошо, во всяком случае, лучше, чем в его отсутствие. Он быстро подмечал, кто в чём силен. Если, скажем, у его товарища уверенный удар с правой ноги, можно было не сомневаться, что Федотов откинет ему мяч под эту ногу. В пору жёстких тактических схем наперекор общепринятому он со своего левого фланга уходит и в центр, и направо — как ему подсказывает интуиция.

Он первым в нашем футболе начал забивать мячи головой в падении. Стал постоянно пользоваться резаными ударами, когда о “сухом листе” никто и понятия не имел. У него был оригинальнейший бег, он бежал не выпрямляясь, и как бы приседая, и, чем более всего обескураживал защитников, неуловимо менял скорость: разгонится, приостановится и снова рванётся...

Хорошо помню, что уже в 1937 году Федотов имел собственное мнение по всем игровым вопросам, учить его было нечему. А был ему тогда 21 год. Он на удивление рано постиг суть игры, оригинально, остро истолковывал тактические моменты. Федотова в ту пору, когда он из Ногинска перебрался в столицу, нельзя было назвать человеком особо развитым и начитанным. Но он был, я бы выразился, хитро-весёлым, всё ловил с полуслова, быстро схватывал, точь-в-точь как на поле, в игре».

Не склонный к сантиментам Михаил Якушин внёс свою лепту: «Это был настоящий футбольный

самородок. Технике его специально никто не учил, но он тем не менее благодаря своему природному дару управлялся с мячом так, что любо-дорого было глядеть. Когда Федотов, скажем, принимал мяч, он одним движением и останавливал и подготавливал его для дальнейших действий.

Лёгкий, как ветерок, Федотов в мгновение ока срывался с места с мячом, так что защитники только его и видели.

Всё он на поле делал без напряжения. Удары с лета и с земли, передачи партнёрам выполнял безукоризненно».

В 1940 году сборная Москвы, созданная на базе «Спартака», побывала в Болгарии, где разгромила своих соперников: «Славию» со счётом 6:1, а сборную Болгарии — 7:1. В обоих поединках Григорий Федотов забивал по три мяча, став героем турне. Его заслуги были отмечены званием заслуженного мастера спорта и именными золотыми часами с гравировкой «Отличному футболисту Красной армии, лейтенанту Григорию Федотову от наркома обороны маршала С. Тимошенко».

Михаил Якушин вспоминал ту поездку: «Там и пришлось сыграть мне вместе с Федотовым. Друг друга на поле мы поняли сразу и получили удовольствие от совместной игры. На нашу с ним долю пришлось девять мячей, забитых в результате просто-таки идеального взаимодействия.

К сожалению, Федотов вскоре получил тяжёлую травму... Врачи зафиксировали привычный вывих плеча. Играть ему стало непросто: малейшее столкновение приводило к возобновлению травмы... Поэтому на поле он выходил теперь с некоторой опаской. Вскоре после войны другой защитник-костолом серьёзно повредил Федотову колено. После этого, конечно, его возможности стали ограниченными, и он в основном только подыгрывал партнёрам. И хотя делал это

мастерски, прежнего блеска и разнообразия в игре Федотова уже не было».

Кто мог оценить игру Григория лучше, чем Борис Аркадьев, под началом которого Федотов отыграл в общей сложности восемь сезонов. В книге «Тактика футбольной игры» он писал: «Лучшим центральным нападающим до полученных им травм колена и плеча был, бесспорно, Григорий Федотов, обладавший полным набором качеств, необходимых для этого амплуа».

Обратимся к книге Татьяны Любецкой: «Его основным “коньком” Борис Андреевич считал способность совершать удары по воротам в сложнейших ситуациях и из любых положений, а самым знаменитым его ударом — удар с лета. Что же касается федотовских передач, то они были столь точны и своевременны, что принявшему мяч оставалось лишь забить гол. Он вообще очень тонко чувствовал, когда нужно сыграть с партнёром, а когда в одиночку...»

«Как его уважали игроки! — вспоминал Борис Андреевич. — От него исходило какое-то магическое внушение уважения, признания. В игре соперники не решались бить его по ногам. Никому просто в голову не приходило общаться с ним на языке пинков и подножек. А его бег! Быстрый? Да, но не самый быстрый. Впрочем, если он устремлялся на прорыв, то, как правило, уходил от преследователя. Но не в этом, однако, дело. Интересна была сама манера бега — этакий длиннющий, тягучий шаг. Он как бы стелился по полю в отличие от Боброва, у которого была высокая посадка, высокий вынос колена...

А если Федотову случалось оказаться в защите — к примеру, команда ведёт, до конца игры остаётся немного времени, и, чтобы не пропустить гол, нападение оттягивается назад, уплотняя тылы, — он был очень похож на защитника и так искусно отбирал мяч и разрушал “вражеские” комбинации, что могло

показаться, будто он всю жизнь только и играл в обороне — опять же в отличие от Боброва, который в защите выглядел словно бы не в своей тарелке, ибо был форвард и только форвард “божьей милостью”».

Непосредственным «пострадавшим» от действий Федотова был его будущий одноклубник Константин Лясковский. В книге «Техника ударов» он писал: «Много лет тому назад Григорий Федотов, ещё совсем молодой, малоизвестный даже мастерам, при “первом знакомстве” забил нам, армейцам, такой гол, что мы этого форварда запомнили раз и навсегда.

Было это в матче чемпионата страны между ЦДКА и “Металлургом” в 1937 году. В то время Федотов играл в “Металлурге” на левом краю, а я — центральным защитником в ЦДКА.

Игра сложилась так, что Грише в первой половине не пришлось особенно проявить себя: партнёры мало пасовали ему на левый край. Но вот в конце тайма один из нападающих “Металлурга” прошёл по правому флангу почти до линии ворот и сделал высокую навесную передачу на противоположную сторону в район угла штрафной, где, как мне показалось, совсем безучастно стоял Федотов.

Я бы мог перехватить передачу головой, но мелькнула мысль, что с места, где находился Федотов, гола не забить. И вдруг Федотов сделал молниеносный рывок навстречу мячу и с резким поворотом на опорной ноге, сильно наклонив туловище, ударил по снижающемуся мячу правой ногой. Мяч пулей пролетел мимо меня и, ударившись о землю перед вратарём, влетел в дальний угол».

Аркадий Чернышёв получил известность как хоккейный тренер, но был он в своё время и незаурядным футболистом. Вот фрагмент из его интервью еженедельнику «Футбол-хоккей» (№ 39 за 1971 год): «Я играл до войны в футбольной команде

московского “Динамо” центральным защитником. Приходилось опекать таких нападающих, как Борис Пайчадзе и Григорий Федотов. Каждый из них был истинным виртуозом.

На Пайчадзе играла вся команда, поэтому разрушать комбинации тбилисцев было значительно легче. Получив мяч, Пайчадзе нелегко с ним расставался, он обладал великолепным дриблингом, и отобрать у него мяч было сложно. Но я преследовал его, боролся, и часто мне удавалось обезвредить главного форварда тбилисского “Динамо”.

Федотов не терпел однообразия. Каждый ход его был неожидан, не похож на предыдущий: он отлично видел партнёров, не скупился на передачи, сам мог обыграть защитника, пройти вперёд, ударить издалека, остро открыться. Насколько же мне труднее было играть против Федотова!»

Татьяна Любецкая писала: «Можно много говорить о феномене Федотова, изучая нюансы и тонкости его игры. Но весьма важно и то, что его “игровой гений” венчало редкое трудолюбие. Григорий Федотов не уставал отрабатывать на каждой тренировке, казалось бы, уже вполне совершенные удары, приёмы, финты. И позднее тот, может быть, единственный в нашем футболе, кто смог стать рядом с Федотовым, Бобров, скажет о нём: “Мы работали с очень высокой нагрузкой, даже по нынешним временам. Но упорнее всех тренировался Григорий Иванович. Кончится основное занятие, все мы взмокли, а он и не собирается уходить с поля. ‘Давай-ка постучим по воротам’, — говорит мне и ‘стучит’ ещё час, а то и два...”».

Интересны и рассуждения Льва Филатова: «Довоенный, молоденький, он помнится как левый край “Металлурга” и ЦДКА. Довольно крупный, но какой-то мягкий, легко управляющий телом белокурый парень не зло, по-доброму обводил и обманывал защитников,

выскакивал на простор и делал всегда не то, чего следовало ждать, что сделал бы любой другой на его месте, а всё наоборот: вместо удара откатывал мяч назад в центр; вместо паса вдруг бил, низко склоняясь к траве, и мяч по диковинной траектории, огибая вратаря, летел в дальний верхний угол. Этой своей непостижимостью, приводившей тем не менее к желанному результату, он покорял и противников и зрителей. На левом краю он был персонажем из сказки со счастливым концом, Иванушкой, преодолевающим любые хитрые козни.

Потом мы увидели его центральным нападающим, и начались чудеса похлеще. Здесь, будучи наречен главной фигурой, он и матча не взял, чтобы обвыкнуться. Его талант оказался разносторонним, неисчерпаемым. Федотов стал лидером команды по праву своего искусства, лидером покладистым, терпеливым, прекраснодушным, не стремившимся к самовластью, как иные записные бомбардиры, жадно требующие игры на себя.

Он забивал сам и давал забивать другим. А забивал он, как никто другой. Казалось, он не прилагает никаких особых усилий. Так, ненароком уловит мгновение и ударит, склонив тело на сторону, чтобы мяч удобнее вошёл в подъём его большой ноги. При этом ни мощного движения, ни пушечного выстрела, ни рывка, когда от топота гудит земля, нет, всё мягко, незаметно, а мяч — в воротах, и только по резко переломившемуся телу вратаря можно было понять, какой силы и точности федотовский удар.

Попал, и никакого торжества или вызова. Возвращается не спеша к центру человек, знающий, что он сейчас сделал то, что делать умеет, и готовый сделать это снова. Он умел забивать с неочевидных позиций, что обманывало защитников. Он умел посылать послушный мяч не в заманчиво открытый

ближний угол, где его можно настичь броском, а в неудобный дальний, чем приводил в отчаяние вратарей.

Хоть и забил он первым сто мячей в матчах чемпионатов и носит Клуб бомбардиров его имя, прелесть федотовской игры не исчерпывается попаданиями. О нём как-то даже неловко сказать, что он был техничен. Техничность подразумевает выучку, владение набором известных приёмов. Выучки у Федотова не ощущалось, он всё делал так, как ему удобно. Потому и не был он ни на кого похож, потому и труден был для защитников...

Мы часто толкуем о футбольной талантливости. У Федотова, самоучки из посёлка Глухово, дарование было настолько очевидным, что о нём иначе как “рождён для футбола” и не отзовёшься. Именно и только для футбола».

Валентина Ивановна Федотова вспоминала: «Бывало, напишут про него в газете, я почитаю и его зову, а он отнекивается. Не любил про себя читать. Не любил, когда хвалят. Зато любил недостатки у себя искать. Ночью, бывало, не спит, ворочается. “Ну, чего ты ворочаешься?” — “...А вот тогда, помнишь, ну когда я пас отдал, может, стоило самому ударить... Тот мяч головой надо было бить”. Он мог бесконечно футбольный матч в памяти прокручивать и корить себя за ошибки...

Я когда с ребятами встречаюсь, часто плачу. Это хорошие слёзы. Все вспоминают Гришу добрым словом. Тот же Башашкин считает своим тренером Федотова. А как Гриша Разинского тренировал! Перед ударом говорил, куда будет бить, и всё равно забивал. Удар у него, сами знаете, какой был. Гриша всем помогал. Не кричал во весь голос на поле, когда кто-то ошибался, а тихонечко подходил и всё один на один объяснял».

Интересное, хотя и не бесспорное сравнение представил Анатолий Салуцкий: «Когда Григорий Иванович играл на месте левого крайнего нападающего, он беспокоил вратарей сравнительно мало, лишь создавая голевые ситуации для партнёров. Но переместившись в центр, стал забивать значительно больше голов. Вратари хорошо знали знаменитый федотовский удар с “полулёта с поворотом”. Но этот удар шёл главным образом с правой ноги, и когда Федотов замахивался, опытные голкиперы понимали, что мяч пойдёт в правый угол, потому что Григорий Иванович уже не мог изменить направление удара.

И совершенно иначе бил по воротам Всеволод Бобров.

У этого форварда был необычайно подвижный коленный сустав, что позволяло ему изгибать бьющую ногу наподобие пропеллера и при одном и том же замахе направлять мяч в разные стороны. В какой-то мере удар Боброва можно было сравнить с действиями игрока в настольный теннис, который держит маленькую ракетку двумя пальцами и в самый последний момент движением кисти изменяет направление удара.

Всеволод мог повернуть подъём ноги в любую сторону — это сбивало с толку вратарей. Нога у Боброва шла мягко, пластично, стадия подготовки к удару отсутствовала вообще, поэтому угадать, куда полетит мяч, было практически невозможно».

Гулбат Торадзе в своей книге «Футбол на всю жизнь» поведал о малоизвестной странице в истории отечественного футбола:

«Поздней осенью 1946 года предполагался выезд чемпиона страны ЦДКА во Францию для проведения товарищеских игр. И вот в Тбилиси собрался весь цвет советского футбола.

В одной двусторонней и двух тренировочных матчах с местными второразрядными командами в линии нападения переиграли вся пятёрка ЦДКА во главе с оправившимися от травм Федотовым и Бобровым и “занятые” из других команд Бесков, Трофимов, Карцев, С. Соловьёв, Пайчадзе, Пономарёв.

Особенно блистал Федотов, забивший несколько мячей из немыслимых положений. Бобров же, видимо, не желавший ему уступать, тоже дважды поразил ворота, причём один раз — фантастическим образом: в падении через себя.

Однако, к всеобщему огорчению, зарубежная поездка не состоялась, была отменена приказом “сверху”. Начиналась холодная война.

А жаль. Думаю, что эта сборная (лучшая, на мой взгляд, в истории) была в состоянии победить любую европейскую команду. В первом из тренировочных матчей с тбилисским “Локомотивом” (5:2) имел место поистине уникальный случай. При счёте 5:0 в ворота сборной был назначен штрафной удар. До ворот 35-40 метров. Тем не менее защита выстраивает стенку. Возмущённый вратарь Никаноров требует убрать её. Какие, мол, здесь могут возникнуть проблемы? Стенка рассыпается. К мячу подходит Гаврош Богателло — обладатель феноменального по силе удара с носка. Об этом знает весь стадион, не знают лишь москвичи. Разбег — и мяч пулей влетает в правую “девятку”. Сконфуженный вратарь достаёт мяч из сетки. Незабываемый кадр!

Второй же матч с ТОДО, к всеобщему удивлению, закончился поражением сборной 0:1. Раздосадованная отменой поездки команда играла вяло, безучастно, а Боброва в составе не было...»

ПОД ОГНЁМ КРИТИКИ

На старте чемпионата 1947 года фавориты поменялись ролями. На сей раз неубедительно начали турнир армейцы. Валентин Николаев не был согласен с предположением о снижении футболистами требований к себе. Причину он видел в отсутствии из-за травм Федотова и Боброва.

Для усиления игры Борис Аркадьев сделал ставку на лучшую функциональную подготовку. «Ни одна команда, — писал ещё в конце 1946 года Михаил Якушин, — не может сравниться сегодня с армейцами по уровню общефизической подготовки. Они играют от начала до конца на одном дыхании».

В третьем туре ЦДКА со счётом 1:3 уступил московскому «Динамо». Воодушевлённые этим успехом динамовцы в первом круге лишь дважды сыграли вничью и прибыли на промежуточный финиш с отрывом от армейцев в пять очков.

Отправной точкой натиска ЦДКА стал кубковый матч с принципиальным соперником, который состоялся 6 июля.

«Он показателен тем, — писал Всеволод Бобров, — как исключительно важно для команды уметь вовремя увидеть слабое место в лагере противника и приспособить свою тактику к конкретно сложившейся на поле обстановке.

На установке мы получили чёткую схему игры. Действовать сдвоенным центром, наращивать усилия в средней зоне, больше подключать к атаке Гринина. Но как только началась игра, последовали два стремительных рывка Владимира Дёмина, и мы увидели, что опекающий его Радикорский не

справляется с быстрым, юрким нашим нападающим. И сейчас же план игры стал творчески пересматриваться. Всё чаще и чаще теперь передачи из центра адресовались на левый край. Для усиления давления сюда часто перемещались Вячеслав Соловьёв и даже Алексей Гринин. План — не догма, мы теперь откровенно играли на Дёмина.

И вот на 25-й минуте, разыграв двухходовую комбинацию с Грининым, Дёмин стремительно проходит Радикорского, срезает угол к воротам и сильно бьёт (а бил он прекрасно с обеих ног). Алексей Хомич в прыжке достаёт этот мяч, но удержать не может, мне остаётся лишь добить его в ворота.

В тот раз мы победили с убедительным счётом 4:1. И все мячи были забиты или самим Дёминым, или в результате комбинаций, начатых им. Гибкая тактика, умение быстро перестроиться на ходу, творчески скорректировать первоначальный план принесли нам успех».

Аксель Вартанян подтверждал: «Владимир Дёмин сыграл (таково мнение его однопольчан) лучший матч в карьере. Со своим визави Радикорским он делал что хотел, проходил раз за разом, выводил на удар коллег, бил сам. И дважды пробил не очень удачно сыгравшего Хомича. Дублем отметился и Всеволод Бобров. Один мяч он забил с подачи Дёмина, набравшего в этом матче по системе “гол+пас” три очка».

Справедливости ради, скажем, что ещё в первом тайме Всеволод Радикорский получил травму и полноценно противостоять сопернику не мог. Юрий Ваньят отмечал в «Труде»: «Защитник “Динамо” Радикорский, повредив ногу, по существу лишь присутствовал на поле и не смог помочь команде». Замены же полевых игроков в том сезоне не разрешались...

Тем не менее противостояние динамовского защитника и форварда ЦДКА стало предметом пристального внимания. Борис Аркадьев в книге «Тактика футбольной игры» писал: «В матчах ЦДКА против московского “Динамо” тактическая пара противников — левый край Дёмин и правый защитник Радикорский — была одним из определяющих в пользу ЦДКА факторов игры.

Быстрый дриблёр Дёмин легко обыгрывал один на один медлительного Радикорского, чем сразу разрушал всю динамовскую систему защиты, построенную на держании и разборе игроков».

Владимира Дёмина любили и партнёры, и болельщики. Маленького, с округлой фигурой, за пунцовость щёк его в команде называли Редиской.

Правда, вскоре в полуфинале армейцы со счётом 0:1 проиграли «Торпедо». Из-за травмы Прохорова Гринин был вынужден по ходу игры занять его место. Аксель Вартамян сообщал в «Летописи»: «Больной Федотов в игре не участвовал, Бобров был не в духе, в результате самое сильное звено армейцев, нападение, попросту развалилось...»

14 августа московское «Динамо» и ЦДКА сошлись в матче второго круга.

«Мотивации, желания победить у армейцев имелось больше, — живописал Аксель Вартамян. — Возможности в связи с отсутствием на поле часто хворавшего Федотова были ограничены. Но деваться некуда — труба звала на штурм голубых высот. Однажды это удалось — во втором тайме. После подачи углового Бобров пробил в штангу. К отскоку первым успел сменщик Федотова Вячеслав Соловьёв — 1:0».

Вновь предоставим слово Всеволоду Боброву: «В команде состоялось специальное собрание, на котором

обсуждался вопрос о том, можем ли мы догнать наших грозных соперников.

— Очень трудно, — говорили некоторые, — ведь для этого нужно не проиграть ни одной игры.

— Да, трудно, но можно, — сказал нам тренер. — Можно, если проявить волю и железную дисциплину.

К каждому матчу мы начали готовиться, как готовятся к решающему сражению. Перед встречей выслушивали доклады о команде соперника, о каждом из её игроков. Совместно обдумывали план предстоящего матча. И всё это дало невиданный эффект: одиннадцать побед подряд! Оставалось два соперника — тбилисское “Динамо” и сталинградский “Трактор”».

Валентин Николаев подхватил тему: «Похоже, на динамовцев поражение от ЦДКА подействовало крайне удручающе. Только этим можно объяснить, что их как будто подменили в последующих матчах — против московских, а затем куйбышевских “Крыльев Советов”, когда лидеры вновь уходили с поля побеждёнными. После этого борьба за лидерство значительно обострилась. Наша команда уверенно выигрывала встречу за встречей и к заключительному этапу чемпионата подошла уже в роли лидера. Правда, преимущество ЦДКА было весьма зыбким — всего в одно очко».

Аксель Вартанян нагнетал: «Кульминация созрела в концовке. “Динамо”, расправившись в Тбилиси с одноклубниками (4:0), обыграло в Сталинграде в заключительном матче “Трактор” — 2:0. Набрано 40 очков, формальные лидеры продлили командировку в город-герой на неделю, чтобы посмотреть матч “трактористов” с ЦДКА.

К моменту финиша динамовцев у их конкурентов оставалось две игры в запасе при дефиците в три очка и реальных перспективах получить первое советское

“золото” (с этого сезона стали вручаться золотые медали). Остаток пути армейцы прошли по маршруту “Динамо”: Тбилиси — Сталинград. Оставалась самая малость — избежать потерь. Ничья и победа гарантий не давали.

Напомню один из пунктов регламента: при равенстве очков все места, включая первое, определялись коэффициентом, получаемым при делении мячей забитых на пропущенные. У “Динамо” он равнялся 3,80 (57:15) и измениться уже не мог. Армейский перед двумя последними играми весил больше — 4,07 (57:14). Как минимум три очка в Тбилиси и Сталинграде с одним пропущенным мячом (не больше) обеспечивали ЦДКА победу в чемпионате».

Всеволод Бобров делился воспоминаниями: «В раздевалке тбилисского стадиона Борис Андреевич напомнил нам условия, “устраивающие нас”. Победа выводила нас вперёд. Ничья тоже устраивала — лучше всего нулевая или, в крайнем случае, 1:1.0 худшем мы пытались не думать.

Матч проходил в Тбилиси, но следила за ним вся страна. Начали мы бурными атаками, однако защита хозяев поля играла на редкость слаженно. На 18-й минуте во время очередной контратаки южан произошёл следующий эпизод: Спартак Джеджелава, получив мяч, стал резко смещаться влево, на край. Это было манёвром, откровенной тактической уловкой. Но наш Иван Кочетков на этот раз поддался на неё и стал уходить за подопечным, открыв центр. В матчах классных команд просчёты защитников всегда приводят к тяжёлым последствиям. И вот немедленно последовал пас в свободную зону, и переместившийся сюда брат Спартака Гайоз Джеджелава сильнейшим ударом открыл счёт.

Только на 18-й минуте второго тайма мне в свалке у ворот соперников удалось сравнять результат. Но это

не только не ввело игру в спокойное русло, а ещё более накалило страсти. Стадион ревел не переставая. Атаки, только атаки — казалось, центр поля исчез: мяч оказывался то у одной, то у другой штрафной площадки.

Самой драматичной и чуть ли не роковой оказалась 67-я минута матча. Гагуа совершил рывок по краю, направил мяч Арошидзе, и тот с хода сильно и точно ударил. Никаноров в броске успел парировать мяч, но подоспевший Махарадзе добил его в ворота.

“Неужели всё рухнуло, неужели одиннадцать побед, месяцы исканий, борьбы зачёркнуты этим голом?” — мелькнуло в голове. Подобная же мысль владела каждым. Пятёрка ринулась вперёд, Алексей Гринин ушёл на край и оттуда своим стремительным прострелом, который больше был похож на удар, чем на пас, послал мяч в штрафную. Я знал этот излюбленный ход нашего правого крайнего, знал, чувствовал, где будет мяч через мгновение, и оказался там. А ещё через секунду мы вместе с мячом влетели в сетку динамовских ворот — 2:2».

Этот итог значительно осложнил армейцам жизнь в Сталинграде. Там их мог устроить только счёт 5:0, что непросто, а при одном пропущенном мяче — 9:1...

Продолжает Всеволод Бобров: «И вот началась игра. Я могу сказать с полной искренностью, что это был очень острый, напряжённый, даже, если хотите, азартный матч. Волжане оборонялись отчаянно, а мы так же отчаянно наступали. Темп игры был чрезвычайно высоким. Первые атаки не принесли успеха. Сидим, как говорится, на воротах, а счёт не открыт. В такой обстановке нетрудно и потерять голову, начать ненужную спешку.

Выручает Валентин Николаев. На 14-й минуте он резким броском уходит от опекающего его полузащитника и сильно бьёт в нижний угол. 1:0.

Гол, забитый Николаевым, вселил в нас уверенность и надежду на благополучный исход поединка. Тем более что вскоре Григорий Федотов, принимая отличную верховую передачу с края от Гринина, головой забил второй мяч. Но большего, как мы ни старались, до перерыва сделать не смогли.

В раздевалку вернулись молча. Тишина. Только слышно, как позванивают ложечки в стаканах с чаем. Каждый думает про себя: удастся ли после перерыва сделать больше? И, словно разбивая лёд сомнений, звучит голос Аркадьева:

— Ну что ж, товарищи, всё идёт пока хорошо.

— Ничего, Борис Андреевич, — в свою очередь успокаивает его Лёша Гринин, — ещё сорок пять минут игры...

— Конечно, — кивает головой тренер, — я тоже так думаю.

Вроде бы ничего не значащий разговор. Но все к нему прислушиваются. И спокойствие этих людей, их внутренняя собранность, их, если хотите, мужество передаются всем остальным.

И мы находим силы сразу же после свистка снова броситься в атаку. Вот опять получил мяч Валентин Николаев. Он метрах в пяти от линии штрафной площадки. Чуть откатил мяч вправо, делает вид, что готовится к рывку, и вдруг сильно бьёт. Мяч, посланный с двадцати метров, пулей влетает в сетку.

Четвёртый гол пришёлся на мою долю. А пятый был забит в результате чрезвычайно эффектной и умной комбинации, весьма характерной для стиля нашей команды.

Мяч в центре поля получил Григорий Федотов. На полной скорости он стал смещаться в сторону правого края, увлекая за собой своего сторожа — центрального защитника. Правый край Алексей Гринин сразу же понял эту уловку своего товарища и буквально

спринтерским рывком пошёл на его место. А в это время правый полусредний Валентин Николаев ушёл на место Гринина и стал продвигаться вперёд, всем своим видом показывая, что передача от Федотова будет сделана ему. Да и в самом деле Григорий Иванович пасует ему, но сейчас же, как от стенки, мяч снова возвращается к Федотову. Одного мгновенного взгляда хватило ему, чтобы оценить обстановку: да, Алексей уже на месте. И тогда следует точнейший посыл мяча, Гринин с хода бьёт, и... все мы бросаемся обнимать и целовать друг друга.

Дело сделано. Темп спадает. Команда уходит в защиту. И это совершенно неправильное решение чуть было не стоило нам золотых медалей. Воспользовавшись ослаблением натиска, волжане перешли в контратаку. Четырежды труднейшие мячи берёт Никаноров. Отбивается изо всех сил защита. До конца остаются считанные минуты. И в этот момент один из нападающих «Трактора» — кажется Папков — прорывается в штрафную и бьёт. Я вижу Никанорова в броске, вижу, как его вытянутые в невероятном усилии руки не достают оранжевый шар. Неужели гол? Какое-то оцепенение находит на меня. А мяч, ударившись о перекладину, взмывает вверх и, обессиленный, падает на сетку с обратной стороны. Проходит ещё мгновение, и мы слышим финальный свисток. Сейчас его мелодия милей для нас всей музыки мира».

Бобров не упомянул, что в первом тайме он сильнейшим ударом поразил ворота «Трактора», но всё тот же Николай Латышев усмотрел у кого-то из партнёров положение «вне игры».

Совершенно иначе представил свой гол во втором тайме Валентин Николаев: «Дёмин подаёт угловой с левого фланга, и я играю на опережение головой».

Гол Боброва Николаев описал так: «Яростный, иного слова не подберу, рывок к воротам Ермасова совершает

Бобров. Оставляет позади себя сразу двух обескураженных его дерзостью защитников, сильно бьёт — штанга, но повторным ударом Всеволод вколачивает мяч в ворота».

ЦДКА стал чемпионом с отрывом в одну сотую — 3,81 у ЦДКА, 3,80 — у «Динамо»...

Сразу скажем, что это нелепое правило определения чемпиона со следующего сезона было отменено. С тех пор в случае равенства очков у претендентов чемпион должен был выявляться в дополнительном матче.

Борис Аркадьев спустя годы назвал матч в Сталинграде самым памятным: «Интересен и забавен был матч с “Трактором”, закончившийся со счётом 5:0. Ведь 4:0 ещё не давало победы. Много нам эта игра доставила волнений. Забей “Трактор” один гол, и всё бы рухнуло...»

В своей книге Михаил Якушин был вполне нейтрален: «До счёта 0:3 футболисты “Трактора” сражались изо всех сил, причём в одном эпизоде мяч после дальнего удара их нападающего Шведченко угодил в перекладину, но затем как-то сразу сникли, и соперник добился желаемого».

Ни старший тренер «Трактора» Юрий Ходотов, ни арбитр встречи Николай Латышев никогда не ставили под сомнение справедливость исхода того матча.

Но историки футбола сомнениями терзались. В книге «Московский футбол» описан разговор Константина Есенина с Валентином Николаевым, в ходе которого Есенин произнёс: «Вы, как по заказу, выиграли 5:0. Кое-кого этот “заказ” до сих пор смущает...» Ответ был предельно конкретен: «А смущаться нечего. На последней минуте Шведченко пушечным ударом попал в крестовину, так что два-три сантиметра в сторону, и никакого “заказа” бы не было — 5:1, и “Динамо” чемпион.

Да и наши пять дались нелегко. Первый тайм 2:0, а третий гол никак в ворота не шёл. Я наконец забил, но Латышев не засчитал. Федотов дважды прошёл к воротам один на один — и не забил. Заплакал даже с досады, хотел уйти с поля, чтобы его заменили. Но тут я всё-таки забил третий. Вот тогда мы воспрянули духом...»

Названная книга вышла в свет в 1974 году. Со временем эта тема возникла вновь.

Застрельщиком явился Евгений Евтушенко, который в статье «С эпохой говорить начистоту», опубликованной в «Советском спорте» 2 июня 1989 года, со ссылкой на услышанное от вратаря Василия Ермасова, написал: «На команду “Трактор” пытались оказать давление наоборот: чтобы они лучше играли, лучше держались и так далее. И некоторым из них стали даже угрожать. Про это узнали игроки ЦДКА. Единственное, что делали армейцы во время матча, — обменивались именно об этих угрозах репликами. То есть кое-кому напомнили, что у них кто-то сидел. Так вот что случилось за кулисами той игры».

Тень в этой связи брошена скорее на руководителей «Динамо», но никак не на команду ЦДКА. Неравнодушный к футболу поэт не единожды, пытаясь открыть «новые» страницы в истории отечественного футбола, попадал впросак. Так, видимо, вышло и в этот раз.

В своей книге Валентин Александрович Николаев разгневался на происки не на шутку: «Первый выстрел частенько служит сигналом к залпу. Так оно, кстати, и вышло. Вслед за Евтушенко огонь по команде ЦДКА открыли некоторые другие “историографы” футбола, причём всем им очень хотелось разоблачить армейцев на примере именно матча с “Трактором”...

Не вижу необходимости комментировать оскорбительные для моей родной команды публикации,

тем более что факты в них подаются ещё более тенденциозно, чем у Евтушенко, а рассуждения, выводы и вовсе безапелляционны и вздорны».

Привыкшему к хвалебным откликам в свой адрес Всеволоду Боброву летом 1947 года пришлось познакомиться и с критическими. «Постарался» старый знакомый Юрий Ваньят, за которым водился грешок по части подготовки заказных публикаций.

Свой отчёт от 24 июня в «Советском спорте» о матче ЦДКА — «Крылья Советов» (Москва), который закончился вничью 2:2, этот журналист озаглавил так: «Бобров для команды или команда для Боброва?» Там говорилось: «Ещё в прошлом году Боброва неоднократно предупреждали о необходимости вести игру для осуществления общей задачи команды». И это при том, что Бобров сыграл до травмы всего семь матчей, в которых забил восемь голов. С какой стати его могли предупреждать, если в этих семи матчах была лишь одна ничья и игра у команды ладилась?

Далее Ваньят витийствовал: «Бобров ведёт игру так, словно не он работает на команду, а команда работает только на него. Позволительно ли молодому игроку столь безучастно относиться к стараниям Дёмина, Николаева, Гринина и разрешить себе такую роскошь, как промахи с 7-10 метров от ворот противника? Ведь команда ценой больших усилий пробивалась туда и доверяла Боброву завершающий удар!»

Необъективность журналиста послужила поводом для критики уже с высокой трибуны. 5 августа 1947 года в «Советском спорте» появилась статья заместителя председателя Спорткомитета Ивана Никифорова, где отмечалось, что «имеются факты зазнайства, отсутствия чувства коллективизма со стороны известных футболистов». Назывались в этой

связи московский динамовец Василий Карцев, киевлянин Павел Виньковатов и Всеволод Бобров.

Следующая доля критики пришлась на конец сезона. Досталось не только Боброву, но и всей команде. Причём на государственном уровне...

По окончании первенства московское «Динамо» и ЦДКА отправились в зарубежные турне. Вновь, как и в 1945-м, к более сильным соперникам выехали динамовцы.

Так и не увидев воочию успех конкурентов в Сталинграде, свою досаду на исход чемпионата динамовцы выместили в Швеции. С одинаковым счётом 5:1 они разгромили сильные клубы «Норчёпинг» и «Гётеборг». В первом им противостояли будущие звёзды европейского футбола Гуннар Нордаль и Нильс Лидхольм, во втором — Гуннар Грен.

Атакующий шведский трезубец «Гре — Но — Ли» внёс в следующем году решающий вклад в победу сборной Швеции на Олимпийских играх в Лондоне. После этого все они были зафрахтованы итальянским «Миланом».

В рядах «Динамо» вновь оказался футболист ЦДКА. На этот раз — Владимир Дёмин. Левого крайнего армейцев, как и остальных участников триумфальной поездки, встречали цветами. Совсем иной приём был уготован его одноклубникам...

ЦДКА побывал в Чехословакии. Потеряв одного футболиста, армейцы получили восемь взамен. Им были приданы торпедовцы Акимов, Гомес и Пономарёв, спартаковцы Дементьев, Рязанцев и Сальников, киевлянин Лерман и Гогоберидзе из Тбилиси.

Совершенно очевидно, что столь значительный отряд разноплановых игроков ЦДКА нужен не был. Борис Аркадьев вынужден был тасовать состав, чтобы

«приглашённые» также смогли принять участие в матчах.

В первом из них армейцы взяли верх над пражской «Спартой» (2:1) и автором обоих голов был Бобров. Победа была одержана составом из десяти армейцев и торпедовского бомбардира Александра Пономарёва.

Описание голов Боброва нам встретилось в книге Автандила Гогоберидзе «С мячом за тридевять земель»: «То, что произошло на 19-й минуте, оказалось для многих неожиданностью. Получив мяч в центре, Бобров быстро обыграл двух защитников и сильным хлёстким ударом послал мяч в сетку ворот “Спарты”. Это был настоящий “бобровский” мяч, исполненный в его стиле...

Снова отличился Бобров, и снова всё, что проделал он, даже с нашей, профессиональной точки зрения, было просто здорово. В ситуации, которая, казалось, ничего угрожающего не предвещала воротам пражской команды, Бобров обыграл защитника, неожиданно рванулся к воротам, оказался один перед воротами и уж, конечно, не преминул воспользоваться такой возможностью».

В книге журналиста Николая Вуколова приведены слова знаменитого хоккеиста, капитана сборной Чехословакии Владимира Забродского: «Одно из моих самых ярких воспоминаний — матч по футболу между московским “Динамо” и пражской “Спартой”. Было это сразу после войны, в составе динамовцев играл Бобров, который забил оба мяча. “Динамо” выиграло 2:0, вся московская команда была великолепна, но Бобров... Это было нечто!»

За давностью лет Забродский кое-что перепутал. Это был тот самый матч, которым открывалось турне армейцев. Да и счёт приведён неверно. Однако нам важнее эмоциональное восприятие Забродского.

А теперь сравним с другой оценкой, происхождение которой не останется тайной для читателей: «Отдельные игроки недисциплинированы, в особенности центр нападения Бобров, который играл индивидуально, в погоне за личной популярностью пренебрегая успехом команды в целом. За его вызывающее поведение он был снят со второй игры...»

Обратимся к «Летописи» Акселя Вартамяна: «Выполняли армейцы боевое задание “на одном крыле” — правом: Гринин — Николаев — Бобров. Левое: Федотов — Пономарёв общалось на разных языках. Оно и понятно — впервые играли вместе, к тому же центрфорвард “Торпедо” неуютно чувствовал себя на непривычном левом фланге.

Выиграли благодаря таланту Боброва. “Советский спорт” победному матчу выделил целую полосу — роскошь небывалая. Судя по отчёту, Бобров отлично взаимодействовал с партнёрами, когда надо, решал задачу самостоятельно, забил оба гола, второй — после воспетого Евгением Евтушенко фирменного прорыва.

Строки из донесения вождю не видевшего матча автора вступают в жёсткую конфронтацию с рассказом очевидца. Так кто же и за что не допустил героя встречи ко второй игре?

Обвинил форварда в индивидуализме и “пренебрежении успехом команды” руководитель делегации, председатель Комитета физкультуры РСФСР Сергей Пушнов во время разбора игры.

При счёте 2:1 возник эпизод, когда Бобров с Николаевым вышли на одного защитника. Центрфорвард решил расправиться с ним самостоятельно. Не получилось. За это резко отчитал футболиста Пушнов. Бобров вступил с разгневанным функционером в перепалку и был отстранён от следующей игры взявшим на себя тренерские функции чинушей».

Вторую встречу в Острове ЦДКА проиграл — 3:4. Поражением закончилась и третья — в Братиславе с клубом «Слован» — 2:3.

Гогоберидзе рассказывал, что в третьем поединке, когда армейцы вели 2:0, Федотов попал в штангу, а следом в ворота гостей влетели три мяча.

«Источник» сообщал: «Во втором матче в составе команды ЦЦКА играли четыре человека из других команд, а в третьем — пять. Должной стренированности у запасных игроков с основным составом команды ЦЦКА не было, и поэтому в играх против “Острavy” и “Братиславы” отсутствовало необходимое понимание и взаимодействие между игроками...

Капитан команды Федотов в силу травмированности и своего возраста ведущим в игре не является и прежнего авторитета не имеет. Тренер команды Аркадьев — человек без достаточной воли и также достаточным авторитетом среди игроков не пользуется».

Предоставим слово Акселю Вартаняну: «В двух последних встречах хозяева играли зло, вызывая грубо. Наверняка сказался соответствующий антисоветский настрой, проникший даже в местную, не контролируемую коммунистами печать.

В Братиславе уже на пятой минуте покинул поле Николаев, во втором тайме та же участь постигла Гринина и Чистохвалова. Так что же, Аркадьев должен был доигрывать матч в восемь человек?

Из-за отсутствия Дёмина, отстранения от матча Боброва, повреждений Николаева и Гринина, хронической травмы Федотова армейская атака значительно снизила пробивную мощь. Добавьте к тому болезнь двух футболистов и слабую игру обычно надёжного Никанорова... С учётом всего перечисленного результаты чехословацкого турне можно считать вполне удовлетворительными».

Но реальность была иной. Армейцев досрочно отозвали из Чехословакии. Крепко досталось всем, кто так или иначе отвечал за поездку.

Доклад на имя «вождя народов», фрагменты из которого были процитированы выше, представил секретарь ЦК Алексей Александрович Кузнецов. В нём также говорилось: «Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта не знал класса футбола чехословацких команд, недооценил их силы и неправильно ориентировал команду ЦДКА на лёгкую победу...

Комитет не знал также, что руководство футбольной Федерации в Чехословакии находится в руках реакционеров, и не ориентировал игроков команды ЦДКА, что им придётся иметь дело с буржуазными спортсменами...»

Итогом неудачного выступления стал запрет для ЦДКА представлять советский футбол за рубежом.

Главу своей книги, посвящённую поездке в Чехословакию, Валентин Николаев завершил так: «Но, странное дело, всё происходившее вокруг словно бы не касалось, не трогало Бориса Андреевича Аркадьева. Внешне он по-прежнему был невозмутим, уверен в себе. Но чувствовалось, что осень сорок седьмого года была не самой счастливой в жизни нашего наставника.

Тем не менее его оптимизм, собранность, вера в команду благотворно отражались на настроении всех футболистов. Лишний раз нам представился случай убедиться в том, что старший тренер ЦДКА не только отменный специалист своего дела, но и тонкий психолог, волевой человек. Во многом благодаря ему, а также не падавшим духом ветеранам команды, к которым я с полным основанием причислял и себя, подготовку к очередному сезону мы начали, сбросив с себя груз неприятных воспоминаний».

Конечно, на Бориса Андреевича Аркадьева свалились немалые неприятности после такой болезненной неудачи на международной арене.

Наставник ЦДКА проанализировал случившееся и вскоре представил своё объяснение в книге «Тактика футбольной игры»: «Стоит упомянуть о матчах команды ЦДКА в Чехословакии в 1947 году. Чехословацкие защитники нередко применяли пас между собою и своими полузащитниками. Отобрав мяч у нападающих ЦДКА, защитники противника не посылали его сильно вперёд без адреса, а в спокойном розыгрыше между собой не спеша выводили мяч с помощью паса из защиты в нападение, оставляя на некоторое время ЦДКА без мяча. Это и не дало возможности команде ЦДКА, более тренированной физически, чем чехи, подавить их темпом».

Спустя десятилетия ретроспективно оценил тренерскую деятельность Аркадьева журналист Лев Филатов: «Тренеру не дано выстраивать свою судьбу. До 1952 года карьера Аркадьева была близка к идеалу. Ещё до войны он получил состарившееся, захиревшее московское “Динамо”, sprysнул его живой водой, и команда предстала новенькой, с иголочки, скроенной по последнему крику моды. Случаю было угодно так распорядиться, что пять лет спустя эта динамовская команда стала единственным равным противником клубу ЦДКА, которым руководил Аркадьев. Семь сезонов тянулась захватывающая распря двух команд, где были собраны лучшие игроки тех лет.

Тогда-то и проявился созидательный дар Аркадьева: он конструировал игру в одно касание и сдвоенный центр нападения, вводил универсального игрока Соловьёва, который был и форвардом и хавбеком, поощрял защитника Чистохвалова на наступательные набеги по флангу. Армейцы ходили в чемпионах и

творили игру по своему вкусу. О чём ещё мечтать команде и её тренеру?!

После проигрыша нашей сборной югославам на Олимпийских играх в Хельсинки по непостижимым причинам расформировали армейский клуб. В опале оказался и Аркадьев. Он работал после этого ещё долго, с разными командами, но заметных достижений не имел и своё понимание футбола вынужден был излагать главным образом как теоретик.

И кто-то уже пожимал плечами: “Знаем, Аркадьев блистал только при хороших игроках...” А разве это способно очернить? Каждый тренер нуждается в обстоятельствах и условиях, которые отвечают его знаниям, характеру, личности. Одним удаётся “железной рукой” выжимать из игроков максимум возможного, другие, наподобие лоцманов, умеют, ловко изворачиваясь, провести средненькую утлую команду среди турнирных скал, не потопив её, не растеряв зря ни одного “очечка”, третьи строят своё и команды благополучие на посулах, на добывании для футболистов сверхнормативных гонораров.

Аркадьев ничего этого не умел — не был человеком практической складки. Да и его бескорыстие не позволяло ему извлекать корысть из занятия, которым он был увлечён. Ему естественно было размышлять о футболе, о его будущем. Он этим жил. И умел абстрагироваться, как говорили в дни его юности, уходя в башню из слоновой кости».

Братья-близнецы Борис и Виталий Аркадьевы родились в Санкт-Петербурге в семье Андрея Ивановича Аркадьева — ведущего актёра театра, созданного несравненной Верой Комиссаржевской. С детских лет братья впитали любовь к театру, поэзии, живописи. В доме родителей бывали Валерий Брюсов, Александр Блок, Всеволод Мейерхольд.

Но и спорт — футбол, хоккей, фехтование — прочно вошёл в их жизнь. Пройдя Гражданскую войну, братья перебрались в Москву, где стали дипломированными преподавателями физкультуры и занимались многими видами спорта, уделяя основное внимание футболу и фехтованию.

В 1924 году Борис и Виталий стали преподавателями физподготовки в Военной академии им. М. В. Фрунзе, что не мешало им играть в футбол на серьёзном уровне. Оставив преподавательскую работу в 1936-м, Борис Аркадьев занялся тренерской.

Об Аркадьеве-игроке вспоминал Николай Старостин: «Меня, правого крайнего, он, левый полузащитник, не раз держал. Жёстко играл, хорошо бегал, высоко поднимая колени. Бывало, сталкивались, что-то он мне намеревался сказать в пылу, но, так как он слегка заикался, я отбегал, не дождавшись, и так и не узнал его мнение о наших молодых единоборствах».

Многократно наблюдал за игрой футболистов-близнецов и Михаил Якушин: «Я моложе братьев Аркадьевых на одиннадцать лет. Видел и хорошо помню их игру. Были они быстрыми, техничными, обладали незаурядным тактическим чутьём и организаторскими способностями. Борис Андреевич играл тогда защитником в “Сахарниках”, в РКимА (Рабочий клуб имени Астахова), а его брат Виталий был в той же команде правым крайним нападения. Была, помимо внешности, у них общая характерная черта — каждую секунду они в движении, заряженные энергией, беспрестанно перемещались по полю...»

Попав в «Металлург» на склоне футбольных лет, братья входили в число основных игроков.

Якушин продолжал: «В “Металлурге” играли в основном ребята простецкие, в обращении они не особенно церемонились, и во время игр не раз можно было слышать, как партнёры Бориса Аркадьева

покрикивали ему: “Ну ты, художник, играй!” Не по злобе, конечно, а просто так, блеснуть словечком, в душе даже гордясь, что с ними рядом играет такой человек. Борис Андреевич не обижался — он был выше этого.

Живопись была ещё одним страстным увлечением Бориса Андреевича Аркадьева. Он и знатоком её был большим, и сам рисовал... Когда мы с ним жили в одном доме, он как-то заглянул к нам на огонёк и, обращаясь к моей жене, сказал: “Аня, хотите я вам на стене нарисую вазу с флоксами?” Жена согласилась, и Борис Андреевич на одной из стен, покрытых меловой краской, цветными мелками профессионально выполнил рисунок. И этот рисунок сразу оживил нашу квартиру.

Во время многочисленных поездок по разным городам Борис Андреевич обязательно посещал картинные галереи, приглашал с собой и нас и при этом давал интересные и поучительные комментарии...»

После завершения выступлений оба брата стали тренерами. И даже были соперниками в чемпионате 1938 года. Борис сенсационно привёл лишившийся Григория Федотова «Металлург» к третьему месту, а Виталий с московским «Буревестником» занял последнее двадцать шестое место.

Этот неудачный опыт привёл Виталия Андреевича к решению сосредоточиться на фехтовании, в котором стал именитым наставником, заслуженным тренером СССР. Он подготовил прославленных Давида Тышлера, Марка Мидлера и Эмму Ефимову.

Борис Андреевич продолжил свой славный тренерский путь в футболе, где также удостоился звания заслуженного тренера СССР. Но вовсе не включение в почётный реестр тренеров-иерархов привело Бориса Аркадьева на вершину отечественного тренерского корпуса.

Николай Старостин в книге «Звезды большого футбола» назвал Аркадьева родоначальником советского тренерского сословия: «Я так называю Бориса Андреевича не потому, что он был первым футбольным тренером... Именно Аркадьев первым начал разрабатывать и претворять в жизнь новые тактические схемы. Насаждать передовую методику тренировок. Обосновывать принципы обороны в ту логику, на которой зиждется нападение. В дальнейшем всё это было с блеском изложено в написанной им книге “Тактика футбольной игры”, выдержавшей несколько изданий у нас и за рубежом».

Борис Аркадьев внедрил в практику немало тактических новаций, имевших огромное значение для развития отечественного футбола.

В своей книге Михаил Якушин отмечал, что Аркадьев пришёл в «Динамо» уже с репутацией тренера, умеющего наладить игру в обороне. И в новой команде он начал именно с этого. Уже потом настал черёд тактических новшеств в организации игры линии атаки, в результате чего родился «организованный беспорядок».

Это отметил в одной из своих статей и Лев Филатов: «Был период, когда Аркадьеву приклеили ярлык “оборонца”... Так вот, Аркадьев добродушно, с тоненькой своей улыбкой говорил мне: “Не знаю, кому первому взбрела в голову сия шаловливая мысль. Большое удобство делить футбол на атакующий и оборонительный. Да только ни тот ни другой не является хорошим футболом. Как прикажете атаковать без надёжной обороны? Мне это неизвестно...”

Какая победа лучше — 3:0 или 6:3? 6:3 — это скандал, безобразие, распущенность. Серьёзный тренер не может позволить себе таких побед”».

Примером того, как реализовывал свои тактические предпочтения Борис Аркадьев, может служить рассказ

видного игрока довоенного «Динамо» Евгения Елисеева: «Честно признаюсь, что любил больше играть в нападении, мне всегда нравилось обмануть соперника, завязать комбинацию, завершить её точным ударом. И, играя в полузащите, я больше тяготел к атаке.

Со временем такая манера игры стала расходиться с концепциями нашего нового тренера Бориса Андреевича Аркадьева. Он считал, что полузащитник должен более равномерно распределять свои усилия между защитой и нападением. И самый результативный в истории динамовской команды в чемпионатах страны матч — киевских одноклубников в 1940 году мы победили 8:5, — в котором на мой счёт был записан один из голов, стал поводом для резкого разговора».

Обратился к этой теме и Александр Нилин: «Динамо́вская защитная линия была понадежнее и, главное, помоложе, чем армейская, где годы уже лимитировали и Тучкова, и Ляковского, и тяготеющего к обороне полузащитника Афанасьева. Аркадьев считался специалистом по организации защитных линий и репутацию свою в таких сложных обстоятельствах подтвердил. Всё, что было в их силах, армейские защитники и полузащитники сделали. Однако проблемы безопасности Аркадьев решил по-другому.

Решил усилением атаки.

И здесь Бобров ему чрезвычайно пригодился. Прежде всего потому, что он был Бобров — во всей своей взрывной непохожести ни на кого. Кроме того, он органически не мог играть в обороне».

Не оспаривая основной посыл Нилина, уточним всё же, что совокупный возраст защитников «Динамо» был выше коллег из ЦДКА.

Якушин продолжал: «Аркадьев одним из первых обобщил основы тактики современного советского футбола. Он не раз подчёркивал, что атака — душа

игры, но не надо забывать, что атакующий потенциал лишь тогда прочен, когда он построен на фундаменте хорошо организованной обороны, на сбалансированной игре всех линий. Иным казалось, что такая тактика непрогрессивна, не имеет будущего. Жизнь показала, что он был прав и смотрел далеко вперёд. Лучшие клубы мира и ныне строят свою игру в духе концепций Аркадьева».

И далее: «Аркадьев уделял много внимания тренировкам и внёс в них немало нового. Так, в частности, ему принадлежит честь изобретения столь популярного до сих пор в среде футболистов игрового упражнения для совершенствования технического мастерства под названием “квадрат”. Разновидностей его сейчас существует множество...

Было в арсенале у Аркадьева и одно чрезвычайно интересное упражнение, благодаря которому и крепились наши физические возможности — игра 4х4 на полполя без ворот в два касания. Сколько же мы пота в этой игре пролили!»

В книге «Тактика футбольной игры» Борис Андреевич сравнивал игру бывшей и нынешней команд: «Команда московского “Динамо” играла по преимуществу длинными продольными и косыми пасами, стараясь вывести своих быстрых нападающих прямо по центру на ворота противника или неожиданным перекидом мяча с одного фланга на другой передать мяч незакрытому партнёру у ворот противника.

Игра проходила в широком и быстром движении игроков и длинных послых мяча. Атакуя широким и глубоким фронтом, динамовцы заставляли защиту противника растянуться и расслоиться, создавая разреженную среду защищающихся игроков, в которой

быстрые, широко передвигающиеся нападающие особенно эффективны.

Когда мячом владел игрок “Динамо”, его партнёры рассредоточивались.

Во время матчей с участием московского “Динамо” на поле всегда бывало просторно, а потому атаки динамовцев были остры, опасны, но недостаточно прочны, то есть эпизодичны.

Команда ЦДКА играет преимущественно пасом на соседа. Её передачи коротки и быстры. Игроки в противоположность динамовцам не разбегаются от мяча, а концентрируются у него.

Атаки ЦДКА не прекращаются с потерей мяча, так как некоторая кучность нападения позволяет сразу же начать борьбу за потерянный мяч, что в целом создаёт устойчивый напор и территориальное преимущество команды над противником в течение игры.

Если динамовцы для длинной и точной передачи обрабатывают мяч, то игроки ЦДКА больше играют коротким пасом в “одно касание” с обводкой, которой великолепно владеет большинство игроков команды».

Николай Старостин признавался: «Точно так же, как я считал для себя невозможным пропустить хотя бы одну игру Григория Федотова, всегда нетерпеливо, с предвкушением чего-то нового, стремился на каждое выступление Аркадьева на тренерских конференциях, изучал его статьи, учебник. Культурный, дальновидный человек, ему очень многим обязан наш футбол!»

При всех хвалебных отзывах Старостина-старшего об Аркадьева в их воззрениях на тренерскую деятельность были существенные различия. Николай Петрович ратовал за демократическое управление командой, коллегиальность, полагая тренера координатором, ответственным за выполнение решений, принятых сообща. «Верховным органом» в команде ему виделся тренерский совет.

Аркадьев же при всей своей демократичности, внешне кажущейся мягкости категорически отказался от наличия тренерского совета ещё в «Металлурге».

Вновь предоставим слово Льву Филатову: «Мне легко предположить, что многие люди, как и я, испытывали на себе обязывающее влияние Аркадьева и изумлялись этому влиянию, потому что ничего похожего в футбольной среде встречать не доводилось. В этой среде Аркадьев был фигурой неожиданной, пришельцем, странником. Рафинированный интеллигент — это для футбола, наверное, излишняя роскошь. Но раз уж такой человек объявился, залетел, им гордились.

Его тонкая духовность была помечена и выделена как украшающая редкость. Но она оказалась плодоносной, что сделало Аркадьева фигурой выдающейся, единственной в своём роде...»

Леонид Горянов в своей книге «Характер чемпионов» привёл слова Григория Федотова из его статьи, озаглавленной «О любви к футболу», которая была опубликована в газете «Советский флот»: «На всю жизнь я сохранил чувство большой признательности к моему первому учителю и тренеру — Борису Андреевичу Аркадьеву. Этот душевный, очень интеллигентный в лучшем смысле этого слова человек научил меня не только по-настоящему играть в футбол, но и по-настоящему любить его».

Вероятно, появилась эта статья в те годы, когда понятие «интеллигентность» было не в чести, потому и потребовалось уточнение — «в лучшем смысле этого слова».

Для книги Татьяны Любецкой о братьях Аркадьевых Всеволод Бобров рассказывал: «Я не представляю своей жизни без Аркадьева. Он для меня не просто тренер, и даже слово “наставник” не вмещает всего того, что значит для меня Аркадьев. Это и школа, и уроки

футбола, и университет культуры — всё на свете. И если я совершал какие-то ошибки в своей жизни, — а я их совершал, то, значит, мало учился у Бориса Андреевича.

Что касается футбола, то тут я на многое смотрел его глазами, но это вовсе не значит, что видел всё то, что видел он. Для этого нужно быть Аркадьевым.

Помню однажды, после одной из напряжённых игр ЦДКА и “Динамо”, Федотов сказал нам в раздевалке: “А что было бы, если бы Борис Андреевич остался в фехтовании?” Это была полушутка-полувопрос. Все мы относились к фехтовальному прошлому Бориса Андреевича как к какому-то недоразумению. В самом деле, казалось нам, ну что может быть общего у такого крупного футбольного тренера, как Аркадьев, с фехтованием? Но когда Григорий Иванович задал этот вопрос вслух, мне, помнится, стало как-то не по себе — действительно, как сложилась бы наша судьба, если бы Борис Андреевич застрял в фехтовании?»

МАГИЧЕСКАЯ АББРЕВИАТУРА — ЛТЦ

Продолжавшийся два месяца (вдвое больше первого) второй чемпионат страны по хоккею завершился победой ЦДКА. Армейцы в восемнадцати матчах забросили 108 шайб. Почти половина — 52 шайбы влетели в ворота соперников от клюшки Боброва. Второй по результативности Иван Новиков из «Спартака» имел на своём счету 32 шайбы.

Один из самых драматичных матчей состоялся во втором круге между ЦДКА и московским «Динамо». Динамовцы выигрывали 1:0, оставалось две минуты, когда Бобров сумел уйти от своего сторожа Бочарникова и сквитать счёт. Расстроенный защитник устремился на помощь своим нападающим, но армейцы перехватили шайбу, немедленно переадресовали её дежурившему у центрального круга Боброву, и матч закончился победой ЦДКА со счётом 2:1...

Вратарь Григорий Мкртычан по случаю учреждения в 1979 году символического «Клуба Всеволода Боброва», куда стали включать хоккеистов, забивших 250 и более шайб, вспоминал: «Все пятьдесят восемь минут опекавший Боброва Бочарников не давал ему дыхнуть. Это была та самая персональная опека, когда для достижения результата все средства хороши. То ли Бочарников сам устал, то ли посчитал, что дело сделано, но он чуть-чуть ослабил свою сверхбдительность, и тут же Бобров забил два гола. Стремительно, дерзко, мастерски. Ему хватило секунд. До сих пор перед глазами стоят фрагменты этой игры,

как пример высочайшего исполнительского мастерства».

Чемпионат завершился, но хоккейный сезон 1948 года продолжался. В Москву прибыла пражская команда ЛТЦ, в составе которой были двенадцать серебряных призёров только что закончившейся Олимпиады. Там сборная Чехословакии не проиграла ни одного матча, с канадцами сыграла 0:0 и уступила им только по разнице шайб.

Аббревиатура ЛТЦ завораживала болельщиков. Лишь немногие знали, как она расшифровывается. Тем неожиданнее оказалась разгадка — «Лаун-теннис клуб», то есть клуб большого тенниса. «Большим» именуют теннис на корте, в отличие от другой игры — настольного тенниса.

По своей значимости визит ЛТЦ смело можно сравнить с приездом футбольной сборной Басконии в 1937-м. Конечно, общественный резонанс был не столь громким, но и популярность футбола была несоизмеримо выше. Есть и ещё одно весьма важное, если не ключевое отличие. Баски приехали играть с лучшими командами Советского Союза, а о визите ЛТЦ сообщалось, что эта команда прибыла «для совместных тренировок с советскими хоккеистами». О том, что состоятся «открытые» матчи, заранее речи не шло.

Если наши тренеры и хоккеисты представляли себе ранг соперников, то чехословацкие игроки поначалу полагали, что в награду за удачное выступление в швейцарском Санкт-Морице их поощрили развлекательным туром.

Руководил сборной Москвы (так от греха подальше называли нашу команду) тренерский совет, куда вошли представители всех ведущих команд: Аркадий Чернышёв («Динамо»), Анатолий Тарасов (ЦДКА),

Александр Игумнов («Спартак»), Владимир Егоров («Крылья Советов») и Павел Коротков (ВВС).

В книге М. Н. Александрова «Призвание — тренер» Аркадий Чернышёв представлял игроков так: «Первая тройка нападения целиком состояла из армейцев. В тренерском совете сборной ни у кого не было сомнений в том, что именно этой тройке должна быть поручена роль главной ударной силы.

Правый крайний Евгений Бабич выделялся высокой техникой, быстротой передвижения и был непревзойдённым мастером голевых передач. Играющий тренер армейцев Анатолий Тарасов выступал в центре. Это был мастер редкого комбинационного дара, не только центр нападения, но и мозговой центр всей команды.

На левом краю играл Всеволод Бобров. О нём особая речь. Без всякого преувеличения можно утверждать, что наш хоккей с шайбой на заре своего становления, да и в последующие годы, формированием своего стиля обязан этому универсальному, неповторимому спортсмену. Для него как будто не существовало проблемы овладения техникой ни в русском хоккее, ни в футболе, ни в хоккее с шайбой...

Словом, это был феномен! “Звезда” первой величины!

Любопытно, что, переключившись на хоккей с шайбой, Бобров вскоре по праву стал пользоваться славой лучшего нападающего. Его знаменитые выходы из-за ворот с внезапным броском шайбы в дальний или ближний от вратаря угол и поныне помнят болельщики».

«Для разминки» в качестве соперника ЛТЦ получил вторую сборную, у которой дважды выиграл — 11:7 и 10:1. «То, что мы проиграли достаточно крупно, не удивило никого, — вспоминал участник этих матчей Анатолий Викторов. — Напротив, приятно поразило, что,

несмотря на счёт, многое нам удавалось. Помню, например, как стоявший на сугробе у самого борта Всеволод Бобров кричал мне: “Не отдавай, Семёныч! Пройди сам!” И я раз за разом пытался пробиться вдоль борта и, в конце концов, в результате таких проходов забросил две шайбы».

Поболеть за земляка — это одно, но настал и Боброву черёд самому выйти на лёд. И сделал он это блистательно. Игрок второй сборной Евгений Стариков и спустя 60 лет поражался: «Запомнился момент, который произошёл в самом начале матча. Их левый защитник — здоровый, очень крупный мужчина — у синей линии выкатывается, чтобы преградить атаку Боброва, а тот с шайбой откатывается назад, не спеша так, лениво. Потом Всеволод Михалыч как выдал рывок на развороте и просто пролетел мимо чеха. Было такое впечатление, что глаза у защитника вылезли из орбит. А ведь это была лишь первая-вторая минута матча... Бобров тем временем выскочил к воротам, но воткнулся во вратаря и не забил».

В первом матче сборная Москвы произвела сенсацию, нанеся ЛТЦ поражение со счётом 6:3. Три шайбы были на счету Боброва. Через два дня гости взяли реванш — 5:3. Третий поединок завершился вничью — 2:2. Причём сравнять счёт гостям удалось только на последней минуте, когда они воспользовались неосмотрительным рейдом защитника Бориса Бочарникова.

О том, как пробивались «открытые» матчи, поведал в своей книге «Совершеннолетие» Анатолий Тарасов: «В один прекрасный день хоккеистов снова вызвали на совещание и снова стали уговаривать отказаться от открытого матча. Видимо, чехи произвели впечатление не только на спортсменов. Нам говорили, что эти

встречи уже и не нужны: ведь кинооператоры всё необходимое уже отсняли.

Мы возражали, убеждали, что чехословацкие хоккеисты показали далеко не всё, что они не могли даже всего показать, встречаясь с более слабыми соперниками. Но самое главное — именно мы в первую очередь заинтересованы в том, чтобы проверить свои силы не в спокойной обстановке, наблюдая за игрой с трибуны, а в бою, где игроки полностью отдаются борьбе.

Мы обещали воевать до конца и, хотя отказались гарантировать победу, сказали, что сдаваться без боя не думаем. А чтобы избежать разного рода случайностей, просили устроить не один, а три матча...

Наши спортивные руководители, оттягивающие открытый матч, попали в неудобное положение ещё и потому, что гости постоянно интересовались, когда же они, наконец, померятся силами с основным составом советских хоккеистов».

В изложении Всеволода Боброва в книге «Рыцари спорта» оптимизм не просматривался: «Итак, мы выходили на бой с одной из сильнейших команд мира. Никто из нас не строил никаких иллюзий, всё казалось ясным и предрешённым. Между собой мы спорили лишь о том, с каким счётом проиграем.

— Ребята, надо не допустить большого разрыва в шайбах, смотрите, сколько народу собралось, — сказал Владимир Никаноров, когда мы выехали на лёд.

Народу действительно собралось тьма-тьмущая. Восточная трибуна была заполнена до отказа, все желающие посмотреть встречу не уместились на ней. Большая часть зрителей “расползлась” по северной и южной трибунам».

Об итогах первого матча Тарасов писал: «Выиграли матч мы — 6:3. Удивлялись не только наши гости, зрители, специалисты хоккея, но и сами победители.

У меня и потом было немало приятных минут в моей спортивной биографии, но большей радости, чем в тот день, я всё-таки никогда не испытывал.

Я полагаю, команда наша победила прежде всего потому, что уж очень сильно хотела победить, так хотела, что желание это перерастало в драматический фанатизм. Только после окончания матча обратились ребята к врачу, а ведь все шайбы попадали в незащищённое тело: это была отвага особой закваски. Наш коллективизм выражался не только в классическом пасае. Он одухотворял всю игру. Коллективизм этот, самоотверженность поразили чехов, раскололи их оборону, и они дрогнули. Шесть шайб побывало в их воротах, хотя стоял у них лучший по тому времени вратарь Европы — Богумил Модры.

Лучшим игроком нашей команды был, безусловно, Всеволод Бобров...»

О втором и третьем матчах у Тарасова говорится: «Матч начался всё-таки для нас удачно: мы повели — 2:0. Вот снова Бабиш быстро проходит по краю и выкладывает шайбу на “пяточок”, и мне, игравшему рядом, в общем-то ничего не оставалось, как забросить шайбу в пустые ворота. Но... судьи её неожиданно не засчитали. Чехословацкий судья мотивировал своё решение тем, что я якобы в момент броска был в площади ворот. Начался спор, и игра минут на двенадцать-пятнадцать была задержана... А ведь эта заброшенная шайба была почти последним нашим успехом в том матче.

Мы слишком старались накануне, и поэтому сил у нас больше не было. Мы физически не могли вынести нового хоккейного поединка. А тут ещё разыгрались наши гости. Их могучий защитник Троусилек, отличавшийся умением применять силовые приёмы, расшвыривал наших нападающих в разные стороны. В итоге поражение — 3:5...

Третий матч закончился ничьей — 2:2. Это был матч равных команд. Чехи играли старательно, но не могли сделать большего».

Всеволод Бобров в книге «Рыцари спорта» отмечал: «Наша победа и боевая ничья ни в коем случае не были случайностью или “подарком”: гости играли в полную силу, отчаянно, я бы сказал, зло. Мы увидели тогда, что кое в чём имеем даже преимущество перед нашими соперниками. Прежде всего, оно заключалось в прекрасной общефизической подготовке, в большой общей и скоростной выносливости. Мы превзошли чехов также в скоростном натиске и в богатстве комбинационной импровизации».

В интервью «Советскому спорту» Владимир Забродский — центральная фигура и капитан ЛТЦ — говорил: «Москва уже сегодня располагает четырьмя-пятью игроками самого высокого международного класса. Из всех выделяется Всеволод Бобров — первоклассный игрок и прекрасный конькобежец».

Не изменил Забродский своего мнения и спустя много лет. Журналист Николай Вуколов в книге о замечательном хоккейном наставнике Николае Эпштейне привёл свой разговор, датированный 2001 годом, с двукратным чемпионом мира. Не будет лишним отметить, что Забродский свободно говорил по-русски, его мать была сибирячкой.

Забродский убеждал собеседника, что Всеволод Бобров — лучший игрок мирового хоккея: «У него была просто непостижимая техника, выдающийся дриблинг, умение держать шайбу и управлять ею, причём всё это — на высочайшей скорости! Бобров — спортивный уникум, такие рождаются раз в сто лет. Просто явление природы, феномен».

В книге о Василии Трофимове знатока спорта Александра Нилина встретились такие строки: «На Боброва олимпийские призёры смотрели как на чудо.

Ничего подобного по самостоятельности игровых ходов они не видели и не смогли сразу найти способ противодействия Боброву, поддерживаемому столь тонко понимающими своего лидера партнёрами».

Тонким наблюдением поделился Анатолий Салуцкий: «Безусловно, огромная, если не главная роль в быстрой популяризации хоккея с шайбой принадлежала лучшим советским хоккеистам, среди которых самой яркой звездой блистал Всеволод Бобров. Он играл в шайбу виртуозно и ненасытно. Его своеобразная техника проявилась ещё в русском хоккее: обычно при встрече с противником он оставлял мяч чуть сзади и в стороне — по-прежнему на клюшке, а сам продолжал катиться вперёд, ногами отводил клюшку соперника, затем подтягивал к себе мяч и мчался дальше. Все это Бобров исполнял на огромной скорости, умудряясь обходить подряд нескольких защитников.

Этот же приём он отлично использовал и в канадском хоккее, быстро научившись так прикрывать шайбу корпусом, что до неё не дотягивались чужие клюшки...

К этому надо добавить, что Бобров свободно перекладывал клюшку из руки в руку, что давало ему более чем трёхметровый диапазон для ведения шайбы и позволяло обходить противника с любого боку. Но главным и почти непобедимым его “оружием” были финты. Впрочем, по отношению к таким спортсменам, как Федотов или Бобров, понятие “финты” носит условный характер...»

В сезоне 1949 года хоккеисты ЦДКА вновь стали чемпионами СССР. Отрыв от второго призёра составил пять очков. В споре бомбардиров Бобров оказался с 27 шайбами вторым, на две больше забросил лидер «Крыльев Советов» Алексей Гурышев.

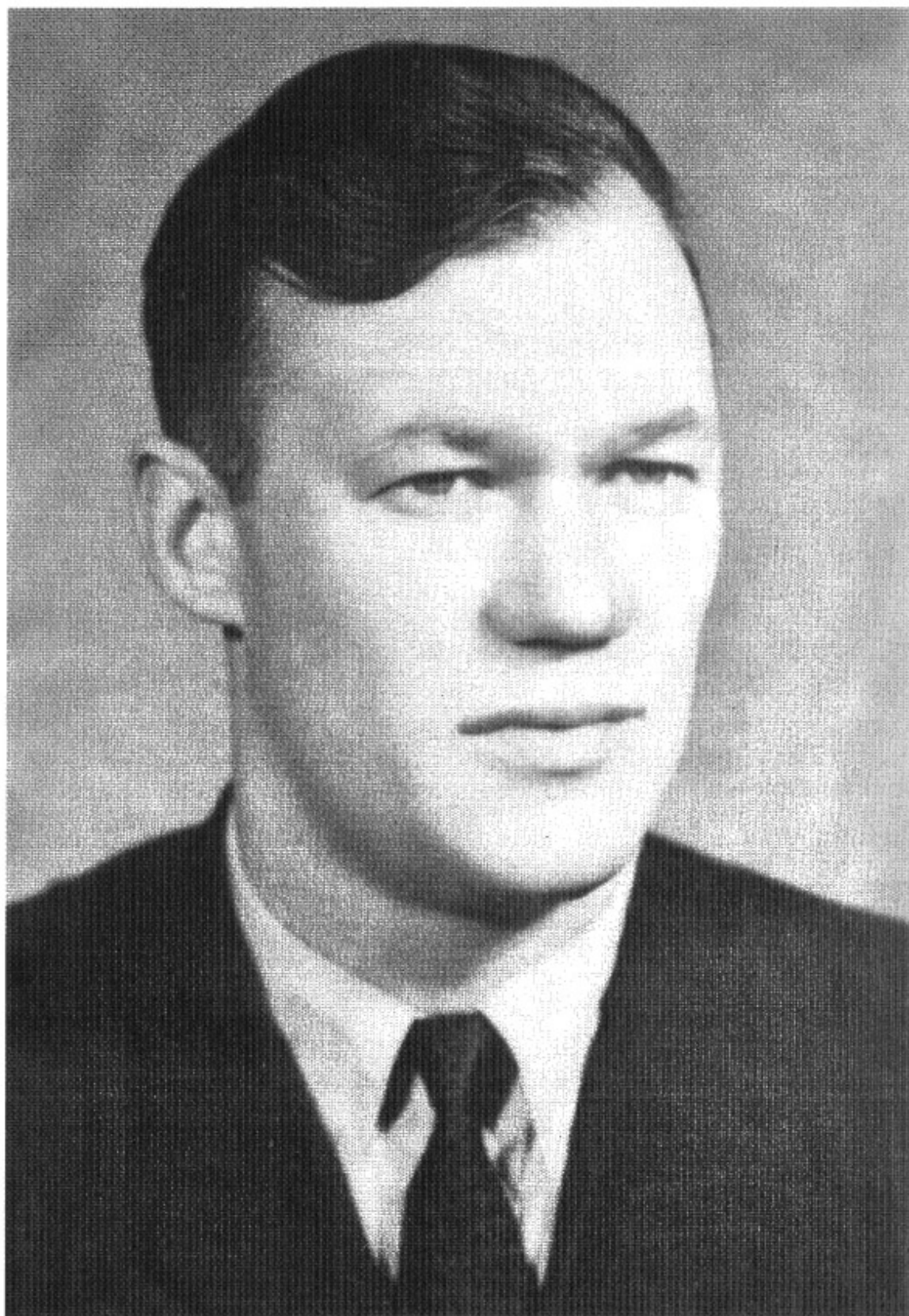
В книге «Самый интересный матч» Всеволод Бобров особо выделил встречу первого круга с московским «Спартак». После второго периода армейцы проигрывали 0:3. Но им удалось переломить ход игры и довести матч до победы — 5:4. Три шайбы забросил Бобров.

А во втором круге в матче ЦДКА — «Спартак» борьбы не получилось — 9:2. Восемь шайб подряд забросил в ворота соперников Всеволод Бобров! И это за два периода...

В беседе с Анатолием Мурадовым бывший игрок спартаковцев, а впоследствии известный арбитр Анатолий Сеглин сокрушался: «Бобров к хоккейному сезону 1949 года и не готовился — где-то лечился. А нам как раз с ЦДКА играть. Думаем, слава богу, Севки нет. Может быть, и обойдётся. Так нет — появился перед самой игрой. И “привёз” нам восемь штук!»

«Как против него было играть? Мы его всей командой держали, а он нам восемь штук заколотил, — продолжал Сеглин. — Вдвоём под него подсаживаемся, поднимаем в воздух, у него коньки торчат над головой, а он внизу клюшкой всё равно нам забрасывает. Ни Харламов, ни Фирсов — никто с ним несравним».

Сеглин ошибся лишь в одном: матч, в котором Бобров забил его команде восемь шайб, проходил не в начале сезона, к которому лидер ЦДКА якобы не готовился.

Хоккеисты 2-й школы Сестрорецка — победители чемпионата Ленинградской области. Справа налево: Владимир Бобров, Олег Белаковский, Всеволод Бобров. 1933 г.

Годы спустя. С отцом Михаилом Андреевичем

Московское «Динамо» перед матчем с «Челси». Слева направо: М. И. Якушин, М. Семичастный, А. Хомич, Л. Соловьев, Е. Архангельский, В. Радикорский, В. Бобров, И. Станкевич, В. Блинков, С. Соловьев, К. Бесков, В. Карцев. 1945 г.

Всеволод Бобров следит за развитием событий у ворот «Челси»

ЦДКА — обладатель Кубка СССР.

Слева направо: П. Коротков, Д. Петров, В. Никаноров, В. Венёвцев, В. Бобров, А. Тарасов, А. Виноградов, М. Орехов, Е. Бабич, П. Зенкин, А. Стриганов. 1946 г.

ЦДКА — чемпион СССР.

Слева направо: В. Никаноров, Г. Мкртычан, М. Орехов, Е. Бабич, А. Тарасов, В. Бобров, В. Венёвцев. 1948 г.

Практика всегда подкреплялась...

...теорией. В руках Всеволода Боброва книга Бориса Аркадьева.
Фото Е. Н. Волкова

Борис Аркадьев

ЦДКА. Слева направо: Г. Федотов, В. Никаноров, А. Прохоров, В. Бобров, Ю. Нырков, В. Соловьев, В. Николаев, А. Гринин, И. Кочетков, Б. Афанасьев, В. Демин

Вечный соперник — московское «Динамо».

Слева направо: М. Семичастный, А. Хомич, В. Радикорский, Л. Соловьев, В. Блинков, И. Станкевич, С. Соловьев, К. Бесков, В. Карцев, А. Малявкин

Григорий Федотов

В игре вратарь ленинградского «Зенита» и сборной СССР Леонид Иванов

Первая тройка (слева направо): Евгений Бабич, Виктор Шувалов, Всеволод Бобров

Евгений Бабич

Виктор Шувалов

ВВС — чемпион СССР. Слева направо: В. Бобров, Г. Мкртычан, Н. Пучков, А. Виноградов, В. Шувалов, П. Жибуртович, П. Котов, В. Новожилов, Ю. Пантюхов, А. Виктор, Е. Бабич, И. Горшков. 1952 г.

Василий Сталин

После очередного успеха хоккеистов ВВС

С Евгением Бабичем всюду плечом к плечу

С Александром Виноградовым пройдены многие испытания

Матч ЦДКА с пражской «Спартой», 1947 г.

В рядах ВВС

Перед матчем со сборной Венгрии капитаны команд Ференц Пушкаш и Всеволод Бобров. *Москва. 1952 г.*

Путь к воротам сборной Румынии открыт

В атаке Всеволод Бобров и Владимир Демин (справа)

Соперники преследовали Всеволода Боброва неотступно.
Фото Н. А. Волкова

Анатолий Сеглин никогда не стеснялся в выборе средств, чтобы остановить соперников. Он признавался: «Я — защитник. Поверьте мне: его без грязной игры удержать было невозможно. Да, специально подсекали, цепляли, а как по-другому остановить? Задание тренера — держать! А как? Только с помощью грязных приёмов. И не я один. Только так и держали.

С Федотовым было проще. У того плечо было травмировано. Чуть что — за руку дёрнешь, он уже вперёд особо и не лезет. А Всеволод Михайлович всё время лез вперёд».

Именно в сезоне 1949 года «стараниями» Сеглина Всеволод Бобров получил ещё одну болезненную травму. Как рассказывал сам Бобров, тот его так припечатал к борту, что рёбра затрещали. Рёбра, к счастью, выдержали, но сильнейший толчок на борт не прошёл бесследно. Сильные боли в груди заставили Боброва обратиться к врачу, и при медицинском обследовании выяснилось, что у Всеволода произошло кровоизлияние... в сердечную мышцу. С того времени все электрокардиограммы фиксировали у него обширный инфаркт миокарда. И когда Всеволод Михайлович приезжал в санаторий, врачи в панике укладывали его в постель с диагнозом «инфаркт». Чтобы успокоить медиков, Бобров возил с собой старые ЭКГ и объяснял, что отклонения от нормы являются последствием спортивной травмы. В практике врача Олега Белаковского второй подобной ситуации не встречалось.

Однажды вспылil в ответ и Всеволод Бобров. Очевидец — защитник московского «Динамо» Олег Толмачёв — рассказывал: «Играли ВВС и “Спартак”. Бобров рвётся к воротам, а “спартач” его сзади цепляет клюшкой за яйца и не даёт убежать. Тут Сева не выдерживает, разворачивается и со всего размаху бьёт

спартаковскому защитнику клюшкой! Шести нижних передних зубов у бедняги как не бывало...»

Толмачёв запомнил — это был матч сезона 1954 года, в котором Бобров и Сеглин представляли уже другие команды — ЦДСА и Дом культуры им. Карла Маркса из Электростали соответственно.

На следующий день Бобров приехал в больницу с извинениями. А Сеглин, приняв их и подписав бумагу, что не имеет претензий (это понадобилось Боброву в связи с предстоящей поездкой сборной в Финляндию), многие годы подчёркивал, что тот случай способствовал их с Бобровым дружбе.

Писатель-сатирик Яков Костюковский, являвшийся большим любителем спорта, как-то задал Боброву вопрос: «Как вы считаете, Всеволод Михайлович, можно сравнивать уровень довоенного футбола с современным?» Тот ответил: «Не знаю. До войны были потрясающие мастера. Но лично я благодарен судьбе, что родился позже. Тогда против меня играл бы Селин. А сейчас — Сеглин. А с Сеглиным я как-нибудь справлюсь».

Чтобы оценить тонкость этой шутки-каламбура, нужно, конечно, знать, кем был Фёдор Селин. Огненно-рыжий центральный полузащитник московского «Динамо» в 1920-е — первой половине 1930-х годов являлся сильнейшим в своём игровом амплуа, восхищал зрителей акробатическими приёмами: подкатами, шпагатами, ножницами; личным примером вдохновлял партнёров.

Нам известно, что первой тройкой сборной Москвы в матчах с ЛТЦ была армейская в составе Евгений Бабич — Анатолий Тарасов — Всеволод Бобров.

В футболе Тарасов не мог стать вровень с партнёрами в ЦДКА, завоевать место в основном составе. В книге «Путь к себе» он признавался: «Из

меня не мог получиться большой футболист — я довольно быстро это понял: не хватало стартовой скорости, и всё-таки я был рад, что меня взяли в ведущий армейский клуб. Было лестно и, главное, полезно находиться в этой компании больших мастеров футбола».

На льду этот игровой ущерб проявлялся в меньшей мере, и сильным хоккеистом Тарасов, несомненно, стал. В хоккее с мячом за счёт большой работоспособности, умелой позиционной игры, комбинационными способностями. В хоккее с шайбой ему также многое удавалось, он являлся центральным нападающим первой тройки, действовал достаточно результативно, а после ухода Боброва в одном сезоне стал даже лучшим бомбардиром команды.

На флангах в тройке Анатолия Тарасова играли такие блестящие хоккеисты, как Всеволод Бобров и Евгений Бабич. Казалось бы, такое счастливое партнёрство должно радовать центрфорварда, согревать душу. Но всё было не так просто...

Ещё раз обратимся к суждениям Александра Нилина. В своей «Красной машине» он писал: «Можно и так сказать: Бобров помешал Тарасову сделаться звездой, которой он, очень возможно, стал бы при других обстоятельствах.

Тарасов на площадке всегда пытался сделать больше, чем мог. Мышление его, однако, не было обеспечено исполнительскими возможностями — он не был природно одарён, и не только с Бобровым, но и с Бабичем вряд ли мог себя сравнивать по способностям. Тем не менее в понимании игры, перспектив её движения, развития, да и по характеру своему, по осознанию своих достоинств, которые с таким блеском позднее проявились, Тарасов не считал возможным ставить себя ниже — ни в собственных глазах, ни в чьих иных.

Он ни в коей мере не собирался “работать на Боброва”, “раствориться в нём”, подчинить Боброву свою жизнь, хотя и вынужден был подчиниться его диктату на площадке».

К тому же если Бобров с Бабичем являлись близкими друзьями, то Тарасов держался обособленно.

Владимир Пахомов вспоминал: «Ни Бобров, ни Бабич никогда не предпринимали попыток к сближению с партнёром вне хоккейной “коробки”. На льду все трое были единым целым, а за пределами стадиона двое с третьим не дружили и даже не притеснялись».

Тарасов тоже не шёл на сближение. Он презирал партнёров за их отдельные бесшабашные поступки, за порой, как ему казалось, ненужную растрату сил и здоровья...»

Частная жизнь Тарасова всегда оставалась окутана тайной из-за замкнутого, тщательно оберегавшегося им образа жизни. О Боброве с его открытой душой судачили на каждом углу, порой при этом сочинялось много небылиц.

Их разобщение особенно стало проявляться после того, как Анатолий Тарасов стал играющим тренером ЦДКА. История этого назначения заслуживает особого внимания.

Вернувшись из ВВС в ЦДКА, в штате которого состоял, Тарасов поначалу оказался не у дел, поскольку футбольной команде Бориса Андреевича Аркадьева ни в каком качестве не был нужен.

Тем не менее применение себе Тарасов нашёл. В этом плане название его книги «Путь к себе» подходит как нельзя лучше. В ней он описывает дальнейшие события так: «Наша небольшая партийная группа выбрала меня парторгом, и потому я получил возможность быть всё время рядом с Борисом

Андреевичем. Я помогал ему по возможности, но главное — учился у него...

То было прекрасное время. Я находился рядом с выдающимся тренером. Учился работать с командой, где было немало звёзд первой величины.

Однажды Аркадьев посоветовал мне попробовать свои силы в качестве руководителя команды в хоккее с шайбой. Не знаю, чем руководствовался, делая это предложение, Борис Андреевич. Знаю только, что он безошибочно угадал моё призвание.

На первых порах мне было страшновато — ведь я должен был работать с такими асами, как Всеволод Бобров, Владимир Никаноров, Евгений Бабич, Александр Виноградов, Михаил Орехов, Владимир Венёвцев. Страшно было потому, что я и сам хотел играть. Не только тренировать своих товарищей, но и выступать вместе с ними на хоккейной площадке...

Естественно, что я не жалел ни сил, ни времени, чтобы опережать если не всех, то большинство своих подопечных. Пожалуй, я был самым преданным игре человеком, хотя выделиться было трудно. У нас собралась трудолюбивая команда, и мы с энтузиазмом осваивали новый хоккей...

Я почувствовал тогда, что всю жизнь ошибался, считая футбол своим главным увлечением, своей любовью и мечтой. Хоккей властно вошёл в мою жизнь и оттеснил все былые привязанности куда-то в сторону, на второй план.

И если прежде хоккей был для меня лишь средством, возможностью поддерживать зимой спортивную форму, которая так важна для успехов в футболе, то теперь хоккей стал для меня тем видом спорта, которому должно быть подчинено всё остальное».

Изложено это продуманно и логично. Мы несколько не ставим под сомнение, что Борис Андреевич Аркадьев

посоветовал Анатолию Тарасову поработать тренером хоккейной команды, но действительность была несколько иной.

Играющий тренер хоккеистов ЦДКА в первом сезоне Павел Михайлович Коротков покинул клуб, поскольку проходил службу в Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского. Кто-то должен был его заменить, так как позиция тренера в заявке на чемпионат не могла оставаться вакантной.

Далее прибегнем к помощи Анатолия Салуцкого, который внимательно рассмотрел ту ситуацию: «Предложение сделали пятерым ведущим игрокам: Всеволоду Боброву, Александру Виноградову, Евгению Бабичу, Андрею Старовойтову и Анатолию Тарасову.

Первые трое отказались, поскольку были в расцвете хоккейного таланта и жаждали только одного — играть и играть. А тренерство, по тогдашним понятиям, налагало определённые и не совсем приятные обязанности: надо было что-то писать, куда-то ходить, перед кем-то отчитываться, выступать на каких-то заседаниях и так далее и тому подобное.

Между тем в спортивной среде того времени наибольшим почётом пользовались талантливые игроки, а не способные тренеры. О своём будущем почти никто из хоккеистов не задумывался, они всем сердцем, беззаботно отдавались любимой игре, перед матчами у них, как говорится, в груди горело, они рвались на лёд и не хотели обременять себя никакими обязанностями, которые могли хоть частично затмить удовольствие от ледовых сражений. Тренерство среди них, безусловно, считалось обузой.

Отказался от предложения стать тренером и Андрей Старовойтов, который в то время работал в Военно-политической академии имени Ленина. А Тарасов с удовольствием согласился, поскольку это полностью совпадало с его устремлениями».

Намного проще объяснял произошедшее в своей книге Владимир Пахомов: «Срок подачи заявки подхлестывал игроков быстрее назвать тренера. И вот тогда Бобров предложил Тарасову быть тренером: “Ты же у нас профессор! ‘Краткий курс ВКП(б)’ читаешь!”

“Краткий курс ВКП(б)” тогда повсюду изучали, некоторые абзацы, страницы заучивались чуть ли не наизусть. Среди хоккеистов, пожалуй, лишь один Тарасов всерьёз изучал “Краткий курс”, конспектировал отдельные главы, делал выписки.

Авторитет Боброва в команде был громадным, ему практически не перечили, поэтому его предложение в отношении кандидатуры тренера было принято безоговорочно.

Тарасов, надо отдать ему должное, отнёсся к назначению со всей серьёзностью, он исправно посещал всевозможные тренерские семинары, лекции, устраиваемые для новоиспечённых руководителей команд, засел за учебники, не считал зазорным консультироваться с самыми известными специалистами по физиологии, психологии, педагогике. Со временем он оказался неистощимым на всевозможные выдумки по организации тренировок».

Итак, перед сезоном 1948 года по инициативе Всеволода Боброва Анатолий Тарасов стал играющим тренером команды.

Вновь процитируем Анатолия Салуцкого, поскольку настал черёд перейти от формальных к сущностным противоречиям между этими антагонистами: «Тарасов, ещё будучи простым игроком, проявлял несомненные организаторские способности и постоянно пытался давать товарищам советы, как играть. В отличие от других хоккеистов, он держался в команде несколько обособленно, словно заранее уже представлял себя в роли тренера. Собственно говоря, всё это, вместе взятое, и послужило для Бориса Андреевича Аркадьева

основанием порекомендовать Тарасова в наставники создававшейся команды ВВС. И этот, пусть кратковременный, опыт работы в коллективе лётчиков тоже был для Тарасова плюсом. Собственное желание Анатолия Владимировича стать тренером армейского коллектива подкреплялось объективными данными, его несомненной способностью к тренерской работе.

Но была ещё одна, глубоко личная, причина, побуждавшая Тарасова перейти на тренерское поприще. Как у Всеволода Боброва, сущность внутреннего устройства Анатолия Тарасова была такой, что постоянно подталкивала его занять лидирующее положение. Подобно Боброву, он хотел во что бы то ни стало быть первым. Это жгучее, никогда не ослабевавшее стремление порой заставляло его поступать вопреки собственным сомнениям и даже доводам разума. В этой любви, в этой страсти к лидерству он был не волен.

Но в хоккее с шайбой первым, безусловно, был Всеволод, в этом ни у кого не закрадывалось сомнений, в том числе и у Тарасова. Хотя они играли в ЦДКА в одной тройке, все понимали, что центральному нападающему Тарасову при Боброве и Бабице на флангах приходится очень легко, противники его почти не опекали, основное внимание уделяя крайним нападающим. И действительно, когда эта тройка распалась, новое звено Анатолия Тарасова ничем особым не прославилось и в хоккейную историю не вошло.

Итак, на хоккейной площадке Анатолий Тарасов явно оказался в тени славы Всеволода Боброва, и это угнетало его — характер лидера, стремление к первенству не позволяли смириться с создавшимся положением. Зато как тренер Тарасов считал себя выше Боброва: за плечами у Анатолия Владимировича уже была школа тренеров, он был старше, да и к тактике

хоккея он проявлял гораздо больший интерес, чем остальные игроки, полностью увлечённые лишь самим процессом игры».

На других страницах книги Анатолия Салуцкого мы читаем: «Постепенно всё отчётливее вырисовывалась точка зрения Тарасова, которая сегодня кажется естественной, единственно возможной, а в те годы для многих была непонятной и сомнительной: армейский тренер настаивал на том, чтобы форварды принимали участие в обороне, чтобы команда играла по схеме “пять вперёд — пять назад”. Он требовал от хоккеистов игры в полную силу на протяжении всех трёх периодов, заставляя их непрерывно взвинчивать темп. А чтобы подготовить спортсменов к таким огромным нагрузкам, очень много внимания уделял общефизической, атлетической тренировке. Таким было кредо Анатолия Владимировича, и он неизменно придерживался его все годы, пока работал тренером.

Однако поколение хоккеистов, лидером которого был Всеволод Бобров, ни психологически, ни в силу своего возраста уже не могло воспринять такие бешеные тренировочные нагрузки...

Столкнулись две воли, два сильных характера. Не из прихоти, не по личным мотивам, а из принципиальных тренерских соображений Тарасов заставлял Боброва “оттягиваться”. Со своей стороны Бобров думал, что Тарасов своевольничает и разрушает приносящую успех систему игры, а от добра добра не ищут. Возможно, Анатолий Владимирович и смирился бы с особой ролью Всеволода, но дело осложнялось ещё и тем, что Бобров был неформальным лидером команды и, не подчинив своей воле этого лидера, тренер не мог влиять на других игроков, подражавших Боброву.

Но мало этого. Когда тренер Тарасов требовал быстроты пасов и обвинял Боброва в излишнем увлечении индивидуальной игрой, в команде сразу же

вспоминали конфликты, которые порой происходили в ведущей армейской тройке, выступавшей в составе Бабич — Тарасов — Бобров в конце сороковых годов.

Дело в том, что Анатолий Тарасов отлично бежал на коньках и хорошо держал шайбу, его даже называли “держатель шайбы”, потому что Тарасов умело “убивал секунды”, когда его команда оставалась в меньшинстве. Но зато при армейских атаках, которые должен был завязывать центральный нападающий Тарасов, он сплошь и рядом задерживал пас на фланги. Бобров и Бабич мчались вперёд, в надежде получить шайбу “на ход”, а шайбы не было — Тарасов всё ещё держал её.

И вот теперь “держатель шайбы” обвинял Боброва в чрезмерном индивидуализме! С точки зрения здравого смысла ничего особенного в этом не было: тренер вовсе не обязан отвечать за грехи, которые совершал, будучи игроком. Но поскольку эмоции были накалены, этот факт подливал масла в огонь.

Талантливо предвидя будущее своей игры, Тарасов, не способный властвовать над своими эмоциями, пытался учить новому хоккею даже Боброва. И это, естественно, вызывало отпор, потому что Бобров в любом хоккее должен был оставаться собой...»

Как верно подметил в книге о Боброве Анатолий Мурадов, страстный поборник коллективной игры Анатолий Тарасов, считавший себя учеником Аркадьева, отстаивал прямо противоположные взгляды.

В своей знаменитой работе «Тактика футбольной игры» Борис Аркадьев писал: «О том же Боброве, который является исключительно сильным дриблёром в хоккее, можно сказать, что на льду он играет коллективно. Почему? Да потому, что вся хоккейная команда строит игру так, чтобы дать Боброву возможно большее количество попыток пройти с помощью

обводки к воротам противника; из этих попыток несколько должны увенчаться успехом и обеспечить команде победу. Бобров с известным риском для себя одну за другой делает эти запланированные попытки и обычно забивает несколько голов. А если и не забивает, то оттягивает на себя столько сил противника, что открывает этим возможность “сделать результат” своим партнёрам.

Когда игрок, обведя одного или двух противников и собрав около себя остальных, в последний момент без сожаления расстаётся с мячом, чтобы дать забить гол незакрытому партнёру, его игра коллективна, несмотря на применение такого изощрённого средства индивидуального мастерства, каким является обводка».

Понятно, что речь у Аркадьева шла о хоккее с мячом — близкого футболу по тактическим установкам. Если кто-то сочтёт невозможным экстраполировать приведённые соображения на хоккей с шайбой, предложим для убедительности отрывок из статьи Бориса Андреевича под названием «Солист в коллективной игре»: «Однажды я увидел, как на двусторонней игре хоккеистов тренер Анатолий Тарасов всё время ограничивал Всеволода Боброва в обводке. Потом я сказал Тарасову: “На мой взгляд, это неверно. Обводка — его стихия. Это именно то, что поднимает его высоко над остальными. Он должен так играть! Ему же все должны пасовать, чтобы он получал возможность сделать наибольшее число попыток одному пройти и забить гол. Все должны играть с ним коллективно, а ему оставить только его игру, освободив от других обязанностей. Коллективная игра будет служить тому, чтобы использовать исключительный талант в обводке Боброва на пользу коллективу, другими словами — создать ему с помощью пасов партнёров возможно больше этих попыток. Таких игроков ставить на общий режим нельзя”».

Это сказано уже на примере хоккея с шайбой. Причём здесь принцип «колхозного» (термин Тарасова) хоккея, если в твоей команде есть такой мастер, чьё уникальное умение нужно обратить на пользу команде, а не подгонять его под умозрительный стандарт?

Конечно, недовольные среди партнёров всегда будут. Борис Аркадьев в названной статье продолжал: «Больше всех, вспоминаю, жаловался на индивидуализм Боброва и требовал принятия мер для того, чтобы тот играл с ним в пас, выступавший тогда в ЦДКА М. Орехов. И не только он. А этим игрокам, гораздо менее искусным в преодолении противников “один на один”, полагалось бы, уяснив цену Боброва, общими усилиями создавать ему возможности сыграть индивидуально. Его вклад был ещё и в том, что он рисковал собой на переднем крае, его валили, сшибали...»

Так в чём же, собственно, кроется различие воззрений Боброва и Тарасова на хоккей и методы тренировок? Обратимся к книге Салуцкого: «Много позже, вспоминая о периоде конца сороковых — начала пятидесятых, Анатолий Владимирович говорил:

— Моему глазу импонировала работоспособность. Человек трудится, трудится, трудится... Моё представление было таким: тот, кто здорово тренируется, должен и играть хорошо. Такой закон был у Аркадьева, у меня долгие десятилетия — такой же закон: кто крепко тренируется, тот наверняка будет играть! А Бобров вышел в первом матче, просто брал мяч и забивал — и всё! Потому что — ещё раз повторяю — игрок ценился за большую работоспособность, за умение сыграть в классический пас, за умение в обороне подстраховывать. А Бобров с первого раза такое впечатление не производил.

Анатолий Владимирович искренне, свято был убеждён, что только трудолюбие и спортивное прилежание способны сформировать настоящего спортсмена. Вряд ли кто-либо отважится оспаривать такое утверждение. Однако проблема заключается в том, как понимать эти трудолюбие и прилежание — как понимал их Тарасов, требовавший от своих подопечных одинакового усердия абсолютно во всех элементах тренировок, или как понимал их Бобров, предпочитавший трудиться до седьмого пота, отрабатывая прорывы и броски по воротам?

Именно в этом разночтении и состояло главное противоречие между молодым тренером и молодым, но уже очень маститым спортсменом.

Да, Всеволод Бобров был для Тарасова загадкой. Но суть дела заключалась в том, что Тарасов, хотя и стал тренером, всё ещё продолжал смотреть на Боброва глазами партнёра по тройке и рядового игрока, привыкшего отстаивать своё место в составе исключительно отменным усердием на тренировках. И в этом Тарасов заметно отличался от Бориса Андреевича Аркадьева, который был посредственным футболистом, но сумел быстро отрешиться от своих “окопных” взглядов полевого игрока и смотрел на Боброва глазами тренера.

Правда, у Анатолия Тарасова положение было непростым: молодому наставнику всё время приходилось что-то доказывать своим подопечным. Но поскольку по классу игры он уступал некоторым из них, то стремился наверстать упущенное трудолюбием и физической подготовкой. Тарасов сам делал все упражнения, которые предлагал выполнить другим, и делал их в два, в три раза интенсивнее. Он приходил на тренировки раньше всех и уходил последним. Он заставлял себя опережать всех, и прежде всего неформального лидера команды Боброва, “в сумме

слагаемых”. И если Всеволод занимался на льду четыре часа в день, то Анатолий тренировался по шесть-восемь часов. Если то, что делал Бобров за одно занятие, условно принять за единицу, то Тарасов выполнял объём работы, равный по меньшей мере двум единицам.

“Я должен был опережать его, чтобы завоевать его авторитет” — это слова Анатолия Владимировича Тарасова.

Но на деле происходило обратное: Бобров тоже не мог понять Тарасова, который, по его мнению, и “сам потел впустую и напрасно заставлял также потеть других”...

В итоге отношения в футболе с тренером Аркадьевым и в хоккее с тренером Тарасовым у Всеволода Боброва складывались совершенно по-разному. И это в немалой степени отразилось на том, что именно почерпнул Бобров у своих наставников. Он считал необходимым во многом подражать Аркадьеву. И последующая тренерская практика Всеволода Михайловича полностью подтвердила, что он придерживался педагогических концепций своего футбольного тренера Бориса Андреевича Аркадьева. Однако и наука Тарасова пошла на пользу. Бобров чётко сознавал, по какому пути ему идти не следует».

«ЗОЛОТАЯ НОГА» БОБРОВА

Добившись сохранения для команды ВВС места в высшем футбольном эшелоне, новый шеф лётчиков Василий Сталин в 1948 году активно занялся её усилением. В этот водоворот невольно угодил и Всеволод Бобров. Аксель Вартанян в своей «Летописи» приводит письмо игроков этой команды, бурно протестующих против перехода к ним Боброва, которое было направлено начальнику Главпура генерал-полковнику Иосифу Васильевичу Шикину. При этом утверждалось, что слухи о его переходе распускает сам Бобров. Набором аргументов Вартанян определил сей инспирированный документ, порочащий Всеволода, как клевету, написанную под диктовку Василия Иосифовича, раздосадованного отказом Боброва. То была пробная попытка младшего Сталина воздействовать на Боброва. Остаётся признать, что метод был выбран явно неудачный, не вписывался в русло будущих отношений младшего Сталина и Боброва даже при всём сумасбродстве военачальника...

Тем более досадным стало поражение чемпионов страны от заурядной команды лётчиков со счётом 0:3. Произошло это в тринадцатом туре. Правда, и до этого ЦДКА проиграл тбилисскому «Динамо», а вскоре после поражения от ВВС получил ещё одну «пощёчину», уступив ленинградскому «Зениту».

Остался верен себе в отчёте о матче с ВВС Юрий Ваньят: «Нападение, построенное по странной схеме — четыре выдвинутых вперёд нападающих, при оттянутом Боброве, — бесцельно блуждало по полю, лишь на минуту-две загораясь для случайной атаки... Бобров не

был организатором атак, трижды являясь завершающим игроком, он бил мимо ворот...»

Схема, которую Ваньят назвал «странной», была очередным тактическим экспериментом Бориса Аркадьева. И пусть первый блин вышел комом, наставник ЦДКА свой поиск игрового разнообразия не прекращал. Что касается использования одного из форвардов в «оттяжке», то повод вспомнить об этом будет в главе, рассказывающей об олимпийском турнире 1952 года...

Вновь динамовцы стартовали сильнее главных конкурентов. В первом круге они потеряли пять очков, в то время как армейцы — девять. Матч «Динамо» — ЦДКА состоялся на финише круга. На этот раз соперники разошлись миром — 2:2.

Однако не слишком убедительный итог первого круга не смутил армейцев.

Валентин Николаев в своей книге комментировал те события так: «Все футболисты ЦДКА были уверены в том, что на финише мы догоним динамовцев. Такая уверенность базировалась на вполне объективных показателях и наблюдениях, сделанных в ходе предыдущих чемпионатов. Более высокая физическая подготовка игроков ЦДКА, при прочих равных или почти равных возможностях, позволяла армейцам постепенно наращивать мощь игры, в то время как у динамовцев она обычно несколько снижалась.

Кроме того, мы знали, что в решающей стадии турнира уже не позволим себе такого расточительства, как это было в матчах первого круга, когда мы в прямом смысле “подарили” очки командам, многие из которых уступали армейцам в классе. В этом, если хотите, состояла ещё одна особенность команды ЦДКА, умеющей собираться, настраиваться на решительную борьбу, когда это особенно необходимо. Именно за

умение сражаться до конца, не щадя ни себя, ни соперников, любили и уважали болельщики “команду лейтенантов”».

Свои слова бывший инсайд армейцев подтвердил примером из матча первого круга с «Торпедо»: «За три с половиной минуты до финального свистка торпедовцы вели 2:1. Что можно успеть за столь короткий отрезок времени? В лучшем случае спасти хотя бы очко. Такое удаётся довольно часто. Но выиграть...

Помню, в этот критический момент торпедовец Александр Пономарёв, уже предвкушая победу, бросил своему вечному опекуну Ивану Кочеткову: “Всё, Ваня! Сейчас-то вы у нас с крючка не сорвётесь...”

Помню, что ответил ему Иван, только не сразу, а спустя три с половиной минуты, после окончания матча. Дружески похлопав Пономарёва по плечу, он не без ехидства изрёк: “Вот так-то, Саша, не говори гоп, пока не перепрыгнешь!”

Что же произошло за эти три с половиной минуты? Проигрывая, мы не только не смирились с неудачей, а, наоборот, взвинтив до предела темп, обрушили на ворота “Торпедо” шквал атак. Вся армейская команда устремилась вперёд, буквально смяв оборону соперников. Голевые моменты возникали один за другим, и вот, наконец, Дёмин прекрасным ударом сравнивает счёт. А за минуту до свистка уже я, оказавшись на острие атаки, забил третий гол. 3:2 в пользу ЦДКА!»

В том чемпионате в борьбу за лидерство вступил и обладатель Кубка двух последних лет московский «Спартак». На промежуточном финише спартаковцы наряду с «Динамо» (Тбилиси) вклинились между фаворитами. Положение армейцев ещё больше осложнилось после поражения от «Спартака» на старте второго круга. Спартаковцы сражались достойно, в какой-то момент даже возглавили таблицу, но затем

выбыли из числа претендентов на «золото». Что же касается армейцев, то потеря двух очков в игре со «Спартаком» оказалась единственной, все остальные матчи футболисты ЦДКА выиграли. Мощно накатились на финиш и московские динамовцы, одержавшие семь побед подряд.

Заметим, что едва ли не в каждом отчёте о матчах армейцев Бобров получал обидные «уколы». И после выигрыша со счётом 2:1 у ленинградского «Динамо», когда Всеволод забил решающий гол, главный «фехтовальщик» Юрий Ваньят остался недоволен: «Бобров — несомненно, завершающий игрок. Но тем не менее он не имеет права занимать пассивную роль, наблюдая со стороны, как все его партнёры борются за каждый мяч. Его “сольные выступления” — обводка излишнего количества игроков, передержка мяча — снижают типичный для команды ЦДКА темп и срывают комбинации армейцев».

Встреча между московским «Динамо» и ЦДКА в последнем туре 24 сентября стала своего рода финалом чемпионата. Динамовцы подошли к нему, имея 40 очков, у соперников было 39. Травма не дала возможности выйти на поле Григорию Федотову, сумевшему за второй круг забить 13 мячей. В составе «Динамо» отсутствовал Василий Карцев, который в том сезоне пропустил немало матчей из-за открывшегося туберкулёза.

Послушаем «репортаж» Валентина Николаева: «Сюжет матча раскручивался стремительно. Уже на 3-й минуте Бобров, получив мяч от Вячеслава Соловьёва, в высоком прыжке головой направляет его в сетку ворот Хомича. Динамовцы бросаются в ответный штурм. Очень хорошо действует связка Савдунин — Бесков, доставляющая армейцам немало хлопот. Идёт 11-я

минута. Кочетков “проваливается” в единоборстве с этой парой, и Бесков сравнивает счёт.

Сила атак “Динамо” нарастает. Никаноров отбивает один мяч за другим. Армейцы обороняются, они вынуждены отвечать только контратаками. Темп игры непрерывно возрастает, несмотря на то, что поле очень тяжёлое, разбухшее от дождя. Такая скоростная, атлетическая игра больше на руку нам. Мяч всё чаще гостит на половине поля соперников.

Мы со Славой Соловьёвым играем чуть сзади Боброва, таранящего оборону по центру. При каждом удобном случае адресуем мяч своему бомбардиру, но и сами улучаем моменты, чтобы попытаться пробить по воротам.

Случилось это на 24-й минуте игры. Гринин выкладывает мне мяч, как на блюде: не раздумывая, бью сильно низом, в угол ворот. Хомич не ждал удара и явно запоздал с броском. Мы вновь ведём — 2:1.

Кульминационный момент поединка наступил, как мне кажется, на 56-й минуте игры, когда Кочетков, пытаясь отразить мяч, посланный Савдуниным, неудачно подставляет ногу и мяч рикошетом влетает в угол наших ворот. 2:2 — желанный результат для динамовцев.

Ошеломлённый, полный отчаяния и горя, Кочетков, читали мы наутро в одной из газет, схватился за голову и стоял в такой позе, уставившись в землю. Потом его руки тяжело опустились, он повернулся и медленно пошёл на своё место. А трибуны бушевали...

То был поистине критический для нас момент. Дай мы волю переживаниям, распусти нервы — и всё пропало: победы не видать. В футболе — и в этом самая большая его прелесть — дело решают не только техника и тактика, виртуозность владения мячом и стройность плана. Иногда важнее общий дух, воля и решимость спортсменов, крепость нервов. И в том, что

произошло дальше, я вижу не каприз спортивного счастья, а железную закономерность. Она заключается в полной собранности нашей команды, в том, что тренеры подготовили её к любым испытаниям, которые могут возникнуть на поле.

Словом, мы не дрогнули, не поддались даже минутной слабости. Снова пошли вперёд, наращивая и без того высокий темп. Великолепен был в последние минуты встречи Иван Кочетков. Стараясь во что бы то ни стало исправить оплошность, он часто подключался к атакам. Как это хорошо, что удача, раз изменив игроку, даёт ему всё же шанс отличиться. Мужество Ивана было по достоинству вознаграждено. Именно он, центральный защитник, совершив очередной дерзкий рейд, явился зачинателем комбинации, принёсшей победу ЦДКА.

Я не раз говорил о невозмутимости нашего тренера Бориса Андреевича Аркадьева, о его железной выдержке. Но в эти минуты он не смог совладать с собой и, понутив голову, побрёл к туннелю, ведущему под трибуну. Мы в пылу игры, конечно же, не могли видеть этого и очень удивились, когда услышали рассказ друзей. Ни в коей мере не хочу даже косвенно упрекнуть хоть в чём-то своего наставника. Я долгие годы был в шкуре тренера команд мастеров и на себе испытал, что значит наблюдать со стороны, как проигрывает твоя команда, а ты не в силах ей помочь.

Атака, которую начал Кочетков, развивалась просто, без всяких хитросплетений. И в этой ясности намерения армейцев заключена была её прелесть. Иван направил мяч Соловьёву, и тот без промедления пробил. Мне показалось, что в этот удар он вложил всё, на что был способен, но мяч, ударившись в штангу, отскочил в поле. Всё кончено? Нет! Неудержимый Бобров первым успевает к мячу и, словно бильярдный шар в лузу, вгоняет его в ворота. 3:2!»

Некоторые детали уточнил Аксель Вартанян. Первый гол Боброва он описал так: «Единолично обыграв двух динамовцев, отпасовал Николаеву, тот — в касание сместившемуся на правый фланг Соловьёву. Последовал навес в штрафную, и Бобров в высоком прыжке направил мяч в ворота Хомича».

Возникали голевые моменты и до того, как Николаев вновь вывел армейцев вперёд. Однажды мяч с линии ворот выбил головой Чистохвалов, а после мощного удара Савдунина ЦДКА вырвала штанга.

О победном голе на 86-й минуте Всеволод Бобров в своей книге рассказывал: «Мяч опять у вездесущего Кочеткова. Он резко переводит его Соловьёву. Вячеслав приготовился ударить. В этот же миг какое-то необъяснимое чувство повлекло меня к воротам. Последовал сильнейший удар, мяч ударился в штангу, и раньше других возле него оказался я. Снова — удар... Потом я увидел, что Хомич лежит на земле и так же обхватил голову руками, как это делал полчаса назад Кочетков. Тогда-то я понял, почему все зрители разом вскочили со своих мест».

Высказал своё мнение и Вячеслав Соловьёв: «Он обладал невероятной игровой интуицией, поэтому именно он, Бобров, оказался в той позиции, которая и решила игру. Я шёл справа — ударил, а он одновременно, а, может быть, ещё до того, шёл слева на добивание. Он предвидел, что будет удар, и заранее шёл именно в эту позицию. Это нельзя ни выучить, ни натренировать, это — интуиция...»

Природу ошибки Ивана Кочеткова оценивали по-разному. Григорий Федотов усмотрел в ней попытку сыграть на публику. Анатолий Башашкин, вспоминая тот эпизод, был мрачен: «Что я почувствовал? Что это проигрыш — вот что я почувствовал...»

Несколько озадачил рассказ жены Алексея Гринина Зинаиды в интервью «Спорт-экспрессу» (от 15 февраля

2008 года). В потоке воспоминаний прозвучало: «Как-то с Капой, его женой, сидим на стадионе “Сталинец”. И Кочетков с размаху забивает гол в свои ворота. Капа разозлилась: “Говорила ему перед игрой — зачем бутсы мажешь салом?!”».

Других автоголов в послевоенный период согласно статистике за Иваном Кочетковым не значится. Но почему фигурирует стадион «Сталинец»? Не исключено, что в годы уже немолодые женщина могла перепутать. С другой стороны, будь тот момент проходным, вряд ли бы память его сохранила...

Автору книги близка позиция Анатолия Мурадова: «В той ситуации — и игровой, и человеческой — Кочетков понял одно: именно ему надо что-то делать. И он рванулся вперёд, в атаку: шёл раз за разом, рискованно оставляя собственные ворота, терял мяч, снова добывал его в жаркой схватке и был вознаграждён — удача нашла его».

Тот матч между динамовцами и армейцами вошёл в золотой фонд отечественного футбола. Равно как классикой жанра стало восторженное восклицание Вадима Синявского: «Золотая нога Боброва!»

Шестьдесят лет спустя Евгений Евтушенко написал об этом матче стихотворение «Месть за грубость». Имелась в виду грубость киевского матча 1946 года, когда «сломали» Боброва. Вот строки из него:

Но не сломленная расправой
(видно было, забить ей пора),
подоспела разбитая правая
победившего боль Бобра.

В упомянутой ранее статье Евтушенко признавался: «Я всегда обожал Всеволода Боброва. Когда я познакомился со Стрельцовым, я сказал, что у него есть какие-то черты от Боброва. И оказалось, что он мальчишкой смотрел игру Боброва. Стрельцов был очень талантливый футболист, но он был только отблеском молодого Боброва. Потому что молодой Бобров — это был фейерверк...»

В мемуарных источниках по-разному оцениваются причины поражения «Динамо». Константин Бесков отмечал, что неудачно в тот день действовал Хомич, он, по его мнению, был виноват в двух первых голах. Василий Трофимов высказывал соображение, что тактическую ошибку допустил Малявкин, который попятился перед Вячеславом Соловьёвым, дав ему возможность пробить по воротам. Михаил Якушин считал, что атаку, начатую Кочетковым, мог сорвать Бесков, но не вступил с ним в единоборство.

«Я не могу за это поражение бросить упрёк ни команде, ни себе, — вспоминал Михаил Якушин в своей книге. — Несмотря на дождь и тяжёлый грунт, встреча прошла на очень высоком уровне... Бытовало мнение, что после счёта 2:2 наша команда отошла назад и стала играть на удержание выгодного ей результата, за что-де и поплатилась. Неверное суждение. В оставшееся время футболисты ЦДКА в самом деле атаковали больше, положение вынуждало их к этому, но ни о какой глухой обороне с нашей стороны не могло быть и речи... Так ещё раз были сокрушены наши надежды. То одна сотая мяча, то злополучные четыре минуты».

В динамовском лагере поражение вызвало бурю эмоций. Леонид Соловьёв рассказывал, что Юлия Блинкова — сама спортсменка, она играла за хоккейную команду «Динамо» — под разговоры о невнимательности её мужа, не оказавшегося в решающий момент возле Боброва, как этого требовала

игровая дисциплина, сгоряча даже хотела подать на развод.

Раскрыть существо проблемы взялся Анатолий Салуцкий: «Динамо́вцы постоянно наступали на пятки армейцам. Они очень остро атаковали, причём форвардам активно помогал правый полузащитник Всеволод Блинков. В поединках с ЦДКА Блинкову всегда поручали опекать Боброва, и два Всеволода прекрасно знали друг друга, поскольку точно такая же ситуация возникала и в русском хоккее. Но характер игры Блинкова несколько отличался от манеры действий других полузащитников того времени: Блинков порой подключался к нападению, что придавало особую мощь динамовским атакам. И однажды тренер армейцев Борис Андреевич Аркадьев перед очередной встречей с давними соперниками сказал Боброву:

— Всеволод! В этой игре надо почаще оттягиваться, чтобы прикрыть Блинкова.

Но Бобров сердито ответил:

— Зачем же я буду оттягиваться?! Инициативу отдавать? Пусть он меня караулит и в нападение не ходит.

Аркадьев предпочёл не настаивать, потому что в словах Боброва необычайно сжато и кратко была сформулирована очень важная тактическая установка: действительно, активный, постоянно угрожающий чужим воротам форвард, даже не участвуя непосредственно в обороне, существенно облегчает игру своих товарищей, сковывая действия одного, а то и “полутора” игроков соперников.

И все поединки с московским “Динамо” полностью, стопроцентно подтвердили точку зрения Всеволода Боброва. Хотя бывали отдельные случаи, когда Всеволод Блинков всё-таки пытался участвовать в атаке, но делал он всегда это осторожно, с оглядкой, что позволяло Николаеву или Дёмину с лёгкостью

нейтрализовать его атакующий пыл. Сам Блинков утверждает, что в его жизни не было более интересного и более трудного подопечного, чем Бобров, включая английских форвардов, с которыми динамовскому полузащитнику пришлось иметь дело в 1945 году. И в целом, как считает Блинков, в матчах с ЦДКА он почти совсем выключался из атак, бдительно опекая армейского нападающего. Цель, которую преследовал Борис Андреевич Аркадьев, советуя Боброву “оттягиваться”, была достигнута, но совершенно иными, чисто бобровскими средствами».

В ЦДКА после третьего подряд чемпионства царил праздничная атмосфера. «Советский спорт» сообщал, что в адрес команды поступило около трёх тысяч поздравлений. На дом Всеволоду Боброву доставили 50 телеграмм. Суворовцы тамбовского училища прислали телеграмму с напутствием: «Обязательно выиграйте кубок».

К пожеланию будущих защитников отечества футболисты ЦДКА прислушались. Но на пути к обладанию хрустальной вазой в серебряном окладе им пришлось пережить немало волнений. И не только на футбольном поле. В четвертьфинале их соперником стало «Торпедо». Одолеть «обидчика», побеждавшего армейцев в двух предыдущих розыгрышах, было делом принципа.

Аксель Вартанян повествовал в «Летописи»: «Чемпион поначалу проигрывал — 0:1, 1:2. Страсти закипели. Растерявшийся судья Дмитриев не сумел охладить горячие головы, от отчаяния (многие считали — необоснованно) удалил молодого рабочего парня Антонина Сочнева.

ЦДКА получил численное преимущество. В футболе — не смертельно. Если нет Боброва. Бобров, к несчастью для автозаводцев, присутствовал. Потрясающий хоккеист, он знал, как извлекать из

подобных ситуаций максимальную пользу, что неоднократно демонстрировал на ледовых площадках. 5 октября он сделал это на футбольном поле. Отштамповав за тринадцать минут “хет-трик” — 4:2».

Руководители автозавода, которых поддерживали некоторые газеты, стали требовать переигровки. Особенно резко выступил печатный орган профсоюзов «Труд». На что в своей докладной отреагировал один из спортивных руководителей Константин Андрианов: «Необходимо обратить внимание газеты “Труд” на необъективную заметку т. Ваньята, так как у него и ранее имели место случаи тенденциозного освещения результатов соревнований в силу отсутствия знаний в вопросах футбола и должной культуры в освещении спортивных событий в печати».

Однако сила протестов нарастала, и было принято решение о переигровке. 12 октября ЦДКА повторно победил «Торпедо» со счётом 3:1 и пять дней спустя в полуфинале встретился с московским «Динамо».

Для выявления победителя потребовались два матча. Первый (с дополнительным временем) закончился 0:0. Столь же упорным выдался поединок и на следующий день. Валентин Николаев писал: «Один-единственный раз за всю игру оплошала оборона бело-голубых, всего единожды не выручил свою команду Хомич, и это стоило соперникам поражения. На 40-й минуте матча защитник Петров, не сумев преградить путь устремившемуся к воротам Соловьёву, снёс его в штрафной площадке. Наш лучший пенальтист Володя Дёмин и на этот раз оказался верен себе. Его удар был неотразим — 1:0».

На финальную встречу с московским «Спартак» 24 октября армейцы вышли без Алексея Гринина. В первом из матчей с динамовцами он выбыл из строя после столкновения с Радикорским. У армейца оказались сломаны три ребра.

Жена пострадавшего Зинаида Ивановна в интервью «Спорт-экспрессу» рассказывала: «Счастье, что не поел перед игрой. Почему-то в тот день не было аппетита. Было бы что-то в желудке, умер бы от такого удара, сломанными рёбрами не отделался. Шипы-то были не нынешние. Ужас!»

Но отсутствие Гринина на выступлении армейцев не сказалось. Они добились победы со счётом 3:0. Вот взгляд Валентина Николаева: «Блестяще, иначе просто не скажешь, провёл встречу Вячеслав Соловьёв. Его полуторачасовая дуэль с Василием Соколовым, вчистую выигранная армейцем, ещё долго обсуждалась и болельщиками, и специалистами...

Иллюстрацией к сказанному можно считать гол, забитый Вячеславом в первом тайме. В ситуации, когда перед ним оказались трое или даже четверо игроков и бить по воротам, казалось бы, было абсолютно бессмысленно, он всё же решил рискнуть. Спартаковцы, в том числе вратарь Алексей Леонтьев, никак не ожидавшие этого удара, даже шелохнуться не успели.

Второй гол Соловьёв забил, если можно так сказать, в соавторстве с одним из защитников соперника, который, пытаясь преградить дорогу с большой скоростью летящему мячу, подправил его в ворота...

Ну и, наконец, настал черёд отличиться и мне. Башашкин длинной передачей от центральной линии поля посылает мяч Соловьёву, тот обыгрывает своего опекуна Соколова и моментально пасует переместившемуся на место правого инсайда Дёмину. Последний, не мешкая, адресует мяч мне. Я в этом эпизоде действовал на месте центрфорварда и, прежде чем получить точный пас, совершил рывок без мяча метров на двадцать. Меня опекал Рязанцев, но он прозевал мой рывок, а помочь ему было некому. Тимаков бдительно стерёг Боброва, Сеглин ни на мгновение не отставал от Федотова. Мяч от Дёмина я

принял, оказавшись в одиночестве перед воротами Леонтьева, и в прыжке головой направил его в сетку».

Из скромности Валентин Александрович приглушил краски им содеянного. Оценил красоту гола «потерпевший» — голкипер «Спартака». На страницах «Огонька» Алексей Леонтьев его описал так: «Таким голом даже я не могу не восхищаться, хоть он и забит в мои ворота... Дёмин сильно ударил по воротам, но мяч прошёл мимо, метрах в семи от меня. Я переместился к другой штанге, ожидая угрозы оттуда. Я видел, конечно, и Николаева, но мяч от него проходил на таком расстоянии, что достать его казалось невозможным. И вот в тот самый момент, когда я перебежал к другой штанге, Николаев в непостижимом броске “ласточкой” пролетел в воздухе метров пять, перехватил головой мяч и неотразимо направил его в тот угол, который я только что покинул. Такого гола никогда ещё не видел».

Разделял мнение Леонтьева и Бобров: «Это был один из самых красивых голов, которые мне пришлось когда-либо видеть. Гол, достойно завершивший бурный, небывало радостный для нас сезон».

Был обнародован список «33 лучших» игроков сезона. Под первыми номерами в него вошли семеро армейцев. Ещё троих включили вторыми номерами, и лишь Григорий Федотов оказался на третьей позиции.

И Федотов, и Бобров приняли участие в семнадцати матчах чемпионата. Всеволод забил 23 гола, из них в последних десяти матчах — 14. Федотов тоже все свои 13 мячей провёл во втором круге.

Всеволод Бобров, Валентин Николаев и Владимир Дёмин стали заслуженными мастерами спорта, «догнав» Гринина и Федотова.

В середине первенства у Григория Федотова образовался полуторамесячный перерыв из-за травмы,

залечив которую, он появился в составе дубля и двумя точными ударами помог резервистам одержать верх над лидировавшим «Спартак».

«Почувствовав, что ведущий форвард в порядке, Борис Аркадьев включил его в “основу” на матч с тбилисцами, тоже с турнирных позиций весомый. Федотов подтвердил: он в полном порядке. Сделав “хет-трик”, обеспечил однополчанам победу — 4:2», — прокомментировал Аксель Вартанян.

Но всё происходило не так гладко, как поведал летописец.

В интервью «Спорт-экспрессу» Валентина Федотова на вопрос о взаимоотношениях мужа с Борисом Аркадьевым отвечала: «У них были хорошие отношения. Правда, чего скрывать, были и трения. Как-то Аркадьев перестал ставить Гришу на игры. Не знаю, чем он руководствовался, но команда хочет, чтобы играл Федотов, а старший тренер упорно его не ставит.

И вдруг как-то перед домашней игрой с тбилисцами в день игры заявляет Федотову, планировавшемуся в запас: “Сегодня играешь”. Иду в день матча на стадион, поминутно останавливают вопросом: “Григорий Иванович сегодня играет?” — “Играет”. — “Ну, значит, наши выиграют”. И вот выходит Федотов и забивает три мяча. И сразу убирает все вопросы к себе.

И вот ведь характер: когда его не ставили, не ходил к тренеру разбираться, не возмущался громогласно. Молчал. Тренировался так, что страшно за его колени да локти становилось. И ведь доказал своё».

Однако не всегда ведущие игроки были столь покладисты. Льву Филатову довелось услышать как-то из уст Бориса Андреевича неожиданное признание: «Мало кто знает, что не кто-нибудь, а Федотов и Бобров ходили к начальству с требованием освободить их от Аркадьева. У начальства в тот раз, на удивление, хватило решительности отправить парочку великих

восвояси, ни с чем. Я уцелел, а потом они оба каялись — не могли себе простить этого шага».

Валентин Николаев, говоря об Аркадьеве, отмечал: «Он не терпел нарушений дисциплины, спортивного режима, однако никогда не прибегал к ругани, нотации, не употреблял бранных слов. Но “поставить на место” нарушителя мог, как никто другой. Нашему тренеру была чужда злопамятность, и если он видел, что даже серьёзно нарушивший дисциплину футболист стремится искупить вину усердным трудом на тренировке, умел быть снисходительным».

Однако при всём том у Бориса Аркадьева была одна особенность. Лев Филатов писал: «Он видел изнанку футбольного быта, пьянство, грубость, душевную мертвечину, и, заноса всё это в запасники памяти, жил и работал так, словно ничего этого не было...»

В интервью «Советскому спорту» Николай Озеров рассказывал: «Он ведь страдал, когда была пьяная вся команда, мы же знали и такие дела. Сидит вся команда на жёрдочке, и он только ходит, причитает: “Что будет! Что будет!” А им играть. Они — в баню, попарились, тренировка, два свитера и на следующий день громили всех на каких угодно полях».

За склонность к философским рассуждениям и такому же восприятию событий Евгений Евтушенко назвал Аркадьева «своеобразным футбольным Пастернаком».

Филатов продолжал: «“Мне не раз приходилось на лестнице перешагивать через его бесчувственное тело”, — говорил он об известном форварде, говорил спокойно, не ужасаясь и не возмущаясь. Это не было безразличием, чистоплутьством. Просто он знал, что перевоспитать этого форварда никому не дано. Он перешагивал через него, когда тот был в запое, что не мешало ему хвалить его игру на страницах своей книги. Реальности футбола Аркадьев, как никто другой, умел

мирить со своими умозрительными, подчас прямо-таки идеалистическими представлениями.

Когда другие тренеры интересовались у Бориса Андреевича, какие меры он предпринимает, узнав, что его команда после игры нарушила режим, он отвечал так: «А после игры меня эта банда не интересуется!» И нередко добавлял: «Берегите нервную систему. Как? Очень просто. После игры прихожу домой, наполняю ванну тёплой водой, отключаю телефон и читаю в ванне книгу».

Футболистом, через чьё тело Аркадьеву приходилось перешагивать, был Владимир Дёмин. Зинаида Гринина рассказывала: «Володя жил на шестом этаже в нашем подъезде. У каждого футболиста было прозвище, а Дёмина звали “Мартышкин”. Как скандал, их бабушка меня звала разбираться. Прихожу: “Что, ‘Мартышкин’, расшумелся?” — “Я ничего, Зинок, что ты...”

Лена, его жена, сама во многом виновата. Володя приходит домой, а она тут же шмыг и куда-то исчезает. “Мартышкин” посидит-посидит в пустой квартире, ко мне плетётся: “Лена у тебя?” А надо было его принимать, в каком бы виде ни появился. В конце концов квартиру разменяли, семья распалась. Володьку куда-то отправили. Он очень одинокий был. Умер совсем молодым, в 45...»

Однако встретилось нам и другое воспоминание — дочери Аркадьева Светланы Борисовны: «Вообще пьянство игроков сильно его огорчало. Я помню, с какой болью он всегда говорил о Дёмине, как жалел его жену. Она постоянно приходила к папе, жаловалась, плакала, он её всеми силами старался поддержать. Но там болезнь была запущена».

Зинаида Гринина рассказывала: «Мы с Аркадьевым были друзья. Звал меня: “Зинаида Ивановна, на прогулку!”...

Дёмин проштрафился, меня Аркадьев опять зовёт гулять: “Хочу с вами посоветоваться, Зинаида Ивановна. Кого ставить на матч — Петюньку Пономаренко или Володю Дёмина? Владимир Тимофеевич уж больно много водки пьёт...”

Говорю: “Знаете что, Борис Андреевич, Петюня, может быть, и сыграет, но не так, как Дёмин. Раз он виноват, выложится, как никто!” Потом было интересно, как Аркадьев поступит. Уже на стадионе слышу: “Одиннадцатый номер — Владимир Дёмин!” Я была очень горда...»

Причины того, почему в послевоенном соперничестве ЦДКА и «Динамо» успех чаще был на стороне армейцев, вовсе не лежат на поверхности. По уровню мастерства, что признано многими авторитетами, команды были равны. И в части подготовки, как функциональной, так и тактической, при всех индивидуальных особенностях тренеров существенных перепадов не наблюдалось. Более того, такие нейтральные эксперты, как спартаковцы Никита Симонян и Игорь Нетто, выражали уверенность, что в лучшие для вечных соперников годы (1945—1951) «Динамо» играло более качественно, но соотношение чемпионских плюс кубковых регалий (2 против 8) не оставляет сомнений в том, что армейцы брали волей и упорством.

Михаил Якушин писал: «Перед встречей ЦДКА и “Динамо” друг с другом ясно было одно: нападение и у той и у другой команды превосходит в классе оборону соперников. Вопрос стоял так: если наша защита справится с их нападением, то наше нападение их защиту переиграет».

В этой связи глубокое понимание сути вопроса мы увидели в статье литератора Александра Соскина: «Только приступивший к тренерской работе Михаил

Якушин своим обострённым взглядом быстро узрел, что, несмотря на безоговорочную победу “Динамо” над ЦДКА в чемпионате страны 1945 года, динамовская защита, бывает, трещит под напором армейской пятёрки форвардов. Беда приходила в основном с левого фланга армейцев, и загвоздка была скорее не в чуть медлительном Радикорском, а в порывистом Блинкове. В те далёкие времена роли были чётко расписаны, и правый полузащитник отвечал за левого полусреднего нападающего. Всеволод Блинков, наш лучший атакующий полузащитник 40-х годов, вынужден был разминывать свою деятельную активность на тщетные попытки удержать своего тёзку Боброва.

Чтобы высвободить энергию Блинкова и как-то помешать Боброву, Якушин придумал дополнительное заграждение в лице другого полузащитника — Леонида Соловьёва, как бы составившего пару центральному защитнику Семичастному. Соответственно вакуум в центре поля должен был заполнить левый полусредний. Яркий форвард Николай Дементьев для этой цели мало подходил и, всё чаще уступая место “рабочей пчёлке” Александру Малявкину, был отпущен в “Спартак”...

Этот, казалось бы, частный случай имел далеко идущие последствия. Во-первых, Якушин укрепил оборону, не ослабив нападение (в первенстве Союза 1949 года “Динамо” установило рекорд результативности — 104 мяча). Во-вторых, открыл новую тактическую перспективу...

Тренерская интуиция Якушина через конкретику коллизии Блинков — Бобров уловила общемировую тенденцию гашения численного перевеса форвардов, уравнивания мощи брони и снаряда...»

Константин Бесков в своей книге «Моя жизнь в футболе» представил ситуацию так: «Здраво анализируя ретроспективу, убеждаюсь, что мы и армейцы в сущности были равны по силам, если

сопоставлять каждого с каждым или звенья со звеньями. Кто-то мог в определённый момент индивидуально оказаться лучше своего коллеги из другой команды в физическом отношении. Но право же, пятёрка атаки — Гринин, Николаев, Федотов, Бобров, Дёмин — на самых беспристрастных весах уравнивалась с другой пятёркой — Трофимов, Карцев, Бесков, Малявкин, Сергей Соловьёв.

А вот в боевитости, мобильности, выносливости, настойчивости мы товарищам из ЦДКА в тот момент уступали. Борис Андреевич Аркадьев, обладая огромным опытом и обширными познаниям и зная при этом динамовцев как свои пять пальцев, делал в ЦДКА акцент на функциональные кондиции, на атлетизм, потому что в техническом и тактическом плане его подопечные были не хуже нас».

В качестве болевых точек Бесков обозначил «боевитость и настойчивость», иначе говоря, речь идёт о волевом настрое, готовности отдавать все силы в игре.

Но ведь именно по этой части сам Бесков и слышал нередко упрёки в свой адрес от партнёров, при никем не оспариваемом его высоком игровом классе. Как рассказывал автору книги Владимир Савдунин, даже в успешных зарубежных поездках Бескову весьма крепко доставалось от Леонида Соловьёва и Александра Малявкина, требовавших от центрфорварда полной самоотдачи во всех матчах, а не только в тех, когда тот ловил кураж.

Обратимся ещё раз к суждениям Соскина из книги о Василии Трофимове: «Отчётливо помню, что динамовская игра, расчерченная геометрическими фигурами замысловатых построений, была менее нагнетательной, чем армейская. Но слишком уж серьёзным представляется спортивное преимущество ЦДКА в 1945—1951 годах — как в непосредственно

матчевом противоборстве с “Динамо” (+12 = 2 — 4), так и в их турнирных спорах на первенство (+5 — 2) и Кубок СССР (+3 — 0).

Разительным контрастом на этом фоне выглядит международная репутация соперников — высочайшая у “Динамо” и, собственно, никакая у ЦДКА. Эту команду за пределами СССР мало кто знал. В то же время триумф в Великобритании и Скандинавии придал имени “Динамо” звучность высокой международной марки. Армейцам же ни победы в Югославии, ни тем паче поражения в Чехословакии не помогли прорубить окно в Европу.

Вопрос, почему сложились такие ножницы во внутреннем и внешнем восприятии наших премьеров, продолжает будоражить спортивных публицистов. Приходилось слышать всякие толкования армейского превосходства в междоусобице с “Динамо”. В частности, команда ЦДКА выдавалась за более дружную и сплочённую... Но вовсе не это предопределило исход “семилетней войны”, а скорее всего психология спортивного противоборства.

Между прочим, зацепку для такой версии дают слова Трофимова, резюмирующие события 1948 года: “Команда опять не совладала с ЦДКА. Как и 1947-м, не сохранила отрыв в очках, да ещё проиграла Армии решающий матч — 2:3. Почему так происходило? Необязательность победы расслабляет — ведь счёт 2:2 выводил нас на первое место. Сохранять преимущество вредно, противника надо долавливать. А если сохранять, то уметь это делать. Держать мяч, а не откатываться к своим воротам”.

В самом деле, прилично отставая от динамовцев по ходу чемпионата (как и годом раньше), армейцы вынуждены были включить последние силы, максимально напрячься, в то время как удовлетворённость перевесом в очках не

способствовала предельной мобилизации резервных возможностей “Динамо”».

Не является ли контрастным к приведённому выше мнению высказывание Михаила Якушина в книге «Московский футбол», характеризующее его творческое кредо:

«У нас в “Динамо” главным считалось не забить, а красиво разыграть комбинацию. Доставлял удовольствие не просто гол, а гол, забитый в результате тонкого обыгрывания соперника — защитника или вратаря. Для меня красота футбола в его комбинационности, в возможностях построить тактическую каверзу, ошеломить соперника какой-то головоломкой».

Не отсюда ли проистекает прохладное отношение Якушина к Боброву, прозванному им в преклонные годы «добивалой», без которого «Динамо» вполне могло обойтись в Великобритании?

Похожие мотивы услышал в разговоре с престарелым Якушиным и Александр Нилин: «Высоко оценивая Маслова, об Аркадьеве-тренере высказался он неожиданно скептически. Словно главные жизненные борения Михаила Иосифовича происходили не с тренером ЦДКА?..

И всё-таки не так уж трудно поверить, что, отказывая Аркадьеву в общепринятых достоинствах, Якушин ничуть не кривил душой. И не в том ли причина большинства якушинских неудач в решающих играх против ЦДКА?

Аркадьев, несомненно, оценивал Якушина выше, чем Якушин Аркадьева.

Якушин был моложе Аркадьева на десяток лет и в первом же сезоне соперничества победил его. И, главное, считал свою победу закономерной. Он — практик, он — форвард.

Якушин считал, что кожей чувствует такие игровые нюансы, о которых Аркадьев и не подозревает, которые расчётам не подлежат и не подвластны. Но вряд ли предполагал, что как наставник-практик он уступает Аркадьеву. Навыки практика и позволили тренеру ЦДКА трезво оценить совершенное Якушиным и его командой в сезоне сорок пятого года и сделать далеко ведущие армейцев выводы.

Великий тренер всегда парадоксален.

Аркадьев вроде бы тяготел к теории и книгу назвал “Теория футбольной игры”. Якушин полудемонстративно над теориями смеялся. И очень сердился, когда ему ставили в заслугу разработанное задолго до бразильцев техническое новшество — систему “четыре — два — четыре”.

Ему бы скорее понравилось определение — нашёл (а не разработал). Он отрицал в тренерском деле всякую умозрительность и считал своё решение играть со сдвоенным центром не только атаки (Бесков — Карцев), но и обороны (Семичастный — Леонид Соловьёв) интуитивно-остроумным ответом-озарением на разрешение Аркадьевым Федотову и Боброву делить роль центрфорварда.

В отличие от импровизационной стихии, возникшей благодаря счастливому для армейской атаки соотношению индивидуальностей и талантов Федотова и Боброва, динамовцы осуществляли на поле задуманную Якушиным и близкую характерам Карцева и Бескова ясную задачу.

Парадокс был в том, что суховато-корректный Аркадьев в большей степени оставался романтиком, влюблённым в отдельных игроков (Федотова и Боброва, например), чем более импульсивный Якушин, во всех случаях проявлявший себя рационалистом.

Автор теорий, пригодных для всего футбола, Аркадьев считал свою команду и её игроков особым

случаем. И навязывал свои решения с большим тактом и осторожностью, проявляя кутузовские терпение и мудрость. И до конфликтов с исполнителями дело никогда не доходило.

Якушин же нередко оказывался в конфликтных отношениях с лучшими своими игроками — Бесковым, Трофимовым, Хомичем. Конечно, как прирождённый дипломат, он умел сглаживать острые углы. И сам рассказывал, что во время сборов просыпается часов в пять и долго-долго обдумывает предстоящий ему разговор с кем-либо из динамовских лидеров».

Борис Андреевич старался не делать замечаний Григорию Федотову, Всеволоду Боброву, Владимиру Никанорову: если первый в случае несогласия просто отмалчивался, то двое других могли возразить и пуститься в спор. На установках перед играми, объявляя состав, Аркадьев обычно говорил Боброву: «Всеволод, а вы играйте так, как в прошлый раз». Борис Андреевич знал, что, когда Бобров был в форме, не травмирован, понукать его к более активной игре не следует, Всеволод наверняка будет действовать в полную силу, что называется, выложится до конца.

Владимир Пахомов отмечал: «Аркадьев не был цербером, а являлся сторонником сознательной дисциплины. О слабостях своих игроков он был прекрасно осведомлён. При этом команда усердно пахала на предсезонных тренировках. А согрешив и нарушив режим, армейцы не жалели себя в бане.

Но в команде практиковались и своеобразные самосуды, когда не тренер, а сами футболисты разбирались с нарушителями. Как-то всё чаще стал подводить команду центральный защитник Кочетков. Его критиковали, увещевали, но напрасно. И тогда Гринин, Бобров, Никаноров и Нырков решили поговорить с нарушителем “по душам”. Они взяли кеду 45-го размера и отвесили провинившемуся по пять раз

ниже спины. Особенно тяжёлой оказалась рука у Никанорова, до войны занимавшегося греко-римской борьбой. И самосуд подействовал на Кочеткова лучше всех проработок.

Много раз доставалось от партнёров и Дёмину — бесхарактерному таланту. Он никогда не обижался на самосуды, однако пересилить себя во многих случаях не мог, уповая на парилку. Пока сил хватало, входил в списки лучших...»

Зинаида Гринина припомнила: «Все ребята из ЦДКА носили одинаковые буклированные кепки и портфели. С чемоданчиками ходили динамовцы». Штрих для колорита любопытный.

Именно в таком портфеле как-то Алексей после матча принёс свою экипировку — гетры, трусы, майку, щитки. Зинаида увидела, что они мокрые: «Леш, ну зачем ты сам стираешь-то? Приноси домой, я всё сделаю!» Изумилась, услышав в ответ: «Эх, дорогая, ведь это ж пот мой...» — «После этого я три раза думала, прежде чем отдать 200 рублей за чулки с чёрной стрелкой. Знала, как достаются», — призналась Зинаида Ивановна.

Но и динамовцы проливали не меньше пота в матчах и на тренировках. В отличие от Александра Соскина автор этой книги убеждён: преимущество ЦДКА во многом определяло то, что на современном спортивном сленге именуют «химией» — внутрикомандное настроение. Армейцы были дружнее. Об этом спустя много лет высказался не без досады Алексей Хомич: «Они и пили вместе, а мы — поврозь».

Эта фраза, став своего рода клише, разошлась по многим изданиям. Но существует и развёрнутый вариант высказывания Хомича: «После каждого матча мы разбегались по домам, а армейцы не спешили разлучаться. Вместе, дружеской компанией за кружкой

пива или приняв на грудь чего покрепче, они обсуждали ход закончившейся игры. Всегда вместе отмечали победы и дни рождения, окончание чьей-либо холостяцкой жизни, появление детей. И это было у армейцев в традиции». В качестве подтверждения приведём слова Всеволода Боброва: «В успехе нашего партнёрства многое шло от дружелюбия».

При этом отношения между игроками команд-соперников были в большинстве дружескими. Валентин Николаев вспоминал: «Помню, играем с динамовцами, а Сергей Соловьёв пробегает рядом и негромко: “Валя, Володя, после игры — на западной”. И мы с Дёминым уже знаем, о чём речь. А дело в том, что на западной трибуне “Динамо” был буфет, а старшая буфетчица — хорошая знакомая Серёги. И вот мы, все вместе, после игры шли посидеть к ней в буфет».

В 1973 году Александр Соскин записал интервью с Всеволодом Бобровым, которое опубликовал в книге «Откат»:

«— ЦДКА с “Динамо” рубились, как говорится, не на жизнь, а на смерть. А какие были у вас отношения?»

— Прекрасные. Против динамовцев было приятно играть — уж очень классные были, а между играми общаться. Может быть, не со всеми. Некоторые были амбициозны. С Бесковым играть было в удовольствие, друг друга понимали, когда взяли меня с собой в британское турне “Динамо” 1945 года, но личной приязни никакой. Мне кажется, Якушин повёз меня туда без охоты, однако был вынужден. Руководство-то побаивалось поражений, вот и укрепляли “Динамо”. С большинством там сошёлся. У некоторых в гостях бывал, а они у меня. Лёня Хомич, Вася Трофимов — они попроще... Я ценю простых, ясных ребят. У нас в ЦДКА почти все были такие, негонористые».

В интервью «Спорт-экспрессу» Валентина Федотова отвечала на вопросы разного толка:

«— Говорят, в бытность Григория Федотова футболистом в ЦДКА был великолепный коллектив.

— Это верно говорят. Сейчас такого не найдёшь. После каждой игры автобус с командой останавливался у метро “Сокол”. Неподалёку от него была пивная. К приезду футболистов её хозяйка тётя Валя накрывала столы. И что вы думаете — они там пили? Они там игру разбирали.

Мне Башашкин потом говорил, что воспитывался он не тренером, а этой пивнушкой и тётей Валею, всеми этими послематчевыми разборками, в которых он учился понимать игру».

Эта тема была продолжена в интервью Зинаиды Грининой, у которой с «атаманшей» Федотовой были сложные отношения:

«— В ЦДКА игроки семьями дружили?

— Ещё как дружили. Мы знали всех родственников. Помню, как гуляли на свадьбе сестры Ныркова... В нашем доме жили пять человек из нападения ЦДКА: Дёмин, Гринин, Николаев, Бобров, Федотов. Военный министр Булганин ордера подписывал.

Они иногда собирались в кафе, тётя Маша им накрывала. Под пиво разговаривали. Матом ругались отчаянно, пар выпускали после матча. Я всегда знала, где искать, если после игры долго не идёт. Как меня видят, говорят: “Только тебя не хватало. Заканчиваем, ребята...”

Раза три прекращала их беседу — и тогда все вваливались в нашу квартиру. Федотов редко к нам заходил, его сразу Валентина Ивановна забирала. А вот Дёмин с Николаевым постоянно бывали. Нашу квартиру особенно любили. Как лететь за границу, непременно на кухне собирались, кто-то даже с ночёвкой оставался. Автобус подходил к нашему подъезду».

В одном воспоминании фигурирует «тётя Валя», в другом — «тётя Маша». Да и заграничных вояжей всего-

то было два. Это ли важно?

В ЦДКА была более свободная, раскрепощённая атмосфера. И создавалась она прежде всего Борисом Аркадьевым. Он знал, когда нужно закрутить гайки, а когда отпустить. Тренер умел окрылить своих подопечных.

Именно это и отмечал Всеволод Бобров: «Самым ценным качеством тренера Аркадьева считаю его удивительное умение поддерживать в своих учениках свежесть чувств, постоянную жажду игры, большую любовь к футболу. Мы, уже тогда заслуженные-перезаслуженные, выходили на каждый матч как на праздник. Мы отдавались игре целиком, самозабвенно. Эту ребячью жадность к мячу, к футболу поддерживал в нас тренер. Великое счастье обладать такой способностью!»

Но не только Борис Аркадьев способствовал эмоциональному подъёму футболистов.

Весьма наглядно обрисовал ещё одно важное обстоятельство всё тот же Александр Соскин: «Различия распространялись и на клубную атмосферу... Сказывалась прежде всего ведомственная принадлежность динамовской команды: младшим по званию полагалось беспрекословно слушать старших, а грубость выражений и безапелляционность суждений генералов, то и дело торчавших в раздевалке, подтрибунных помещениях, имевших привычку нагрянуть иногда и на сборы, делало обстановку в команде перенапряжённой, и, пожалуй, лишь Якушину иногда удавалось смягчать её.

ЦДКА же негласно курировал маршал артиллерии Воронов, больше склонный не к окрику, а к заботе и моральной поддержке, и этот тон старался выдерживать ходивший под ним генералитет — до тех пор, пока не проявился на горизонте маршал Гречко, от

которого перенимали крутой нрав заправлявшие армейским футболом клевреты.

Царивший в спорте, как и в других сферах, произвол высших партийно-государственных инстанций с лёгкой (правильнее сказать — тяжёлой) руки Берии нашёл самое вульгарное воплощение в подведомственном “Динамо”. Бериевский патронаж над динамовцами Москвы приобретал подчас привычные шефу МВД формы прямого давления и угроз. Василий Трофимов рассказывал мне, как Берия, вызвав ведущих игроков в 1946 году, когда дела в команде не очень ладились, орал благим матом, стращал отослать куда Макар телят не гонял. Так и говорил: “отошлём”...»

Зинаида Гринина вспоминала: «Маршал Воронов перед каждым матчем нам домой звонил. А на игры таскал с собой старый плащ, тот считался талисманом...»

Той же темы коснулся и Валентин Николаев: «Наш верный почитатель и добровольный помощник Николай Николаевич Воронов, несмотря на большую занятость по службе, часто приходил на стадион ЦДКА в Сокольниках, чтобы дружески пообщаться с ребятами, да и матчи, если они проходили в Москве, старался не пропускать. Как у каждого горячего болельщика, да простят мне этот термин применительно к Главному маршалу артиллерии, у него были свои причуды. Заглянет на тренировку накануне встречи и советуется с футболистами, в каком плаще на матч прийти — был у него особенно “счастливый”.

И примета была особая: если мы, мол, на тринадцатой минуте забьём, то непременно победим. И знаете, сходилась. Да и пошутить маршал был не прочь. Помню, говорит он как-то нашему “пионеру” Володе Дёмину: “Не горюй, браток, я тебе полметра своего роста отдам...” А сам он, надо заметить, роста был гренадерского — два метра, а может, и более того».

Маршала упоминал в своих мемуарах и Никита Симонян. Вспоминая молодого Всеволода Боброва, он писал: «Рассказывали о нём немало разных историй. Он всегда был на виду. Окружённый толпой почитателей, мог загулять, нарушить режим, не явиться на тренировку. Что там говорить, немало покуролесил. Но личностью был на редкость притягательной.

Простой, широкий, доброжелательный — свой парень. Однако настолько знал себе цену, что с любым начальством держался вольно, свободно, даже с самыми высокими чинами.

Вспоминая, как однажды тренировались мы ранней весной — ещё снег лежал вдоль московских тротуаров — на стадионе “Буревестник”, который находился там, где поднялся новый олимпийский комплекс.

Команда ЦДКА заканчивала тренировку, а спартаковцы начинали, уже вышли на поле, на разминку. На трибуне был маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов, страстный любитель футбола. Приехал, видимо, взглянуть на свою армейскую команду. Бобров, пробегая мимо, остановился:

— Товарищ маршал, вот мы тут сейчас присматриваем, кого бы из “Спартакка” к нам перетянуть. И вы присмотритесь, кому из них пойдут погоны. Призовите в свои ряды в случае чего.

Воронов весело рассмеялся:

— Хорошо, хорошо, непременно, Всеволод Михайлович, присмотрюсь».

РАССТАВАНИЕ БЕЗ ПРОБЛЕМ

Сезон 1949 года прошёл под знаком преимущества московского «Динамо». Армейцы же оказались, что называется, «не при составе». Травмы буквально преследовали футболистов ЦДКА. По словам Бориса Аркадьева в обзорной статье в «Советском спорте», посвящённой итогам сезона, «тренеру команды приходилось чаще заниматься тактикой состава, чем тактикой игры».

Чемпионат армейцы начали без двух основных защитников — Кочеткова и Ныркова. Аркадьев был вынужден обратиться к услугам 40-летнего Константина Лясковского. В середине первого круга выбыли из строя Вячеслав Соловьёв и Анатолий Башашкин. Незадолго до матча второго круга с московским «Динамо» на тренировке получил перелом малой берцовой кости Валентин Николаев. Практически весь первый круг лечился Всеволод Бобров (на сей раз добавилась хоккейная травма). На финише травмировался и вратарь Владимир Никаноров.

В своей книге Валентин Николаев попытался проанализировать сложившееся в тот год положение: «Могли ли мы быть первыми? Тогда нам казалось, что да — могли, стоило только ещё чуть-чуть прибавить, поднажать. Сегодня, объективно оценивая ситуацию, я прихожу к выводу, что наши извечные соперники — динамовцы — были сильнее и чемпионами стали вполне заслуженно.

Правда, был в том чемпионате момент, когда армейцы почти вплотную приблизились к «Динамо», выиграв у них матч второго круга — 2:1. До этой встречи бело-голубые опережали нас на три очка. Вот

бы самое время поднажать, попытаться догнать и перегнать соперника на финише, но у футбола своя логика — побеждает сильнейший. В итоге 57 очков, добытых чемпионом, против наших 51 выглядели достаточно солидно...»

Михаил Якушин с удовлетворением отмечал: «В 1949 году мы с ЦДКА за все прежние обиды рассчитались. Как захватили со старта лидерство, так и не выпускали его из рук до конца».

Его воспитанники могли гордиться рекордной для чемпионатов страны результативностью — в 34 матчах они забили 104 гола. «Вечными» оказались и другие достижения команды: в чемпионате было одержано 26 побед, разница забитых и пропущенных мячей составила +74.

Этот чемпионат начался по сценарию, схожему с двумя предыдущими. Динамовцы сразу же стали уходить в отрыв от соперников. Тем более что уже во втором туре они уверенно одержали верх над ЦДКА — 3:1.

За первый круг «Динамо» потеряло лишь четыре очка. Довольно долго конкуренцию ему составлял ленинградский «Зенит». К 12 июня динамовцы опережали футболистов с берегов Невы только на очко. Но в очном поединке лидер не пощадил преследователя, разгромив «Зенит» со счётом 8:0.

ЦДКА же несколько раз споткнулся, и надежда на очередное чемпионство вспыхнула у армейцев лишь однажды — после того, как они в начале второго круга добились победы над лидером. Решающий гол был забит после того, как Федотов обыграл двух защитников и сделал пас на рывок Боброву. Всеволод сумел на долю секунды опередить Хомича.

Однако потом ЦДКА дважды проиграл на берегах Волги — в Куйбышеве и Сталинграде, и мечты о чемпионстве были похоронены.

Правда, и московское «Динамо» пробивалось к титулу не без приключений. В Ереване столичные футболисты поначалу проигрывали 0:3, но сумели довести матч до победы — 4:3. А следующая встреча — с московским «Спартак» — и вовсе поразила зрителей калейдоскопической сменой цифр на табло. Спартаковцы трижды выходили вперёд в счёте, но в итоге победу одержали динамовцы — 5:4!

Справедливости ради скажем, что и армейцы не остались в долгу.

Впечатлительный Гулбат Торадзе вновь стал свидетелем футбольного спектакля: «Матч 7 августа 1949 года, бесспорно, самый яркий, поистине незабываемый из всех выступлений Боброва в Тбилиси. О нём бывалые болельщики до сих пор вспоминают с чувством восхищения и преклонения перед великим футболистом.

В том сезоне тбилисское «Динамо» выступало очень неровно. Шестое место, занятое командой, расценивалось нами как провал. К тому же из-за травм в матче не играли ключевые игроки — Пайчадзе и центральный защитник Дзяпшипа.

Тем не менее в первом тайме игра шла на равных и даже закончилась в пользу хозяев поля — 1:0. А где был в это время прославленный форвард москвичей Бобров? Лениво передвигаясь, в основном в центре, он, казалось, был безучастен к происходящим событиям.

В Тбилиси доходили слухи о наметившемся разладе между тренером москвичей Борисом Аркадьевым и «зазнавшейся звездой». И в перерыве на трибунах стали поговаривать, что-де Бобров теперь специально устраивает обструкцию тренеру, сводит с ним счёты.

Но ход второго тайма начисто опроверг досужие домыслы. Бобров, что называется, разбушевался, да так, что от соперника пух и перья полетели. Такого

подавления одной личностью всей команды я не видел ни до, ни после. Невольно напрашивалось сравнение со стихийными силами природы: то ли вулкан проснулся, то ли ураган разбушевался, сметая всё на своём пути. Шесть безответных пропущенных мячей (четыре из них были “на совести” Боброва) в одном тайме — такого не было ещё в истории тбилисской команды.

Необычайно яркими, хрестоматийными были все забитые Бобровым голы.

На первых же минутах второго тайма Всеволод в яростной схватке у ворот опередил защитников и вратаря Владимира Маргания. Затем (уже при счёте 2:1), начав разбег чуть ли не с центра поля и не дойдя ещё до штрафной площадки, распластавшись в воздухе, встретил мощно простреленный справа мяч, который от его головы, словно пущенный из катапульты, влетел в ворота. Поистине, это был чудо-гол, и оторопевшие поначалу зрители, придя в себя, устроили Боброву овацию...

Уникальным был и последний гол, завершивший разгром. Взяв ещё на своей половине поля мяч и не очень-то торопясь, гений прорыва какими-то неуловимыми, чисто бобровскими движениями корпуса буквально разметал всех встретившихся на пути соперников, вышел один на один с вратарём, уложил его ложным замахом на землю, и затем не то что пробил, а мягко швырнул ногой, словно клюшкой, мяч в ближний угол.

Трибуны исторгли страдальческий вздох, перешедший в шквал аплодисментов в честь Мастера, ещё раз сотворившего на глазах у зрителей подлинное футбольное чудо».

Этот эпизод запечатлел в «Летописи» Аксель Вартанян: «“Не злите Боброва!” — предупреждал динамовцев во время установки на игру кто-то из руководителей команды. Они и не собирались. Грозный

форвард неторопливо совершал короткие пешие прогулки по зелёному газону. А зрителей, хотя и была возможность обратиться к ним по радио, об этом не предупредили, и когда команда уходила на перерыв, они обрушили на бобровскую голову потоки неллицеприятных слов и выражений, сопровождая их не поддающимися описанию жестами.

В раздевалке Бобров был в ярости, рвал и метал, нервно ходил из угла в угол. Разозлили-таки, разбудили в нём “зверя”. Расплата наступила неотвратимо. Сыграл он с ни в чём не повинными динамовцами в “покер”: первые два гола эффектно забил головой, остальные — попеременно левой и правой ногами. Общий итог — 6:1». Историю эту поведал Вартаняну Валентин Николаев.

В розыгрыше Кубка СССР армейцы уже не в первый раз были остановлены «Торпедо», уступив в полуфинале. Автозаводцы и стали обладателями почётного трофея, одержав верх над московским «Динамо».

А вот в возобновившихся международных встречах картина была иной. «Торпедо», усиленное армейцами Чистохваловым, Грининым и Дёминым и спартаковцем Николаем Дементьевым, уступило венгерскому «Вашашу» — 1:2. Динамовцы же своим составом разделили венгров под орех — 5:0.

Всеволод Бобров в четырнадцати матчах чемпионата забил 14 голов. Мог бы и больше, но последние четыре из-за очередной травмы пропустил. В список «33 лучших» игроков сезона он был включён под третьим номером. Григорий Федотов отыграл полноценный сезон — 29 матчей, 18 голов. Однако чести включения в почётный реестр удостоен не был.

При этом «Комсомольская правда» под впечатлением его игры в победном матче с московским

«Спартак» писала: «В этом сезоне он играет как в лучшие свои годы. Зрителей покоряет не только виртуозная техника талантливого спортсмена, но и его организаторская роль на поле. Федотов не только лидер нападения, это душа всей команды».

Тот сезон стал для него последним. Свою лебединую песню Григорий Иванович Федотов пропел на высокой ноте.

Решил покинуть команду и Всеволод Бобров. Его новым пристанищем стал ВВС.

Как ни странно, это событие оказалось в тени широко обсуждаемого перехода Сергея Сальникова из «Спартака» в московское «Динамо». Если в том случае возникла перепалка, выплеснувшаяся на страницы газет, то, как выразился в своей «Летописи» Аксель Вартанян, «никаких следов смена рода войск сухопутного офицера ни в закулисной переписке, ни в СМИ не оставила... Два года уговаривал его Василий Сталин, и на третий уломал».

Александр Нилин отразил это событие так: «Армейцы расстались с Бобровым с меньшим сожалением, чем можно было ожидать. Бобров перешёл в ВВС по существу на положение, какое занимал постаревший Федотов в послевоенном ЦДКА. Армейцам же образца 1950 года нужен был, конечно, другой Бобров, то есть такой, каким он был до травмы 1946 года.

Бобров давал атаке армейцев необычайно много, в какой бы форме он ни находился. Но влюблённость Аркадьева, которую он и не скрывал, в талант Боброва мешала отчасти тренеру в осуществлении тех тактических решений, где требовалось подавление воли главного игрока ради выполнения отрепетированных на тренировках манёвров».

Стоит, однако, согласиться и с выводом Анатолия Салуцкого: «Трудно сказать, какие мысли одолевали в

то время Боброва. Но что касается Аркадьева, то он был абсолютно убеждён, что Всеволод, как говорится, уже “сошёл”, — сколь это ни грустно, сколь ни печально, но травмы больше не дадут ему играть по-настоящему, вынудят Боброва в расцвете лет расстаться с футболом».

Лев Филатов вспоминал: «Борис Аркадьев, произносивший у нас в редакции один из своих чудесных, неторопливых монологов, вдруг сказал: «“Если было бы уместно спортсмена назвать гением, то я предложил бы Боброва...”»

Он был влюблён в этого форварда. В его прорывах, обводке и ударах угадывал человеческую одарённость — молодецкую удачу, широту натуры и закрывал глаза на его прегрешения, считая их шалостями от избытка сил».

Аркадьев не идеализировал игру Боброва. Замечал в ней и недостатки, но прежде всего видел достоинства. В книге «Тактика футбольной игры» он писал: «Наиболее целесообразно применять обводку в зоне непосредственной близости ворот противника, где защищающиеся в стремлении не дать нападающим ударить по воротам атакуют их особенно стремительно.

Этой-то необходимостью защитника спешить в игре у своих ворот может хорошо воспользоваться нападающий и обвести его, чтобы получить возможность забить гол. Много мячей Всеволода Боброва было забито именно так.

Однако тот же Бобров, увлекаясь иногда обводкой на середине поля, нередко срывает подготовку к атаке, замедляя темп розыгрыша мяча или теряя его».

Обратимся к черновикам книги Бориса Аркадьева, которые представил Анатолий Салуцкий: «Из всех футболистов, попадавших под моё тренерское руководство, наибольшим мастерством обводки бесспорно владел Всеволод Бобров... При этом его

метод и средства обводки были исключительно оригинальны... Если обычно в обводке приводят к успеху так называемые финты, то есть обманные действия, построенные на инсценировке действительных, то обводка Боброва строилась по своему психологическому “механизму” на совершенно других принципах.

Например, если Всеволод делает какой-то финт, его дальнейшие действия строятся соответственно реакции противника на этот финт, и если финт не вызывал предполагавшейся реакции, то финт становился подлинным действием. Такой психологический механизм его обводки делает её очень гибкой, оперативной, творческой и освобождает её от предreshённой безотносительности к поведению противника и жёсткой программы действий.

К обводке Боброва нельзя было приспособиться... финт превращался в подлинное действие, а подлинное действие становилось финтом. В этой непрерывной и молниеносной смене тактических замыслов и творилась Бобровым его игра, будь то хоккей или футбол... Убедительность его обманных действий была обусловлена совершенно особым, свойственным почти ему одному, внутренним содержанием его движений.

Дело в том, что, начиная обводку противника каким-то действием с мячом, он не предreshал заранее исхода дальнейшего единоборства, а действовал, не теряя инициативы, соответственно реакции противника... Всеволод, как правило, не предreshал способов и приёмов преодоления противника, а действовал соответственно его поведению. Любая игровая ситуация, в которой оказывался Бобров с мячом или шайбой на клюшке, или с футбольным мячом в ногах, мгновенно оценивалась им прежде всего с точки зрения возможности забить гол... Он сразу же почувствовал, что пространство и время — его родная стихия, так

возникло то “сольное” мастерство игры Всеволода Боброва, в котором, пожалуй, ему не было равных.

Метод обводки противников у Всеволода Боброва во многом и по существу отличался от такового у других мастеров этого игрового действия. Дело в том, что Всеволод применял тот или иной приём не безотносительно к противнику, а творил и импровизировал обводку в ходе её исполнения... Он выходил на поле игры в мяч или в шайбу с поднятым забралом, и противники знали, что Всеволод Бобров будет обязательно применять индивидуальный обыгрыш защитников, то есть будет обводить их с целью непосредственного взятия ворот. Противники отлично знали это, и его обводка не была для них неожиданностью...

Естественно, возникает вопрос: в чём секрет, а вернее причина столь высокой эффективности его дриблинга, почему нельзя было не поверить его финтам, почему на его обманные приёмы попадались самые матёрые и опытные мастера? Прежде чем ответить на этот вопрос, напомним, что обводка противника ему одинаково удавалась во всех играх, в которые он играл и техническое умение в которых не имело между собой ничего общего...

Он обладал всеми двигательными качествами, необходимыми в таких больших и столь разных командных играх, как футбол, хоккей с мячом и хоккей с шайбой. Однако его основным и главным игровым качеством была быстрота во всех возможных её проявлениях: быстрота тактического мышления, быстрота технического исполнения и, наконец, быстрота передвижения по полю игры».

Совершенно прав был Анатолий Салуцкий: «Отношения между Аркадьевым и Бобровым были несколько необычными для тренера и футболиста. Они основывались на глубочайшем уважении, причём

тренер, необычайно ценя Всеволода, как игрока и как личность, признавал за Бобровым право последнего слова, никогда на него не давил, полностью доверяя интуиции и спортивному гению своего подопечного. А Бобров, со своей стороны, необычайно ценил советы Аркадьева...»

И многие годы спустя Борис Андреевич Аркадьев восхищённо говорил: «Хороший человек был Всеволод... Своим характером. Если бы великолепные игроки возникали на таком человеческом материале, как Бобров, это было бы прекрасно! Обычно чемпионский характер — плохой характер... Я любил Боброва больше других. Но в моём общении с остальными игроками это не проявлялось».

Один из ведущих футбольных журналистов Олег Кучеренко, работавший главным редактором еженедельника «Футбол» в 1990-е годы, ссылаясь на разговор с Борисом Аркадьевым: «Я услышал от него такую истину: “Федотов был талантливейший футболист, а Бобров — гениальный”. На мой вопрос, в чём тут разница, Борис Андреевич пояснил: “Федотов мог освоить любой увиденный им технический приём после ряда тренировок. Боброву же стоило один раз внимательно посмотреть на исполнение любого приёма, как он тут же повторял его”».

РЯДОМ С ВАСИЛИЕМ СТАЛИНЫМ

После завершения футбольного сезона 1949 года Всеволод Бобров перешёл из ЦДКА в команду, представлявшую Московский округ Военно-воздушных сил. О том, что возглавлял ВВС сын «вождя народов» Иосифа Сталина Василий, известно каждому, хоть мало-мальски интересующемуся историей отечественного спорта. О дружеских отношениях звезды футбола и отпрыска всесильного хозяина страны созданы кинофильмы, опубликованы многочисленные статьи.

Общеизвестно, что эпатажный генерал старался любой ценой привлечь в свои команды лучших спортсменов страны. Под флаг ВВС в конце 1940-х — начале 1950-х годов перешли представители многих видов спорта. Чемпионских званий добились команды ВВС по хоккею, баскетболу, волейболу, водному поло, однако в футболе «потолком» для лётчиков стало лишь четвёртое место в 1950 году. А именно достижения футбольной команды в любом спортивном обществе во все времена определяли его престиж, на неё должны были равняться остальные.

Василий Сталин предпринимал много попыток привлечь в свой клуб лучших футболистов из других команд. В ход пускались разные рычаги — от материальных до силовых. Под «силовыми» в данном случае имеются в виду не приёмы заплечных дел мастеров, а напор Василия, не привыкшего к отказам, от которого у многих душа уходила в пятки. И в первую очередь потому, что приходилось иметь дело не с

порученцами, а непосредственно с человеком, носящим фамилию Сталин.

Тем не менее многие известные футболисты нашли в себе силы противостоять натиску Василия Сталина, сохранив верность своим клубам.

В статусе футбольной «звезды» туда перешёл только Всеволод Бобров. Попробуем разобраться в причинах этого перехода. Они вовсе не так однозначны, как это казалось многим «знатокам» вопроса, и отнюдь не лежат на поверхности.

Несомненно, магнетизм личности Василия Сталина сыграл немалую роль. Фронтовой генерал, державшийся со спортсменами не просто демократично, а по-товарищески, располагал их к себе. Подобного отношения со стороны начальства они в своих прежних клубах не встречали. К Боброву Василий относился как к равному, часто заезжал за ним на базу ЦД КА, которая тогда находилась на Ленинских горах, искал его общества.

Предоставление жилья, а лучшим — отдельных квартир — аргумент чрезвычайно весомый, особенно в послевоенное время. Но Боброва «квартирный вопрос», который, по определению Михаила Булгакова, испортил москвичей, не интересовал. У Всеволода — в ту пору ещё человека холостого — была двухкомнатная квартира в «генеральском» (так позднее окрестила его молва) доме на Соколе возле одноимённой станции метро. Имелся и автомобиль «оппель-кадет». А разница в денежном содержании офицеров в ЦДКА и в ВВС была незначительна. Стало быть, материальный фактор как повод для смены клубных цветов отпадает.

Но был ещё один мотив. Люди, носящие погоны, не могут не задумываться о количестве звёздочек на них. И вполне логично Всеволод полагал, что при новом патроне его рост в воинском звании произойдёт быстрее. Так и случилось. Если в последующие времена

мало кто из «игровиков» заканчивал выступления в майорском звании (это могли быть только неоднократные олимпийские чемпионы или имевшие особые заслуги игроки), то, скажем, футболист Константин Крыжевский стал майором за пять лет пребывания в команде ВВС. И, перейдя в московское «Динамо», он оказался по званию старше своих партнёров по команде, за что те в шутку прозвали его «сталинский майор».

Младший Сталин высоко ценил Крыжевского, тот делил капитанскую повязку с Бобровым, но в любимчиках не ходил. У этой категории рост в воинских званиях происходил совершенно иначе. Всеволод Бобров звание капитана получил 31 мая 1950 года, а 5 сентября того же года стал майором. Приказ о производстве Евгения Бабича в капитаны был подписан, едва тот появился в команде, — 10 марта 1950 года, а майором он стал одновременно с Бобровым.

Глубокое уважение и признательность к своему наставнику в футбольной команде ЦДКА Борису Андреевичу Аркадьеву Бобров сохранял всю жизнь. Уже немало было сказано и о том, как относился к своему подопечному Аркадьев. Хотя в отдельных поздних высказываниях партнёров Всеволода по армейской команде и проскакивали намёки на некоторое охлаждение отношений между тренером и игроком, можно предположить, что связаны они были разве что с осознанием Аркадьевым того непреложного факта, что лучшие годы в футболе мучимого травмами Боброва позади.

Однако Борис Андреевич — человек глубоко порядочный — никак не мог подталкивать своего любимца к уходу. Не мог и даже из сугубо прагматических соображений, поскольку в то же время завершил выступления и другой многолетний лидер атак ЦДКА Григорий Федотов. А лишиться разом обоих

бомбардиров — тяжёлый удар для любой команды, любого тренера.

Коротко и ясно это сформулировал Анатолий Салуцкий: «В 1949 году и команда ЦДКА стала выступать хуже и Боброва замучили травмы. Всеволод глубоко переживал спад в игре, но самолюбие не позволяло ему быть более внимательным к словам тренера, который, естественно, стал чаще делать Боброву замечания. Отношения между ними постепенно накалились. И когда Всеволода пригласили перейти в клуб ВВС, оба восприняли это с облегчением, в равной мере считая, что им пора расстаться».

Читатели уже знают, что совсем иначе строились у Боброва отношения с руководившим хоккейной командой Анатолием Тарасовым. В стремлении освободиться от постоянного контакта с ним, на наш взгляд, и состоял основной мотив решения Боброва. Впрочем, и преувеличивать его значение не следует, поскольку Тарасов ещё не обрёл в команде той степени влияния, которой добился впоследствии, а Бобров пользовался огромным авторитетом среди партнёров.

Не стоит, вероятно, сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что Всеволод мог уже задумываться о своём спортивном будущем. В футболе израненные ноги и бесконечные травмы не обещали ему долгой карьеры, в хоккее же Боброву было всё подвластно. Но мысль о близком завершении футбольной карьеры дозвлет над 27-летним Бобровым не могла. Тем не менее после многих титулов, которых он добился в ЦДКА как футболист, Всеволод решился на переход в команду, пребывавшую в середняках...

Наконец, зададимся вопросом: мог ли Бобров уже помышлять о большей своей значимости в новой команде — положении играющего старшего тренера, убедившись в возможности подобного совмещения на примере Тарасова? Вряд ли, поскольку изначально

Сталин ему такой статус не предлагал, хотя тренеры в футбольно-хоккейных командах ВВС менялись постоянно. Играющим старшим тренером в обеих командах Всеволод в итоге стал. Но в хоккейной — по воле рока, при трагических обстоятельствах, а в футбольной — когда уже не за горами был конец его карьеры.

Итак, сколько-нибудь легко угадываемого мотива перехода нам представить не удалось. Но только ли мы оказались в таком положении?

Вопрос о причинах перехода Боброва обсуждался во всех слоях общества. Интерес к спортивной «звезде» соперничал даже с извечной научной любознательностью, которая свойственна людям. В одном из писем, пришедших к Боброву в 1950 году, студентка педагогического института из Калинина, проходившая тогда практику в школе, сообщала, что проводила вечер вопросов и ответов среди подростков. Ребят интересовало многое. И наряду с сакраментальным «Есть ли жизнь на Марсе?» звучал и такой вопрос: «Почему лучший игрок команды ЦДКА Всеволод Бобров перешёл в команду ВВС?» Добросовестная практикантка просила дать ей ответ.

В своей книге многолетний партнёр Боброва Валентин Николаев рассуждал: «На финише сезона 1949 года, когда Всеволод Михайлович ещё выходил на поле в алой футболке армейского клуба, уже будоражила умы болельщиков молва о его предстоящем переходе в команду лётчиков. И для нас, его товарищей по команде, не являлось секретом, что талантливого игрока очень хочет заполучить для своих футбольной и хоккейной команд генерал Василий Иосифович Сталин. Но пересуды болельщиков и наша осведомлённость были на уровне слухов и догадок, потому что сам Всеволод разговоров на эту тему не заводил, а спрашивать его даже мы с Дёминым, его

наиболее близкие друзья, считали неэтичным: захочет излить душу — сам расскажет.

Не рассказал. Как, впрочем, и потом, спустя много лет, когда давно уже сгладилась острота ситуации. По-прежнему часто встречаясь, беседуя часами, мы никогда этого вопроса не касались. А слухи ходили и поныне ходят всякие: соблазнили, мол, Боброва дополнительной звёздочкой на погонах, капитанскими повязками на футболке и хоккейном свитере...

И написано в последние годы обо всём этом немало. Где правда, где вымысел, сказать не решусь. Хотя мне трудно поверить тому, что, сменив футболку “команды лейтенантов” на жёлто-голубую форму лётчиков, мой товарищ руководствовался меркантильными соображениями. Уж в чём-чем, а в карьеризме, тем более в стремлении к материальным благам, его невозможно было заподозрить. Он был жаден во всём, что касалось футбола, жаден до игры, до гола, до обожания трибун, не скрывал удовлетворения, когда зрители устраивали ему овацию. Но в жизни, в отношениях с товарищами, со всеми окружающими наш “Бобёр” был по-рыцарски щедр. О его доброте, способности в любой момент прийти на помощь, поделиться последним и сегодня с благодарностью вспоминают все, кто имел счастье общаться с ним...»

Сказал своё слово и Александр Нилин: «Бобров перешёл из армейского клуба в клуб ВВС — и, казалось бы, в своих отношениях с футбольной аудиторией зашёл в некий тупик: за ВВС никто, в общем-то, и не болел, а болеть за одного великого Боброва по советским коллективистским меркам казалось противоестественным. В хоккее с шайбой — другое дело — там все склонились перед силой: Василий Сталин собрал под своим флагом столько выдающихся игроков, что конкуренции и соперничества с ними никто не выдерживал. Клуб, не имевший приверженцев,

ставил ценителей перед фактом своего превосходства. А в футболе переодетые в форму лётчиков постаревшие мастера выше четвёртого места прыгнуть не могли. И значение даже Боброва девальвировалось...»

Оправдались ли чаяния Всеволода Боброва от смены клубных цветов? Добился ли он в командах ВВС того, на что рассчитывал? Вопросы из разряда риторических. Гадать бессмысленно. Следует, однако, признать, что переход в ВВС несколько не принижает ни самого Боброва, ни его таланта.

Футбольная команда, способная конкурировать с лидерами, в ВВС так и не сложилась. Хоккейная, напротив, после гибели в авиакатастрофе одиннадцати игроков сформировалась заново и сумела трижды подряд завоевать чемпионское звание. В своём последнем сезоне 1953 года лётчики стали сильнейшими даже в отсутствие Боброва, который восстанавливался после очередной операции. Успешное начало противоборству с Тарасовым на ледовой площадке было положено.

Деятельность Василия Иосифовича Сталина на посту командующего ВВС Московского округа и в области спорта обычно носит негативную оценку. Вседозволенность, пьяный кураж, огромные растраты народно-хозяйственных средств — этот шлейф «эпитетов» долгое время сопровождал его во всех публикациях.

Находясь в войсках практически всю войну (исключая полугодовое пребывание в госпитале), Василий Сталин был награждён несколькими боевыми орденами. Получал он их за умелое руководство боевыми действиями и подготовку лётного состава, но и сам участвовал в воздушных боях, имел на своём счету сбитый самолёт.

Храбрость Василий проявлял не только в воздухе. Его сын Александр Бурдонский со слов матери запомнил такой эпизод, случившийся на аэродроме в литовском Шяуляе: «Ночью всех подняли по тревоге — немецкие танки прорвались к аэродрому. Началась паника. Отец посадил маму в “виллис”, носился по лётному полю, останавливая всех, и кричал: “Труссы, смотрите, женщина и та не боится!” Панику приостановил, машины благополучно поднялись в воздух».

Обратимся к фактам. 15 июля 1947 года Василий Иосифович Сталин был назначен помощником командующего ВВС МВО. Как расценивать подобное назначение для генерал-майора авиации, фронтовика-орденоносца, командира корпуса, дислоцированного в Германии?

В своих мемуарах «От отца не отрекаюсь» (они были опубликованы в Китае в 1962 году, в Москве — в 2015-м) Василий писал: «Новое назначение меня немного удивило. Я стал помощником командующего ВВС Московского военного округа генерал-лейтенанта Сбытова по строевой части. Честно говоря, я считал себя способным на большее. И считал, что уже доказал это во время командования корпусом...»

Однако молодой генерал в этой должности пребывал недолго. Процитируем книгу Андрея Сухомлинова «Василий, сын вождя»: «17 января 1948 года командующего ВВС МВО Н. А. Сбытова в середине учебного года “неожиданно” направили учиться в Академию Генерального штаба. Назначение помощника командующего по строевой части — в данном случае Василия Сталина — исполняющим обязанности командующего “через головы” пяти заместителей — вещь единственная в истории послевоенной авиации. Это был неприкрытый подхалимаж военного министра Н. А. Булганина перед “отцом народов”...

Восхождение младшего Сталина продолжается. 18 июня 1948 года он назначается командующим ВВС МВО. Теперь он — первое лицо в авиации округа и продолжает с утра до ночи трудиться и наводить порядок. И это у него неплохо получается. Уже по итогам 1948 года ВВС МВО поднимаются на второе место в ВВС страны, а все последующие годы — с 1949 по 1952-й — ВВС МВО прочно удерживали первое место».

Василий Сталин уделял много внимания лётной подготовке авиаторов, развернул невиданное прежде в округе аэродромно-казарменное строительство. Незадолго до назначения приказом главнокомандующего Военно-воздушными силами маршала К. А. Вершинина ему была объявлена благодарность за «хорошую организацию межокружного перелёта и своевременную перегонку больших групп самолётов ЛаГГ-3, а также за приёмку и укомплектовку этих самолётов».

За успехи по службе 11 мая 1949 года Василию Иосифовичу Сталину было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Свою приверженность к спорту в упомянутых выше мемуарах Василий Сталин формулировал так: «За всеми делами я старался выкроить время для развития спорта. Спорт очень важен, тем более для военных, тем более для лётчиков. Он помогает поддерживать хорошую физическую форму, тем самым являясь частью боевой подготовки. Кроме того, спорт несёт в массы соревновательный дух. В хорошем смысле этого слова. Спорт побуждает к развитию и совершенствованию. Также он является хорошим способом проведения досуга. Лучше на стадионе посидеть, болея за любимую команду, чем торчать в душной пивной.

Разве я мог тогда предположить, что мои старания по развитию спорта впоследствии будут названы “разбазариванием государственных средств на мероприятия, не имевшие необходимости для боевой подготовки подразделений”?

Любовь к спорту я унаследовал от матери. Она очень любила физкультуру и спортивные игры, внушала нам с сестрой, что здоровый дух может быть только в здоровом теле, приучала делать зарядку...

Отдавая все силы работе, я особенно увлёкся развитием спорта. Мне это по должности было положено. Помощник по строевой части отвечает за развитие спорта и физподготовки среди личного состава. В военное время на спорт особо внимания не обращали. Считали, что все силы должны быть отданы победе над врагом. С армии у нас все берут пример. После войны брали особенно, потому что тогда армия была всем.

Я не ставил своей целью узкую задачу развития спортивного движения в рамках ВВС Московского округа. Я смотрел шире. Хотел дать толчок развитию спорта во всём Советском Союзе. Заодно побуждал к достижениям личный состав, улучшал физподготовку, внушал людям чувство гордости за родной округ. Чувство гордости многогранно. Оно складывается из многих факторов. В том числе и из победы на соревнованиях “своей” команды или “своего” спортсмена. С радостью вспоминаю до сих пор, как болели ребята за наших футболистов! А сколько было от этого пользы!..

После войны отношение к спорту изменилось на государственном уровне. Советским спортсменам была поставлена задача выйти на международную спортивную арену и подтвердить преимущество социализма над капитализмом своими достижениями. В спорте стал важен результат. Результат важен не

только с политической стороны. Результат способствует развитию спорта.

В 48-м, перед самым Новым годом, советские спортсмены получили подарок от ЦК. Вышло постановление о спорте, в котором было сказано, что спорт дело государственное, надо развивать его активнее, надо обеспечить завоевание советскими спортсменами в ближайшие годы мирового первенства по важнейшим видам спорта. Это постановление оказалось очень своевременным. Советскому спорту был дан мощный толчок. Все, в том числе и я, с удвоенной энергией взялись развивать советский спорт. На момент выхода постановления я уже был командующим ВВС Московского округа. А начинал спортивную работу я ещё помощником командующего. Очень активно начинал. Скажу честно, что не всегда и не у всех мои инициативы встречали понимание...

Основной вклад в развитие спорта в ВВС я внёс, когда стал командующим. У командующего больше возможностей, чем у помощника по строевой части. И я этими возможностями активно пользовался. На общее благо, а не ради того, чтобы потешить своё самлюбие. Самолюбие тешат ничтожества, а я себя ничтожеством не считаю».

Выше мы говорили, что переход Боброва в ВВС не был обусловлен материальным фактором. Нужно, однако, реально смотреть на вещи. В воспоминаниях друзей и партнёров всегда отмечалась щедрость Всеволода. Нередко бывало, что в ресторанах он закрывал счёт за всю компанию, не отказывал в денежной помощи друзьям и знакомым. Наивно полагать, что делать такие широкие жесты позволяло исключительно офицерское жалование. Премии от патрона перепадали его любимцу частенько. Другое дело, что Бобров — широкая душа — легко расставался

с деньгами, не складывал их в кубышку. И на все прочие блага Всеволод взирал вполне равнодушно, поскольку и квартира, и автомобиль у него уже имелись, а семьи, семерых по лавкам, не было.

Вплоть до второй женитьбы вся мебель в его доме была казённой, полученной при заселении в квартиру в домоуправлении. Столь же непритязателен был Бобров в одежде и еде. В книге Анатолия Салуцкого читаем: «Он не любил модную одежду, хотя всегда одевался очень аккуратно, и в шестидесятых годах отдал в ателье перелицевать своё пальто, которое носил с конца сороковых.

С тощих военных лет Всеволод очень любил жареную картошку. Когда он приходил в кафе “Артистическое”, расположенное против Художественного театра, где его хорошо знали, шеф-повар немедленно готовил это фирменное бобровское блюдо».

При этом Всеволод Михайлович отнюдь не являлся аскетом. Время от времени он наведывался в свой любимый ресторан «Астория» на улице Горького (ныне — вновь Тверской), где и отводил душу, поскольку в гастрономических изысках знал толк. Это были «именины сердца», но никак не повседневность.

Однако мало кто ещё из спортсменов имел такие жилищные и материальные условия, как Бобров. Едва ли не все нуждались, поэтому попасть в ряды спортклуба ВВС считалось большой удачей.

Андрей Сухомлинов отмечал: «Пользуясь своим положением и возможностями, генерал Сталин немало сделал для спорта и спортсменов. Страна, не оправившись после страшной войны, жила бедно, никто и не мечтал об улучшении жилищных условий, а могущественный генерал предоставлял жильё приходившим в команды ВВС в районе бурно застраиваемых тогда Песчаных улиц или на

Хорошевском шоссе, где появлялись коттеджи, построенные пленными немцами.

Помимо санаторного лечения и внеочередного получения жилья, спортсмены ВВС имели ещё и особые материальные условия. Члены команд зачислялись в кадры ВВС, им присваивались офицерские звания (но быть при погонах в спортклубе ВВС было необязательно, прекрасный хоккейный вратарь Григорий Мкртычан не захотел стать военным, оставшись служащим Советской Армии)».

Прежде чем выдвигать в адрес Василия Сталина обвинения в сманивании спортсменов, нужно постараться трезво посмотреть на вещи, соотнести факты с реальностью. Тот же Мкртычан ютился с роднёй в полуподвале, а после перехода в ВВС получил квартиру со всеми удобствами в новом доме. Разве столь благотворные перемены не способствовали его душевному подъёму?

Показателен и пример знаменитого конькобежца Евгения Гришина, жившего в Туле вшестером в двадцатиметровой комнате без водопровода и туалета. После прихода в ВВС он, молодой спортсмен, получил отдельную квартиру. Правомерно задаться вопросом: мог бы подающий надежды велосипедист-трековик Гришин стать четырёхкратным олимпийским чемпионом по конькобежному спорту, останься он в Туле?

Беспокоился Василий Сталин и об учебно-тренировочных буднях и быте своих спортивных команд. Хорошие условия их повседневного содержания — во многом залог успешных выступлений.

Валентин Бубукин писал в мемуарах: «Самые тёплые воспоминания пятидесятилетней давности связаны с базой ВВС в Марфино. В сорока километрах от Москвы по Дмитровскому шоссе бывшее графское поместье Орловых-Паниных переоборудовали в

санаторий для лётчиков. Это была вотчина Василия Сталина. В центральном особняке, где в своё время останавливался царь, теперь отдыхали простые советские генералы. Мы же жили на псарне, но тоже шикарно. А в княжеском доме оборудовали столовую, где нас кормили как на убой.

Посредине великолепного озера был островок, так там для отдыхающих играл оркестр. Сталин-младший привёз из Германии специальный перекидной мост. Словом, Швейцария. Под тренировки определили бывшее картофельное поле, сравняли, поставили ворота. Генерал Василий иногда приезжал на своём кабриолете. Когда он гнал по Дмитровскому шоссе, милиция была в ужасе и только успевала перекрыть движение. Личного шофёра по кличке “Боцман” он сажал рядом и проделывал путь от Москвы до Марфино минут за пятнадцать».

Забавно выглядит факт поселения футболистов на псарне. Когда спустя годы футболистам ЦСКА предоставили базу в другой замечательной подмосковной усадьбе — Архангельское, местом их пребывания стала бывшая конюшня, что дало повод для широко известного прозвища команды. Правда, существует и другая версия его происхождения. Поскольку по армейскому призыву в ЦСКА постоянно прибывали новые футболисты, «конюшня» возникла как ответ на появление чужих лошадей в стойлах.

Хоккейной команде достался надел поскромнее. Об этом рассказывал в книге «След погасшей звезды» Сергей Гущин: «Для хоккеистов ВВС по приказу В. И. Сталина построили небольшой финский домик в тогдашнем пригороде Москвы Тушине, недалеко от улицы Свободы. Рядом с базой соорудили хоккейную коробку, на которой можно было проводить утреннюю раскатку и индивидуальные занятия по отработке технических приёмов. Сам Бобров любил здесь

“побаловаться” с вратарями, часами оттачивая свой бросок по воротам.

Не забывал заботливый шеф и о спортивной амуниции для хоккеистов. Он изыскал возможность создать при клубе ВВС маленькую мастерскую по изготовлению клюшек, в которой работал известный в столице мастер Василий Андреевич Булевский. Используя доставаемые “по блату” на оборонных заводах особо прочный клей, высококачественный бук и техническую марлю, он делал по индивидуальному заказу клюшки для Боброва, Виноградова, Мкртычана, Шувалова, Бабича.

А хоккейную форму для лётчиков администратор команды Яков Охотников заказывал только в Прибалтике, где старые латышские мастера умели шить хоккейные доспехи на европейском уровне. Не случайно острые на язык болельщики того времени расшифровывали аббревиатуру ВВС на свой манер: Вася Всё Сделает”».

Удобная клюшка — важнейшее условие для успешной игры хоккеиста. В хоккее с шайбой игроки поначалу брали в руки то, что было в наличии. Предпочтения в конфигурации клюшек определились достаточно скоро. Анатолий Сеглин в интервью «Советскому спорту» по случаю 60-летия отечественного хоккея отмечал, что первые клюшки для игроков делались по заказу: «Кто-то предпочитал клюшку с отлогим крючком (“метёлочкой”), а Бобров, напротив, с сильно загнутым, поскольку любил водить шайбу вокруг себя, накручивать соперников».

Интерес Василия Сталина к большому спорту был не случаен. Школьником он любил кататься на коньках. Каток «Динамо» на Петровке был не только спортивным объектом, но и местом сбора так называемой «золотой молодёжи», детей «больших» родителей. Среди тех, кто

в довоенную пору входил в окружение младшего Сталина, двое стали со временем известными спортсменами — Зоя Холщевникова и Владимир Меньшиков.

Конькобежка Зоя Холщевникова была чемпионкой страны в многоборье 1944 года (на том самом катке «Динамо»), первой из советских конькобежек установила мировой рекорд, неоднократно становилась призёром чемпионатов мира, была удостоена звания заслуженного мастера спорта.

Владимир Меньшиков много лет играл в футбол и хоккей за ЦДКА. Как тренер трижды приводил армейскую команду по хоккею с мячом к чемпионскому званию. Являлся тренером сборной СССР, впервые в 1957 году ставшей чемпионом мира, за что был удостоен звания заслуженного тренера СССР.

Правда, дружба со Сталиным ему вышла боком. В 1939 году Меньшиков имел неосторожность познакомить Василия со своей невестой Галиной Бурдонской, а тому девушка приглянулась и вскоре стала его женой. Соперник же был призван в армию и отправлен в далёкий Хабаровск. Там Владимир успешно играл в хоккей с мячом за местный ДКА, со временем стал играющим тренером и не без оснований считается одним из отцов-основателей русского хоккея на Дальнем Востоке. В Москву, в команду ЦДКА, Меньшиков вернулся в феврале 1946 года.

Помимо катания на коньках и конного спорта в круг спортивных увлечений Василия Сталина входил мотоспорт. Этим объясняется появление в его «вотчине» лучших мотоциклистов страны.

Младший Сталин понимал, что высокие спортивные результаты невозможны без крытых стадионов. На Центральном аэродроме были перестроены три ангара: один под манеж (для гимнастики и лёгкой атлетики), другой — под конюшню, третий — под мотовелобазу.

Давая впоследствии показания в суде, Василий Иосифович сообщал, что эти ангары были старыми, маленькими (на два самолёта), деревянными и уже не использовались. Этим было положено начало созданию спортивного комплекса на Ленинградском проспекте, который затем отошёл в ведение ЦСКА. Украшением его стали бассейн и игровой зал, строившиеся при Василии Сталине, а открывшиеся уже после его ареста.

Первый в стране 50-метровый бассейн был введён в эксплуатацию в 1954 году и до появления спорткомплекса «Олимпийский» оставался лучшим в столице. В игровом зале проходили важнейшие матчи по баскетболу и волейболу, в том числе международные, среди которых баскетбольный турнир Универсиады-73. Так продолжалось вплоть до введения в строй олимпийских объектов.

Бассейн являлся предметом особого внимания Василия. Его гражданской женой с конца 1940-х была известная пловчиха Капитолина Васильева. Она много раз обновляла рекорды страны на средних и длинных дистанциях вольным стилем.

В интервью «Комсомольской правде» в 1997 году Васильева сетовала на судьбу: «До встречи с Василием я была самостоятельной личностью, газеты обо мне писали едва ли не больше, чем о нём. В 1949 году у меня был пик спортивной формы. Я была 19-кратной чемпионкой и рекордсменкой Союза, выигрывала заплывы по Москве-реке, что считалось очень престижным, соревнования в побеждённом Берлине...

Но дело даже не в том, что с момента знакомства с Василием начался закат моей спортивной карьеры. Василий лишил меня звания заслуженного мастера спорта, чего я ему не могу простить».

На резонный вопрос, как можно лишиться того, к чему не имеешь отношения, Капитолина Георгиевна ответствовала: «Приревновал к спорту, к успехам. Мне

позвонили из Спорткомитета и сообщили, что моё удостоверение давно лежит в сейфе, надо его забрать. Я обрадовалась несказанно! Ответила, что завтра зайду.

Василий переспросил, кто звонил. Я сказала. Он тут же попросил адъютанта соединить его с председателем Спорткомитета и сказал тому звания заслуженного мастера спорта мне не присуждать. “Покончено со спортом!” — вынес мне приговор.

Я побежала в свою комнату, притащила все свои медали и швырнула ему в лицо: “На, подавись тем, что тебе не принадлежит!”

За каждый рекорд Спорткомитет платил мне 8-10 тысяч. До встречи с Василием на моей книжке скопилось около сорока тысяч рублей — Василию и не снились такие деньги. Так что в меркантильных интересах меня заподозрить трудно».

Горячо взявшись за создание лучших в стране команд под флагом ВВС, Василий Иосифович явно недооценивал роль тренера. И хотя успехи Бориса Аркадьева говорили сами за себя, его вдохновлял пример Михаила Якушина, который добился высоких результатов «с листа», едва закончив играть. Залог успеха виделся младшему Сталину в сильных игроках — творцах игры. Отсюда, видимо, и метания после увольнения из футбольной команды Анатолия Тарасова между Сергеем Капелькиным и Матвеем Гольдиным, а в хоккее — между тем же Гольдиным и Павлом Коротковым.

Из названных в полном смысле тренером являлся лишь Гольдин. Матвей Иосифович много лет плодотворно работал с воспитанниками трудовой колонии в подмосковном Болшеве, где возникла сильная хоккейная команда «Динамо».

Наряду со «штрафниками» в командах Гольдина выросли и местные кадры Василий Трофимов и Иван Конов, известные впоследствии футболисты. В предвоенные годы Гольдин не без успеха тренировал команды «Крыльев Советов», где во многом опирался на своих воспитанников.

Авторитетный футболист и хоккеист Павел Коротков находился на службе в Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского, и его отлучки в качестве тренера носили факультативный характер. Что касается Сергея Капелькина, то ничего кроме нескольких удачных сезонов в составе футбольного ЦДКА до войны за ним не значилось. Его пребывание в роли тренера оказалось бессмысленным, после чего «дворцовый фаворит» переместился на позицию адъютанта командующего, где оказался на своём месте.

В конечном итоге в качестве тренера футбольной команды ВВС Василий Сталин привлёк из Тбилиси Гайоза Джеджелаву. И вновь в основе этого выбора была личная симпатия и ничего более. Сын старого большевика, орденоносец Джеджелавы был форвардом-виртуозом, но никакого опыта тренерской работы не имел. Ожидаемого прорыва в результатах не последовало, к тому же отношения Джеджелавы и Боброва сложились не лучшим образом. На этом поиски тренеров прекратились, и бразды правления были вручены Всеволоду Боброву.

Когда выяснилось, что авторитетные столичные игроки не находят общего языка с Джеджелавой, побуждаемый ими Василий Сталин решил сделать ставку на Николая Старостина. Наверное, это тоже был не лучший выбор, так как основатель «Спартака» являлся не тренером, а организатором. Надо полагать, расчёт делался на то, что Николай Петрович во всех проблемах разберётся сам. Но сложность была в том, что Старостин-старший в ту пору хоть и стал после

освобождения из лагеря вольным поселенцем в Комсомольске-на-Амуре, был поражён в правах и не имел права передвигаться по стране, а уж тем паче находиться в Москве.

Это обстоятельство нисколько не смутило самонадеянного Василия Иосифовича. На своём самолёте он вернул Старостина в Москву, где демонстративно предъявил опального взору подручных Лаврентия Бери. Не будем задерживаться на злоключениях патриарха «Спартака», которые преследовали его в 1950 году, он детально описал их в своих мемуарах. Скажем только, что одолеть всеильного Берию Василию не удалось, и Николай Старостин вынужден был отправиться по маршруту Ульяновск — Акмолинск — Алма-Ата, где ему нашлась организационная и тренерская работа.

Если поиск тренеров Василий Иосифович вёл без разбора и недостаточно активно, то в привлечении к себе лучших футболистов был неутомим. Вот несколько случаев в прямом пересказе игроков или их жён.

Никита Симонян: «В 51-м году, когда я уже вовсю забивал за красно-белых, мы с командой находились в санатории имени Орджоникидзе в Кисловодске. Пошли в клуб. И вдруг слышу: “Симонян, на выход!” Выхожу — а там Сергей Капелькин, бывший игрок ЦДКА, и Михаил Степанян. Оба они были адъютантами Василия Сталина — сына вождя и патрона команды ВВС. Слышу: “Никита, есть разговор”.

Повели на госдачу, близко от санатория. И начали: “Василий Иосифович приглашает тебя в команду. Можешь себе представить — вы с Бобровым составите сдвоенный центр нападения, будете всех на части рвать!” Я резко ответил, что никуда из “Спартака” не уйду. Попытались зайти с другой стороны: мол, Василий Иосифович, как депутат Верховного совета РСФСР,

приглашает тебя на приём. На меня не подействовало и это. Хотя условия он для игроков делал фантастические — квартиры, которые всегда были наперечёт, и прочее.

Самым действенным оказался третий способ — накачали меня спиртным, сволочи, причём прилично. А потом говорят: “Слушай, ну ты можешь себе представить: командующий послал военно-транспортный самолёт, шесть лётчиков, нас, двух м....ков, и мы приедем, не выполнив задания. Что он с нами сделает?! Давай поедem — а если хочешь отказаться, то сделай это у Василия Сталина”. В трезвом состоянии я бы от такой затеи отказался, а тут махнул рукой: ну ладно, поедem. Привезли меня в аэропорт Минвод, в самолёте накрыли мехами, за время полёта я отоспался.

В Москве отвезли на Гоголевский бульвар, дом 7, где Сталин-младший жил. Каждый раз, когда проезжаю эти места, — вспоминаю...

Посадили меня на диван — и тут выходит Василий Иосифович в пижаме. Мне показалось, что он был уже подшофе. И начал с ходу: “Я поклялся прахом своей матери, что ты будешь в моей команде. Отвечай!” Может, в силу молодости о последствиях я не подумал. И сказал, что хочу остаться в “Спартаке”. Сталин неожиданно спокойно отреагировал: “Да? Ну иди”. Я побежал вниз. А за мной — его адъютанты. Бегут — и говорят, что командующий просит вернуться.

А тогда первым секретарём Московского обкома был Никита Хрущев, а горкома — Иван Румянцев. И Сталин сказал: “Слышал, ты боишься препятствий со стороны Хрущева и Румянцева. Не волнуйся, я с ними договорюсь”.

Я ответил: “Да нет, Василий Иосифович, прекрасно понимаю, что если дам согласие, через пять минут буду в вашей команде. Но в ‘Спартаке’ благодаря партнёрам

и тренерам я вроде бы состоялся как игрок. Разрешите остаться в ‘Спартаке’”.

Вот это его подкупило. Он тут же обратился к своим — а их там было человек шесть-семь: “Вы слышали? Правда лучше всех неправд на свете! Спасибо, Никита, что ты сказал мне правду. Иди играй за свой ‘Спартак’. И запомни, что в любое время, по любым вопросам можешь обратиться ко мне, и я всегда приму тебя с распростёртыми объятиями”».

Вратарь «Спартака» Алексей Леонтьев, впоследствии известный футбольный журналист: «Помню, приходит однажды за мною его машина. Меня сажают и везут к нему на дачу. И он мне предлагает переходить в ВВС. Я ответил, что я — спартаковец и никуда переходить не хочу. И не буду. Он меня долго уговаривал, но я твёрдо сказал, что не перейду.

Тогда он говорит: “Ладно, садись в машину, я сам тебя домой отвезу”. И поехали. Ну и ездил он! Вы знаете, я никогда в жизни так не ездил. У меня аж сердце замирало. Приехали, поднялись ко мне домой. Я жене говорю: “Вот это Сталин, Василий Иосифович”. Жена моя, Наталья Кузьминична, чуть дара речи не лишилась.

Накрыла стол. Часа два он у нас просидел, выпили, конечно, снова пытался уговаривать, а я отказываюсь. Наталья Кузьминична моя стала белая, как полотно, глазами мне показывает — мол, соглашайся, а я — нет. Так и не договорились».

Анатолий Сеглин: «В “Спартаке” были трудности с содержанием команды, и, откликнувшись на приглашение парламентёров Василия Сталина, от нас в ВВС ушли Николай Исаев, Зденек Зигмунд, Иван Новиков, Юрий Тарасов. Меня приглашали туда раз десять. Мы с женой жили в коммунальной квартире, а нам предлагали отдельную, а также машину. Я получал 1200 рублей, а звёзды ВВС — три тысячи. Но я за

“Спартак” играл ещё и в футбол. И о том, что остался, нисколько не жалею: успел за время существования ВВС трижды стать обладателем футбольного Кубка СССР».

Зинаида Гринина, жена Алексея Гринина: «Василий Иосифович звал Федотова, Дёмина и моего мужа. Все отказались. Но моего мужа Сталин особенно хотел получить — и закрыл в своём особняке. Положил на стол заявление о переходе в ВВС: “Пока не подпишешь — не выйдешь”. Два дня Алексей Григорьевич там просидел. А у Сталина была удивительная собачка, с огромными зубищами — вот она моего мужа и охраняла...

Как-то Гринин в окно выглянул — во двор грузовик привёз молоко. Пока рабочие жбаны перетаскивали, муж в кузов прыгнул и спрятался. Так и сбежал. Сталин возвращается, собака сидит, а Гринина нет. Вся Москва эту историю знала».

Валентина Федотова, жена Григория Федотова: «Василию Сталину он безумно нравился. Тот даже как-то сказал Грише: “Убил бы, если не любил тебя, чёрта”. Это ему Василий сказал после того, как Григорий отказался возглавить ВВС.

Сталин-младший его долго обхаживал, дачу свою отдавал, машину новую давал, специально за ним самолёт в Сочи присылали, где мы отдыхали. Муж вежливо от приглашений отказывался, а мне говорил: “Негоже из ЦДКА уходить — клуба, которому столько лет отдал. Если уйду куда, то только в ‘Спартак’”. А потом Гришину предусмотрительность мы вместе оценили, когда у футболистов ВВС стали забирать подарки Василия Сталина. Он ведь щедрый меценат был. Кому пианино, а кому и поценнее вещи дарил».

Единственный ныне здравствующий из игроков той команды Виктор Григорьевич Шувалов в интервью

«Спорт-экспрессу» (от 13 января 2012 года) рассказывал:

«— Мы стали чемпионами Союза по хоккею. Играем на Кубок с “Крыльями”. Сталинские адъютанты нам передают: “Побеждаете — ‘Хозяин’ на даче в Барвихе банкет устроит. Плюс каждому — по телевизору КВН”. Мы вели 2:0 и 3:4 проиграли.

— *Никакого банкета?*

— И телевизоров.

— *А дарил что?*

— За четвертьфинал Кубка вручил нам по фотоаппарату “Зоркий”. Самые модные. У меня был с гравировкой: “Шувалову от командующего”. Сохранился, между прочим. Ещё кожаную куртку подарил. В Челябинск приезжал, на меня в этой куртке засматривались. А потом какая-то легкоатлетка зашипела: “За кожанки продались...”».

Шипели не только провинциальные легкоатлетки, недоброжелателей и завистников у спортсменов ВВС было предостаточно. Да и как могло их не быть...

Четырёхкратный олимпийский чемпион по конькобежному спорту Евгений Гришин описывал свои ощущения — 21-летнего парня, тогда ещё велосипедиста — в 1952 году: «В торжественной обстановке нам были вручены погоны офицеров, а мне ещё и кожаная куртка лётного состава — в знак признания сильнейшим велосипедистом страны (кстати, такая же куртка была и у Василия Сталина). Я с гордостью носил её. Люди могли не знать, кто ты и каким видом спорта занимаешься, но эта куртка подтверждала твою принадлежность к спортивной элите — “звёзд ВВС”».

Широкое хождение имеет история о том, как после одного из матчей хоккейной команды Василий Сталин в знак благодарности снял с руки золотые часы и вручил их Боброву. Красивый сюжет, словно специально для

кино, но действительность, которая превратилась в миф, была иной. Всеволод и в самом деле своей блистательной игрой способствовал тому, что лётчикам удалось вырвать победу у «Локомотива», после чего командующий распорядился вручить герою матча золотые часы, что в скором времени и было сделано. Шипеть можно было сколько угодно, но забить четыре шайбы, обеспечив команде победу со счётом 5:4, едва ли кому другому было под силу...

В другом интервью Шувалов рассказывал: «Василий Иосифович Сталин держался со спортсменами просто, приходил всегда в раздевалку, здоровался за руку, присутствовал на всех матчах, стоял, бывало, у входа на поле или на лёд, постукивал сапожками нога об ногу. Повторяю, с хоккеистами и другими спортсменами он держался с приятцей, показывал свою заботу о них».

Ещё один игрок ВВС, лучший хоккейный вратарь 1950-х Николай Пучков, вспоминал: «Три года я наблюдал Василия Иосифовича Сталина, часто видел его на играх, установках. Ничего плохого о нём не помню, только хорошее. Он был похож на отца, и в то же время я не находил в нём сходства с грузином. Невысокий, подвижный, с редковатыми пепельными волосами, он был, пожалуй, пижонист, лучше сказать, щеголеват — шинелька, сапожки, фуражка с высокой тульёй. Да, да, вот именно щеголеват. Отличался большой эмоциональностью. По-моему, был незлобив...

Со спортсменами вёл себя по-дружески, заботился. Но закидоны, как говорится, конечно, случались, чего там... Вот, например, идёт установка на очередную встречу. Сидит играющий тренер Бобров. Но начинает Василий Сталин: «Сегодня играем с Тарасовым так. Давай запутаем его. Вперёд выдвинем Виноградова, а Бабича — назад. Если ж Боброва назад, — ‘Тарас’ всё равно не поверит, так?» Бобров уставился в пространство, все молчат. Тогда Василий Сталин

посмотрит вокруг, обведёт каждого глазами, потом к Всеволоду: “Что, хреновину нагородил, да? Ну, тогда давай ты”».

Когда в конце сезона 1951 года Виктору Шувалову сломали ногу, Василий Сталин требовал от врача Олега Белаковского каждый день в восемь утра докладывать о самочувствии игрока.

Всё в том же интервью «Спорт-экспрессу» Виктор Григорьевич рассказывал:

«— В 1951-м играли в футбол против ленинградского “Динамо”. Мишка Потапов мне ногу сломал. Сталин распорядился, чтоб меня отвезли в Марфино, лучший санаторий. Поместили в генеральскую палату. Как-то смотрю — Василий Иосифович и Степанян приехали навестить.

— *С апельсинами?*

— С дыней и бутылкой белого вина. Тяпнули по стопочке...»

Василий с большим пиететом относился к знаменитому вратарю Анатолию Акимову, которого в 1949-м переманил из «Торпедо». Однажды врачи установили у Акимова вспышку туберкулёза. Генерал доставал для заболевшего вратаря дефицитные лекарства, устроил на лечение в Яузскую больницу, о чём вскоре забыл. Во всяком случае, как-то раз, устроив приём многочисленных гостей, поинтересовался, почему не появился Акимов, которому направлялось приглашение. Услышав причину его отсутствия, Сталин, презрев пиршество, сел в машину за руль и отправился на Яузу.

В больнице припозднившегося посетителя не хотели поначалу пускать. Однако, разобравшись, кто перед ними, в испуге растолкали Акимова. Тот переоделся и в мгновение ока оказался в особняке на Гоголевском

бульваре. И уже под утро машина Василия доставила его обратно.

При всём при том отношения Василия со спортсменами были далеки от пасторальных. Столь же импульсивно, как поощрить, он мог и наказать.

Вполне понятно, что он остро реагировал на неудачи команды. После успешного старта в Тбилиси лётчики 29 апреля 1951 года проиграли «Шахтёру» в Сталино (ныне — Донецк) со счётом 0:2.

Врач команды Олег Белаковский в своей книге вспоминал: «После игры мы садимся в самолёт. В предвкушении майских праздников, несмотря на поражение, у всех довольно неплохое настроение. Ведь семей своих толком со сборов не видели. И вдруг перед самой Москвой садимся на пустынном военном аэродроме в Туле. Командующий дал распоряжение командиру самолёта: “Раз играть не умеют, пусть добираться пешком”... Хорошо ещё, что нас высадили недалеко от Симферопольского шоссе. Пришлось добираться до Москвы на “попутках”...»

Виктор Шувалов тоже запомнил тот случай: «Собираемся в Москву — а в Сталино уже сирень расцвела. Нарвали букетов, летим. В районе Тулы лётчики заходят в салон: “Садимся на дозаправку”. Потом посылают нас в здание аэропорта. Смотрим — борт наш разворачивается и улетает. Что за новости?

Это нас Василий Иосифович проучил — раз проиграли, добирайтесь, как хотите. И мы от Тулы до Москвы — своим ходом. Бегом на вокзал — перед праздниками ни единого билета даже на проходящие. Так кто на попутной машине, кто на грузовике».

Припомнил Виктор Шувалов и другой случай, который произошёл неделю спустя после эпизода в Туле. Команда потерпела сокрушительное поражение от московского «Динамо» 1:5: «Я и ещё несколько

игроков, расстроенные, задержались в раздевалке, а тут входит начальник команды ВВС Николай Викторович Ерарский и говорит: “Подождите, тренера (это был Гайоз Джеджелава) мы не нашли, запропал куда-то. А вы поедете со мной. Нас — кроме меня под руку попались Костя Крыжевский, Виктор Фёдоров, Сергей Коршунов — в машину и на Гоголевский бульвар, к Василию Сталину.

Там нас провели в бильярдную, усадили, принесли чай, бутерброды. Адъютант Василия Иосифовича Михаил Степанян объяснил, будто сам Сталин, который был на отдыхе, звонил, интересовался, как, мол, так сильно проиграли.

Вскоре пришёл Василий Сталин. Был он небольшого роста, щуплый, похож на отца, говорил по-русски без акцента, волосы светлые, рыжеватые. Он сказал, что отец звонил в его отсутствие, и вот теперь надо держать ответ. Сейчас с ним связываются где-то на юге.

Кто будет давать объяснения? И обвёл нас глазами, внимательно всматривался в каждого. А потом: “Ты, Костя, ты будешь говорить с ‘Хозяином’”. Всем нам было не по себе, а Крыжевскому в тот момент, думаю, ещё как не по себе. Костя: “Нет, нет, я не могу, почему я?..” Ну и так далее. Потом пришли, сказали, что “Хозяин” спит и его, естественно, не решились беспокоить. Вот так мне довелось побывать в особняке на Гоголевском».

После бесед со многими людьми, близко знавшими Боброва, Анатолий Мурадов рассказывал: «По отзывам очевидцев, Василий Сталин Боброва боготворил. С его приходом хоккейная команда ВВС стала безоговорочным лидером советского хоккея, три года подряд завоёвывая звание чемпиона страны. Василий проявлял исключительную личную заботу о Боброве. Он настойчиво уговаривал Всеволода оставить футбол и

полностью переключиться на хоккей, чтобы хоть таким образом подольше сберечь искаленную левую ногу. Их связывали близкие, дружеские отношения, и Бобров не раз прибегал к помощи влиятельного шефа, когда нужно было помочь кому-либо из друзей или сделать что-то для команды».

По поводу собственных нужд Всеволод обращался к своему патрону лишь в крайних случаях. Уже говорилось о том, что в годы войны Михаил Андреевич Бобров усыновил своего племянника Бориса. Но сделать это де-юре долго не удавалось. Уйму порогов обили, но никак не могли добиться документального оформления этого усыновления. Пришлось объяснить ситуацию Василию Иосифовичу. Тот помог.

В своей «Золотой книге сборной СССР» Семён Вайханский привёл рассказ знаменитого футбольного вратаря Леонида Иванова: «Играли мы в 1952 году перед Олимпиадой на “Динамо” то ли с болгарами, то ли с чехами. Окончилась игра, возвращаемся в раздевалку. Вижу: Севочка, которого перед самым концом заменили, в шезлонге лежит, а какой-то мужик, рыжеватый, в белой рубашке с закатанными рукавами, на одном колене стоит, бутсы ему расшнуровывает.

Разделись мы, пошли в душ, а Сева вдруг спрашивает: “Знаешь, кто это был?” — Нет, отвечаю. Откуда мне знать его московских почитателей, которых тьма. “Да это же Василий Сталин...” Я чуть сознание не потерял...»

Уточним, что было это после матча со сборной Венгрии. Важнее другое: этот случай подтверждает, что Василий благоговел перед талантом Всеволода, готов был сдуть со своего любимца пылинки.

В своих мемуарах Василий Сталин писал: «Бобров — достойный человек, верный друг из тех, что не забывают в беде. Мы с ним нередко спорили по спортивным вопросам, иногда даже ссорились, потому

что характеры наши схожи, но эти трения на наших отношениях не сказывались. Бобров был “локомотивом”, тянувшим за собой футбол и хоккей в ВВС. Не помню ни одного случая, чтобы он “дал козла”. Боброва я в шутку называл “основоположником футбола и хоккея в ВВС”».

Но и колкостей они также могли наговорить друг другу. Для Василия Сталина это неудивительно, но иногда срывался и Бобров. Один из собеседников Анатолия Мурадова — бывший баскетболист Евгений Казаков — вспоминал такой случай: «Один раз, помню, играли на “Динамо” в хоккей. А Вася любил пристроиться за воротами и оттуда командовать во время игры. А Сева — капитан, играющий тренер... Ну, в один из моментов игры Сева не выдержал, проезжает мимо ворот и ему: “А ты вообще пошёл на... отсюда!” При всех! Правда, после игры Сева подошёл к нему, извинился, но тот не обиделся. Вася был хороший человек...»

Но не всегда провинности сходили Боброву с рук. В июне 1951 года в Риге после матча с «Даугавой» в раздевалке Всеволод схлестнулся с капитаном команды Константином Крыжевским. Джеджелава об этом доложил, и Василий наказал своего любимца. Весь второй круг лётчики провели без своего лидера, который играл за клубную команду ВВС в городских соревнованиях.

«Разгневанный Сталин-младший сгоряча решил их разделить, — прокомментировал Александр Нилин, — и ограничить Боброва хоккеем с шайбой. Ну а за команду типа ВВС-2 ему разрешили и в футбол играть».

Вторая жена Боброва Елена Николаевна рассказывала: «Боброву в молодости Сталин подарил дачу в Усове. А тот взял и передарил её какому-то приятелю из спортсменов. Раз как-то Василий Иосифович к Всеволоду домой заехал, а его нет. Ищут

— найти не могут. Сталин решил, что он на даче. Приехали в Усово, а на той даче живут другие люди. Выписал Василий Боброву десять суток ареста. Пришлось отсидеть на гауптвахте».

Была история и покруче, о которой поведал Олег Белаковский в книге «Доктор Белаковский». Произошла она в конце лета 1950 года. Бобров и приехавший на учёбу в Москву Белаковский наблюдали за матчем ВВС с трибуны, поскольку Всеволод повздорил с Джеджелавой и отказался выйти на игру. Затем они отправились в ресторан «Астория», где отметили встречу. Уже ночью в компании найденных там же двух спутниц друзья переместились в жилище Боброва.

Белаковский рассказывал: «Буквально вслед за нами в квартире появился генерал Василькевич в сопровождении двух подполковников. Обратившись к Боброву по всей форме, Василькевич заявил, что Василий Иосифович Сталин немедленно требует его к себе. Разогретый спиртным Сева послал генерала матом, после чего его скрутили и выволокли из квартиры...

Бобров вернулся около девяти утра. “Ну что?” — спросил я. “А ничего, — ответил Сева. — Привезли меня к командующему, дал он мне по морде за то, что не явился на матч, я попросил прощения, и этим всё закончилось”».

«У них были своеобразные отношения, — дополнял Белаковский в одном из интервью. — Бобров Сталина уважал, а тот его в свою очередь очень любил. И, конечно, это был из ряда вон выходящий случай, да и кому бы ещё Бобров позволил такое! Но что было, то было...»

Шли годы, Всеволод Бобров повзрослел, стал осознавать свой общественный статус, чему способствовала растущая популярность, а чувство

собственного достоинства было ему всегда присуще. У него накапливались отрицательные эмоции от сложностей в общении с Василием Сталиным, необходимости сносить унижения и самодурство патрона. Положение любимца барина не могло не тяготить Боброва. Добавляли раздражения и последние футбольные неудачи. Тем не менее Всеволод до конца своих дней сохранил тёплые чувства к Василию Сталину, что подтверждает Елена Боброва.

В середине 1950-х годов — после блестящих побед хоккейной сборной — популярность Боброва достигла апогея. Точнее, это была подлинно народная слава. В 1951 году вместе с известной конькобежкой Риммой Жуковой Бобров пошёл в Большой театр на оперу «Аида». А после первого акта исчез. В следующем антракте Жукова нашла Всеволода в фойе — он был окружён толпой болельщиков. И только тут она поняла, почему заметно поредел зрительный зал Большого театра.

Образ жизни и стиль поведения Василия Сталина обрисовал в своих мемуарах Николай Петрович Старостин: «Об отце он не сказал ни слова. Ни восторженного, ни критического. Это само по себе уже было удивительно. Ведь тогда вся страна вставала и ложилась спать с молитвой во славу “великого Сталина”».

Признаться, и я был не самый подходящий собеседник для разговоров на темы, отвлечённые от спорта и футбола, — только что освободившийся политзаключённый. Да и время и место общения не располагали к откровенности.

Беседы наши, как правило, проходили по утрам: с 7 до 8 с ним можно было обсуждать что-то на трезвую голову. Потом он приказывал службе: “Принесите!” Все уже знали, о чём речь. Ему подносили 150 граммов

водки и три куска арбуза. Это было его любимое лакомство...

В основном вокруг него крутились люди, которые устраивали свои личные дела: пробивали себе квартиру, звания, служебное повышение. Я не припомню, чтобы он при мне занимался служебными делами. Молва о нём была такая, что если попадёшь к нему на приём, то он обязательно поможет.

Разномастные чиновники не давали ему прохода: он наивно выполнял бесчисленное количество просьб оборотистых людей, которые его использовали. Все вопросы решались обычно с помощью одного и того же приёма — адъютант поставленным голосом сообщал в телефонную трубку: “Сейчас с вами будет говорить генерал Сталин!” Пока на другом конце провода приходили в себя от произнесённой фамилии, вопрос был практически исчерпан.

К тому времени я уже разбирался, что Василию нравилась роль вершителя чужих судеб, он пытался в этом подражать отцу.

Вращаясь в пределах высшего партийного круга, с высот которого кажется, что в жизни всё просто, не приученный даже к минимальным умственным усилиям, он не был расположен к какой-либо серьёзной деятельности. Он не давал себе труда поработать дома даже с теми служебными документами, которые не успевал просмотреть в штабе, и возвращался к ним лишь после того, как выходил из очередного запоя».

Вероятно, Николай Петрович несколько утрировал увиденное. Во всяком случае, Капитолина Васильева возмущалась воспоминаниями Старостина и других авторов, писавших о беспробудном пьянстве Василия Сталина.

Старостин упоминал и о том, что в особняке на Гоголевском бульваре ему приходилось делить с Василием одну кровать. На что Капитолина Георгиевна

отреагировала с недоумением, сказав, что её подмывало позвонить Николаю Петровичу и спросить: «А я-то в это время где была?»

Она рассказывала, что Сталин много времени отдавал службе, а офицеры штаба говорили о сильном преувеличении в изображении своего командира горьким пьяницей, уж на службе пьяным его никогда не видели.

Следует хотя бы коротко рассказать и о других командах, представлявших ведомство Василия Сталина.

Понятие «команда» в те времена носило не только привычный, общеупотребительный смысл. Создание «команды» означало выделение штатных должностей, на которые зачислялись спортсмены и тренеры.

Владимир Пахомов в своей книге «Под покровом творимых легенд» приводит сведения о том, когда формировались некоторые команды ВВС: «Днём рождения хоккейной команды считается 19 ноября 1948 года, когда об её создании вышла директива Генерального штаба. В тот же день Генштаб решил создать команду ВВС по мотоспорту.

Две схожих директивы Генштаба увидели свет 8 марта 1949 года — о появлении конькобежно-велосипедной и баскетбольной команд. 25 ноября того же года дошла очередь до гимнастики, а заодно до плавания, прыжков в воду и водного поло (водные виды спорта объединили в одну штатную команду)».

Обращаясь к этим датам, не нужно забывать про здравый смысл. Почему следует считать «днём рождения» хоккейной команды ВВС приведённую выше дату, если под названием ВВС она выступала в Кубке СССР по хоккею с мячом 1946 года, а затем в чемпионатах страны по хоккею с шайбой? Нужно ли болельщикам интересоваться бюрократическими процедурами?

Точно так же странный вопрос, которым задаётся Пахомов: «Так как же после этого считать Василия Сталина основателем команд Военно-воздушных сил?» Дескать, коль это были директивы Генштаба, при чём здесь он?! Журналист, вероятно, полагал, что всё происходило само собой, а не усилиями Василия Иосифовича, которому удавалось пробить эти решения.

Резко усилившаяся волейбольная команда ВВС (в неё были переведены большинство игроков, ранее представлявших команду ЦДСА) в 1952 году выиграла звание чемпиона СССР. В её составе выступал тогда блестящий мастер атаки Константин Рёва, капитаном команды являлся Владимир Саввин, на ведущих ролях были Семён Щербаков, Сергей Нефедов, Владимир Гайлит, играли и будущие заслуженные тренеры СССР Гиви Ахвледiani и Мирон Винер. Пятеро из названных (за исключением Саввина и Винера) в 1952-м в составе сборной СССР стали победителями мирового чемпионата, который проходил в Москве.

Стала в 1952 году чемпионом СССР и баскетбольная команда ВВС, которая в трёх предыдущих турнирах была в призёрах. В ней на ведущих ролях были пришедший из московского «Динамо» Анатолий Конев, Александр Моисеев, будущий заслуженный тренер СССР Евгений Алексеев. Конев и Моисеев входили в состав сборной СССР, которая в том году стала вторым призёром Олимпиады в Хельсинки.

В 1951 и 1952 годах сильнейшей в стране была команда ВВС по водному поло. В ней выделялись легендарный вратарь Борис Гойхман, линию обороны возглавлял капитан Евгений Семенов, а бомбардиром являлся знаменитый впоследствии Пётр Мшвениерадзе. Все трое приняли участие в дебютном выступлении сборной СССР на Олимпиаде в Хельсинки, где, правда, наши ватерполисты лавров не снискали.

Не было равных велосипедистам ВВС, как на треке, так и на шоссе. Под флаг лётчиков были приняты знаменитые динамовцы трековик Леонид Шелешнев и шоссейник Фёдор Тарачков, многократные чемпионы СССР трековики Вениамин Батаен и Игорь Ипполитов, шоссейники Алексей Логунов и Ростислав Чижиков.

С помощью известного мотоциклиста экс-динамовца Прокопия Соколова родилась команда ВВС, которая первенствовала на всех соревнованиях, включая зимние кроссы — «чкаловский» и «ворошиловский». А сам Соколов в знак признания его заслуг был назначен начальником отдела физподготовки и спорта ВВС МВО.

В 1951 году цвета ВВС стали защищать два эстонских пловца — брассист Эндель Эдаси и кролист Гунар Мяги, которые входили в число сильнейших в стране.

В 1950 году команду фехтовальщиков возглавил будущий выдающийся саблист и тренер Давид Тышлер.

Под стягом ВВС оказались и некоторые сильнейшие легкоатлеты. Метательница диска Нина Пономарёва, которая первой из советских спортсменов завоевала золотую медаль на Олимпийских играх 1952 года, представляла ВВС.

В книге Анатолия Мурадова своё видение происходившего в спортклубе ВВС изложил одноклубник и друг Боброва баскетболист Евгений Казаков: «Роль Василия Сталина в нашем спорте переоценить невозможно. По сути, именно ему мы обязаны переходом на профессиональную основу подготовки спортсменов. Именно он в ВВС начал осуществлять это на деле. До него наш спорт был любительским. Ну, было в каждой команде по несколько человек ведущих спортсменов, которым платили жалованье, а остальные были любителями. А он создал полноценные команды в каждом виде спорта

— с дублирующими составами, с медицинским обслуживанием...

Он понял главное: без современных спортивных баз, без качественного инвентаря, без нормальных бытовых условий и без подобающей зарплаты успехи в спорте не придут. Если бы не он, то когда бы мы вышли на мировой уровень? Да никогда! А благодаря ему мы уже в 52-м году в Хельсинки боролись с американцами на равных.

Что он сделал? Он, конечно, используя свою власть, своё имя, стал изымать из воинских частей (в основном из Московского военного округа) отдельные штатные единицы и оформлять их на спортсменов. Вот — я. Я пришёл в ВВС мальчишкой, но мне сразу положили зарплату, на которую я мог нормально жить. А это уже профессиональный подход к делу. Нам присваивали воинские звания, соответственно, росла и зарплата, и это тоже был стимул. Мы в обязательном порядке учились: те, у кого не было среднего образования, оканчивали школу, другие — вузы. Василий Иосифович создал в ВВС специальную среднюю школу, чтобы спортсменам удобно было совмещать учёбу с тренировками, соревнованиями, сборами. Я могу назвать десять-двенадцать видов спорта, кроме футбола, где команды ВВС были чемпионами страны: волейбол, баскетбол, водное поло, плавание, конный спорт, велоспорт, мотоспорт... А как скакнули сразу результаты!»

Так кем же был Василий Сталин? Разброс мнений, как имели возможность убедиться читатели, подобен развёрнутому углу — 180 градусов. Его слабость к питию, гусарские пирушки, богемная среда, беспорядочные связи с женщинами — всё это присутствовало в жизни младшего Сталина. Одним словом, он был, как сказали бы в прежние времена,

повеса. Вдобавок буйный, неуправляемый характер как следствие вседозволенности.

Но существовала и другая сторона. Была воинская служба на высокой должности, округ Василия Иосифовича лидировал, — такое само с неба не падает, «подхалимажем» можно объяснить назначение, здесь же рассматривались объективные показатели. Постоянная забота о своих спортсменах также требовала концентрации. Наконец, время от времени нужно было являться пред могущественным отцом, изображая праведника, а нередко с повинной головой. Как можно было соответствовать во всех ипостасях?

Игорь Маринов в своей документальной повести «Ватага Василия Сталина», которая была опубликована в журнале «Спортивные игры» в 1990 году, задался вопросом: ради чего он создавал свою спортивную «империю»? Ответ журналиста был сформулирован так: «Да, наверное, по-своему он любил спорт и спортсменов. Полагаю всё же, подобная любовь сродни самолюбованию, замешена она не на бескорыстном служении спортивной идее, а на неутолимом желании повелевать, решать судьбы, распоряжаться. Недобрав в эшелоне военной власти, Василий Сталин отыгрывался на спорте.

Был ли он щедр? Возможно. Но только стоила ли эта щедрость ему лично кровных затрат? Разумеется, нет...»

Подобный вывод представляется не вполне объективным. Стремление повелевать и решать судьбы было свойственно Иосифу Виссарионовичу Сталину. По мнению автора этой книги, сыну вождя более подходило другое определение: Игрок. И не только в спортивном смысле.

Пользуясь имевшимися возможностями, Василий Сталин, человек честолюбивый и азартный, тешил своё тщеславие на спортивной ниве, где ему хотелось взять

верх над иерархами государственной власти — такими как Лаврентий Берия. Сыграть — и обыграть. На футбольном ли поле, ледовой площадке или за пределами спортивных ристалищ, как это было в случае со Старостиным. Обыграть — вот высшая цель!

Но даже если это и так — важнее другое. Дал ли он толчок развитию спорта высших достижений? На наш взгляд, бесспорно.

Заслуживает ли слов осуждения за свои деяния? Однозначный ответ вряд ли возможен. Корысти в его поступках не было. Он являлся меценатом, но не в общепринятом значении этого слова — щедроты Василия Иосифовича раздавались не за счёт собственных средств. Но могло ли быть иначе в тех условиях?

После ухода в мир иной верховного вождя его сын, являвшийся для Берии бельмом на глазу, был немедленно изъят из социума. Вслед за этим был ликвидирован спортклуб ВВС и расформированы все его команды. Уцелела только команда конников, которая в 1952 году была передана в Высшую кавалерийскую школу.

К моменту, когда произошёл разгон спортклуба ВВС, Василий Сталин уже был арестован. А своей должности он лишился раньше, 13 августа 1952 года.

В честь Дня воздушного флота на Тушинском аэродроме ежегодно проводился авиационный парад. В 1952-м он состоялся 27 июля.

События этого дня излагал в своей книге Андрей Сухомлинов: «Военной частью парада командовал не кто иной, как Василий Сталин. Парад прошёл прекрасно. Сталин-старший объявил всем лётчикам благодарность...

Справедливости ради надо сказать, что эпизод, описанный многими авторами, когда Василий позволил

себе уже после парада пьяным прийти на банкет для его участников, вступил в пререкания с отцом и обматерит при всех главкома ВВС П. Ф. Жигарёва, действительно произошёл в банкетном зале в Тушине 27 июля 1952 года.

Именно после этого он уже был выведен в распоряжение главкома ВВС и позже сдал должность новому командующему — генерал-полковнику авиации С. А. Красовскому».

В сентябре Василий Сталин был зачислен слушателем авиационного факультета Академии Генерального штаба (тогда — Высшая военная академия). Однако к занятиям он так и не приступил...

После смерти вождя 5 марта 1953 года расправа над Василием Сталиным была весьма скорой. 26 марта его уволили в запас без права ношения военной формы, а 28 апреля арестовали и осудили на восемь лет, обвинив в растратах и злоупотреблении властью. Эту статью, однако, Сухомлинов обозначил как «довесок». Основной же была зловещая 58-я статья — совершение контрреволюционного преступления...

Дело Василия Сталина расследовалось около двух с половиной лет. 2 сентября 1955 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор: лишение свободы в исправительно-трудовом лагере на восемь лет с поражением в политических правах на два года.

Одиннадцатого января 1960 года Василий Сталин был освобождён. По распоряжению Н. С. Хрущева ему было восстановлено звание, возвращены ордена и медали, партийный билет (без перерыва стажа), принадлежавший ему автомобиль «паккард». Василий Иосифович получил трёхкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной, дачу в Жуковке, трёхмесячную путёвку в санаторий в Кисловодске (где провёл меньше месяца).

Однако, находясь под пристальным наблюдением КГБ, он не соблюдал осторожность, общался с «нежелательными элементами», иностранцами, да и образ жизни вёл прежний. За «преступное антиобщественное поведение» Василий уже в апреле того же года был отправлен досиживать положенные ему восемь лет.

По состоянию здоровья он был досрочно освобождён, получил разрешение поселиться в Казани (городе, закрытом для иностранцев), где и скончался 19 марта 1962 года.

Когда Василий Сталин находился в госпитале МВД, его приехал проведать, прихватив бутылку грузинского вина, Гайоз Джеджелава. По словам Василия Иосифовича — единственный из спортивного мира.

Врач Олег Белаковский свидетельствовал: «Последняя наша встреча с Василием Иосифовичем произошла в 1961 году в Казани. Сталин там находился в ссылке. Мы обыграли местную команду — 2:0. И к нам в раздевалку заходит, опираясь на палочку, экс-командующий: в синем пальтишке, в очень простых сапогах. Мы все встали, поприветствовали его. Василий Иосифович поздоровался с нами и пригласил к себе поужинать. А нам через тридцать минут нужно уже было уезжать. Своим отказом мы сильно обидели бывшего шефа».

После обращения группы ветеранов ВВС МВО Военная коллегия Верховного суда РФ пересмотрела дело Василия Сталина, реабилитировала его по политическому преступлению, снизила объём обвинения по воинскому преступлению и освободила его от наказания по амнистии 1953 года. Датирован сей документ 30 сентября 1999 года.

Военная коллегия «освободила» человека, которого уже более тридцати лет не было в живых...

С ФУТБОЛОМ НЕ УДАЛОСЬ...

В любой публикации о командах ВВС, будь это футбол или хоккей, всегда указывается, что создателем их был Василий Сталин. На самом деле это не так. Вклад Василия Сталина можно обозначить как их развитие. А заслуга в создании и становлении команд ВВС принадлежит другому человеку — Виктору Эдуардовичу Василькевичу — начальнику Московского Краснознаменного военного авиационно-технического училища.

Ещё в довоенные годы на московских стадионах появились футболисты и хоккеисты, представлявшие это учебное заведение. В 1941 году его хоккейная команда стала победителем первенства Московского военного округа. После двухлетней эвакуации в Сызрань в 1943 году училище было возвращено в Москву, и с 1944-го его команды начали участвовать в городских чемпионатах. Наибольшего успеха хоккейная команда, выступавшая под названием «Авиаучилище», добилась в 1945-м, когда вышла в финал Кубка СССР, где уступила хоккеистам ЦДКА со счётом 1:2. Следует напомнить, что в те годы именно этот турнир выявлял сильнейшую команду страны, поскольку чемпионаты СССР не проводились.

Футбольно-хоккейные команды стали представлять ВВС Красной армии в том же 1945 году, а авиационно-техническое училище было передислоцировано в Тамбов. Тогда генерал-майор Василькевич уже являлся заместителем командующего ВВС Московского военного округа.

Если в хоккее с шайбой (хоккей с мячом в спортклубе ВВС культивировать перестали) команда

ВВС с переменным успехом с первого же чемпионата страны, состоявшегося зимой 1947 года, выступала в высшем эшелоне, то в футболе такого права лётчикам предстояло добиться. Сделать это им удалось в 1946 году.

Однако футбольный сезон 1947 года у дебютантов не заладился. Первый тревожный сигнал прозвучал уже во втором матче лётчиков, который они проводили 15 мая в Сталинграде с «Трактором». Конфликт произошёл незадолго до конца при счёте 2:2. Игра была прервана, и гостям было засчитано поражение. Что же стало тому причиной?

Спровоцировал инцидент наставник ВВС Анатолий Тарасов, который вопреки новым правилам занял позицию у ворот своей команды. Когда же директор стадиона попросил тренера уйти оттуда, тот, как квалифицировала ситуацию «Сталинградская правда», совершил хулиганский поступок по отношению к директору, а выбежавшие с поля футболисты ВВС набросились на него. «Старшему тренеру команды А. Тарасову объявлен строгий выговор, — сообщал «Советский спорт», — и он выведен из тренерского совета, а игрок ВВС Б. Кулагин дисквалифицирован на 10 игр».

Страсти в той игре разгорелись до такой степени, что на 83-й минуте судья увёл с поля футболистов обеих команд. Лётчикам было засчитано техническое поражение, а Борису Кулагину из-за длительной дисквалификации пришлось поставить крест на футбольной карьере. Для сражения с разъярёнными болельщиками другой будущий наставник хоккейной сборной страны вырвал из земли стойку, поддерживающую сетку ворот, и стал размахивать ею, словно палицей...

Под иным углом рассматривал ту ситуацию в своей «Летописи» Аксель Вартанян. Отметив «камнепад»,

устроенный зрителями в ходе матча, он информировал, что многотиражка тракторного завода «Даёшь трактор», которая указала, будто «за семь минут до конца матча команда ВВС по указанию тренера покинула поле», была не права. Остановил игру местный судья Георгий Шляпин, «как только сталинградские пролетарии хлынули на поле».

Летописец сделал собственный вывод: «Фактически сорвали матч зрители, а потому поражение следовало засчитать “трактористам”, хотя в Положении такая мера наказания в то время не прописывалась».

Под руководством Тарасова жёлто-голубые сыграли 14 матчей, в которых потерпели десять поражений (с учётом технического в Сталинграде). Два последних — домашние — оказались разгромными. Лётчики уступили динамовцам Тбилиси — 1:5 и тому же «Трактору» — 1:6! Как должно было отреагировать на это командование ВВС? Их команда занимала предпоследнее место, а финишировала и вовсе последней...

До поры Тарасова никто в спортклубе от выполнения тренерских обязанностей не отстранял. Сделал это в августе Василий Сталин. Вот как он описывал те события в своих мемуарах: «Среди команд высшей лиги жёлто-голубые шли последними. Ладно, хоть в первую группу выбились, ведь до этого два года играли во второй... Я думал о том, что команду, как и весь спорт в военной авиации, нужно поднять на высокий уровень. Хочешь подтянуть разболтавшуюся часть — первым делом смени командира.

Снял Тарасова, поставил вместо него Капелькина. Тарасов — хороший спортсмен, но нрав у него очень крутой, а дисциплины при этом в команде не было никакой. Такой вот парадокс... Тарасов получил строгий выговор по партийной линии. За дело получил. Первым зачинщиком был он сам. Мне такой тренер был не

нужен. Проигрыш тбилисским динамовцам с позорным счётом стал последней каплей. Было ясно, что надо принимать меры...»

Проследим за тем, как выступала футбольная команда ВВС в дальнейшем, уже под патронажем Василия Сталина. Оказавшись последней, она должна была покинуть класс сильнейших, но сын вождя смог её отстоять. А вот найти подходящего тренера ему никак не удавалось.

Сергей Капелькин уже после нескольких туров сезона 1948 года приступил к выполнению обязанностей адъютанта Василия Сталина, а командой стал руководить Матвей Гольдин — специалист, несомненно, авторитетный, но, как показали последующие события, не вполне устраивающий командующего. Во всяком случае, чемпионат 1949 года лётчики вновь начали под руководством Капелькина, которого вскоре вторично сменил Гольдин.

Лётчики ежегодно пополняли состав известными футболистами, но все они приходили в команду на излёте карьеры и уже не могли сделать погоду, повести за собой партнёров. Из ЦДКА в ВВС перешли Александр Виноградов, Александр Прохоров, Иван Щербаков, Пётр Щербатенко, из московского «Торпедо» — прославленный вратарь Анатолий Акимов, полузащитник Николай Морозов (впоследствии наставник футбольной сборной СССР), Василий Жарков, из Тбилиси — Виктор Бережной.

Как уже говорилось, в 1950 году команду лётчиков принял известный по выступлениям за тбилисское «Динамо» форвард Гайоз Джеджелава, не имевший никакого тренерского опыта. Тем не менее под его началом жёлто-голубые финишировали четвёртыми.

Именно в том сезоне пополнение оказалось наиболее качественным. Помимо Всеволода Боброва и

Николая Морозова новичками были нападающие Александр Оботов из столичного «Локомотива», Виктор Шувалов из Челябинска и младший брат тренера — Спартак Джеджелава из Тбилиси. Из столицы Грузии прибыл и вратарь Михаил Пираев.

Причина взлёта команды лежала на поверхности — в её составе появился Всеволод Бобров. Он и его верный «оруженосец» Евгений Бабич в первых десяти турах не играли, и их новая команда находилась на шестом месте. И хотя Бобров сыграл из-за травм далеко не во всех матчах, да и голов забил непривычно мало — всего семь, лётчики заметно прибавили.

Первые два матча на выезде с участием Боброва они проиграли, но 22 июня добились знаменательной победы над ЦДКА — 1:0. Единственный мяч бывшим одноклубникам забил Всеволод Бобров. Сделал он это эффектно, в падении, ножницами.

Гол произвёл огромное впечатление на юного в ту пору форварда московского «Спартака», будущего олимпийского чемпиона Анатолия Ильина: «Отскочивший от груди защитника армейцев Башашкина мяч Бобров послал точно в угол ворот Чанова, высоко взметнув ноги вверх и оказавшись в воздухе как бы лёжа на боку параллельно земле, как вратарь в высоком броске за мячом. Если бы в то время присуждали приз за самый красивый гол сезона, то его можно было смело отдать Боброву».

В своих мемуарных записках Евгений Кравинский описал этот эпизод более развёрнуто: «Боброву предстояло играть против ЦДКА — против “своих”, чего ему очень не хотелось. Аркадьев, лучше других знавший Боброва, рекомендовал вратарю Чанову с Всеволода глаз не спускать. И цепкому полузащитнику Бодягину было поручено персонально опекать форварда лётчиков, а страховать Бодягина должен был могучий Башашкин.

Меры предосторожности, предпринятые Аркадьевым, казались напрасными, ибо сам Бобров вовсе не рвался к воротам. Он, как говорят футболисты, отстоял первый тайм. Та же картина наблюдалась и во втором... На трибунах уже стали вспоминать, как разозлившийся не на шутку Василий Сталин отправил Боброва на гауптвахту за игру с “Локомотивом”. Да, история может повториться...

И вдруг, уже под занавес, прострел с правого края, мяч летит на уровне груди. Бобров пропускает его и уже по уходящему мячу, словно косой, бьёт высоко занесённой левой ногой. И мяч на глазах у обезумевшей публики сначала миновал сторожа-Бодягина, потом бдительного страхующего Башашкина, а в конце своего короткого пути и растерявшегося от неожиданности голкипера Чанова — и влетел в сетку!

Это был один из самых эффектных бобровских голов, которые мне довелось видеть. Он принёс победу ВВС, но не очень-то порадовал самого Боброва, поскольку был забит в ворота его родного клуба.

Между тем сразу же после матча Аркадьев по традиции объяснялся с игроками.

— Алёша, как же могло получиться, что вы упустили момент отбора мяча? — спрашивал тренер у Бодягина.

— Понимаете, Борис Андреевич, мяч летел по воздуху, и я решил, что Бобров примет его на грудь, опустит на землю — и вот тогда-то я вступлю с ним в борьбу. А он всё сделал совершенно иначе.

— А вы, Анатолий, чем в это время занимались? — выяснял Аркадьев у Башашкина.

— Я внимательно следил за их дуэлью и в любую секунду готов был вмешаться, но Бобров...

Вратарь Виктор Чанов не стал дожидаться своей очереди. Аркадьев и рта не успел раскрыть, как он воскликнул:

— До чего же хитёр этот Бобёр!

Аркадьев глубоко вздохнул:

— Вы правы, логики футбольной во всём этом не было. Это была логика Всеволода Боброва».

Из этого разговора следует, что защитная линия ЦДКА была обескуражена нестандартным игровым решением Боброва, но интересна и ещё одна, на наш взгляд, немаловажная подробность: после первого для него матча за ВВС в Харькове, где лётчики уступили местному «Локомотиву» (1:2), Всеволод оказался на гауптвахте...

Матч с армейцами получил широкий резонанс. В середине второго тайма был удалён с поля Николаев, угодивший ногой в голову Акимову, после чего вратарю потребовалась замена. ЦДКА подал протест, но он был отклонён.

Игра лётчиков была замечена. Несколько футболистов были включены в список «33 лучших» игроков сезона. Владимир Метельский был назван вторым номером среди правых защитников, а Константин Крыжевский (как центральный защитник) и Виктор Шувалов (как центральный нападающий) — третьими.

В справочнике Александра Переля, где подводились итоги сезона, отмечалось: «Выдающегося успеха добились футболисты ВВС, занявшие с 45 очками четвертое место. Особенно хорошо команда провела вторую половину сезона, разделив с армейскими футболистами второе и третье места.

В ходе соревнования были моменты, когда футболисты ВВС имели реальную возможность стать в итоговой таблице в ближайшем соседстве с армейскими футболистами. Так, после 26 тура команда ВВС, имея 33 очка, делила с динамовцами Москвы второе и третье места. Последующие два тура не изменили положение этих команд. И динамовцы, и футболисты ВВС выиграли

оба матча, набрав по 37 очков. Но в то время как динамовцы в последующих трёх встречах одержали три победы, футболисты ВВС набрали всего очко, потерпев поражения от харьковского “Локомотива” и “Даугавы” и сыграв вничью с московским “Торпедо”.

Потеря пяти очков в этих трёх встречах и решила исход борьбы за второе, да, пожалуй, и за третье место, на которое вышли динамовцы Тбилиси. Но даже и эти неудачи, да и другие, которые были в ходе первенства, не умаляют несомненного успеха команды».

Однако в следующем сезоне лётчики откатились аж на 10-е место. И это при том, что потери были минимальными, а из ленинградского «Динамо» прибыл партнёр Боброва ещё по Сестрорецку нападающий Анатолий Викторов.

Тот же справочник Александра Переля констатировал: «Команда ВВС, добившаяся в 1950 году прекрасных результатов, в итоге соревнований 1951 года очутилась на десятом месте. Добившись в первых трёх играх хороших результатов (пять очков из шести возможных), футболисты ВВС затем в последующих двух встречах потерпели поражения и резко снизили свои возможности в борьбе за золотые медали. Правда, они ещё оставались в ведущей группе команд и, следовательно, могли дальнейшими успехами восстановить турнирное положение, но ряд новых неудач (в особенности в конце первого круга) окончательно исключил их из числа претендентов на одно из призовых мест и лишил возможности войти в верхнюю половину турнирной таблицы.

Набрав 26 очков из 56 возможных, команда ВВС, являющаяся по возрастному составу игроков самым молодым футбольным коллективом мастеров, заняла место в конце первого десятка. Это — большая неудача коллектива, в составе которого немало способных

футболистов (Крыжевский, Метельский, Коршунов, Фёдоров, Шувалов и др.)».

Лишь два футболиста попали в список «33 лучших» игроков сезона, который был подготовлен тренерским советом: это защитники Владимир Метельский и Константин Крыжевский (оба — под вторым номером).

Остаётся добавить, что некоторые результаты команды были огорчительными, а итог матча с одним из аутсайдеров — тбилисским «Спартак» — просто обескураживающим: лётчики проиграли на своём поле со счётом 0:6...

Но были и отрадные моменты. Несомненным достижением стал выход в полуфинал Кубка СССР. В ходе розыгрыша лётчики разгромили тбилисское «Динамо» (5:1), переиграли московский «Спартак» (3:2).

Гулбат Торадзе вспоминал о матче ВВС в столице Грузии с тбилисским «Динамо» 23 апреля 1951 года. Он закончился со счётом 3:3 и стал одним из украшений сезона. Знаток футбола в очередной раз поразила игра Боброва: «Навсегда запомнился такой эпизод. Бобров рвётся к воротам. На подходе к штрафной площади, прибегая к “фолу последней надежды”, сзади его обхватывает за поясницу руками молодой полузащитник Киладзе и буквально повисает на нём. Ничтоже сумняшеся, Голиаф вместе со своей “живой ношей” входит в штрафную и отправляет мяч в сетку! Потрясённые увиденным трибуны долго гудят».

Напомним, что весь второй круг того чемпионата лётчики провели без Боброва. После стычки с Крыжевским, о которой уже упоминалось, Всеволод вынужден был играть за клубную команду ВВС. Команда ВВС-2 стала чемпионом и обладателем Кубка Москвы.

Александр Нилин зафиксировал детское впечатление: «Исчез было Бобров — не появлялся в основном составе ВВС. И вдруг в репортаже Синявского

— не слышал бы сам его хриплую скороговорку из радиоприёмника на даче у Корнея Чуковского, ни за что бы не поверил, что могли транслировать игру одной шестьдесят четвёртой Кубка, — среди незнакомых в подавляющем большинстве фамилий: Бобров.

Бобров играет за команду ВВС-2, предназначенную для внутри московских турниров. Бобров никогда не бил пенальти, а тут бьёт — и забивает. Нов дополнительное время ужгородский “Спартак” берёт верх с чувствительным преимуществом над уценённым вариантом клуба Василия Сталина. Мы возбуждены появлением в эфире “Бобра” — но и шокированы его бессилием перед каким-то Ужгородом...»

Добавим, что в том матче после двух голов Боброва его команда была впереди 2:0, но на последних минутах пропустила два мяча, а в дополнительное время шесть тысяч зрителей стали свидетелями четырёх голов, влетевших в сетку ворот хозяев поля, в составе которых были давние партнёры Всеволода: Александр Виноградов, Евгений Бабич, Александр Стриганов.

Коллектив лётчиков не пользовался расположением болельщиков и на городском уровне. В своей книге Андрей Сухомлинов привёл такой пример: «Был один случай, когда футболистам ВВС пришлось играть в ненормальной обстановке. Под улюлюканье толпы, одурманенной алкогольными парами. На стадионе “Метрострой” в 1951 году проводился финал Кубка Москвы. Лётчики встречались с командой “Крылья Советов”, представлявшей 25-й авиационный завод. На игру её болельщики прибыли на нескольких заводских автобусах, успев по дороге на стадион неплохо “заправиться”.

Поначалу крики, оскорбления адресовались арбитру, а потом нетрезвые зрители переключились на игроков ВВС, в них полетели комья грязи, мелкие камни, а потом и песок в глаза футболистов,

пробежавших у кромки поля или вводивших мяч из аута. Неимоверную выдержку пришлось проявить Боброву и его товарищам, чтобы довести матч до победного конца и завоевать право участвовать в розыгрыше Кубка СССР».

Не лучшим образом выступили жёлто-голубые и в сезоне 1952 года. С той же лёгкостью, с какой отправил в предыдущем году Боброва в клубную команду, командующий ВВС на этот раз назначил Всеволода играющим старшим тренером.

Сезон выдался необычным. Из-за участия сборной СССР в Олимпиаде сокращённый чемпионат страны, в котором лётчики заняли 11-е место, стартовал только в июле. А с апреля по июль проводился турнир команд класса «А» на приз Спорткомитета СССР. Футболисты ВВС вышли победителями в своей подгруппе, а в финальном этапе, окончательные итоги которого так и не были подведены, находились на втором месте.

Целиком сосредоточиться на работе с командой Всеволод Бобров не мог. Увидев его на южных сборах, возглавивший сборную Борис Аркадьев привлёк в неё своего любимого ученика. О том, как происходила подготовка сборной к Олимпиаде в Хельсинки, рассказ впереди. Пока же констатируем, что плачевный итог и его последствия действовали на Всеволода угнетающе. Появились перепады в настроении.

Виктор Шувалов в интервью «Спорт-экспрессу» рассказывал:

«— Севу в 1952-м в футбольном ВВС вместо Джеджелавы играющим тренером назначили. При Гайозе мы неплохо шли, четвертое место заняли, а с Севкой что ни матч — ничья или поражение. Адъютант Василия Сталина Степанян спрашивает: “Что с командой?” Я возьми да ляпни: “Так мы теперь на поле не ворота противника ищем, а Боброва! Он всё время кричит: ‘Дай!’ Сам забить хочет. Если не отдашь,

столько тебе навешает, что не унесёшь...” Степанян рассказал “Хозяину”, тот — к Боброву. И меня Севка усадил на лавку.

— *Обиделся?*

— Наверное. Как-то “Хозяин” опоздал на игру. По дороге в ложу увидел запасных ВВС, поздоровался и меня спрашивает: “Ты что не играешь? Травма?” — “Нет, не поставили”. “Хозяин” изменился в лице: “Ну-ка, давай выходи!” Я растерялся: “Куда, Василий Иосифович? Замены же запрещены”. В перерыве я заметил, как он Боброва отвёл в сторону, что-то эмоционально говорил. И в следующем матче я снова был в составе».

В другом интервью Шувалов вспоминал: «В футболе у нас далеко не всё получалось в отличие от хоккея. Я играл центрфорварда и правого инсайда. У Боброва был властный характер, но он уже не всегда мог играть так же сильно, как прежде, до травмы, но почти вынуждал, особенно молодых, искать на поле только его.

До смешного доходило. Анисимов Лёха, помню, выходит один на один, в Ленинграде играли, мы ему — “Бей же!”, а Лёха ищет Боброва. Тот выходит на дальнюю штангу, пасует ему, вратарь перехватывает.

К тому же иной раз тренеры ставили задачу путём антиигры выключить Боброва, который, конечно же, всегда может забить. Был такой защитник в минской команде, фамилия — Савось. Так он однажды так приклеился к Всеволоду, что не продыхнуть, — просто бегал рядом с ним, игрой не интересовался».

Результативность Боброва во всесоюзных чемпионатах падала год от года. Отыграв в 1951-м неполный первый круг (девять матчей), Всеволод забил пять голов. В тех же девяти матчах 1952 года на его счету было всего два мяча.

Очевидец событий Лев Филатов отмечал: «Помню, как полинял Бобров, оказавшись в посредственной

футбольной команде ВВС. Он забивал время от времени свои чудоголы, но они не делали погоды, и полупустой стадион не взрывался. А иной раз, словно чувствуя, что от него ничего не ждут, Бобров расслабленно, нехотя бродил по полю».

Иначе запечатлелась игровая манера Всеволода в памяти у многолетнего наставника сборной СССР Гавриила Качалина: «По части самоотдачи Бобров — пример из примеров. Я не видел ни одной игры, где бы он не действовал активно, с полной отдачей. Не было такого! И если он где-то простаивал, то лишь потому, что мяча поблизости не было. А когда мяч был у его команды, он всегда искал самую ударную, голевую позицию. Всегда предлагал партнёрам самое острое, самое активное, интересное продолжение наступательных действий».

О тренерских способностях Боброва высказывались авторитетные специалисты. Арбитру Николаю Латышеву довелось побывать в команде на южных сборах: «Я не представлял себе, что Бобров может быть тренером. Он в ЦЦКА не выделялся какой-то руководящей ролью: там были такие игроки, как Федотов, Николаев. Но когда я пришёл к Боброву на сборы команды ВВС, то сразу увидел, что он стал гораздо серьёзнее, чем в то время, когда был просто футболистом.

Я, признаться, ожидал панибратства. Но нет, его слово — закон! Я решил остаться на установку перед игрой. Бобров так грамотно, на мой взгляд, давал наставления и указания, что я был поражён. Его слушали очень внимательно. Во-первых, уважение к нему как к игроку... Молодёжь на него, видимо, молилась как на игрока. А ему было всего двадцать девять лет. Авторитет футболиста скрывал его возраст. Я думал: откуда же он стал таким тренером? Откуда у него такой хороший тренерский навык? Ведь в школе

тренеров он не учился. Видимо, у него к этому делу были особые способности».

Тот же Гавриил Качалин, который являлся тогда государственным тренером, бывал в команде ВВС на установках перед играми, где Всеволод давал указания каждому игроку: «Я был у Боброва на установке, когда он излагал тактический план ведения игры. Мне запомнилась широта его взглядов на игру. Он, видно было, продумал как следует игру, взвесил возможности своей команды и противника. Я все команды знал — знал, чем они дышат, всех игроков знал. Мне показалось, что он дал план такой, какой дал бы я. У меня не расходились с ним мнения по этому поводу.

Скажем, этого игрока надо взять персонально, а этому игроку надо навязать что-то и подчинить его своей воле. Вести игру надо с учётом того, где мы сильнее, — больше правой стороной. И так далее. Я видел, как внимательно слушали его подопечные. Никто не разговаривал, все слушали Боброва. Все смотрели на него и ловили каждое его слово. Меня поразила глубина его мысли. Видимо, мысленно он уже провёл матч с противником, всё учёл и выложил свой план игрокам.

Вопросов не было, потому что всем всё было ясно. Все понимали, что план тренера — это наиболее правильная форма ведения игры с данным соперником. Я не помню, о какой команде шла речь, но помню, что в том матче команда ВВС выиграла... С Всеволодом Бобровым мы особенно близки не были, но как тренеры — единомышленники».

В своих мемуарах Николай Старостин вспоминал о впечатлениях первых дней после возвращения из ссылки: «Вернулся домой, а там новый сюрприз: сидит, ждёт меня мужчина. Я его не знал, никогда не видел.

— Здравствуйте! Я — Всеволод Бобров. Наслышался о вас, Николай Петрович, от ребят, решил прийти

поприветствовать.

Такой визит был для меня необычайно приятен. Пригласил Боброва к столу. С первого дня нашего знакомства я заметил у него любопытную особенность: когда он слегка выпивал, у него из правого глаза текла слеза. Позже, когда подружился, я у него спросил:

— Сева, почему у тебя один глаз плачет?

А он ответил:

— Потому что я сделал ровно половину того, что мог...»

Весной 1953 года футбольная команда ВВС прекратила своё существование, так и не оправдав надежд Василия Сталина. Основные причины мы уже обозначили. Это и тренерская чехарда с очевидными промахами на этом направлении, это и нежелание переходить в лагерь лётчиков лучших игроков, несмотря на все усилия шефа команды, это и неприятие многоопытными столичными игроками грузинского тренера-новичка.

В результате сложилось положение, когда команда играла, не будучи сплочённой, в ней не было коллектива. И объяснялось это в первую очередь тем, что в ВВС были собраны разновозрастные игроки. Разрыв в возрасте между именитыми Анатолием Акимовым и Николаем Морозовым и способной молодой порослью превышал десяток лет.

Тем не менее следует отметить, что в этой команде проявили себя несколько одарённых футболистов. Это прежде всего защитник Константин Крыжевский, ставший впоследствии стержнем обороны московского «Динамо» и сборной СССР. Немало лет играли за ведущие клубы форварды Алексей Анисимов, Сергей Коршунов и Виктор Фёдоров. Привлечены были Бобровым в состав совсем молодые тогда нападающие Валентин Бубукин и Анатолий Исаев — будущие игроки

сборной СССР, заслуженные мастера спорта. Оба они, пришедшие из заводских команд, всегда с почтением и благодарностью вспоминали своего тренера.

Валентин Бубукин в своих мемуарах рассказывал, какими глазами они смотрели на бывалых игроков: «А уж когда нам, молодым, давали бутсы разбить... Раньше бутсы шили так. У каждого были свои колодки. Брали государственные бутсы, неделю играли, они растягивались, потом натягивали их на колодку, кожа высыхала, на кожаную подмётку набивали фибру, а на неё — двенадцатимиллиметровые шипы. И бутсы уже не разбивались, целый сезон в них играли.

Разнашивать бутсы давали молодёжи. Ко мне как-то раз подошёл сам Бобров, посмотрел на ноги и спрашивает: “Какой у тебя размер?” — “Сорок первый”. А у него и так проблемы были с ногами. Немного внутрь, коленки Х-образные. Дал он мне свои бутсы: недельку поиграть — разбить. Так я за счастье почитал, хоть и ноги все намял».

Смешливый Валентин Бубукин припомнил случай, произошедший на предсезонном сборе в Леселидзе весной 1952 года: «В первом же моём дебютном матче вышла довольно комичная ситуация. Дело в том, что авторитет Всеволода Михайловича был столь высок, что практически не было такого игрока, который не отдал бы ему пас на бобровское “Дай!”. И в хоккее, и в футболе. И дело не в какой-то боязни, просто партнёры знали его манеру: он делал вид, что устал, но вдруг мгновенно взрывался, и не отдать ему в этот момент — преступление... Только не для такого молодого и зелёного, как я.

В один из моментов я всем корпусом показал ему, что буду играть в стенку, он даже двинулся навстречу, защитник поймался на движение, я легко обвёл его, вышел к воротам и ударил. Мяч попал в штангу,

отскочил прямо на голову Боброву, который и добил его в сетку.

Вечером на разборе Всеволод Михайлович выступил с речью: “Вы представляете, молодые до чего дошли! Меня как бутафорию использовал! Я с ним пошёл в стенку играть, а он только ручкой махнул! Хорошо я гол забил, а то бы!..”».

Менее раскованный Анатолий Исаев вспоминал в книге «Спартаковские исповеди»: «В ВВС меня Джеджелава хотел видеть, а приезжаю — там играющим тренером Всеволод Бобров. Каким бы ни был великим, а для меня в тот момент была трагедия — он же меня вообще не знает! А Всеволод Михайлович отнёсся ко мне как к младшему брату. Хотя иногда так поливал матом, что я думал, закончу с футболом. У меня всё внутри дрожало. Он считал, что я всё должен делать так же, как он. Но тренировка закончится, он обнимет, скажет пару тёплых слов — и сразу весь страх спадал. Бобров тренировался только в паре со мной. До того как начал с ним работать, я не представлял, куда у меня мяч после удара полетит. А тут начал присматриваться, кто и как бьёт, а он — в первую очередь...

А когда в 1953-м разогнали ВВС и я перешёл в “Спартак” — вскоре и Бобров там оказался. И опять только со мной в паре тренировался. Возможно, кстати, что он и поспособствовал тому, что я именно в “Спартаке” оказался. Он считал, что я подхожу под спартаковский стиль.

Валя Бубукин, с которым мы в ВВС подружились, его называл Михалыч. А я не мог — только по имени-отчеству. Бобров пытался меня переучить, говорил, что в футболе нужно короче. Но не получалось у меня — и всё. Так всю жизнь и называл его Всеволодом Михайловичем.

Мне страшно повезло, что я попал к Боброву, видел, как он играет, работал с ним. Я же киевскому “Динамо” свой первый гол за ВВС с его передачи забил! Это был единственный раз, когда лично видел Василия Сталина. Первый тайм закончился 1:1. Я, молодой, сидел в запасе. В перерыве заходим в раздевалку, а там младший Сталин, который громовым голосом говорит: “Ни шагу назад! Все вперёд — и чтобы была победа!”

Тут входит Бобров: “Василий Иосифович, дайте одну секундочку!” Тот тут же тихо сел в кресло в углу — уважал Боброва. Вообще хороший он человек был, а его сгноили...

И я краем уха услышал, что Бобров сказал второму тренеру меня выпускать. Тут же это передали мне. А у меня ещё ни одной игры в основном составе не было — так меня такой “кондратий” забил, что я шнурки никак не мог завязать. Но когда на поле выбежал, всё сразу прошло. Как только получил мяч, сразу отдал пас Боброву. Тот мне в стенку вернул, и я как засажу в “девятку”!»

Будущий олимпийский чемпион Анатолий Исаев и в дальнейшем многое в футболе мерил увиденным в исполнении Боброва. В книге Бориса Духона и Георгия Морозова «Анатолий Исаев, равный среди первых» приведены меткие наблюдения этого спартаковца: «У Никиты Симоняна с Николаем Дементьевым было особое строение стопы, и мяч хорошо ложился на приплюснутый подъём, не гулял, как у футболистов с высоким подъёмом. Никита обладал самым сильным ударом среди нас, причём с обеих ног. И на тренировках казалось, что он не прилагал при этом никаких дополнительных усилий. То есть сделал шаг — и в “девятку”, как рукой клал. Я такое раньше наблюдал только у Боброва...

Сергей Коршунов не раскрылся, и не только потому, что с режимом не ладил. Подражал Боброву, а должен

бы брать своей индивидуальностью. Хотя и бегал, как Всеволод Михайлович, но играл далеко не так...»

Одиннадцатое место, на котором закончили чемпионат 1952 года футболисты ВВС, никак не соответствовало амбициям Василия Сталина. Все его чаяния воплотились в хоккейной команде, где верховодил Всеволод Бобров...

В ХОККЕЕ ПОЛУЧИЛОСЬ!

Перед сезоном 1950 года хоккейную команду ВВС вновь возглавил Матвей Иосифович Гольдин, который начинал и предыдущий чемпионат, но вскоре был заменён Павлом Михайловичем Коротковым.

Многоопытному Гольдину удалось существенно усилить состав. При этом он отдавал себе отчёт, что делать набег на московские клубы негоже, поскольку годом ранее под знамёна ВВС перешли разом четыре хоккеиста «Спартака»: вратарь Николай Исаев и ведущая тройка Иван Новиков — Зденек Зигмунд — Юрий Тарасов.

Именно Гольдин в довоенную пору вывел на хоккейную орбиту Анатолия Тарасова. Он уговорил находившегося на распутье Тарасова, вернувшегося из Одессы, где он играл в футбол за местное «Динамо» после окончания школы тренеров, сыграть в хоккей за «Крылья Советов». Правда, сезон 1940 года Тарасов в «Крылышках» до конца не довёл, заканчивал он его уже в команде авиаучилища.

Анатолий Тарасов вспоминал: «Матвей мог в любой мороз выйти на игру в коньках на босу ногу — это чтобы не терять скорость из-за лишнего веса на ногах. Все игроки через 15-20 минут бегут погреться в раздевалку, а Гольдин мог полтора часа находиться на льду, забыв о морозе и коченеющих ногах».

Братья Тарасовы в хоккее являлись одноклубниками лишь в одном сезоне — играя за ВВС в первом чемпионате страны. Их яростное соперничество неизменно доставляло удовольствие зрителям.

Здесь уместна, на наш взгляд, выдержка из книги Александра Нилина «Век хоккея»: «“Колорадские

жуки”, как называли за полосатую форму лётчиков, давали армейцам — особенно в отсутствие Боброва — бои, напоминающие по самоотверженности воздушные. И Юрий Тарасов перед игрой любил спросить перешедшего в ЦДКА и ставшего и здесь играющим тренером старшего брата: “Сознайся, Толя, здорово вы нас побаиваетесь...” В сезоне сорок девятого года они уже были вторыми в чемпионате, хотя из армейского клуба Василий Сталин успел переманить одного Александра Виноградова, выдающегося защитника».

Ещё не зная о приходе Боброва, Гольдин обратил взор на команды из других городов. Из Риги прибыли весьма квалифицированные хоккеисты — вратарь Харий Меллупс и нападающий Роберт Шульманис, из Челябинска — результативный форвард Виктор Шувалов. Но, конечно, главные надежды Василия Сталина были связаны с появлением Всеволода Боброва. Тем более что решил последовать за Бобровым и его верный друг и партнёр Евгений Бабич.

Переход Боброва и Бабича означал бы резкое ослабление ЦДКА. В предыдущем сезоне они вдвоём забили ровно половину голов команды. Однако своевременно оформить смену клубных цветов не удалось. Более того, Бабич начал сезон в ЦДКА и надел форму ВВС уже после гибели команды.

К моменту катастрофы команда ВВС с 14 очками после девяти матчей шла второй, отставая от ЦДКА на четыре очка. 2 января лётчики проиграли лидеру принципиальный матч — 1:2 (победную шайбу забросил Бабич), а 5 января они разгромили ленинградское «Динамо» — 13:1.

Лётчики готовились выехать на Урал. Им предстояли матчи в Челябинске и Свердловске. Однако руководил подготовкой уже не Матвей Гольдин, а в качестве играющего тренера защитник Борис Бочарников. Гольдин же в очередной раз был отстранён. Его

прегрешение состояло в том, что после проигранного в декабре матча московскому «Динамо» он поздравил с удачной игрой своего воспитанника Василия Трофимова. Свидетелем этого оказался Василий Сталин, который воспринял похвалу сопернику болезненно. Как оказалось, та вспышка гнева спасла Гольдину жизнь. Но вопреки часто используемому в различных публикациях «красивому» сюжетному ходу, будто бы Сталин объявил тренеру о немедленной отставке, поводом для неё стало последующее поражение от ЦДКА. Раздражение шефа команды было вызвано ещё и тем, что во встрече с ЦДКА не принимал участия Бобров.

Отправились лётчики на Урал не в полном составе. По различным причинам отсутствовали Бобров, Виноградов и Шувалов.

Александр Виноградов не имел права играть, поскольку в матче с ЦДКА по неосторожности коньком разрезал щёку Михаилу Гащенкоу, за что был удалён с площадки и получил трёхматчевую дисквалификацию.

Стремившийся побывать в родном Челябинске Виктор Шувалов не получил на это разрешения Василия Сталина, который рассудил, что его скорое появление перед своими болельщиками в составе другой команды может привести к ненужным осложнениям.

Шувалов вспоминал в одном из интервью: «До этого мы крупно победили ленинградское “Динамо”. Сталин заглянул в раздевалку: “Красавцы! Поздравляю!” Тренер Борис Бочарников говорит: “Следующий матч в Челябинске. Передают, холод собачий, под тридцать. Надо бы пораньше полететь, акклиматизироваться”. — “Заказывайте самолёт”.

Тут взгляд на меня упал: “Шувалова не берите. Мало ли что”. Я же в ВВС только-только из Челябинска перешёл, меня там изменником считали.

— *Что-то Сталину ответили?*

— “Василий Иосифович, играть в Челябинске не буду, но позвольте с командой поехать. Родителей полгода не видел”. — “Нет!” Вот и весь разговор. Я нападающему Васе Володину передал маленький чемоданчик: “Здесь подарки. Сестра в гостиницу подойдёт, заберёт”. И полетел чемоданчик вместо меня.

— *Вы провожали команду?*

— Да. Вылетали с аэродрома на Ленинградском проспекте. Сначала говорят: “Не дают вылет”. Холодно, позёмка. Мы расселись в домике, стали в карты играть. Четверть часа прошло — кто-то кричит: “Разрешили вылет!” Закинули вещи в самолёт, тот вырулил на полосу — мы с администратором Кольчугиным посмотрели ему вслед и пошли. Он меня на “газике” домой завёз».

О том, почему отсутствовал на борту самолёта Всеволод Бобров, существует несколько версий. Во всех подробностях они изложены в книге Анатолия Салуцкого. Если обозначить их коротко, то сводятся они к двум сюжетам. Первый: накануне раннего вылета Бобров засиделся в ресторане и не смог своевременно проснуться. Второй: спортсмена подвёл непрозвонивший будильник.

В первом случае брали на себя смелость излагать события не названные Салуцким литераторы, которые якобы являлись участниками совместного с Бобровым ресторанного застолья, указывая при этом один на «Арагви», а другой — на «Москву».

А вот у варианта с будильником нашлись неопровержимые свидетельства. Подробности мы приведём ниже, а пока констатируем, что различные версии случившегося тогда с Бобровым продолжали множиться и в дальнейшем.

Близко друживший с Бобровым журналист Владимир Пахомов утверждал, что подвёл Всеволода не

домашний будильник. Будь он дома, порученцы Сталина нашли бы его и доставили от Сокола на аэродром. Звучит это вполне резонно, поскольку расстояние было невелико (самолёт вылетал с тогдашнего Центрального аэродрома на Ленинградском проспекте, на месте которого ныне расположен Аэровокзал), и в таком случае вылет могли и задержать. Следовательно, делает вывод Пахомов, Бобров проводил время в дружеской компании в чужой квартире, где остался ночевать и проспал.

А новые одноклубники Боброва Виктор Шувалов и Николай Пучков всякий раз в поздних интервью утверждали, что у Всеволода ещё не были оформлены документы о переходе, а значит, отправиться с командой он не мог.

В документальной повести Игоря Маринова «Ватага Василия Сталина» приводятся слова Николая Пучкова о том, что Бобров не любил летать и всякий раз, когда имелся выбор, предпочитал поезд. Поэтому, мол, он, решив вопрос перехода, и отправился догонять команду на поезде.

Скорее всего, Пучков несколько спутал события. О транспортных пристрастиях Боброва в предыдущие годы он вряд ли мог знать, а аэрофобия могла у того возникнуть именно после гибели команды. Что и подтверждают хорошо его знавшие.

Следует оговориться, что лётчики могли успеть добраться до Челябинска и на поезде. В их распоряжении было четыре дня, а путь составлял два. Но инициативу проявил сменивший Гольдина Борис Бочарников, который, узнав, что в уральском городе стоят морозы, решил прибыть туда пораньше, дабы привыкнуть к условиям и потренироваться.

Вопреки утверждениям партнёров, переход из ЦДКА в ВВС Боброву удалось документально решить до

Нового года, и право играть за лётчиков в уральском турне он имел. Более того, Всеволод мог принять участие в матче против ЦДКА, однако предпочёл исчезнуть. Ещё одна загадка? Похоже, но только на первый взгляд...

Процитируем книгу Салуцкого: «События разворачивались перед самым Новым годом, когда в Москву из Ленинграда приехал на зимние каникулы шестнадцатилетний Борис Бобров, учившийся в то время в Нахимовском училище. Он находился в квартире брата на Соколе, когда туда приехал порученец командующего Яков Охотников, впоследствии большой друг Всеволода Боброва, работавший администратором футбольно-хоккейной команды ВВС в тот период, когда её тренировал Бобров.

Не застав Всеволода дома, Охотников погрузил Бориса в машину, отвёз его в штаб округа, посадил около телефона и приказал подряд обзванивать всех друзей и знакомых Всеволода, чтобы разыскать его. Борис добросовестно трудился свыше трёх часов, однако телефонные розыски оказались безрезультатными, и нахимовца отвезли домой».

Всеволод Бобров сам «вышел из подполья» после того, как матч между командами ЦДКА и ВВС состоялся. Своенравный Бобров просто не захотел трепать себе нервы — не лучший момент для дебюта за новую команду. Хотя в скором времени в футболе, как мы уже знаем, подобное имело место. Важнее другое — Бобров уже мог сыграть за ВВС.

Салуцкий продолжал: «Этот случай, о котором вспоминают Яков Яковлевич Охотников и Борис Михайлович Бобров, свидетельствует о том, что Всеволод уже имел право выступать за команду ВВС, а значит, должен был лететь в её составе на Урал. Шувалов и Виноградов об этом могли не знать, так как

Бобров до поездки в Свердловск и Челябинск ни разу за ВВС так и не сыграл.

Но что же произошло на самом деле?

Произошёл до предела простой и в то же время поистине невероятный, можно сказать, нелепый случай, который спас Всеволоду Боброву жизнь. Всеволод Михайлович так описывает его в набросках своих мемуаров (записанных в 1953 году), которые он озаглавил “Капитан олимпийских команд”:

“То, о чём я сейчас собираюсь рассказать, является для меня настолько странным и необычным, а события настолько тягостными, что когда я об этом вспоминаю, то, что произошло много лет назад, стоит перед моими глазами настолько отчётливо и живо, будто бы это было лишь несколько дней назад.

Перед самым Новым годом был подписан приказ о моём переводе в ВВС МВО. Новый коллектив, новые товарищи, среди которых было много выдающихся хоккеистов — всё это было интересно, но с особенным интересом я ждал первых игр в новом коллективе. Через несколько дней после Нового года я со своей командой должен был вылететь на Урал, в Свердловск и Челябинск, там предстояли очередные игры на первенство СССР по хоккею.

Вылет был назначен на 6 часов утра. Как сейчас помню, придя домой, я завёл будильник, поставив его на 4 часа утра. И ещё, кроме этого, сказал своему младшему брату Борису, чтобы он, услышав звон будильника, разбудил меня. Но, проснувшись в седьмом часу утра, я увидел, что будильник остановился ещё ночью, а братишка сладко спал. Проспал! А ребята, наверное, улетели. Что же теперь делать? И как бы в ответ на это кто-то стал отчаянно звонить в квартиру.

Это был администратор хоккейной команды Н. А. Кольчугин:

— Михалыч, спишь?

— Проспал, Николай Александрович. Как теперь быть-то?

— Ну что ж делать? Поедем вечером поездом. Ты уж будь дома, а я побегу за билетами. С вокзала позвоню тебе.

Да, подумал я, нехорошо получилось, и с будильником что-то стряслось».

Борис Михайлович Бобров к этому описанию добавлял: «Всеволод пришёл домой примерно в десять вечера, и около одиннадцати мы улеглись. Наши кровати стояли рядом, а в головах находилась тумбочка с будильником. Будильник был старый, проверенный и надёжный, никогда раньше не отказывал. Всеволод его завёл и передал мне, а я, хорошо помню, когда ставил его на прикроватную тумбу, ещё раз на него взглянул и приложил к уху — на всякий случай, по привычке. Всё было в порядке!

Почему он остановился и не зазвонил — одному богу известно! “Судьба Евгения хранила”!.. Единственное, что я могу сказать совершенно твёрдо и определённо, это то, что я проснулся от звонка. Но звонил не будильник, это был длинный звонок в дверь — пришёл администратор Кольчугин. Я вскочил и открыл ему дверь. И когда он вошёл в комнату, то первыми его словами были: “Михалыч, как же так? Ты опоздал на самолёт!”

Незазвонивший будильник спас жизнь и Кольчугину. Он уже сидел в самолёте, когда ему приказали передать чековые книжки, подотчётные деньги, а также другие командировочные документы Бочарникову и отправляться на поиски Боброва, причём разыскать его любой ценой. Поскольку совсем недавно Всеволод увильнул от игры в составе ВВС, у командующего возникли подозрения, что Бобров вообще раздумал выступать за команду лётчиков. Именно поэтому задерживать самолёт в надежде на то,

что Всеволод просто слегка запаздывает, казалось бессмысленным, тем более что погода была неустойчивой и аэродром мог снова закрыться.

— Разыскивайте Боброва и догоняйте команду на поезде, — сказал генерал Кольчугину».

Последняя фраза у Салуцкого приписывается шефу команды. Однако же маловероятно, чтобы он в столь ранний час присутствовал при вылете команды. Скорее решение принял сам Бочарников.

Продолжим изложение по книге Салуцкого: «Дальнейшие события хорошо известны. Обнаружив Всеволода, Кольчугин попросил его никуда из дому не уходить и немедленно помчался за билетами. Вечером того же дня Бобров и Кольчугин благополучно сели в поезд и выехали в Челябинск. На Казанском вокзале их провожали Борис и Николай Демидов — “Кокач”, который является ещё одним человеком, знающим истинные обстоятельства “чудодейственного” спасения Всеволода Боброва.

Через два дня в квартиру Боброва пришли сумрачные Александр Виноградов и Владимир Венёвцев. Они попросили Бориса поискать запасные клюшки и коньки Всеволода. Борис полез на антресоли, достал комплект хоккейной амуниции и, отдавая его Виноградову, с опаской спросил:

— А Сева приедет — он мне не врежет?

Виноградов ответил мрачно:

— Не врежет... Команда разбилась.

Когда поезд Москва — Челябинск стоял в Куйбышеве, о трагическом известии узнал и Всеволод Михайлович. По вокзальному радио объявили: “Майора Боброва просят немедленно зайти в вокзальную комендатуру”. Там, в комендатуре, Всеволоду и сообщили о гибели команды ВВС в авиационной катастрофе.

Хоронили погибших торжественно, с подобающими воинскими почестями и салютом. Над братской могилой воздвигли обелиск. Каждый раз, когда Всеволод Бобров приезжал в Свердловск, он первым делом отправлялся на кладбище около кольцовского аэродрома, умудряясь даже в зимнюю стужу доставать где-то живые цветы».

В приведённом фрагменте содержится небольшая неточность: в ту пору Бобров по воинскому званию являлся ещё старшим лейтенантом.

Имеет хождение история о том, как гипнотизёр и ясновидящий Вольф Мессинг будто бы нанёс визит Иосифу Сталину и настоял, чтобы тот велел Василию, собиравшемуся отправиться с командой в Свердловск, проделать этот путь на поезде. Об этом можно прочитать в книге Вардена Стронгина «Вольф Мессинг. Судьба пророка». Вошёл подобный эпизод и в телесериал «Вольф Мессинг: видевший сквозь время», снятый по одноимённому роману киносценариста Эдуарда Володарского.

Стронгин взялся развивать тему, указав, что Сталин-младший и в самом деле выехал на Урал поездом, якобы прихватив в компанию Всеволода Боброва и Александра Виноградова. Уж этого-то произойти никак не могло — в дальние поездки занятый на службе Василий с командой не ездил. Тем более о том, какие обстоятельства сложились тогда у названных хоккеистов, читателям известно.

Ничего общего с действительностью этот вымысел не имел. Легендой назвал эту историю в книге о Вольфе Мессинге (в серии «ЖЗЛ») Борис Соколов, отметивший, что в мемуарах самого Мессинга о катастрофе в Свердловске нет никакого упоминания.

Самолёт, в котором находилась команда, 7 января 1950 года потерпел крушение на подлёте к Свердловску. Почему там, если пунктом назначения был

Челябинск? Военный «Дуглас», на котором летели хоккеисты, взял курс на Свердловск из-за плохих метеоусловий — аэропорт Челябинска был закрыт.

Погибли 11 хоккеистов: вратари Николай Исаев и Харий Меллупс, защитники Борис Бочарников, Роберт Шульманис и Евгений Воронин, нападающие Василий Володин, Юрий Жибуртович, Зденек Зигмунд, Александр Моисеев, Иван Новиков, Юрий Тарасов.

Командиром корабля (СИ-47, попросту — «Дуглас»), входившего в авиаполк особого назначения, который обслуживал членов правительства, был 38-летний майор Иван Зотов. Военный лётчик, орденосец, он в 1947 году доставлял делегацию во главе с министром иностранных дел В. М. Молотовым на Парижскую мирную конференцию. Перед этим полётом Зотов вернулся из Тегерана, куда доставил следующего министра иностранных дел А. Я. Вышинского.

В полёте пилоты получили сообщение о том, что Урал по метеоусловиям не принимает. Пришлось совершить вынужденную посадку в Казани. Оттуда Бочарников связался по телефону с командующим. Лётчики получили приказ взять курс не на Челябинск, где был слабо оснащённый аэродром, а на Свердловск. Это была правительственная трасса, которую Зотов знал как свои пять пальцев.

Помимо плохих метеоусловий посадка была осложнена ещё одним обстоятельством. В тот момент полоса потребовалась разом трём самолётам, и неожиданное прибытие военного борта стало для диспетчеров нежелательным добавлением. Не без труда посадив гражданские самолёты, ни диспетчеры, ни работники аэропорта, наблюдавшие несколько попыток низколетевшего военного самолёта зайти на посадку, больше его обнаружить не смогли — ни по приборам, ни визуально.

Объяснялось это в дальнейшем так. Земля дала команду включить фары, но из-за того, что машину окружала сплошная снежная мгла, свет фар стал отражаться и падать на самолёт. Включены были на полную мощность и прожекторы, стоявшие вдоль посадочной полосы. Предполагают, что этот неожиданный световой эффект пассажиры восприняли как пожар в носовой части и устремились в хвост самолёта. Происходило это на небольшой высоте от земли. Центровка оказалась потерянной, выровнять «Дуглас» пилот не сумел, и он рухнул на землю поблизости от аэродрома.

В акте расследования говорилось, что командира корабля подвела неудовлетворительная организация руководства полётами. Рядом с Кольцовом, куда садился самолёт, находился другой аэродром — Арамилъ. Из-за халатности наземных служб приводные радиостанции на обоих аэродромах работали на одних и тех же частотах. Штурман попал на волну Арамиля, поэтому лётчики, получая команды с одного аэродрома, пытались приземлиться на другом. Потеряв пространственную ориентировку, самолёт за пределами аэропорта с высоты тридцати метров рухнул на землю...

Погибли все 19 человек, находившиеся на борту: шесть членов экипажа, 11 игроков, врач Зиновий Альперин и массажист Алексей Галкин.

Считали погибшим и Гольдина, поскольку на борту самолёта было найдено его служебное удостоверение...

В своих публикациях о гибели команды ВВС Владимир Пахомов сообщал, что Василий Сталин, который в экстренном порядке собрал новый состав и отправил его на следующий день поездом в Челябинск, скрыл от игроков случившееся. Якобы он сказал, что самолёт произвёл вынужденную посадку в Свердловске, в результате чего большинство хоккеистов не могут играть.

Эта информация неверна. Представьте, как бы отреагировали игроки, узнав истинную причину столь неожиданных перемен. Командующий действительно взял грех на душу, но не в этом случае.

Виктор Шувалов рассказывал: «У меня на Хорошевке была комната в коммуналке. Вечер. Вдруг приезжает бледный Миша Степанян, адъютант Василия Иосифовича: “Собирайся, “Хозяин” вызывает!” Двинули в штаб Военно-воздушных сил на Ленинградском проспекте. В приёмной уже Сашка Виноградов, ещё несколько хоккеистов. Спрашиваю: что случилось? “Да что-то с ребятами...” Минут через десять Степанян дверь открывает: “Заходите!”

И слышим: “Несчастье — команда в Свердловске при посадке разбилась, все погибли. Вам нужно собираться, ехать поездом в Челябинск и играть матч...”

Эта игра состоялась в день, предусмотренный календарём, и никто из зрителей не догадался, что с “Дзержинцем” встречались не те соперники. Из прежнего состава в живых остались Бобров, Виноградов и я. Всего нас было восемь человек, в том числе даже футболисты. Помню, в тройке со мной играли Бобров и футболист Анисимов».

В данном случае память Шувалова подвела. Анисимов не привлекался в команду. Это могли быть Анатолий Архипов либо Александр Афонькин.

Николай Пучков вспоминал: «За мной приехали ночью. Сказали, что вызывает командующий, посадили в машину. Собрали нас человек шесть — молодых и тех, кто поопытнее, но не проходил в основной состав. Вошли в кабинет Василия Иосифовича, и он объявил нам о том, что произошло. При этом рыдал. Потом успокоился и сказал, что всем нам надо выезжать в Челябинск играть — Всеволод Михайлович уже ждёт. И мы успели на матч к назначенному времени!

Хорошо помню счёт своего первого матча: выиграли у “Дзержинца” 6:3. Партнёры хвалили. Видимо, просто хотели подбодрить, дебют всё же. На самом же деле игру тогда сделал Бобров.

Следующий наш матч, который должны были провести в Свердловске, отменили. Все поехали на похороны погибших ребят...»

В действительности матч в Челябинске был сыгран на сутки позже, чем было запланировано. А встреча ВВС со свердловчанами не состоялась, была перенесена на март.

Поначалу решили хоронить погибших втихую из-за боязни огласки, но вмешался командующий Уральским военным округом Георгий Константинович Жуков. «Маршал Победы» распорядился, чтобы похороны прошли прилюдно, с воинскими почестями, в присутствии родных и близких. Венков оказалось столько, что они не поместились в траурном зале, коим стал деревянный поселковый клуб в Кольцове.

Николай Пучков рассказывал: «В Свердловске пришли в ангар, где они лежали. Были все, родители, жёны. Приехали из Москвы Анатолий Тарасов, Владимир Никаноров, Михаил Орехов — цеэсковцы... Земля, всё перемешано, тела просеяны металлом. Блеснул новенький погон майорский — Бориса Бочарникова, звание ему только-только присвоили...»

Хоккеистам ЦДКА на следующий после похорон день предстоял матч с местным «Динамо». Ничто не должно было нарушить ритма жизни Советской страны...

«Про гибель ВВС ни одна газета не написала, — вспоминал Виктор Шувалов. — Но “сарафанное радио” разлетелось моментально. Челябинск знал, что команда погибла, и против меня никаких провокаций не было. И после тоже. А из Челябинска мы поехали в Свердловск.

Повели нас в ангар, где лежали трупы и вещи с разбитого самолёта. Вот это было страшно...

Около аэродрома целый посёлок — для obsługi. Сельский клуб. На сцене выставили 19 гробов, обтянутых красной материей. Думаю, в них землю подсыпали, чтоб хоть что-то весили. Подходили открытые “студебеккеры”, солдаты выносили гробы. На краю кладбища вырыли большую могилу на 6 человек экипажа и 13 членов нашей команды.

Потом возле аэродрома Кольцово установили гранитный обелиск, выбили все фамилии. Когда бывал с ВВС и ЦДСА в Свердловске — всегда заказывали автобус до кладбища. Цветы клали...»

Народу годами внушали, что советская авиация лучшая в мире, а наши пилоты летают выше, дальше и быстрее всех остальных. Ни непосредственно после авиакатастрофы, ни в дальнейшем на протяжении 19 (!) лет в печати не появлялось сообщений о ней. Как отмечал Владимир Пахомов, ему с невероятным трудом удалось пробить такую публикацию в еженедельнике «Футбол-хоккей» лишь в январе 1969 года.

Анатолий Сеглин вспоминал: «Василий Иосифович чтит память погибших, оказывал помощь их родственникам. Это был бесподобный человек, который очень любил спорт, поднимал не только игровые виды, но и плавание, лыжи... Он бросил всё и принялся создавать хоккейную команду заново, что ему удалось блестяще».

Эту команду ВВС пополнили игроки, уже известные болельщикам по предыдущему сезону: Борис Тропин, Андрей Чаплинский, Анатолий Архипов, Александр Афонькин, Александр Стриганов. Добавились и молодые: Николай Пучков и Виктор Тихонов — будущие заслуженные тренеры СССР.

Однако даже в отчётах о матчах упоминались только Бобров, Виноградов и Шувалов. Авторы остальных заброшенных шайб не персонифицировались, их именовали просто — лётчики... Легализовались, кроме названных, ещё две привычные болельщикам фамилии — Жибуртович и Моисеев, хотя это были младший брат Юрия Жибуртовича Павел и однофамилец Александра Моисеева Анатолий. Фигурировал также в последующих воспоминаниях однофамилец Василия Володина Юрий (проявивший себя как футболист), но в статистических данных мы его не обнаружили.

Услышав поначалу в объявлении диктора стадиона «Динамо» знакомые фамилии, даже рьяные поклонники лётчиков пришли в смятение, решив, что слухи о гибели команды не соответствуют действительности. «Дьявольской задумкой» назвал этот ход Василия Сталина Владимир Пахомов.

Очевидцы отмечали, что именно в сезоне 1950 года Всеволод Бобров играл с особым вдохновением. Став капитаном и играющим тренером команды, в Челябинске он забросил четыре шайбы из шести. Подобного успеха он добивался ещё трижды. А в Ленинграде, где лётчики сокрушили местное «Динамо» со счётом 16:6, Бобров отличился восемь раз.

Львиную долю шайб, заброшенных в январе—марте в тринадцати матчах, забила первая тройка, где поначалу вместе с Бобровым и Шуваловым играл Архипов, а заканчивал чемпионат с ними добившийся перехода Бабич. На счету Боброва было 36 голов, а Шувалова — 27.

Опередив остальных по результативности (это был рекорд по числу голов в одном чемпионате — 131), хоккеисты ВВС не вошли в число призёров. Они отстали на два очка от финишировавшего вторым московского

«Динамо» и на одно от «Крыльев Советов», над которыми имели перевес в личных встречах. По два раза «матрасники» (было у жёлто-голубых и такое прозвище) уступили в том турнире чемпиону ЦДКА и московскому «Динамо». Особенно болезненным было поражение от армейцев — 1:9, ставшее самым крупным в истории команды. Именно после него раздосадованные лётчики учинили разгром на берегах Невы.

Повелось считать, что не позволило им войти в число призёров поражение в Риге от местного «Динамо» — 3:4, команды, занявшей лишь шестое место. Партнёры Виктора Тихонова рассказывали, что будущий наставник непобедимой сборной СССР, считая себя виноватым в решающей шайбе, в раздевалке пустил слезу.

Спустя годы Николай Пучков высказался так: «Думаю, не случись трагедии, ВВС удалось бы уже тогда стать чемпионом. Нам, молодым, было всё-таки сложно вынести на себе груз ответственности. Но золотые медали были завоёваны позже, через год. Наш состав ещё больше усилился, команда заиграла, как и прежде, здорово».

Ряды ВВС ежегодно пополнялись, как опытными, так и способными молодыми хоккеистами. Под эти знамёна перешёл из ЦДКА вратарь Григорий Мкртычан, из «Крыльев Советов» пришли защитник Игорь Горшков и нападающие Пётр Котов и Юрий Пантюхов; защитник Револьд Леонов ранее играл за московское «Динамо», а нападающие Владимир Новожилов и Анатолий Викторov — за московский «Спартак» и ленинградское «Динамо» соответственно.

Игорь Маринов писал в своей документальной повести «Ватага Василия Сталина»: «Преображённая, заново родившаяся команда ВВС во главе с Бобровым,

капитаном и играющим тренером, показывала искромётный хоккей, тактически оригинальный (тогда уже вполне проявились тренерские достоинства Боброва), неизменно побивала всех соперников, в том числе ЦДСА под водительством Анатолия Тарасова.

Три сезона подряд — с 1951 по 1953 год — эскадрилья ледовых лётчиков заканчивала чемпионат Советского Союза на первом месте, оставляя за спиной столь же неизменно вторых армейцев. Слава Боброва, его команды, тройки гремела необычайно.

Но должен заметить, что за ВВС, как за команду, не очень-то болели. Московский зритель, да и вообще российский, без почтения относится к принципу формирования команд способом пенкоснимательства, который так пришёлся по душе Василию Сталину. Но болели за Боброва, за Шувалова, за Бабича, за Виноградова. Болели за отдельных личностей из ВВС, за звенья. В некотором роде так проявлялась любовь к чистому искусству, свободная от ведомственных и даже сердечных привязанностей. Мне представляется такая черта наиболее симпатичной и ценной в облике подлинного тонкого любителя спорта».

Малое количество болельщиков у ВВС объяснялось скорее наличием в Москве достаточного числа команд с устойчивой репутацией, с давней сложившейся болельщицкой аудиторией. Да и откуда взяться болельщикам, когда у команды не было ни корней, ни традиций, ни собственных воспитанников. Зрители собирались на матчи лётчиков, чтобы посмотреть на чемпионскую игру и, не будем сбрасывать со счетов, из сочувствия к команде, сумевшей устоять после трагедии.

Спартакowski защитник Анатолий Сеглин признавался: «Когда мы играли в хоккей с ВВС, то народ всегда болел за нас. Спартакoвцев в то время очень уважали, а ВВС называли перекупщиками. Однако

я об этой команде всегда отзывался только с хорошей стороны. То, что не пошёл туда, — это одно. Но всегда уважал и буду уважать и коллектив, и его игроков. Это были лучшие хоккеисты того времени...»

За три чемпионских сезона команда ВВС потерпела лишь два поражения, уступив в сезоне 1952 года ЦДСА, а в 1953-м — московскому «Динамо». И неизменно лучшим бомбардиром становился Всеволод Бобров. В 1951 году на его счету было 42 шайбы, в 1952-м — 37. А когда в сезоне 1953 года Бобров после очередной операции пребывал «за кадром», появляясь на хоккейных матчах на костылях, самым результативным стал Виктор Шувалов — 44 шайбы.

В ходе сезона 1951 года Всеволод Бобров установил рекордное достижение, которое пока никто не превзошёл: в матче с ленинградским «Динамо» он забил десять шайб!

В 1952 году команда ВВС первой сделала «золотой дубль». Но дались те победы очень трудно. В чемпионате важнейший матч у ЦДСА удалось выиграть с минимальным преимуществом (3:2) во многом благодаря отличной игре вратаря Григория Мкртычана. Голкипер лётчиков стал и героем переигровки за чемпионское звание. И вновь счёт решающей баталии был 3:2. В первом из названных матчей на счету Боброва была третья, решающая, шайба, а во втором — две.

Первым в кубковых финалах Бобров забил в ворота соперников три шайбы. Проходил он весьма драматично. Во втором периоде соперничества с «Крыльями Советов» при счёте 4:2 в пользу лётчиков Всеволод заработал пятиминутное удаление. Появившись на льду уже при счёте 5:3, Бобров забросил шестую шайбу. Но затем разрыв сократился до минимума, и всё же лётчики отстояли победу — 6:5.

Григорий Мкртычан отмечал вклад Боброва в эти победы: «Поражала его ответственность перед зрителями. Даже не совсем здоровым, он играл с полной отдачей и не прощал никому из нас игры вполсилы».

В своей книге Анатолий Салуцкий писал: «Когда Всеволод Бобров стал тренером, в отличие от Анатолия Тарасова ему не пришлось “работать на авторитет”. Он брал в руки клюшку, показывал, что и как надо делать с шайбой, и этот наглядный пример становился аксиомой, не требующей ни пояснений, ни доказательств, поскольку исполнение было совершенным. Поэтому уважение игроков к Боброву, всё делавшему лучше них, постоянно возрастало. Вдобавок, занятия, которые проводил Всеволод в период чемпионатов, содержали большое количество двусторонних игр, что тоже очень нравилось хоккеистам.

Спортсмены-лётчики жили на своей маленькой базе в Тушине и после завтрака сразу выходили на лёд. Бобров практически не контролировал игроков, стремился сделать их своими единомышленниками, полностью рассчитывая не столько на сознательность своих подопечных, сколько на их любовь к хоккею, которую старался подогреть игровым стилем тренировок. Всеволод по складу своей натуры всегда — и в спорте и в жизни — оставался человеком вольницы, вихря, а потому занятия со спортсменами не втискивал в жёсткие регламентированные рамки. И сам тренировался как все: он очень любил работать с вратарями, оттачивая броски, и посвящал этому занятию львиную долю времени.

Но особенно нравились игрокам ВВС разборы, которые Бобров устраивал после каждой игры. Хвалил Всеволод Михайлович редко, однако и критика его была не разносной. Он просто указывал абсолютно каждому

хоккеисту на его ошибки в конкретных ситуациях, которые воспроизводил с фотографической точностью. Павел Жибуртович вспоминает, что даже после победных игр с сильными соперниками Бобров всё равно в обязательном порядке делал всем советы-замечания. И в этой связи приводит слова одного из динамовских тренеров последующего поколения, который говорил, что предпочитает формулировать недостатки лишь в общем виде, без персональных замечаний, поскольку это, мол, травмирует игроков.

Между тем игроков команды ВВС замечания Боброва не только не травмировали, а, наоборот, побуждали тренироваться ещё упорнее, хотя их почти не контролировали. И непреложный факт заключается в том, что все три года, пока Всеволод Михайлович Бобров тренировал команду ВВС, она неизменно становилась чемпионом страны».

Вот что рассказывал о Боброве-тренере его партнёр по звену Виктор Шувалов в интервью «Московскому комсомольцу»: «Как тренер — если сам не выходил на поле или на лёд — был очень демократичным. Даже в последние годы своей тренерской карьеры. В своих командах он с самого начала ввёл такую интересную практику. Сначала действия второй пятёрки разбирала первая пятёрка, потом действия третьей — вторая. Потом весь матч разбирал тренерский совет, куда входили Бабич, Виноградов, Мкртычан и ещё кто-то из самых опытных игроков. И потом уже всё подытоживал сам Всеволод Михайлович. Решения принимал он сам, но к дельным высказываниям прислушивался, даже если исходили от юнцов. Тренером он был хорошим, даже выдающимся».

В то время как Бобров продолжал из года в год брать верх над командой Тарасова и доказывать, что является сильнейшим игроком в советском хоккее,

Тарасов продолжал, по меткому выражению своего принципиального оппонента, «потеть впустую».

Он силился изобрести на ледовой площадке нечто такое, что могло повергнуть конкурента. В частности, Тарасов стал отрабатывать некий приём, который показался ему новым тактическим оружием. Вновь обратимся к книге Анатолия Салуцкого: «Он изобрёл широко известный в своё время “слепой пас”, суть которого сводилась к следующему: владея шайбой, нападающий смотрит в одну сторону, демонстрируя желание отдать шайбу, скажем, на левый край, а в действительности пасует её на правый, где в полной готовности уже ждёт партнёр. Этот приём несколько раз приносил Тарасову успех в матчах с малоопытными соперниками. Но зато в играх с сильными противниками он порой приводил к неудаче. В частности, Виктор Шувалов, игравший в команде ВВС и быстро изучивший суть “слепого паса”, несколько раз хитро перехватывал передачу Тарасова и забивал армейцам голы, ведь, глядя влево, Тарасов не видел Шувалова и, действуя “по инструкции”, вместо того чтобы отдать шайбу партнёру, выкладывал её точно на крюк противнику.

Справляться с Всеволодом Бобровым соперникам было несравненно труднее. Дело в том, что не только защитники, но даже сам Бобров до последнего мгновения не знал, что будет делать с мячом или с шайбой. Он не заучивал, не зазубривал финты, а всегда импровизировал и каждый раз находил решение, которое было бы для защитника самым неожиданным. Любое движение Боброва являлось для противника загадкой. Это не значит, конечно, что Всеволод на тренировках не разучивал те или иные приёмы обводки. Но в отличие от подавляющего большинства игроков, которые в стремительном вихре атаки способны лишь удачно применять разученные финты, Бобров успевал

со скоростью компьютера оценить ситуацию и поступить не по наигранной схеме, а творчески».

«Скрытый пас», который Салуцкий почему-то обозвал «слепым», — одно из самых тонких игровых решений. Оно подвластно немногим, только тем, кого, как говорится, поцеловал Бог. А попытки применить его игроками заурядными, как в случае с Тарасовым, — оказывались безуспешными.

Обратимся к мнению стороннего наблюдателя Александра Нилина, изложенному в книге «Век хоккея»: «Генерал ВВС и до катастрофы самолёта над Свердловском нашёл пути к сердцам армейцев, живших, кроме Боброва, по сверхзаселённым коммуналкам и подвалам, а то и не в Москве, выполненным обещанием помочь с приличным жильём. Через год картина изменилась — “ограбленный” армейский клуб не сразу пришёл в себя после потерь и скатился на четвёртое место. Сталинский же клуб выиграл, наконец, чемпионат — наивысшее достижение Василия Иосифовича на спортивном поприще.

Но в последующие два года армейцы, тренируемые Анатолием Тарасовым (продолжавшим ещё и играть), сопротивлялись новому лидеру никак не менее яростно и самолюбиво, чем прежде сопротивлялись им лётчики.

ВВС в матчах с переименованным в ЦДСА ЦДКА неизменно выбирали тактику, принятую затем Анатолием Тарасовым в армейском суперклубе шестидесятых—семидесятых годов: подавлять соперника с первых же минут, “делать результат” уже в первом периоде.

Хорошо помню две игры ВВС с ЦДСА в пятидесятых. Одна, между прочим, дополнительная, когда клубы армейцев и лётчиков подошли к завершению чемпионата с одинаковым количеством очков.

Оба матча развивались по одному и тому же сценарию. ВВС оба раза в первых периодах забрасывали

по три безответные шайбы — и дальше успокаивались. Армейцы, которым терять было нечего, играли, отбрасывая всякую мысль о губительности для них такого счёта, — и атаковали, атаковали (очень хороши были форварды Владимир Елизаров, поразивший потом канадцев-любителей в товарищеских матчах, и Александр Комаров, включённый в сборную страны пятьдесят четвёртого года), отыгрывали две шайбы, не давали команде Боброва вернуть инициативу, но и бывших одноклубников — защитников Виноградова и Жибуртовича — осилить не смогли...»

В этих строках есть неточности — не было трёх безответных шайб в первых периодах (лётчики выигрывали их со счётом 2:0), Павел Жибуртович играл за ЦДСА уже после расформирования команды ВВС, — но в данном случае важен верно переданный дух соперничества.

Николай Пучков рассказывал в интервью «Советскому спорту»: «Такой команды больше никогда ни у кого не существовало. И вряд ли будет. Команда была искусственно собрана Василием Иосифовичем Сталиным. В неё входили москвичи, ленинградцы, челябинцы. Люди все совершенно разные. Объединяло их одно — то, чего так не хватает многим сейчас. Это порядочность. Не припомню случая, чтобы кто-то поступил нечестно по отношению друг к другу.

В спорте, и в частности в хоккее, я прошёл большой путь. Со многими людьми пересекался, и в любой команде, как из старшего, так и из младшего поколения хотя бы кто-то в чисто моральном плане выпадал из коллектива, совершал те или иные некрасивые поступки. В ВВС такого не было. Почему? Потому что команда подбиралась не столько по мастерству, сколько по человеческим качествам. Впрочем, при этом и личности были великие — Всеволод Михайлович

Бобров, Евгений Макарович Бабич, Виктор Григорьевич Шувалов...

Мне трудно сказать, кто конкретно занимался комплектованием команды. Я был молодым и не вникал в эти дела. Но, по-моему, при селекционной работе учитывались любые нюансы.

В каждой команде есть взрослые люди и молодые. Первые обычно как-то ревниво смотрят на вторых, особенно если те способные и могут подвинуть, что ли, старших. И не всегда охотно делятся с молодёжью своими секретами. В ВВС был коллектив из умных, чутких учителей и желающих всё знать, уважающих опытных мастеров молодых игроков. Одни отдавали всё, что знали, а другие жадно схватывали это. Потому, считаю, команда и была непобедимой. И не думаю, что кто-нибудь смог бы победить её и в дальнейшем, продолжай она существовать».

На вопрос о якобы особых условиях в команде ВВС Пучков ответил: «Всё это ерунда. У молодёжи, к которой относился и я, условия были обыкновенные. Зарплата — 1200 рублей. Взрослые, наверное, больше получали, мне трудно сказать — не спрашивал никогда об этом. Помню только, что никто не строил из себя премьера. Самые яркие звёзды держались солидно, но в то же время просто, дружелюбно по отношению к остальным. Я знал, как в этом смысле обстоят дела в других командах. Там отношения были другие».

Журналист спросил Пучкова: был ли Всеволод Бобров непререкаемым авторитетом? «Не только он, — ответил тот. — Команда объединялась вокруг таких людей, как Всеволод Михайлович, Александр Николаевич Виноградов, Павел Николаевич Жибуртович, Виктор Григорьевич Шувалов, Анатолий Семёнович Викторов. Молодёжь, к которой кроме меня относились Виктор Тихонов, Виталий Артемьев, Владимир Новожилов, Юрий Пантюхов, буквально

смотрела в рот старшим. При этом мы ничуть не прогибались, не улыбались смущённо, а просто уважительно относились к авторитетным людям».

А Игорь Маринов завершил свою повесть так: «Как же расшифровать ВВС за вычетом известной военной аббревиатуры? “Взяли весь ‘Спартак’”? “Взяли всех спортсменов?”, “Ватага Василия Сталина?” Но если вникнуть в смысл, в нашу благодарность тем ребятам за смелость, мастерство, молодечество, если оценить нынешнюю приверженность своему делу ветеранов, то лучше так: “Великая Верность Спорту”».

ПЕРВАЯ ТРОЙКА

В истории отечественного хоккея значатся несколько превосходных атакующих звеньев. И открывает этот почётный реестр тройка Евгений Бабич — Виктор Шувалов — Всеволод Бобров. Сложилась она в таком составе в конце сезона 1950 года, когда после трагической гибели хоккеистов заново формировалась команда ВВС. Бабич получил разрешение на переход из ЦДКА и воссоединился с Бобровым. Шувалов в их звене занял место Тарасова.

Евгений Бабич вырос в спортивной семье. Его старший брат Николай был одним из сильнейших «русачей» в довоенные годы (он неожиданно скончался в 1944-м), играла в русский хоккей за «Буревестник» — клуб из Самарского переулка был родным для Бабичей — и сестра Надежда.

Изначально правый крайний в хоккее с мячом, Бабич в сезоне 1945 года поменял позицию. Как рассказывал автору книги одноклубник Евгения Александр Стриганов, тот сразу смекнул, какие шансы ему даёт непосредственное соседство с Бобровым. И с правого края перешёл на место левого полусреднего. Оказавшись рядом, Бабич предстал не только «подносчиком снарядов», но и ближним партнёром Боброва, с которым они могли постоянно взаимодействовать, чего пребывание на разных флангах не позволяло.

Бобров и Бабич отлично понимали друг друга не только на ледовом поле, они были близкими друзьями и за его пределами. Макарыч, так по отчеству звали Бабича в команде (друзья ещё короче — «Макар»), относился к Всеволоду с обожанием, старался делать с

него жизнь. С открытой душой был расположен к закадычному другу и Бобров, ценил его и всегда поддерживал.

Владимир Пахомов близко знал обоих: «Бобров и Бабиц вне спортивных арен оставались вместе — дружили семьями, к тому же жили недалеко друг от друга. Холостыми могли себе позволить, как принято говорить, грехи молодости. Но оба умели, даже будучи неженатыми, остановиться, дать возможность внутреннему голосу сказать “стоп!”, умели, что тот, что другой, тренироваться до иступления, а потом сыграть через “не могу” и все силы, без остатка положить на алтарь победы».

Верность дружбе Бобров и Бабиц хранили всегда. Вот ещё одно воспоминание Владимира Пахомова, относящееся к уже более поздним временам: «Бабиц, исключительно честный человек, в пылу иного спора мог в защиту Боброва наговорить оппоненту массу колкостей. Однажды, услышав, что Валентин Гранаткин, ответственный футбольный работник, распространяет про Боброва нелепый слух, Бабиц сначала вскипел, а затем настолько расчувствовался (к пятидесяти годам у него пошаливали нервы), что на глазах едва не появились слёзы. “Да как смеет говорить о Севке такое...”

В футболе Бабиц был игроком заурядным, в основном составе ЦЦКА он за несколько лет сыграл считаное число матчей и забил единственный гол. Однако этот факт Бобров счёл нужным упомянуть в зарисовке о своём друге в книге «Рыцари спорта»: «В матче с киевским “Динамо” Федотов и я вместе выбыли из строя. А впереди встреча с динамовцами Тбилиси, опережавшими нас на очко. Наш тренер Б. А. Аркадьев смело доверил ключевую позицию малоизвестному в футболе Бабицу. Южане потом говорили, что они готовы

были видеть в линии нашего нападения кого угодно, но только не Бабича.

Дальновидно поступил Аркадьев! Бабич оказался героем важного матча, на 8-й минуте он открыл счёт».

В своей книге Всеволод Бобров отметил исключительную честность и порядочность друга, наградив того ярким эпитетом — «камертон поведения». Когда команда находилась вдали от дома, «Макар» любил петь для своих товарищей народные песни и романсы, читал стихи Лермонтова и Есенина. Но за этим романтическим флёром крылись боевой спортивный характер Бабича, его постоянное стремление совершенствовать свою игру, готовность истязать себя на тренировках.

Всеволод Бобров писал: «Думаю, что особо надо подчеркнуть ещё одно неоценимое, выделявшее его среди всех нас, качество — игровое мужество Бабича. Он никогда не боялся силовой борьбы, всегда был в кипении жарких схваток, оставаясь при этом большим спортсменом и честным бойцом».

Если в футболе Бабич не блистал, то в хоккее был большим мастером. Полностью он раскрылся в хоккее с шайбой. Его грозным оружием были кинжальные проходы вдоль борта. Е1а пару с Бобровым они могли, понимая друг друга с полувзгляда, закрутить настоящую карусель в зоне соперников, сбивая их с толку.

Именно в воображении Бабича родилась комбинация с оставлением шайбы партнёру, когда один игрок на полной скорости, сближаясь с защитником, лишь имитирует бросок, а затем идёт на столкновение, создавая коридор подхватившему шайбу партнёру. Стоит ли объяснять, как распределялись роли в этом атакующем манёвре. Бабич был готов на любую жертву, чтобы дать другу возможность поразить ворота.

Эффект от этой комбинации был велик, неоднократно она приносила результат и в сборной. Именно так была заброшена шайба в ворота сборной США на победной Олимпиаде 1956 года. За четыре минуты до конца матча счёт был 1:0 в пользу сборной СССР, но чаши весов колебались. Американский вратарь Айкола признался потом, что в тот миг, когда Бобров подхватил оставленную Бабицем шайбу, он испытал ужас. Оттого что почувствовал, будто Бобров знает, куда ему надо бросать.

Бобров и в самом деле знал, после его броска в верхний угол ворот счёт стал 2:0. А расстроенный Айкола пропустил в оставшееся время ещё две шайбы.

Евгений Бабиц вошёл в историю отечественного хоккея и тем, что открыл счёт голам в официальных матчах сборной СССР на международной арене. Случилось это 29 января 1954 года в Тампере, где в рамках международного турнира советские хоккеисты выиграли у сборной Финляндии со счётом 8:1.

«Первый, впечатлительный, “Макар” отдавался игре без остатка, — писал Анатолий Салуцкий, — и бывали случаи, когда от перевозбуждения он даже плакал после окончания матчей, продолжая переживать перипетии ледовых сражений. В пылу хоккейных схваток, сгоряча Бобров иногда позволял себе даже прикрикнуть на Бабица, если тот случайно разрушал задуманную комбинацию. Однако это ни разу не омрачило трогательной дружбы двух замечательных спортсменов, между которыми сразу, с первого знакомства, установились ясные и простые отношения, известные в авиации — оба несколько лет выступали за клуб ВВС — как отношения между ведущим и ведомым».

Елена Боброва вспоминала: «Когда они сходились вместе, за ними было очень интересно наблюдать. У Бабица характер тот ещё, и Сева заводился с пол-

оборота. Они, наверно, вообще не могли разговаривать в нормальном тоне: шумели, спорили до хрипоты. Посторонние, впервые видя их “беседы”, опасались, что недалеко и до драки. Но это была лишь оболочка их отношений, глубоких, искренних, проверенных годами».

Бобров уверял, что внешне суровое, непроницаемое лицо «Макара» было всего лишь маской, защищающей житейски хрупкого товарища. Всеволод подмечал также в своём партнёре способность и тягу к тренерской работе.

К этим наблюдениям у нас ещё будет повод обратиться.

Центральный нападающий тройки Виктор Шувалов вырос на Урале, в Челябинске. Он хорошо проявил себя в местном «Дзержинце», был лучшим бомбардиром. В центре нападения действовал он и в футболе, где уральцы в отличие от хоккея с шайбой были только на подступах к высшему эшелону. Но не боги горшки обжигают. Шувалова и в Москву пригласили как футболиста. Перейдя в команду ВВС, он в первом же сезоне с шестнадцатью голами стал лучшим бомбардиром и был включён в список «33 лучших» футболистов страны.

В годы войны Виктор трудился на знаменитом Челябинском тракторном заводе (ЧТЗ), который был перепрофилирован на выпуск танков. Работал токарем, вытачивал детали для коробки скоростей тяжёлых танков. Но и после двенадцатичасового рабочего дня находил силы для футбола и хоккея.

Виктор Шувалов рассказывал: «Директор ЧТЗ Зальцман был страстным болельщиком и оказывал внимание футбольной и хоккейной командам. Сразу же по окончании войны на заводском стадионе была поставлена хоккейная “коробка”. В посёлке ЧТЗ наверху было футбольное поле, а внизу — тоже хоккейная

“коробка”. Зрители сначала стояли прямо на снегу, затем сделали деревянные трибуны.

Перед играми мы жили на сборах — в заводском доме отдыха. Перед матчами с особо сильными командами Зальцман всю команду приглашал к себе в кабинет. Спрашивал у тренеров, ребят, что нужно для победы...

Он всё делал для существования команды, и материально отмечал. При встрече с нами говорил: “Когда вы выигрываете, у меня на заводе даже производительность повышается! По цехам идёшь, и рабочие радуются: ‘Как вчера наши играли! Как выиграли!’ А когда проигрываете — все приуныли и не выполняют норму...”

В то время в Челябинск пригласили московских игроков: Загребцкого, Протасова, Эпштейна. Для рекламы, наверное...

Зальцмана называли “танковым королём”, поскольку во время войны с его мнением, говорят, считался сам Иосиф Сталин. Неудивительно, что держался он в Челябинске независимо, а это не понравилось партийным руководителям города и области, и на одной конференции, когда началась борьба с “безродными космополитами”, они добились наказания директора ЧТЗ. Когда Зальцмана уволили, интерес к спорту на заводе упал.

Но, на моё счастье, однажды в Челябинск приехал судья Сергей Владимирович Руднев, работавший тогда в ВВС, и уговорил меня переехать в Москву. Так я оказался в команде Василия Сталина».

Названные Шуваловым футболисты были из известных, но по числу титулов всех их вместе взятых превосходил защитник московского «Спартака» довоенных лет Виктор Соколов. Да и в качестве тренеров приезжали в Челябинск авторитеты столичного футбола Фёдор Селин и Виктор Новиков.

Перейдя в ВВС, Виктор Шувалов поначалу был вольнонаёмным, но в мае 1950 года стал лейтенантом. Он отставал от партнёров в званиях, но не в игре. Всеволод Бобров высоко ценил игровые достоинства Виктора Шувалова. Считал, что в печати ему уделяется значительно меньше внимания, чем он того заслуживает. С обидой воспринимал, что его партнёра пытались представить как выполнявшего в тройке лишь «черновую» работу, приносявшего пользу в основном в обороне.

В книге «Рыцари спорта» Бобров писал: «Хочу со всей ответственностью заявить, что Виктор был, прежде всего, нападающим, причём нападающим высокого класса, нападающим агрессивным, прекрасно оснащённым технически...

Высший класс его искусства бомбардира состоял в том, что Виктор не обрабатывал шайбу, не подлаживался под неё, а производил бросок мгновенно, с ходу, с передачи и, как правило, очень метко. Он всегда приводил этим в замешательство защиту и вратарей соперников».

Далее Бобров продолжал: «Да, мы умели и любили работать друг для друга. В этом был смысл существования нашей тройки, смысл нашей жизни на льду.

Вместе с тем, разумеется, у каждого из нас были свои особенности, своё творческое амплуа. Как Николай Сологубов был в нашем хоккее универсалом от обороны, так Виктор Шувалов — универсалом от нападения. Великолепный форвард, уралец отлично умел действовать в защите. Как только соперники перехватывали шайбу, Виктор неизменно занимал своё место у черты, почти в самом центре поля, грудью встречая накатывающийся на нас очередной наступательный вал...

Когда команда оказывалась на льду в меньшинстве, в неравном бою обязательно участвовал Виктор. Прежде всего Виктор, а потом уже назначались остальные».

Анатолий Салуцкий очень точно охарактеризовал натуру этого спортсмена: «Шувалов и по игре, и по характеру был ярко выраженным лидером — в “Дзержинце” он очень много забивал, выделялся среди других индивидуальным мастерством...

В одной тройке с Бобровым Шувалов оказался случайно — после авиакатастрофы, в которую попала команда ВВС. Сначала вместе с ними играл Анатолий Архипов, с которым Виктор легче нашёл общий язык, чем с маститым Бобровым, заставлявшим молодых партнёров снабжать его шайбой. Шувалов и Архипов очень часто отдавали ему пасы. Всеволод принимал шайбу на большой скорости, обводил одного-двух соперников и создавал опаснейшую ситуацию у чужих ворот, которая нередко заканчивалась голом.

Черновую работу Бобров не любил — это Шувалов понял сразу, в оборону, как правило, не откатывался. Поэтому тактика команды ВВС строилась таким образом, что защищались лётчики обычно вчетвером.

Но, как ни странно, забивали им очень редко. Вчетвером вполне удавалось справляться с нападающими противника.

Виктору Шувалову, прирождённому лидеру, любителю смелых прорывов, создавшаяся ситуация была не очень-то по душе, и он тяготился великим авторитетом Боброва, которому трудно было перечить. Всеволод без конца требовательно кричал на площадке: “Дай! Дай!” или выкрикивал своё знаменитое: “А!.. А!..”, которое означало, что он на полной скорости мчится к воротам соперников.

И однажды Шувалов не выдержал. В Ленинграде в матче с местным “Динамо” он вошёл в зону, всем своим видом показал защитнику, что собирается, как обычно, отдать шайбу Боброву, кричавшему своё: “А!.. А!..”, а сам легонько кинул её Архипову, который и забил гол. Когда звено ехало к центральному кругу, Всеволод сосредоточенно молчал, излишне пристально рассматривая свои коньки. Архипов шепнул Виктору: “Хорошо, что забил! Если б не забил... У-у, было бы разговоров!”

А спустя ещё несколько минут ситуация повторилась. Снова Шувалов пошёл на сближение с защитником Валентином Фёдоровым — да, да, с тем знаменитым, но уже погрузневшим, слегка отяжелевшим Валентином Фёдоровым, который ещё в тридцатые годы “положил глаз” на братьев Бобровых, — и снова Всеволод кричал: “Дай! Дай!” Шувалов опять имитировал пас Боброву на край, а сам с ходу обвёл Фёдорова, вышел на ворота по центру и сильно бросил шайбу. Увы, она попала в верхнюю штангу.

В перерыве Всеволод Бобров снял коньки и сказал начальнику команды Дмитрию Сергеевичу Теплякову:

— Играть больше не буду.

— Что такое? Почему? — взвился тот.

Бобров кивнул в сторону Шувалова:

— Или он пусть играет, или я. Шайбу он мне не отдаёт, что мне на льду делать?

Шувалов совсем упустил из виду, что матч проходит не где-нибудь, а в родном для Всеволода Ленинграде, и потому реакция Боброва была особенно обострённой: тысячи зрителей пришли именно “на него”. Впрочем, случись такое в любой другой игре, Бобров повёл бы себя точно так же.

Но кончилась размолвка благополучно: слегка поругались, а затем всё-таки вместе вышли на лёд и с блеском выиграли матч. Однако Шувалов в той игре

старался больше не экспериментировать, скрывал своё недовольство.

Вот так шероховато, ершисто начиналось партнёрство этих двух замечательных игроков.

Но в дальнейшем, когда в звено пришёл Евгений Бабич, положение стало существенно меняться. Быстро взрослевший и набиравшийся опыта Шувалов однажды сделал для себя любопытное открытие. Команда пропускала мало шайб и прекрасно справлялась в защите вчетвером, потому что... потому что Бобров постоянно дежурил у центрального круга и не играл в обороне.

Этот факт, казавшийся поначалу парадоксальным, объяснялся очень просто: в такой ситуации противник, нападавший на ворота команды ВВС впятером, подвергался колоссальному риску. Если кто-то из лётчиков отбирал шайбу, то немедленно пасовал её Всеволоду Боброву, и тут уж гол был неминуем. Поэтому соперники предпочитали не рисковать и отряжали для персональной опеки форварда одного из защитников. Впрочем, Боброву достаточно было убежать от защитника всего лишь один-два раза за весь матч — и игра была “сделана”...

Если же речь шла о более слабых командах, то они вынуждены были держать поближе к Боброву и второго защитника, заметно уменьшая свою атакующую мощь. Иными словами, было гораздо легче играть в обороне, потому что один из защитников соперника наверняка был оттянут назад, да и второй постоянно оглядывался, нападая вполсилы...

Когда Виктор Шувалов полностью осознал этот “фактор Боброва”, его отношение к тактике игры команды ВВС заметно изменилось. К тому же он видел, что Всеволод без конца требует паса не потому, что считает себя “премьером”, “звездой”, а из-за ненасытной страсти забивать, забивать и забивать. В

своей любви к атаке Всеволод Бобров был не волен распоряжаться чувствами, он рвался к воротам противника наперекор любым препятствиям. Николай Сологубов, который блестяще с приседом ловил на корпус нападающих и, распрямляясь, подбрасывал их так, что ноги у форвардов оказывались выше головы, не раз останавливал и Боброва. Но Всеволод даже в падении стремился достать шайбу и во что бы то ни стало ударить по воротам, забить гол.

В русском хоккее он отличался умением как гвоздь проходить сквозь “стенки” игроков, а в хоккее с шайбой всегда искал кратчайший путь к воротам, не любил забираться с шайбой в углы площадки, куда спокойно пропускают форвардов грамотные защитники. Но при таком стиле игры Бобров, естественно, зарабатывал немало синяков. Шувалов видел всё это и сумел по достоинству оценить мужество лидера своего звена...

Партнёры Всеволода Боброва в командах ВВС и ЦДКА отлично знали, что добиться такой феноменальной техники этому выдающемуся хоккеисту наряду с удивительными врождёнными качествами помог самозабвенный и радостный тренировочный труд. Окружённый морозным паром, выглядевший громадным на коньках и в хоккейных доспехах, как сказочный богатырь, Всеволод без устали кружил по льду и бросал, бросал, бросал. Шувалов видел, что Бобров вовсе не “хоккейный барин”, и на смену первоначальной ершистости приходило истинное уважение к великому игроку, глубокое понимание того, что “играть на Боброва” — в интересах всей команды.

В итоге “забойщик” Шувалов, обожавший брать игру на себя, превратился в очень умного и тонкого диспетчера, раздававшего шайбы крайним нападающим — Боброву и Бабичу. При этом он и сам забрасывал немало шайб своим знаменитым броском-щелчком, потому что замыкал атаку на дальнем “пяточке”.

Благодаря своей огромной выносливости успевал вовремя откатываться назад, чтобы принять участие в обороне. А отобрав у противника шайбу, Шувалов только поднимал голову — и уже видел, что Бобров открывается, на полной скорости уходит от своего опекуна в расчёте на точный пас. Да, Всеволод, видимо, ни разу в своей хоккейной жизни не принял шайбу, стоя на месте. А скорость плюс удачно выбранная позиция означали верный гол — Бобров не промахивался, Виктор Шувалов это хорошо знал».

О том, как оттачивалась игра тройки, рассказывал в книге «Самый интересный матч» Всеволод Бобров: «В те годы много говорили о нашей тройке, в которой долгое время вместе со мной сражались Евгений Бабич и Виктор Шувалов. Многие объясняли её игру очень просто — удачным подбором от природы одарённых игроков. Нет ничего неправильнее и обиднее для нас такого мнения.

Сила тройки этой, как и многих других, определялась большой, очень большой и вдумчивой работой. Например, уже после окончания очередной тренировки мы обязательно оставались втроём на поле и учились бить по воротам. Мы совершали как минимум 300-400 бросков с различных мест площадки, из различных положений, под самыми различными углами. Товарищи, уходившие на отдых, частенько называли нас “фанатиками”. Но именно этот фанатизм, эта искренняя влюблённость каждого члена тройки в игру и помогали нам добиваться того, чего мы хотим».

Виктор Шувалов однажды так высказался о партнёрах по тройке: «Играли они виртуозно. Евгений Макарович любил повторять, что один финт не прокормит, поэтому постоянно что-то придумывал. Он и отрабатывал самостоятельно, и нас подключал к розыгрышу задуманных комбинаций.

Бобров вообще был гением. В любой игре стремился только к победе, и это у него почти всегда получалось. У Всеволода Михайловича был богатый набор всевозможных финтов, многие из них он выполнял настолько безукоризненно, что соперники, заранее зная об уловках Боброва, всё равно не могли остановить его».

Гениальность Всеволода Боброва в хоккее с шайбой признавалась всеми. Вот какими глазами воспринимали Боброва-хоккеиста его партнёры и соперники.

Виктор Шувалов: «Коронный финт Боброва так неповторимым и остался. Держа клюшку в левой руке, он всем видом показывал, что будет в левую же сторону идти, и когда защитник попадался на крючок — “Бобёр” клюшку в момент в правую руку перекладывал и справа проходил. И всё это на такой высокой скорости, что соперник только тогда понимал, что к чему, когда уже обыгранным оказывался».

В истории хоккея остался эффектный ход Боброва, который является не финтом, а технико-тактическим приёмом. Показав вратарю, что будет производить бросок, Всеволод устремлялся за ворота и, «вынырнув» с другой стороны, направлял шайбу в ближний угол.

Вратарь Борис Запрягаев на вопрос, кто из нападающих первого поколения доставлял ему наибольшие неприятности, ответил без долгих раздумий: «Бобров, несомненно. Чудо-форвард. Никогда он не играл по бортам, только подберёт шайбу и в центр, кратчайшим путём — по прямой — мчит на ворота.

Все знали его манеру, его знаменитый трюк с виражом за воротами, но никто ничего поделаться с Севкой не мог. Я, естественно, знал, что Бобров любит показать бросок, а затем объехать ворота и забить в незащищённый угол, но всё происходило так быстро, что я просто не успевал переместиться».

Ему вторил защитник ЦДКА Владимир Меньшиков: «На сборах мы тренировали выезд из-за ворот с последующим броском. Но забивать шайбу в ближний угол, выкатившись из-за ворот, получалось в игре только у Боброва».

В своей книге «Мой друг хоккей» Николай Сологубов писал: «Сколько себя помню, Бобров всегда имел хорошую прессу. Правда, иной раз его упрекали в излишнем индивидуализме, забвении командной игры. Но в том-то и дело, что именно его редкое индивидуальное мастерство было главным козырем в действиях первой тройки. Бабич, Шувалов, а также Трегубов и я выполняли всю подготовительную работу, делали всё для удачного рывка-взрыва Боброва. И надо сказать, он почти всегда оправдывал и наши надежды, и наши коллективные усилия...

Многие, очевидно, помнят его коронный, чисто бобровский приём, когда Всеволод, приблизившись к воротам с фланга, заставлял вратаря закрывать ближний угол и, показав, что вот-вот сделает бросок либо передаст шайбу в центр, на “пяточок”, Виктору Шувалову, мгновенно объезжал ворота и забрасывал шайбу в противоположный угол, куда вратарь чаще всего не успевал переместиться. Что и говорить, это было очень эффектно! Приём всегда вызывал шумные аплодисменты, ликование трибун».

Удержать Боброва в рамках правил защитники не могли. Но от них этого требовали тренеры. Зачем нужны защитники, если они не способны остановить форварда, любой прорыв которого может привести к голу?

Спартаковец Анатолий Сеглин делился своими ощущениями защитника-оппонента: «Вот представьте: он идёт с шайбой, клюшка в левой руке. Ты под него подстраиваешься, под клюшку. Вдруг он в одно

мгновение перекладывает клюшку из левой руки в правую, рывок вправо — и всё! У него же размах был огромный: от клюшки в левой руке до клюшки в правой — метров восемь, не меньше. К тому же он ещё и корпус наклонял очень сильно. Попробуй удержи! И уходил, конечно...»

В книге Анатолия Салуцкого приведены слова Анатолия Тарасова, всегда отстаивавшего взятые на вооружение принципы: «“Звезду” легко нейтрализовать. Когда Сологубов нейтрализовал Боброва, мы выиграли у ВВС». Однако случилось это лишь однажды — в сезоне 1952 года. В другом матче того же сезона итог был противоположным.

Будущий заслуженный тренер СССР, а тогда начинающий защитник ЦДСА Николай Карпов делился впечатлениями: «52-й год, в матче с ВВС Бобров один нас раскатал. Тарасов был играющим тренером и запутался совсем. Сологубову кричал: “Да убей ты Севку этого, курносого!” Колька стал за ним гоняться — но Боброва не поймаешь, он видит всё! В какой-то момент показал ему, что в одну сторону пойдёт, сам скользнул в другую, и Сологубов едва борт плечом не прошиб. А “Бобёр” тихонечко ворота объехал, да и положил нам третью шайбу».

О том матче Бобров отзывался так: «Поражение или даже ничья пагубны для нас. Только победа. Мы вырываем её со счётом 3:2. Вырываем, прежде всего, благодаря мастерству Мкртычана. В третьем периоде, в последней десятиминутке, он отбил несколько таких бросков, показал такое необыкновенное вратарское умение, что я до сих пор восхищаюсь, вспоминая это».

Восхищался он и Николаем Сологубовым. В книге «Рыцари спорта» Бобров отмечал: «Никогда я не встречал соперника более опасного, более трудного, более “вязкого”, чем Николай. Ему часто в матчах ЦДСА — ВВС поручали персонально опекать меня, и,

признаюсь, это были самые трудные минуты моей хоккейной жизни».

Николай Сологубов в 1950-х был сильнейшим защитником не только советского, но и мирового «любительского» хоккея (без кавычек здесь не обойтись, хотя статус многие годы был именно таким). Сологубов первым в нашем хоккее ввёл в практику применение силовых приёмов, с его появлением ушло время бесконтактного хоккея.

О защитнике армейцев и сборной Виктор Шувалов говорил: «Опять же вспомню Сологубова. Он, бывало, так встретит в открытом бою, так, простите, “плюнет в душу”, как у нас иногда выражались, что уж больше с ним не хочется встречаться. Но всё по правилам и красиво».

Во времена Боброва не было «тафгаев». Это теперь у многих звёзд НХЛ появились телохранители, которые вступаются за них на площадке при первых же попытках соперников сыграть грубо.

Но и в ЦДКА послевоенных лет был хоккеист, который мог отбить у соперников желание запугивать Боброва грубыми приёмами. Это был Владимир Венёвцев.

Представляя его в своей книге, Анатолий Салуцкий писал: «У него было несколько длинноватое, зато весьма выразительное прозвище “пополам или вдребезги”».

В отличие от Владимира Никанорова и Александра Виноградова, обладавших могучим телосложением, защитник Володя Венёвцев был невысокого роста. Но он славился удивительным, редкостным бойцовским характером, играл очень смело, отважно. Достаточно сказать, что за время своей спортивной карьеры Венёвцев трижды проламывал телом хоккейные борта,

сделанные из досок пятидесятимиллиметровой толщины, — с такой страстью врезался в них.

А однажды, когда кто-то из соперников в кровь разбил ему губы, Венёвцев применил против него такой силовой приём, что обидчик просто-напросто вылетел через борт за пределы хоккейной площадки. Армейца в тот раз наказали десятиминутным штрафом...

О бесстрашии Владимира Венёвцева свидетельствует поистине уникальный случай, произошедший во время второго чемпионата по хоккею с шайбой, когда московские армейцы встречались с сильной в то время командой рижского “Динамо”, уже обыгравшей своих московских одноклубников, а также спартаковцев и “Крылья Советов”.

Армейцы перенервничали накануне из-за неурядицы с гостиницей, и, возможно, по этой причине игра у них, как говорится, не пошла. Рижане повели со счётом 1:0. И вдобавок назревал второй гол. Хозяева поля непрерывно атаковали. Во время одной из атак им удалось уложить на лёд вратаря Григория Мкртычана и защитника Венёвцева, а шайба попала к известному в то время рижскому хоккеисту Роберту Шульманису, который сильно швырнул её в незащищённые ворота.

Венёвцев видел, что шайба летит в сетку, и принял мгновенное единственно возможное для спасения ворот решение: на руках приподнявшись со льда, подставил под стремительную шайбу... свой лоб.

Впрочем, в считанные доли секунды, отведённые ему на размышления и действия, Венёвцев успел мысленно “просчитать” все возможные последствия и сделал встречное движение головой, отбив шайбу к борту. Это спасло защитника от прямого попадания: удар получился скользящий и, хотя хлынула кровь, сотрясения мозга не произошло. К Венёвцеву бросились товарищи, но он успокоил их: “Всё в порядке!” И продолжил игру.

Вдохновлённые этим мужеством армейцы воспрянули духом. Всеволод Бобров закрутил на льду такую карусель, что рижане дрогнули, в их ворота посыпался град шайб. Правда, Бобров не смог доиграть этот матч до конца, за несколько минут до финальной сирены, когда игра была уже сделана, он вынужден был покинуть поле, потому что очень плохо себя почувствовал. В раздевалке выяснилось, что Всеволод играл с температурой тридцать девять градусов!

Вот таким был защитник ЦДКА Владимир Венёвцев. И когда противники пытались терроризировать Всеволода Боброва силовыми приёмами, он не отвечал на них, а лишь иногда подъезжал к Венёвцеву и говорил: «Володя, что же это делается! Уйми ты их!» И Венёвцев начинал встречать чужих нападающих с такой яростью, хотя и в пределах правил, что быстро срабатывала «обратная связь»: Боброва оставляли в покое».

Автору книги довелось услышать рассказ о матче в Риге из уст самого Владимира Георгиевича Венёвцева, поэтому возникла возможность дополнить и исправить изложенное Салуцким.

Это был сезон 1948 года. Обстановка на стадионе была сложная, с трибун раздавались крики: «Бей коммунистов!» Губы защитнику армейцев разбил локтем Роберт Шульманис. Его же и отправил Венёвцев через борт силовым приёмом, получив за это десяти минутный штраф без права замены (тогда предусматривалось такое наказание).

Понимая, что подвёл команду, оставив её в меньшинстве на полпериода, Венёвцев был готов на любую жертву. И такой случай представился сразу же, как только он вернулся на лёд. К воротам ЦДКА прорвался лидер рижан Альфонс Егерс. Он только примерялся к броску, как неожиданно вратарь Григорий Мкртычан упал на лёд и сбил с ног Венёвцева.

После описанного выше его геройского поступка вспыхнул фейерверк армейских атак, который завершился победой ЦДКА со счётом 8:1, а Бобров забил семь шайб. В знак уважения Шульманис подарил Владимиру Венёвцеву щитки, наплечники и клюшку.

Николай Пучков уже в наши дни рассказывал: «Мне посчастливилось около десяти лет пройти рядом с Всеволодом Бобровым по жизни. Он был, прежде всего, отличный мужик, рубашку последнюю отдаст тому, кого любит и уважает. Он был терпим, а нетерпим был с наглецами, только с ними этот необычайно внутренне деликатный человек мог позволить себе грубый жест. Помню, как он намеренно унизил одного ничтожного типа, смазав его по физиономии пачкой денег.

В общем, Бобров держался со всеми ровно как тренер. Как игрок постоянно требовал игры на себя, справедливо полагая, что ему по плечу то, что иным кажется недоступным. Тут он, правда, хватал порой и через край. К себе, в свой внутренний мир Бобров подпускал трудно, с большим разбором, хотя его постоянно окружала толпа приятелей и обожателей.

Всегда поражался его удивительным постижением любого игрового вида спорта. При мне, помнится, впервые взял в руки теннисную ракетку, и казалось, что на корте выступает разрядник. Играй Всеволод в волейбол, баскетбол — всё равно стал бы выдающимся спортсменом.

Говорят, будто Бобров не любил трудиться — ни на поле, ни на тренировках. Это совершенное заблуждение. На поле или на льду он не тратил себя на бесполезные метания туда-сюда для изображения интенсивной деятельности в матче. Он всегда готовил себя к решающему рывку, финту, прорыву, к результату, к голу. И делал это с непревзойдённым мастерством.

Но он и в трудолюбии, скажу, был талантлив. Помню, как нравилось ему дополнительно тренироваться с вратарём, со мной в частности. Вот, например, отрабатывает он свои кроссы. Пройдёт не 30 раз, а всего пятнадцать. Но как! С какой интенсивностью, с какой полной отдачей. Или набивал он свои “точки”, то есть отрабатывал броски с любимых позиций. Сделает не 50 раз, а всего 20. Но с какой тщательностью, в какой неподражаемой динамике. Вот это я и называю — быть талантливым и в трудолюбии. Безусловно, природная одарённость позволяла Боброву совершать то, что другим недоступно. Но по крайней мере легкомысленно считать, что он не шлифовал, не берег, не оттачивал свой огромный талант.

Но ещё важней в нём вот что. Спорт, футбол, хоккей не являлись для него лишь средством заработать на жизнь. Это теперь стал моден исключительно меркантильный взгляд на хоккей. Всеволод смотрел на спорт как художник, он жить не мог без футбола и хоккея...»

Всё вышесказанное вовсе не означает, что в первой тройке царила полная идиллия. Не будем забывать, что Бобров являлся играющим тренером в команде ВВС. При его-то импульсивном характере...

Нападающий Пётр Котов вспоминал, что как-то ему довелось провести несколько встреч на правом краю тройки вместе с Шуваловым и Бобровым при находящемся в строю Бабице. Таким образом Всеволод наказал своего друга, который, по его мнению, неоправданно часто в одном из матчей брал игру на себя.

Если Бабиц не роптал, то Шувалов вспыхивал многократно. «Не сразу он примирился с тем, что я и сам могу забить, — как-то ревниво припомнил центрфорвард. — Потом дело у нас наладилось. Но надо

подчеркнуть, он ненасытен был на игру, на голы. Порой даже забывал о целесообразности, что ли».

Взаимоотношения Всеволода Боброва и Виктора Шувалова как на футбольных и хоккейных полях, так и за рамками спортивного партнёрства неоднократно становились предметом рассмотрения, не всегда добросовестного. В поздние времена, когда Боброва уже не было в живых, предпринимались даже попытки задним числом срамливать бывших партнёров, провоцируя Шувалова на высказывания, имеющие целью бросить тень на Боброва. К чести Виктора Григорьевича, в большинстве интервью он умел вовремя остановиться в своих упрёках в адрес Боброва, говоря о тяге того к лидерству. Хотя собственные амбиции не единожды приводили его к «смелым» вызовам...

Нужно иметь в виду, что Боброва и Шувалова не связывала крепкая дружба, как Боброва с Бабиным. Их отношения были уважительными и доброжелательными, что позволяло плодотворно сотрудничать в игре. Что же помешало первой тройке поддерживать свой уровень, достигнутый в составе ВВС, в новой старой команде, которой ЦДСА являлась для Боброва и Бабина?

Конечно, начал сказываться возраст. К моменту прихода в ЦДСА Бабину было 32 года, Боброву — 31, Шувалову — 30. Боброву стабильно играть весь сезон на прежнем уровне мешали травмы. Но была и ещё одна существенная причина снижения кондиций, ухудшения игры. Хоккеисты вновь оказались под началом Анатолия Тарасова, и не того Тарасова, который в игровом уровне уступал Боброву и Бабину и делал первые шаги в организации учебно-тренировочного процесса, а уже бывалого тренера, чей авторитет в команде был непоколебим.

Анатолий Тарасов всегда ревниво относился к успехам этой тройки. И взгляды его с течением времени существенно менялись. По мере укрепления собственных позиций.

В феврале 1952 года Тарасов писал в «Советском спорте»: «По праву второй год подряд звание чемпиона страны завоевал сильный и дружный коллектив Военно-воздушных сил. Своими победами эта команда во многом обязана тренеру и игроку В. Боброву. Этот разносторонний, одарённый спортсмен все встречи провёл очень сильно. К положительным качествам Боброва, в частности к искусству обводки, прибавилось умение играть коллективно, действовать в течение длительного времени с большим напряжением сил. Не ущемляя своей яркой индивидуальностью творчества партнёров, Бобров способствовал развитию в каждом из них наиболее ценных качеств».

Но спустя полтора десятилетия оценки Тарасова изменились кардинально. В «Совершеннолети» он излагал свои взгляды так: «Если принцип построения нападающей тройки 1+2 (один лидер — забивающий и два ему подыгрывающих) мы отвергаем, то как, на каком принципе строить тогда тройку нападения? Может быть, составить её из трёх асов — трёх Бобровых? Тем более что со временем игроков высокого класса стало больше. Но могут ли играть в одном звене три Бобровых, три замечательных, но совершенно похожих друг на друга по своей игровой атакующей манере мастера? Думаю, что нет. А вот три незаметных, классно подыгрывающих Бабича могут, если расширить их задачи и предоставить право на инициативу, творчество, в том числе на яркую индивидуальную игру. Да ещё как! Против такой тройки, уверен, не устояли бы самые сильные и опытные защитники мирового хоккея. Ибо подыгрывающий Бабич умел всё: и мастерски

завершать атаки, и давать партнёрам неожиданные и коварные пасы, и играть, если нужно, в обороне.

Когда звено составляют три сильных, творчески разнообразных хоккеиста, которые понимают, что независимо от их силы они в команде и в тройке равны, то такое звено представляет собой значительно большую опасность для соперников, чем то звено, где играют тоже три таких же сильных мастера, но два из них при этом понимают, что они обязаны подчинять свою игру лидеру, играть на него».

С ответом Всеволод Бобров не задержался. В еженедельнике «Футбол-хоккей» (№ 36 за 1970 г.) он отразил нападки давнего оппонента, начав с проблем сборной: «Я всегда был и остаюсь сторонником высокого индивидуального мастерства... Неудачи на рубеже 50-х — 60-х годов, как и некоторые слабые матчи в чемпионатах, даже заканчивавшихся нашей общей победой, во многом объяснялись просчётами в формировании команды. При комплектовании состава предпочтение нередко отдавалось так называемым “подыгрывающим” хоккеистам.

Родилась даже теория, которая мелькала на страницах печати. В одном звене, мол, не могут играть три замечательных, но совершенно похожих друг на друга по своей игровой атакующей манере мастера. А вот три незаметных, классно подыгрывающих Бабича могут!

Бабич — подыгрывающий? На протяжении тринадцати лет я играл с ним бок о бок. Никакой это не незаметный, классно подыгрывающий хоккеист. Это великолепный игрок, умевший всё — забивать голы, обыгрывать с ходу двух-трёх соперников, с полуслова понимать партнёров, при необходимости уходить в оборону и грудью встречать противника.

Самые лучшие воспоминания сохранились у меня и о Шувалове — мужественном игроке, великолепном

тактике, метком форварде. Что-то я не помню, чтобы из нас троих кто-то был подыгрывающим...»

К различию во взглядах, диаметрально противоположных, Боброва и Тарасова мы ещё вернёмся на этих страницах.

ЧУДО В ТАМПЕРЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Окончательное решение о том, что сборная СССР будет участвовать в Олимпийских играх 1952 года, было принято незадолго до Нового года. А уже в январе в Москве собрали 36 футболистов из десяти клубов, из которых предстояло отобрать 20 для поездки на Олимпиаду в Финляндию.

Старшим тренером сборной назначили Бориса Аркадьева, а в помощники ему определили поначалу Михаила Бутусова, Евгения Елисеева и Григория Федотова.

Сборная не собиралась 17 лет. Начинать Аркадьеву предстояло с нуля. Опыта подобной работы у Бориса Андреевича не было, да и времени, чтобы отобрать из многих игроков высокого класса самых достойных, наиграть звенья, наладить между ними связи, было мало.

Выбор Бориса Аркадьева в качестве наставника сборной был вполне понятен и логичен. В своей аналитической статье «Тайна команды лейтенантов» Аркадий Галинский писал: «В 1952 году Аркадьев находился в расцвете сил, и ни у кого не возникало сомнений, что старшим тренером олимпийской команды должен стать именно он. О тогдашнем авторитете Аркадьева говорит и то, что в помощники к нему охотно пошёл старший тренер ленинградского “Динамо” Михаил Бутусов, а на последнем этапе — старший тренер тбилисского “Динамо” Михаил Якушин». Елисеев и Федотов не назывались, поскольку проработали они недолго.

Нашёл Галинский в пользу назначения Аркадьева и дополнительный аргумент: «В основе этого решения, видимо, лежала муссировавшаяся во Всесоюзном физкультурном комитете (при неведении о том самого Аркадьева) идея послать на Олимпиаду в качестве сборной команду ЦДКА — чемпиона страны 1951 года».

Идею эту поддерживали многие, в том числе начальник отдела футбола Всесоюзного спорткомитета Сергей Савин. Но, как отмечает Галинский, воспротивился ей именно Аркадьев. Среди первоначально отобранных игроков не было, к примеру, ни Гринина, ни Дёмина. Из армейцев отправились в Хельсинки пятеро: Владимир Никаноров (как запасной вратарь), защитники Анатолий Башашкин и Юрий Нырков, полузащитник Александр Петров, нападающий Валентин Николаев. Хотя не случись перелома ноги у правого защитника Виктора Чистохвалова, он также был бы в составе.

Забегая вперёд скажем, что отсутствие Чистохвалова существенным образом сказалось на выступлении сборной. Тяжёлую травму, из-за которой пришлось завершить карьеру, он получил на сборах в Леселидзе.

На черноморское побережье сборная выехала в марте. Там она провела несколько матчей, а затем перебралась в Тбилиси, где продолжила подготовку и играла в предварительной стадии турнира на приз Всесоюзного спорткомитета, который был организован для команд класса «А» вместо отодвинутого на более поздний срок чемпионата страны.

Отыграв в Москве ещё четыре встречи в финальной стадии этого турнира, в мае сборная начала серию международных товарищеских матчей со сборными стран социалистического лагеря. Поскольку все они, кроме Чехословакии, также попали в число участников

олимпийского турнира, наши спортивные руководители решили дезориентировать соперников: четыре матча советские олимпийцы провели под флагом сборной Москвы, а затем играли в форме ЦДСА. Навести тень на плетень не удалось. Хорошо информированные соперники знали, что выходят на поле против сборной СССР.

Аркадий Галинский разъяснял: «Как же в этих условиях построил свою работу Аркадьев? Прежде всего он определил состав сборной и держался его уже неукоснительно. Допуская варьирование только в линии нападения. Чем же это объяснялось?

Если опытному тренеру, взявшемуся сформировать сборную или клубную команду заново, обычно хватает трёх месяцев, чтобы наладить дружную игру нападения, то добиться в такой же срок и подлинного коллективизма в игре защиты, насколько мне известно, не удавалось ещё никому.

Одна из аксиом футбола состоит, между прочим, в том, что чем выше класс игры вратаря, а также каждого из защитников и полузащитников, тем больше времени уходит на достижение прочных автоматических связей между всеми участниками обороны, ибо асы футбола — люди творческие, а следовательно, всегда импровизаторы. Но в действиях защиты сумма индивидуальных импровизаций, как известно, отнюдь не гарантирует ещё слаженности общего манёвра, которая вырабатывается многократным педантичным повторением специальных упражнений».

Именно поэтому Аркадьев без особых колебаний определил линию обороны и полузащиту на основе игроков ЦДСА, которые притёрлись друг к другу за много лет совместных выступлений. К сожалению тренера, из неё выпал Чистохвалов, поэтому на место правого защитника он был вынужден поставить всегда игравшего в центре обороны Крыжевского.

Ворота защищал Леонид Иванов, оборонительная линия также была неизменна: Константин Крыжевский, Анатолий Башашкин и Юрий Нырков. Стабильно выглядела и полузащита: Александр Петров и Игорь Нетто.

Постоянные перестановки происходили только в нападении. Лишь место правого крайнего было закреплено за Василием Трофимовым. На остальных позициях пробовались самые разные сочетания.

Аксель Вартанян в своей «Летописи» отмечал: «Беззубая игра линии нападения требовала немедленного усиления. Испробовано уже более полутора десятков форвардов. Вспомнили вдруг о Боброве и немедленно мобилизовали его в сборную непосредственно перед международным циклом... На повторную игру с поляками ввели Боброва в основной состав и вскоре наделили капитанскими полномочиями».

Анатолий Салуцкий видел эту ситуацию так: «Аркадьев относился к предстоящим Олимпийским играм как к главному делу своей жизни: он считал, что настал его звёздный час. Конечно, как человек трезво мыслящий, Борис Андреевич не был абсолютно уверен в победе. Но он рассматривал предстоящую первую для советских спортсменов Олимпиаду как своего рода поприще для максимального творческого самовыражения. Многие месяцы Аркадьев жил в состоянии огромного подъёма, нервного напряжения, его обуревали надежды и замыслы...

Создав костяк команды в основном из армейцев и динамовцев, разделявших принципы его тактического мышления, Борис Андреевич всё же не был удовлетворён. Он чувствовал, что в этой команде чего-то не хватает. Да и объективно сборная не блистала...

Тем не менее ни один игрок, приглашённый Борисом Андреевичем в сборную, не вызывал у него сомнений. А

вот все вместе они, как считал сам тренер, не являлись тем совершенным футбольным ансамблем, о создании которого он мечтал. Порой в его памяти мимолётно всплывал образ Всеволода Боброва — не как реальная фигура, не как игрок, способный претендовать на место в сборной, а как символ, как тот хранитель священного огня победы, которого, по мнению Аркадьева, недоставало олимпийской сборной...

Но как раз в это время Аркадьев увидел в одной из игр Всеволода Боброва — и словно прозрел! Бобров был, если позволительно так сказать, его “первой любовью”, и бывшие чувства вновь нахлынули на тренера. Да иначе и быть не могло. В конце концов, оба они были глубоко порядочными людьми, в 1949 году они разошлись достойно, по-доброму, не составляя перечня взаимных обид и не устраивая дележа спортивной славы. Поэтому в 1952 году мгновенно были забыты прошлые размолвки, Аркадьев немедленно и с радостью включил Боброва в состав олимпийской команды».

Всеволод Бобров за свою спортивную карьеру перенёс четыре операции по поводу менисков коленных суставов: в 1947, 1950, 1952 и 1953 годах.

В колене человека имеются два мениска — наружный и внутренний. Эти хрящевые образования исполняют роль своеобразных амортизаторов, уменьшают трение в коленном суставе. При травме мениск разрывается и перестаёт выполнять своё основное предназначение, становясь для организма практически чужеродным телом. Однако каждое удаление мениска делает сустав менее подвижным, и при значительных нагрузках, что неизбежно у спортсменов, вызывает болевые ощущения. Весьма важные функции выполняют также крестообразные и боковые связки, которых по две в каждом коленном суставе.

Досконально знавший медицинские проблемы Боброва Олег Белаковский свидетельствовал, что у Боброва были вырезаны три мениска. В своей книге он рассказывал, что при травме в 1946 году в Киеве у Боброва был разорван мениск и одновременно повреждена передняя крестообразная связка.

Это в современных условиях удаление мениска превратилось в рутинную операцию, и случаи, когда она существенным образом сказывается на успешности карьеры футболиста, стали достаточно редки. Справляется современная медицина и с разрывами крестообразных связок. Известно, что срок восстановления после такой операции составляет шесть—восемь месяцев. И хотя разрывы крестообразных связок даже при удачно сделанных операциях в некоторых случаях имеют последствия (потеря скоростных качеств), футболисты продолжают выступления. Скажем, португалец Данни, игравший за «Зенит» из Санкт-Петербурга, перенёс три операции по поводу разрыва передней крестообразной связки на одном и том же колене (!), но продолжал оставаться полезным для своей команды.

Однако во времена, о которых мы рассказываем, спортивная медицина делала только первые шаги.

Олег Белаковский объяснял: «В спортивной медицине нет ещё ни ЦИТО, ни академика Н. Н. Приорова, ни профессора З. С. Мироновой. По той простой причине, что нет ещё самой спортивной медицины. Ещё нет понятия “травма спортивная”, она ещё не отделена от травмы производственной и бытовой.

Я не уверен, что именно в силу этих обстоятельств, в силу того, что специфике спортивной травмы лишь предстоит проложить водораздел между методами лечения спортивных и всех прочих повреждений, югославский профессор Гроспич сделал не совсем

удачную операцию Боброву, удалив ему внутренний мениск на левом коленном суставе. Операция не привела к полному выздоровлению больного. Кроме того, в этом же левом суставе был повреждён и наружный мениск.

Тяжёлое впечатление производил и правый коленный сустав, где был травмирован внутренний мениск.

И вот с такими ногами Бобров продолжал играть...

Но ноги есть ноги. Тем более ноги футболиста. Состояние Боброва к 1950 году становится настолько тяжёлым, что пришлось отвезти его в только что созданное в Центральном институте травматологии и ортопедии (ЦИТО) отделение спортивной травмы, возглавляемое молодым, энергичным и уже достаточно известным хирургом заслуженным мастером спорта Зоей Сергеевной Мироновой.

Консилиум у Мироновой подтвердил самые худшие предположения. Но оптимистка по природе, человек, обладающий “спортивной косточкой”, она сразу же поняла, с кем имеет дело.

— Меня не столько смущают ваши колени, — с присущей ей прямоотой заявила Зоя Сергеевна, — хотя в общем-то они, прямо скажем, никуда не годятся, сколько смущает меня ваша, Всеволод Михайлович, одержимость. И тут, батенька мой, терпение и время необходимы. На ноги мы вас поставим. Но при условии: терпение, время, режим...

И Бобров терпел. Терпел во время операции, терпел во время бесконечных процедур. И постепенно состояние его стало улучшаться.

А страна готовилась тогда к своей первой Олимпиаде. Нам предстояло взять в Финляндии свой первый олимпийский старт...

Готовилась к играм и сборная команда СССР по футболу.

Тяжёлые травмы, преследовавшие Боброва всё это время, в буквальном смысле делали его “безногим футболистом”. Повреждён, как мы помним, левый коленный сустав. Ни к чёрту не годится правый. Играет на мастерстве, на воле, что называется, “на зубах”, играет на чём угодно и чем угодно, но только не ногами. Потому что по всем медицинским и спортивным канонам играть с такими ногами просто невозможно. К тому же Боброву не восемнадцать и не двадцать, а почти тридцать — возраст для футбола почтенный.

Так что, принимая во внимание состояние Всеволода Боброва, это, возможно, и было к лучшему, что он не попал в олимпийскую сборную. Но судьба играет человеком, если человек играет в футбол. И отлично играет.

В начале олимпийского 1952 года Бобров не просто играл, но и был играющим тренером.

Прекрасно помню его дебют в качестве тренера в 1952 году. Я, врач футбольно-хоккейной команды ВВС, выезжаю с ребятами на сборы в Леселидзе. Через некоторое время туда же прибывает и олимпийская сборная СССР, возглавляемая Борисом Андреевичем Аркадьевым. И вот встреча сборной страны с командой ВВС.

В игре со сборной Бобров применяет удивительно гибкую тактику. Игра идёт не только на равных, но и с явным преимуществом его команды. И если матч заканчивается со счётом 0:0, то только потому, что нападающие ВВС делают досадные промахи, штурмуя ворота сборной.

Однако никто, в том числе и сам Бобров, не мог предположить, чем закончится для него эта игра.

После Леселидзе и дальше по мере последующих тренировок и игр Аркадьеву становилось ясно, что олимпийской сборной не хватает лидера, не хватает человека, умеющего организовать и повести за собой

игроков, способного поднять игру до её величайшего накала, выдержать этот накал и решить исход поединка.

Аркадьев знал только одного человека, способного сделать всё это. Таким человеком был Бобров. Но Бобров был болен. Ведь не зря Миронова говорила: “Какое счастье, что он не включён в олимпийскую сборную”.

Аркадьев размышлял, колебался, раздумывал, вертел и так и этак.

— Ну что там у него? Вы можете мне сказать, что там у него? — в миллионный раз спрашивает у меня Борис Андреевич, прекрасно зная, чем страдал Бобров.

— Спросите у Мироновой.

— Да знаю я, Олег Маркович, знаю.

Потом брал меня под руку и отводил в сторону:

— Слушайте, а может быть...

Я понимал этого великолепного педагога и чудесного человека, находившегося сейчас между Сциллой и Харибдой, между ответственностью перед здоровьем человека и ответственностью первых наших Олимпийских игр. Он был в курсе наших отношений и спрашивал меня о Боброве не только и не столько как врача, а сколько как друга, который никогда не подвёл бы своего товарища.

Стремительно летело время. И только на самом последнем этапе Борис Андреевич решился на разговор с Всеволодом Михайловичем. А этот сумасшедший, лишь только Аркадьев раскрыл рот, ответил ему в своей извечной манере — коротко и безапелляционно:

— Сыграем. Всё будет нормально.

Чем же руководствовался Аркадьев, приглашая Боброва в сборную? Из чего исходил? Из двух качеств Боброва: мужества и мастерства.

Теперь, десятилетия спустя, я понимаю и другое. Аркадьев прекрасно знал, что для Боброва может быть

только одна жизнь — жизнь “среди молний”. Что для него само участие в Олимпийских играх значило прожить ещё один отрезок жизни в излюбленном “бобровском” режиме. И это духовное начало должно было превалировать над физическим. Здоровый дух должен был на этот раз возродить здоровое тело.

Я стал готовить Боброва к участию в Олимпийских играх. Делалось всё возможное, чтобы привести хотя бы в относительную норму его многострадальные колени, которым ещё предстояло многое вынести на футбольных стадионах Финляндии. Перед каждой тренировкой и игрой делались многочисленные процедуры, проводилось необходимое лечение. И надо сказать, что могучий дух моего пациента действительно помог ему. Чувствовал он себя значительно лучше, увереннее, рецидивов не было. Однако передо мной стояла задача создать достаточный запас прочности коленных суставов для предстоящих футбольных баталий. Но кто мог сказать, как велика будет эта прочность?..»

В одном из интервью Олег Маркович рассказывал: «По указанию Василия Сталина нас отправили в Марфино, в санаторий ВВС, где в течение трёх недель я занимался Всеволодом, готовил его к Олимпийским играм. Перед поездкой в Финляндию перед каждой тренировкой или игрой я делал ему обезболивающие уколы».

Заключительный этап подготовки сборная провела на подмосковной базе близ станции Челюскинская. Оттуда она и выезжала на матчи с зарубежными соперниками.

Первый матч советские футболисты проиграли сборной Польши — 0:1. Во втором взяли реванш — 2:1.

Всеволод Бобров вспоминал в своей книге: «Начали мы молниеносно. Уже на 4-й минуте Антадзе отличным

пасом выводит в штрафную Бескова, тот оттягивает на себя защитника и очень расчётливо навешивает мяч на дальнюю штангу. Опытный Стефанишин опаздывает с выходом, и я в прыжке головой посылаю мяч в сетку ворот...

Однако в дальнейшем ход поединка выровнялся. Польские футболисты вновь продемонстрировали отличную техническую подготовку. Особенно на меня произвело впечатление их умение мгновенно, не тратя ни одной секунды на обработку мяча, производить удары по воротам. Только очень высокое мастерство и мгновенная реакция Леонида Иванова спасли нас от нескольких голов...

Пожалуй, это был день, когда нам не везло. Посудите сами: пять раз подряд мяч, пробитый Бесковым, попадал в штангу. Дважды, находясь прямо перед воротами, я падаю и теряю мяч. Только незадолго до конца ударом метров с двадцати мне удаётся увеличить счёт...»

Следующий соперник был куда более грозный — непобедимая в ту пору сборная Венгрии. Став олимпийским чемпионом в 1952 году, она затем одержала несколько выдающихся побед. Разгромила дважды сборную Англии (6:3 и 7:1), а на чемпионате мира 1954 года, где стала финалистом, обыграла будущего чемпиона сборную Германии с немыслимым счётом 8:3.

В Москве сборная Венгрии играла практически в оптимальном составе. Тем ценнее был успех наших футболистов. Первая встреча закончилась вничью — 1:1.

Всеволод Бобров писал: «Всех без исключения венгерских футболистов отличала высокая индивидуальная техника. Я обратил на это внимание ещё на разминке. Каждый из гостей был с мячом, что называется, “на ты”. Но в ходе матча мне стало ясно,

что у наших грозных соперников есть и серьёзный недостаток: они явно теряли чистоту исполнения технических приёмов при той большой скорости, в которой мы повели состязание, и плохо, а порою почти беспомощно боролись против персональной опеки...

На 14-й минуте происходит эпизод, который помнился мне ещё очень долго после окончания матча. Получив отличную передачу от Николая Дементьева, я на полной скорости вошёл в штрафную площадку, обыграл финтом центрального защитника венгров Бёржеи и вышел один на один с вратарём. Нас разделяло расстояние в каких-нибудь семь-восемь метров. Я взглянул вперёд и увидел, как Грошич рывком, которому мог бы позавидовать первоклассный спринтер, мчится навстречу, и ударил верхом. Тело вратаря венгров мелькнуло в воздухе, и он с мячом в руках приземлился на траву.

Грошич сыграл великолепно, он показал, что обладает завидной реакцией. И всё-таки в том, что не был забит гол, конечно, вина моя. Стоило бы мне послать мяч низом, и никакая реакция не спасла бы Грошича... Удар низом мимо выбегающего вратаря — это всегда гол.

На 35-й минуте я эту истину доказал. Вновь создалась аналогичная ситуация, вновь, обыграв Бёржеи, я вышел один на один с Грошичем. Вновь он рванулся вперёд. Но мяч, посланный по земле чуть в сторону, оказался в сетке. Мы повели со счётом 1:0...

После отдыха венгры предприняли буквально штурм наших ворот. Вот где пришлось защите показать всё своё умение. Дважды, казалось, успех уже приходил к венграм: мяч миновал выбегающего Леонида Иванова, и дважды почти с линии пустых ворот его выносил в акробатических прыжках Константин Крыжевский...»

Очевидец матча Евгений Кравинский, сверив свои впечатления с участником игры Сергеем Сальниковым,

вспоминал: «Бобров получает пас где-то в районе центрального круга, обыгрывает одного за другим венгерских полузащитников. Впереди защитник Лантош, он обходит и его, а навстречу движется вратарь Грошич, и Бобров наносит удар по воротам, но попадает во вратаря. После чего хватается за голову...

Но вскоре ситуация повторяется. Всеволод на большой скорости движется с мячом к венгерским воротам. Так же как и в первый раз обыгрывает Бузански, затем Божику, мощного Лантоша, и снова навстречу выходит из ворот Грошич. Но Бобров не бьёт. Он обманным движением укладывает вратаря на землю и спокойно отправляет мяч в сетку».

Этот гол Боброва вошёл в анналы. А пауза, которую сделал Бобров перед тем, как, переложив мяч с ноги на ногу, уйти в сторону от вратаря, признана классической. Ползущий на карачках к воротам в тщетной попытке успеть к мячу знаменитый Дьюла Грошич надолго запомнился очевидцам...

«Бобров сыграл элегантно, небрежно, дерзко, — вспоминал Сергей Сальников, — и когда он потом, не торопясь, шёл к центру поля, и наши игроки, и венгры провожали его изумлённо-восхищёнными взглядами...»

Изумлён был и «потерпевший» — Дьюла Грошич: «Я, уверенный в себе, признанный всей Европой, бросился Боброву в ноги наверняка (как мне казалось), а он сделал ложный замах, положил меня на землю этим финтом и спокойно катнул мяч в сетку. Мне удалось выиграть подобную дуэль у сэра Стэнли Мэтьюза, он не смог сделать того, что совершил Бобров».

А 27 мая в повторном матче сборная Венгрии была повержена со счётом 2:1.

Предоставим слово Всеволоду Боброву: «На 8-й минуте второго тайма, освобождаясь от опеки двух неизменно стороживших меня защитников, я резко ухожу на левый край и сейчас же получаю сюда

передачу от Николая Дементьева. Стараюсь срезать угол. Снова два “моих” защитника бросаются за мной. Это уже ошибка, непростительная для игроков такой классной команды. Два — за одним — зона осталась открытой. Туда быстро перемещается Анатолий Ильин. Отдаю ему мяч. Удар — 2:0!»

Владимир Пахомов делился наблюдениями: «Именно способность Боброва хорошо играть в пас, умение находить свободного партнёра позволила хозяевам поля забить второй мяч. Комбинацию начал Дементьев, обыгравший двух соперников. Он увидел, что Бобров, из-за травмы перешедший на место левого крайнего, свободен, и отпасовал ему. А Бобров, которого в каких только грехах не обвиняли — и солист, и футболист, который любит, чтобы на него играла команда, — выманил на себя двух венгров, а потом за счёт умения хорошо разобраться в сиюминутной ситуации, не стал бить, а мгновенно послал мяч к границе вратарской площадки, куда мчался Ильин. Передача от Боброва была филигранной — Ильину особо не требовалось обрабатывать мяч, он лишь нанёс точный удар...

Удовлетворение Аркадьева спортивными итогами встреч со сборной Венгрии омрачилось горечью от потери Боброва — он вновь попал в распоряжение врачей, и было неясно, когда ждать его возвращения, если, конечно, оно состоится...

Готовясь ко второй встрече со сборной Софии, Аркадьев уговорил медиков разрешить Боброву вернуться в состав. Но в оставшихся до Олимпийских игр матчах Всеволод ничем себя не проявил. После злополучного киевского матча у него с каждой новой травмой усиливалась осторожность. Аркадьева это очень беспокоило. Как никто другой он видел, что Бобров из острого нападающего превращается иногда в игрока второй линии атаки, а подобная роль была явно не для него.

И всё же “хоронить” Боброва было нельзя. Временами он вновь напоминал о себе опасными действиями, а то и голами, как, например, в матче со сборной Финляндии. Сначала Бобров забил с подачи Фридриха Марютина, очередного новичка в линии нападения, потом воспользовался пасом Василия Трофимова.

Неудовлетворённый игрой нападающих, Аркадьев всё ещё никак не мог завершить эксперименты. Не успел Бобров приглядеться к Марютину, понять его манеру игры, как того в матче с Чехословакией заменил Автандил Гогоберидзе».

Матчи с болгарскими футболистами были обозначены как ЦДСА — сборная Софии. Оба закончились с одинаковым счётом 2:2. В первом из них Бобров не играл, а во втором провёл все 90 минут.

Евгений Кравинский, который был вхож в футбольные кулуары, свидетельствовал: «В перерыве матча с болгарами Василий Карцев при мне сказал о Боброве: “На одной ноге играет лучше всех”».

В остальных трёх встречах советская сборная одержала победы: в Москве над Румынией (3:1) и Чехословакией (2:1), а в Хельсинки над сборной Финляндии — 2:0.

На счету Боброва был гол в ворота чехов и оба в Хельсинки. О голах, забитых в ворота финнов, рассказал Василий Трофимов: «На своём правом фланге я каким-то образом убегаю от опекуна, приближаюсь к воротам, а там стена своих и чужих. И вдруг каким-то шестым чувством ощущаю, что на месте левого полусреднего, едва перейдя линию штрафной, стоит один Бобров. Я перекидываю мяч через кучу игроков, тот ложится Севе на его любимую левую, и он с лета забивает в ближнюю “девятку”. И во втором случае я опять прорываюсь — и вновь та же картина: Бобров один-одинёшенек на том же месте. Снова запускаю мяч

по знакомой траектории, и Сева вколачивает его в тот же угол».

В семи полных матчах Бобров забил шесть голов. Выдающаяся результативность!

Михаил Якушин в своей книге воздавал должное Боброву: «Центрфорварду и капитану нашей команды было в то время уже 30 лет. Футбольная карьера этого талантливого спортсмена сложилась всё-таки не совсем счастливо. Поэт Евтушенко в одном из своих стихотворений назвал Боброва “гением прорыва”. Но хотя, по утверждению поэтов, гений и злодейство несовместны, они нередко соседствуют друг с другом. Сколько же ударов по ногам получал Бобров на своём веку в те минуты, когда рвался к воротам! Что тут кривить душой, были и есть у нас такие защитники, которые не гнушаются никакими средствами в борьбе с нападающими.

Травмы преследовали Боброва всю его футбольную жизнь. На обеих ногах ему делали операции по поводу мениска. Результат их был не очень удачным, из-за чего он не мог играть в полную силу уже в конце сороковых годов. В таком состоянии, скажем, нельзя резко затормозить при ведении мяча или неожиданно изменить направление бега. А это очень ограничивает возможности.

И тем не менее Бобров часто забивал. Он мгновенно и точно оценивал ситуацию. И если считал, что у него есть стопроцентный шанс добиться успеха, играл так, как будто был здоров, скрипя зубами, преодолевая боль, проявляя высшие волевые усилия. Но когда такого шанса, как он полагал, не было, в борьбу практически не вступал, приберегая себя для настоящего дела. А зрители, не зная о состоянии здоровья Боброва, подчас освистывали его, считая, что он ленится...»

Евгений Евтушенко писал годы спустя: «Ему стало тяжело. В него вцеплялись, с него даже однажды

сорвали трусы, его били, били на хоккее, на футболе, всюду.

Публика, которая обожает своего любимца, бывает и страшно жестока к нему... У него уже были разбиты ноги, ему трудно было ходить. И поэтому он не тратил себя. Он аккумулялировал себя так же, как и Стрельцов в последние годы. Он не суетился, не бегал. Но публика считала это ленью. Публика забывала про ту боль, которая была у него в коленях. И уже кричали: “Боброва с поля!”, “Стрельцова с поля!”... Кричали те же самые, которые аплодировали вчера, не понимая, сколько человеку всё это стоило».

Серия московских матчей вызвала противоречивую реакцию. Председатель Спорткомитета Николай Романов в своих мемуарах, названных «Трудные дороги к Олимпу», отмечал: «На меня, да и на других, все эти встречи произвели довольно тягостное впечатление. Хотя наша сборная не проиграла ни одного матча, её выступления не вселяли уверенности, что в олимпийском турнире команда сыграет успешно. Почему?

Окончательный состав команды определился поздно, и вошли в неё хотя и опытные, но великовозрастные футболисты.

Б. А. Аркадьев не заметил (или не захотел взять на вооружение) то новое, главным образом в тактике игры, что показали наши соперники на недавних международных матчах в Москве. Учебно-тренировочная работа в коллективе была организована слабо и велась с явно недостаточными физическими нагрузками. К тому же Аркадьев, как это с ним часто бывало и раньше, без конца экспериментировал с составом команды, особенно в линии нападения. В результате футболисты так и не сумели сыгратьяся.

В его экспериментах отчётливо просматривалось недоверие к игрокам других клубов, привлечённых в сборную. Но, наверное, Аркадьев понимал, что включить в сборную только армейских футболистов нельзя: команда постарела и ни физически, ни психологически не выдерживала напряжения борьбы в ответственных матчах, что со всей определённой подтвердили последние международные игры.

Мы понимали, что твёрдой уверенности в успешном выступлении нашей сборной в олимпийском турнире нет. Но и не было особых оснований ставить вопрос о том, чтобы не участвовать в соревнованиях по футболу».

Мемуары тогдашнего спортивного руководителя появились 35 лет спустя. Можно легко простить Николая Николаевича за то, что он запомнил о поражении от сборной Польши. Нельзя оспорить тот факт, что в команде и в самом деле был избыток возрастных футболистов. Но других квалифицированных игроков в распоряжении тренера не было, смена поколений только началась. С какой стати было упрекать Аркадьева в затянувшихся многочисленных экспериментах, если это касалось исключительно линии нападения?

Для продолжения темы важен упрёк в недостаточных физических нагрузках в ходе учебно-тренировочной работы.

Вот как запомнилась эта ситуация 22-летнему Игорю Нетто: «Если мы не выигрывали товарищескую встречу, начиналась чуть ли не паника. Немедленно происходили изменения в команде, вводились новые игроки. Помнится, мы и двух матчей в то время не сыграли в одном и том же составе».

Валентин Николаев сделал такой комментарий: «Конечно, на Аркадьева очень давили, не давали спокойно работать. Он и сам потом признавался, что

сделал ошибку, поддавшись этому давлению. Лучше бы, говорил он, выставить всю армейскую пятёрку нападения. А что вы думаете? Гринин и Дёмин были тогда в порядке, сыграли бы нормально».

Критически отозвался о подготовке сборной в своей книге и Всеволод Бобров, но это были рассуждения другого порядка — опытного игрока, уже приступившего к тренерской работе: «Сейчас, вспоминая подготовку к олимпийскому турниру, я думаю о том, что шла она всё-таки не очень правильно. Одно перечисление проведённых нами товарищеских матчей показывает, что вся тренировка сборной в последние два-три месяца шла по одному руслу: игры, игры, игры.

Конечно, мы приобретали в них опыт международных встреч, которого нам тогда так не хватало. Но подумать только, сколько нервной энергии, сколько сил отдавали мы каждому матчу. Ведь соперники все как на подбор представляли собой грозную силу. Нужно было с каждым из них выкладывать всё, что умел. Тут уж было не до учёбы, не до опробования и наигрывания комбинаций. Куда полезнее было бы май и половину июня отвести тренировкам, лёгким, не имеющим большого значения играм для самоконтроля, а уж потом, когда всё было бы налажено, сыграть по-настоящему...»

Перед поездкой в Хельсинки вовсю трудились политруки в стремлении ещё выше поднять дух патриотизма спортсменов. Боброву было предложено вступить в партию. Что он и сделал, однако это не помешало ему ни тогда, ни в дальнейшем быть независимым в своих поступках.

Пристальное внимание руководящие органы международного футбола уделяли подлинности «любительства» футболистов стран социалистического

лагеря. Формально всё сходилось, но, скажем, хорошо знакомые с истинным положением вещей югославы долго колебались, посылать ли в Хельсинки свою сильнейшую сборную, которая в 1950-м сыграла в Лондоне со сборной Англии 2:2. И всё-таки лучших послали. На наше несчастье...

Отыгрались «сомневающиеся» при формировании пар на квалификационной стадии турнира. С помощью «жребия» сильные сборные социалистических стран были сведены друг с другом в 1/16 финала: Венгрия с Румынией, СССР с Болгарией.

Девяносто минут матча с командой Болгарии, который проходил в небольшом городке Котка, завершились 0:0. На 95-й минуте болгарский форвард Иван Колев, уйдя от опеки Башашкина, открыл счёт сильным ударом из-за штрафной.

Валентин Николаев был строг в оценке: «На мой взгляд, хотя и шёл мяч в “девятку”, такой умелый и опытный голкипер, как Леонид Иванов, должен был брать».

Аксель Вартанян в «Летописи» нашёл аналогию дальнейшим событиям в шахматной партии: «Наша сборная спокойно, не теряя головы, подобно маститому гроссмейстеру, завладела пространством, удобно расположила фигуры и, получив ощутимое преимущество, энергичными ходами в считанные минуты обратила его в материальное. Огромное давление на неприятельские позиции оказывал Ферзь — Всеволод Бобров.

Передаю ему слово: “Мне удаётся один из любимых рывков. Ухожу от защитника, чувствую за спиной его горячее дыхание. Надо бить, иначе сейчас произойдёт толчок. До ворот метров восемнадцать. Бью. Чувствую, как кто-то виснет на мне — догнал защитник. Но мяч уже в сетке.

Вскоре снова убегаю в прорыв, остаюсь один на один с вратарём. Он падает в ноги, но я успеваю отбросить мяч набегавшему Трофимову, и тот закатывает его в пустые ворота. Завидное хладнокровие! Пожелай Василий ударить красиво, 'со звоном', и мяч мог спокойно уйти за лицевую, ибо находился наш нападающий под очень трудным углом к воротам".

Комбинация Ферзя с лёгкой фигурой завершилась матом болгарскому королю — 2:1».

Запомним упоминание Вартаняном Трофимова как «лёгкой фигуры»...

В том матче — ещё при счёте 0:0 — выбыл из строя молодой левый крайний Анатолий Ильин. Вот как он описал этот момент в своей книге: «Побежал на верховую передачу, хотел опередить вратаря болгар Соколова. Но тот высокий, могучего сложения, выпрыгнул выше и со всего маха упал на меня. Я серьёзно повредил плечо...»

Оценивая этот матч, Николай Романов писал: «Игра с футболистами Болгарии, несмотря на победу, опять-таки вызвала большое разочарование. И не только у нас...»

Приведя ряд высказываний о том, что вся игра сводилась к атакам через Боброва, Романов заключил: «Считаю, что обозреватели правильно подметили наши слабости. И главные из них — несыгранность и игра только на лидера, на Боброва. Подобная "хитроумная" тактика всегда даёт возможность футболистам скрыть своё нежелание брать на себя ответственность за удары по воротам».

Михаил Якушин подошёл к оценке игры взвешенно, как и положено тренеру: «Надо отдать должное нашим футболистам. Они проявили тогда высокие волевые качества. Главное в той ситуации было не потерять

голову и не сбиться на навал. А как же действовать? Ведь мы проигрываем, да ещё ограничены во времени...

Могу сказать, что советская команда провела концовку той встречи образцово. Всё внимание она уделила атаке, но играла расчётливо, без суеты. И, что очень важно, не забывала об обороне, поскольку соперник в противном случае мог воспользоваться нашей увлечённостью и провести ещё один мяч, который перечеркнул бы все надежды на успех».

Считалось, что встреча с командой Болгарии проходила в корректной борьбе. Ничуть не бывало. Её участник Александр Тенягин в своих мемуарных записках отмечал: «Мой “визави” Петков всю игру преследовал и хватал за что попало, выкрикивая “красный фашист”».

Собственную игру Тенягин оценил резко критически: «Конечно, я должен быть готовым к разным моментам в игре, но надо признаться, что сыграл я из рук вон плохо. Правда, с моего хорошего паса Трофимов забил гол в ворота болгарина Соколова...

На разборе досталось мне по первое число, и... я прочно обосновался на скамейке запасных. Досталось не мне одному. Досталось Гогоберидзе и Ильину. Я же ругал себя за то, что не смог перебороть себя психологически в течение матча. Надо быть нахалом в игре».

Ключевую роль Боброва в победном голе «самокритичный» Тенягин по какой-то причине не упомянул...

Следующим соперником сборной СССР стала сборная Югославии. Весьма вероятно, что югославы были в тот момент сильнее, в их команде уже появилось много талантливых футболистов, имена которых гремели в 1950-е годы. Особенно сильна была линия атаки, где играли Райко Митич, Бернард Вукас, Степан

Бобек и Бранко Зебец. Отличались они не только высоким техническим мастерством, но и своим футбольным интеллектом. И совсем не случайно впоследствии Митич, Зебец, равно как полузащитники Вуядин Бошков и Златко Чайковски стали известными тренерами, возглавляли команды многих европейских стран.

Но в данном случае важность матча помимо спортивного соперничества подогревалась политической подоплёкой. Недавние друзья и единомышленники, генералиссимус Иосиф Сталин и маршал Иосип Броз Тито, стали к тому времени злейшими врагами. Сочетание «Клика Тито—Ранковича» стало жупелом, подавалось как главный недруг советского народа.

«До сих пор с досадой вспоминаю, — писал в своих мемуарах Леонид Иванов, — как перед выходом на поле некоторые деятели, сопровождавшие команду, чрезмерно долго и настойчиво внушали нам необходимость победить, победить во что бы то ни стало. Бесконечно напоминали об ответственности за исход соревнования, словно речь шла не о любимом всеми футболе, а о каком-то боевом сражении. Такие нотации и “накачки” только злили, нервировали и волновали игроков.

И когда английский судья Эллис вызвал команды на поле, один из наших защитников, пробегаая мимо меня, невесело бросил:

— Сегодня мы, Лёня, гладиаторы. Надо стоять насмерть!»

Неназванный защитник был совершенно прав. Советским футболистам действительно пришлось стать гладиаторами, столь велики были ставка и накал борьбы в том матче.

Наш состав в сравнении с первым матчем претерпел изменения в линии атаки. Оборона и полузащита

оставались неизменными. Их игра стабилизировалась и особых нареканий не вызывала. А впереди каждый раз продолжали мелькать новые лица.

Неплохо проявивший себя в московской серии 37-летний Николай Дементьев, сославшись на возраст, попросил не брать его на Олимпиаду. Вместо «отказника» в последний момент включили в заявку ещё не оправившегося от травмы Константина Бескова. С не залеченными до конца травмами отправились в Финляндию Всеволод Бобров и Валентин Николаев. В Котке стал нетрудоспособным Анатолий Ильин.

Бобров играл на уколах, недолечившегося Николаева поставили с Югославией вместо Тенягина. Посчитали, что больной армеец сыграет лучше здорового динамовца.

Полностью обновилось левое крыло. Не нашедшего общего языка с партнёрами Гогоберидзе сменил Фридрих Марютин, а покалеченного Ильина — Бесков, который из-за надрыва задней поверхности бедра месяц не тренировался.

Аркадьев видел его на месте инсайда. Бесков воспротивился: «Задачу передо мной поставили непосильную, если принять во внимание мою травму. Организовать атаку я ещё в состоянии, но совершенно не готов выполнять роль левого полусреднего... Слишком большой объём работы... Могу ещё как-то сыграть на левом фланге, хотя и это не моё место. Со мной согласились».

Ремарка Акселя Вартаняна констатировала: «В сравнении с первой игрой в нападении произошли три изменения. Только Трофимов и Бобров остались на своих местах. Они-то и сделали погоду».

Ход матча в Тампере в изложении Всеволода Боброва складывался так: «Поначалу казалось, что ничего страшного нет. Первые минуты инициатива

полностью в наших руках. Пятёрка нападения то и дело прорывалась в штрафную югославской команды. Уже на 3-й минуте Трофимов упускает реальнейшую возможность забить гол. Он открывается, получает пас, но с восьми метров бьёт неточно. Через несколько минут Бесков сильно бьёт с пятнадцати метров, мяч попадает в штангу, отскакивает в поле, его подхватывает Николаев, снова бьёт... и опять штанга...

Неожиданный, после наших атак, бурный натиск противника и пропущенный гол породили среди нас растерянность. И, что особенно плохо, дрогнула защита. Леонид Иванов играл великолепно, и, может быть, если бы не он, счёт был бы куда большим. Но грубейшие ошибки Крыжевского, Ныркова, Башашкина, являвшиеся следствием излишней нервозности, привели к тяжёлым последствиям. На отдых мы ушли при счёте 0:3...»

«Игровая инициатива полностью переходит к югославам... — вспоминал Леонид Иванов. — Им удаётся всё — и пасы, и удары, и выходы на свободное место. Игра идёт в одни ворота. Ошеломлены штурмом Башашкин и Ныров. Потерянно мечутся возле штрафной площадки Петров и Нетто, не успевая разобрать Митича, Бобека, Огнянова.

Первый гол мне забивает правый полусредний Митич. Через несколько минут правый крайний Огнянов, обыграв Крыжевского, удваивает счёт. За пару минут до перерыва левый крайний Зебец заставляет меня в третий раз выбить мяч к центру поля».

Вновь слово Всеволоду Боброву: «В раздевалке я увидел слёзы на глазах Лени Иванова. Но это были не обильные детские слёзы, которые он ронял много лет назад, а скупые слёзы мужчины и бойца.

— Ничего, старина, — сказал я ему, положив ладонь на его горячее плечо, — подожди, ещё разыграемся.

— Не утешай, Сева. Не верю я в это.

Честно говоря, я и сам не очень-то верил в то, что говорил. Однако...»

Однако основные события разворачивались отнюдь не в камерном тоне. Об этом поведал Валентин Николаев: «В раздевалке обнаружили всю “комсомольскую рать” — секретарей ЦК ВЛКСМ Михайлова с Шелепиным. Они учинили футболистам настоящий разнос. На меня и Боброва чуть ли не с кулаками набросились.

— Вы забыли, что представляете ЦДКА? — кричали “комсомольцы”.

Досталось всем. В том числе Борису Аркадьеву.

— А вы почему всё время молчите? — рявкнул Михайлов.

— Жду, когда вы закончите, — спокойно ответил Аркадьев и посмотрел на часы».

Взору Леонида Иванова явилась такая картина: «Царит гробовое молчание: каждый пытается осмыслить, что же произошло. Давно уже, даже не помним когда, советские футболисты не проигрывали с таким счётом. Аркадьев опустил голову, он в отчаянии. Быть может, только он в полной мере понимает, чем всё это может кончиться.

Молчание нарушает наш футбольный президент В. А. Гранаткин:

— Ребята, ещё не вечер! — говорит он. — Не могут же они в таком темпе играть два тайма: не роботы ведь. Попробуйте отыгаться.

Он не даёт нам никаких практических советов, тренерских установок, он только просит глазами, в которых застыли тревога и боль. Через силу Гранаткин рассказывает нам какие-то истории из прошлого, когда проигрывающая команда совершала чудо и оказывалась победительницей. Пожалуй, эти истории не очень убеждают нас, но мы видим, как Гранаткин старается помочь нам, поддержать, настроить нас на борьбу.

Мы смотрим друг на друга и неожиданно чувствуем, что ему это удалось. Никто из нас, выходя на второй тайм, не надеялся отыграться — очень уж велика была фора и слишком хорошо в тот день играли югославы, но каждый из нас в душе поклялся сделать всё, на что он способен».

Михаил Якушин обозначил проблему как тренер: «Перерыв между таймами короток. Мы с Аркадьевым прежде всего даём тактическую установку на игру против Вукаса. Стараемся подбодрить ребят».

Почему именно против Вукаса? Якушин разъяснял: «Можно сказать, что нас переиграл один футболист — центральный нападающий Вукас. Это был техничный и умный игрок, исключительно умело и точно распределявший мячи партнёрам. Ныне таких футболистов называют дирижёрами или диспетчерами. Неожиданность для нас заключалась в том, что Вукас занимал позицию сзади выдвинутых вперёд полусредних нападающих — Бобека и Митича...

Вина, конечно, лежала на нас, тренерах. Не смогли мы заранее из-за отсутствия информации подсказать защитникам, как действовать против Вукаса. Но и сами игроки, разумеется, не проявили на поле тактической зрелости. Получилось так, что оттянутого назад Вукаса вообще никто не опекал, и он умело воспользовался предоставленной ему полной свободой действий».

Остановился Михаил Иосифович в своей книге и ещё на одном важном обстоятельстве: «Во время подготовки к Олимпиаде на место правого защитника мы так и не смогли найти подходящего кандидата, и этот пост занял переведённый из стопперов Крыжевский. Центральный защитник он был, конечно, отличный. Я его ставил даже выше Башашкина, у которого тоже были немалые достоинства. Но у Башашкина не было той отчаянной решимости, какой обладал Крыжевский и

которая столь необходима центральному защитнику в борьбе с соперником на последнем рубеже обороны.

А вот на месте крайнего защитника Крыжевский чувствовал себя не совсем уютно. Не хватало ему специфических навыков этого амплуа, чем умело и пользовался Зебец».

Начало второго тайма вратарь Леонид Иванов описывал так: «Уже на второй минуте стремительный Огнянов убегает от своих сторожей и пушечным ударом бьёт в угол. В немыслимом броске дотягиваюсь до мяча кончиками пальцев, но остановить рукой поезд невозможно... 0:4».

Обратимся к воспоминаниям Всеволода Боброва: «На моём спортивном веку промелькнуло немало напряжённых футбольных матчей. Но, пожалуй, матч с командой Югославии превзошёл всё по остроте, по накалу страстей, по спортивной ярости.

В начале второго тайма мне удалось забить гол, но югославы, точно желая заверить нас в том, что надеяться не на что, тут же провели ещё один мяч. 1:5.

Что же произошло на поле? Право, трудно сейчас вспомнить, у кого что не ладилось, кто в чём виноват. Всё свелось к одному: что ни предпринимали мы вначале, стремясь как-нибудь перехватить инициативу, ничего не получалось. А югославам всё давалось легко и просто. Что ж, так часто бывает в спорте, когда первая неудача, первый промах надолго выбивают из колеи. И нужна чья-то неиссякаемая энергия, чей-то заразительный пример, огромная воля, чтобы изменить ход поединка.

Казалось, всё уже ясно. Югославы, уверовав в победу, оттянулись в защиту, мы тоже сбавили темп. И только Василий Трофимов, всегда собранный, боевой игрок, продолжал действовать остро и энергично. И когда до финального свистка оставалось меньше

пятнадцати минут, он как-то по-своему, по-трофимовски, резко срезал угол, пошёл с края к воротам, обвёл одного защитника, второго и очень хладнокровно, метко и сильно пробил в дальний от вратаря угол. Счёт стал 2:5...

Чудесным, оживившим нашу сборную бальзамом и явился второй гол, забитый Василием Трофимовым. Оцепенение, владевшее всеми нами, исчезло. Словно Василий своим спортивным подвигом, своим смелым поступком сказал всем нам:

— Смотрите, можно же играть в такой сложной обстановке. Можно бороться с ними. Можно и нужно верить, что ещё не всё потеряно!

Мы рванулись вперёд. Югославы ещё не поняли, не почувствовали назревающего в нас подъёма, не уловили наметившегося перелома в игре, а счёт 2:5 по-прежнему ублаживал их бдительность. К тому же до конца состязания — я посмотрел на большие часы на башне стадиона — оставалось ровно тринадцать минут.

Но как опасна, как неописуемо опасна в спорте самоуспокоенность. Как только в мозгу игрока появляется мысль, что игра выиграна, что исход поединка решён, — он перестаёт быть бойцом, перестаёт быть нужным человеком на поле...

Эту азбучную истину забыли футболисты Югославии. А мы о ней хотя и поздно, но всё же вспомнили. Наша пятёрка снова идёт на ворота соперников развёрнутым фронтом. Я бегу по центру, а в висках всё стучит и стучит одна неотступная, навязчивая мысль: “Надо забить, во что бы то ни стало забить!”

Мы спешим. Но не теряем чувства разумного. Очень хорошо помогают полузащитники. Особенно разыгрался Саша Петров. Он прекрасно отдал мяч вышедшему на свободное место Трофимову, тот отбрасывает его чуть назад Николаеву, а Валя хорошо заученным знакомым

движением переправляет его мне на свободное место между центральным защитником и воротами. Рывок. Уже я у мяча. Игрок соперников в нескольких сантиметрах от меня. Каждую секунду он может помешать. Медлить нельзя. Перекладываю мяч с ноги на ногу и бью по воротам. Видел, как взметнулся в воздухе вратарь, но не достал летящий мяч, и он затрепетал в сетке...

Стадион гудел, а мы продолжали играть. Собственно говоря, слово “продолжали” не совсем подходит в данном случае. Последние пятнадцать минут матча совершенно не были похожи на остальные семьдесят пять. Это была вдохновенная, неудержимая, ни на минуту не затухающая атака. Только что мы забили третий гол, и снова сильнейший удар Трофимова по воротам. Вратарь в броске едва достаёт мяч. Он выбивает мяч, его принимают наши защитники и точно посылают вперёд, на правый край, где на этот раз оказался Константин Бесков. Он очень резко вдет вдоль бровки, отдаёт точный пас мне, я мгновенно возвращаю мяч, и югославы, спасая положение, выбивают его за линию ворот.

Угловой. Его подаёт Бесков. Мяч идёт в штрафную площадь, примерно в район одиннадцатиметровой отметки. Я бегу навстречу ему, бегу изо всех сил, прыгаю. Одновременно со мной в воздух поднимаются два защитника. Но не даром у Бориса Андреевича Аркадьева многие годы мы учились искусству ударов головой, не даром посвящали этому долгие часы тренировок. Мастерство, добытое трудом, всегда отблагодарит тебя в трудную минуту. Сейчас, успев опередить соперников на какую-то долю секунды, я бью в угол. Могу вас заверить, что это был сильный удар. Вратарь в броске достал мяч, но не смог удержать. 4:5!..

Всё вокруг кипело страстью, а мы бежали к центру поля, чтобы скорее начать. Ведь теперь время тоже было нашим соперником.

Опять нарастает наше давление. Василий Трофимов, идущий по краю, чуть отпустил мяч. Югославский защитник совершенно откровенно и недвусмысленно отправляет мяч в аут, далеко за трибуны. Расчёт прост: пока его вернут в поле, пройдёт тридцать—сорок секунд, собьётся темп. Всё это правильно, однако очень неспортивно. Но наши соперники уже не считаются с этим. Они ещё и ещё бьют по аутам, задерживают ввод мяча из-за боковой линии. Дело доходит до того, что английский судья Эллис останавливает игру и делает им строгое предупреждение.

А время бежит. За пять минут до конца штанга отражает сильнейший удар Николаева. Затем мяч, пробитый мной, проходит прямо над перекладиной. Остаются четыре минуты, три, две, одна... Свалка у ворот. Прорвавшегося Марютина сбивает с ног вратарь. Они оба падают, а мяч медленно катится в ворота. Я уже кричу от радости, но в самое последнее мгновение один из защитников в невероятном прыжке выбивает мяч за ворота.

Последний угловой. Двадцать девять секунд до конца. Последняя надежда. Подаёт Трофимов. Всё нападение закрыто. Василий отбрасывает мяч за штрафную площадку, его принимает набегающий полузащитник Александр Петров и пушечным ударом забивает гол. Я вижу, как вратарь, не дотянувшийся до мяча, лежит на земле и от злости стучит кулаками. И вижу, как Эллис поднимает две руки. Конец! Счастливый конец.

Впрочем, какой там конец. Ведь по олимпийским правилам в матче обязательно должен быть выявлен победитель. И сейчас будут назначены дополнительные тридцать минут. Судья подходит к капитанам и

предлагает играть без перерыва: уже темнеет, а на стадионе нет искусственного освещения. Соглашаемся сразу.

Мяч снова вводится в игру. Игнали мы тоже хорошо, но не так. Считали, что самое трудное уже позади. Уравняв, казалось бы, безнадёжный счёт, озадачив самоуверенных югославских футболистов, мы сами попали в плен самоуверенности. Мы больше думали о том, что уже сделано, а не о том, что нужно сделать. И это погубило нас...

Не скрою, мы имели неоспоримый территориальный и игровой перевес в дополнительные полчаса, но использовать его не смогли.

Даже сейчас, десять лет спустя, тоска сжимает сердце, когда вспомнишь, как много моментов мы не использовали. Я пробил в штангу. Валя Николаев метров с шести-семи послал мяч прямо во вратаря. Саша Петров и Константин Бесков тоже угодили в штангу. Ах, если б не эта штанга! Но виновата, конечно, не она... Мы играли уж очень скученно, очень нервозно, а результат остался неизменным — 5:5».

Поскольку по понятным причинам Бобров ряд игровых моментов описал бегло, сделаем это устами его партнёров.

52-я минута. 1:4. Леонид Иванов: «Бобров, получив наконец-то точную передачу, смещается ближе к воротам и вкладывает в удар всю нашу надежду и отчаяние. Мяч, не коснувшись вратаря, влетает в ворота югославов. Ура! Может быть, теперь пойдёт?»

После счёта 2:5 (75-я минута). Игорь Нетто: «Остриём, вершиной этого волевого взлёта был, бесспорно, Всеволод Бобров. Атака следовала за атакой, и неизменно в центре её оказывался Бобров. Словно не существовало для него в эти минуты опасности резкого столкновения, словно он не намерен был считаться с тем, что ему хотят, пытаются помешать

два, а то и три игрока обороны. При каждой передаче в штрафную площадку он оказывался в самом опасном месте».

77-я минута. 3:5. Комбинация, приведшая к голу, началась после углового, поданного с левого края Бесковым.

Игорь Нетто: «Гол, который он забил “щёчкой”, вырвавшись вперёд, забил под острым углом, послав неотразимый мяч под штангу, до сих пор у меня в памяти. Это был образец непревзойдённого мастерства...»

После счёта 3:5. Леонид Иванов: «Югославы прижаты к воротам. Бобров громко кричит: “Все вперёд! Они устали!”».

90-я минута. 5:5. Угловой. Подавать со своего правого фланга побежал Василий Трофимов. Константин Бесков его остановил: «Тут я ему и говорю: “Разреши, я подам”. — “Давай, раз тебе так везёт”, — ответил Трофимов. Я перехожу на правый край, устанавливаю мяч возле углового флажка, коротко разбегаюсь, навешиваю на штрафную площадку, и Александр Петров сквитывает счёт!»

Фридрих Марютин: «Особенно мне последний мяч запомнился. Трофимов, по-моему, угловой подавал, а Сашка Петров мне кричит: “Ты ростом маленький, отойди — я на твоё место!” И головой забивает!»

Дополнительное время. Александр Нилин со слов Василия Трофимова записал: «Трофимов выдал от лицевой линии отличный пас Бескову. Тот бил с шести метров и попал в штангу. Мяч отскочил к Николаеву. Николаев без подготовки сильно пробил...»

Михаил Якушин: «Множество голевых моментов не использовала сборная СССР. Один из них до сих пор стоит перед глазами. Бесков с линии площади ворот спокойно бьёт, как мы говорим, “щёчкой”, наверняка, а

мяч попадает... в штангу. И происходит это буквально за минуту до конца игры».

Константин Бесков: «Позиция у меня была всё-таки не голевая. Уж очень под острым углом к воротам я оказался. С этого места успеха можно было добиться лишь ударом с подкруткой, подрезав мяч. Такой удар я и выполнил своей травмированной правой ногой, но, к сожалению, мяч попал в штангу».

Удар Николаева с нескольких метров в дополнительное время парировал вратарь Беара.

Валентин Николаев: «Бил вроде бы правильно, но удар получился “поясной”, а надо было бы пониже — тогда бы вратарь не взял».

Автандил Гогоберидзе: «Николаев, оставшись один, метров с 6-7 попал прямо во вратаря. Удар был настолько сильный, что рикошетом от груди вратаря мяч вылетел за пределы штрафной площадки».

Фридрих Марютин припомнил, что на матче присутствовала сборная Венгрии и болела за советскую сборную: «Венгры страстно хотели сыграть с нами в финале. И обыграть! В товарищеских-то играх мы их чесали... А венгры-то покрепче югославов были. В самом расцвете. Англичан разодрали...»

Переигровка состоялась через два дня, там же в Тампере. Ей предшествовали два заслуживающих внимания события.

Первое — футбольное. Сначала посмотрим на него глазами тренера Михаила Якушина: «На следующий день после первой встречи с югославами в жаркий полдень мы провели тренировку. Была ли в ней нужда? Безусловно. Но для того, чтобы сбросить усталость, надо было легонько побегать, побаловаться, как говорится, с мячом. А мы, тренеры, чуть переборщили с нагрузкой, да и сами футболисты не проконтролировали своё состояние... Переусердствовали, словом, и те и

другие. Неудачным и тяжёлым получилось это занятие накануне ответственной игры. Для меня, во всяком случае, эта тренировка стала уроком на всю жизнь...»

Анатолий Башашкин рассказывал: «Мы мечтали отоспаться, но нас почему-то разбудили рано и повели на зарядку. На наши недоумённые вопросы отвечали: “После зарядки позавтракаете и спите дальше”. Улеглись после завтрака спать, как вдруг часов в 12 будят: “На тренировку!” Опять недоумеваем. Подошёл я, помню, к Владимиру Васильевичу Мошкаркину, он вроде как начальником команды у нас был, и спрашиваю: “Почему поспать не дали?” А он в ответ: “Ты что? У югославы выиграть не хочешь?” Махнул я рукой и пошёл тренироваться».

Второе из анонсированных событий — политического свойства. Его представим по мемуарам Николая Романова: «В день матча с югославской командой приехал посланник Советского Союза в Финляндии В. З. Лебедев... Я сразу заметил, что он чем-то взволнован и встревожен. Виктор Захарович рассказал, что только что получена телеграмма из Москвы от И. В. Сталина по поводу футбола...

Мне было известно, что в Москве отношение к футболу особое, тем более к предстоящему повторному матчу с Югославией. Телеграмма это подтвердила...

На собрании я полностью зачитал примерно двухстраничный текст телеграммы... Всем футболистам было ясно, чего от них ждут. Конечно, телеграмма ещё больше поднимала ответственность каждого за исход матча, но, к сожалению, на игроков она оказала слишком сильное психологическое воздействие и вместо уверенности породила нервозность».

Можно сравнить и ощущения игроков. Об атмосфере в стане соперников рассказывает Райко Митич: «До сих пор все говорят, что на вторую встречу нас настраивали особо, но, по моим воспоминаниям, кроме рассказа о

том, что Тито слушал по радио репортаж о первой встрече, никакого специального нажима на нас не оказывали.

Помню ещё, что накануне повторной игры Златко Чайковски допоздна водил нашу команду по парку, где мы жили, и внушал всем, что мы сильнее сборной СССР и потому должны победить. Он сумел настроить игроков».

В советской сборной, как мы уже знаем, всё обстояло иначе. Автандил Чкуасели вспоминал: «Я хорошо помню, что до начала матча нам, игрокам, показали телеграмму от Сталина: “Мы в вас верим, вы должны победить”. Да, нам напоминали, и довольно часто, что матч надо выиграть во что бы то ни стало. Это на нас действовало не столько ободряюще, сколько угнетающе».

Волею судеб именно Чкуасели оказался в центре внимания при рассмотрении причин неудачи в переигровке.

Молодой тбилисец, который обычно играл на позиции левого крайнего нападающего, вряд ли мог себе представить, что будет призван в основной состав.

Глубоко проанализировал эту ситуацию Аркадий Галинский. Оказывается, в день матча врач команды Алексей Найдёнышев и Константин Бесков подтвердили, что динамовец готов сыграть инсайдом. Это известие обрадовало Аркадьева, но вводить в состав Марютина он на сей раз счёл нецелесообразным. Иными словами, тренер, имея возможность поменять по сравнению с первым матчем местами Бескова с Марютиным, делать этого не стал.

«Аркадьеву хотелось, чтобы в переигровке у футболистов был гораздо больший, нежели в первом матче, простор для атакующей игры в центральной полосе, — продолжал Галинский. — И следовательно, требовалось максимально растянуть вдоль фронта

югославскую защиту и полузащиту. А этого можно было достичь только путём равномерного “посева” пяти нападающих по всей ширине поля.

Тогда-то Аркадьев подумал о Чкуасели и, переговорив с ним, убедился, что молодого футболиста перспектива участия в переигровке ничуть не смущает. Впрочем, прежде чем объявить о своём решении, Аркадьев держал совет с Якушиным, а затем — в его присутствии — с Бобровым, Бесковым, Николаевым и Трофимовым. Возражений против кандидатуры Чкуасели не выдвинул никто».

Далее Аркадий Галинский раскрыл план тренеров, суть которого состояла в том, что своей активностью на фланге Чкуасели должен был связать действия правого защитника — лучшего в обороне югославов — Бранко Станковича.

«Оказывается, Аркадьева привлекало умение Чкуасели действовать по “желобку”, — пояснил Галинский. — Это означало, что без крайней надобности он не станет смещаться в центр, а следовательно, уведёт и своего визави к боковой линии».

Однако ставка на форварда из Тбилиси себя не оправдала. Фридрих Марютин поделился наблюдениями: «Я на скамейке сидел, смотрю: Чкуасели на первых же минутах ка-а-к по флангу прошёл, отличную передачу сделал! И всё. Встал на бровке. Скамейка близко, грузины — запасные — ему кричат: “Давай, беги!” — а тот в ответ: “Не могу, трясёт меня...” И играли десять человек».

Именно это как причину поражения в матче с югославами и инкриминировали затем Борису Аркадьеву. В ход шли разные аргументы, вплоть до того, что Чкуасели плохо владел русским языком и не понимал подсказок тренеров.

Факт, однако, остаётся фактом: Чкуасели сыграл неудачно и был слабым помощником партнёрам. Что и

признал впоследствии выдвинувший его Михаил Якушин.

Переигровку Всеволод Бобров прокомментировал так: «И на второй матч с югославами мы выходили с желанием обязательно добиться победы... Решено было, если, конечно, это удастся, сразу захватить инициативу, атаковать с первых минут, подключая для этой цели обоих полузащитников.

— Нужно постараться сразу же добиться успеха, прочно захватить центр поля, заставить противника обороняться, — говорил нам на установке Борис Аркадьев.

Поначалу всё шло по плану. Мы прочно заперли соперников в зоне штрафной площади, и на 6-й минуте мне снова удалось забить гол. Однако через тринадцать минут югославы проводят ответный мяч.

А ещё через десять минут произошёл трагический для нас случай. Кто-то из югославских полузащитников навесил мяч на штрафную площадь. Здесь не было ни одного нападающего соперников. Анатолий Башашкин размахнулся для удара, но в этот момент мяч, ударившись о кочку, отскочил в сторону и попал нашему защитнику в руку. И хотя не было никакой реальной угрозы воротам, хотя каждому мало-мальски знакомому с правилами было ясно, что это досадная случайность, не влияющая на течение игры, англичанин Эллис, судья, безусловно, хороший, творчески мыслящий, на этот раз оказался педантом. Он назначил одиннадцатиметровый удар. Бобек пробил сильно, точно. 1:2».

Гол Боброва описал в своей книге Игорь Нетто: «Всеволод Бобров, получив мяч, неожиданным, быстрым ударом забил гол буквально в просвет между игроками бросившейся к нему защиты».

Правильность ответного мяча югославам на 19-й минуте поставил под сомнение Николай Романов: «Из явного положения “вне игры”, которое судья якобы не заметил, в наши ворота был забит гол. Счёт стал 1:1...»

Аксель Вартанян, видевший гол в записи, убедился: «Разыграли трёхходовку Вукас — Зебец — Митич мастерски: по центру в одно касание, минуя наших игроков, словно тех и не было. Офсайд Романову померещился: Нырков, когда Митич вышел на свидание с Ивановым, находился ближе к своим воротам. Никто из футболистов не усомнился в правильности забитого Митичем гола, кроме Иванова: “Мне показалось, что он был забит из положения ‘вне игры’, но Эллис неумолимым жестом на центр поля рассеял мои сомнения”».

Если в ситуации с ответным голом английский арбитр был прав, то десять минут спустя его решение оказалось глубоко сомнительным, что и изложил Бобров. Леонид Иванов подтвердил: «А затем судья уже точно ошибся. Полузащитник югославов Чайковски метров с тридцати навесил мяч над нашей штрафной площадкой. Я был совершенно один и закричал Башашкину: “Пропусти!” Но Башашкин почему-то решил сам остановить нетрудный мяч и принял его на грудь. И тут Эллис внезапно показал на одиннадцатиметровую отметку. Пенальти? За что? Ведь Башашкин не задел мяч рукой. Я отлично видел, что он остановил мяч грудью. Однако все знают, как бесполезно спорить с судьями.

В прыжке я дотронулся до мяча пальцами, но остановить его не смог...»

«Этот мяч как бы надломил силы команды», — констатировал Автандил Гогоберидзе.

Если в первом матче игра команд была относительно корректной, то в повторной встрече реализованный югославами пенальти послужил как бы

сигналом к бою. Предматчевые накачки дали свои плоды.

«Игра кончилась, — вспоминал Автандил Чкуасели. — Двадцать измождённых, ничем друг перед другом не виноватых людей рубили и косили друг друга по ногам, толкали, швыряли в лицо друг другу ругательства и политические обвинения...»

Юрий Ныркв рассказывал, как после очередной стычки кто-то из югославов бросил ему в лицо: «Вы фашисты!» — «Сам ты фашист!» — не остался в долгу наш защитник, фронтовик, кавалер боевых орденов.

Во втором тайме игра команд, по словам Леонида Иванова, напоминала схватку уставших боксёров: вялый обмен ударами в ожидании спасительного удара гонга. Как вспоминал Василий Трофимов, «бежать мы могли только по прямой. На манёвр сил уже не оставалось». Нехваткой сил, предельной усталостью можно объяснить и третий пропущенный гол, который стал завершающей точкой в матче.

Леонид Иванов рассказывал: «Югославский полузащитник Чайковски отнял мяч у Бескова и стал медленно приближаться к моим воротам. Я вижу, как он подходит всё ближе и ближе, а его никто не преследует. Это напоминало кошмарный сон человека, не в меру начитавшегося детективных романов, когда на тебя идёт убийца, а ты не в силах пошевелить даже рукой. Устало глядит вслед Чайковски остановившийся Бесков, пятится назад Петров. Когда Чайковски уже подошёл к штрафной площадке, я громко крикнул Петрову: “Не давай бить! Иди под удар!”

Петров словно не слышит меня и продолжает отступать. В этот момент Чайковски прицельно бьёт в правый верхний угол. Успеваю занять позицию для приёма высоко летящего мяча. И тут вдруг на мяч устремляется Петров. Мяч попадает ему в голень и,

круто изменив направление, влетает в противоположный верхний угол.

Вторично совершить чудо мы уже не смогли...

Помню, как нас собрал председатель Спорткомитета Н. Н. Романов. “Поговорим начистоту, ребята, почему проиграли?” — спросил он.

И мы рассказали ему как на духу о своих горестях и обидах по поводу бесконечной чехарды в составе команды. Все считали, что в повторной игре не надо было выступать травмированному накануне Косте Крыжевскому. Ведь на скамье запасных просидели обе встречи отличные защитники Гомес и Дзяпшипа.

Неоправданным, по нашему мнению, было и решение тренеров в повторной встрече перевести техничного, но не любящего черновой работы Бескова с места левого крайнего на место левого полусреднего, где он заменил трудолюбивого Марютина.

И уже совсем ошибочным оказалось появление на левом краю нападения совершенно не сыгранного с партнёрами тбилисца Чкуасели...»

Николай Романов записал в своих мемуарах: «Уже на следующий день после поражения было получено указание отправить домой футбольную команду, а кому-то из руководства делегации — прибыть в Москву для объяснения причин проигрыша...

Вместе с командой был направлен Г. М. Рогульский, который в 1952 году работал председателем Московского городского комитета по делам физической культуры и спорта и находился в Хельсинки в качестве руководителя футбольной команды».

Глава спортивного ведомства в своей книге воздавал должное Рогульскому, который незадолго до Олимпиады возглавил Всесоюзную секцию гимнастики и наладил её работу. Его подопечные выступили в Хельсинки блистательно: Мария Гороховская и Виктор

Чукарин стали победителями в многоборье, выиграны были и командные соревнования. Вот бы и праздновать Георгию Михайловичу триумф гимнастов, а его отправили с футболистами «яко овцу на заклание»...

Команда отправилась домой поездом, а Бориса Аркадьева «депортировали» самолётом. Валентин Николаев рассказывал: «Борис Андреевич был срочно вызван в Москву, куда и улетел ближайшим рейсом. Потом мы узнали, что первую ночь на родине он провёл не дома, а там, куда по ночам только вызывали. Пока обошлось. Под утро появился дома. Расстроенный, в подавленном состоянии духа...»

Разговор с наставником сборной в «инстанции» был суровым. Десятилетия спустя в интервью Аркадию Ратнеру для журнала «Футбольная правда» дочь Аркадьева Светлана Борисовна признавалась: «Я как-то невольно подслушала его разговор и страшную папину фразу: “Не знаю, что делать. С собою, что ли, кончать?” Можете себе представить реакцию мамы и мой ужас».

Михаил Якушин писал: «Настроение у всех было ужаснейшее. Обидно было до слёз — три игры бились из всех сил, но ничего не добились.

Я и сейчас считаю, что команда у нас тогда была одной из лучших на олимпийском турнире... И играла та команда неплохо. Было бы чуть побольше у её футболистов и тренеров опыта международных соревнований на уровне сборных и не сложились бы так трудно наши матчи, думаю, уже в то время мы могли бы завоевать одну из медалей Олимпиады.

Всю команду немедленно отправили домой. В Хельсинки оставили только меня посмотреть заключительные матчи олимпийского турнира, поучиться, так сказать, на лучших примерах. Я и стал свидетелем отличной победы великолепной венгерской сборной в финале над югославами — 2:0».

Предложение задержаться в финской столице и досмотреть олимпийский турнир Романов сделал и Всеволоду Боброву. Но капитан отправился в Москву вместе с товарищами.

Вспоминая впоследствии игры с командой Югославии, Бобров говорил: «Моей страстной мечтой было выиграть Олимпийские игры 1952 года. Увы, не удалось, хотя мы были к её осуществлению ближе, чем многие об этом думают. Подвели две роковые ошибки защиты в повторном матче с Югославией».

В своей книге Всеволод Бобров итоги выступления на Олимпиаде подвёл так: «К сожалению, до сих пор о ней писали очень мало и очень стыдливо, как о чём-то недостойном...

Поэтому сейчас я считаю своим долгом, делом своей чести реабилитировать в глазах общественного мнения сборную 1952 года и всё, что она сделала.

Во-первых, я уже отмечал выше, что сборная формировалась наскоро, в пожарном порядке и, по существу, не имела времени для нормального учебно-тренировочного режима.

Во-вторых, нельзя забывать, что это было наше первое за всю историю советского футбола выступление в официальном международном турнире вообще и на Олимпийских играх в частности.

В-третьих, в упорной и равной борьбе мы уступили сильнейшей югославской сборной, ставшей впоследствии финалистом олимпийского турнира. И хотя мы выбыли из соревнований — от проигрыша никто не гарантирован, — славы и репутации советского футбола не уронили».

О своём личном вкладе Бобров, понятно, не рассказал. За него это сделали другие. Например, Игорь Нетто: «Такого, как Бобров, не было ни у болгар, ни у югославов. Да и сейчас, если говорить откровенно, я не вижу ему равных по классу, а главное, по характеру

бойца». И знаменитый форвард сборной Югославии Степан Бобек признавался: «Перебирая страницы прошлого, я невольно возвращаюсь к олимпийскому матчу против советской сборной. Игра Всеволода Боброва в этом матче превзошла всё, что я видел за свою долгую футбольную жизнь. Это был великолепный мастер и непревзойдённый боец».

Сказано это было в 1965 году, когда перед взором Бобека уже прошли Ференц Пушкаш, Альфредо ди Стефано, Пеле и многие другие футбольные гиганты...

По общему признанию и советских, и зарубежных специалистов, лучшими в советской команде были Всеволод Бобров и Василий Трофимов. Назвав Боброва Ферзём, Аксель Вартанян Трофимова обозначил как «лёгкую фигуру». Неправ был летописец. Применительно к шахматной терминологии Трофимов заслуживал определения «тяжёлая фигура».

Александр Нилин из общения с ними вынес такое суждение: «Интересно, что ни Бобров, ни Трофимов никогда не распространялись о своей вовсе неплохой игре в том злополучном матче с югославами, никогда и нигде не смаковали, например, подробностей тех ситуаций, что позволили им поразить ворота противника.

Лидеры по своей спортивной сути, они переживали, вероятно, что им не удалось переломить весь ход игры. А некоторые удачи они себе в заслугу ставить не хотели. Отделять же себя от неудачно сыгравшей команды не считали возможным.

Однако строгость критики в адрес проигравших представлялась им излишней...»

Что же касается сожаления Всеволода Боброва о том, что о выступлении сборной СССР на той Олимпиаде мало писали, сие упущение спортивные журналисты давно наверстали. Более того, разгорелись горячие

споры вокруг некоторых моментов олимпийского дебюта сборной.

Помимо игровых аспектов полемистов интересовали и последствия той неудачи. Выдержки из статьи Аркадия Галинского «Тайна команды лейтенантов», опубликованной в «Советском спорте», мы выше не единожды приводили. Появилась она в ответ на публикацию в журнале «Спортивные игры» документальной повести Александра Горбунова и Станислава Токарева «Точка разрыва».

Анализируя причины поражения сборной, соавторы свели их к просчётам тренеров. Это касалось и селекции, и перетренированности игроков, и тактических промахов, и отсутствия твёрдой линии в действиях старшего тренера. И как апофеоз в этой цепи — выбор на решающий матч Чкуасели.

Досталось в этой связи и Якушину, который инициировал введение в состав Чкуасели. Сделал он это якобы в угоду политической конъюнктуре. Чтобы в случае победы вожди-грузины Сталин и Берия узнали, что именно Якушин предложил кандидатуру грузинского форварда.

Необъективность подходов и поверхностное восприятие процессов и событий в изложении авторов «Точки разрыва» были аргументированно оспорены Аркадием Галинским. При этом он отнюдь не пытался представить итог выступления советской сборной на Олимпиаде как достижение.

Галинский «поставил на место» своих оппонентов и в том случае, когда фантазия довела их до утверждения, будто бы футболисты, возвращаясь на родину, опасались, что их в том же вагоне отправят в Сибирь.

В этой связи нам показалось уместным привести историю из книги Михаила Прозуменщикова «Большой спорт и большая политика».

За рубежом стали распространяться слухи о том, что советские футболисты репрессированы, сосланы в лагеря. В качестве контрпропаганды на высоком уровне было принято решение довести до мировой общественности, что футболисты живы-здоровы и с ними ничего не случилось.

С этой целью по поручению ЦК КПСС в срочном порядке подготовили статью за подписью популярного радиокомментатора Вадима Синявского, которая, как было сказано в сопроводительной записке, предназначалась «для итальянской прессы в связи с дезинформацией реакционной печати этой страны по поводу советского футбола и в частности футболистов ЦДСА».

Статья была написана в виде рассказа о посещении Синявским капитана сборной СССР Всеволода Боброва. В ходе повествования автор неоднократно упоминал фамилии бывших футболистов ЦДСА и то, чем они занимаются в данный момент: кто-то тоже пришёл в гости к Боброву, кто-то в эти минуты играл за хоккейную команду ВВС и т.п. Главный вывод, который должен был сделать простой итальянец, прочитав эту статью, таков: все футболисты на свободе, никто не репрессирован, не сослан в Сибирь.

Публикацию, правда, придержали, а через три месяца вопрос потерял свою актуальность. И. В. Сталин умер, и уже в 1954 году ЦДСА внезапно, также как и пропал, вновь появился в элитном дивизионе.

Выходит, что итальянские «тиффози» полтора года — срок немалый — пребывали в неведении о судьбе армейских футболистов...

Доказал Галинский и то, что печально знаменитый приказ Всекомфизкульта № 793 от 18 августа 1952 года, согласно которому была расформирована футбольная команда ЦДСА (его «копия» была опубликована в журнале «Спортивные игры»), на самом деле не имеет

никакого отношения ни к Олимпийским играм, ни к футбольной команде ЦДСА.

Однако расследование этого подлога не является задачей нашей книги. Для нас важны факты бесспорные. А они таковы. Николай Романов получил указание секретаря ЦК КПСС Георгия Маленкова распустить команду ЦДСА. Что и было исполнено. 17 августа, накануне матча с киевским «Динамо», собравшимся на тренировку футболистам ЦДСА было объявлено, что команда расформирована.

Возражения Романова, что в сборной были игроки многих клубов, власти предержащие во внимание не приняли. Был снят с работы и лишён звания заслуженного мастера спорта Борис Аркадьев (звания заслуженного тренера СССР в ту пору ещё не существовало). Та же участь постигла Константина Бескова и Валентина Николаева. Звания мастеров спорта лишились Анатолий Башашкин, Константин Крыжевский и Александр Петров. К тому же Бесков, Башашкин и Крыжевский были на год дисквалифицированы.

Реабилитация футболистов состоялась после смерти Иосифа Сталина.

Что касается основного потерпевшего — Бориса Аркадьева, то 8 октября он держал ответ перед футбольной общественностью. Ознакомившись с текстом выступления Аркадьева, Аксель Вартанян охарактеризовал его как «достойное, выдержанное, самокритичное, умное и довольно смелое». Но в то время, когда тренера шельмовали как на этом совещании, так и в директивном порядке на собраниях в различных командах, Борис Андреевич был уже озабочен другими проблемами. В сентябре он возглавил столичный «Локомотив».

О своём «сватовстве» в железнодорожное ведомство Аркадьев поведал Константину Есенину в книге «Московский футбол»: «Меня пригласили к министру путей сообщения. Была у нас с ним довольно долгая беседа... Министр был мягок, мил. Внешне напомнил мне моего отца. Знаете, это и сыграло решающую роль. Я принял приглашение».

Министр путей сообщения Борис Павлович Бещев был большим любителем футбола и всегда поддерживал свою команду. Вернувшись в класс «А», «Локомотив» терпел бедствие, с двумя очками замыкая турнирную таблицу.

Сработал Аркадьев блистательно. Одержав пять побед, команда финишировала на безопасном девятом месте. В той же беседе с Константином Есениным он говорил: «Чтобы остаться в высшей лиге, надо было совершить чудо. Надо было выиграть почти все матчи, включая встречи с лидерами. И чудо свершилось. Мы начали обыгрывать всех. Это был великолепный коллективный подъём. На каждую игру вся команда и каждый игрок выходили в состоянии предельной мобилизованности сил и чувств. И мы в каждый отдельный момент оказывались сильнее любой команды, которая была на нашем пути. Это были интересные дни».

Недоброжелатели, а их было немало, вынуждены были прикусить языки. Борис Андреевич, в голове которого незадолго до того мелькала мысль о суициде, явил пример стойкости и умения повести за собой совсем было отчаявшихся футболистов.

Игрок той команды, будущий заслуженный тренер СССР Евгений Лядин рассказывал: «Аркадьев не изменил ничего. Это всё эмоции. Новый тренер — вот каждый игрок и хотел себя показать. Мы и ВВС должны были обыграть, но у лётчиков настоящие чудеса творил в воротах Николай Пучков. Тот самый, который затем

выбрал хоккей и выигрывал со сборной СССР золото чемпионатов мира и Олимпиады.

Аркадьеву очень благодарен — за его подсказки, почти всегда неожиданные, но очень толковые. Он давал нам общую канву игры, не вдаваясь в подробности. Понимания достигал примерами из футбольной практики. Мог дать такую установку на матч: “Турнирное положение наше сейчас — помойная яма. Если и сегодня проиграем, крышка люка над нами захлопнется”, — и хлоп себя двумя руками по голове. Игроки хохочут, но потом выходят и выигрывают».

Не было возможности предаваться унынию и у Всеволода Боброва. Дела у команды лётчиков шли не лучшим образом. За весь чемпионат они одержали всего две победы. Одну над «Локомотивом», и то благодаря Николаю Пучкову, а другую — над игравшим уже в звании чемпиона московским «Спартаком». Победный гол забил играющий старший тренер Всеволод Бобров.

О послеолимпийских переживаниях Боброва писал Анатолий Салуцкий: «После поражения в Тампере в футболисте Боброве произошёл как бы надлом. И дело заключалось вовсе не в травмах. Всеволод понимал, что Олимпиада-52 была вершиной его футбольной карьеры, его самым высоким взлётом и одновременно — лебединой песней. После возвращения из Финляндии в большом доме на Соколе, в угловой квартире № 8 на четвёртом этаже, где жил Бобров, собрались его друзья, чтобы послушать рассказ о том, как всё произошло.

Всеволод начал говорить, но вдруг уронил голову на продолговатый, с закруглёнными краями раздвижной стол и, не стесняясь, навзрыд заплакал. Никогда друзья не видели его в таком состоянии: долгие рыдания буквально сотрясали Всеволода. И лишь выплавав своё

большое горе, он начал рассказывать о горькой олимпийской неудаче: героически свести вничью при счёте 1:5, а на следующий день (на самом деле — через два дня. — *М. Щ.*) проиграть!

Было от чего прийти в отчаяние.

Замечательный футбольный тренер Борис Андреевич Аркадьев, глубоко потрясённый случившимся на Олимпиаде и после неё, уже не нашёл в себе моральных сил подняться до прежнего уровня, до прежних тренерских высот. И Всеволод Бобров тоже ощутил своего рода душевную опустошённость, после Олимпиады-52 мысленно расстался с футболом. Впоследствии он сказал одному из друзей, что в тот день, когда он рассказывал о случившемся в Тампере и долго рыдал, он оплакивал собственные футбольные похороны».

Преданный друг Боброва Олег Белаковский вспоминал: «Когда известный спортивный врач, доктор медицинских наук Зоя Сергеевна Миронова демонстрирует изумлённой аудитории колени Боброва, кто-то обязательно задаст вопрос:

— Скажите, профессор, так ничего и не удалось сделать? Он так и не смог впоследствии самостоятельно двигаться?

— Не только смог двигаться. Человек с такими коленями играл в футбол. И как играл! В 1952 году на Олимпийских играх этот человек решил исход одного из самых ответственных матчей...

— Фантастика!

— Фантастика? Представьте себе, нет...»

Сын и продолжатель дела Зои Сергеевны Сергей Павлович Миронов в интервью «Спорт-экспрессу» (от 23 ноября 2012 года), отвечая на вопрос, была ли операция, которую ваша мама вспоминала как особенную, говорил: «Две таких. В Югославии

оперировали Всеволода Боброва, повреждение менисков на обоих коленных суставах. Так вот маме пришлось всё переделывать. Это был риск, но у неё получилось».

Второй эпизод был связан с Валерием Брумелем. Олимпийский чемпион по прыжкам в высоту попал в Центральный институт травматологии и ортопедии (ЦИТО) после аварии на мотоцикле. Ему грозила ампутация ноги, но Мироновой удалось этого избежать. «Об этом никто не знает, — сказал Сергей Павлович. — Зато все пишут, что восстанавливаться Брумель поехал в Курган, к академику Илизарову...»

Пусть таким образом расставил акценты знаменитый атлет-«высотник». Мы же можем констатировать, что Миронова сумела продлить спортивную жизнь Боброва.

Зоя Сергеевна рассказывала: «Спустя два года Всеволод Михайлович Бобров повредил другой коленный сустав — внутренний мениск и внутреннюю боковую связку. Вот тогда я его прооперировала, и успешно».

Скорее всего, Миронова имела в виду операцию, которую она сделала в конце 1952 года, потребовавшую долгой реабилитации спортсмена, поскольку после последней операции — в 1953-м — Всеволод Михайлович восстановился сравнительно быстро.

Олег Белаковский продолжал: «К сожалению, победа на олимпийском турнире досталась не нам. В дополнительном матче мы югославам всё-таки проиграли. Расстроенными футболисты уезжали из Финляндии.

А потом, уже в Москве, я снова вёз своего друга в ЦИТО. И снова была операция. Были долгие дни лечения и долгие месяцы восстановления. И снова были игры...»

ХАОС В СПОРТИВНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Весной 1953 года среди футболистов и хоккеистов ВВС царил смятение. Преемник Василия Сталина на посту командующего ВВС МВО генерал-полковник С. А. Красовский кардинально поменял внутреннюю политику в округе: прекратил выделять квартиры спортсменам, резко усилил контроль за расходованием средств, полностью перекрыл незаконные «вливания» в спорт, хотя до поры не вступал в открытую конфронтацию со своим всё ещё могущественным предшественником. Когда же Василия Сталина арестовали, новый командующий постарался немедленно избавиться, выражаясь современным языком, от «непрофильного актива».

После отпуска хоккеистам было объявлено, что их команда сливается с ЦДСА. Футболисты же присоединились к вавилонскому столпотворению, которое возникло в команде МВО в Калинин (ныне снова Тверь), где с предыдущей осени находились многие игроки ранее расформированного ЦДСА вместе с дублёрами, а теперь наряду с футболистами ВВС прибыли и представители команды ВМС (Военно-морских сил), игравшие в классе «Б».

Команда МВО с помощью московских армейцев пробилась в класс «А», но после шести туров чемпионата 1953 года также была расформирована. Началась футбольная ярмарка...

Валентин Бубукин в своей книге «Вечнозелёное поле жизни» делился воспоминаниями: «Мы находились на сборе в Сочи. Была тренировка, и вдруг по аэродрому

бегут люди в штатском и кричат: “Срочно прекратить тренировки, умер Сталин!”... Мы с Исаевым попали в МВО, но на поле так и не вышли, поскольку в Калининне собрался весь цвет армейского футбола. Человек сорок — пятьдесят...

Кто не хотел увольняться, поехали в команды окружных домов офицеров (ОДО) — в Одессу, Тбилиси... Мне даже не дали дослужить срочную службу. Приехали “купцы” из разных команд...»

Нельзя сказать, что армейские кадровики принимали непродуманные решения. И они, и спортивные власти понимали, что в их руках находится футбольный «генофонд», судьбы как заслуженных ветеранов, так и перспективной молодёжи.

Футболистов-офицеров не понуждали к демобилизации. Они могли отправиться в Киев, Тбилиси и Ташкент — в команды ОДО, выступавшие в классе «Б» (в скором времени и они были сняты с соревнований). Не чинились препятствия тем, кто находился на срочной службе, их демобилизовывали досрочно (что подтвердил Бубукин). Для кого-то это был сигнал закончить играть, таким давали направления на учёбу в военные академии. Но большая часть игроков в срочном порядке снимала погоны — стали съезжаться так называемые «купцы», которые подбирали спортсменов для своих команд.

Чемпионат мира
1954 года. Кубки
вручает президент
ЛИХГ Джон Ахерн

Капитан
шагает твердо

Нелегкой ценой давались победы

Удержать Боброва канадцы могли только всей пятеркой.
Чемпионат мира. 1954 г.

Слева направо: Всеволод Бобров, Джон Ахерн и Томас Кэмпбелл.
Чемпионат мира. 1954 г.

Сборная СССР. Сидят (слева направо): А. Уваров, Н. Пучков, Ю. Крылов, М. Бычков, Н. Хлыстов, Е. Бабич; стоят: Б. В. Мякинчиков (зам. руководителя делегации), В. Бобров, В. Шувалов, А. Гурьшев, Д. Уколов, А. Кучевский, П. Жибуртович, А. Виноградов, В. Кузин. Чемпионат мира. 1954 г.

Возвращение с победой. Слева направо: М. В. Семичастный (представитель «Динамо»), Г. М. Рогольский (руководитель делегации), А. И. Чернышев (старший тренер), В. Бобров, В. К. Егоров (тренер)

Олимпиада-56. Всеволод Бобров рвется к воротам сборной Канады
Сборная СССР — олимпийский чемпион. Нижний ряд (слева направо): Г. Мкртычан, Н. Пучков, Н. Хлыстов, Е. Бабич; верхний ряд: В. Кузин, В. Бобров, А. И. Чернышев, Д. Уколов, А. Гурышев, А. Уваров, И. Трегубов, Н. Сологубов, В. К. Егоров, В. Шувалов, Ю. Пантюхов, Ю. Крылов, Г. Сидоренков. 1956 г.

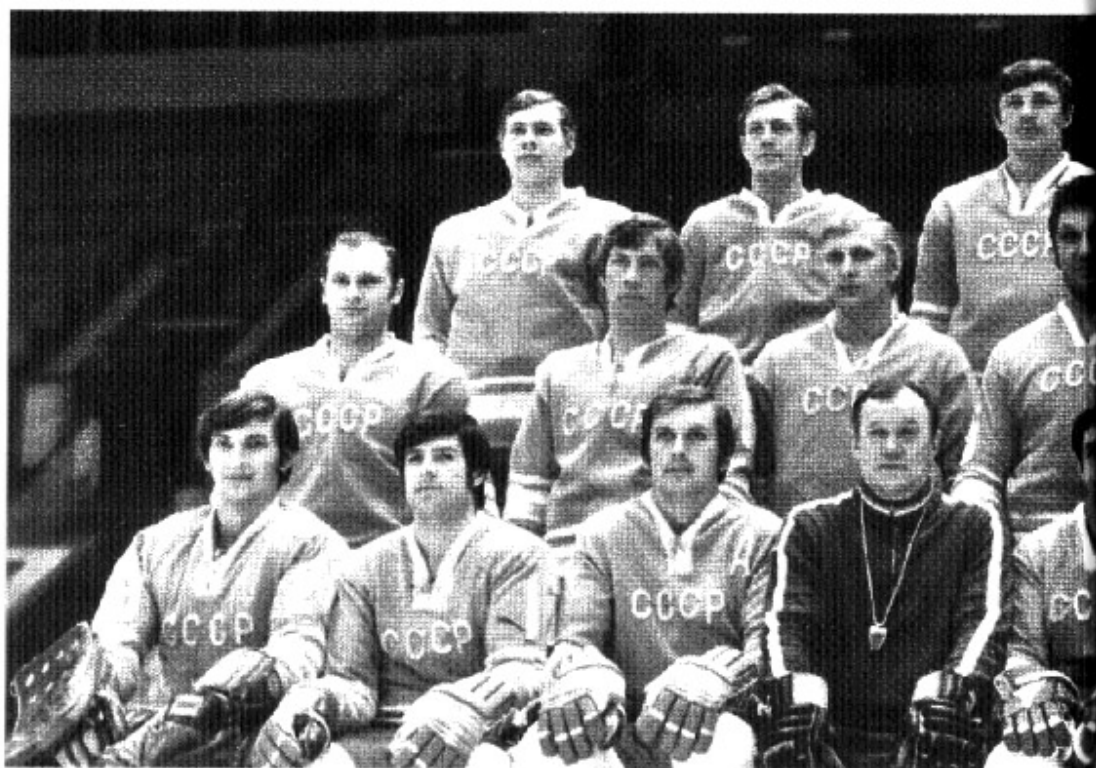

Чемпионат мира.
Настала пора
снимать коньки.
1957 г.

Орден Ленина
из рук маршала
К. Е. Ворошилова

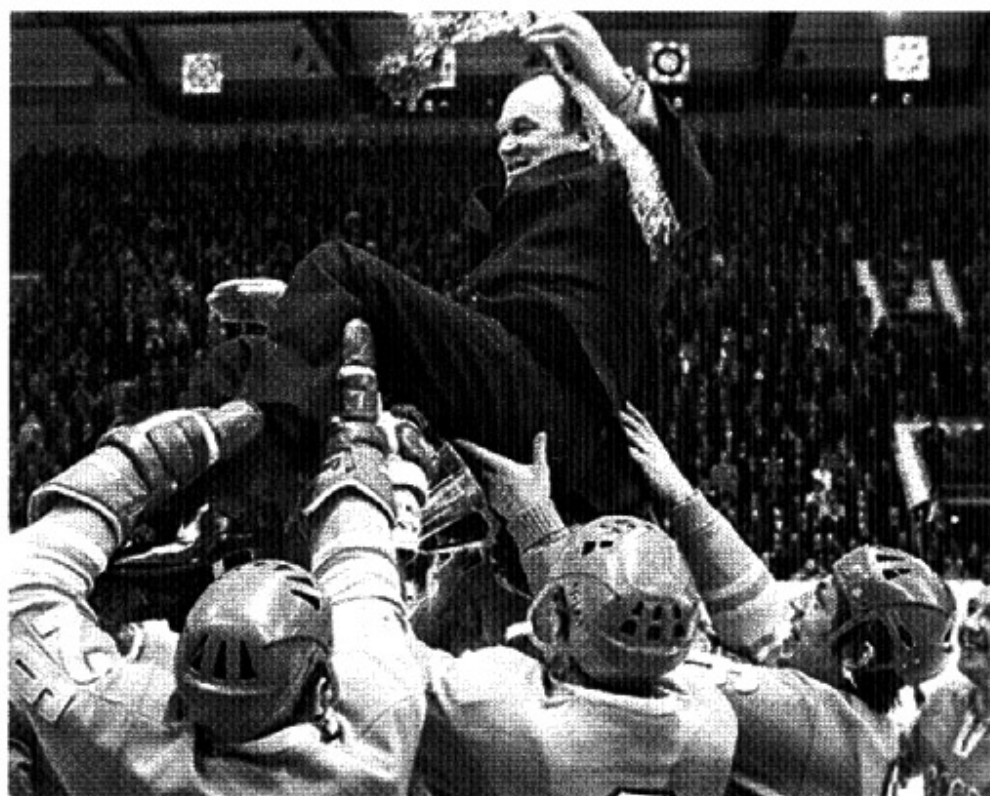
Сборная СССР — чемпион мира. 1973 г.

Урок тактики. Слева направо: Александр Якушев,
Владимир Шадрин, Всеволод Бобров и Александр Мальцев

Тренерский триумф

Аркадий Чернышев
Павел Коротков

Анатолий Тарасов
Николай Эпштейн

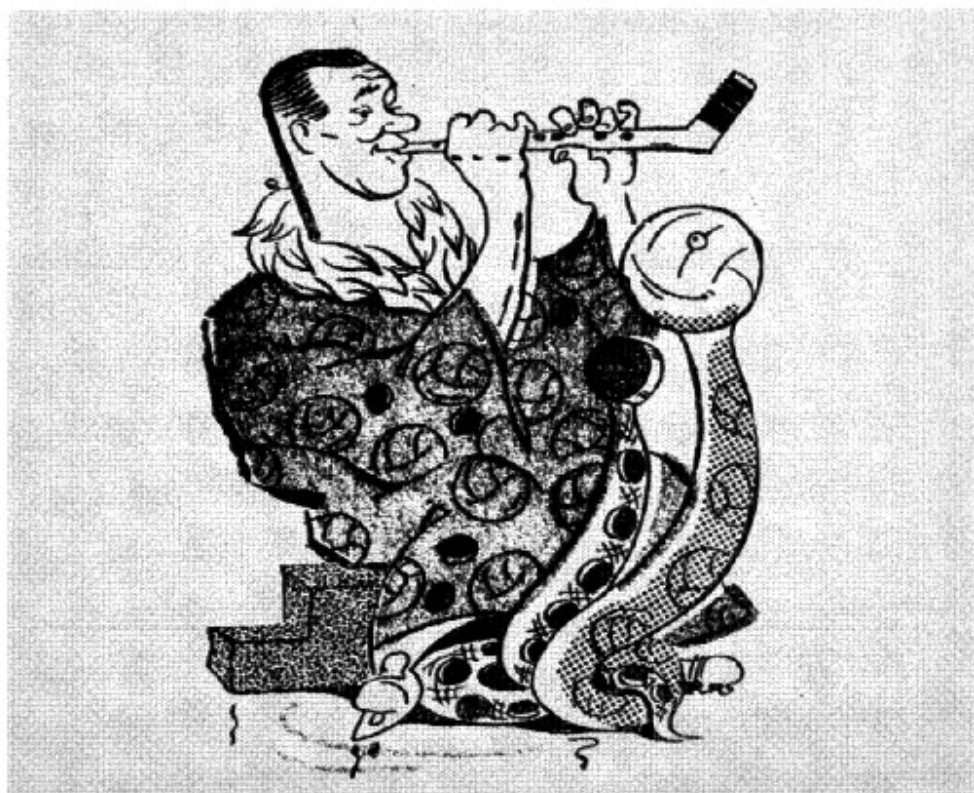

Всеволод Бобров

С другом детства Олегом Белаковским на скамейке футбольного ЦСКА...
...и за шахматной доской

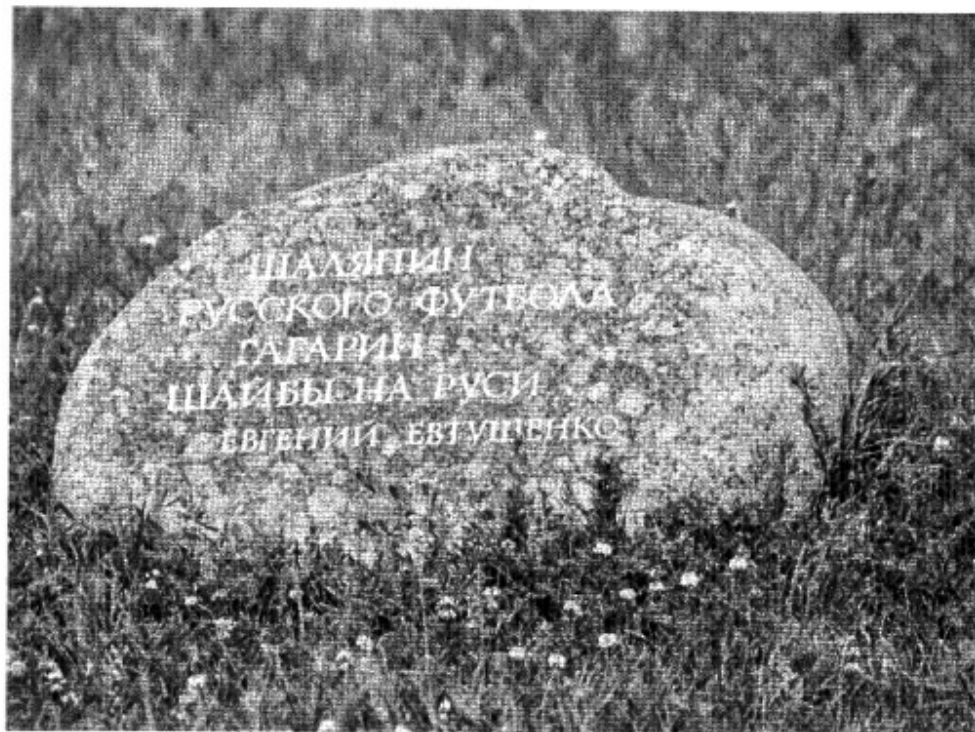

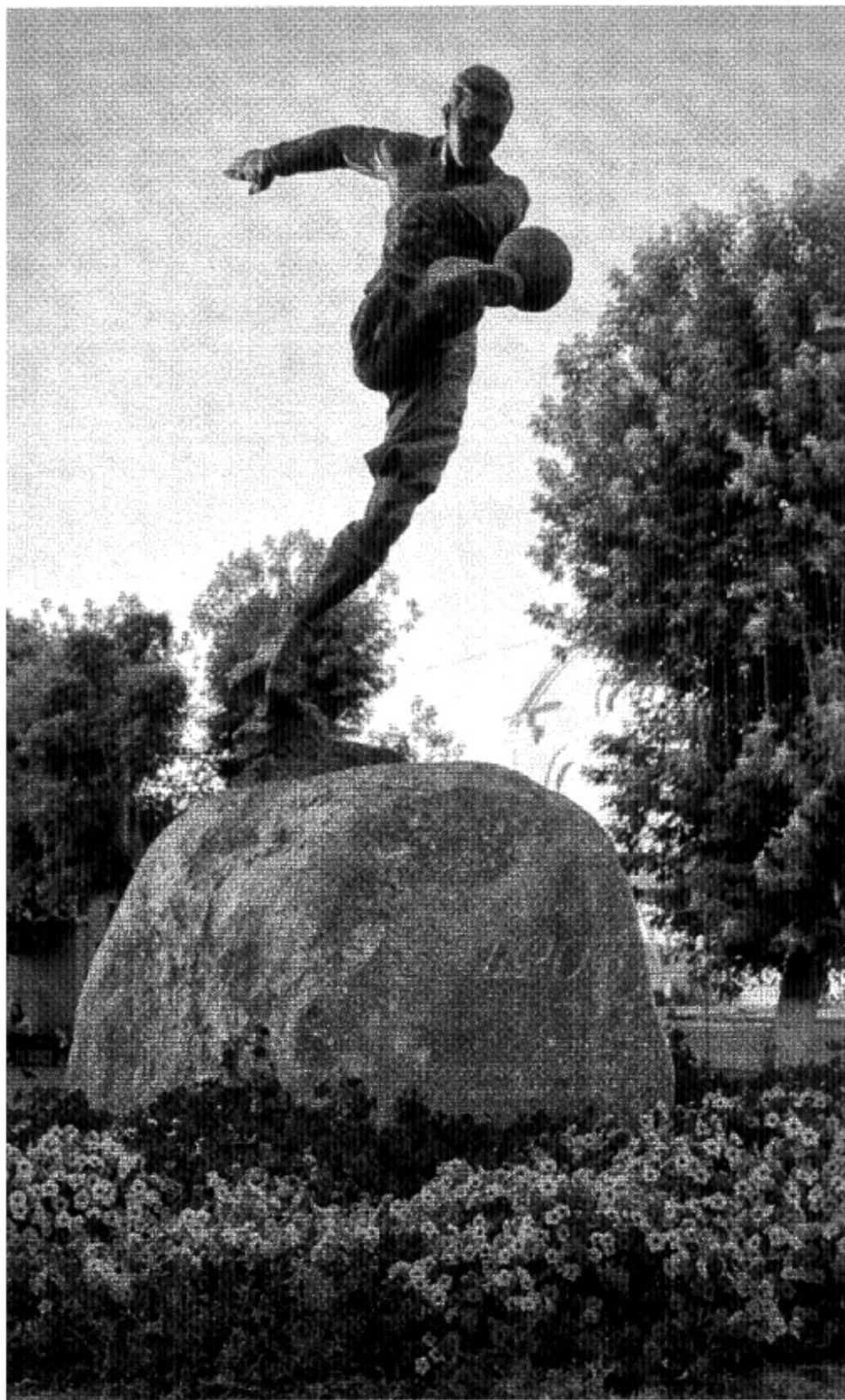
Рисунки И. Соколова

Слева направо: Елена Николаевна Боброва, олимпийский чемпион по хоккею Станислав Афанасьевич Петухов, Валентина Тимофеевна Яшина (вдова Льва Яшина) у памятника Всеволуду Боброву в Сестрорецке

Деталь памятника в Сестрорецке

Памятник Всеволоду Боброву в Моршанске

В результате этих набегов наиболее многочисленное пополнение увезли из Калинина московские динамовцы: вместе с Алексеем Бодягиным, Александром Петровым, Анатолием Родионовым и Сергеем Коршуновым были взяты зазвучавшие в МВО Василий Бузунов, Борис Кузнецов, Владимир Рыжкин. Столь значительный «призыв» был оправдан, поскольку динамовский состав нуждался в обновлении.

Серьёзную реконструкцию состава задумал и Борис Аркадьев в «Локомотиве», который ему удалось предыдущей осенью спасти от вылета из класса «А». Пополнение железнодорожников составили Михаил Дидевич, Михаил Мухортов, Евгений Рогов и молодые лётчики Виталий Артемьев, Валентин Бубукин и Анатолий Порхунов.

Форму «Торпедо» наряду с Вячеславом Соловьёвым надели Алексей Анисимов, Анатолий Архипов, Николай Сенюков и Виктор Фёдоров. «Спартак» пополнился сразу двумя вратарями Михаилом Пираевым и Борисом Разинским, а также Анатолием Башашкиным и Анатолием Исаевым.

Нашёлся у спортивных властей и другой «гуманный» ход. Понимая, что штаты у команд мастеров не резиновые, дабы не лишать спортсменов профессии, вышел негласный запрет на «совместительство» выступлений в футболе и хоккее. Это могло огорчить уже немногих, поскольку ветеранов-совместителей осталось мало, к тому же на хоккей с мячом запрет не распространялся.

Последним, кто проскочил сквозь «игольное ушко», оказался Всеволод Бобров. Той весной он не спешил определяться, нужно было восстановиться после операции, из-за которой пришлось пропустить хоккейный сезон. В молох переустройства Бобров не

попал, но и ему нужно было выбирать. Несколько месяцев Всеволод провёл в гарнизоне авиационной дивизии в Калинин, которой командовал фронтовой друг Василия Сталина Герой Советского Союза С. Ф. Долгушин. Всё шло к тому, что придётся проститься с большим футболом. Однако неожиданно летом Боброва взял «в оборот» чемпион страны «Спартак».

Конечно, Всеволода терзали сомнения. К сезону он толком не готовился, как-то пойдёт игра в новой команде. Но спартаковцы были настойчивы, им удалось решить вопрос откомандирования майора Боброва в своё распоряжение.

В том сезоне «Спартак» вновь стал чемпионом страны. Чтобы получить медаль, нужно было сыграть не менее чем в половине матчей, то есть в десяти. Бобров выходил на поле лишь в четырёх. Но его вклад в командный успех был весьма существенным. Два точных удара Всеволода принесли «Спартаку» победу в Киеве, отметился он также голом в ворота «Спартака» из Вильнюса.

Сыграл Бобров за «Спартак» и в двух международных встречах. В Москве со шведским «Юргорденом» (1:1) он появился на поле после перерыва, однако стал автором единственного спартаковского гола. Случилось это на 69-й минуте. Получив передачу от Симоняна, Бобров точно направил мяч в угол, и шведский вратарь Арвидссон не в силах был парировать удар. Шведы отыгрались за восемь минут до конца.

Тогда и состоялось первое противоборство Всеволода Боброва и Свена Юханссона по прозвищу «Тумба» — будущих лидеров хоккейных сборных СССР и Швеции. Следующий поединок, уже на ледовой площадке, случился через несколько месяцев.

А вот встреча в Будапеште с «Гонведом» (2:3) оказалась для Всеволода последней в большом футболе. Это был матч открытия «Непштадиона» в столице Венгрии. Во втором тайме Бобров получил очередную травму...

Странно, что в книге «Самый интересный матч» автор литературной записи Леонид Горянов не уделил пребыванию своего героя в «Спартаке» ни одной строчки. А вот другой замечательный мастер, бомбардир «Спартака» Никита Симонян в своих мемуарах о партнёрстве с Бобровым не забыл: «В 1953 году после расформирования команды ВВС Всеволод Михайлович пришёл к нам, в “Спартак”. Я был тогда в хорошей форме, обрёл уверенность, забивал немало мячей. В сложной ситуации на меня играли, меня искали. А тут появился сам Бобров. Вроде бы должно разыграть самолюбие, вспыхнуть чувство соперничества, ревность. Но на подобных чувствах себя почему-то не ловил. Видимо, потому, что очень высок для меня был его авторитет.

Мы играли с ним в одной связке, в центре — сдвоенный центр нападения. Я оттянулся немного назад и всё внимание переключил на Боброва. Получая мяч, невольно искал его: он, наверное, открыт. И он действительно бывал открыт. Вся моя психология сама собой перестроилась — не рваться к воротам, передать мяч Боброву. Он открыт, он забьёт!..»

Стоит обратить внимание на то, как быстро Бобров сумел вписаться в слаженный спартаковский ансамбль. То же ведь случилось и в 1945-м, когда Всеволод органично влился в состав московского «Динамо», линия нападения которого действовала тогда по оригинальной тактической схеме, получившей название «организованный беспорядок».

События в упомянутом матче в Киеве развивались так. С первых же минут Боброва стал преследовать

центральный защитник хозяев Абрам Лерман. В одном из эпизодов у правой бровки капитан динамовцев применил против Боброва силовой приём, годящийся разве что для хоккея с шайбой, но никак не для футбола, в результате чего Всеволод потерял равновесие и вылетел на беговую дорожку.

Как отмечал находившийся неподалёку на скамейке запасных Анатолий Исаев, в тот момент на Боброва было просто страшно смотреть: он сильно ободрал плечо и лицо, на котором сочившаяся кровь перемешалась с гаревой крошкой.

Сдержавшись, чтобы не кинуться на обидчика, Бобров наградил Лермана крепким словцом и вышел на второй тайм на взводе, хотя до перерыва был малоактивен.

На 50-й минуте Симонян, прорвавшись по левому флангу, послал мяч вдоль ворот к ближней штанге, куда устремился Бобров. Противодействовать ему бросились Лерман и вратарь Макаров, но Всеволод каким-то непостижимым образом просунул ногу между ними и коротким касанием, напоминающим щелчок, переправил мяч в сетку.

На 84-й минуте Симоняну удался прорыв по правому краю. Он переадресовал мяч в центр, где его принял Бобров. Обыграв своего сторожа Лермана, Всеволод оказался против сменившего Макарова в воротах Лемешко. Вратарь двинулся навстречу, но, попавшись на ложный замах, распластался на траве, а Бобров мягко послал мяч над ним.

Описывая в книге «Под покровом творимых легенд» со слов Анатолия Исаева события киевского матча, Владимир Пахомов предположил, что Лерман действовал тогда против Боброва с особым ожесточением с задней мыслью. Будто бы он видел в нём бывшего игрока ЦДКА и выместил злобу, которую затаил на этот клуб за то, что ему, приглашённому

армейцами в 1947-м в Чехословакию, так и не дали там сыграть.

На наш взгляд, эта конспирологическая версия вряд ли верна. Во-первых, прошло уже много лет, а во-вторых, Паша (так его звали в обыденной жизни) Лерман всегда отличался жёсткой, на грани фола игрой, таких на спортивном жаргоне именуют «костоломами».

В журнале «Физкультура и спорт» даже появилась эпиграмма на него:

*Вас по грубости рекордной трудно превзойти,
Знать, у Вас с советским спортом разные пути.*

Те два очка, набранных при помощи Боброва, позволили «Спартаку» сохранить такой отрыв от тбилисского «Динамо» на финише.

«Абсолютно гениальный футболист был. Наверное, самый гениальный из всех, с кем я сталкивался», — резюмировал о Боброве Анатолий Исаев.

В другой книге — «Спартаковские исповеди» — Анатолий Исаев, дополняя Симоняна, рассуждал по-своему: «Когда ВВС расформировали, Бобров вроде бы закончил — какое-то время нигде не играл. И вдруг они где-то в июне вместе с Толей Башашкиным в “Спартак” оказываются! Приняли его в команде потрясающе — авторитет-то гигантский. И спартаковцем он себя почувствовал настоящим, хоть большую часть карьеры в ЦДКА играл. Подходил он нам идеально.

Сыграл он за “Спартак”, к сожалению, всего четыре официальных матча. Много травм было, а в 1954-м ему вообще в футбол играть запретили. Руководство так решило, чтобы сберечь его для хоккея. Ноги-то у него постоянно опухшие были, он их всё время перебинтовывал. За какой вид спорта ни брался — всё хорошо делал. Говорил: “Талант в футболе — талант во всём”.

Анатолий Салуцкий был конкретен: «Защитники-костоломы продолжали нещадно бить Всеволода Боброва, норовя попасть именно по больной ноге. К большому сожалению, бесследно пропали футбольные щитки этого выдающегося спортсмена, которые могли бы стать украшением любого спортивного музея, напоминая о мужестве их владельца, и одновременно являясь вещественным доказательством стиля игры некоторых защитников того времени, укором для них.

Эти щитки из красной губчатой резины с проложенными в середине бамбуковыми реечками Бобров привёз из английского турне 1945 года. Потом он играл только в них — до самого своего последнего матча. И эти щитки имели в конце футбольной карьеры Всеволода такой страшный вид, будто они изрешечены осколками от снарядов: бамбуковые палочки были раздроблены, резина искромсана».

Своими впечатлениями в книге Анатолия Мурадова делился близкий друг Боброва Евгений Казаков: «Как-то зимой — это было ещё в ВВС — мы встретились с Всеволодом на процедурах: я потянул голеностоп, а он маялся со своим коленом. И оказались в соседних кабинках. Я пришёл раньше, лежу с парафином на ноге, и входит он. С палочкой, хромает. Говорит, что сделали ему новокаиновую блокаду и послали сюда на процедуру. Ну, раздевается, ложится рядом...

Я глянул на его колено — вы не поверите: колена не было, была сине-красная вздутая подушка, нога просто не сгибается. С такой ногой положен месяц постельного режима. Я ему говорю: “Как же ты ходишь?” А Бобров мне: “Ходишь! Мне вечером играть”. А они в тот день должны были играть с динамовцами. Я не поверил: “Ты же не сможешь!” — “А кому играть? — говорит. — Надо”. Я в ответ: “Ты бы ногу пожалел”.

Но с ним бесполезно было спорить, если он что-то решил. Я всё же поехал на “Динамо” вечером,

посмотреть. Выезжают на разминку, и он со всеми. Разминался, правда, как-то вяло: раза два объехал площадку, потом побросал Мкртычану метров с двух, но тоже как-то нехотя, словно через силу. Ну, вижу, не может играть человек — тяжело. И он уехал со льда.

А потом вызывают команды на поле, смотрю, Бобров выводит своих. И такое показал! Конечно, с такой ногой он полноценно отыграть не мог, поэтому силы экономил, но зато когда взрывался, творил чудеса: как и раньше, один проходил с шайбой через всю площадку и забрасывал. Сам всю игру и сделал».

Несколько бывших футболистов ЦДСА и ВВС избрали военную стезю, поступив в различные военные академии. Валентин Николаев и Юрий Нырков сдали приёмные экзамены в Академию бронетанковых войск им. И. В. Сталина (позднее — им. Р. Я. Малиновского). Самолюбие майора Николаева было задето тем, что политорганы не утвердили его в качестве капитана команды МВО, и ему пришлось передать повязку Ныркову. Это событие, к счастью, не нарушило отношений давних друзей. Николаев стал слушателем инженерного факультета академии, а Нырков — командного.

Правда, вскоре Ныркову пришлось взять академический отпуск. В 1954 году была воссоздана футбольная команда ЦДСА, и Юрий Александрович ещё один сезон помогал в её становлении. Николаев искушение футболом преодолел и сосредоточился на учёбе, а вот его партнёр прежних лет Владимир Дёмин попытался быть полезным команде, но из этого мало что получилось. Вернулись к родным пенатам и другие: Анатолий Башашкин, Александр Петров, Сергей Коршунов, Виктор Фёдоров, Анатолий Порхунов, Борис Разинский, Василий Бузунов.

Впоследствии, став олимпийским чемпионом, Башашкин поступил на тот же факультет Академии бронетанковых войск, что и Николаев, а Фёдоров последовал за Нырковым. Примечательно, что Николаев и Башашкин уволились в отставку полковниками, а выпускники командного факультета Нырков и Фёдоров генерал-майорами.

Наставлял всех поступавших в Академию бронетанковых войск служивший там начальником кафедры физподготовки Борис Михайлов, много лет отыгравший за команду ЦДКА по русскому хоккею. Свою «миссионерскую» деятельность Борис Митрофанович продолжил затем и в Академии химзащиты им. С. К. Тимошенко, куда в качестве преподавателей привлекал известных армейских спортсменов, среди которых одно время был и Евгений Бабич.

Глядя на своих бывших одноклубников, решил не терять времени даром и Всеволод Бобров. К тому же в начале осени он ушёл из «Спартака». Вместе с Александром Стригановым они стали слушателями Военно-воздушной академии в подмосковном Монино (позднее она стала носить имя Ю. А. Гагарина). Но Стриганов к той поре уже расстался со спортом, а Бобров не намеревался прощаться с хоккеем.

Хоккеисты ВВС оказались в нелёгком положении. Они поступили в распоряжение Анатолия Тарасова, хорошо представляя себе сложность отношений между новым и прежним тренерами. И если для кого-то это не имело значения, то некоторым — Евгению Бабичу, Виктору Шувалову, Александру Виноградову и Григорию Мкртычану — представлялось весьма существенным.

Поскольку в руках Тарасова оказались фактически две команды, было принято решение, что из не востребовавшихся хоккеистов будет воссоздана

команда ЦДСА по хоккею с мячом. Её формированием занялся Владимир Меньшиков.

Анатолий Тарасов взял к себе из команды ВВС девятых. Ровно столько же он освободил. Избраны были: вратари Григорий Мкртычан и Николай Пучков, защитники Александр Виноградов и Павел Жибуртович, нападающие Всеволод Бобров, Евгений Бабич, Виктор Шувалов, Владимир Новожилов, Юрий Пантюхов.

Не все «отбракованные» согласились стать «русачами». Знаменитый впоследствии тренер Виктор Тихонов перешёл в московское «Динамо», Револьд Леонов и Пётр Котов стали защищать цвета «Крыльев Советов», а Анатолий Викторов возглавил в качестве играющего тренера ОДО (Ленинград) и прихватил с собой молодого защитника Михаила Рыжова.

Владимиру Меньшикову в команду по русскому хоккею достались несколько бывших подопечных Тарасова: Евгений Климанов, Вениамин Быстров, Анатолий Васильев, Михаил Гащенко и Владимир Елизаров. Сожалел Тарасов только о Елизарове. Но тот переболел туберкулёзом и потому был отторгнут. Через два года, убедившись, что здоровье Елизарова в порядке, Тарасов вернул его в свою команду и осенью 1957 года даже взял в первое турне по Канаде.

Играющий тренер Меньшиков, добавив к названным армейского ветерана Михаила Орехова и нескольких молодых игроков, сумел завоевать со своей командой чемпионское звание. Среди победителей был 17-летний нападающий Геннадий Водянов. К нему, как рассказывал автору книги партнёр Водянова Юрий Захаров, с наибольшим вниманием относился Бобров. Не только удачные действия в атаке, но и внешнее сходство с ним самим — таким же русоволосым и курносым — вызывали у Всеволода Михайловича особое расположение к тушинскому пареньку. Водянов оправдал надежды Боброва, став в составе сборной

СССР в 1957 году первым чемпионом мира по хоккею с мячом.

На фоне успеха наскоро собранной команды «русачей» второе место усилившейся дружины Тарасова воспринималось как серьёзная неудача.

Вполне ожидаемое столкновение между Тарасовым и Бобровым случилось. Об этом рассказал в еженедельнике «Футбол-хоккей» (№ 44 за 1979 год) защитник ЦДСА Иван Трегубов: «К нам перешли тогда Шувалов, Бабич, Пантюхов, Бобров. Тогда-то произошёл конфликт, который произвёл на меня огромное впечатление своей значимостью, остротой и результатом.

Дело в том, что наш тренер зачастую не очень стеснялся в выборе выражений, когда имел дело с хоккеистами. В таких случаях, не встречая отпора, человек позволяет себе слишком много. И вот однажды при очередном “разносе” Бобров потребовал выбирать слова. Причём конфликт этот не касался его лично. Это сказалось не только на игре команды, но и на моральном её состоянии.

Инцидент разбирался в высоких инстанциях, и Бобров вернулся в команду. Заиграл он в тот период особенно мощно и результативно. Преобразилась и команда. Мы тогда играли по принципу: нам забьют, сколько смогут, а мы — сколько захотим. Бобров был наш вожак, его присутствие в команде вселяло в нас уверенность и спокойствие».

В книге Анатолия Мурадова приведён случай, рассказанный Виктором Шуваловым: «Я вообще-то был послушный, дисциплинированный, в отличие от Всеволода, но Тарасов, видимо, не мог забыть, что я его место занял. А с Всеволодом они...

Раз Тарасов стал на него кричать — при всех, в раздевалке. А нам на завтра ехать в Ленинград играть.

Всеволод слушал его, слушал, а потом говорит: “Я в Ленинград не еду”. Тарасов: “Едешь!” А Всеволод спокойно переодевается, собрался и ушёл. Тарасов нам приказывает забрать его форму, амуницию и привезти на вокзал. Мы привезли, ждали Всеволода до самого отхода поезда, но он так и не пришёл».

Обозначил Виктор Шувалов и ещё одну причину: «Думаю, немаловажную роль сыграло то, что хоккеисты ВВС были сильнее новых партнёров из ЦДСА. А это не очень нравилось армейскому тренеру Анатолию Тарасову.

Например, Женю Бабича, который в своё время ушёл от Тарасова, а потом в силу обстоятельств вернулся к нему, наш новый тренер выпускал в каждом матче только в двух периодах, а чтобы получить медаль, требовалось сыграть во всех трёх. В результате Бабич остался без награды».

С позиций сегодняшнего дня сказанное Шуваловым не может не вызвать удивления. В новейшей истории в любом игровом виде спорта для награждения призёров медали выносят на подносе. Их столько, что достаются они не только игрокам (вне зависимости от числа сыгранных матчей), но и каждому члену тренерского штаба, а при желании и техническим работникам вплоть до поваров базы. Медали превратились в сувенирные знаки, имеющие сугубо условную ценность.

В прежние времена медали ценились совершенно иначе. Они полагались тем, кто сыграл не менее половины матчей. Если какому-то игроку в силу определённых обстоятельств медаль не полагалась (чаще всего из-за нехватки количества сыгранных матчей), спортивное общество посылало ходатайство с объяснением причин, и отнюдь не в каждом случае оно удовлетворялось.

В хоккее с шайбой в нескольких сезонах ужесточение требований достигло критической

отметки: для вратарей «зачётным» считался матч, если он отыграл два периода, а для полевого игрока — появление на площадке во всех трёх.

Хорошо зная этот порядок, Тарасов и прибег к подлинно иезуитскому способу наказания игрока, который его ранее ослушался. Остаётся напомнить, что Тарасов и Бабич несколько лет играли в одной тройке...

По окончании сезона состоялось собрание двух хоккейных команд. Как рассказывали автору книги игроки той команды армейских «русачей» Геннадий Водянов и Юрий Захаров, в своём выступлении Тарасов посыпал голову пеплом, каялся, используя свойственную ему риторику: «Как коммунист я не справился с возложенной на меня задачей, поэтому не заслуживаю снисхождения».

Однако вполне возможная отставка Тарасова не случилась. От начальника Центрального дома Советской армии генерал-майора Андрея Фёдоровича Устьянцева он услышал: «Коммунист Тарасов, беритесь за работу и исправляйте ситуацию».

И хотя привыкшим к победам Боброву и его партнёрам по ВВС итоги первенства принесли разочарование, сезон закончился для них на мажорной ноте...

ТРИУМФ В СТОКГОЛЬМЕ

В своей книге «Совершеннолетие», рассказывающей об этапах становления советского хоккея, Анатолий Тарасов, естественно, не мог обойти вниманием его начальные успехи на международной арене, к которым сам он имел лишь опосредованное отношение. И надо воздать должное квалификации журналиста Олега Спасского, делавшего литературную запись этой книги. Ему удалось так построить изложение, что причастность Тарасова к первым нашим победам на мировой арене не вызвала сомнений. Этот апокриф выдержал три переиздания в те годы, когда сборную страны возглавлял тренерский дуэт Чернышёв — Тарасов, что ещё дальше уводило от истины.

И в «Совершеннолетии», и в других своих книгах Анатолий Тарасов отмечал, что сборной СССР было вполне по силам стать чемпионом мира в 1953 году, окажись она в числе участников чемпионата в Швейцарии. Он был наблюдателем на этом турнире, где победителем в отсутствие канадцев и американцев стала сборная Швеции. Досадуя на то, что его аргументы не были услышаны, Тарасов всякий раз подчёркивал, что обусловлено это было отсутствием Боброва, пропускавшего тот сезон из-за травмы.

Травма Боброва — фактор и в самом деле существенный. Но вряд ли он являлся основным. Быть «провидцем» спустя годы куда проще, чем принимать ответственные решения в той ситуации. Читателям уже известно, к чему привёл в 1952 году проигрыш советских футболистов на Олимпиаде. Ведь мудрый «вождь народов» Иосиф Сталин жёстко требовал от спортсменов при выходе на международную арену

только побед. Могли ли спортивные руководители послушаться и пойти на риск?! Потому и решено было отправить хоккейную сборную для дебюта в официальных международных соревнованиях на Всемирные зимние студенческие игры в Вену.

Подтверждение сказанному нам удалось обнаружить в книге Михаила Прозуменщикова «Большой спорт и большая политика», где приведён текст записки в ЦК заместителя председателя Спорткомитета СССР К. А. Андрианова. Отмечая, что наиболее сильными хоккейными сборными в то время были команды Канады, США и Швеции, он писал, что «до сих пор наши хоккеисты встречались и выигрывали встречи с командами Чехословакии, Польши, ГДР, однако ни одна из указанных команд не превосходит по своим силам упомянутые выше сборные». Кроме того, по мнению Спорткомитета, «сборная команда СССР по хоккею, составленная из игроков хоккейных команд ВВС, ЦДСА, “Крылья Советов” и “Динамо”, в настоящее время ещё не обладает уровнем спортивно-технической подготовки, обеспечивающим завоевание командой первого места на первенстве мира и Европы по хоккею». Иными словами, раз гарантировать первое место не можем, то вообще никуда не поедем.

Эту ситуацию подробно разобрал в своей книге Анатолий Салуцкий: «Всеволод Бобров, хотя и находился с командой в Вене, действительно был болен, поскольку незадолго до этого перенёс очередную операцию коленного сустава, и на лёд не выходил. Поэтому глубокое разочарование Анатолия Владимировича Тарасова, вообще говоря, вполне понятно: в глубине души он был твёрдо убеждён, что его команда вполне могла претендовать если не на чемпионский титул, то уж во всяком случае на место в призовой тройке. И таким образом именно Тарасову, как

старшему тренеру сборной, принадлежала бы историческая честь прорубить окно в хоккейный мир».

Далее Салуцкий во всех деталях объясняет, что сборная СССР не могла принять участие в чемпионате мира, поскольку сроки проведения турнира в Вене и мирового первенства в Швейцарии накладывались друг на друга. К тому же вмешались дополнительные обстоятельства. Чемпионат стартовал 7 марта, на третий день после смерти Сталина. И наших хоккеистов, скорее всего, отозвали бы домой. Именно так случилось с уже начавшей играть сборной Чехословакии, которая покинула турнир для участия в похоронах внезапно скончавшегося президента страны Клемента Готвальда...

Глубоко проанализировав ту ситуацию, Салуцкий невольно стал «жертвой» нечётких формулировок книг Тарасова, решив, что именно он и возглавлял сборную СССР на турнире в Вене. На самом деле Анатолий Владимирович находился в столице Австрийской Республики в качестве командированного Спорткомитетом наблюдателя, а старшим тренером сборной являлся Аркадий Иванович Чернышёв, под руководством которого она стала победителем.

Состав сборной СССР на турнире в Вене оказался близок к тому, что год спустя дебютировал на чемпионате мира в Стокгольме. Подготовка к нему началась осенью 1953 года в Берлине. Там на базе холодильных установок крупного мясокомбината был создан каток с искусственным льдом в «Зеелинбиндерхалле» (назван в честь спортсмена-антифашиста Вернера Зеелинбиндера).

Советскую команду разместили в живописном местечке Кинбаум, на берегу озера, километрах в сорока от Берлина. В предыдущие годы обычно каждое утро хоккеисты ездили на тренировку, а после обеда

тренеры вновь уезжали на каток, чтобы тренировать местных игроков, наши же наслаждались жизнью: катались на лодках, занимались рыбной ловлей.

Возглавлял сборную Анатолий Тарасов. Как могло случиться, что после успешного дебюта на международной арене Аркадий Чернышёв оказался в стороне? Никто из опрошенных нами ветеранов не мог дать вразумительного ответа, не оказалось следов этой странной замены и в хоккейной литературе. Можно только предположить, что дала себя знать кипучая деятельность Тарасова, его абсолютная уверенность в возможности стать чемпионами.

Сошлёмся на Анатолия Салуцкого: «Накануне отъезда Аркадия Ивановича Чернышёва поставили в известность, что он в ГДР не едет. Руководить тренировками было поручено старшему тренеру сборной Анатолию Владимировичу Тарасову и тренеру Владимиру Кузьмичу Егорову.

Те памятные их участникам осенние сборы 1953 года были необычными. Тарасов торопился. Он жаждал завершить создание своего нового тотального хоккея, хотел впервые показать его на чемпионате мира и был уверен, что добьётся успеха, — в этом Анатолия Владимировича убедил опыт швейцарского чемпионата, где он был наблюдателем. Сторонник хоккейного атлетизма, Тарасов своим опытным глазом сразу заметил, как слабо были подготовлены физически зарубежные команды, и считал, что разработанный им принцип “пять в защите — пять в нападении” принесёт огромный, сенсационный успех.

Не было рядом Чернышёва, сторонника классического хоккея, полагавшего, что защитники должны заниматься своими прямыми обязанностями, а не помогать форвардам с риском для собственных ворот. Не было и Боброва, поскольку он восстанавливался после травмы, полученной в составе

футбольного “Спартака” в Будапеште. Поэтому у Анатолия Владимировича руки были развязаны. И он во всю мощь своей страстной натуры по собственному усмотрению принялся готовить команду к предстоящему чемпионату мира...

Хотя советскую команду снова разместили на уютной даче в Кинбауме, на берегу озера, хоккеисты уже не бывали там. По настоянию старшего тренера для них расставили койки прямо в помещениях “Зеелинбиндерхалле” — на втором этаже, в гимнастическом зале. Потому что Тарасов впервые в истории советского хоккея перевёл команду на режим двухразовых тренировок и считал, что тратить время на дорогу из Кинбаума в Берлин нецелесообразно.

Впрочем, по сути дела, старший тренер ввёл даже не двухразовые, а почти трёхразовые тренировки. Утро у хоккеистов начиналось с зарядки на льду на коньках, которая длилась минут 40-50. Затем с 12 до 14 часов проходила основная тренировка. А ещё одно полноценное тренировочное занятие проводилось с 19 до 21 часа.

Более молодые воспитанники Тарасова из команды ЦДСА — Сологубов, Трегубов, Новожилов, Брунов и другие армейские игроки — справлялись с этими невиданными физическими нагрузками, поскольку были к ним подготовлены. Однако “сборники” из “Динамо” и “Крыльев Советов”, а также ветераны Евгений Бабич и Александр Виноградов очень скоро выдохлись, едва волочили ноги...

Непривычные, изнурительные тренировки, сразу обрушившиеся на игроков, безмерно утомили их, в команде поднялся ропот: только начался сезон, а мы уже устали так, словно на дворе март, что же будет дальше?..

Осенью 1953 года, когда основной ударной силой советского хоккея всё ещё оставалось поколение

Всеволода Боброва, огромные физические нагрузки, предложенные старшим тренером сборной, были ему не по плечу. Жаловался на усталость даже могучий Александр Виноградов. Перед началом хоккейного сезона он, словно русский медведь за лето, всегда набирал пять-шесть килограммов лишнего веса, которые потом постепенно сбрасывал в течение двух-трёх месяцев. Но в сентябре 1953 года, уже через неделю после начала сборов, Александр выглядел таким же осунувшимся, как медведь, только что вылезший весной из берлоги...

Ударная атлетическая подготовка продолжалась, хотя Егоров осторожно предупреждал старшего тренера о том, что ведущие игроки жалуются на усталость. И действительно, научно обоснованной системы такого рода тренировок ещё не было, Тарасов, по сути дела, экспериментировал, не имея объективных медицинских критериев, взяв на себя всю полноту ответственности. Но этот «кавалерийский» подход к делу, игнорировавший осторожную научную основательность, не мог принести ничего хорошего. Через две недели команда оказалась в состоянии сильной перетренированности, и Анатолий Владимирович вынужден был согласиться на то, чтобы перебазировать игроков в Кинбаум».

На том сборе Тарасов не только сверх меры давал хоккеистам физические нагрузки. Находясь в постоянном тактическом поиске, он решил применить очередную новацию.

Её описал Анатолий Салуцкий: «Тарасов попытался в соответствии со своими тренерскими концепциями перестроить игру бобровской тройки, в которой вместо Всеволода временно играл Николай Хлыстов.

Анатолий Владимирович стал внедрять тактику, которой придерживался в ЦДКА сам, когда после ухода Боброва и Бабича стал центральным нападающим в

звене Быстров — Тарасов — Комаров. Эта тактика основывалась на том, что Тарасов перед началом атаки брал шайбу почти у своих ворот, а крайние нападающие в это время без конца совершали челночные рейсы с края на край, пытаясь запутать противника и постоянно открываясь для получения паса. Различие в игре с бобровской тройкой было существенным: Бобров и Бабиц двигались вдоль бортов, стремительно приближаясь к зоне противника и подхватывая шайбу на большой скорости. А Быстров и Комаров делали много поперечных манёвров, запутывая своих опекунов, и ждали момента, чтобы перехватить продольный пас Тарасова через центр площадки. На этот пас они нередко шли вдвоём, не зная, кому достанется шайба.

Эту же тактику Тарасов решил использовать в звене Бабиц — Шувалов — Хлыстов. Однако то, что годилось для сравнительно медленной тройки Тарасова, совершенно не подходило для реактивного звена Шувалова. Во время первой же настоящей пробы Бабиц, на огромной скорости мчась с фланга на фланг поперёк поля, едва лоб в лоб не столкнулся с Хлыстовым, совершавшим встречный манёвр. Ни о какой осмысленной игре речи идти не могло, хоккеисты слишком много внимания уделяли тому, чтобы избежать столкновений друг с другом. Неразбериха на площадке была столь очевидной, что Тарасов, выслушав отрицательное мнение Бабица и Шувалова, отказался от идеи навязать бобровскому звену новую тактику...

Между тем по плану предсезонной подготовки сборной команде после тренировок в ГДР предстояло отправиться в Чехословакию, чтобы провести три товарищеских матча. И уже первая из этих встреч отчётливо показала, что игроки выглядят чрезмерно утомлёнными, перетренированными».

Этот матч в Праге советские хоккеисты выиграли со счётом 7:3. Вничью (2:2) закончился следующий матч,

который проходил в Остраве, а в Братиславе, словно в одобрение действий московских эмиссаров, наша команда, выступавшая под флагом сборной Москвы, вновь победила — 6:3.0 каких эмиссарах идёт речь, будет сказано ниже.

Салуцкий продолжал: «Сведения об этом быстро достигли Москвы, где начали бить тревогу. Председатель Спорткомитета СССР Н. Н. Романов пригласил к себе государственного тренера по хоккею Александра Никифоровича Новокрещёнова и поручил ему немедленно отправиться в ЧССР, чтобы на месте разобраться, в чём дело. В дополнение к этому Романов решил подключить к изучению создавшейся ситуации хоккейную общественность и вместе с Новокрещёновым послал в Чехословакию председателя Всесоюзной секции хоккея Павла Михайловича Короткова...

Команду Коротков и Новокрещёнов разыскали в Братиславе. Приехали в отель, где остановились советские хоккеисты, и пришли в ужас от увиденного: большинство игроков чуть ли не вповалку, не раздеваясь, лежали на койках в двух комнатах, где собрались по своей инициативе, и в полный голос, как говорится, “крыли” старшего тренера, жалуясь, что у них “ноги не ходят”. Физически команда была совершенно измотана, на этой основе резко упала дисциплина.

Первое, что сделали наделённые соответствующими полномочиями Коротков и Новокрещёнов, — это на три дня отменили все тренировки, предоставив игрокам полный отдых. А потом начали разбираться...»

Повелось считать, что к снятию Тарасова приложил тогда руку Бобров. Будто бы он поставил перед Романовым вопрос ребром: «Или я, или Тарасов!» Любопытно, что ту же постановку вопроса приписывают и Тарасову. Салуцкий это отрицает, как и тот факт, что в Спорткомитете побывала делегация хоккеистов с

просьбой о снятии Тарасова. И, судя по всему, совершенно напрасно.

Один из «пострадавших» — Виктор Шувалов — человек прямой, пусть иногда и заблуждающийся в своих откровениях, рассказывал еженедельнику «Футбол-хоккей» (№ 1 за 1984 год): «Хоккеисты “Динамо” и “Крыльев Советов” пожаловались начальству, что их “загоняли”. Анатолия Владимировича Тарасова после этого заменил Аркадий Иванович Чернышёв... Приход Чернышёва оказался весьма кстати — знающий специалист, а главное — человек справедливый, с твёрдым характером».

Начальник Управления спортивных игр Спорткомитета СССР Борис Васильевич Мякинков являлся докладчиком на коллегии своего ведомства. В его изложении те события выглядят так: «Как начальник Управления спортигр я был за то, чтобы вместо Тарасова назначить Чернышёва. Почему?

Потому что в то время Тарасов не мог морально объединить команду. И поскольку Бобров был ведущим игроком, от него, по существу, зависел успех нашего хоккея.

Было заседание коллегии Спорткомитета. Вёл его Андрианов. На меня была возложена задача доказать необходимость замены старшего тренера. Я бывал всё время в команде и всё знал. Знал обстановку. У Тарасова были, может, и правильные, но более жёсткие требования. Бобров считал, что больше инициативы надо давать игрокам...

Обсуждался этот вопрос, наверное, целый час, не меньше. Тарасов пользовался большим авторитетом, и когда коллегия разбирала вопрос о замене тренера, то нужны были очень веские аргументы. Только исходя из моих заявлений о том, что Чернышёв может технически, а главное, морально настроить команду лучше, чем Тарасов, а Тарасов может отвечать только за

техническое состояние команды, большинство членов коллегии сошлись на том, что в создавшейся ситуации тренером необходимо назначить Чернышёва. Чернышёв принял команду, наладил взаимопонимание между игроками, у них появилось желание играть».

Можно заметить, как изменилась с тех пор спортивная терминология. Под определением «техническое» Мякинков имел в виду сразу два аспекта подготовки: функциональный и тактический. Вместо «морально» уже давно употребляется термин «психологически».

В разговоре с Салуцким бывший заместитель председателя Спорткомитета СССР Константин Александрович Андрианов, который вёл коллегию, также припоминал, что на одном из заседаний в тот период стоял вопрос о «потогонной системе тренировок Тарасова».

«Я хорошо знал Чернышёва, — вспоминал Андрианов. — Ещё с тех времён, когда вместе с его женой работал на одном заводе. Знал его как очень хорошего спортивного воспитателя, который умеет ладить со спортсменами. Но мне казалось, что Чернышёв — человек слишком добрый, а это может отрицательно сказаться на команде. И, предварительно обсуждая этот вопрос с Романовым, мы из двух зол выбрали наименьшее, чтобы разрядить страсти и накалённую атмосферу в команде, возникшую в результате действий Тарасова.

Но окончательное решение, конечно, оставалось за коллегией. Замена старшего тренера сборной могла производиться только на заседании коллегии Спорткомитета. Это серьёзнейший вопрос! Никаких других вариантов, связанных с хождениями Боброва или Тарасова по начальству, просто и быть не могло!»

Между тем в трёхсерийном телефильме об Анатолии Тарасове, выпущенном в 1993 году, Николай Пучков

рассказал, что ему доподлинно известно, как накануне чемпионата мира Бобров поставил условие: он играет только в том случае, если в качестве тренера не будет Тарасова, если тренер — Тарасов, то он, Бобров, в Стокгольм не едет.

Скорее всего, правы и те и другие. С официальным заявлением Всеволод Бобров целенаправленно по начальству не ходил, но в частных разговорах не только с партнёрами, а и с руководителями высказывался без обиняков, называл вещи своими именами.

Воздав должное устремлениям Тарасова, Анатолий Салуцкий делает закономерный вывод: «Один из самых любопытных парадоксов спортивной истории состоит в том, что советские хоккеисты, дебютанты чемпионата мира 1954 года, стали его победителями именно потому, что привезли в Стокгольм не новаторский хоккей Анатолия Тарасова, а классическую схему Аркадия Чернышёва в сочетании с совершенно нестандартной тактикой игры звена Всеволода Боброва».

На стыке 1953 и 1954 годов бесславно выступила в Москве стокгольмская команда АИК, одна из старейших в Швеции. Она проиграла динамовцам, усиленным игроками других клубов, — 0:4, «Крыльям Советов» — 0:5 и ЦДСА — 1:13.

После разгромного поражения от армейцев шведская газета «Дагенс нюхетер» опубликовала заметку своего корреспондента, где говорилось: «В составе ЦДСА одиннадцать игроков сборной, два из них являются хоккеистами мирового класса — Бобров и Бабиц. Замечательный футболист Бобров не так быстро катается на коньках, как другие, но он играет гораздо лучше».

Корреспондент другой влиятельной газеты, «Афтонбладет», и одновременно председатель

спортклуба АИК Путте Кокк высказался красноречиво: «Советские хоккеисты доказали, что они могут показать игру самого высокого класса. Лично я думаю, что канадцы, не говоря уже о нас, шведах, должны выбрать самую лучшую команду, чтобы справиться с ними. Нет сомнения в том, что за звание чемпионов мира будут соперничать команды Канады, СССР, Чехословакии и Швеции».

В хоккейной литературе сломано немало копий вокруг ситуации, сложившейся перед заключительным матчем с канадцами. Будто бы Тарасов, который вновь являлся наблюдателем на мировом форуме, убеждал собравшихся на тренерском совете, что не имеет смысла тратить силы на борьбу с канадской командой, а нужно сосредоточиться на возможном дополнительном поединке со шведами, победа в котором принесёт звание чемпиона Европы.

Большинство авторов умозрительных построений с названной версией не соглашались, однако капитан той сборной Всеволод Бобров, который был признан лучшим нападающим турнира, в своей книге «Рыцари спорта» на это прямо указывает. Слышал этот рассказ из уст Боброва и известный спортивный журналист Евгений Рубин, о чём он поведал в книге «Пан или пропал!». Так или иначе, сборная Советского Союза, одержав верх над канадцами со счётом 7:2, стала чемпионом мира 1954 года.

Итак, что же писал Бобров: «Анатолий Владимирович Тарасов не очень верил в ту пору в команду и без Боброва и с Бобровым. В Стокгольме он был представителем Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта. Именно он, а не кто иной, накануне матча с канадцами заявил: “Надо ‘сплавить’ матч. У канадцев нам ни за что не выиграть. Надо беречь силы для переигровки со шведами. Надо

постараться выиграть хотя бы звание чемпионов Европы”.

Да, всё было именно так, и переставлять факты с ног на голову не стоит. Что произошло бы, если прислушались к голосу Анатолия Тарасова и некоторые другие руководители делегации? Мы упустили бы то, что по праву принадлежало нам. Нет, в спорте истинную силу соперника надо выяснять не с чужих слов, а в открытом, честном и мужественном единоборстве.

Единственным человеком, который от начала и до конца занимал непоколебимую, мужественную и решительную линию, был старший тренер нашей сборной заслуженный мастер спорта, ныне заслуженный тренер СССР Аркадий Иванович Чернышёв. Он собрал нас, игроков, и честно сказал: “Товарищи, у руководства делегации есть мнение не пытаться выиграть у канадцев, побережь себя для переигровки со шведами”.

Наступила тишина. Мы все смотрели на нашего тренера и старались не смотреть друг на друга. Наконец я не выдержал, встал:

— Ну а вы лично что думаете на этот счёт, Аркадий Иванович?

— Думаю, что такие орлы способны побить канадцев, — сказал он, и традиционная невозмутимость не изменила ему даже в эту минуту. А мы взорвались, вскочили со своих мест, аплодировали.

— Пусть кто не хочет выигрывать — не выигрывает. А мы победим, — заявляли возбуждённо ребята.

И действительно, мы победили. Победили ярко, убедительно, вдохновенно. Победили так, как никто ещё и никогда не побеждал канадцев — 7:2!..

Это была победа советской школы хоккея, ещё молодой, но заявившей о себе во весь голос. Это была

победа творческой мысли наших тренеров, победа всего советского спорта в целом.

Сейчас, анализируя тот первый и, в связи с этим, самый важный успех, я хотел бы назвать две-три основные причины, способствовавшие этому.

Во-первых, старший тренер сборной Аркадий Иванович Чернышёв выбрал правильный, чёткий план борьбы с грозным соперником. На установке перед матчем он сказал нам: “Мы должны с вами полностью использовать все недостатки канадцев и создать на поле совершенно непривычные для них условия игры. Мы видели с вами неоднократно, что заокеанские гости не очень-то любят высокий темп, — будем действовать на максимальных, на предельных скоростях от начала и до конца. Не давать им передышки. Не давать опомниться ни на минуту. Далее: канадцы не любят играть в своей зоне, нервничают. Следовательно, нужно запира́ть их там, атакуя всё время и всей пятёркой”.

Мы старались выполнять, и, кажется, выполнили этот план безупречно. Мы выиграли потому, что превосходили канадцев в скорости, в общефизической подготовке, в коллективизме, в жажде победы. Мы выиграли потому, что были откровенно сильнее».

В статье, опубликованной в журнале «Спортивные игры» (№ 3 за 1969 год), Бобров рассказывал: «Заслуга Аркадия Ивановича Чернышёва и Владимира Кузьмича Егорова как раз в том, что, не говоря о конечном результате, они вскрывали ошибки и слабости соперника, анализировали каждую сторону характера и действий канадской команды. Тренеры сумели снять с игроков страх и неуверенность, психологически настроить коллективное сознание команды на победу. В процессе психологической подготовки информация о сопернике, информация подробная, детализированная, точная, должна играть первостепенную роль».

Интересно прочитать отклик на ту ситуацию Анатолия Тарасова, приведённый в его книге «Путь к себе», опубликованной 20 лет спустя: «Наши тренеры выбрали правильный тактический ключ и, главное, сумели хоккеистов подготовить психологически, настроить на матч... Никто не усомнился в возможности победы, не испугался. Это была первая наша громкая победа — победа не только школы, но и верного принципа подготовки хоккеистов высокого класса».

Налицо ещё один пример мифотворчества Тарасова...

Автору этих строк близка позиция Анатолия Мурадова: «Лично я верю Боброву. По одной простой причине: Бобров слишком дорожил собственной репутацией, чтобы ставить её под сомнение в угаре полемической запальчивости. И ещё один довод в пользу того же: с 1954 года прошло сорок с лишним лет. Но за все эти годы Тарасов никак — ни устно, ни письменно — не попытался опровергнуть Боброва. Будь всё по-иному, уверен, что буквально на следующий день после выхода в свет книги Боброва его настигла бы страстная отповедь — Тарасов никогда не оставлял без ответа ни единого выдвинутого против него обвинения».

А теперь обратимся к событиям того, ставшего триумфальным для сборной СССР чемпионата. Уверенно переиграв сборные Финляндии, Норвегии и ФРГ, советские хоккеисты встретились с командой Чехословакии.

В книге «Самый интересный матч» Всеволод Бобров освещал эту игру так: «Чехи начали своей лучшей пятёркой. В борьбу вступили Вацлав Бубник, Карел Гут, Бронислав Данда, Владимир Забродский и Властимил Бубник. Они специально ввели в первое звено Забродского, обычно игравшего в третьей тройке,

чтобы сразу создать давление и полностью захватить инициативу.

Наши тренеры тоже нашли чем озадачить противника. На поле вышла очень сильная пара защитников Уколов — Кучевский и тройка нападающих Бычков — Гурышев — Хлыстов, славящаяся своим умением начинать игру в очень быстром темпе. Руководство решило, что этот состав сможет противостоять главной ударной силе чехов, измотать их темпом, а против менее подготовленных и уступающих основным силам игроков выступит наша первая тройка, которая, таким образом, получит возможность действовать более свободно.

Сразу же на льду разгорелся захватывающий поединок. Наша “реактивная” линия явно переигрывает своих соперников. Вот один на один с вратарём выходит Хлыстов, но шайба ударяется в штангу. Через минуту товарищи выводят на прорыв Алексея Гурышева. Он тоже один перед воротами и тоже бьёт в штангу...

В атаку бросается вторая тройка. Но нас постигает неудача. Перехватив шайбу, чехи начинают контратаку из глубины. Видлак неожиданно совершает бросок издали. Мимо плеча Мкртычана шайба влетает в сетку ворот.

На лёд выходит наша, первая тройка. Стремимся изо всех сил восстановить равновесие. Наконец мне удаётся на большой скорости обвести двух защитников — и счёт уже 1:1. Он держится до перерыва.

Второй период. Мы атакуем — и снова неудача. В один из моментов, когда игра перешла на нашу сторону, Властимил Бубник получает шайбу за воротами, резко разворачивается и проталкивает её в сетку между штангой и коньком Мкртычана. Во многих сражениях испытанный наш вратарь допустил две непростительно грубые ошибки. Диагноз был ясен каждому: волнение...

В этот момент мы и увидели, что Мкртычан по знаку тренера покидает площадку и на смену ему выезжает с виду несколько угловатый, непроницаемо спокойный Николай Пучков...

Снова бросились мы в бой. Только, признаюсь, успел я подумать: «Если уж более опытный Мкртычан не выдержал, то этот и того хуже сыграет».

Чехи, ободрённые удачей, снова рванулись вперёд. Они хотели во что бы то ни стало закрепить успех. Казалось, что вот-вот им это удастся. С четырёх метров сильно бросает по воротам Властимил Бубник, но в последнюю долю секунды Николай каким-то чудом отбивает шайбу. Через некоторое время отчаянным броском в ноги прорвавшемуся Забродскому наш молодой вратарь ещё раз спасает команду от, казалось бы, неминуемого гола.

Спокойная, надёжная, уверенная игра Пучкова вернула нам веру в свои силы. Когда раздался финальный свисток, счёт был уже 5:2 в нашу пользу».

Причины замены вратаря описываются по-разному. В других публикациях говорилось, что Мкртычан самостоятельно принял решение уступить место Пучкову и, подъехав к скамейке, произнёс: «Давай, Коля, так будет лучше для команды». Сам же Пучков вспоминал, что после этих слов заметил, как переглянулись Чернышёв с Бобровым, из чего он понял, что ветеран должен был стоять до конца матча. После этого Чернышёв произнёс: «Знаешь, Сева, иди ты на фиг. А ты, Коля, иди в ворота».

Легко предположить, что «на фиг» — пригодный для печати эвфемизм. Важнее другое — в оставшихся матчах ворота сборной защищал Пучков.

В «Золотой книге сборной СССР» Николай Пучков рассказывал: «Вообще-то основным вратарём сборной уже в 1953 году на Студенческих играх в Вене был я. Но здесь всё сложилось по-другому. Ведь Гриша намного

старше меня, и такие люди, как Бобров и Бабич, больше к нему привыкли. А состав на игру определяли именно они. И вот теперь представьте себе обстановку дебюта на чемпионате мира. Все жутко нервничали. Все видели, что Гриша явно не готов...»

Бобров в матче со сборной Чехословакии трижды поразил ворота соперников. Последний из голов он забил таким сильным броском, что шайба прорвала сетку и вылетела к борту. Раздосадованные соперники на последней минуте лидера нашей сборной «сломали». Бобров покинул площадку, поддерживаемый под руки, опасливо ступая на правую ногу.

Один из лучших защитников советской сборной Альфред Кучевский спустя годы отмечал: «У Боброва было замечательное качество — благодарность партнёру за удачно сыгранный эпизод. Вспоминается чемпионат мира 1954 года. Матч со сборной Чехословакии. Очень упорный матч. При счёте 2:2 мне удалось длинной передачей вывести Боброва на ворота соперников. Шанс он использовал прекрасно. В итоге мы победили 5:2. После игры Всеволод несколько раз говорил: “Вот это передача, вот это пас, тут и делать нечего”».

Тяжёлые травмы доставались не только Боброву. Во встрече с Норвегией удар клюшкой по лицу получил Евгений Бабич, в результате чего лишился нескольких передних зубов. На заключительный поединок с канадцами Павел Жибуртович вышел с переломом большого пальца на правой руке.

После выигрыша у сборной Чехословакии советские хоккеисты одержали скромную победу над Швейцарией (4:2), которая предшествовала матчу с хозяевами площадки. Поединок со сборной Швеции проходил в сложных условиях. Из-за сильного снегопада в третьем периоде судьям не единожды приходилось

останавливать игру для очистки льда. Счёт открыли в третьем периоде шведы. Затем им удалось поразить наши ворота ещё раз, но шведский судья-секретарь гол не засчитал, зафиксировав окончание первой половины периода для смены ворот. Сравнять счёт удалось за шесть минут до конца матча. Сделал это Виктор Шувалов.

Описал он свой гол так: «В заключительном периоде Евгений Бабич раньше защитника подъехал к застрявшей в снегу шайбе и набросил её на “пяточок”. Она упала передо мной, и я не броском, а ударом переправил её в ворота. Шайба даже не дошла до сетки...»

Опасаясь Боброва, шведы дали задание персонально его опекать своему мощному защитнику Ларсу Бьёрну. Тот старался вовсю и не давал Всеволоду ни секунды передышки. Несколько раз швед так «прикладывал» Боброва по лицу, что тот кривился от боли. В перерыве советский представитель вынужден был выразить протест против подобных приёмов, на которые не всегда реагировал судейский свисток. В дальнейшем соперники стали караулить друг друга: выйдя на лёд и увидев там Бьёрна, Бобров перемахивал через бортник обратно на скамейку, то же проделывал и швед. Долго так продолжаться не могло, и в одном из эпизодов Всеволод, потеряв терпение, резко ответил обидчику.

То противостояние надолго запомнилось не только Боброву. Журналист Николай Вуколов в книге «Москва — Стокгольм: хоккейные перекрёстки» приводит разговор с находившимся уже в преклонном возрасте Ларсом Бьёрном. Вуколов спросил прославленного шведа, против кого ему было всего труднее играть, и большой и грузный Бьёрн (его фамилия переводится как «медведь») ответил не задумываясь: «Против Боброва».

Привёл Вуколов и выдержку из солидной шведской газеты «Дагенс нюхетер»: «Следует воздать должное Боброву независимо от того, является ли он майором или всего лишь младшим сержантом русской армии, за то, что он прорывался сквозь такое чистилище, несмотря на постоянный надзор, которому он подвергался, в том числе со стороны таких шведских гвардейцев-каролинов, как Ларе Бьёрн и Хегги Нурмела».

«Каролинами» именовались солдаты личной гвардии воинственного короля Карла XII. То есть «отборное зерно» — наиболее физически крепкие, прекрасно обученные и смелые воины.

После матча со шведами и возник тот «конфликт интересов», с которого мы начали наш рассказ. У канадцев было на очко больше, чем у нашей команды и шведов (заокеанские хоккеисты разгромили их 8:0). Уверенные в победе канадцев, хозяева турнира даже загодя открыли продажу билетов на дополнительный матч Швеция — СССР...

К поединку с канадцами советские хоккеисты готовились предельно тщательно. «Нужно сказать, что ни одной игры с участием канадцев мы не пропускали, — отмечал в книге «Самый интересный матч» Всеволод Бобров. — Тренеры Аркадий Иванович Чернышёв и Владимир Кузьмич Егоров заставляли нас изучать буквально каждого игрока этой команды, которую вся пресса называла беспспорным кандидатом в чемпионы. По утрам, собираясь вместе на технические летучки, мы докладывали о своих впечатлениях, делились мыслями и планами, сообща думали над тем, как сражаться, что противопоставить этому, несомненно, сильному, боевому коллективу игроков...

Оставался последний матч СССР — Канада. Все знатоки и просто любители спорта, все игроки чемпионата, все члены судейской коллегии не

сомневались в его исходе. “Победит Канада” — таково было общее мнение. Должен со всей прямотой сказать, что и у некоторой части наших товарищей сначала царило пессимистическое настроение. Сравнивая число забитых нами и канадцами шайб, они делали вывод, что проигрыш неизбежен. Но спорт ведь, к счастью, ничего общего не имеет с арифметикой. И в каждом конкретном случае побеждает тот, кто сильнее духом и телом в данном матче.

Наши тренеры проводили в эти дни большую психологическую подготовку игроков. Участвовал в этой большой работе и я, как капитан команды, и руководители делегации. Подготовка к матчу с канадцами велась по всем линиям. Организовывались беседы. Устраивались специальные совещания нападающих, защитников...

Очень правильным было и то, что в дни, предшествовавшие решающему матчу, тренеры регулярно вывозили команду на весёлые кинофильмы, устраивали импровизированные концерты...

Команде создавалось боевое, непринуждённое настроение. Мне думается, большую роль сыграло и то, что ни Чернышёв, ни Егоров не ставили перед нами задачи выиграть во что бы то ни стало.

— Проиграете — никто вас ругать не будет. Но играйте в полную силу, постарайтесь достойно представить наш спорт, — не раз заявляли они. И это снимало с людей чувство напряжённости, расправляло крылья...

Бой начинает тройка “Крыльев Советов”. Она сразу же задаёт тон поединку. Взят такой темп, что дух захватывает. Вот уже одна смена составов, другая. Канадцы так и не перешли ещё ни разу по-настоящему центральной линии. Наконец на 5-й минуте Хлыстов, перехватив шайбу за воротами, точно и быстро отдаёт

её назад Гурышеву, тот немедленно бросает — и счёт 1:0.

Растёт стремительность наших атак. Две шайбы подряд удаётся забросить мне, а перед концом периода следует очень красивая комбинация Гурышев — Бычков, и счёт уже 4:0».

В приведённый текст вкралась ошибка — Бобров забросил одну шайбу. Но именно её, третью по счёту, в поздних воспоминаниях партнёры выделяли особо. Мкртычан назвал её решающей, а защитник Альфред Кучевский (сам он забил седьмую, последнюю) добавил, что забросил он филигранно, в присущей ему манере. Именно после того гола Боброва команда почувствовала, что в силе одержать победу.

Всеволод Бобров продолжал: «В раздевалке царит возбуждение. Чернышёву с большим трудом удаётся успокоить ребят.

— Отдыхайте, — приказывает он. — И ни в коем случае не думайте, что победа уже в кармане.

Матч мы выиграли. До самого финального свистка не верили, что всё идёт так хорошо. Но вот игра окончена: 7:2 в нашу пользу. Победа!»

Эмоции были велики. Репортёр газеты «Свенска дагбладет» оказался очевидцем того, как канадец Джонни Скотт, которому было поручено нейтрализовать Боброва, после игры рыдал, содрогаясь всем телом.

Вот строки из книги Всеволода Боброва «Рыцари спорта»: «Никогда не забуду того мгновения, когда прозвучал в том матче финальный свисток. Как по команде, мы подбросили вверх клюшки, и они беззвучно упали на лёд: стадион грохотал так, что вообще ничего, кроме рёва многотысячной толпы, не было слышно. К нам, прямо на лёд, выбегают сотрудники советского посольства, крепко жмут руки. И рукопожатие этих людей казалось нам в тот миг рукопожатием Родины-

матери, во имя которой, прежде всего, совершали мы свой спортивный подвиг!»

В книге Анатолия Салуцкого есть такой фрагмент: «Член исполкома ЛИХГ Павел Михайлович Коротков сидел в почётной ложе неподалёку от короля Швеции Густава IV, наследного принца Альбрехта и дипломатического корпуса шведской столицы. Разгромный счёт, сокрушительная катастрофа, которая на глазах у 16 726 зрителей, собравшихся на Королевском стадионе, постигла непобедимых канадцев в игре с дебютантами чемпионатов мира, произвела ошеломляющее впечатление на сиятельных персон и послов многих стран мира. Как и в Англии 1945 года, как на Олимпиаде в Хельсинки, спорт снова способствовал тому, что авторитет СССР, страны, способной создать такую дружную и могучую команду, ещё более возрос».

Вспоминая тот матч, президент Международной федерации хоккея (ЛИХГ, с 1979 года — ИИХФ) Джон Ахерн на страницах «Футбола-хоккея» (№ 52 за 1971 год) восклицал: «Фантастическая игра новичка на мировой арене и фантастическая победа. Это была “бомба”, которая взорвалась неожиданно для всех... Я увидел команду, не похожую на канадскую, со своим стилем, в основе которого лежала мысль, высокая техника и фантастическая скорость. Ни одного движения без мысли, и лучшим выразителем этого принципа был Бобров!»

Своими впечатлениями о поединке с канадцами поделился в интервью газете «Спорт-экспресс» Виктор Шувалов: «Играли они слишком предсказуемо. От красной линии швырнут шайбу в угол — и вдвоём к ней несутся. Но наши-то защитники в скорости не уступали. На шайбе были первыми, пасовал и вперёд, отрезая одного, а то и двух соперников. И мы спокойно разыгрывали лишнего.

Первый период закончили 4:0. Думали, канадцы изменят тактику, но они упрямые, как бараны. Лезут и лезут. Все семь шайб были словно под копирку — бросают, бегут и получают гол на контратаке.

Канадцы весь турнир держались высокомерно, но после этого матча общались уже иначе. В раздевалку к нам зашли, поздравили. Разглядывали, в чём мы играли, и смеялись».

К чести канадцев нужно признать, что своё поражение они перенесли достойно. Их капитан Томас Кэмпбелл сразу же сделал журналистам такое заявление: «Советские спортсмены блестяще провели игру. Мы просто не представляли себе, что в хоккей можно так играть. В решающем состязании мы оказались разгромленными. Нас поразили работоспособность русских, их умение вести игру в необычайно стремительном темпе».

Газеты подробно описывали ход матча, который называли «канадским Ватерлоо». Они восторженно рассказывали о том, как забивали голы в ворота непобедимых канадцев «советские хоккейные эквилибристы» Шувалов (две), Гурышев, Бобров, Бычков, Кучевский, Кузин, как отлично действовала наша защита, в которой выделялся дуэт Уколов — Кучевский, как замечательно играл вратарь Пучков и поражал невиданной скоростью Хлыстов.

В одной из статей говорилось: «Одним из экспертов игровых видов спорта, который сегодня может себя чувствовать особенно довольным, является председатель АИК Путте Кокк. После возвращения команды АПК из Москвы он предсказал, что Советский Союз увезёт домой титул чемпионов мира. Над Путте Кокком в Швеции из-за проигрышей АПК насмехались. Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним».

Анализируя причины, которые позволили одержать верх над канадцами, Аркадий Чернышёв отмечал: «Все

три периода превосходили их в скорости, в организации коллективной игры, в выносливости, в хладнокровии, если хотите. Крупно проигрывая и не видя возможности переломить ход матча, канадцы стали всё чаще прибегать к грубости. Мы не отвечали, хотя и могли бы. Их игроки отправлялись один за другим на скамью штрафников. Разве выиграешь, находясь чуть ли не большую часть времени в меньшинстве?

Тем более, если соперник играет с огромным подъёмом, а наши ребята в том финальном матче играли именно так, отдавая всю энергию, все силы без остатка победе!»

В книге М. Н. Александрова «Призвание — тренер» Аркадий Иванович рассказывает об особенностях игры троек нападения: «Первая армейская тройка Евгений Бабич — Виктор Шувалов — Всеволод Бобров с её явно выраженной тенденцией к мощным атакующим действиям должна стать главной ударной силой. Её задача — ошеломить соперника непрерывными атаками на предельной скорости, частыми и неожиданными бросками по воротам. “Новобранец” этой тройки, заменивший Анатолия Тарасова Виктор Шувалов — хоккеист рослый, физически сильный, отлично катающийся на коньках, мастер обстрела ворот с обеих рук — великолепно взаимодействовал с партнёрами и, кроме того, отличаясь редкой выносливостью, постоянно помогал защите.

Евгений Бабич при его тонком понимании игровой обстановки выполнял в звене функции связующего игрока. Лучший бомбардир Всеволод Бобров был освобождён от иных забот, кроме одной — быть душой всех комбинаций и забивать шайбы.

Мы предполагали (так оно и получилось), что каждый выход ударной тройки на лёд заставит соперника прижаться к воротам, бросить все силы на укрепление обороны, измотает игроков защиты, лишит

их возможности даже помышлять об организации контратак...»

Забросивший восемь шайб Всеволод Бобров получил приз лучшего нападающего чемпионата, хотя канадец Моу Гэйленд имел на своём счету вдвое больше.

В книге Анатолия Салуцкого мы читаем: «Накануне матча с канадцами в одной из шведских газет появилась памятная карикатура, изображавшая канадского защитника верзилу Боба Чэпмена, который давал урок хоккея маленькому Всеволоду Боброву, сидевшему за ученической партой. Однако в действительности всё получилось наоборот. И часы под стеклянным колоколом — приз лучшему нападающему чемпионата, который шведские журналисты приготовили для канадца Моу Гэйленда, был вручён капитану советской команды Всеволоду Боброву, единодушно признанному лучшим форвардом чемпионата».

Упомянутые настольные часы позднее экспонировались в павильоне «Физкультура и спорт» на ВДНХ.

Что до карикатур, то со временем в разных европейских спортивных журналах в противовес упомянутой не раз публиковалась другая: за партами сидит вся канадская команда, перед каждым листок с надписью «Азбука хоккея», а учитель Бобров жестом на него указывает. Канадцы все здоровые, квадратные, а Бобров маленький, курносый, на груди написано — СССР.

Солидная шведская газета «Свенска дагбладет» писала: «Всеволод Бобров проявил себя превосходно, он уверенно дирижировал игрой, проводил атаки, быстро оценивал обстановку. Его без малейшего сомнения можно назвать лучшим игроком в розыгрыше первенства мира».

Работавший тогда пресс-атташе советского посольства в Швеции Евгений Рымко рассказывал на страницах «Советского спорта» по случаю 50-летия той победы: «В центре внимания оказался Всеволод Бобров. В Швеции его называли королём хоккея, большие портреты Боброва были на обложках практически всех местных газет. Кроме того, по всему Стокгольму были расклеены афишки с его фотографией...

В нашем посольстве был организован торжественный приём очень высокого уровня. Выпивали мы там, конечно, здорово. И на мясо нажимали, особой популярностью пользовались бифштексы с кровью. На праздники раньше не скупилась, столы ломились. Чёрная икра, запечённые окорока, крабы... А пили в основном нашу московскую водку.

После того как уже изрядно выпили на банкете, Бобров у меня спросил: «Слушай, как чемпион мира могу я иметь в Швеции женщину?» Но дальше разговоров дело не пошло. Это был такой кураж победителей. Запомнилось ещё, что он закатал брючину и показал корреспондентам своё колено. Оно было всё в шрамах, сплошь изрезанное».

Такой ценой давались победы...

ЗОЛОТО ОЛИМПИАДЫ

Канадцы тяжело переживали поражение в мировом первенстве 1954 года. Помимо спортивной неудачи была и политическая подоплёка. Проигрыш «коммунистам» в разгар холодной войны — чувствительный удар по национальным интересам.

Причину неудачи обозначали без долгих размышлений. Обычно в этих турнирах Канаду представлял владелец Кубка Аллана — сильнейший любительский клуб страны. Но команда «Ист-Йорк Линдхёрстс» из Торонто пребывала на скромных ролях в любительской лиге провинции Онтарио.

На следующий чемпионат канадцы послали обладателя Кубка Аллана 1954 года клуб «Пентингтон Виз». Играющим тренером являлся бывший игрок НХЛ Грант Уорвик, экспрофессионалами были ещё несколько хоккеистов.

Изменения в составе сборной СССР коснулись оборонительной линии. Вместо оставившего лёд Александра Виноградова и Павла Жибуртовича форму сборной надели другие армейские защитники — Николай Сологубов и Иван Трегубов.

Строго говоря, их отсутствие, особенно Сологубова, на предыдущем мировом первенстве многие специалисты восприняли с удивлением. Но это было объяснимо. В том сезоне в ЦДСА оказался «перебор» защитников, и Анатолий Тарасов перевёл Сологубова на место центрального нападающего в тройку к Комарову и Черепанову.

Сыграла она результативно — 45 шайб (на счету первой тройки было 49), но на включение в состав сборной претендовать не могла. На следующий год

Николай Сологубов вернулся на свою привычную позицию. Он много лет досадовал, что волонтеризм Тарасова лишил его возможности примкнуть к первым чемпионам мира. Правда, и тогда многие считали, что универсальный Сологубов был бы сборной полезнее, чем его партнёр Александр Комаров, который отправился в Стокгольм десятым нападающим. Но игра Комарова устраивала Аркадия Чернышёва, и он вновь взял его на чемпионат в качестве запасного форварда.

К тому же именно Комаров сумел в столице Швеции нейтрализовать в матче с хозяевами их ведущего нападающего Свена Юханссона (по прозвищу «Тумба»), заняв в динамовской тройке место Кузина. Это был неожиданный тактический ход Чернышёва. Тем более что антропометрические данные шведа и Комарова были несопоставимы. Рослому, атлетичному «Тумбе» противостоял и в самом деле «комарик» — ростом 167 сантиметров и весом 64 килограмма.

В Германии, переезжая из города в город, сборная СССР одержала семь побед. Самым сложным был матч с командой Швеции, где победа далась с преимуществом всего в одну шайбу — 2:1. Судьба золотых медалей решалась в матче СССР — Канада. Итог поединка оказался обескураживающим — 0:5...

Вот как прокомментировал его годы спустя Виктор Шувалов в «Футболе-хоккее» (№ 1 за 1984 год): «В 1955 году в ФРГ на чемпионате мира у канадцев была команда помоложе, побыстрее. Некоторые наши хоккеисты слишком увлекались индивидуальной игрой, да и спортивное счастье от нас отвернулось. По голевым моментам мы должны были выиграть примерно 3:2 или 4:3, а проиграли 0:5. Одна шайба даже влетела в наши ворота рикошетом от... моей груди. Сказалось и то, что впервые на чемпионате мира мы играли на закрытых катках: дышать было прямо-таки нечем...»

Николай Пучков в «Золотой книге сборной СССР» прокомментировал давние события: «Канадцы отменно подготовились к решающему матчу. Вопреки своей манере они не бросали по воротам даже со средних дистанций, а разыгрывали “до верного”. Они оставляли нас без шайбы, держали её, даже выводя в среднюю зону. И мне было очень непросто войти в игру, что называется, почувствовать шайбу. Вот почему чуть ли не первый бросок канадцев привёл к голу».

В матчах с ФРГ и Швейцарией, которые предшествовали встрече с канадцами, Всеволод Бобров не участвовал, копил силы для решающего сражения, страховался от возможных повреждений. Но переломить его ход капитан сборной не сумел.

Бобров остро переживал поражение. В книге «Самый интересный матч» он отмечал: «На очередном чемпионате мира нас ожидало очень горькое и обидное разочарование. Мы заняли второе место, проиграв сборной Канады с крупным счётом 0:5. Ни завоёванное звание чемпионов Европы, ни второй приз не могли нас утешить.

Однако надо было спокойно разобраться в том, что же произошло, что послужило причиной падения после высокого взлёта. Я думаю, что выводы, к которым мы пришли тогда, не вредно вспомнить и сейчас. Они дают пищу для раздумий.

Перед первенством мира 1954 года в некоторых контрольных играх, в частности в первой игре со сборной Чехословакии, мы потерпели поражение. Это настраивало нас на критический лад, заставляло глубже и всесторонне анализировать ошибки, больше смотреть вперёд. Накануне чемпионата 1955 года сложилось несколько иное положение: все без исключения контрольные игры были нами выиграны. Вольно или невольно это породило настроение

некоторой самоуспокоенности, благодушия, а это, конечно, само по себе весьма страшная вещь.

Крупный проигрыш во многом объяснялся и тем, что мы позволили себе играть так же, как год назад, по тому же тактическому плану. Это было грубейшей ошибкой. Канадцы изучили его и приготовили противоядие. Зная наше стремление к атаке, к немедленному давлению, к высокому темпу, они очень плотно и правильно построили оборону. Применяя плотную персональную опеку, они встречали наших нападающих корпусом, отделяли их от шайбы и остро контратаковали. Не очень сложно, но правильно. Следовательно, наш проигрыш был расплатой за примитивизм в тактике, за допущенную шаблонность, за повторение пройденного. Никогда нельзя быть тем, чем ты был вчера. Иначе — неизбежный провал. Это истина. И её должен знать и помнить каждый спортсмен.

Уже в ходе решающего матча, проигрывая канадцам 0:2, мы совершили ещё один грубый тактический просчёт. Состязание велось в бешеном темпе; наши соперники, чтобы поддержать его, всё время пользовались кислородом. У них, как говорится, игра шла. Что нужно было в этом случае сделать нам? Ну конечно же постараться немедленно сбить темп, “укачать” соперников спокойно раскидкой, а потом перевести матч в нужное нам русло.

Мы этого не сделали. Мы поддались безрассудному азарту, перестав думать об обороне и стремясь лишь к одному: отквитать шайбы. Такая опрометчивость, невыдержанность стоила нам ещё трёх шайб.

Ну и конечно, проигрыш во многом объяснялся силой наших соперников. Потерпев сенсационное поражение в Стокгольме, канадцы на этот раз — впервые в истории — привезли на чемпионат по существу не одну клубную команду, как это делали

всегда раньше, а сборную, собрав в неё всё лучшее, что имелось в любительском хоккее этой страны. Например, блестящую, полную боевого задора и филигранной техники игру продемонстрировали братья Уорвики.

Что ж, недаром говорят: за битого двух небитых дают. Поражение многому нас научило, многое подсказало. В частности, мы увидели, что для побед над первоклассными командами, кроме арсенала средств, которым мы располагали, необходима была хорошая игра корпусом, умение вести единоборство с жёстко действующим соперником».

Бобров основное внимание уделил тактическим просчётам. А это в значительной степени — упрёк тренерам. Аркадий Чернышёв вины с себя не снимал. Вот что он писал в книге «Призвание — тренер»: «Всего через год в Крефельде на очередном чемпионате мира наша сборная вынуждена была довольствоваться вторым местом, уступив первое канадским хоккеистам любительского клуба “Пентинктон” из Ванкувера.

Казалось бы, не так уж и плохо — второе место тоже почётно.

Но очень огорчил проигрыш “Пентинктону”. Канадцы выиграли у нашей команды со счётом-5:0. А ведь наша сборная выступала почти в том же составе, что и в Стокгольме.

В чём же причина столь крупного поражения? Может быть, хоккеисты “Пентинктона” играли намного сильнее своих соотечественников из клуба “Ист-Йорк Линдхёрстс”, с которым год назад встречалась наша сборная?

Нет, это было не так. Проигрыш канадцам в Крефельде не был следствием их подавляющего превосходства над нашей сборной. Поучительное поражение. Такой памятный урок дороже иной победы. Мною и Егоровым был допущен досадный тренерский просчёт. В этом всё дело...

Не сумели мы, тренеры, справиться с нервозностью хоккеистов. Больше того, их нервозность передалась и нам. Конечно, мы могли постараться изменить ход игры, направить её в выгодное для нас русло. Продолжая играть в своей манере, мы почти наверняка смогли бы не только отыграть эти злосчастные два гола, но и выйти в счёте вперёд...

Внезапно оказавшись в критической ситуации, не сумели принять необходимые меры, в частности играть преимущественно на флангах, успокоиться, воспользоваться тем, что соперник ещё решительнее пойдёт вперёд и тем ослабит свою оборону. Иными словами, нужно было действовать хладнокровно, дисциплинированно, строго и расчётливо...

Как я теперь понимаю, тренерам прежде всего не хватило турнирного опыта.

Тяжело переживали мы с Владимиром Кузьмичом свой просчёт. Сделаны выводы. Главный из них: надо ещё интенсивнее искать, учиться. Прежде всего, познавать всё богатство технико-тактического мастерства современного, быстро прогрессирующего хоккея. Надо досконально знать, на что способны наши главные соперники. И не только в технике и тактике, но и в плане психологическом. В хоккей играют не роботы, а живые люди. От обстановки, складывающейся на площадке, зависит хорошее или плохое настроение...»

О творческом подходе и глубоком анализе игровых проблем со стороны Чернышёва уже по ходу турнира свидетельствуют слова Боброва из книги «Самый интересный матч»: «Как это ни странно, но на чемпионате мира 1955 года Аркадий Иванович Чернышёв обнаружил и доказал нам, что не всё у нас в порядке с передачами. Недостатком многих из нас являлась медлительность. Передача иногда оттягивалась до тех пор, пока передающий игрок нашей команды не сближался вплотную с противником.

Это, как правило, приводило к тому, что передачи перехватывались, задерживались клюшкой или коньками.

— Лучше немного поспешить с передачей, чем слишком промедлить, — часто говорил нам тренер.

Мой последующий игровой опыт подтвердил полную справедливость этих слов. Поэтому мне хочется ещё раз посоветовать молодёжи: никогда не медлите с передачей. Чем быстрее передача, тем успешнее будет комбинация, так как у защиты противника остаётся меньше времени для того, чтобы закрыть игрока, получившего шайбу».

Канадец Билли Уорвик, признанный лучшим нападающим того чемпионата, констатировал: «Это была политика. Восток против Запада и холодная война».

Что такое холодная война, ощутили на себе наши хоккеисты. По воспоминаниям игроков, им неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что в Советском Союзе именовалось провокациями. Особенно часто это происходило в маленьком Крефельде, где после войны осели многие соотечественники, не пожелавшие возвращаться в родные края. Подбрасывались листовки и журналы соответствующего содержания, случались и попытки войти в контакт со стороны русскоговорящих особ женского пола.

Второе место после годичной давности триумфа в Стокгольме было воспринято болезненно. В такой ситуации, что было в советских традициях, нужны были козлы отпущения. В отчёте в «инстанцию» Г. М. Рогульский в качестве главных виновников поражения от канадцев назвал Алексея Гурышева и Виктора Шувалова.

Но если это было всего лишь частное мнение, хотя и от лица руководителя делегации, то обвинения в адрес

Всеволода Боброва были куда серьезнее.

В книге Михаила Прозументчикова приведены данные из закрытых многие годы источников: «Капитану советской хоккейной сборной, участвовавшему в торжественном приёме по случаю окончания чемпионата мира 1955 года, вменялись обвинения сразу по нескольким пунктам. Во-первых, он слишком “засиделся” после приёма в кафе гостиницы, во-вторых, встречался в гостинице с неизвестной женщиной, в-третьих, как сообщали осведомители, “имеются все основания утверждать, что с двух до четырёх ночи Бобров уходил из номера”».

По большому счёту все эти нарушения не являлись слишком серьёзными, если бы не одно «но»: бдительное руководство делегации установило, что женщина, с которой якобы встречался хоккеист, — «русской национальности, является агентом НТС». О чём и проинформировали вышестоящее начальство, присовокупив ко всему изложенному фразу о том, что «расследование этих обстоятельств в настоящее время ведётся».

Аббревиатура НТС много лет являлась своего рода «чёрной меткой» для каждого советского гражданина, побывавшего за границей. НТС (Народно-трудовой союз российских солидаристов) — антисоветская эмигрантская организация, издававшая журналы «Посев» и «Грани». Замеченные в контактах с представителями НТС становились невыездными. И это в лучшем случае, последствия могли быть и более серьёзными.

Благодарение Богу, чаша сия миновала Всеволода Боброва. Подозрения от него были отведены...

После неудачи армейцев в сезоне 1954 года Анатолий Тарасов не мог претендовать на «абсолютизм». Тем более что игроки его команды

составили костяк сборной СССР, триумфально выигравшей чемпионат мира. В команде был создан тренерский совет, в который входили Бобров, Бабич, Виноградов, Мкртычан, Пучков и старший тренер клубных команд Афанасьев.

В книге «Самый интересный матч» Бобров отмечал: «Мы собирались, чтобы вместе обсудить планы, давали индивидуальные задания, а когда начался сезон — разбирали игру троек, рассматривали вопросы дисциплины, беседовали с молодёжью. Мы всеми силами боролись за создание сильной, дружной, высокотехничной команды...

Серьёзное отношение к тренировкам, к делу сыграли свою роль — мы стали чемпионами, выиграв 17 встреч и только одну проиграв. 142—16 — разница шайб, которая вряд ли требует комментариев».

Разница шайб и в самом деле красноречивая. Но справедливости ради заметим, что и в предыдущем, серебряном сезоне она была на уровне: 140—26. Много лучше, чем у ставшего чемпионом московского «Динамо». Но динамовцы потерпели за весь турнир только одно поражение, а у армейцев было два. На этот раз подопечные Тарасова за весь чемпионат потеряли лишь два очка, уступив тем же динамовцам.

При подготовке к Олимпиаде сборная СССР провела много контрольных встреч. Самыми серьёзными соперниками стали английские профессиональные клубы. Сейчас это звучит несколько странно, но в те годы «англичане» (это были в основном канадские хоккеисты) представляли собой реальную силу. Во всяком случае, побывавший в Лондоне в ранге чемпиона мира канадский «Пентинктон Виз» уступил «Харрингей Рейсерз» со счётом 3:5. Этот же английский клуб перед приездом советской команды одержал верх над сборной Чехословакии — 6:2.

Сборная СССР нанесла «Харрингей Рейсерз» сокрушительное поражение — 11:1. К сожалению, уже в конце первого периода после столкновения с защитником Бобров получил серьёзную травму и больше на льду не появлялся.

Серия встреч с английскими канадцами продолжилась в розыгрыше Кубка Ахерна в Стокгольме. «Харрингей Рейсерз» переиграл сборную Швеции (6:4), но оказать достойное сопротивление советским хоккеистам не сумел — 2:9. Героем матча стал Виктор Шувалов, забросивший пять шайб.

Несмотря на проигрыш шведам (2:3), наша команда стала обладателем почётного приза. В тот день она играла не в полном составе: не смогли выйти на лёд Бобров, Уваров, Хлыстов и Кузин.

В матче-реванше двое последних приняли участие и даже забили по шайбе. Общий итог 6:2 в пользу советских хоккеистов.

Выяснение отношений с «Харрингей Рейсерз» продолжилось в Москве. Оказавшись в декабре в морозной столице Советского Союза, гости поначалу отказывались выходить на открытый лёд, и Всеволоду Боброву стоило немалых трудов уговорить их.

В первом матче сборная СССР добилась убедительного преимущества — 7:1. Дважды поразил ворота залечивший травму Бобров. Вторую сборную англичане смогли превзойти — 5:3. Заключительным их соперником вновь стала первая сборная. За Бобровым гости устроили настоящую охоту, вынудив его во втором периоде пропустить несколько смен. И этот матч сборной СССР удалось уверенно довести до победы — 4:0.

Очевидец всех встреч президент Английской хоккейной ассоциации (впоследствии — многолетний президент ЛИХГ) Джон Ахерн высказался комплиментарно: «Советские хоккеисты значительно

выросли по сравнению с прошлым сезоном. Они окрепли физически, их техника существенно улучшилась. Игроки стали внимательнее сторожить своих противников и более искусно и умело выбирать позицию. Они доказали в играх с англичанами, что их тактика короткой пасовки превосходит тактику длинной пасовки английской команды».

На север Италии, в Доломитовые Альпы, в курортный городок Кортина-д'Ампеццо Аркадий Чернышёв повёз сборную в том же составе, что и год назад. Лишь в звене Гурышева Быкова сменил Юрий Пантюхов, а десятым нападающим стал Виктор Никифоров, проводивший тот сезон в московском «Динамо».

Формула олимпийского турнира предусматривала на предварительном этапе игры в трёх подгруппах. Две лучшие команды из каждой становились участниками финального турнира.

Никаких неожиданностей на этой стадии не произошло. Но интрига в нашей подгруппе могла возникнуть за кулисами. Обыграв сборную Швеции со счётом 5:1, советские хоккеисты готовились к матчу со Швейцарией. Эта команда едва не взяла «тёпленькими» уставших после матча со сборной СССР шведов. Швейцарцы вели в первом периоде 3:0, и шведы с трудом добились победы — 6:5. Сыграв сборная Швейцарии удачнее, чем шведы против советской сборной, скандинавские хоккеисты остались бы за бортом финала.

О том, что происходило дальше, поведал в еженедельнике «Футбол-хоккей» (№ 6 за 1976 год) динамовец Юрий Крылов: «Ситуация сложилась такая, что для выхода в финал швейцарцам нужна была победа. Мы же своё участие в финальных играх обеспечили, выиграв у шведов. И вот к Аркадию

Ивановичу Чернышёву пришли руководители швейцарской команды с просьбой отдать очки и с веским аргументом: “Вы победили шведов в предварительных играх, но это не означает, что вы их обыграете в финале. Подумайте, кого вам выгоднее иметь в качестве соперника”.

Чернышёв со свойственным ему спокойствием выслушал и ответил: “Мы дали олимпийскую клятву и будем ей верны”. На встрече со сборной Швейцарии за спинами наших ребят с одеялами стояли шведы (играли на открытой площадке) и заботливо укрывали нас. А мы проигрывали 0:1, затем 0:2. Но всё стало на своё место, и мы “отвезли” соперникам десяток шайб. Шведы ликовали, а наша встреча с ними в финале была самой корректной».

Крылов несколько преувеличил. Счёта 0:2 по ходу матча со Швейцарией не было. Да и в финале со шведами (наши хоккеисты победили со счётом 4:1) страсти кипели нешуточные. У советской сборной в третьем периоде было пять удалений. Эти поправки, однако, никак не ставят под сомнение рассказ Юрия Крылова.

Такое истинно спортивное отношение соперников друг к другу ярко контрастирует с другим событием того же турнира. Перед заключительным туром у сборной СССР было восемь очков, а у команд США и Канады — по шесть. В случае равенства очков всё бы решала разница забитых и пропущенных шайб.

В этой связи, как сообщали очевидцы, свой вклад в «дружественные отношения» стран социалистического лагеря внесли хоккеисты сборной Чехословакии. В их активе числилась победа над американцами в предварительном турнире, но на сей раз наши «братья» решили сделать всё, чтобы «обострить» борьбу за звание олимпийских чемпионов. Они без особого сопротивления проиграли американцам — 4:9. Этот

результат в случае крупной победы сборной Канады над советской командой мог отбросить наших даже на третье место. Однако победа сборной СССР со счётом 2:0 разрушила призрачные надежды сборной США, которая осталась второй.

Но перед этим была сложная игра с самой сборной США. Американцы к тому моменту уже обыграли канадцев (4:1), и победа практически обеспечивала им золотые медали, что и подтвердил итог встречи с Чехословакией.

В своей книге Михаил Прозуменщиков подчёркивал: «Знакомясь с информацией из Италии, в ЦК КПСС специально отметили, что у всех, наблюдавших за этой игрой, сложилось твёрдое убеждение в стремлении хоккеистов социалистической Чехословакии вывести таким образом на первое место команду США».

Как-то краем уха Боброву довелось услышать разговор тренеров сборной. Аркадий Чернышёв сказал Владимиру Егорову: «Не узнаю Боброва. Он стал мягче, терпимее. Не потому ли, что больше теперь верит в других? Жаль, не повезло ему в Англии. Если бы его там не “сломали”, сейчас показывал бы чудеса. Представляете, Владимир Кузьмич, его старая техника, помноженная на коллективную игру, что это было бы! Да, он слишком мало играл в этом сезоне, но будем надеяться, что его хватит».

Вдохновлённый услышанным, Всеволод сотоварищи показали блестящую игру во встрече с Чехословакией (7:4), забив пять шайб. Три из них были на счету Виктора Шувалова.

В своей книге «Самый интересный матч» Бобров запечатлел, как Чернышёв давал своим подопечным установку на матч с американцами: «“Вы видели матч США — Канада, — говорил он. — Американцы выиграли,

удачно строя контратаки. Они постараются повторить эту тактику. Я знаю против неё только одно оружие — скорость. И атака. Атака, не позволяющая думать ни о чём, кроме обороны”.

Этим оружием мы и победили сборную США. Победили в очень трудной борьбе. Два периода счёт был ничейным. И в этом, прежде всего, “виноват” вратарь американцев Уиллард Айкола. Он играл великолепно. Просто великолепно. Пожалуй, это был один из самых замечательных вратарей, которых мне когда-либо довелось видеть. Только в конце второго периода блестящий проход Пантюхова завершается точным пасом в центр и броском Хлыстова. Мы повели 1:0.

В раздевалке было тихо. Только тренер спросил:

— Можно ещё увеличить темп?

Я был капитаном. Ответил за всех:

— Думаю, что можно.

— Тогда давайте. Мне кажется, больше они не выдержат. Хотя, — добавил он, — физически они оказались сильнее всех. Сильнее всех, с кем мы уже играли.

Да, тренер оказался прав. Несмотря на возросший до предела темп, американцы сопротивлялись до конца. Но и они не устояли против скорости. Всё чаще защита допускает ошибки. Всё меньше в её игре бдительности. Вот идёт вперёд на полной скорости Бабич. И вдруг хорошо знакомым мне заученным приёмом оставляет шайбу. Бью. Шайбы не вижу: глаза слепит красный свет, вспыхнувший над воротами. Это было всё. То, чего мы не смогли сделать за весь матч, было сделано за последние минуты: забито ещё три шайбы. Победа — 4:0!

В раздевалке нас уже ждал тренер американцев Джон Мариуччи: “Это была лучшая игра, которую я

когда-либо видел, — сказал он. — От души поздравляю!”».

Следует остановиться на том голе, который забил Бобров после оставления шайбы Бабичем. Всеволод вспоминал: «Евгений выполнил приём идеально быстро, точно и продолжал двигаться вперёд так, будто шайба ещё у него, заслоняя вратаря. В мгновение ока подскочив к шайбе, я произвёл молниеносный бросок в верхний, левый от вратаря, угол ворот.

На торжественном закрытии Игр, перед построением, Уиллард разыскал меня и, пожимая руку, сказал:

— Из всех голов, пропущенных мною на Играх, самый страшный был от тебя. Страшный потому, что мне показалось, ты разгадал мою слабость. Я очень не люблю верхний левый угол. Он — как проклятие...

— Я знал это, — сказал я ему. — Я следил за тобой всё время и увидел, что даже у такого вратаря, как ты, есть свои слабости.

— О, тогда этот бросок вдвойне ценен, — произнёс Айкола. И добавил: — Да, когда знаешь наши вратарские слабости, становишься сильнее. Верно ведь?»

Бобров всегда внимательно отслеживал игру вратарей. Анатолий Салуцкий подтвердил это наглядным примером: «Всеволод Михайлович отличался феноменальной, возможно, неповторимой наблюдательностью, если дело касалось оценки игровых ситуаций.

В 1949 году, когда сборная команда Советской Армии встречалась в товарищеском матче со сборной Польши, Евгений Бабиш в первом периоде несколько раз по краю выходил один на один с вратарём, но никак не мог забить гол. В перерыве он пожаловался Боброву: “Ничего не могу понять! Не идёт шайба и всё! Кажется, всё сделал, а гола нет”.

Всеволод вместо сочувствия дал товарищу очень чёткий совет, поразивший Бабича:

— А ты обрати внимание, когда вратарь смещается в твою сторону, между его коньком и стойкой ворот образуется щель шириной сантиметров десять. Неплотно его конёк примыкает к ближней стойке. А шайба-то диаметром поменьше! Понял? Бросай туда, в эту щель, — и забьёшь. Не надо вратаря убивать броском, ты тихонечко, но точно... Понял?

Евгений Бабич воспользовался советом и наконец “размочил” польского вратаря. А в итоге советская команда победила со счётом 5:0».

Чтобы соблюсти историческую точность, скажем, что «размочили» поляка ещё в первом периоде, который завершился 3:0, и одну из шайб забил Бобров.

Если американцы могли только рассчитывать на благополучный для них исход в поединке нашей сборной с канадцами, то последние соперники советских хоккеистов сами являлись кузнецами своего счастья. Чтобы стать чемпионами, канадцам надо было выиграть с преимуществом в три шайбы. Сделать это им не удалось.

В этот раз под флагом сборной Канады выступала сильная команда «Китченер Ватерлоо датчмен» — двукратный обладатель Кубка Аллана.

В книге «Рыцари спорта» Всеволод Бобров вспоминал: «Накануне решающего поединка в одном из номеров отеля “Савой” шло собрание команды, серьёзный предстартовый разговор. Ребята высказывали своё мнение по поводу предстоящего. Одним из первых поднялся Юрий Крылов: “Основная ставка канадцев на силу. А мы, ребята, противопоставим им свой задор, свою волю. Дадим, одним словом, прикурить. Я лично от себя и от всей нашей тройки заявляю: мы их победим”».

Небезынтересный момент припомнил в своей книге «Мой друг хоккей» Николай Сологубов: «Предстартовая лихорадка охватила не только меня. А тут ещё соперники решили прибегнуть к психологической атаке. Незадолго до выхода на лёд канадцы вдруг усомнились в размерах клюшки Всеволода Боброва, заявив, что длина крюка его клюшки не соответствует принятым стандартам.

Пришлось прибегнуть к промерам. У Всеволода крюк клюшки действительно был несколько длиннее, чем следовало, однако по ширине он вполне соответствовал норме и проходил через контрольное кольцо. Помнится, за те минуты, что ушли на эту операцию, я был уже мокр, как мышонок, благополучно улизнувший от кошки».

Виктор Шувалов рассказывал: «Канадцы перед решающей игрой припугнули: шли мимо нашей раздевалки и колотили по двери клюшками. А на льду у каждого под глазами были нарисованы чёрные полосы. “Нашли чем устрашать”, — посмеивались мы. Но оказалось, они защищались так от солнечных бликов — матчи-то проходили под открытым небом».

Всеволод Бобров описывал события того матча так: «Нужно прямо сказать, ни в 1954 году в Стокгольме, когда победа осталась за нами со счётом 7:2, ни в 1955 году, когда победили канадцы, ни раньше, ни позже на наши ворота не обрушивалось такого града бросков. Двадцать минут непрерывно вся пятёрка “Китченер Ватерлоо датчмен” таранила нашу оборону. План канадцев был очень похож на тот, по которому играли против них чехословацкие хоккеисты: все силы, всю энергию, всё мастерство бросить на весы сразу, постараться сломить нас в первом периоде.

В эти минуты у нас была одна задача: устоять, устоять во что бы то ни стало! Разумеется, особо большая нагрузка выпала на защиту и вратаря. Нужно

отдать им должное, они со своей задачей справились с честью. Именно за игру в этом матче Николай Сологубов был провозглашён лучшим защитником чемпионата...

В этом сражении — а матч по напряжённости, по остроте атак, по значению, которое ему придавалось, очень напоминал сражение — мы идеально точно выдержали тактический план, проявили высокую игровую дисциплину. Приказ был строг: вперёд не ходить. И мы не ходили, даже находясь в численном большинстве, вернее, ходили, конечно, но не зарывались. Помнили, главное для нас на первом этапе — не дать соперникам забить гол, лишить их уверенности, измотать силы.

В перерыве Чернышёв говорит:

— Дело сделано. Они уже глотают кислород. Можно теперь — можно и нужно! — атаковать самим.

Второй период наш. Бросаемся в атаку. Зажимаем соперников в зоне. Проводим серию бросков. Один из них, бросок Крылова, на 7-й минуте, завершается голом.

— Мо-лод-цы! Ещё шай-бу! — скандируют на трибунах наши...

Звучит сирена. Последний перерыв. И за ним — заключительная двадцатиминутка. Тренер даёт последние указания. Все слушаем очень внимательно: ведь иногда одно замечание специалиста, наблюдавшего твою игру со стороны, может избавить от многих ошибок.

В эти минуты немало работы и у нашего доктора. Некоторые ребята получили серьёзные травмы. Три повязки делают герою сегодняшнего матча Николаю Сологубову.

— Сможешь продолжить игру? — спрашивает его Чернышёв.

— Конечно, Аркадий Иванович! — отвечает защитник...

Но вот перерыв закончен. Начался третий период.

Не успели ввести шайбу в игру, как динамовская тройка устремляется вперёд. Уваров обводит защитника, вытягивает на себя второго игрока и точно отдаёт шайбу Кузину. Бросок — гол!

Большого сделать ни мы, ни наши соперники не смогли. Желанная победа! Она дала нам три золотые медали — чемпионов Олимпиады, мира и Европы».

В книге М. Н. Александрова «Призвание — тренер» наставник сборной рассказывает о тактических тонкостях: «Все встречи, проведённые нашей сборной на турнире в Кортина-д'Ампеццо, мне понравились. Но наибольшее впечатление оставил матч с канадцами. Местная пресса называла его глубоко принципиальным. И это было верно. Именно так отнеслись к нему и мы, и противники. Трудно передать словами напряжённость игры. Канадцы не скрывали, что их устраивает только победа. Они попытались сразу же подавить нас шквалом непрерывных атак, силовым напором. Не вышло. Нашла коса на камень.

Наши хоккеисты, как и было задумано, гасили наступательный пыл соперников ещё на дальних подступах к своей зоне, смело вступая в силовое единоборство с игроком, владеющим шайбой. В случаях, когда кому-то из канадцев всё же удавались сольные проходы, нападающих встречали мощные и решительные игроки нашей обороны, не хуже соперника владеющие силовыми приёмами.

О степени накала борьбы говорит счёт. Первый период — ничья, с редким для хоккея счётом — 0:0. После перерыва сыграла решающую роль некая тактическая уловка, специально нами задуманная. По прошлым матчам с канадцами мы заметили, что они настоящие бойцы, ведущие борьбу за победу до конца. Завидное качество! Но порождает его во многом повышенное самолюбие как прямое следствие высокой

репутации. А средств для ведения борьбы у них маловато...

Что же мы предприняли? Очень важно в таких случаях своевременно уловить те короткие мгновения, когда уставшее звено соперника ещё находится на льду, а готовое его сменить ещё на скамейке запасных и затем после смены ещё не в полной мере включилось в игру.

Эти секунды наиболее благоприятны для развития внезапной стремительной контратаки!»

В решающем матче лучшим оказалось звено Крылов — Уваров — Кузин.

О нём Всеволод Бобров писал: «Динамо́вская тройка часто несла на своих плечах и безупречно выполняла сложнейшие тренерские задачи. Например, в матчах со сборной Швеции она выступала против звена Свена Юханссона. Персонально держал шведа Саша Уваров, но Юра Крылов неизменно помогал ему. И помогал отлично. Откатываясь назад, он первым встречал “Тумбу”, шёл на столкновения, не давая тому продвинуться вперёд, а часто искусно отбирал шайбу и тут же организовывал контратаку.

Могу с радостью отметить, что Юра стал одним из героев Олимпийских игр. Канадские игроки и тренеры, спортсмены из других стран, обозреватели газет, радио и телевидения с восхищением отзывались о нём. Открытое лицо Юры не раз смотрело в те дни со страниц прессы. А он оставался таким же скромным и простым, каким мы его знали всегда».

Другим героем матча с канадцами стал Николай Сологубов. Об этом вспоминал Виктор Шувалов: «Упорно бьёмся, первый период 0:0, а они злые на нас: мы все выиграли, а они проиграли американцам, нужна только победа.

И тут вдруг нерасчётливо Трегубов отдаёт шайбу Сологубову, а канадский нападающий разгадал,

бросился вперед — и перехватил, и рванул прямо по центру на ворота Пучкова. И вот то, что я тогда увидел, меня просто потрясло. Коля Сологубов (вот у кого взрывной старт, взрывная скорость) развернулся (ведь ещё развернуться надо было!) и как покатит вслед, с трибун, наверно, непонятно, за счёт чего так быстро едет, стремительно настигает канадца, подъезжает под него и чистенько так вылавливает шайбу с клюшки и с другой руки выезжает из-под соперника. Трибуны просто озверели, аплодировали минуты две непрерывно.

Всё это как чудо показалось. “А как ты думаешь, — улыбался потом Коля, — вижу, он у меня прямо из кармана золотую олимпийскую медаль вытягивает. Не мог я допустить такого”».

Фронтвик Николай Сологубов несколько раз был ранен. После тяжёлого ранения в ногу, которое грозило ампутацией, он с большим трудом восстановился, но голеностопный сустав навсегда утратил необходимую подвижность, что не позволило ему развиваться как футболисту. Однако в хоккее это Сологубову удалось.

Когда Бобров и Сологубов встречались как соперники, перед Николаем ставилась задача нейтрализовать Всеволода. Никто лучше Сологубова сделать это не мог. Он до минимума старался свести возможности Боброва. Но чтобы нанести травму, ударить исподтишка — такого бывший разведчик позволить себе не мог.

Высокую оценку игре нашей сборной дал президент Международной федерации хоккея Джон Ахерн в еженедельнике «Футбол-хоккей» (№ 52 за 1971 год): «Я столько повидал на своём веку хоккея, что было бы простительно не помнить отдельных встреч. Но есть два матча, которых я не забуду, пока буду жить, а сколько мне ещё отпущено на это времени, я, конечно, не знаю. И обе эти встречи с участием сборной СССР.

Одна в Кортина-д'Ампеццо в 1956 году, другая — в Женеве в 1961-м. Матч в Кортина-д'Ампеццо с канадцами был хоккейным фестивалем, в котором Европа доказала своё право в лице советской сборной на собственный стиль. Канадцы выступали на Олимпиаде неровно. Но в матче против советской сборной они вложили в борьбу всё, что могли. Резко, жёстко сражались они на старте, и казалось, вот-вот раздавят, сломят соперника. В этой схватке высшего мастерства и высшего боевого духа прекрасен был Сологубов. Верх взяла сборная СССР».

Счастье олимпийской победы переполняло Всеволода Боброва. После пережитого в Хельсинки четыре года назад все его помыслы были сосредоточены на реванше. И он состоялся — Бобров стал олимпийским чемпионом. Ценил он и звание капитана команды. Недаром свои наброски, которые так и не превратились в книгу, он назвал «Капитан олимпийских команд»...

В этой связи известный мастер эпиграмм Евгений Ильин сочинил строчки к дружескому шаржу на капитана:

Судьба как яркая зарница —
Он стал героем саг и книг!
Двойною славой серебрит
Его бобровый воротник!

Легко ли было после такого выброса адреналина окунуться в рутину всесоюзных соревнований? Бобров вплотную занялся ликвидацией накопившихся «хвостов» в учёбе.

Можно сказать, в этом состоял некоторый его просчёт, если помнить, кто являлся тренером команды ЦСК МО (так с 1954 года стала именоваться армейская команда). Анатолию Тарасову не было никакого дела до эмоционального состояния Боброва и Бабича, который также редко выходил на площадку после возвращения из Италии.

В чемпионат страны 1956 года команды, чьи игроки входили в состав сборной, включились лишь в феврале. В Москве хоккеисты до 31 марта (рекорд!) играли на льду стадиона «Динамо», а потом матчи проводились в Сокольниках на открывшемся 15 апреля первом в стране катке с искусственным льдом. Строители сорвали намеченный срок ввода катка в эксплуатацию, поэтому плотность встреч с учётом кубковых заставила три ведущих клуба играть через день. Закончился сезон 25 мая.

Как и год назад, армейцы сделали «золотой дубль». В чемпионате их преимущество было неоспоримым: ни одного потерянного очка в двадцати восьми матчах — вечный рекорд! Разница шайб 217—29. Высота была покорена без участия Боброва и Бабича...

ЦЕПЬ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Чемпионат мира 1957 года вполне уместно назвать многострадальным. Хотя ожидался он в Советском Союзе как хоккейный праздник.

Мировой хоккейный форум впервые проводился в Москве. Осенью 1956 года вошёл в строй Дворец спорта в Лужниках — первый в стране крытый каток с искусственным льдом. Но планы организаторов едва не были нарушены. В ответ на взволновавшее весь мир политическое событие — подавление советскими войсками восстания в Будапеште осенью 1956 года — западные страны начали кампанию по дискредитации турнира.

В своей книге Михаил Прозуменщиков писал: «В ноябре того года национальные хоккейные союзы Англии и Швеции отказались от запланированных встреч с советскими хоккеистами и призвали другие страны бойкотировать предстоящий чемпионат мира в Москве. Западные средства массовой информации поспешили заявить, что чемпионат мира не состоится вообще или будет перенесён в другую страну.

Их пыл остудил президент европейского исполкома Международной лиги хоккея на льду Джон Ахерн, твёрдо заявивший, что чемпионат пройдёт “в Москве с 24 февраля по 5 марта, как запланировано, несмотря на какие бы то ни было протесты”. Он же прислал в СССР письмо, в котором уверил советского руководителя Секции хоккея полковника П. М. Короткова в том, что приложит все силы для организации чемпионата, и выразил сожаление, что не в состоянии повлиять на

решения национальных хоккейных организаций Англии и Швеции. Ахерн сдержал своё слово. Чемпионат состоялся в Москве, а его победителем стала... сборная Швеции».

Да, шведы в конечном итоге проявили благоразумие и приехали в Москву. А вот сборных США, Канады и ФРГ среди участников не оказалось. Спасая всемирный масштаб чемпионата, организаторы пригласили Японию, которая не выступала на таком уровне ни разу после Олимпиады 1936 года.

Безусловным фаворитом чемпионата считалась сборная СССР, конкуренцию которой могли оказать лишь сборные Швеции и Чехословакии, но все прогнозы делались в пользу хозяев. Сбылись они, однако, ровно наполовину. Не проиграв на турнире ни одного матча, сборная СССР тем не менее довольствовалась только серебряными медалями...

Проблемы советской сборной выстроились в цепь неблагоприятных обстоятельств.

При подготовке к чемпионату Аркадий Чернышёв столкнулся с немалыми сложностями. В многочисленных контрольных матчах ему неоднократно приходилось тасовать состав. Поначалу как обычно стабильной выглядела линия обороны, но вслед за выбывшим Альфредом Кучевским также по дисциплинарным причинам Чернышёву пришлось отчислить Дмитрия Уколова.

Аркадий Иванович начал пробовать в сборной своих динамовских подопечных Николая Карпова и Виталия Костарёва и в конечном итоге наряду с Костарёвым включил в заявку опытного Павла Жибуртовича.

Возникли проблемы и в линии атаки. Из-за тяжёлой травмы выбыл из строя Юрий Крылов. От попытки заменить его Александром Комаровым пришлось отказаться. Равно как и от услуг Валентина Кузина.

Место динамовцев заняло армейское звено Константин Локтев — Вениамин Александров — Александр Черепанов.

Изменения коснулись и первой тройки. Ближе к старту чемпионата Чернышёв вывел из состава Виктора Шувалова, который несколько утратил скоростные качества. В его распоряжении были многоопытный динамовец Александр Уваров и Владимир Гребенников из «Крыльев Советов». Впрочем, заинтересованный в выборе центрального нападающего Всеволод Бобров отстаивал кандидатуру молодого дарования Валентина Чистова, мотивируя это тем, что динамовский «рыжий» тоже левша, а следовательно, ему будет удобно пасовать на левый край, где располагался Бобров. Однако Аркадий Иванович предпочёл довериться опыту своего многолетнего любимца Уварова.

В ходе турнира Чернышёв чередовал Уварова с Гребенниковым, но добавились новые обстоятельства. Когда миновали матчи, исход которых не вызывал опасений, выбыл из строя Бобров. В книге «Самый интересный матч» Всеволод писал: «Перед игрой сборной СССР с Чехословакией у меня в результате полученной при столкновении в одном из состязаний травмы было диагностировано предгангренозное состояние ноги. Врачи объявили свой запелляционный приговор: играть нельзя!»

На предпоследний матч с командой ГДР некогда грозное звено вышло в составе Бабич — Гребенников — Костарёв. Уже игравший с травмой Бабич усугубил её. В решающем поединке со сборной Швеции тройка и вовсе приняла неожиданный, а вернее сказать, вынужденный вид: Костарёв — Гребенников — Уваров...

Первыми из числа претендентов на медали скрестили клюшки сборные Швеции и Чехословакии. Всеволод Бобров в книге «Самый интересный матч»

выделил эту встречу особо: «Этот матч, свидетелем которого я был от начала до конца, запомнился навсегда. Запомнился своей хрестоматийной поучительностью, резким различием в решении тех задач, которые поставили перед собой команды...

Матч оправдал возлагавшиеся на него надежды. Уже счёт по периодам — 0:0, 1:0, 1:0 — говорит о том, какой напряжённой была борьба, как до последнего момента нельзя было определить её исход...

В первом периоде мы почти не видели лидера шведской команды Свена Юханссона. Он, как и все его товарищи по команде, вёл незаметную черновую работу, действуя в необычной для себя роли подыгрывающего и часто оставаясь во второй линии...

Только прозвучал свисток, известивший о начале второго периода, как зрители увидели на льду преображённого Юханссона. Теперь это был именно тот самый неповторимый “Тумба”, слава о ком пронеслась по многим странам. Демонстрируя отточенное индивидуальное мастерство, великолепную технику владения клюшкой, он неудержимо рвался вперёд. Он играл смело, предельно самоотверженно.

Чехов явно обескуражило такое перевоплощение. Они бросили на его опеку своих сильнейших защитников, но это скорее порождало нервозность, нежели служило сдерживанию лучшего игрока сборной Швеции...

И вот в этом вихре Свен Юханссон, овладев шайбой в средней зоне, сумел на предельной скорости обойти двух защитников и редким по красоте броском забросить первую, а по существу решающую шайбу...»

Вскоре с проигравшими встретилась сборная СССР. Матч проходил на стадионе «Динамо», на открытом воздухе. Завершился он вничью — 2:2.

Дважды нашим хоккеистам приходилось отыгрываться. При счёте 0:1 они остались в неполном

составе. Не имевший возможности помочь партнёрам (его участие в том матче было символическим, разве что для статистики) Всеволод Бобров впоследствии вспоминал: «Тут-то и выручил товарищей Николай Сологубов. Перехватив шайбу в своей зоне, он героически — иначе это не назовёшь — устремился вперёд, на большой скорости обошёл нескольких игроков, не потеряв шайбы, пересёк всю площадку, с олимпийским спокойствием выманил на себя вратаря и сквитал счёт. Другого такого примера из своей богатой хоккейной практики я не помню!»

На страницах «Золотой книги сборной СССР» к этому матчу обратился и Николай Пучков: «До сих пор в памяти один из голов, который я пропустил от чехословацкой команды. Поле на стадионе “Динамо” освещалось прожекторами, и в начале каждого периода свет, отражаясь от чистого льда, сильно слепил глаза. И вот после броска одного из соперников я на какое-то мгновение потерял шайбу из вида, а когда увидел её в нескольких сантиметрах от лица, рефлекторно отпрянул, и шайба влетела в ворота».

Следует, вероятно, напомнить, что вратари в те времена играли ещё без масок.

Сыграл злую шутку с нашей сборной и выход на открытый воздух в матче со сборной Швеции. Понимая, какой интерес этот по существу финальный матч вызывает у публики, организаторы перенесли его на Большую спортивную арену Лужников. А поскольку на календаре было 5 марта, лёд «поплыл», что лишило советскую сборную преимущества в скорости.

Предвидеть погодную каверзу было трудно, хотя и возможно. Но накануне игры Аркадию Ивановичу Чернышёву пришлось ломать голову над другой проблемой.

Лишившись травмированных Боброва и Бабича, Чернышёв столкнулся с недокомплектom в нападении.

Поэтому вынужден был в тройку к Гребенникову и Уварову добавить защитника Костарёва. Как это происходило на предыдущих мировых первенствах, наставник сборной намеревался прикрепить к «Тумбе» персонального опекуна. Казалось бы, выбор исполнителя этой роли очевиден, поскольку Уваров на Олимпиаде справился с возложенной задачей.

О предшествовавших матчу событиях вспоминал в «Футболе-хоккее» (№ 15 за 1986 год) Константин Локтев: «Перед игрой заболел Бобров. Это обстоятельство, конечно же, сказалось на моральном состоянии команды. Бобров — лидер, капитан, самый результативный нападающий чемпионата, одно его присутствие для нас колоссальный допинг.

Чернышёв, человек мудрый, тонко всё чувствующий, понимающий наше состояние, как мог, внушал веру в победу, вселял бодрость духа.

Самый опасный среди шведов, конечно же, “Тумба”. И на предматчевой установке было решено, что его будет опять опекать Уваров, а страховать Гребенников. Но “Тумба” с первых же секунд расшифровал наш замысел и сам буквально прилип к Гребенникову. Таким образом, при нём были всегда два наших игрока, и шведы имели численное превосходство».

Локтев верно описал происходившее на площадке, за одним исключением. Чернышёв в последний, вероятно, момент изменил своё решение. Нейтрализацию лидера шведов он поручил Костарёву.

О том, как виделась картина матча самому «Тумбе», он поведал в книге «“Тумба” говорит начистоту». Но прежде следует, вероятно, объяснить происхождение прозвища, под которым Свен Юханссон был известен в хоккейном мире.

Наверняка многие у нас полагали, что оно связано с особенностями комплекции шведского хоккеиста — рослого, фактурного. Но в данном случае это отнюдь не

тождество принятому в русском языке понятию, когда речь идет о массивном предмете мебели.

В шведской спортивной среде прозвища имеют многие игроки. Под ними их и знают болельщики. А вот происхождение этих прозвищ в большинстве случаев им не известно. В случае с «Тумбой» — наоборот, смысл прозвища, которое он себе придумал сам, был всем известен. Поскольку людей по имени Свен Юханссон в Швеции немало, он решил отличаться от остальных, став «Тумбой». Тумба — это небольшой городок, пригород Стокгольма. Вот знаменитый шведский хоккеист и решил прославить свой отчий дом.

Итак, «“Тумба” говорит начистоту»: «В финальном матче русские надели на меня “пальто”. Их игрок ни на шаг не отставал от меня, был так навязчив, что мне казалось, будто он и после матча последует за мной в раздевалку.

И тогда я решил сам опекать кого-нибудь из нападающих противника. Теперь рядом со мной всегда были двое: одного сторожил я, другой опекал меня. В результате игроки моей тройки Эйе Линдстрём и Эйлерт Мееття (по кличке Гарвис) действовали по краям очень свободно. Две шайбы забросил Эйе и одну, причём решающую, — Гарвис».

Из слов «Тумбы» можно сделать вывод, что он «переиграл» Чернышёва. А раз так, в упрёк это можно поставить не только Аркадию Ивановичу, но и основному исполнителю — Виталию Костарёву, не справившемуся с заданием.

Сам Костарёв оценивал те события совершенно иначе: «В решающей игре со шведами первая тройка нападения вообще выглядела оригинально. Я вышел справа, Владимир Гребенников — в центре, и что самое удивительное, Александр Уваров, всю свою карьеру бывший центрфорвардом, играл слева.

Этот матч получился очень напряжённым и драматичным. Сейчас вот некоторые очевидцы говорят, что шведы переиграли нас по всем статьям. В частности, знаменитый Свен Юханссон-“Тумба” меня чуть ли не полностью “выключил”.

Это не так. Мы ни в чём не уступали соперникам. Да и я статистом на поле не был, с моей подачи Сологубов гол забил. Нам тогда просто не повезло. Ведь вначале мы проигрывали 0:2, затем по ходу матча вели 4:2. Незадолго до финальной сирены счёт стал ничейным — 4:4. И тут Алексей Гурышев забивает пятую шайбу, но... судья усматривает положение вне игры, причём ситуация была более чем спорной. Засчитали бы эту шайбу — мы чемпионы...»

На Большой спортивной арене Лужников собралось более сорока тысяч зрителей. Они стали свидетелями того, как шведская команда начала уверенно продвигаться к цели. Её устраивала ничья, но уже в первом периоде шведы забросили две безответные шайбы. Не ладилась у нашей сборной игра и во втором. В середине периода шайба в течение одной минуты трижды попадала в штангу ворот Пучкова. И вдруг...

Всеволод Бобров описал случившееся в книге «Самый интересный матч» так: «Начала на этот раз молодёжная тройка. Александров и Черепанов вдруг рванулись вперёд с такой скоростью, с такой неожиданной яростью, что явно озадачили соперников. Одна волна атаки, другая, третья... Вот Черепанов стремительно входит в зону, обыгрывает одного из защитников, передаёт шайбу Александрову, и тот с лёту забивает красивый гол. 1:2!

Этот успех, пришедший в результате изящной, стремительной, безукоризненно исполненной комбинации, зажёг огонь вдохновения в сердцах моих товарищей. И то, что последовало в заключительные

семь минут второго периода, можно с полным основанием назвать чудесным игровым этюдом.

На поле взметнулся настоящий вихрь атак. Шведы растерялись. Наш темп им оказался явно не по плечу. Чем яростнее натиск советских хоккеистов, тем всё беспорядочнее отбиваются они. “Только бы удержать счёт, только бы устоять” — эта мысль сквозит теперь в каждом их действии.

Но устоять не удаётся. На 17-й минуте Иван Трегубов редким по красоте и силе броском издалека сравнивает счёт. Ещё через две минуты Николай Хлыстов в острейшей схватке у ворот проталкивает шайбу мимо шведского вратаря. 3:2! Трибуны гудят как разбушевавшийся улей, пятьдесят тысяч голосов, сливаясь в один, требуют:

— Ещё шайбу! Ещё шайбу!

Секундная стрелка начинает свой последний оборот во втором периоде. Остаётся всего пятьдесят секунд игры. И тут повторил свой подвиг Николай Сологубов. Он вновь замечательно прошёл через всё поле и чётко забил четвёртый гол. Красный свет над воротами шведов вспыхнул за пять секунд до перерыва...

Когда начался третий период, я внимательно следил за шведскими хоккеистами. В их действиях сквозила настороженность. Они явно ожидали нового штурма, чтобы не проиграть ещё крупней. Но, увы, штурма не последовало. Наша команда вновь резко сбавила темп и потеряла инициативу. Шведы изредка, но остро контратакуют. Счёт становится 4:3, а затем и 4:4. Преимущество, добытое дорогой ценой, растаяло. Последние минуты шведы умышленно тянут время, дважды судьи делают им предупреждения.

За две минуты до конца наши тренеры идут ва-банк. Они заменяют вратаря шестым полевым игроком. Но к этому команда не была тогда готова. Игроки не идут вперёд, и всё время оглядываются на пустые ворота. К

тому же для нас далеко не безразличен исход встречи: в случае проигрыша сборной СССР серебряные медали получают хоккеисты Чехословакии. И Николай Пучков вновь возвращается на своё место...

Потом была церемония награждения, и я вместе со всей командой стоял в торжественном строю, получая серебряную медаль за второе место. Я стоял, и непонятная тоска сдавливала сердце. Может быть, оно, сердце, уже знало, что это последняя страница в моей спортивной биографии...»

Вероятно, любивший «домысливать», строить умозрительные картины происходившего литзаписчик книги Боброва Леонид Горянов не изменил себе и в этот раз. Во всяком случае, в книге Виктора Викторова «Три пятёрки», появившейся вскоре после того чемпионата мира, рассказывается о том, что Всеволод Бобров смотрел заключительный матч дома по телевизору. И ключевой стала фраза: «Какой же жёсткой, словно утыканной гвоздями, показалась Боброву его уютная тахта!»

Тем не менее Бобров стал лучшим бомбардиром турнира, забив в ворота аутсайдера 13 шайб. Этот рекорд прожил немалый срок, только в 1970 году его превзошёл Александр Мальцев.

Степень разочарования результатом домашнего чемпионата мира была велика. Начались поиски виновников. Об этом мы расскажем дальше, а пока представим трезвую оценку итогов того турнира. Она, конечно, прозвучала, но в значительном отдалении во времени.

Здраво оценил своё отсутствие на том чемпионате спустя годы Виктор Шувалов в интервью еженедельнику «Футбол-хоккей» (№ 1 за 1984 год): «В Москве меня в тройке заменил Владимир Гребенников из “Крыльев Советов”. Отличный хоккеист, он в то

время был быстрее меня, но в слаженности игры, думается, звено что-то потеряло».

Всеволод Бобров в книге «Рыцари спорта» с горечью констатировал: «О чемпионате мира 1957 года, проходившем в нашей столице, у нас написано до обидного мало. Жаль. Нельзя же всегда побеждать, и нельзя считать достойным воспоминания только то, что связано с твоей бесспорной победой...

Не проиграв ни одной встречи, сделав две ничьих со сборными Чехословакии и Швеции, сборная Советского Союза вынуждена была довольствоваться вторым местом на пьедестале почёта...

Сколько самых разнообразных причин было тогда придумано для объяснения этого “шага назад”, сколько “виновников” было найдено! Одним из самых первых и самых “главных” стал Аркадий Иванович Чернышёв. Человека, который создал и выпестовал нашу национальную команду, который привёл её к выдающимся победам и славе в Стокгольме и Кортина-д’Ампеццо, освободили от обязанностей старшего тренера сборной. На капитанский мостик взошёл Анатолий Владимирович Тарасов. Но он ничего не изменил, ничего не добавил, и за годы его “правления” сборная ни разу не сумела подняться на высшую ступеньку пьедестала почёта...

Ещё в тот трудный 1957 год, когда произошла осечка нашей сборной на домашнем чемпионате мира, Аркадий Иванович Чернышёв писал в одной из своих статей: “Я уверен, что неудача нашей сборной сегодня и неудачи, которые, быть может, ждут нас ещё и завтра, — временные. Наш хоккей стоит на правильном пути, развивается вширь и вглубь, в нём зреют силы, которые вернут ему самую громкую славу”».

Мудрый наставник оказался прав. Но вскоре после того фиаско Чернышёв лишился своего поста. Конечно, он попал под шквальный огонь критики. Но критика

бывает разная. Сдержанная и оголтелая. Особенно оживлённая дискуссия развернулась на страницах журнала «Спортивные игры».

Обо всех потерях и турнирных перипетиях написал в своей вполне объективной статье в «Спортивных играх» (№ 4 за 1957 год) председатель Секции хоккея Павел Коротков.

«Могла ли сборная СССР в том составе, в котором она выступала в нынешнем году, и при наличии отмеченных недочётов в её подготовке вновь завоевать золотые медали чемпионов мира и Европы?» — вопрошал Коротков. И отвечал: «Да, могла! И даже была обязана. Однако, играя у себя на родине, она не сумела показать тех боевых качеств и безупречной в тактическом отношении игры, которые отличали её на Олимпийских играх 1956 года.

Советским хоккеистам в двух решающих матчах — с командами Чехословакии и Швеции — не хватило всего лишь одной шайбы. Забрось они всего лишь ещё одну шайбу в ворота любой из этих команд или пропусти в свои ворота только на одну шайбу меньше, это дало бы им первое место в турнире и звание чемпионов.

Игроки сборной СССР не сумели этого сделать из-за тактических недочётов и отдельных грубых технических ошибок, повлиявших на конечный исход и этих встреч и всего чемпионата в целом...»

Однако на страницах следующего номера журнала в статье «Когда улеглись страсти» Анатолий Тарасов подверг выступление сборной уничижительной критике. Досталось и тренеру, и игрокам. Критиковались и комплектование команды, и её подготовка, и сама игра.

Приведём лишь несколько отрывков из этой статьи: «Мне представляется несомненным, что эти соревнования проиграла именно сборная команда, а не наш хоккей вообще...

В сборной выступал, например, защитник П. Жибуртович — игрок, у которого лучшие времена позади. Недостаточная скорость, неумение применять силовые приёмы, скудость технических средств — всё это характерно сегодня для Жибуртовича. Конечно, такому хоккеисту трудно выполнять ответственные игровые задания...

Нападающий А. Уваров в последнем сезоне по тем же причинам (потеря скорости. — *М. Щ.*) не выдерживал напряжения серьёзных встреч. Кстати сказать, сам Уваров не раз заявлял, что ему уже трудно играть...»

Столь же нелестные характеристики были даны Бабичу и Гребенникову. После чего последовал вывод: «Итак, по меньшей мере, четыре хоккеиста явно не отвечали высоким требованиям, предъявляемым к игрокам сборной команды страны. В конце концов, это отрицательно сказалось на игре отдельных звеньев и команды в целом...

Подготовка команды велась не совсем верно. В отличие от прошлых лет игроки длительное время готовились в составе сборной...»

Далее в статье говорилось: «Лишь к последнему дню чемпионата тренеры решили принять радикальные меры и не ставить на игру Бабича (на самом деле он отсутствовал из-за травмы. — *М. Щ.*). В матче с командой Швеции тройка нападающих появилась в совершенно новом сочетании: защитник Костарёв — Гребенников — Уваров. Это был скорее признак растерянности, чем хладнокровный расчёт на усиление команды.

Если бы тренеры смотрели вперёд, то уже в матчах, предшествовавших финалу, они бы готовили новое звено. Новорождённая тройка не справилась с игровым заданием, и не случайно именно в те моменты, когда эта тройка действовала на поле, шведы забросили в наши ворота три шайбы из четырёх...

Ошибка в комплектовании состава команды вызывалась не только стремлением тренеров сборной ввести в состав игроков своих клубов (и это, несомненно, было), но и неправильным пониманием тактики советского хоккея и путей его дальнейшего развития. Слабо учитывались изменения в тактике ведущих команд мирового хоккея. В последние годы у нас получила распространение тактическая теория, именуемая “ноль в свои ворота”.

Что это значит? Тренеры стали внушать своим воспитанникам, что команда добьётся победы в том случае, если не пропустит ни одной шайбы в свои ворота. Эта, с позволения сказать, теория особенно сильно афишировалась в сборной команде...

Теория “ноль в свои ворота” не отвечает требованиям наступательной тактики, понижает атакующий порыв нашей молодёжи, ограничивает и обедняет возможности игроков и, в конечном итоге, нацеливает спортсмена больше на оборону, чем на атаку...

Надо трезво учесть выявившиеся ошибки, быстро устранить их и создать такую сборную команду, которая сможет показать лучшие черты советской школы хоккея. В этом и заключается первоочередная задача игроков, тренеров и всей хоккейной спортивной общественности».

Решать эту «первоочередную задачу» в дальнейшем было доверено самому Анатолию Тарасову.

Справедливости ради необходимо сделать несколько поправок к пафосным восклицаниям Тарасова. Возможно, читателям уже набила оскомину история с «аварийным» формированием тройки, куда был введён защитник Костарёв. Но замечание Тарасова на эту тему лишено оснований. Костарёв играл в тройке нападения до матча со шведами против команды ГДР.

Других ресурсов в распоряжении Чернышёва не имелось.

Что касается критики теории «ноль в свои ворота», эта проблема является ключевой. В этом состояло различие тренерских взглядов Чернышёва и Тарасова. Хотя заковыченное определение — всего лишь насмешливое словосочетание, попавшее на язык Тарасову. Можно, конечно, вспомнить, что на Олимпиаде сборная обыграла своих главных соперников — команды США и Канады с «сухим» счётом, но в хоккее ориентироваться в буквальном смысле на «ноль в свои ворота» наивно.

Аркадий Иванович Чернышёв требовал от защитников прежде всего заботиться о безопасности собственных ворот и в этой связи позволял им подключаться в атаку лишь в определённых обстоятельствах, дозированно. Анатолий Владимирович Тарасов исповедовал другую концепцию — «пять в защите, пять в нападении». Он считал, что если его команда и пропустит гол при контратаке соперника, всегда сумеет ответить на него двумя своими.

Здесь правомочен вопрос: как же при таких принципиально разнящихся тактических воззрениях эти тренеры в дальнейшем вместе работали со сборной СССР, которая десять сезонов оставалась сильнейшей в любительском хоккее, выиграла три Олимпиады?

Развёрнутый ответ стал бы темой отдельного исследования. Ограничимся констатацией. За три сезона самостоятельного руководства сборной Анатолий Тарасов ни разу не привёл её к победе в мировом первенстве. А в годы славных успехов сборной СССР он пребывал в положении второго тренера, помощника Чернышёва. И ставшие соратниками специалисты смогли выработать взаимоприемлемые подходы.

Но на предложение Тарасова, получившего бразды правления сборной после московского чемпионата, стать его помощником Чернышёв ответил отказом. Думается, не в последнюю очередь из-за огульных наскоков Тарасова в вышеприведённой статье.

Заключительные строки упомянутой книги Виктора Викторова, передававшие душевное состояние Всеволода Боброва, звучали так: «Теперь надо немедленно начинать подготовку команды к мировому первенству 1958 года, к поездке в Осло». Но этого не случилось — московский чемпионат мира стал для Боброва последней страницей его спортивной биографии.

Благоговевший перед талантливыми игроками Аркадий Чернышёв всегда рассчитывал на Боброва, пусть и на истерзанного травмами, видел в нём не просто лидера команды, но демиурга, вдохновителя.

Тарасову же находившийся на излёте Бобров не был нужен. Равно как его партнёры по тройке. Авторитарный тренер уже имел в своём распоряжении сильных игроков следующего поколения, создавал новую команду, и имевшие собственное мнение ветераны являлись для него помехой.

И когда Тарасов заметил у Вениамина Александрова ростки «премьерства», да ещё под разговоры, что у того есть задатки стать «новым Бобровым», он немедленно сделал всё, чтобы подвести молодого парня под мерки «колхозного» хоккея.

Александр Нилин, чьи оригинальные, порой даже парадоксальные оценки спортивных событий били в точку, в одном случае, на наш взгляд, промахнулся.

Начал он свою миниатюру так: «Желая уязвить Тарасова, Бобров всегда и везде называл своим учителем в хоккее Аркадия Ивановича Чернышёва, хотя никогда и ничему не мог учиться у динамовского

тренера, с которым столкнулся в работе лишь на излёте своей карьеры...»

Всеволод глубоко уважал Чернышёва. Был ему благодарен за достижения, которых добился под его руководством, за уяснение многих тактических нюансов, позволивших постичь тренерскую профессию.

При этом Аркадий Иванович не растворялся в своём любимце, мог при необходимости и поставить его на место.

Подтверждением этого является рассказанный защитником сборной Иваном Трегубовым эпизод («Футбол-хоккей», № 49 за 1975 год): «Я вспоминаю крохотную деталь из нашего матча с канадцами на Олимпиаде 1956 года. Они остались втроём против пятерых наших. Вышла, естественно, тройка Боброва, как сильнейшая. И вот наш лидер пошёл выписывать вензеля на льду, обыгрывая канадцев одного за другим. Всё выглядело очень лихо. Только обведёт он двух, а на третьем споткнётся. Или пока обыгрывает третьего, два обыгранных уже опять перед ним. И Чернышёв без всяких колебаний снял тройку со льда, отчитал Боброва, а выпустил уваровское звено, которое тут же и забило гол, разорвав оборону передачами и перемещениями. Причём действия тренера не выглядели чем-то особенным, всё было в наших глазах так, как и быть должно».

Тогда почему же Всеволод Бобров называл Чернышёва своим учителем? Только ли для того, чтобы уязвить Тарасова?

Ответ на эти вопросы сформулировал Анатолий Салуцкий: «В тренерских концепциях Чернышёва и Тарасова было ещё одно коренное различие — уже не тактическое, а, скорее, педагогическое. Анатолий Владимирович являлся приверженцем, как уже говорилось, “колхозного” хоккея, требовал от игроков равного самопожертвования.

Чернышёв — принципиальный противник такого подхода. Ему принадлежат такие слова: “Я не помню случая, чтобы Бобров поймал шайбу на себя. Меня в то время это устраивало. Тарасов, чтобы компенсировать другие хоккейные качества, сам ложился под шайбу и требовал этого от других. Но если бы Всеволод лёг под шайбу...

Для меня Бобров был дороже. В него попадает шайба — он выбудет из игры, а это для команды большая потеря. Это заставляло меня не требовать от Боброва таких действий. Позже я и Александра Мальцева никогда не выпускал на поле, если команда играла в меньшинстве, вчетвером против пятерых. Мальцев не для этого создан. Он умница, его надо использовать, когда у противника четыре человека. Зачем же таких хоккейных ‘генералов’, как Бобров и Мальцев, пускать в пехотную атаку?”».

Заклучим продолжением миниатюры Александра Нилина: «Конечно, и на излёте “Бобёр” был велик, как при дебюте... Вероятно, и пятьдесят седьмой год не стал бы последним для Боброва, если бы не столь несчастливое стечение обстоятельств. Чернышёв брал измученного травмами Всеволода в сборную, но в московский чемпионат мира тот уже не смог вписаться. И в клубе у Тарасова неудачнику чемпионата, склонному своим лидерством лимитировать тренерскую власть, ничего хорошего ждать не приходилось.

Тем более что после неудачи Чернышёва в Москве наступила очередь Анатолия Владимировича возглавлять сборную...»

У наших ведущих тренеров различным было и гипотетическое представление о том, как бы выглядел Всеволод Бобров, будь у него возможность оказаться среди хоккеистов следующих поколений.

По мнению Аркадия Чернышёва, если бы Всеволод рос с последующими поколениями лучших хоккеистов, он мог бы всегда сверкать.

Анатолий Тарасов придерживался другого мнения: «Этот мастер обладал неповторимыми взрывными действиями. Его финты и обводка, чёткие броски приносили команде ощутимый успех.

Но убеждён, что всего этого было бы недостаточно, чтобы ярко играть за классную команду сегодня. У Боброва всегда ощущался холод к коллективной игре, он тяжело и порой даже неумело расставался с шайбой».

Объективен, на наш взгляд, был Виктор Тихонов. В своей книге «Хоккей: надежды, разочарования, мечты» он рассуждал: «Всеволод Бобров или Борис Майоров? Анатолий Фирсов или Хелмут Балдерис? Каждый хорош для своего времени, для своего хоккея. Конечно же, те, кто пришёл в хоккей позже, скажем, Хелмут Балдерис или Иван Глинка, освоили всё, что умели их предшественники, выступавшие 20-30 лет назад. И Балдерис, и Глинка пошли дальше, они больше знают в хоккее. Но эти мастера, при всём их таланте, в одиночку не смогли бы решить исход матча, принести победу своей команде. А Бобров мог! Вы скажете, что тогда был другой хоккей. Правильно! Поэтому я и не сравниваю спортсменов разных поколений. Каждое время требует своих лидеров».

Приведём и отзыв футбольного маэстро Никиты Симоняна из его книги «Футбол — только ли игра?»: «Его не с кем было сравнить по координированности, виртуозности (только Валерий Харламов мне потом немного напоминал Боброва). Я уже не пропускал ни одного матча с его участием и, хотя ещё не по привычке к московским морозам, в любую метель и стужу ехал на “Динамо”, где у Восточной трибуны была площадка для хоккея с шайбой.

Когда слышу, что Бобров не сыграл бы в сегодняшний хоккей, не могу согласиться даже со специалистами. Он мог освоить всё. Брал в руки теннисную ракетку и прекрасно играл в теннис, брал ракетку для настольного тенниса и мог потягаться с классным игроком. Когда у него в руках бывал бильярдный кий, не сразу находился равный по силам соперник. Во всём был талантлив.

Так и видишь его на хоккейной площадке. Незабываемое зрелище. Однажды, когда он обходил одного игрока за другим, стоявший рядом со мной на трибуне Коля Котов, центральный защитник из «Крылышек», воскликнул: «Смотрите внимательно и запоминайте: это Пушкин в хоккее. Второй Бобров родится не раньше чем через сто лет!»

Да, родилось потом много прекрасных хоккеистов, а Бобров не померк...»

И Бобров, и Шувалов впоследствии говорили о том, что они были в силах продолжать выступления. Это подтверждает Владимир Пахомов: «Единственный человек, с кем Бобров никогда не мог пойти на компромисс, был Тарасов, которому он ничего не прощал, возмущался его отношением к ветеранам. «Если бы не Тарасов, я бы ещё несколько лет поиграл» — такое я слышал от Всеволода часто».

Меж тем 27 октября 1956 года матч между армейцами и московским «Динамо», который закончился с редким для хоккея счётом 0:0, стал последним для знаменитой тройки, проведённым ею в полном составе.

В том сезоне команда Тарасова уступила победу в чемпионате «Крыльям Советов». Список лучших бомбардиров возглавил лидер чемпионов Алексей Гурышев, поразивший ворота соперников 32 раза. С 17 шайбами Бобров не вошёл в десятку...

При этом навсегда осталось в истории отечественного хоккея его достижение образца 1948 года. 52 шайбы забросил тогда Всеволод Бобров в 18 матчах. Потребовалось 15 лет, чтобы этот рекорд превзошёл Вениамин Александров. Но свои 53 шайбы он провёл, сыграв в 37 матчах. И вот в чемпионате России 2017 года новым рекордсменом стал Сергей Мозякин. Для того чтобы забить 55 шайб, потребовалось участие в 77 матчах.

Однако возможно и другое толкование. К результату Боброва в матчах чемпионата следует прибавить три шайбы в кубковых встречах. Тем самым Бобров продолжает оставаться рекордсменом. Мозякин лишь догнал его. Ведь и Сергей часть своих «рекордных» шайб забросил в дополнительном турнире — матчах плей-офф Кубка Юрия Гагарина.

Итогом славной спортивной карьеры Всеволода Боброва стало награждение его в 1957 году орденом Ленина.

Свен Юханссон-«Тумба» был признан лучшим хоккеистом Швеции XX столетия. Как следует из книги Николая Вуколова «Москва — Стокгольм: хоккейные перекрёстки», «Тумба» на вопрос журналиста, кто был самым сильным советским хоккеистом, ответил не раздумывая: «Бобров». И добавил: «Старшинов тоже был хорош!»

Тот же журналист поинтересовался у звезды чехословацкого хоккея послевоенных лет Владимира Забродского: могли бы он и Всеволод Бобров сыграть в те годы в НХЛ? Забродский ответил: «Да, думаю, что смогли бы. Вспомним первую серию матчей СССР — Канада в 1972 году. Советские хоккеисты были лучше канадцев в катании, в технике игры. Это ведь их огромная заслуга в том, что НХЛ шире открыла двери для европейцев, за океаном после той серии поняли,

что без Европы их хоккей будет пресноват и не сможет развиваться».

Для игроков первой тройки начался новый жизненный этап. Все они занялись тренерской работой. И если Всеволод Бобров постоянно разрывался между футболом и хоккеем, то Виктор Шувалов и Евгений Бабич определились сразу — хоккей. Виктор Шувалов пробивался в тренерской работе самостоятельно, а вот Евгений Бабич нуждался в поддержке Боброва.

Напомним, что Всеволод видел в своём друге расположенность к тренерской работе, поэтому как мог, способствовал его продвижению. Когда Бобров находился во главе футбольной команды ВВС, Бабич, закончивший играть в футбол в 1950-м, наряду с Иваном Щербаковым являлся его помощником. А в хоккейном сезоне 1953 года, когда Бобров не мог выступать, именно Бабич отвечал за подготовку команды и привёл её к третьему подряд чемпионству.

Однако не будь рядом Всеволода Боброва, состоявшего в дружеских отношениях с Василием Сталиным, спортивная карьера Баби́ча могла оказаться под угрозой. В декабре 1950 года во время матча между ЦДКА и ВВС он в единоборстве с Николаем Сологубовым ткнул того черенком клюшки и пробил тонкую кишку. Сологубов перенёс сложную полостную операцию, после чего много месяцев восстанавливался.

Как уже говорилось, в сентябре 1950 года одновременно с Бобровым Бабич получил звание майора. Но после произошедшего приказом министра обороны с формулировкой за «нарушение правил игры в хоккей» был разжалован в капитаны. Правда, 28 января 1952 года майорское звание Баби́чу было возвращено.

По протекции Боброва в 1959 году Евгений Бабич возглавил команду ЦСКА по хоккею с мячом. Ранее под руководством Владимира Меньшикова она трижды становилась чемпионом СССР и наряду с московским

«Динамо» и свердловским СКА входила в число ведущих в стране.

Формально армейские «русачи» под началом Бабича продолжали оставаться в этом статусе (входили в число призёров) в те два сезона, когда он являлся старшим тренером. Однако сохранить сплочённый коллектив новый тренер не сумел. Вспыльчивый и самолюбивый, Бабич постоянно конфликтовал с ветеранами команды, делая ставку на своих выдвиженцев. Под разными предлогами из команды были удалены или ушли по своей инициативе игроки, составлявшие её костяк, — Геннадий Водянов, Виктор Чигирин, Лев Шунин, Анатолий Филатов. Из спортсменов, приглашённых на их места, высоким уровнем мастерства обладал только Михаил Осинцев.

Этот малоудачный опыт не насторожил армейских спортивных руководителей. Вновь Всеволод Бобров выступил в роли ходатая за своего друга, и к сезону 1962 года Бабич готовил команду ЦСКА по хоккею с шайбой.

Она переживала тогда в буквальном смысле смутные времена. Диктат Тарасова в предыдущем сезоне до предела обострил его отношения с игроками, которые взбунтовались. В декабре 1960 года Тарасов был отправлен в отставку. Место старшего тренера занял Александр Виноградов, но фактически верховодил в команде Николай Сологубов. Виноградов привёл команду к чемпионскому званию, однако за дисциплинарное нарушение был отстранён.

Тогда-то и появился во главе армейских «шайбистов» Евгений Бабич. Для подстраховки в качестве начальника команды в неё был направлен опытный футбольный специалист Григорий Пинаичев. Но и это не помогло. И здесь у Бабича возникли трения с игроками. Его метания не находили понимания внутри команды. Он зачем-то стал перетягивать в неё

армейских «русачей» — своего протеже Михаила Осинцева и Анатолия Панина. У Сологубова, как выразился Владимир Пахомов, «заговорило вроде бы затихшее воспоминание о колюще-режущем ударе Бабича на свердловском льду».

Сговорившись «сплавить» Бабича, часть хоккеистов под влиянием своего вожака Сологубова намеренно слабо сыграли 21 ноября 1961 года в матче с московским «Динамо», что привело к разгромному поражению со счётом 5:14! После такого унижения армейские руководители немедленно убрали Бабича из команды.

Вскоре Бабич был назначен старшим тренером ленинградского СКА, но и там продержался немногим более сезона. Он и в дальнейшем пытался проявить себя на тренерской работе, но тщетно.

Остаётся констатировать, что Бобров заблуждался, полагая, что у Бабича есть тренерские способности. А вот в другом своём утверждении — о житейской хрупкости своего товарища — Всеволод оказался прав. К сожалению...

Елена Боброва в одном из интервью подчёркивала: «Женя для многих являлся загадкой. Эмоциональный, очень легко впадающий в минор, как он мог быть “звездой” в столь мужественном виде спорта, как хоккей? Однако мог. Не раз и не два слышала, как после какой-либо заурядной неприятности Бабич приговаривал как заклинание: “Нет, так жить нельзя. Покончу с собой к чертям...”».

По воспоминаниям друзей, последние два года жизни Евгений Бабич не мог совладать с нервами, постоянно жаловался на неустроенность. Не отличавшийся деликатностью Алексей Гринин тогда и прозвал его «Нужда». Бабич мучительно ревновал жену. Он был крепко к ней привязан, но брак дал трещину. Двухкомнатная квартира на Песчаной улице

превратилась в коммунальную. У обоих появились новые избранники.

Елена Боброва рассказывала: «Женя недолго выдержал новую “любовь”, выпроводил её. А Ритке всё грозил: “Если ты меня окончательно бросишь, я покончу с собой!” Она никакого значения этим словам не придавала, у неё уже Эдик в голове был...»

В конечном итоге 51-летний Евгений Бабич привёл свою угрозу в исполнение...

«Бобров как-то сразу постарел, изменился, когда узнал о неожиданной кончине Евгения Макаровича», — отметил Владимир Пахомов.

ГНЕВ РЕВНИВЦА

В начале 1950-х годов Всеволод Бобров распрощался с холостяцкой жизнью. Его женой стала прима столичной оперетты Таисия Леонидовна Санина, чьё сценическое имя звучало как Татьяна Санина.

Народная артистка СССР блистательная Татьяна Шмыга делилась воспоминаниями: «Она была тогда признана лучшей Сильвой, с успехом пела и другие партии, как в классике, так и в советских опереттах — Олесю в “Трембите”, Ганну Главари в “Весёлой вдове”...

В “Принцессе цирка” она выступала с Георгом Отсом, когда он приезжал к нам в театр на гастрольные спектакли... И зрители никогда не уходили разочарованными: Татьяна Санина и Георг Отс были на сцене парой просто великолепной «— оба с красивыми голосами, а об их внешней привлекательности и говорить не приходилось.

В жизни Татьяна Санина совсем не походила на опереточную актрису — она выглядела настоящей гранд-дамой. Красота этой стильной женщины с дивными чёрными волосами, гладко зачёсанными назад, была царственной. Но даже не она была главной, а нечто иное — то редкое, почти магическое свойство, которым Татьяна Санина привлекала к себе...

Когда она выходила на сцену, на концертную эстраду, сразу становилось понятно — вышла королева. Если уж женщины отдавали ей должное, что говорить о мужчинах — они просто немели от её красоты».

Бобров не был светским человеком, познакомился он с будущей женой волею случая — в больнице, где залечивал травму. Однако брак с красавицей-актрисой оказался неудачным. Как часто происходит в жизни,

соединившись узами брака, люди вскоре обнаруживают, что совершили ошибку, не могут существовать на одной волне. Именно так и случилось у Саниной и Боброва. Супруги расстались, хотя оформили развод далеко не сразу. Это обстоятельство едва не сыграло роковую роль в судьбе Боброва...

Любовь Гавриловна Дмитриевская — жена старшего брата Владимира — подтверждала: «Когда он был женат на Тане Саниной, она пыталась приглашать в дом известных артистов, помню, бывал Алексей Феона, ещё кто-то. Но Сева не одобрял. У него был свой круг друзей... Они с Таней были не пара, и брак их был ошибкой. Мы все были против. Они прожили года четыре и разошлись».

Олег Белаковский вспоминал: «Первая супруга Боброва актриса оперетты Санина очень дружила с моей Ниной. Мы, как могли, старались помочь им сохранить семью, но неуёмный темперамент обоих привёл-таки к разрыву».

Всеволод Михайлович никогда, во всяком случае публично, к тем временам не обращался.

На склоне лет Санина признавалась: «Первым моим мужем был известный футболист. Ничего хорошего в моей жизни с ним не было. Как-то меня вызвал парторг Алчевский и сказал: “Татьяна Леонидовна, или вы уходите из театра, или бросаете своего мужа”. Потому что я начала часто болеть: на нервной почве у меня было несмыкание связок. И я вынуждена была от него уйти.

Прошло больше пятидесяти лет, а меня до сих пор обливают грязью, приписывая мне несуществующие измены, не понимают, как это я могла бросить такого великого человека. Но я ведь тоже была довольно известна. На то время я была единственной героиней в театре. Перед входом в театр висел мой огромный

портрет в “Сильве”. Я была очень популярна. Но моя семейная жизнь того времени казалась мне адом...»

Далее Санина излагала события своей жизни так: «За своего второго мужа я вышла совершенно случайно, после того, как Бобров с компанией избили его. Он был главный конструктор КБ. К тому времени я уже развелась с Бобровым и имела полное право вести себя так, как я хочу. Я была на даче, у меня были гости, в том числе и этот человек. Бобров со своей компанией напал на него и избил до полусмерти. К тому же это произошло во время Фестиваля молодёжи и студентов. Событие было довольно громким. Боброву грозила тюрьма. Следователь вызвал меня и сказал: “Татьяна Леонидовна, что будем делать? Одному грозит тюрьма, другому неприятности... Ну, посадят Боброва, вас ведь просто убьют болельщики...”».

Трудно представить себе Всеволода Боброва отпетым негодяем и бандитом, а именно таким попыталась показать его Санина — за давностью лет никто разбираться не станет, да и свидетелей уже нет. Но в словах бывшей опереточной дивы есть одна весьма существенная неточность. Они с Бобровым уже не были вместе, но развод официально оформлен не был. Отсюда и приступ ревности...

К тому же измены Саниной, от которых она отрешивается, происходили едва ли не с первых лет их брака с Бобровым. В мемуарах Василия Сталина есть такая запись: «С Таней у Боброва длилось недолго. Когда она ушла от него к адъютанту главного интенданта МВД генерала Горнова, Бобров сильно переживал, я боялся, как бы он пить не начал, но обошлось...» Это могло быть только в начале 1950-х, когда младший Сталин и Бобров были в одной связке.

На ту же тему в своих воспоминаниях высказалась Нами Микоян (невестка А. И. Микояна, мать эстрадного артиста Стаса Намина): «Я помню тяжёлый скандал,

приведший его к разводу с женой, актрисой оперетты Татьяной Саниной, которая часто обманывала Боброва. Временами он запивал, но был человек крепкий, и это быстро проходило».

Вторая жена Боброва, Елена Николаевна, рассказывала в интервью «Спорт-экспрессу» (от 1 июля 2016 года):

«— Санина не так давно умерла. Она меня даже в театр приглашала.

— *Бобров отпустил?*

— Всеволод Михайлович был страшно недоволен — но отпустил. “Сильва” — это её коронка была. Так-то она заикалась, а на сцене всё пропадало. С новым её мужем там познакомилась. Цель всей жизни Саниной был Василий Иосифович.

— *Вот как?*

— Сева был трамплином. Прожили-то всего полтора года, но десять лет он не получал документы о разводе. Некогда было, не придавал этому значения. Всеволод Михайлович её застал с Гудковым, главным конструктором ракет, кажется...

— *Это его Бобров отлупил?*

— Скандал был страшный. Хорошо досталось и Саниной, и Гудкову. Сева прилетел в Москву, не предупредив. Только заходит в квартиру, тут же звонок: “Всеволод Михайлович, ты дома? Жена твоя, Санина, находится там-то и там-то”. Назвали номер дачи.

— *Где это было?*

— В Серебряном Бору. Кинулся туда — поднял их с постели. Она и подумать не могла, что Сева в этот день явится в Москву».

Различия в версиях жён значительные. По словам Саниной, Бобров ворвался на светское мероприятие, где буквально безумствовал. Подругой, излагаемой, что понятно, со слов Боброва, — обычная бытовая история,

чувствуется своя ревность, но факт избиения не отрицается...

Неужели Бобров, пусть и застигнутый врасплох, дабы убедиться в измене жены, отношения с которой были уже практически закончены, стал бы собирать «компанию» для выяснения отношений, как это подаёт Санина?

Та же его свояченица Любовь Гавриловна Дмитриевская в документальном фильме «Тарасов — Бобров. Великое противостояние» уточняет, что Бобров отправился в Серебряный Бор с Бровиным (своим другом, директором ледового дворца «Сокольники». — *М. Щ.*). Факта доказанного прелюбодеяния Всеволоду было вполне достаточно. Устраивать драку он не собирался, но любовник бросил в него вазу, разбил лицо, кровь брызнула на «орденоносный» пиджак и, что вполне естественно, породило ответные действия.

Кто же угодил под горячую руку Боброва? Михаил Иванович Гудков являлся человеком государственного значения. Он был авиаконструктором, возглавлял опытно-конструкторское бюро, в 1941 году стал лауреатом Сталинской премии.

Следователь, на которого ссылается Санина, предостерёг её, что в случае огласки пострадают все участники. Судя по всему, предостережение подействовало — уголовное дело не было возбуждено, хотя слухи по Москве, конечно, ходили...

К счастью, крупные неприятности обошли Боброва стороной. Фестиваль молодёжи и студентов в Москве проходил летом 1957 года. В ту пору Бобров уже являлся начальником футбольной команды ЦСК МО.

Довольно долгие любовные отношения связывали Боброва с другой женщиной. Она тоже была известна всей стране. Свердловчанка Римма Жукова являлась неоднократной чемпионкой СССР по бегу на коньках, а в

1955 году стала чемпионкой мира в многоборье. Жукова принадлежала к той славной плеяде конькобежков, которые прославили страну в 1950-е: Мария Исакова, Лидия Селихова, Зоя Холщевникова, Софья Кондакова, Халида Щеголеева, Тамара Рылова.

Судачили, будто бы её внешности завидовали даже актрисы, в частности, по признанию Михаила Жарова, его тогдашняя жена — знаменитая звезда экрана Людмила Целиковская.

Вот что вспоминал юный тогда подопечный Боброва, а впоследствии известный футболист московского «Локомотива» Виталий Артемьев: «Команда ВВС находилась на сборах в Свердловске. Здесь в центре города жила звезда конькобежного спорта, чемпионка и рекордсменка мира, красавица Римма Жукова. Всеволод Михайлович трогательно ухаживал за ней, дарил цветы. Однажды Жукова пригласила всю команду на сибирские пельмени. Насладились её кулинарным творчеством, повеселились. Вечер был в разгаре, и вдруг Бобров говорит: “Друзья, каждому своё: молодые — в гостиницу отдыхать, а мы (он имел в виду Виноградова, Бабича, Шувалова, Викторова) имеем право и на вторую порцию пельменей. Должно же у ветеранов быть преимущество?!”».

Узы Гименея Жукову и Боброва не соединили. Соратница Жуковой прославленная Мария Григорьевна Исакова, будучи уже в почтенном возрасте, дала этому такое объяснение: «Ею нельзя было не восхищаться: прекрасно сложенная, с изумительными по красоте чёрными глазами. В неё безнадежно был влюблён Всеволод Бобров, но рассчитывать на что-либо серьёзное не мог...»

На самом деле причина была другой. О ней поведала Елена Боброва: «Сева сделал предложение, а Римма отвечает: “Я должна посоветоваться с мамой”. И всё, это Боброва убило. “Ладно, советуйся...” И уехал...»

Кавалеров у Риммы хватало. Она стала гражданской женой генерал-лейтенанта Павла Михайловича Фитина. Этот человек был значительно старше её. В годы войны он возглавлял внешнюю разведку НКВД, так называемый «иностранный отдел». Он внедрил в различные страны более двухсот разведчиков, одним из первых сообщил дату нападения Германии на СССР, внёс значительный вклад в овладение Советским Союзом секретами ядерного оружия. Попав в опалу, Фитин был направлен в Свердловск в качестве заместителя начальника областного управления МГБ.

В начале 1950-х Фитин на некоторое время был переведён в Алма-Ату, где занимал должность министра госбезопасности Казахской ССР. Мир тесен. В своих мемуарах Николай Петрович Старостин, о злоключениях которого читателям уже известно, писал о своём перемещении из Акмолинска в Алма-Ату: «Генерал-лейтенант Фитин, может быть, и был поклонником и ценителем спорта, но думаю, своим приглашением я обязан прежде всего прославленной конькобежке Римме Жуковой, которая имела на Фитина определённое влияние и настояла на моём переводе в Алма-Ату».

Завершим обзор жизни Всеволода Боброва мнением стороннего человека. Зинаида Гринина, жена Алексея Гринина, была женщиной тонкой и наблюдательной, окончила два курса театрального училища им. М. С. Щепкина, водила знакомства в артистической среде.

В просторном интервью «Спорт-экспрессу» она рассказывала о том, что футболисты ЦДКА любили отмечать свои праздники и победы в ресторане «Арагви», «а вот Бобров признавал только “Асторию”».

Ресторан этот, находившийся на улице Горького, со временем поменял название на «Центральный». Надо

полагать, манил он Всеволода превосходной русской кухней. Под прежним названием он фигурировал в фильме «Место встречи изменить нельзя», там Жеглов и Шарапов поджидали Фокса.

Елена Боброва уточняла: «У Севы был постоянный столик в ресторане “Центральный”, угловой, где зал заканчивался. Там вход был из переулочка. У него было такое место, с которого видно, кто заходит в “Елисеевский”».

В интервью журналистам «Спорт-экспресса» Зинаида Гринина рассказывала: «Как-то на дне рождения Ныrkова Леша стал открывать цимлянское — и облил всё платье Саниной, жены Боброва.

— *Испугался?*

— Страшно испугался. Говорит: “Моя жена вам новое сошьёт, не волнуйтесь!” Досидели мы до утра, вызвали такси. Едем по Москве, “Бобёр” на улице Горького требует: “Остановить!” Сидим в машине, ждём. Я, Леша и Санина. Только наш счётчик тикает. Санина вне себя: “Куда он делся?” Гринин пошёл его искать и тоже пропал. Санина на месте усидеть не может, а я говорю: “Что волнуешься? Скоро метро откроют, нам с тобой в один дом — а ребята потом доберутся...”

— *Что ответила?*

— Она заикалась очень сильно: “Н-н-ет, п-п-усть они сначала за т-т-акси заплатят”. Потом смотрим, бредут наши. В ресторане сидели, оказывается.

— *Санина действительно была красавица?*

— Интересная женщина, стильная. Гладкие волосы, глаза почти японские».

«Когда Санина от Боброва ушла, отобрала у него одну комнату, — продолжала Гринина. — Из квартиры сделали коммуналку, вселили двух стариков. Только потом Всеволоду всё вернули...

Всеволод — это что-то особенное! Ему даже ночами названивали в квартиру. Он ещё был женат на Саниной, и мы Новый год встречали в их квартире. Пришли туда со своими стульями. Так нам покоя не давали — столько звонков!

Сева внешне некрасивый, но пользовался огромным успехом у женщин...»

Известный хоккейный тренер Николай Эпштейн, тот самый, которого Всеволод «раздел» на футбольном поле в 1945-м, вспоминал: «Как-то были мы вместе в заграничной поездке. И вот, помню, утром встал Севка перед зеркалом, смотрит на себя. А лицо красное, накануне “посидел” прилично. Смотрел он, смотрел, тёр щёки, а потом задумчиво так: “Не пойму, и чего меня только бабы любят?” Тут главное, что сказано-то было без всякого самолюбования, удивление такое было, я бы сказал, свехискреннее. Он так многому умел удивляться, непосредственно, по-ребячи...»

Примечательно и ещё одно наблюдение Зинаиды Ивановны Грининой: «Я смотрю фильм про Всеволода Боброва, поражаюсь: ну кто, спрашивается, из его жён мог танцевать на столе? Ни одна такого не позволила бы».

ЖИЗНЬ ДВИЖЕТСЯ ПО СИНУСОИДЕ

В 1957 году Бобров завершил выступления в хоккее и учёбу и стал начальником футбольной команды ЦСК МО. В конце октября армейцы отправились в турне по Англии, где сыграли три матча. Уступив в первых двух, они с блеском в присутствии шестидесяти тысяч зрителей обыграли «Челси» — 4:1. Правда, этот знаменитый клуб переживал тогда не лучшие времена, но такая победа в Лондоне делает честь любой команде.

Всеволод Бобров был включён в состав делегации. Нужно ли говорить о том, какой эмоциональный подъём он испытал, оказавшись спустя много лет там, где взошла его футбольная звезда!

В своей книге он описывал те события так: «На одной из афиш я увидел улыбающееся лицо Стэнли Мэтьюза. Теперь он играл за клуб “Блэкпул” и должен был выступить в очередном матче против “Челси”. Конечно, я пошёл посмотреть эту игру. Несмотря на свой довольно солидный для футболиста возраст — ему уже тогда исполнилось 42 года, — Стэнли продолжал выступать, и, по-моему, блеск его игры не погас.

После матча я зашёл в раздевалку и застал Стэнли под душем. Мы сразу узнали друг друга, хотя со времени первой встречи прошло уже двенадцать лет. Он скоро вышел и подал ещё мокрую руку. Потом мы ушли в комнату отдыха и долго разговаривали. Оказалось, со дня нашей первой встречи Мэтьюз внимательно следит за советским футболом, выписывает “Советский спорт” и хранит фотографии

наших ребят, завоевавших звание олимпийских чемпионов...»

С трудом, конечно, верится в то, что прославленный английский форвард (неувядаемый правый крайний играл на высшем уровне до пятидесяти лет!), не владея русским языком, выписывал «Советский спорт». Скорее всего, это очередная «находка» литзаписчика Леонида Горянова. Ведь фотография сборной СССР, ставшей олимпийским чемпионом в 1956 году, публиковалась в газетах многих стран.

Если Бобров пережил в Лондоне приятное волнение, то работавший тренером команды Григорий Федотов испытал противоположные эмоции. Вместо Англии он был отправлен в Тбилиси, где проходили заключительные встречи чемпионата страны и турнир команд класса «Б», с целью просмотра потенциальных новичков.

Естественно, Федотов был обижен и начал искать утешение в выпивке. Срывы подобного рода были у него, к сожалению, нередки. Игравший под его началом в дубле армейцев будущий бомбардир ростовского СКА Олег Копаев вспоминал о своём тренере: «Редчайшей скромности был человек, хотя мастер несравненный. С лёта бил — кино надо было снимать, по заказу мог положить мяч в любой угол ворот. А для нас, салаг, как отец родной. Мы его боготворили, в поездках даже старались отвлекать от всяких соблазнов, свойственных истинно русской душе. И всё же они его сгубили. Вся команда тяжело переживала смерть Григория Ивановича в декабре 1957 года».

Возвращаясь из Тбилиси на поезде, Федотов к тому же серьёзно заболел. Его попутчики Николай и Андрей Старостины доставили Григория Ивановича домой, где он через несколько часов скончался в возрасте 41 года...

Свидетель последних дней Федотова Андрей Старостин описал их в своей книге «Повесть о футболе»: «Долгие годы мне не пришлось встречаться с Федотовым. И вдруг в Тбилиси, беседа у трибун стадиона с Борисом Пайчадзе и Владимиром Маргания, вижу в офицерском мундире Григория Федотова.

Та же добродушно-застенчивая улыбка, та же неторопливая и немногословная речь... Нам было по дороге в гостиницу, и Володя Маргания любезно предложил свои услуги: подвезти нас на машине. Мог ли я тогда предположить, что оба этих жизнерадостных человека, в расцвете сил, полные надежд, доживают считанные дни.

Сидя в машине за спиной Володи, мы вели беседу о буднях футбольной жизни. Мне почудились нотки неудовлетворённости, нервозности в суждениях Григория о его тренерской работе. Может быть, мне это показалось. Ведь я знал его по футбольным полям и раздевалкам, знал как партнёра-футболиста, уравновешенного и уверенного в своём мастерстве. Теперь же должность была беспокойной. Игроки знают, что играть легче, чем смотреть. На поле переживания поглощаются действием. А на лавке запасных действуют только нервы. Тем более тяжки переживания тренера.

В буфете гостиницы мы выпили с ним по стакану вина и расстались. Встретились опять только через несколько дней в спартаковском автобусе, отвозящем команду, которая возвращалась в Москву, на железнодорожный вокзал.

В вагоне Григорий почувствовал некоторое недомогание. Врач команды Николай Алексеев и все мы сочли это естественной усталостью от нервных перегрузок, которые испытывает тренер за длительный футбольный сезон.

Ранним ноябрьским утром, прибыв в Москву, Николай Старостин, Григорий Федотов и я поехали с Курского вокзала домой. Нам было по пути, в район Сокола. Проезжая мимо “Метрополя”, Григорий, к этому времени заметно физически ослабевший, предложил: “Может, в ‘Центральные’?” Спортсмены верят, и не напрасно, в целебные свойства бань.

Но было рано, бани ещё не открывались. Я отложил парилку до лучших дней. К сожалению, они не наступили. В сумерки этого же воскресного дня мне позвонил по телефону Николай и как обухом ударил по голове: “Умер Григорий Федотов!”

Через несколько минут мы с Николаем стояли в столовой у дивана, на котором бездыханно лежал великий футболист. Фоном этой безмерно горестной картины были серебряные призы и кубки, завоёванные их обладателем на бесчисленных стадионах, на которых он дарил столько счастья и радости людям».

За давностью лет Андрей Петрович неверно обозначил тот скорбный день ноябрьским, на календаре было 8 декабря. Но при этом он безошибочно угадал нервозность в поведении давнего товарища, хотя вряд ли ему были известны настоящие её причины. К тому же книга вышла в 1973 году, а в ту пору многие важные подробности опускались.

Их назвала в интервью «Спорт-экспрессу» вдова Валентина Ивановна Федотова: «В 57-м в Тбилиси Николай Старостин специально поехал за Григорием — звать его в “Спартак” главным. А Гришу после неудачной поездки ЦДСА в Англию отправили в столицу Грузии для просмотра молодых футболистов. И вдруг туда же вслед за ним пришла телеграмма о снятии его с поста второго тренера армейского клуба. После его смерти я искала авторов этой телеграммы, но не смогла найти. Более того, начальник политуправления сказал

мне, что уже готовился приказ о назначении Григория Федотова главным тренером ЦДСА.

Старостин приехал в Тбилиси: “Где Федотов?” — “Да уже три дня его не видно”. Он — в гостиницу. Взломали дверь — Гриша лежит на полу. Вызвали врача, который поставил диагноз: “Грипп”. Обычный грипп. Взяли Федотова в поезд, положили на верхнюю полку, дали выпить, чтобы пропотел, ну, в общем, сделали всё, что делают в таких случаях. А это, оказывается, для него смертельно было. Грипп-то у него был вирусный. Он им, видимо, ещё в Москве заразился, когда я с детьми им болела, а Гриша за нами ухаживал.

Привезли, значит, его в Москву, завезли к нам на квартиру. Гриша-то мой чистюля был, сразу в ванну полез мыться. Стал раздеваться, а на теле у него, смотрю, какие-то пятна. Стала горло у него смотреть. А там — ужас — на горле, на языке лошадиные налёты. Я бегом за “неотложкой”. Пока она приехала, где-то через час, Гриша уже умер.

Меня потом к себе Гречко приглашал, говорил, что надо было снимать его с поезда в Ростове, делать операцию там, отрезать лёгкое — оно всё уже было поражено. Но всё равно мало вероятности оставалось, чтобы Гриша дальше жил, уж больно большая у него была мышечная масса, одно лёгкое бы не вытянуло.

Мой младший брат был на вскрытии, видел его сердце. Огромное такое, говорят, такому бы сердцу ещё сто лет работать...»

Нет оснований не доверять словам Валентины Ивановны. Но кое-что всё же вызывает сомнение. Николай Петрович Старостин оказался в Тбилиси не в поисках Федотова. Он приехал вместе со «Спартак», которому предстояло провести два матча чемпионата страны. «Спартак» в те годы был на подъёме. В 1956-м он стал чемпионом, и хотя через год опустился на третью строчку в таблице, в 1958-м вернул себе

чемпионское звание. С какой бы стати Старостин стал искать замену Николаю Гуляеву? Тем более в лице Федотова, который был вторым тренером армейцев.

Равно как не представляется логичным, что Федотова собирались назначить старшим тренером в своей команде, учитывая его поведенческие особенности. Да и телеграмма о снятии с должности второго тренера свидетельствует об обратном. Более того, армейские руководители уже давно уговаривали вернуться к родным пенатам Бориса Андреевича Аркадьева.

Уход из жизни Григория Федотова сильной болью отозвался в сердцах соратников и любителей футбола.

Николай Старостин вспоминал: «Федотов прожил всего сорок один год. За месяц до внезапной кончины московские болельщики видели последний незабываемый федотовский гол. Он забил его в игре ветеранов в Лужниках. Мяч, посланный могучим ударом, смачно влетел под верхнюю штангу».

В книге о Всеволоде Боброве нельзя пройти мимо ещё одного эпизода, связанного со смертью Григория Федотова.

Известие о его безвременной кончине послужило поводом для негативного высказывания о Боброве со стороны великого композитора Дмитрия Шостаковича, искреннего футбольного болельщика с большим стажем.

«К сожалению, покойный был несколько аполитичен, в отличие от продолжающего жить В. Боброва. Не могу я забыть, как он (Бобров) обозвал тов. Башашкина титовским прихвостнем, когда, из-за ошибки тов. Башашкина, югославы забили гол в наши ворота на Олимпиаде в Хельсинки в 1952 году», — писал Шостакович 10 декабря 1957 года своему другу Исааку Гликману.

«Спортивная общественность до сих пор высоко оценивает этот патриотический порыв В. Боброва, — продолжал композитор. — Но, к сожалению, покойный Федотов лишь забивал голы. Поэтому о его смерти сообщила лишь специальная пресса (“Советский спорт”). В. Бобров благополучно здравствует и занимает высокое положение: он тренер и политрук футбольной команды. Башашкин ещё с 1952 года уволен. Он был лишь хорошим центром защиты. Но политически подкован был недостаточно хорошо. Зато Бобров хорошо подкован. А покойный Федотов лишь забивал голы, занятие, как известно, аполитичное».

Это письмо было опубликовано в 1993 году в книге «Письма к другу. Дмитрий Шостакович — Исааку Гликману». Книга содержит 288 писем Шостаковича, написанных в 1941—1974 годах. Многолетний близкий друг Шостаковича профессор Ленинградской консерватории Гликман в своём комментарии к приведённому выше письму называет Боброва «мракобесом», а его высказывание о партнёре — «провокационной выходкой».

Скажем сразу: того, в чём Шостакович обвиняет Боброва, по нашему мнению, не могло быть в принципе. И дело не в том, что нет ни одного свидетельства, будто Бобров публично или в частном разговоре бросил своему товарищу по команде — не важно, Башашкину или кому-то другому — обвинения с политическим ярлыком. Главное — органическая невозможность совершения подобного поступка таким человеком, каким был Бобров.

Мы убеждены, что Дмитрий Дмитриевич поверил неизвестно откуда возникшему слуху и принял его близко к сердцу — такие случаи нередко происходили в ту пору в художественной и музыкальной среде.

Что касается спортивной судьбы Анатолия Башашкина, то за пять лет, прошедших с 1952 года, он

стал заслуженным мастером спорта, олимпийским чемпионом, чемпионом страны и обладателем Кубка СССР, капитаном команды ЦДСА. В некрологе Григория Федотова, опубликованном в газете «Красная звезда» 11 декабря, подписи Башашкина и Боброва стояли рядом.

Остановиться на этом эпизоде автор книги решил исключительно из-за авторитета и репутации Дмитрия Шостаковича, в противном случае это безосновательное обвинение, на наш взгляд, не было бы достойно упоминания.

Борис Аркадьев в том сезоне привёл столичный «Локомотив» к победе в розыгрыше Кубка СССР. Тем не менее Борис Андреевич согласился сменить клубные цвета. Вот как он объяснял своё решение покинуть «Локомотив»: «Не видел перспективы в отношении комплектования команды. Мы достигли многого, но мне хотелось добраться до самых вершин, а, как мне казалось, перспектива роста у того ансамбля была уже исчерпана. Самое мучительное было для меня, после того как я решил вернуться в ЦДСА, — это прийти в Министерство путей сообщения и сказать об этом».

Дочь Бориса Аркадьева Светлана Борисовна в интервью «Футбольной правде» рассказывала: «Ему казалось, что он мог уберечь Федотова от преждевременной смерти. Часто вспоминал о случившемся. В конце сезона 1957 года было известно, правда, ещё немногим, что Аркадьев из “Локомотива” возвращается в ЦДСА. Вторым тренером он собирался пригласить Федотова.

В ноябре, кажется, в Тбилиси они оказались вместе: проходил там какой-то турнир. Но папа о предстоящей работе Григорию Ивановичу не сказал. Решил отложить разговор до Москвы. А Федотов и в Тбилиси, и в поезде

по дороге домой сильно пил. И спустя несколько дней, вернувшись в Москву, скончался.

Раньше папе с этим федотовским пороком удавалось справляться. Он очень жалел, что не поговорил с Федотовым в Тбилиси. Был уверен, что перспектива вместе тренировать ЦДСА помогла бы Григорию Ивановичу взять себя в руки. Для папы это было тяжёлое воспоминание».

В истории, изложенной далёким от футбола человеком, чем объясняются некоторые фактологические и смысловые погрешности, важны не они, а факт беспокойства Бориса Андреевича о судьбе своего ученика. Можно предположить, как был бы он счастлив, если бы в тренерском штабе присутствовали оба его лучших воспитанника. Но жизнь распорядилась иначе...

Возрождённая в 1954 году команда ЦДСА практически сразу вернулась в число сильнейших. В первый сезон она заняла шестое место, а затем дважды подряд становилась бронзовым призёром. В те годы в центре внимания была дуэль московских «Динамо» и «Спартака», которые, сменяя друг друга, завоёвывали чемпионское звание, и турнирные достижения армейцев широко не комментировались.

В поисках откликов на игру армейцев устами футболистов того состава автор наткнулся на интервью наставника команды Григория Пинаичева в книге «Московский футбол», в котором тот поведал Константину Есенину: «Я работал рука об руку с Григорием Ивановичем Федотовым. У нас было очень хорошее, продуктивное сотрудничество. Мы были с ним очень дружны, а в коллективе всегда была атмосфера дружбы и товарищества.

Помнится, как однажды в 1956 году Федотов, глядя на игру команды, воскликнул: “Уж на что наша команда

была сильна, а эта играет лучше!” Он сравнивал игру знаменитого ЦДКА конца 40-х годов с нашим, нами выпестованным коллективом».

Что и говорить, весьма неожиданное заявление, в справедливость которого при всём желании трудно поверить...

В сезоне 1958 года Всеволод Бобров из начальника команды превратился в тренера, став помощником Аркадьева. Это был верный выбор, поскольку тренерская деятельность была Боброву ближе, нежели административная. Словосочетание «начальник команды» убедительно звучит только для непосвящённых. Круг обязанностей на этой должности сугубо административный — помимо организационных вопросов на начальнике команды лежат и все бытовые: выбивание квартир и прочих материальных благ для футболистов, контроль за их учёбой, устройство детей в ясли и детские сады и тому подобное, а в русле требований тех лет ещё и политико-воспитательная работа.

Два сезона под руководством Аркадьева не добавили славы ни тренеру, ни команде. Правда, в 1958 году армейцы стали бронзовыми призёрами, но в следующем заняли девятое место. И хотя определённые перспективы в составе намечались (появились защитники Дмитрий Багрич, Эдуард Дубинский и Виктор Дородных, полузащитник Николай Линяев, нападающие Алексей Мамыкин и Владимир Стрешний), комбинационная игра не ладилась.

В книге «Московский футбол» Борис Андреевич признавался: «Я пришёл, когда у команды не было выдающихся игроков и, к сожалению, мне не удалось найти новых Федотовых. От команды же требовали наращивания успехов. А откуда их было взять? Успехи — это игроки, а для подбора игроков у меня не хватило

времени. Два года — это очень небольшой срок для тренера.

Кроме того, у тренера всегда складываются какие-то отношения с командой. Они могут быть лучше, могут быть хуже. Могут быть основаны на доверии, на взаимных симпатиях и наоборот. Когда я в 1958—1959 годах работал с армейской командой, у нас отношения не сложились. Не было единства чувств, усилий, мыслей, а без этого дальнейшая работа была бесперспективной».

Вот фрагмент из книги Татьяны Любецкой «Братья Аркадьевы»: «Мы создавали команду заново, — вспоминал весной 79-го Всеволод Михайлович, — и дело это было трудное. В том же году мы заняли в первенстве страны третье место, что в руководящих сферах посчитали успехом. Ведь в предыдущем сезоне у команды было пятое, а выиграть чемпионат — такая задача перед нами не ставилась: её невозможно решить в один-два года. Нужно было хоть как-то в перспективе возродить былую славу ЦДКА. Вот, до сих пор возрождаем...»

Борис Андреевич Аркадьев рано постарел. К шестидесяти годам, а именно столько ему было к моменту второй отставки из армейского клуба, Аркадьеву уже не хватало жизненной энергии. Груз тяжких испытаний, выпавших на долю этого блестящего специалиста и достойнейшего человека, не позволял ему вершить делами команды, как это положено старшему тренеру. И хотя он ещё целое десятилетие им являлся, возглавляя различные клубы, в том числе и в высшей лиге, это скорее походило на работу тренера-консультанта, а не старшего тренера.

В 1961-м Борис Андреевич принял бакинский «Нефтяник», получивший за год до этого место в футбольной элите. Как рассказывал автору книги

ведущий игрок той команды заслуженный мастер спорта Юрий Кузнецов, поначалу футболисты ловили каждое слово Аркадьева, но постепенно пришло разочарование. Тренер поражал своих подопечных вежливостью и тактичностью, широкой эрудицией, знанием поэзии, нередко его видели с мольбертом, любующимся окружающими красотами, но целенаправленной тренировочной работы в команде не велось. К тому же в кавказских командах много своих особенностей, а национальный «колорит» был Борису Андреевичу неведом.

Аркадьев до конца дней оставался романтиком, нередко витал в эмпиреях. Как рассказывала его дочь, в начале 1960-х годов Бориса Андреевича приглашали на работу в Ереван: «В конце разговора он привёл в замешательство собеседников, сказав, что у него есть одно обязательное условие. Высокие начальники замерли в ожидании: чего же потребует от них знаменитый тренер? А папа попросил, чтобы окна его гостиничного номера выходили на Арарат...»

Занятна, на наш взгляд, и другая история, которую поведала Светлана Борисовна: «Как-то, уже в последний период его жизни, попросила папу сходить в магазин и купить хек для кота, которого он обожал. А папа купил минтай. Я в раздражении наговорила лишнего. И тогда он сказал: “Я воспитан на трагедиях Софокла, и трагедия по поводу хека мне непонятна”. Расправил плечи, выпрямился и гордо вышел из кухни».

Всеволод Бобров остался вторым тренером ЦСКА, став помощником Григория Марковича Пинаичева. Но шестое место в 1960 году не устроило армейское руководство. Пинаичев вновь получил отставку, а на его место заступил Бобров.

Всеволод Михайлович рьяно взялся за усиление состава. Он вознамерился заполучить в свою команду

двух игроков сборной СССР, победителей Кубка Европы 1960 года — Валентина Бубукина из московского «Локомотива» и Виктора Понедельника из ростовского СКА. Покинуть свои команды они могли только под сильным воздействием.

В своих мемуарах Валентин Бубукин вспоминал: «Я уже отслужил срочную службу в ВВС, но всё равно меня всеми средствами пытались “заставить захотеть” пойти на сверхсрочную. В “Локомотиве” меня прятали: то я в санатории, то ещё где-нибудь. Так продолжалось до тех пор, пока не позвонил сам Всеволод Михайлович Бобров: “Валентин, когда-то вы мальчишками пришли ко мне с Исаевым. Я очень рад, что ты вырос в хорошего футболиста. Не буду долго тянуть резину, я принимаю команду. Помоги и ты мне. Руководство предложило и просило, чтобы мы дали результат. Чтобы команда прозвучала так, как она звучала в сороковые—пятидесятые годы. Для этого все условия есть. Если нужно жильё или что другое — всё будет. Сделаем тебя офицером, льготы дадим. Будешь получать ещё и за погоны”...

Отдали Боброву паспорта, и через несколько дней меня сделали сержантом сверхсрочной службы — сразу из солдат в офицеры произвести не могли. А Витя Понедельник что-то замешкался. Он решал вопрос с жильём. Пока ему показывали квартиру здесь, у посёлка “Сокол”, пришло шокирующее сообщение. Всеволода Михайловича сняли и тренером назначили Константина Ивановича Бескова. А за что да почему — не знаю.

Мы уже люди военные. Довели до нас приказ Главного политического управления об освобождении Боброва и назначении его главным тренером Вооружённых сил. А дальше извольте исполнять приказ — играть под руководством Бескова».

Валентин Бубукин отыграл за армейцев сезон и вернулся в «Локомотив». Отношения с Бесковым у него не сложились.

Что касается Виктора Понедельника, то он вовсе не замешкался, решая вопрос с жильём, как обозначил ситуацию Бубукин. Автор «золотого гола» в финале Кубка Европы рассказывал: «В 1961 году меня забрали под конвоем, погрузили в военный самолёт, привезли в Москву, вручили ключи от трёхкомнатной квартиры в знаменитом “генеральском” доме на Соколе, требуя взамен согласия играть за ЦСКА.

Помогло знакомство отца с Михаилом Шолоховым, который позвонил члену ЦК Екатерине Фурцевой. Она приняла меня и дала указание вернуть домой. А в это время люди в Ростове бесстрашно вышли на демонстрацию в центре города. Когда же я сошёл с поезда, меня подняли на руки и донесли до дома. И когда ЦСКА приехал на матч в Ростов, во избежание эксцессов расположился не в гостинице, а на территории воинской части».

После завершения чемпионата страны Бобров повёз команду в месячное турне по странам Юго-Восточной Азии, а по возвращении выяснилось, что Главпур его кандидатуру не утвердил, и ЦСКА принял Константин Бесков.

Причина отвода была отнюдь не спортивной. У пребывавшего в холостяках Боброва возникла связь с женой маршала артиллерии Василия Ивановича Казакова. Настойчивость в любовной интрижке проявила сама Светлана Павловна.

В один из вечеров произошло событие, которое развивалось по всем правилам театрального адюльтера. Прознав, что маршал отправился на манёвры, его супруга вытребовала любовника к себе. Это свидание на маршальской даче в Серебряном Бору могло дорого

обойтись Боброву. Всему виной стал звонок бдительной домработницы.

В кульминационный момент свидания дверь распахнулась, и на пороге предстал маршал Казаков. Разгневанный военачальник выхватил пистолет и выстрелил в потолок. Всего несколько секунд потребовалось Боброву, чтобы подхватить свои пожитки и прошмыгнуть в дверь, захлопнув её за собой. Пока маршал рылся в карманах в поисках ключа, а потом возился с непростым замком, Бобров столь же стремительно преодолел другое препятствие — высокий забор и устремился к Минскому шоссе.

В очередной раз судьба хранила Всеволода. Но, по словам Боброва, его не просто холодный пот прошиб, а охватил ужас при мысли, что маршалу в состоянии аффекта ничего не стоило произвести и второй выстрел.

Странное, однако, совпадение. Вновь Серебряный Бор. В 1957-м задета была честь Боброва, а на этот раз «провинился» он сам...

Этот случай послужил основанием не только для санкций со стороны Главпура, но и стал причиной увольнения Боброва из армии. Отстранённый от работы с командой, Всеволод Михайлович поначалу был перемещён на должность главного тренера Вооружённых сил, а затем стал старшим тренером клубного коллектива ЦСКА, выступавшего в городском первенстве.

Притязания любвеобильной Светланы Павловны на этом не закончились. Она чуть ли не во всём старалась подражать Боброву. У того в начале 1960-х была двухцветная «Волга»: верх — цвета слоновой кости, а нижняя часть — бордовая. Потом такая же появилась в семье маршала Казакова. Погасить страсти удалось второй жене Боброва Елене Николаевне, которая по

телефону сообщила маршалу о настойчивых звонках его супруги.

Жизнь движется по синусоиде, любил говаривать Всеволод Бобров...

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПЛАВАНИЕ

В 1963 году Всеволод Бобров вернулся к реальной тренерской работе. Он стал старшим тренером одесского «Черноморца». В 1970—1980-е годы такое назначение воспринималось бы как вполне достойное: «Черноморец» уже являлся заметной командой высшей лиги, способной пощекотать нервы любому фавориту, а иной раз и атаковать пьедестал. Но в 1963-м одесситы были всего лишь дебютантами второй подгруппы класса «А», которая в дальнейшем стала звучать более привычно для уха современного болельщика — первая лига. Работа с «Черноморцем» стала для Боброва своего рода экзаменом. И тренер-новичок его сдал: «Черноморец» финишировал шестым, что для дебюта было хорошим результатом. Одесситы опередили такие получившие в дальнейшем известность на высшем уровне команды, как «Карпаты» (Львов) и «Днепр» (Днепропетровск), отобрали очки и у нескольких соперников, оказавшихся выше в турнирной таблице.

Владимир Пахомов вспоминал, что как-то в одной компании заговорил о Боброве, обращаясь памятью к его работе в Одессе. «Потом осёкся — рядом слушают меня Юрий Заболотный, Владимир Дерябин, бывшие игроки “Черноморца”, — писал Пахомов. — Как-то они отнесутся к моим воспоминаниям? Смотрю, посветлели их лица, появились добрые улыбки: “Разве такое забывается?” А ведь при Боброве “Черноморец” был всё-таки заурядной командой».

В подобных ситуациях тренер обычно прибегает к помощи «варягов», но Бобров пригласил в «Черноморец» из Москвы немногих. Это были хорошо ему знакомый по ЦСКА вратарь Борис Разинский и нападающий Борис Орешников, а также известный по выступлениям за ростовский СКА полузащитник Виктор Одинцов.

Заслуживает внимания появление в «Черноморце» Бориса Разинского. Бывший вратарь сборной СССР, дублёр Льва Яшина на победной Олимпиаде 1956 года, он в предыдущем сезоне защищал ворота киевского «Динамо». Выступления за клуб, пребывавший в ранге чемпиона СССР, подтверждают его уровень. Однако 30-летний Разинский пошёл на существенное понижение в статусе, чем несказанно удивил своих почитателей. Но Борис знал, что делал. Знал, что в команде, ведомой Бобровым (они находились в дружеских отношениях), ему удастся осуществить свою мечту — играть в нападении. Блажь эту никто из тренеров всерьёз не воспринимал, но Борис не переставал надеяться.

Стремление Разинского забивать не раз приводило к осложнениям. В 1957 году старший тренер армейцев Григорий Пинаичев не взял его в турне по Англии в наизидание за то, что Борис постоянно рвался играть за дубль в нападении.

В 1961 году Разинский разгневал другого наставника ЦСКА — Константина Бескова. На старте чемпионата в Ереване и Ташкенте он вызвался пробить пенальти. Сделал Борис это успешно, но своевольный Бесков воспринял этот поступок как «партизанщину», после чего вратаря-бомбардира постарался «подловить». Как рассказывал автору книги сам Борис Давидович Разинский, случилось это в Алма-Ате, куда команда перебралась из Ташкента. Все собрались пойти в кино, а он отказался, мотивируя тем, что в переполненном кинозале плохо видно. Стоило это

услышать Бескову, как со ссылкой на плохое зрение вратарь был отчислен из команды. В госпитале это не подтвердилось, но пришлось Разинскому подать рапорт об увольнении с военной службы. Месяц спустя он стал игроком московского «Спартака»...

Дальше события развивались с калейдоскопической быстротой. Съездив после чемпионата с рижской «Даугавой» в Польшу, Борис Разинский отправился с киевским «Динамо» в Англию, после чего остался в этой команде, которая, напомним, носила звание чемпиона СССР. Став там основным вратарём, Борис тем не менее сразу откликнулся на приглашение Боброва.

В «Черноморце» мечта Разинского сбылась. Поскольку в команде имелся другой надёжный голкипер, Георгий Городенко, Бобров внял просьбам своего протеже. Шесть матчей провёл Борис на месте центрфорварда и забил три мяча. Его точный удар с одиннадцатиметровой отметки принёс команде победу над рижской «Даугавой». В своих мемуарных записках «Футбол и судьба» он отмечал: «Во время турне “Черноморца” по Тунису, Эфиопии и Судану ваш покорный слуга, центрфорвард Разинский, даже забил 11 мячей из 21».

Казалось, с завоёванных позиций Боброву имело прямой смысл развиваться в качестве футбольного тренера. Но он принял парадоксальное решение — уйти в хоккей. Не менее неожиданным был и выбор приглашающей стороны — московского «Спартака». Если «Черноморец» был, в конце концов, заурядной командой, лишь начавшей торить себе путь в высшее футбольное общество, то хоккейный «Спартак» являлся чемпионом СССР 1962 года и стремился встать на один уровень с ЦСКА на постоянной основе. Что в плане осуществления этих амбициозных планов могло

говорить в пользу давно не занимавшегося тренерской практикой в хоккее Всеволода Боброва?

В ту пору футбольный и хоккейный сезоны уже накладывались друг на друга. Футбольный чемпионат закончился для «Черноморца» в конце октября, а из зарубежного турне команда вернулась в декабре. Как мог Бобров включиться в хоккейный сезон, стартовавший в октябре?

Но выход был найден, причём такой, который подтверждает договорённость сторон о совместной работе ещё в разгар футбольного сезона. В качестве тренера в «Спартаке» появился Борис Иванович Афанасьев — партнёр Боброва поры выступлений за ЦДКА. Бывший вратарь армейцев много лет тренировал детские команды родного клуба.

При этом Афанасьев, человек в спортивном мире авторитетный, обладал хорошими организаторскими способностями. Будучи старшим тренером клубных команд ЦСКА, он даже одно время входил в тренерский совет команды мастеров, что при амбициях Анатолия Тарасова означает многое.

Афанасьева высоко ценил и патриарх отечественного хоккея с шайбой Аркадий Иванович Чернышёв: «Нравился мне Борис Иванович своей какой-то особой “весёлой” энергией, склонностью к юмору, шутке, что располагало к нему молодёжь и вместе с тем нисколько не умаляло его авторитет. Когда было нужно, он проявлял требовательность, принципиальность и не терпел легкомысленного отношения к занятиям».

Мнение такого специалиста, как Чернышёв, дорогого стоит. Но в те времена, о которых идёт речь применительно к работе в «Спартаке», это был риск с обеих сторон. Не ошиблись ли спартаковские руководители, доверив команду мастеров детскому тренеру? В свою очередь рисковал и Афанасьев, не имевший опыта работы с взрослыми хоккеистами.

Тяготения к этому Борис Иванович не имел, что и подтвердилось в дальнейшем — доведя сезон до конца в содружестве с Бобровым, он предпочёл уйти в группу подготовки юных хоккеистов «Спартака». Но одно большое дело для спартаковской команды мастеров Афанасьев сделал. Именно он на финише сезона 1964 года, который принёс спартаковцам бронзовые медали, пригласил в команду своего воспитанника Виктора Зингера, во время армейской службы игравшего за СКА (Куйбышев). Появление Зингера на многие годы решило проблему вратарской позиции в «Спартаке».

СО «СПАРТАКОМ» НА ВЕРШИНЕ

Оказавшись во главе хоккейного «Спартака», Бобров не форсировал события. Сумев встряхнуть команду на финише сезона 1964 года, он добился того, что её игра стала доставлять удовольствие зрителям, болельщики вновь начали заполнять трибуны под завязку. «Спартак» был близок к завоеванию второго места, но на одно очко отстал от московского «Динамо».

В двух следующих сезонах «Спартак» досрочно становился обладателем серебряных медалей, имея значительный отрыв от преследователей. В 1966 году спартаковцы во всех четырёх матчах победили «Динамо». Однако мало кто верил, что подопечные Боброва готовы бросить перчатку ЦСКА — отставание от армейцев составило 15 и 14 очков соответственно.

И всё же это свершилось — чемпионом СССР 1967 года стал ведомый Всеволодом Бобровым «Спартак»! На сей раз его команда оказалась впереди аж на пять очков. В четырёх матчах с ЦСКА спартаковцы дважды нанесли поражения грозному сопернику, и ещё одна встреча завершилась вничью.

Ключевым стал поединок с армейцами за шесть туров до конца первенства. Перед ним «Спартак» на очко опережал конкурентов и имел игру в запасе. Проигрывая в ходе первого периода 0:2, спартаковцы после перерыва прибавили в скорости и за четыре минуты забросили четыре шайбы! Третий период начался при счёте 5:2 в пользу «Спартака». Более чем убедительным оказался и окончательный счёт

решающего матча — 7:3. В оставшихся встречах команда очков не теряла.

Владимир Пахомов подчёркивал: «Не счесть, сколько раз побеждали команды, которыми руководил Бобров. Но один победный матч в его тренерской карьере — самый-самый. 23 апреля 1967 года в Лужниках ведомые Бобровым спартаковцы выиграли у ЦСКА со счётом 7:3. Эта победа была значительной для Всеволода не только потому, что практически делала “Спартак” недостижимым на пути к званию чемпиона СССР. Армейцев тогда тренировал Тарасов!

Нетрудно представить, какие чувства одолевали тогда Боброва. После матча он дождался, пока я передам отчёт об игре в “Правду”, и мы на его “Волге” отправились с жёнами и Казарминским в ресторан “Центральный”».

Выбор для празднования триумфа был понятен — та самая бывшая «Астория». Но была у Боброва и ещё одна верная питейная «точка».

«Всеволод Михайлович любил бывать в кафе “Сокол” на углу Ленинградского проспекта и улицы Вальтера Ульбрихта (ныне — Новопесчаная), — вспоминал Пахомов. — Его здесь хорошо знали все, начиная от подсобных рабочих до администраторов, а директором на протяжении десятков лет был Леонид Михайлович Казарминский, с которым Бобров дружил.

Нередко Бобров ещё не успеет сделать заказ, а перед ним уже — бутылочки импортного пива, запотевшие, прямо из холодильника. И почти сразу же, словно невзначай, в дверях показывались знакомые лица — Гринин, Лопатто, Никитин, Карасиди. Добродушный Бобров делал жест, означавший приглашение к столу».

Олег Лопатто, Герман Никитин и Пётр Карасиди — офицеры, служившие в ЦСКА, — входили в круг

общения Всеволода Михайловича.

На кураже хоккеисты «Спартака» замахнулись и на завоевание Кубка. В четвертьфинале против «Крыльев Советов» и в полуфинале с ленинградским СКА красно-белые проигрывали — 1:3 и 1:4 соответственно. И каждый раз переламывали ход игры, добиваясь побед — 10:5 и 7:4! И только в финале уступили собравшему все силы ЦСКА — 0:2. «Золотого дубля» не получилось...

Но получилось главное — «Спартак» стал чемпионом СССР. Команда Всеволода Боброва оказалась сильнее команды Анатолия Тарасова.

В 1967 году «Спартак» был уже полноправным хозяином положения. В противоборстве с ЦСКА спартаковцы взяли пять очков из восьми, третьему призёру — московскому «Динамо» — они не отдали ни одного. В распоряжении Всеволода Боброва было уже не только грозное первое звено, где играли многократные чемпионы мира братья Борис и Евгений Майоровы и Вячеслав Старшинов, но и такие способные хоккеисты, как Виктор Блинов, Виктор Ярославцев, Александр Якушев, Евгений Зимин, Владимир Шадрин, которые либо уже дебютировали в сборной, либо значились в кандидатах.

Судя по всему, команда времён Боброва числится в истории «Спартака» на особом счету. Во всяком случае, в энциклопедии «Спартака» именно её фотография присутствует на обложке, хотя первую ступень пьедестала почёта спартаковцы занимали в четырёх чемпионатах: в 1962 году под руководством Александра Новокрещёнова, а в 1969 и 1976 годах — под началом Николая Карпова.

Всеволод Михайлович пришёлся ко двору в команде. Один из её лидеров, Вячеслав Старшинов, в книге «Чистое время», которую он посвятил Боброву, передал первые ощущения от знакомства: «На смену

Новокрещёнову в команду пришёл Всеволод Бобров — прекрасный хоккеист, но неизвестно, какой тренер. Ничего особенного от него на новом поприще не ждали. И вёл он себя не как таинственный в своих полусекретных мыслях “главнокомандующий”, а как такой же член команды, как и другие, только постарше и наблюдающий игру со стороны...

Помню первый день Боброва в нашей команде. Он вошёл — высокий, стройный. Для начала произнёс обычные в таких случаях слова. Мы сидели молча, уставившись на него, ждали чего-то, сами не зная чего. И вдруг он, словно посмеиваясь над нашим и своим волнением, улыбнулся. Это была улыбка обаятельного, близкого, понятного человека. Ребята зашевелились, заулыбались, заговорили... Понравился».

Известный комментатор Владимир Писаревский делился своим наблюдением: «Помню, как Бобров начинал работать тренером в хоккейном “Спартаке”, и я помчался на первую его тренировку. И вот стоят в линейку спартаковцы: братья Майоровы, Старшинов, другие спартаковские асы 60-х годов. Бобров проехал вдоль строя, принял и остановился около Фоменкова:

— По-моему, вы сегодня себе позволили?

Фоменков в ответ:

— Так ведь, Всеволод Михайлович, вы тоже, говорят, не святой были.

— Да, но ведь я же играл! — воскликнул задетый за живое Бобров. — Ну, ладно, — предложил вдруг он, — давайте так. Зингер встаёт в ворота, и кто ему забьёт из десяти бросков хотя бы четыре гола, то, пожалуйста, я закрываю глаза, пусть такой игрок делает что хочет.

Если мне не изменяет память, четыре буллита забил только Старшинов. Остальные — кто два, кто — один. А кто и вовсе ни одного. А потом бросал Бобров и забил Зингеру семь голов. И говорит: “Так, видели? Все

видели? Теперь, думаю, всем ясно, кто может пить в нашей команде?” Этот урок был лучше любой лекции и десятка нравоучений. И дисциплина в “Спартак” сразу подтянулась, и контакт с игроками налажился. Вот в этом был весь Всеволод Михайлович...»

Александр Якушев к моменту прихода Боброва в «Спартак» был начинающим хоккеистом. В интервью для «Футбола-хоккея» (№ 26 за 1980 год) он вспоминал: «Пригласил меня великий Всеволод Бобров. Он принял “Спартак”, очень нуждавшийся в свежей струе. И за такое сложное дело тренер взялся живо, трудился в охотку, как-то по-доброму, душевно, он очень любил нас, хоккеистов. Буквально через год-два появились Зимин, Мигунько, я...

Он, Бобров, всегда был индивидуален в лучшем смысле этого слова. И всячески поощрял в нас желание обвести, перехитрить, запутать защитника. И сам не упускал возможности, чтобы выйти на поле. “Пороха” в нём было хоть отбавляй. Часто играл в зоне “три на три”, и Бобров забивал нашему второму вратарю одну за другой, тот за голову хватался. Покажет ему “туда — сюда”, клюшку спокойно держит, а тело ходуном ходит, причём мягко, пластично.

Его, как и первого моего тренера, нет более. Но след в моей жизни Всеволод Михайлович оставил яркий, времени неподвластный».

В своей книге с красноречивым названием «Я вспоминаю» Якушев отмечал: «“Старший” не частил с индивидуальными беседами. Обживался в новом коллективе, приглядываясь к игрокам, их игровым возможностям, их выкладке на тренировках и самоотдаче в матчах, их поведению и взаимоотношениям.

Несмотря на работу в предыдущие годы в футболе, чувствовалось, что он в курсе дел хоккейных. Повидимому, держал руку на пульсе, особенно зимой, в

пору футбольного межсезонья. И даже по первым занятиям на льду нельзя было себе представить, что этот специалист находился вне конкретной деятельности в хоккее целых семь лет и что проводит первые в своей карьере занятия в хоккейной команде мастеров. Так всё ладилось у Боброва».

Якушев был прав в своём предположении. Вот что писал Всеволод Бобров в книге «Рыцари спорта»: «Есть у меня одна слабость: где бы я ни был, какой бы работой ни занимался, внимательно слежу за всем, что происходит в хоккее. И особенно пристально — за молодёжью. Вот почему, уезжая в Одессу, к футбольной команде “Черноморец”, я увозил с собой блокнот, в котором было много хоккейных фамилий. И среди них, подчёркнутая красным карандашом, фамилия Вити».

Речь идёт о Викторе Зингере. Ранее говорилось, что этого вратаря пригласил в команду Борис Афанасьев. Но и Боброву он был знаком: «Витю Зингера я как-то увидел ещё в начале 60-х годов на одной из двусторонних тренировок ЦСКА. Был он ещё совсем мальчиком, но чем-то сразу понравился мне. Его манера игры, его природное чутьё выбора места заставляли обратить на него внимание. Я в душе искренне порадовался за армейских тренеров, за их находку.

Но оказалось, что новичок не понравился Анатолию Владимировичу Тарасову, который определил его как бесперспективного. Что ж, и с хорошими педагогами случаются подобные просчёты».

Это и в самом деле был просчёт Тарасова. Ещё при находившемся в расцвете сил Николае Пучкове тренер армейцев искал ему преемника. В 1959-м он пытался призвать под знамёна ЦСКА Виктора Коноваленко, но талантливого горьковчанина отстояли профсоюзные руководители. В результате в воротах армейцев на многие годы утвердился Виктор Толмачёв. Этот вратарь был в числе кандидатов на поездку в Тампере, где

проводился чемпионат мира 1965 года. Но отправился туда в качестве дублёра Коноваленко Виктор Зингер — всего лишь год проведший в воротах «Спартака».

«Как человек, тренировавший эту команду в течение нескольких лет, — отмечал Бобров, — могу свидетельствовать, что в её становлении, в её росте, в укреплении её наступательной психологии Виктор Зингер сыграл немалую роль».

Капитан «Спартака» Борис Майоров в разговоре с Анатолием Мурадовым подчеркнул: «У него был дар селекционера: безошибочно определял в молодом игроке будущего мастера. Зингер, Блинов, Зимин, Мартынюк, Мигунько — его открытия. Он не гонялся за именами, его не интересовали “звёзды” сегодняшние. Он безошибочным взглядом оценивал, на что способен никому не известный мальчишка, и приглашал подходящего в команду. При этом он ни разу не промахнулся».

Важно акцентировать внимание и на том, что Бобров, пригласив в «Спартак» сразу нескольких игроков со стороны, сломал стереотип клубного патриотизма, когда ставка делается исключительно на собственных воспитанников.

Вслед за Зингером в команде появился приглашённый из Омска защитник Виктор Блинов. Со времён войны у Всеволода Михайловича остались связи с этим сибирским городом. Получив сигнал о том, что в местной команде играет 19-летний защитник, обладающий феноменальной силы броском, Бобров послал посмотреть на него своего нового помощника Юрия Глухова, а затем уже и сам отправился в Омск. Как отмечал Анатолий Салуцкий, Бобров «вовсе не приписывал себе лавры “первооткрывателя”, а говорил, что присмотреться к Блинову ему советовали некоторые

омские любители хоккея, а также его омский друг военной поры тренер Фёдор Павлович Марчук».

Несколько матчей в третьей пятёрке — и состоялся перевод новичка в первое звено, где он встал в пару к Алексею Макарову. В победном сезоне каждый из них забросил по 17 шайб! В следующем сезоне — 1968 года — Блинов и Макаров являлись претендентами на поездку в олимпийский Гренобль, но тренеры сборной выбрали только Виктора Блинова.

Александр Якушев в своей книге вспоминал: «В сборной Чернышёв с Тарасовым не случайно поставили Блинова в пару с самим Рагулиным. Оба защитника владели бесценным и редким умением дать острый первый пас, а выходили они обычно с блистательной армейской тройкой Викулов — Полупанов — Фирсов. Что они творили! Связка “праворуких” Фирсов — Блинов на левом краю была устрашающей даже для самых грозных соперников. При розыгрыше большинства Анатолий своими финтами устраивал суматоху у чужих ворот, а затем точнёхонько скидывал шайбу Виктору под убойный бросок. Отработано у них всё было безупречно. Блинов внёс немалый вклад в олимпийскую победу 1968 года в Гренобле.

Он, нисколько не сомневаюсь, стал бы звездой мирового хоккея. Предположу, что если бы Виктор играл в 1972-м в Суперсерии СССР — Канада, встал бы в один ряд с её главными действующими лицами».

Бобров высоко ценил сибирского самородка. В книге «Рыцари спорта» он писал: «Вспоминаю, приедем на тренировку, я начну объяснять молодёжи какой-нибудь новый приём и поглядываю на ребят. В первое время Блинов порождал во мне тревогу: всё во взгляде, в выражении лица, в предельно расслабленной его фигуре как бы говорило: “Ничего не понимаю”. Но вот начиналась практика, и Блинов выполнял всё показанное лучше всех. Именно так, как я хотел...

Я утверждаю, что точней и сильней броска не было ни у одного защитника в мире. Из всех, кого мне удалось видеть».

Интересное уточнение можно прочитать у Якушева: «Витя клюшки не выбирал и не обтачивал крючок. Какую выдавали, с той и шёл на лёд. Не столько щёлкал по шайбе, сколько бросал. Но с какой силой! Бросал сильнее, чем сейчас щёлкают клюшками из композитных материалов».

Виктор Блинов ушёл из жизни в неполные 23 года. Случилось это на первой тренировке послеолимпийского сезона, он упал, играя в баскетбол, сражённый сердечным приступом.

С горестным чувством Бобров отмечал: «Виктор Блинов был блестящим хоккеистом, но очень плохим спортсменом. Он чурался дисциплины. Несмотря на все наши усилия, он нередко искал “отдохновения” в бутылке, водка, в конце концов, и погубила его...»

В сезоне 1966 года стали спартаковцами нападающие Александр Мартынюк, Евгений Зимин и защитник Владимир Мигунько. Все они внесли заметный вклад в чемпионство. Въедливые болельщики «Спартака», от которых Бобров не прятался, не могли взять в толк, чего ради он пригласил из «Крыльев Советов» не хватавшего звёзд с неба Александра Мартынюка.

Но Бобров знал, что делает: «Он из тех, кто не бросается в глаза. Не из тех, кого признаешь сразу. Но разобравшись в игре этого хоккеиста, нельзя не восхищаться ею. Это очень своеобразный, очень интересный и, что самое главное, очень неожиданный нападающий. Неожиданность приёмов, паса, неожиданность отдельных ходов и целых тактических решений в целом — главное его оружие».

Александр Якушев отмечал: «Не лез напролом и не пытался выйти на первый план. Специализировался на

подыгрыше. Он не имел высокой стартовой скорости, движения были какие-то нарочито неторопливые, откровенно избегал силовых единоборств, а когда попадал в них и получал синяки да шишки, зачастую давал волю эмоциям, получая удаления. Но постоянная готовность придумать что-нибудь хитроумное и техническая оснащённость позволяли ему приносить много пользы звену и команде. Мы с Шадриным много голов забивали с передач Мартынюка».

Евгений Зимин и Владимир Мигунько начинали в московском «Локомотиве».

Зимин был одним из любимых учеников Боброва. Зная о его недостатках, Всеволод Михайлович писал: «Евгений Зимин, безусловно, отличный хоккеист. Он может стать ещё более сильным и зрелым мастером. И я верю, станет им: “грехи” молодости исчезнут, талант получит оправу опыта, мудрости, рациональности. Конечно, к этому надо идти через огромную черновую работу. И хотя Женя её не очень любит, у него хватит для неё сил».

Бобров ошибся лишь отчасти. Александр Якушев отзывался о Евгении Зимине так: «Всё было при нём. Высокое индивидуальное мастерство, светлая голова, весьма высокая результативность. Ну чего ещё желать? Не будучи с виду силачом, спокойно выдерживал силовую борьбу, а если требовала обстановка, мог и навязать её. Азарт сочетался у него с хладнокровием, что очень помогало в поединках с грозными соперниками...

Искренне сожалею, что маловато времени провёл с ним в одном звене и в “Спартаке”, и в сборной. Почти в двадцать семь лет, буквально “на флажке”, его призвали в армию, после чего на карьере Зимина можно было поставить крест...

По своим недюжинным возможностям, по своему потенциалу Евгений Зимин реализовал себя на

пятьдесят процентов. И это в лучшем случае».

Владимира Мигунько вряд ли можно отнести к числу богато одарённых хоккеистов, но пользу команде он, несомненно, приносил. Александр Якушев высказался о нём так: «Статный, смелый, самоотверженный, с хорошим броском от синей линии, он до появления в “Спартаке” слыл надёжным, добротным защитником. Но и не более того. А у Всеволода Михайловича стал резко прогрессировать, дойдя до уровня игрока второй сборной».

Были в пору работы Боброва в «Спартаке» и выдвиженцы из собственных резервов. В первую очередь это Александр Якушев и Владимир Шадрин.

Обратимся к книге Александра Якушева: «С Всеволодом Михайловичем Бобровым мне несказанно повезло. Сказать об этом хочу и обязан. Сам факт появления на спартаковском мостике этой легендарной фигуры явился подлинной сенсацией...

Ко мне относился доброжелательно, внешне никак это не проявляя. Я это кожей ощущал. Послаблений мне не делал. Явные промашки и огрехи не прощал. И в запас меня сажал, и на собраниях команды во время разборов матчей пропесочивал так, что мало не казалось...

Я ни на йоту не сомневался в том, что “центр” — моё амплуа, что оно подходит мне и по общей манере, и по моей жажде забивать, и по моему телосложению...

А Всеволод Михайлович придерживался иного мнения. Видя, как мы мучаемся сами и мучаем его, видя, что сдвигов к лучшему нет, он в один день, который прекрасным отнюдь не показался, взял да перевёл меня на левый край... Перечить Боброву, разумеется, не стал. Подчинился. Без всякого энтузиазма. В центр поставил Шадрина, который был на год моложе меня... Жизнь показала, насколько же прозорлив оказался Всеволод Михайлович. Связка

Шадрин — Якушев долго выступала в “Спартак” и в сборной Союза...»

Владимир Шадрин попал в команду мастеров из спартаковской школы, когда ему было всего 16 лет. А в чемпионский сезон его тройка, где по краям располагались Виктор Ярославцев и Александр Якушев, была уже полноценной боевой единицей.

На вопрос, кто в своё время оказал на него особое влияние, Шадрин ответил: «Бесспорно — легендарный Всеволод Бобров, который привёл спартаковский клуб к золотым медалям с отрывом от ЦСКА в пять очков. В том чемпионском сезоне я провёл все матчи в сочетании с Сашей Якушевым и Витей Ярославцевым и огорчал голкиперов около двадцати раз. За что регулярно выслушивал в свой адрес приклеившуюся кличку — “везун”».

По поводу предъявлявшихся к нему требований по игре Шадрин сказал: «Мне как центрфорварду запрещалось ездить в углы и за ворота в чужой зоне. В обязанности вменялось подчищать огрехи обороны, снабжать выверенными передачами крайних и регулировать направление атаки. То есть Бобров хотел сделать для команды стержневого игрока.

Его тренировки протекали весьма интересно. Каждая заканчивалась игрой в зоне “три на три”, а Бобров был нейтральным. Так вот, возвращаясь к разговору о нём, отмечу, что по жизни он — добрейшей души человек, по отношению к делу — максималист. Представьте себе, находясь уже в солидном возрасте, сам выходил на лёд. Умел не только объяснить, но и показать. И ничуть не уступал молодым.

Всеволод Михайлович поражал своим неподдельным знанием и видением хоккея. Редко прибегал к помощи методической литературы. По-моему, секрет любого гения — в простоте».

В книге «Чистое время» Вячеслав Старшинов писал: «Бобров терпеть не мог шаблонов. То, что он советовал нам, руководя хоккейным сражением, теоретически часто казалось нелогичным. Но на практике, на площадке, почти всегда оборачивалось удачей. “Почему? — оглядывались мы с радостным удивлением на скамейку. — Почему получилось?” А он лишь улыбался и подмигивал хитро в ответ. А чему тут, собственно, было удивляться? Огромная интуиция позволяла ему угадывать то, что, казалось бы, угадать нельзя...

Он говорил, что для создания настоящего коллектива нужно не менее трёх лет. На третий год его работы в “Спартаке”, в 1967 году, мы снова стали чемпионами страны.

Но дело не только в том, что спартаковцы получили золотые медали, хотя это, конечно, серьёзное завоевание. Дело ещё и в том, что на этот раз никаких элементов случайности в победе не было. В 1962 году наше чемпионство скорее было счастливой случайностью. Теперь же победа стала объективной закономерностью.

В эти три года постепенно менялся облик команды. Резко повысилась дисциплина. Сколько раз до той поры писалось и говорилось о чуть ли не хулиганских выходках спартаковских хоккеистов на площадке! С приходом Всеволода Михайловича молодые спартаковцы стали сдерживать свои порывы.

До прихода Боброва в “Спартак” наши успехи во встречах с ЦСКА были в общем-то случайны. Всё-таки до 1967 года и тактическая зрелость, и техническая оснащённость, и физическая подготовка “Спартака” были, конечно, ниже армейского уровня.

Всеволод Михайлович настойчиво и планомерно строил новый ансамбль. И он создал вторую команду экстракласса — поднял “Спартак” на уровень ЦСКА.

Наша команда достигла пика формы в 1967 году. Монолитный коллектив, руководимый Бобровым, играл без сбоев.

Вообще, как хоккейный тренер Бобров сформировался стремительно и ярко, что свойственно его редкостному спортивному таланту. За три года он вырос в одного из ведущих тренеров страны».

При Боброве в «Спартаке» увеличился объём тренировок, особенно со штангой. Спартаковцы, правда, по показателям в общефизической подготовке не превзошли хоккеистов ЦСКА. Но прежнего преимущества армейцы уже не имели. Это было весьма важно, поскольку в скорости и морально-волевых качествах спартаковцы и раньше не уступали армейцам.

Бобров не мог не видеть, что в середине сезона у хоккеистов проявляется апатия, и им надоедают коньки, клюшки, шайбы. Вот почему зимой 1967 года спартаковцы больше обычного ходили на лыжах, играли в футбол как на снегу, так и в зале, в баскетбол, занимались плаванием, не забывали и о тяжёлой атлетике. Иногда на протяжении недели они не выходили на лёд. Словом, Бобров делал всё, чтобы отвлечь спартаковцев от хоккея.

В одном из интервью Вячеслав Старшинов на вопрос о причинах ухода Александра Новокрещёнова ответил: «У каждого наставника есть своя, так скажем, продолжительность тренерской жизни. Так вот Новокрещёнову в следующем сезоне нужно было удерживать чемпионское звание, что всегда гораздо труднее, чем завоевать его. Для этого надо было расти. А у него профессиональных качеств для этого не было. Всё, что он знал, он нам передал. И команда его просто переросла».

В своей книге «Я смотрю хоккей» другой лидер «Спартака», Борис Майоров, повествовал: «По доброте

Бобров не уступал своему предшественнику. Он мог расшибиться в лепёшку, обить пороги всех учреждений, всех инстанций, если надо помочь игроку — обеспечить его ребёнка детским садом, или самого — путёвкой в дом отдыха, или квартирой, если тот нуждается в улучшении жилищных условий. Попроси у него займы любую сумму денег, и можешь не сомневаться — отказа не будет. Он и не напомним никогда о долге. Однако в доброте своей он отличался от Новокрещёнова. Интересы команды в целом были для него превыше всего, и тут он готов встать на горло своей доброте...

В те годы мы трудились изо всех сил и на летних предсезонных сборах, и зимой на льду. И никто не мог пожаловаться на усталость или сфилонить — стыдно было: Бобров везде был с нами — и во время кроссов, и на гимнастических снарядах, и на льду. Играть с ним на тренировках было необычайно интересно. Тут он был во всех отношениях наравне с нами...

Вот тогда, на тренировках, я понял, откуда бралась его феноменальная результативность. Он обладал каким-то сверхъестественным чувством гола. После его удара шайба или футбольный мяч вроде и летят-то не очень шибко, но обязательно попадают в незащищённый угол ворот. Всякий раз кажется, что ему просто везёт...

За годы тесного общения с ним, сначала как действующий хоккеист, а впоследствии и как тренер, я составил о Боброве твёрдое мнение как о человеке незаурядном, как о личности. Я бы выделил следующие черты, характерные для него. Во-первых, человечность, то, что был он необыкновенно добр и отзывчив. И вместе с тем — его требовательность. Мы всегда чувствовали его твёрдую руку, даже жёсткость в управлении коллективом. Сочетал он эти две свои особенности классически. Во-вторых, умение сплотить коллектив, собрать волю коллектива в кулак для

достижения цели. В те годы в команде царили дружба и товарищество. И заслуга в этом Боброва. В-третьих, его умение решать организационные вопросы. И, в-четвёртых, умение последовательно подвести игрока, команду к пику спортивной формы».

Борис Майоров был поражён умением Боброва забивать: «Голы все какие-то странные Всеволод Михайлович забивает — то посередине ворот, хотя там вратарь, то в ближний от голкипера, вроде бы прикрытый угол. Спросил его, в чём всё же секрет. Он ответил: “Я смотрю, как вратарь перемещается. Как увижу, что у него центр тяжести сместился, так бросаю под ту ногу, на какую он опирается в данный момент. Вот и весь секрет”».

Глубоко осмыслил работу Боброва и Александр Якушев: «Всеволод Михайлович являлся совершенно замечательным режиссёром. По этой части, как, впрочем, и по многим другим, Бобров в моём представлении — тренер номер один.

При анализе многогранной тренерской деятельности обсуждается масса аспектов: “физика”, тактика, психология, работа с молодыми игроками, селекция и тому подобное. Но при этом часто упускается, быть может, самое главное — то, как тренер управляет командой во время хоккейного спектакля, как реагирует на резкую смену декораций, как держит удар при явном превосходстве противника — как ведёт игру...

Хоккейный режиссёр Бобров не был ни на кого похож. Стоял на лавке такой внешне хладнокровный и сосредоточенный, будто по ту сторону борта не извергался ледовый вулкан, а происходило что-нибудь интересное и вполне себе размеренное...»

О работе Боброва в «Спартаке» писал и Семён Вайханский в «Золотой книге сборной СССР»: «В годы “неукоснительного исполнения” Бобров открыто пошёл

против тарасовских директив “голового” атлетизма, потому что понимал, что хоккей, прежде всего, ИГРА, хотя и имел за пропаганду таких идей немало неприятностей. Но как же он был прав, если, возглавив “Спартак”, поднял его на вторую ступень всесоюзного пьедестала и “красно-белые” не опускались ниже целых шесть лет, дважды за этот период став чемпионами...»

Расставшись с большим спортом, Всеволод Бобров регулярно выступал за команды ветеранов. И в футболе, и в хоккее.

Капитан сборной СССР Борис Михайлов в одном из интервью вспоминал о встрече с Бобровым в 1962 году: «По всем статьям превзошёл меня Бобров. Он тогда играл за сборную ветеранов, а я — за молодёжную. Конечно, я был неопытен, но ведь и Бобров играл с нами не в расцвете своих сил. В той игре он всё, по-моему, делал своеобразно: скажем, подкатываюсь к нему с одной стороны, а он неожиданно перебрасывает шайбу в другую сторону и уходит от меня. Никак не мог я отнять у него шайбу, ничего подобного я позднее никогда не испытывал — полная беспомощность.

Шутка ли, шесть шайб Бобров забил нам, молодым. После мы расспрашивали его, как же ему это удаётся. Он не стал объяснять, сказал, что в каких-то принципиальных вещах нельзя подражать даже самым лучшим образцам. Надо искать свою, оригинальную игру».

Форвард хоккейного «Спартака» Юрий Борисов рассказывал, как его команда, находясь на летнем сборе в Алуште, нередко ездила по крымским городам, проводя там футбольные матчи с местными командами. Расклеивались афиши, гонорар выдавался фруктами.

«Где-то минут за двадцать до окончания игры публика начинала скандировать “Бобров, Бобров”, — продолжал Борисов. — Долго уговаривать Всеволода

Михайловича нужды не было. Он появлялся на поле неизменно в полосатой майке ВВС... Он выходил на поле, вскидывал призывно руку и провозглашал: “Ну, чемпиончики, так вашу да раз-этак, играй сюда, на ВВС”.

Воротами на поле служили барьеры для бега с препятствиями — стипль-чеза. Но Боброву это обстоятельство помехой не было. Бегать он, конечно, уже не мог, как раньше, да и как бегать? На колени его было страшно смотреть — все в шрамах, какие-то вывернутые. Но бил неподражаемо: и с ходу, и с лёту, и с места. Прицельно, смачно, хлётко. И забивал голы. Публика неистовствовала. Мы балдели от счастья, от радостного чувства общения с гениальным игроком, от того, что мы вот так запросто гоняем мяч с необыкновенным самородком, державшимся с нами по-свойски, по-товарищески, и преподносившим нам уроки спортивного мастерства».

Будучи старшим тренером «Спартака», Бобров неоднократно выходил на площадку в товарищеских матчах. В марте 1965 года «Спартак» без игроков сборной принимал участие в розыгрыше «Кубка Женевского автосалона». После этого сыграл два матча с местной командой. В первом из них наставник «Спартака» забросил три шайбы.

В сезоне 1967 года 44-летний Всеволод Бобров в Москве выходил на лёд в матче с болгарской командой, а в турне по Италии участвовал в двух матчах. В разгроме «Торино» (24:0) он отметился пятью шайбами. В более упорной встрече с «Больцано» (8:2), когда против спартаковцев играла фактически сборная Италии, усиленная канадцами из местных клубов, одна из шайб влетела в ворота хозяев от клюшки Боброва.

Об этом упоминает Александр Якушев: «Однажды он надел спартаковскую форму и вышел на лёд в товарищеском матче против болгарской команды. И

выглядел чудо как хорошо! А ещё спартаковцы как-то были в турне по Италии — без “сборников”, поэтому сам я не был свидетелем, — так вот “старший” вдруг сам себя включил в состав и пяток шайб отвёз хозяевам. Игроки наши по ходу матча едва в обморок не попадали!»

А вот Юрий Борисов был участником «дерзаний» Всеволода Михайловича. «В него мы все были влюблены, — рассказывал Борисов. — Это был человек огромного обаяния, с большим достоинством, знавший себе цену, в то же время необыкновенно доступный и простой в общении. Авторитет его был в команде непререкаем.

Он мог и в свои 45 “кудесничать” на площадке. Когда мы ездили за рубеж — в Швейцарию и Италию, Всеволод Михайлович любил иной раз сыграть и сам. И всё больше — в нашем звене (с Борисовым и Валерием Фоменковым. — *М. Щ.*). Без голов не уходил и, бывало, выговаривал нам: “Ну, что, чемпиончики, что, растяпы, забивать-то когда начнёте, а?! Играть ни хрена не умеете. Я, что ли, за вас шайбы должен забрасывать?” И забрасывал, радуясь, как пацан. Гол для него был моментом высочайшего счастья, превыше всего».

О мастерстве Боброва-ветерана с восхищением писал в книге «Хоккейные “звёзды” Бориса Павловича» один из игроков Бориса Кулагина Владимир Репнёв: «Как-то на раскатке, когда ещё вместе с Кулагиным сборную тренировал, под занавес тренировки он буллиты стал пробивать. Это было нечто. Владик ничего не мог поделать.

Тут Бобров к нам обращается: “Ну что, молодёжь, на водичку побросаем?” То есть кто больше на спор из пяти буллитов забросит Третьяку. А на кону — вода минеральная или фруктовая, чтобы интерес хоть какой-то был, азарт. “А что, давайте, Всеволод Михайлович, давайте!”

И он нас, молодых, действующих хоккеистов первой сборной Союза, перебросал, причём прилично! Руки у него какие-то были невероятные! Фантастика. Слов просто нет, гений...»

О том, как следует реализовывать буллиты, Бобров рассказывал в еженедельнике «Футбол-хоккей» (№ 9 за 1971 год): «Шайбу нельзя от себя отпускать. Её надо вести в среднем темпе и двигаться не по прямой, а всё время вправо-влево, чтобы амплитуда движения шайбы была полтора-два метра. Тогда и вратарь с первого же мгновения должен начинать трудиться — и двигаться, и думать, чем всё это кончится. Ему приходится гадать, какой угол закрывать. Или, может, пойти навстречу? Тут уж нападающий хозяин положения...

Я ведь и выходы один на один в игре почти всегда реализовывал. А это труднее. В игре за тобой обязательно противник гонится. В игре надо спешить. Там средний темп и долгие финты — недопустимая роскошь. Не успеешь и глазом моргнуть, как выбьют шайбу из-под клюшки».

Владимир Репнёв завершил свой рассказ так: «И вот мы несём ему бутылки с минеральной, с пепси. А он сидит довольный донельзя, улыбка во всё лицо: “Борис, Борис, смотри-ка, дань несут!” Кулагин: “А что такое, Сева?” — “Да это я их в буллиты обыграл!”

Они с Кулагиным приятелями были...»

История их знакомства восходит к 1945 году, когда в матче по русскому хоккею в городском первенстве Кулагин, играя за «Спартак», принёс своей команде победу над ЦДКА. Счёт был 2:1. Единственный ответный гол провёл Бобров. «Забил я и чувствовал себя в тот момент на седьмом небе», — вспоминал Кулагин.

Всё бы хорошо, вот только спустя без малого 30 лет после знакомства дрогнул Борис Павлович, когда над Бобровым тучи сгустились.

Хронология событий приведёт читателей к этой истории.

Юный в ту пору Владимир Шадрин наматывал на ус: «Знаменитые мастера — братья Майоровы, Старшинов удивлялись, когда их заставляли шлифовать технику часами. Бобров настойчиво обучал искусству паса: на какой высоте послать шайбу надо льдом партнёру в зависимости от игровой ситуации. Призывал бросать по воротам низом и тотчас идти на добивание. Многие сперва этой простоты не понимали и тихонько посмеивались. А позже стали прислушиваться».

Не единожды возникали на тренировках ситуации, когда Бобров демонстрировал своё умение в назидание игрокам. Классической стала история, которую поведал Вячеслав Старшинов: «Однажды, вернувшись с очередного победного чемпионата мира, наши “асы” почувствовали себя вправе быть усталыми и тренировались не в полную силу.

Бобров хмурился, но молчал. Потом принёс откуда-то лист фанеры и поставил его вместо вратаря в ворота, наглухо закрыл их. Затем отодвинул фанерный лист от стойки на толщину шайбы. Не на ширину, а на толщину — примерно на два пальца. Потом отъехал к синей линии и попросил одного из нас: “Набрасывай!”

Ему набрасывали, и он с ходу бил по воротам. Шайбы влетали в них, не коснувшись фанеры. Ребром! Одна за другой.

Набросавшись вдоволь, уложив все тренировочные шайбы в ворота, он как бы невзначай сказал:

— Ну, чемпионы, асы... Давайте, повторите упражнение.

Пот лил по нашим лицам, грозил растопить лёд, но то, что удавалось Боброву с неповторимой лёгкостью, не удавалось больше никому».

Александр Якушев привёл и другой пример: «На занятиях по отработке броска спартаковцы пользовались иногда приспособлением под названием “щит Бажанова”: на перекладину ворот вешался деревянный щит с вырезанными небольшими дырками на месте “девятки” и “шестёрки” слева и справа, куда и следовало попасть.

И кто, как думаете, отличился в этом не самом простом упражнении на точность броска? Старшинов? Майоровы? Зимин? Фоменков? Мартынюк? Шадрин? Якушев? Кое-кто из перечисленных форвардов действительно оказывался самым метким, когда “старший” стоял в сторонке и наблюдал за происходящим. Но что поразительно — Всеволод Михайлович неоднократно побеждал в этом азартном конкурсе! Утирал нос всем перечисленным хоккеистам, находившимся в расцвете сил. Больше скажу, побеждал ровно столько раз, сколько решался вспомнить свою лихую спортивную молодость...»

Став уже зрелым хоккеистом, Владимир Шадрин вспоминал: «Когда-то Всеволод Михайлович Бобров, в бытность старшим тренером “Спартак”, наставлял нас примерно так: “Большим мастером способен стать только тот, кто поймёт, что хоккей — не забава, что его нельзя делить с другими занятиями на равных, что это — главное дело, дело жизни”. Он не призывал нас отвлекаться от всего мирского, дав хоккею монашеский обет. Но всё это мирское должно быть в сознании спортсмена на втором, на третьем, на десятом месте».

Александр Якушев о своём любимом тренере рассказывал: «Когда Бобров тренировал “Спартак”, после тренировки мог побросать, обвести, буллит исполнить — мы стояли и смотрели во все глаза. Но ни разу за всё время он не говорил даже самому среднему игроку: мол, ты не можешь, да я в твои годы... Своё “я”

как великого игрока он вообще убрал. С точки зрения педагогики это было очень хорошо».

Знаменитый вратарь Николай Пучков начинал спортивную карьеру в ВВС под руководством играющего тренера Боброва. Спустя годы он дал такую оценку своему наставнику: «Думаю, свои тренерские способности он подтвердил и в дальнейшем. В частности, работая в “Спартаке”. Совершенно ясно, что Всеволод — это дар божий. Он, например, как-то сказал: “При выходе двоих против одного надо стремиться немедленно отдать пас, едва войдёшь в зону. Не тащи шайбу, не вызывай огонь на себя, а отдай, а там рвани — и всё будет в порядке”.

Для любого, кто хотя бы когда-то играл в хоккей, всё предельно понятно. И ведь даже Тарасов, который тоже очень хорошо понимал хоккей, не мог объяснить игроку задачу так доступно, как Бобров».

О работе Боброва со «Спартаком» Александр Нилин писал: «Нельзя сказать, чтобы он пришёл в совсем разрушенный “Спартак”. Его предшественник Александр Новокрещёнов поднял команду за два года с семнадцатого места на первое и передал Боброву бронзовым призёром.

Бобров, однако, шагнул на качественно новую ступень. Новокрещёнов одолел ЦСКА в сезоне, когда команда переживала спад, размагнитившись под нетвёрдой тренерской рукой.

Бобров же намеревался бить суперклуб, не знающий изъянов (разве что вратарь недотягивал до уровня сборной), и в шестьдесят седьмом году нашёл козыри для победы в равной борьбе, выиграв, кстати, в трёх из четырёх очных состязаний.

Бобров не привлекался к работе в сборной, он не был председателем тренерского совета, как Чернышёв, или заместителем председателя, как Тарасов. Но на заседаниях совета Всеволод Михайлович держался по-

хозяйски и манерами своими подавлял, не стесняясь в выражениях.

Бывшему — даже великому — игроку в качестве новоявленного тренера недолго и заробеть, подпав под дедовщину тех, кто в тренерском цехе сезоны и сезоны провёл. Бобров же вёл себя как “старослужащий”. Его несдержанного языка (он единственный, кто вслух называл Тарасова Троцким) побаивались...

На тренировках Бобров любил вдохновлять личным примером. Если упрекал за слабую результативность, то тут же ставил в ворота Зингера и сам откатывался к синей линии. “Витя, ты готов?” — бросал по диагонали, и шайба влетала в ближний угол. Старшинов потом задерживался после тренировки на два часа: лупил с этого же ракурса, но получалось много хуже. Зингеру надоедало — и он ставил вместо себя доску...

Бобров нашёл для старшиновского звена идеального третьего партнёра: Евгения Зимина — юного, более богемно-легкомысленного, но и более активно антитарасовского (что гарантировало от дедовщины в клубе: не забоявшийся Тарасова кого же испугается?) игрока, чей талант никто из разбирающихся в хоккее не оспаривал...

Бобров привил “Спартаку” игровую элитарность. И в самом понимании игры спартаковцы ставили себя никак не ниже несокрушимых бойцов из ЦСКА. При любом раскладе они не ощущали перед ними робости, что дорогого во все хоккейные времена стоило. «Этот “Спартак” Бобров создал, уникальный тренер, — отмечал Евгений Зимин в интервью «Спорт-экспрессу» (от 19 января 2018 года). — В 1967-м при Боброве мы ЦСКА на пять очков обошли, а в 1969-м уже без него золото взяли. Но его командой. Если б Бобров не расстался со “Спартаком”, лет пять мы точно никому чемпионство не отдавали бы».

Игроки «Спартака» были благодарны своему тренеру, но... в разной степени — от сдержанности до пылкости.

Вячеслав Старшинов, размышляя над природой чемпионских званий «Спартака», выделил успех Боброва: «Благодаря его работе со “Спартаком” мы и в 1969-м с Карповым во главе выиграли первенство как бы по накату. Но, как это ни парадоксально звучит, при всей своей гениальности великим тренером Бобров не стал. Однако игровая интуиция у него была просто удивительной. Какого бы хоккеиста он ни брал — всё в “десятку”! Ну и показать любой технический приём мог на поле».

Александр Якушев не скрывал восторженности и годы спустя. В своей книге он задался вопросом, на который сам же и ответил: «Вправе ли мы считать Боброва победителем в дуэли с Тарасовым? По-моему, безусловно, так и есть на самом деле. Дуэль длилась три года. Объективно состав “Спартака”, когда был приглашён Всеволод Михайлович, был слабее армейского. Добрая половина хоккеистов ЦСКА выступала за сборную, которая год за годом завоёвывала золотые медали на мировых чемпионатах и Олимпийских играх.

В этот период спартаковцы Виктор Зингер и Виктор Блинов закрепились в сборной, составив компанию Вячеславу Старшинову и Борису Майорову, мы с Виктором Ярославцевым стали игроками главной команды страны. Динамика выступлений “Спартака” была впечатляющей, мы прогрессировали во всех компонентах хоккея. И как закономерный итог — золото 1967 года...

Так вот, в сезоне 1967 года при Всеволоде Михайловиче мы стабильно набирали очки, борясь за лидерство в чемпионате страны; демонстрировали классный хоккей, который импонировал публике и от

которого мы сами получали удовольствие. Это был вообще самый красивый хоккей в исполнении “Спартак” за все семнадцать лет выступлений в родном клубе! Допускаю, что преувеличиваю, но именно таким запомнилось то спартаковское чемпионство.

Повезло ли нам с Бобровым? Несказанно! Тут двух мнений быть не может. Три года он трудился в клубе вдумчиво и кропотливо, требуя от нас и от себя максимум, цель наметил — привести “Спартак” к золотым медалям, одолев ЦСКА. И добился желаемого, причём убедительно. Сами армейцы из числа моих добрых знакомых признавали в 67-м, что мы превзошли ЦСКА и чемпионами стали по праву.

При Боброве мы полностью поверили в себя. Сплотились в единый коллектив. Явно слабых звеньев в командном механизме не было. Тренер сохранил и приумножил сильные стороны каждого и команды в целом, подтянул те компоненты, которые мешали прогрессировать. При нём мы чувствовали себя как за каменной стеной и одновременно находились под благотворным влиянием личности Всеволода Михайловича... Умел дирижировать мужским коллективом. Природа и в этом щедро одарила его».

Но вслед за панегириком последовало обескураживающее продолжение: «А вскоре после этого триумфа Всеволод Михайлович покинул спартаковский клуб. Это была даже не сенсация. Это было чрезвычайное происшествие!

Казалось, ничто не предвещало такого резкого поворота событий. Тренер радовался общему успеху не меньше нашего. Отчётливо просматривалась перспектива дальнейшей работы в клубе...

На фоне абсолютно ясного неба в майский погожий день внезапно разразилась гроза с молнией и градом, обдавшая нас, спартаковцев, ледяным холодом. Что же в действительности произошло? Какая была подоплёка

в его переходе из хоккейного “Спартака” в футбольный ЦСКА, обходившийся год за годом без медалей?..

В майские дни 67-го в городском обществе “Спартака” на Красносельской улице нас чествовали и награждали ценными подарками. Бобров был с нами. И вдруг во время церемонии, когда все присутствовавшие светились от радости, мы увидели, как по лицу Всеволода Михайловича потекли слёзы. Такие крупные мужские слёзы скатывались по щекам. Это был его последний рабочий день в “Спартаке”...»

Остро переживали расставание с тренером и ветераны.

«Его уход был для нас трагедией, — рассказывал Борис Майоров. — И главное, винить-то нам было некого, кроме самого своего кумира. Его не уволили, он ушёл сам, по собственному желанию без всяких кавычек. И мы были обижены страшно...»

Вячеслав Старшинов вспоминал: «В 1967 году, после окончания сезона, прощаясь с командой, Всеволод Михайлович очень долго молчал, а после молчания выговорил:

— Мне тяжело покидать коллектив...

Он стоял, опустив голову.

— Я вас очень полюбил...

Дальше он говорить не мог».

Версий на тему ухода Боброва возникло несколько. И все они, так или иначе, были связаны с соблазнами, которые побудили тренера вернуться в альма-матер. «Спартаковские» же причины ухода долгое время не озвучивались. Молчал и Бобров.

О причинах расставания Всеволода Михайловича со «Спартаком» поведал в интервью еженедельнику «Хоккей» в декабре 1995 года Евгений Зимин: «Тогда за победу в чемпионате игроки получали от Федерации премии. Но, кроме этого, хоккеистов поддерживали и другие организации. Профсоюзы, Моссовет, некоторые

предприятия обещали Боброву поощрить спартаковцев, если команда возьмёт золото. Но слова остались словами.

Всеволод Михайлович тогда сказал, что сделал всё, что в его силах, а почему обманули — не знал. Это, полагаю, и подвигло его на мысль об уходе, и Бобров принял футбольный ЦСКА. Ему было просто неудобно перед нами, игроками...»

Совестливый человек, Бобров почувствовал себя жестоко обманутым, игрушкой в чьих-то руках. Им обещанное не было выполнено, а никак повлиять на события он не мог. И это в момент триумфа...

Как обычно глубоко философский взгляд на эту ситуацию изложил в своей книге «Красная машина» Александр Нилин: «Тарасов знал, чем можно соблазнить Боброва — он тщательно изучал соперника, всегда смотревшего на него свысока, и отлично разобрался в человеческих слабостях Михалыча.

Это Анатолий Владимирович внушил руководству армейского клуба (а уже они тем, кто повыше) мысль пригласить Боброва тренером футбольного ЦСКА, и не просто тренером, но тренером-полковником. Интересно, что к середине семидесятых, оставшись не у дел в хоккее, Тарасов сам возьмётся тренировать футболистов, и ничего у него не выйдет.

Расчёт был на вынужденный прагматизм и на неизжитую детскую мечтательность. Первое сегодня понять попроще: Бобров насмотрелся на бедствия сошедших с круга спортивных знаменитостей и, хотя вряд ли допускал для себя повторения несчастливых судеб коллег, не возражал против гарантии материального благополучия до конца жизни, обещанного полковничьей пенсией.

Второго, при нынешнем отношении к армии, многим уже не понять: подумаешь, полковник — не велика

птица. Но тогда-то полковничья папаха для человека, заставшего войну, значила весьма многое. Знаменитость футбольная, как убеждала на каждом шагу жизнь, на мгновение, а чин полковника означал приобщение — и надолго — к “истеблишменту”. К тому же чин полковника и великим тренерам присваивался крайне неохотно. Тарасова, например, кто-то из военных министров никак не соглашался сделать полковником — рука не поднималась подписать приказ...

В общем, Анатолий Владимирович устранил конкурента наиболее приятным для того способом».

Сия конспирологическая версия представляется умозрительной. К тому же обладателем полковничьей папахи Бобров стал только летом 1970 года, когда он уже не был тренером ЦСКА.

По мнению автора, причиной ухода Боброва наряду с глубокой обидой явилось его стремление быть футбольным тренером.

В ШАГЕ ОТ ПОБЕДЫ

Армейцы начали сезон 1967 года ни шатко ни валко, а в мае команда и вовсе «посыпалась» — проиграла четыре матча подряд. Второй сезон её возглавлял Сергей Иосифович Шапошников, выдвинутый на повышение после многих лет успешной работы в недрах армейского футбола. Ответственный человек, квалифицированный специалист, он старался проявить себя и на новом уровне, но опыта работы с армейскими командами Одессы и Львова в классе «Б» оказалось недостаточно. Хотя в предыдущем чемпионате ЦСКА занял пятое место и выглядел вполне пристойно.

Шапошников привёл за собой из львовского СКА перспективных футболистов Степана Варгу, Богдана Грещака, Владимира Капличного, Владимира Дударенко, Тараса Шулятицкого, а также достаточно опытного Иштвана Секеча. Из той же команды уже при Боброве был переведён Марьян Плахетко. Но лишь трое — Капличный, Дударенко и Плахетко — сумели себя проявить и надолго закрепиться в составе. Дальше других шагнул Капличный, закрепившийся в сборной страны. Дебютировал он в сборной уже при Боброве. Эта деталь важна в свете дальнейших событий.

Цепь неудач продолжилась и после того, как в конце мая команду принял Бобров. Пять матчей за месяц — пять поражений, 17-е место в таблице! Было от чего схватиться за голову...

Всеволод Михайлович немало удивился, узнав, что в подготовительный период футболисты ЦСКА ни разу не провели кросс, сделав упор на работу с мячом. «Индивидуальная работа с мячом — это похвально, но разве можно забывать о беговой и атлетической

подготовке. Именно из-за плохой функциональной подготовки в майских матчах у армейцев не наблюдалось взаимозаменяемости и подстраховки. Элементарно не хватало сил», — констатировал он. Пришлось исправлять недочёты подготовительного периода по ходу сезона.

Боброву удалось вывести команду из кризиса, армейцы финишировали девятыми и добрались до финала Кубка СССР. На пути к нему они в отличном стиле переиграли лучшую команду тех лет киевское «Динамо» — 3:0.

Перед решающим матчем Всеволод Михайлович сделал всё возможное, чтобы футболисты сбросили напряжение. Часть дня они провели на ВДНХ, где их вкусно накормили, а вечером на базу ЦСКА в Архангельское приехал по просьбе Боброва Владимир Высоцкий, давший продолжительный концерт армейским футболистам и хоккеистам.

Увы, в кубковом финале ЦСКА не смог оказать серьёзного сопротивления московскому «Динамо», уступив со счётом 0:3. В том матче команду в двух случаях не смог выручить вратарь Лев Кудасов. И хотя в ЦСКА был ещё и опытный голкипер Йонас Баужа, стало ясно, что вратарская позиция нуждается в усилении.

Незадолго до окончания чемпионата Всеволод Бобров дал интервью еженедельнику «Футбол», где поделился своими тревогами и надеждами: «Незачем, да и невозможно требовать от нашей команды после всех передряг сразу призового места. Конечно, было бы недурно поставить Кубок в витрину нашего клуба. Но справедливости ради надо сказать, что нынешнему составу ЦСКА ещё рановато иметь такие призы...

Мне приходилось готовить хоккейную команду к особо принципиальным встречам. Но в футболе, поверьте, всё иначе. И аудитория, перед которой

встречаются спортсмены, гораздо обширнее, и общественный резонанс куда сильнее...

Футболисты просто-напросто оказались физически недостаточно подготовленными к сезону. Они были не в силах в майских матчах поддерживать высокий темп на протяжении полутора часов. Это раз. И второе. Говорить о смене поколений в ЦСКА вроде бы рано, однако весенние неудачи были вызваны также и неправильной подготовкой резервов, неверным подбором игроков....

Когда мы все вместе переживали чувствительные неудачи, уже тогда мне стало ясно, что в команде — хорошие спортсмены, правильно понимающие дружбу. Стоило добиться каких-то успехов, и отношения наши ещё более окрепли. Мне это особенно по душе.

Что касается состава, то обновление, если потребуется, будет идти за счёт игроков армейских и флотских команд...»

Слова Боброва не разошлись с делом. В следующем сезоне форму ЦСКА надели лишь два именитых новичка. Место в воротах армейцев занял Юрий Пшеничников из ташкентского «Пахтакора», который тогда являлся основным голкипером сборной СССР. Появился в команде и ещё один игрок сборной — универсальный защитник Валентин Афонин из ростовского СКА.

Остальные новобранцы были рекрутированы из низовых коллективов. Этой линии Бобров придерживался все три года руководства командой. Из команд высшей лиги в ЦСКА для выступлений в сезоне 1969 года были приглашены ещё только нападающие Берадор Абдураимов из «Пахтакора» и Юрий Вшивцев из московского «Динамо», но Абдураимов год спустя (Боброва уже не было в команде) вернулся домой, не нашёл себя в новом коллективе и Вшивцев.

В то же время Боброву удалось раскрыть способности никому прежде не известных полузащитников Анатолия Масляева и Валентина Уткина, форварда-бомбардира Бориса Копейкина. Все названные прочно вошли в состав, который в 1970 году завоевал чемпионское звание. Вот только случилось это уже без участия Всеволода Михайловича...

Среди приглашённых Бобровым был и никому тогда не известный форвард из Кемерово Виталий Раздаев. Впоследствии он стал рекордсменом первой лиги по числу забитых мячей, а ещё поражал долголетием в футболе, хотя и был подвержен вредным привычкам.

На страницах еженедельника «Футбол-хоккей» (№ 34 за 1980 год) Раздаев вспоминал: «Тренировал нас Всеволод Михайлович Бобров. Представляете? Я ведь и мечтать не смел, что судьба сведёт меня с Бобровым. А он, казалось, в мою душу заглянул и этак спокойно, словно знает меня по крайней мере десятков лет, произнёс: “Играй, как считаешь нужным. Не стесняйся бить по воротам. Смажешь — ругать не буду, ну а если побоишься, тогда уж...”».

В 1968 году подопечные Боброва финишировали четвёртыми, уступив бронзовые медали столичным автозаводцам лишь по разности забитых и пропущенных мячей.

Торпедовцы сыграли в последнем туре вничью в Тбилиси. Это был один из тех матчей, где у каждой команды есть свои конкретные задачи. «Компромисс» был найден. Гости получили столь необходимое им очко, а форвард хозяев Гоча Гавашели забил нужные ему два гола, чтобы не отстать в бомбардирской гонке от Абдураимова.

Пятеро армейцев вошли в список «33 лучших» игроков страны. Это были вратарь Юрий Пшеничников и защитники Альберт Шестернев, Валентин Афонин,

Юрий Истомин и Владимир Капличный. Все они входили в состав сборной СССР на чемпионате Европы.

Куда хуже обстояли дела в атакующей линии, о чём Всеволод Михайлович высказался на страницах «Футбола-хоккея»: «Организация атакующей игры остаётся нашей задачей. Мы и работаем в этом направлении. Но полностью решить эту задачу можно лишь в том случае, если все узлы и шестерёнки командной игры будут отрегулированы. Другими словами, атака наша станет грозной, когда ЦСКА превратится в стройный, сыгранный, со своим лицом ансамбль».

Отрегулировать «узлы и шестерёнки», имея в центре защиты такого столпа, как капитан команды Альберт Шестернев, было нетрудно, а вот игра форвардов так и осталась предметом беспокойства тренера: «Много надежд возлагалось на Владимира Федотова (сына Григория Федотова. — *М. Щ.*). Но из-за весенних травм он потерял форму, а позднее и свою игру. У него не было налаженных связей с партнёрами. Пришлось команде даже иногда выходить на поле без Федотова. Я много думаю о будущем нашей атаки. Вижу, что мы недосчитались многих голов, ведь верных моментов создавалось вполне достаточно...»

Проблемами в атаке и объяснялось приглашение Абдураимова и Вшивцева. В октябре 1969 года Бобров в интервью «Футболу-хоккею» рассказывал: «Линия нападения в том виде, в котором она летом чаще всего появлялась перед поклонниками ЦСКА, возникла лишь в этом году. К Жигунову прибавились Абдураимов и Копейкин... Абдураимов пришёл из команды, которая всю игру строила на него. Мы в ЦСКА действуем при атаке в ином ключе. Абдураимову необходимо время, чтобы перестроиться. К тому же его как лучшего бомбардира прошлогоднего сезона защитники всех

команд сторожат куда внимательнее, чем прежде... Его игра слишком часто зависит от настроения.

Наконец, ещё один наш нападающий — Копейкин. Он никогда прежде не выступал в первой* группе. Тоже неровно играет, недостаёт опыта.

Как видите, у нас совершенно разные по стилю, по игровой манере нападающие. Добавьте к ним ещё Дударенко, который никак не может восстановить былую форму после прошлогодней травмы, и Вшивцева, чья игра расклеилась. Мы надеялись, что появление в линии атаки Федотова резко усилит её игру, но этого не произошло. Для наигрывания любой линии, а особенно нападения, требуется немало времени».

В 1969 году ЦСКА занял шестое место. Команда могла рассчитывать на большее, но в последних восьми матчах не одержала ни одной победы. Этот малоудачный финиш затмил в глазах армейского начальства всё то положительное, что было сделано на пути становления команды, и Бобров был отправлен в отставку.

Однако помимо невразумительной игры на заключительном этапе турнира была ещё одна причина отставки. В своей книге журналист Владимир Пахомов писал: «Нельзя сказать, что команду раздирали противоречия. Бобров был строг по отношению к нарушителям порядка, никогда у него не было игроков, которым он прощал нарушения. В команде существовал совет из наиболее опытных футболистов. Но в каждом спортивном коллективе есть недовольные тренером — одни больше, другие меньше. Одно дело, когда недовольство выражают спортсмены, не отличающиеся дисциплиной, случайные в команде люди. Но вот недовольство со стороны известных мастеров опасно для тренера».

Кого же имел в виду Пахомов? «Боброву нелегко было в первую очередь с Владимиром Федотовым, который однажды стал самым метким игроком чемпионата СССР. К сожалению, критика со стороны Боброва казалась этому футболисту, человеку честному и легкоранимому, излишней, неоправданной. Нетрудно представить, как случайными слушателями воспринималось недовольство Федотова старшим тренером...

Бобров считал, что у сына его замечательного партнёра нет характера, отсюда и вся проблема. Уж кто-кто как не Бесков мог ввести в сборную Федотова, который под его началом занимался в футбольной школе Центрального стадиона имени Ленина. Тем более что это был старательный ученик, буквально благоговевший перед Бесковым. Но даже Константин Иванович, вроде бы ни в чём не упрекавший Федотова, не набрался решимости взять Володю в сборную СССР...

Нередко случались встречи, в которых Владимир Федотов не до конца выполнял “бобровские” установки на матч, бывало, что он не участвовал в попытках команды найти победную игру... Но Всеволод быстро остывал и никогда не ставил вопрос “или-или”, поднимаемый иными тренерами в аналогичных ситуациях в отношении некоторых игроков. Тем не менее руководители ЦСКА, спортивного комитета Министерства обороны порой укоряли, правда вскользь, Боброва: “И чего это вы с Федотовым между собой не поделили?”».

Невозможно представить, чтобы Бобров относился к Федотову-младшему с предубеждением. В своей книге он писал: «А в команде ЦСКА на том же самом месте, в центре линии нападения, мы видим русоголового коренастого юношу, который и лицом, и манерой игры, и огромной целеустремлённостью похож на своего знаменитого предшественника. Что ж, в этом нет

ничего удивительного: ведь это сын Григория Ивановича — Володя Федотов. Я помню, как много лет назад в дальних поездках, в гостиницах своих и чужих городов Григорий Иванович доставал фотографии пухлого весёлого мальчугана и с гордостью говорил: «Вот, вырастет — займёт моё место. Хочу, чтобы тоже любил футбол». И вот мечта сбылась. Династия Федотовых продолжается».

Книга «Самый интересный матч» вышла в 1963 году, а уже через год Всеволод мог гордиться отпрыском знаменитого отца, когда тот стал лучшим бомбардиром чемпионата страны.

Скорее можно допустить, что к отсутствию взаимопонимания с тренером со стороны Федотова-младшего могла привести неприязнь, возникшая со слов матери, считавшей Боброва косвенным виновником кончины отца.

«До Боброва доходили слухи, что Валентина Ивановна Федотова обвиняет его в необъективном отношении к мужу в последние месяцы его жизни, — вспоминал Владимир Пахомов. — На её взгляд, Боброву, в то время начальнику команды ЦСК МО, следовало уступить своё место в составе делегации, направляющейся в Англию, её мужу, но он этого не сделал...

Бобров сердился, на какой-то миг ему казалось, что происходящее с Володиёй — результат козней его близких родных: матери и трёх её братьев, известных футболистов Жарковых — Георгия, Василия и Виктора...»

Исключать предположение о влиянии матери мы не будем. Сам же Владимир Федотов говорил в интервью «Спорт-экспрессу» в декабре 1997 года следующее: «Как и все, я искренне уважал Боброва, а вот ответной симпатии не ощущал. Почему? Я сам себе задавал этот вопрос, но точного ответа не находил. Возможно, это

было связано с непростыми отношениями Боброва с моим отцом. Говорят, что когда они играли, то, будучи равновеликими звёздами, ревниво относились друг к другу. Мне трудно об этом судить, но я точно знаю, что папа никогда никому не завидовал».

Стало быть, мнительный Федотов-младший считал, что Бобров относится к нему предвзято из-за каких-то давних неурядиц с его отцом. Но обратим внимание: Валентина Ивановна Федотова стала возводить на Боброва напраслину после безвременной кончины мужа, а при жизни Григория Ивановича никаких критических замечаний в адрес Боброва ни разу не высказывала.

В подтверждение приведём её слова в интервью тому же «Спорт-экспрессу»: «Да, конечно, Бобров был хорош. Но не сильнее, чем Федотов. У них, кстати, были прекрасные отношения. Всеволод не раз говорил, что заиграл он во многом благодаря Грише».

Остаётся предположить, что кому-то было выгодно вбить клин между тренером и футболистом, используя подверженность Федотова-младшего рефлексиям. Как человек, уже умудрённый жизненным опытом, Всеволод Михайлович мог бы, вероятно, сделать шаг навстречу, но ему, прекрасному, не могла прийти в голову мысль о чьих-то кознях, отравляющих сознание игрока. Вины за собой он не чувствовал, никакой намеренности в его претензиях к Владимиру не было...

Если Федотов, так или иначе, являлся одним из ведущих игроков команды, то вторым возмутителем спокойствия оказался защитник Владимир Пономарёв. Его лучшие годы в футболе были уже позади, но мучимый травмами игрок в удовольствии высказаться себе не отказывал.

Вновь процитируем Владимира Пахомова: «Пономарёв всегда любил поворчать — на погоду, на грунт стадиона, где должна состояться игра, на

партнёров, вовремя не возвращающихся назад, чтобы отстаивать ворота, на судей, злоупотребляющих свистками, наконец, на тренеров, миндальничающих с нерасторопными игроками и плохо понимающих футбол».

Уже много лет спустя Владимир Пономарёв сокрушался: «Какие же мы неблагодарные были: на Боброва ворчали. На такого человека жаловались! Нам бы на себя посмотреть, оглянуться вокруг, а мы славного человека виновником неудач считали, без оснований спешили стать чемпионами. Вроде бы добились в конце концов своего — Боброва не стало в команде. А что толку? Правда, через год футболисты ЦСКА стали чемпионами. Но не благодаря ли Боброву, им заложенному составу? Потом дух Боброва исчезал, игроки, приглашённые им или при нём закрепившиеся в составе, сходили, переходили в другие клубы, и стабильных результатов у ЦСКА больше не стало...»

Подобные запоздалые раскаяния встречаются нередко. В данном случае игроков даже трудно упрекнуть, никаких предосудительных поступков они не совершали. Всего лишь «бухтели», выплёскивая на людях отрицательные эмоции. Но это использовали те, кто был заинтересован в смещении Боброва, что со временем и осознал Пономарёв.

Вот резюме Пахомова, с которым нельзя не согласиться: «Играй команда ЦСКА сильнее, собирай она более весомый урожай очков, некоторые претензии футболистов, того же Федотова или Пономарёва, к своему старшему тренеру остались бы без внимания, повисли бы в воздухе. Атак, послушав иных футболистов, некоторые именитые и влиятельные поклонники ЦСКА делали вывод, что именно из-за Боброва, его неумения руководить командой проистекают неудачи, замедляется восхождение на пьедестал почёта».

Особенно огорчителен тот факт, что оба недовольных тренером были людьми позитивными, и это подтвердили дальнейшие годы. Это не просто констатация, а весьма важный нюанс. Впоследствии Боброву придётся столкнуться с игроками, чьи нравственные устои были совершенно иными...

Чемпионом страны ЦСКА стал под водительством Валентина Николаева. В середине 1960-х он дважды приводил армейцев к бронзовым медалям, но затем, встав поперёк вопиющему произволу начальства в кадровом вопросе, был отправлен «в ссылку» — в хабаровский СКА.

Елена Боброва вспоминала, что Николаев постоянно звонил с просьбами посодействовать его возвращению с Дальнего Востока. И Бобров добился «реабилитации» давнего товарища — того вернули в Москву и сделали главным тренером Вооружённых сил. Случалось быть в этой роли и Боброву. Звучит эта должность вроде бы громко, но на самом деле оказавшийся на ней пребывал в ожидании нового назначения, находился в резерве. Как раз в 1970-м произошла рокировка: Николаев и Бобров поменялись местами.

Бывший партнёр добился успеха практически тем же составом. Сформирован он был Бобровым, а лавры стяжал Николаев. Надо ли говорить, как обидно было Всеволоду Михайловичу. Но ещё более расстроило его, что триумфатор не пригласил верного друга на чествование команды. К Боброву заглянул другой одноклубник из «команды лейтенантов», Алексей Гринин, который шёл на торжественное мероприятие, но Бобров отверг предложение составить компанию.

Елена Боброва рассказывала: «Поздно вечером после банкета ребята пришли к нам под балкон — кричали, стреляли шампанским... Вот тогда я увидела слёзы Севы. Поначалу-то он даже выходить не хотел на

этот балкон. Вышла я, а там все-все-все... Кричу им: «Все к нам!» Быстренько накрыла стол».

В адрес Николаева она высказалась коротко: «После этого так себе стало общение. Хотя соседи».

В заслугу Валентину Александровичу Николаеву нужно, несомненно, поставить то, что ему удалось решить «проблему» Владимира Федотова. Он нашёл одарённому футболисту позицию связующего игрока между нападающими и полузащитниками, впоследствии получившую название «под нападающими». В этом качестве Николаев, которому было одновременно доверено руководить сборной СССР, привлекал Федотова-младшего в сборную, где тот провёл несколько успешных матчей.

Что касается назначения вместо Боброва, Николаев в своей книге высказался вполне ясно: «Команда ЦСКА к тому времени заняла в чемпионате шестое место, и это был очень удобный момент снять, наконец, неугодного Боброва с должности старшего тренера. Всеволод Михайлович уходил с горечью, но по отношению ко мне, принявшему от него коллектив, зла не таил, понимая, что мы оба оказались пешками в задуманной “сверху” игре».

Мог ли Николаев предположить свой скорый триумф? Ничего не предвещало подобного. Пребывая в звании инженер-полковника, Валентин Александрович не посмел ослушаться приказа армейского начальства. Взял под козырёк и был вознаграждён. Его чемпионство было отмечено званием заслуженного тренера СССР, а по ходу сезона и производством в старшие тренеры сборной страны. Блестящий рывок в карьере, а подпорченные взаимоотношения с давним другом — такое в жизни случается. Николаев считал, что совесть его чиста, он никого не подсиживал, выбор сделали за него...

С Николаевым в период подготовки своей книги побеседовал Анатолий Мурадов: «Я думаю, — говорил Николаев, — что как хоккейный тренер Бобров был посильнее. Но и футбольным тренером он был хорошим. Во-первых, он пользовался огромным авторитетом у игроков. Я принял команду у него, я это чувствовал. Хотя он иногда мог позволить себе некоторые поблажки: мог опоздать или вообще не прийти на тренировку, передоверив её второму тренеру. Но ему всё прощалось, потому что человек он был очень хороший: добрый, мягкий... Никого никогда по-настоящему не наказывал. Иногда и надо было бы, но он не мог — такой был человек по своему характеру.

Во-вторых, сильной его чертой было то, что он очень много давал футболистам в игровом плане. Тут Бобров был очень силен: показать, рассказать, подсказать...

Если бы ему дали поработать три-четыре года, я уверен, он вывел бы команду в чемпионы...»

ВЫЗОВ БРОШЕН

В 1970 году Всеволод Михайлович Бобров перешёл на службу в спорткомитет Министерства обороны. Деятельность в качестве главного тренера Вооружённых сил по футболу или хоккею была ему хорошо знакома, однако председатель спорткомитета генерал-майор Николай Кошелев обозначил должность иначе: главный тренер Вооружённых сил по спортивным играм. В круг обязанностей Боброва входило наблюдение не только за футболом и хоккеем, но и за баскетболом, волейболом, гандболом и водным поло.

Преодолевать трудности Боброву было не впервой. Он немедленно включился в работу, начал вникать в проблемы армейских команд по всем игровым видам спорта. Ему удалось найти общий язык с заместителем министра обороны, главнокомандующим сухопутными войсками генералом армии Иваном Григорьевичем Павловским, который курировал армейский спорт.

Значительное внимание Всеволод Михайлович уделял мужской баскетбольной команде ЦСКА, которая вела тогда острую борьбу с набиравшим силу ленинградским «Спартакoм». Именно Бобров во многом способствовал возвращению на пост старшего тренера Александра Гомельского. Когда баскетболисты стали чемпионами страны, одним из самых желанных гостей на их чествовании был Бобров (как не вспомнить отношение к нему со стороны футбольного ЦСКА!).

Бобров регулярно выезжал на армейские чемпионаты по футболу и хоккею. Благодаря ему значение этих соревнований заметно возросло.

Владимир Пахомов писал: «Своим появлением на чемпионатах Вооружённых сил Бобров запомнился не

только участникам и тренерам. Его приезд в соответствующий город становился событием. Командующие войсками округа на время оставляли свои дела, чтобы встретиться с Бобровым. Поначалу они шли на встречу с ним как с прославленным футболистом и хоккеистом. Кому не хотелось услышать из первых уст воспоминания о том, как играли московские динамовцы на Британских островах осенью 45-го или как советские хоккеисты, в 54-м впервые встретившись с канадцами на первенстве мира, победили их со счётом 7:2.

Бобров обладал способностью вести беседу на любом уровне, своей душевностью и мудростью вызывать симпатию собеседника. На него шли просто взглянуть, пожать руку, забывая о воинской субординации. Он привлекал незнакомых людей рассудительностью, глубиной мыслей и суждений настолько, что разговор с ним обычно затягивался.

Генералы не жалели о времени, потраченном на встречу с Бобровым. Они уходили, получив рекомендации в отношении хоккейной или футбольной окружной команды, узнав о последних работах медиков или психологов. Позднее к генералу Кошелеву приходили благодарности в адрес Боброва, а очевидцы рассказывали, насколько к лучшему менялось после визита Боброва отношение в том или ином военном округе к своим футболистам или хоккеистам...

Будучи от природы любознательным, Всеволод всегда всем интересовался и на новом для себя месте оказался верен своей натуре всё схватывать на лету — быстро научился составлять отчётные документы, заявки, планы командировок. Со стороны глянешь, ни дать ни взять исполнительный чиновник, да ещё у него очки появились, когда усаживался за письменный стол. Даже не верилось, что обработкой бумаг занимается гроза самых знаменитых в мире футбольных и хоккейных вратарей...

Где бы ни оказывался Бобров, в любом коллективе к нему всегда тянулись люди. С ним было интересно работать, интересно тренироваться, дружить, быть его знакомым. Сослуживцы, специалисты, спортивные работники ценили Боброва за деловитость, знание законов спорта, широкий кругозор. Помимо природной смекалки, пытливости, давали себя знать годы учёбы в Военно-воздушной академии, а затем на военном факультете института физкультуры имени Лесгафта в Ленинграде».

Однако при его заинтересованном и добросовестном отношении к службе в армейском спорткомитете душа Всеволода Михайловича тосковала по практической работе в спорте, он стремился вернуться к тренерской деятельности. И эти чаяния сбылись.

Весной 1971 года Бобров был откомандирован в отдел хоккея Спорткомитета СССР, где получил назначение старшим тренером олимпийской сборной. При этом звание полковника (он стал им в июле 1970 года) ему было сохранено. Подобная практика редко, но применялась. В таком же положении оказался Константин Бесков, когда по решению партийных органов в 1977 году из «Динамо» был переведён на работу в «Спартак».

Инициаторами приглашения Боброва были начальник отдела хоккея Андрей Старовойтов и ответственный секретарь Федерации хоккея СССР Кирилл Роменский.

С Роменским судьба свела Боброва в годы работы с хоккейным «Спартаком». Тогда тот являлся заведующим отделом спортивных игр горсовета «Спартак». Со Старовойтовым знакомство было более давним. В послевоенные годы они с Бобровым являлись одноклубниками, вместе играли в хоккейной команде ЦДКА. Затем Андрей Васильевич стал авторитетным

хоккейным арбитром, после чего много лет представлял страну в Международной федерации хоккея.

Остро переживавший за судьбу отечественного хоккея, глубоко знавший его проблемы, Старовойтов понимал, что успешная работа со сборной Аркадия Чернышёва и Анатолия Тарасова близится к завершению. Маститые тренеры устали, о чём они уже неоднократно заявляли, непобедимая команда нуждалась в обновлении, для чего нужен был свежий взгляд. К тому же не за горами был сезон 1972 года, в котором сборной предстояло преодолеть два пика — Олимпиаду и чемпионат мира, впервые хоккейный форум был разнесён на два отдельных соревнования. Для этого, полагал Старовойтов, потребуются две сборные.

В качестве помощника Всеволод Михайлович пригласил своего бывшего партнёра Виктора Шувалова. Этот талантливый спортсмен перенёс не один удар судьбы. После преждевременного, как считал Шувалов, отчисления из армейского клуба он избрал тренерскую стезю. Несколько лет Виктор Григорьевич весьма успешно работал с командой СКА из Калинина (нынешняя Тверь), которую вывел в высший хоккейный эшелон. К тому же в начале 1960-х она давала неплохое пополнение в ЦСКА.

Расстаться с этой командой Шувалову пришлось не по своей воле. Когда калининцы находились в Челябинске, несколько хоккеистов устроили пьяный дебош в гостинице, в результате чего попали в милицию. Шувалов в это время навещал родственников, но карающий меч правосудия не пощадил и его. Событие получило широкую огласку, команду расформировали и исключили из класса «А».

Невинно пострадавшим оказался Шувалов, являясь наставником «Кристалла» из подмосковной Электростали. На сей раз несколько его подопечных

«отличились» на Курском вокзале. Хоккеистов наказали, а Шувалова отстранили от работы с командой.

«Иной тренер порхает из города в город, с необыкновенной лёгкостью меняет одно спортивное ведомство на другое, и всё ему нипочём. А Виктор, умный, принципиальный, высоко порядочный всегда и во всём, то и дело спотыкается, — переживал за друга Всеволод Бобров. — Формально он не виноват. Сидел дома, смотрел по телевизору новый детектив, а в этот момент его хоккеисты на стоянке такси оскорбляли инвалида. Но такая уж наша тренерская доля — мы за всё в ответе...»

Шансы вновь стать старшим тренером у ошельмованного Шувалова были невелики. Его позвали помогать Николаю Карпову в московском «Спартаке», и этой тренерской связке удалось привести в 1969 году команду к чемпионскому званию. Однако долго в «Спартаке» тренеры не держались, и пришлось Шувалову перейти на работу завучем в школу воскресенского «Химика», где его и застало предложение Боброва.

Этот тандем во главе олимпийской сборной просуществовал недолго. Кандидатуру Шувалова не утвердили бдительные кадровики. На Олимпиаду в Саппоро отправились Всеволод Бобров и другой его бывший партнёр Николай Пучков, ставший к тому времени тренером СКА (Ленинград).

Однако прославленные хоккеисты, чья команда звалась «олимпийской», оказались в Японии не во главе сборной, а в качестве наблюдателей. Опасаясь за исход турнира, спортивные руководители не рискнули доверить участие в Олимпийских играх подопечным Боброва, сделав ставку на проверенных бойцов. И следует, вероятно, признать их правоту, поскольку обеспечить победу в таком идеологически важном

соревновании, как Олимпиада, «дублёры» вряд ли могли. Но вскоре после возвращения триумфаторы Чернышёв и Тарасов подали в отставку. На чемпионат мира в Прагу сборную СССР повезли Всеволод Бобров и Николай Пучков.

Наблюдая за матчами олимпийского турнира, Бобров не терял времени даром. Предметом его беспокойства стали даже не визуальные впечатления, а статистические показатели: в Саппоро сборная не выиграла ни одного третьего периода.

«Как могло случиться, что в составе оказалось шесть игроков старше тридцати лет? — недоумевал Бобров. — Вот это и сказалось на результатах третьих периодов. А ведь чемпионат мира в Праге будет в два раза длиннее олимпийского турнира».

Понимал Бобров и то, что в родных стенах сборная Чехословакии будет выглядеть гораздо сильнее, чем в Японии. После событий 1968 года встречи с советской командой являлись для хоккеистов из Чехословакии «битвой народов».

К тому же просочилась информация, будто соперники на политическом уровне просили в Саппоро у советской сборной ничью, что позволило бы им занять второе место, но вечный воитель Анатолий Тарасов с гневом отверг подобный компромисс, после чего окончательно превратился для Праги в персону нон-грата.

Ныне эта история, подаваемая под определённым углом, кочует из одного интервью заинтересованных лиц в другое и принимается поверхностно знающими историю хоккея на веру. Более того, навязывается точка зрения, что занятая им принципиальная позиция стоила Тарасову поста тренера сборной.

Укоренилось мнение, будто бы советская команда стала победителем Олимпиады досрочно. На самом

деле перед последним туром, в котором встречались сборные СССР и Чехословакии, наши хоккеисты были впереди лишь на одно очко. Ничья в заключительном матче турнира могла устроить обе стороны, но рисковать, понимая остроту отношений с «братьями по лагерю», наши тренеры были не вправе. Что и подтверждает информация из закрытых источников, где попытки чехословацкой стороны заключить сделку названы «явной провокацией».

К чести Аркадия Чернышёва и Анатолия Тарасова следует сказать, что на их счету не было «договорных» матчей, но в данном случае условия диктовала турнирная ситуация, а вовсе не принципиальность Тарасова.

Рассмотрение причин ухода из сборной Чернышёва и Тарасова не входит в задачи данной книги. Чернышёв, по признанию трёхкратного олимпийского чемпиона Виталия Давыдова, ещё в самолёте, направлявшемся в Токио, сообщил своему ученику, что твёрдо решил уйти после Олимпиады из сборной. Тарасов проявил солидарность со старшим тренером, но некоторые свои замыслы широко не афишировал.

Аркадий Иванович Чернышёв в качестве старшего тренера приводил сборную СССР к победам на четырёх Олимпийских играх! Это достижение является уникальным в истории мирового спорта. В игровых видах спорта есть ещё только один тренер, который добивался подобного успеха, — специалист по водному поло хорват Ратко Рудич. Но тренировал он разные сборные — Югославии, Италии и Хорватии, а Аркадий Чернышёв одну-единственную — сборную СССР.

В рядах сборной на чемпионате мира в Праге не оказалось двух ветеранов — защитника Виталия Давыдова и нападающего Анатолия Фирсова. Официально прозвучало, что оба отсутствуют по

медицинским показателям. Врачи и в самом деле констатировали усталость трёхкратных олимпийских чемпионов. Но были и иные причины.

Давыдов прозорливо принял решение завершить выступления за сборную и сосредоточиться на делах «Динамо», где пребывал в статусе играющего тренера. Фирсов же, не мысливший себя в отрыве от Тарасова, стал в кулуарах высказывать недоверие новым тренерам. А затем вдруг заявил, что не может играть под руководством человека, который сообщил финским журналистам о том, что он, Фирсов, будто бы болен раком желудка. Как родилась эта вульгарная версия с обвинением Боброва, чья это была провокация, история умалчивает, но Фирсов повторял её и спустя годы.

Если Аркадий Чернышёв выразил неудовольствие в печати по поводу отсутствия в Праге Давыдова и Фирсова и этим всё ограничилось, то Анатолий Тарасов вёл себя иначе: во всеуслышание говорил, что будет содействовать новым тренерам сборной, а на самом деле пытался помешать их работе. На это в своей книге указывает Владимир Пахомов, ссылаясь на докладную начальника Управления спортивных игр Спорткомитета СССР Валентина Сыча, направленную председателю комитета Сергею Павлову 3 апреля.

Перелагая канцелярский стиль на общедоступный, Пахомов писал: «Тарасов 21 марта позвонил комсоргу сборной СССР Игорю Ромишевскому и предложил ему срочно собрать комсомольское собрание и принять решение об исключении из состава команды Валерия Васильева и Александра Гусева, которые, по его словам, недостойны защищать честь советского хоккея на чемпионате мира (ранее Тарасов и Чернышёв полностью согласились с предложенным Бобровым составом). Кроме этого, Тарасов потребовал от Ромишевского после собрания сообщить фамилии игроков, которые выступили бы в защиту того и другого защитника.

На состоявшемся очередном комсомольском собрании Александр Рагулин, Игорь Ромишевский, Валерий Харламов, Виктор Кузькин, Борис Михайлов заявили, что Васильев и Гусев по праву должны быть в составе сборной СССР.

Тогда же Тарасов, как следовало из докладной записки Сыча, неоднократно требовал от Кузькина, Рагулина и Ромишевского просить включить в состав Анатолия Фирсова, видимо забывая, что каждый тренер может иметь свой взгляд на комплектование сборной. Сыч считал, что действия, предпринимаемые Тарасовым, на словах согласившегося с кандидатурами, имели целью внести в ряды игроков сборной нервозность, подорвать их веру в правильность подобранного состава.

Сыч приводил примере Владимиром Викуловым, который в четырёх товарищеских матчах в Финляндии и Швеции не проявил бойцовских качеств, практически не играл в пас с новым партнёром по звену — Александром Мальцевым. Оказалось, что опытейший Викулов, находясь под влиянием Тарасова, сомневался, сможет ли Бобров привести команду к победе».

Все упомянутые в докладной Сыча тарасовские «уколы» имели отнюдь не случайное направление. Попытка заступничества устами наиболее авторитетных игроков за своего многолетнего любимца Фирсова совершенно понятна.

Молодые защитники Васильев и Гусев и в самом деле не отличались примерным поведением. Более того, Валерий Васильев за нарушение спортивного режима был в декабре 1970 года выведен из состава сборной по инициативе Тарасова и «амнистирован» год спустя. Возникает вопрос: почему нужно было вновь шельмовать игравшего на Олимпиаде Васильева, а заодно с ним и Гусева именно перед мировым первенством?

Что касается Викулова, то он тогда попросту «заблудился». К этому приложил руку и Фирсов, который являлся гуру для своего постоянного партнёра. Впрочем, афронт Викулова продолжался недолго, и тройка Викулов — Мальцев — Харламов вошла в символическую сборную пражского чемпионата.

В сезоне 1972 года Тарасов решился на очередной эксперимент. Он «перетасовал» состав армейских троек, входивших в сборную. Партнёром Бориса Михайлова и Владимира Петрова стал молодой Юрий Блинов, а Валерий Харламов присоединился к Викулову и Фирсову, причём всегда игравший на левом краю Фирсов стал действовать на позиции центрального нападающего. Выступление изменённых звеньев на Олимпиаде получило высокую оценку.

Участник той Олимпиады вратарь Александр Пашков на вопрос, почему в Саппоро Тарасов разбил тройку Михайлов — Петров — Харламов, ответил так: «В таких делах он был мастак, тонко чувствовал, когда надо завести игроков. Петров с Михайловым обиделись, что вместо Валеры к ним поставили Юру Блинова. Заработали так, что пар шёл из ушей! Плюс мы получили ещё мощное звено, Харламов сразу сыгрался с Фирсовым и Викуловым».

Бобров не собирался в условиях цейтнота что-либо менять, но сделать это пришлось. Место Фирсова занял Александр Мальцев. Как и на чемпионате мира двухлетней давности, московский динамовец стал лучшим бомбардиром и был признан лучшим нападающим турнира.

Большой неожиданностью для Всеволода Боброва назначение на пост старшего тренера сборной не стало. Владимир Пахомов в своей книге указывал, что ещё в августе 1971 года, дебютировав в качестве старшего тренера олимпийской сборной в розыгрыше приза

«Советского спорта», Всеволод Михайлович ему говорил: «Я ведь не оставляю мысли, что мне когда-то всё-таки доверят первую сборную. Обещали, во всяком случае. Ведь Чернышёв и Тарасов по-прежнему уверяют, что больше не будут работать со сборной».

Известный хоккейный арбитр Юрий Карандин рассказывал в своей книге «Хоккейные параллели», как в вечернем Саппоро присоединился к вышедшим на прогулку председателю Спорткомитета СССР Сергею Павлову, Всеволоду Боброву и Николаю Пучкову. «Прогуливались долго, и вдруг Павлов неожиданно обратился к идущему рядом Боброву: “Всеволод Михайлович, а вы готовы сегодня, прямо сейчас, возглавить сборную СССР?” Бобров ответил моментально: “Всегда готов”»...

На подобный вопрос Евгения Рубина в еженедельнике «Футбол-хоккей» Бобров ответил так: «Что это может когда-то случиться, оба мы — и я, и Николай Пучков, второй тренер сборной, предполагали. А вот когда — этого мы не знали. А. И. Чернышёв и А. В. Тарасов не раз обращались к руководителям хоккейной федерации с просьбой освободить их от обязанностей тренеров сборной, обязанностей, которые они вместе несут, и несут с честью, уже десять лет подряд.

Мы знали, что их просьбу обещали со временем удовлетворить и что мы, тренеры олимпийской команды (или второй, называйте, как хотите), рассматриваемся как наиболее вероятные их преемники. Но произойдёт ли смена после Олимпиады, или после чемпионата мира, или в следующем сезоне, нам было неизвестно».

В том же интервью Бобров высказался о возможных изменениях: «Серьёзные перемены в составе были бы сейчас смерти подобны. Для подготовки к чемпионату мира в нашем распоряжении один месяц без двух дней...

Сборная — сложный механизм, создававшийся и налаживавшийся многие годы. За месяц капитальную реконструкцию не осуществишь. В этом механизме и без того уже произошли значительные перемены — появились два новых тренера. Это тоже сложная операция. Реконструкция — дело следующего сезона.

Несколько кандидатов мы всё же ввели. Без этого тоже нельзя. Всякое может случиться за месяц: кто-то заболит, кто-то потеряет форму. К тренировкам сборной мы решили привлечь вратаря Шеповалова, защитников Паладьева, Ляпкина и Гусева, нападающих Старшинова, Мартынюка, Анисина, В. Солодوخина».

Весьма важным было и ещё одно заявление Боброва: «Наши предшественники были не просто клубными тренерами. Их команды готовили и продолжают готовить подавляющее большинство основных кандидатов в сборную. Иными словами, они готовили игроков для себя, и в этом их огромное преимущество.

Есть свои плюсы и в нашем положении. Клубный тренер не может быть абсолютно беспристрастным. Я сам много лет работал в футбольных и хоккейных командах и знаю: свои всегда кажутся чуть лучше других. Впрочем, если и удастся полностью сохранить объективность, упреков в пристрастии к своим всё равно не избежать».

Владимир Пахомов утверждал: «Став тренером, Бобров никогда не возвышался над коллегами, в том числе над теми, которые в своё время как спортсмены не преуспели на футбольном поле или на хоккейной площадке. К нему охотно тянулись за советом, консультациями, даже в то время, когда тренерский стаж ещё не был велик. По умению подойти к футболисту или хоккеисту ему, пожалуй, равных не было...»

В результате вместо вратаря Александра Пашкова, названных Давыдова и Фирсова, а также ещё одного нападающего Евгения Зимина в состав были включены протеже Пучкова вратарь Владимир Шеповалов и форвард Вячеслав Солодухин и молодые хоккеисты ЦСКА Александр Гусев и Вячеслав Анисин. Налицо было существенное омоложение команды.

Выглядела советская команда на чемпионате в Праге вполне достойно, но оказалась на втором месте. В двух поединках со сборной Чехословакии было завоёвано только одно очко — 3:3 и 2:3. Ничья случилась и в одном из матчей со шведами. Хозяева стали чемпионами с отрывом в три очка.

Сборная приучила болельщиков к победам, она становилась чемпионом мира девять раз подряд, и второе место было расценено как неудача. Резонанс был громким, хотя подобный результат многие считали вполне возможным. В частности Анатолий Тарасов. Существуют свидетельства, что поднаторевший в конъюнктуре такого рода давний антагонист Боброва понимал, уходя в отставку, что чемпионат в Праге может сложиться не в пользу нашей команды. И рассчитывал, что после осечки власти предрасположенные вновь прибегнут к его услугам. Будет ли при этом восстановлен их тандем с Чернышёвым или во главе сборной станет он сам, определяющего значения не имело. Но этого не случилось. Возобладало мнение председателя Спорткомитета СССР Сергея Павлова, которому Тарасов давно был негоден.

И без того непростое положение Боброва осложнилось уходом Пучкова. Владимир Пахомов так описал эту ситуацию в «Советском спорте» от 31 января 2000 года: «Альянс двух лучших в стране хоккеистов — вратаря и нападающего, двух заслуженных тренеров СССР — просуществовал всего два месяца. Стоило на

чемпионате мира-72 стать вторыми, как Пучков стал доказывать Боброву, что они взялись не за своё дело — работать с командой, которая на девяти подряд чемпионатах мира, включая Олимпийские игры в Инсбруке и Гренобле, а также на Олимпиаде в Саппоро была непобедимой. “Не по Сеньке шапка”, — часто приговаривал Пучков.

Такая позиция коллеги, мягко говоря, удивляла Боброва. Он не считал выступление на пражском льду провальным. Уж слишком мало времени было отпущено новым тренерам, чтобы привести её на привычное первое место. Раньше ясно обозначался пик сезона, к которому подводилась форма игроков, — чемпионат мира. А в 1972 году, как уже говорилось, впервые появились два пика в сезоне — олимпийский турнир и чемпионат мира.

Бобров знал, что Пучков всегда настроен самокритично, но зачем же в такой степени заниматься самобичеванием и считать себя и коллегу недостойными работать на месте Чернышёва и Тарасова?! Состав на чемпионате-72 был перспективным, почти все его игроки, за небольшим исключением, на двух последующих чемпионатах оказались первыми. Но Пучкова уже не было в сборной. Его заменили Борисом Кулагиным и больше ни в какую сборную не привлекали».

И годы спустя содержание и тон высказываний Николая Пучкова не изменились. Да и корректностью они не отличались. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь.

В «Золотой книге сборной СССР», где пером автора Семёна Вайханского водила рука Николая Пучкова, имеется глава, озаглавленная «Интрига назначения». Вводная Вайханского звучала так: «Откровенный

вольнодумец и фрондёр Бобров вообще не работал в ту пору в хоккее.

Его способность, что называется, ногой открывать любую дверь, пользуясь суперпопулярностью национального героя, неизменно отпугивала спортивное руководство, которое откровенно побаивалось Боброва, поскольку управлять им было практически невозможно. И не будь пучковского предложения, Бобров никогда бы не возглавил ни одну из сборных страны».

«Возьми меня и Колю Карпова, и всё будет в порядке, — говорил мне тогда Николай Семёнович Эпштейн, — вспоминал Пучков. — Теперь-то я понимаю, что, скорее всего, он был прав, но тогда я всё-таки ответил председателю Госкомспорта, что только фигура бобровского масштаба вправе заменить великих людей, стоящих во главе сборной. Я сказал, что именно Бобров должен стать начальником команды, тогда как я возглавляю тренировочный процесс, и что именно о таком распределении ролей мы с Бобровым уже договорились...

Когда я предложил кандидатуру Боброва, это вовсе не встретило всеобщего одобрения. Например, Валентин Лукич Сыч, который тогда участвовал в моих переговорах с Павловым в качестве его референта, высказал немалое сомнение в целесообразности такого решения. Дескать, а стоит ли? Но я всё равно настоял на своём».

Диалог тренера и журналиста продолжался:

«— А как вы считаете, повлиял ли на исход чемпионата мира 1972 года тот факт, что Бобров был объявлен старшим тренером сборной?»

— Безусловно. Ещё до чемпионата, когда мы играли то ли в Германии, то ли в Швеции, Всеволод как-то сказал мне: “Ну какой я старший тренер, если ни игры, ни тренировки не веду?” Тогда я ответил: “Давай, начни

хотя бы с зарядки”. Однако как раз зарядку-то Бобров и в Праге не проводил. Зато всё остальное, в нарушение нашей договорённости, сосредоточил в своих руках. Но вот сконцентрироваться и эффективно воспользоваться полнотой власти, к сожалению, не сумел.

Злым гением для него оказался ответственный работник Госкомспорта Кирилл Владимирович Роменский, сопровождавший тогда нашу команду. “Неужели не понимаешь, — говорил он мне, — что Всеволод всю жизнь так работает”.

— *Ну хорошо, а команда понимала, что происходит?*

— Ещё бы. Ведь по утрам на зарядке его не было. А открывая предматчевые установки, Бобров говорил элементарные вещи, известные юниорам. Да и не говорил, а читал всё это, предварительно набросав на клочках бумаги. А я смотрел на ребят, и мне было стыдно. И только когда Всеволод передавал слово мне, наступало равновесие.

— *Выходит, Бобров как тренер вовсе не фигура?*

— Ну нет. Я вовсе так не думаю. Боброву бы побольше самодисциплины, и он, бесспорно, был бы очень большим тренером. Всеволод обладал огромной способностью не только оценить настоящее, но и увидеть будущее, подобрать звенья, подсказать решение в конкретных сложнейших вопросах.

И в этом он, конечно, превосходил и Тарасова, и Чернышёва. Он мог, например, показать, как всё это сделать, и в этом плане имел преимущество передо мной, поскольку все знали, что он игрок, а я — вратарь. Когда же ребята оценили всё остальное, гандикап ликвидировался.

“Если бы вы, Николай Георгиевич, взяли всё в свои руки, — сказал мне потом Саша Рагулин, — мы бы выиграли этот чемпионат элементарно”...

— *А как же всё-таки такой несобренный Бобров сделал “Спартак” чемпионом страны?*

— Вот тут как раз всё очень легко объяснимо. Тот “Спартак” — особая команда, сложившаяся волею случая. Она и до Боброва была один раз чемпионом. В “Спартаке” Боброву не надо было заниматься психологической подготовкой и быть в этом плане примером. И до него, и вместо него это отлично делали братья Майоровы и Старшинов, люди, которые в полном смысле слова цементировали команду.

Бобров же не вмешивался в мобилизационную работу. Ему и там было “некогда”. А вот вкус на игроков у него был абсолютный, и он разорвал спартаковский круг. Пригласил в команду Зими́на, Блинова, Мартынюка и Мигунько, собрав, таким образом, по-настоящему чемпионский состав».

Приведённый диалог саркастически настроенного журналиста, для которого Николай Пучков был «идолом», и самого Пучкова, подверженного рефлексиям, что и не дало ему возможности достичь желаемых высот в тренерской профессии, если и бросает тень на Боброва-тренера, то интересен и признанием его несомненных тренерских достоинств. Как известно, объективное мнение можно составить, выслушав противоречивые суждения.

В этом же разговоре Пучков категорически отрицал возможное появление Виктора Шувалова в качестве помощника Боброва. Хотя, как мы знаем, он им и был в олимпийской сборной, пусть и недолго.

Непонятно также, почему назван «злым гением» Боброва Кирилл Роменский. Трудно предположить, чтобы этот человек, один из инициаторов приглашения Боброва, хорошо знавший его достоинства и недостатки, наговаривал бы на него за спиной. Скорее в данном случае имело место неверное словоупотребление.

Николай Пучков утверждал, что согласился работать со сборной только один сезон. Но есть и

другая версия. В Праге Пучков настаивал, чтобы на матчи против чехословаков место в воротах доверили не Третьяку, а голкиперу его СКА Шеповалову. Руководитель нашей делегации Андрей Старовойтов на это не пошёл: «Коля, вот мы проиграем с Третьяком, нам это простят, а вот если уступим с Шаповаловым, не сносить нам головы». Поскольку к его настойчивому пожеланию не прислушались, тем более что речь шла о вратарской позиции, Пучков совершил своего рода демарш.

Многолетний партнёр Пучкова по ЦСКА, а впоследствии незаурядный тренер Юрий Баулин рассказывал о своём одноклубнике: «Не без странностей был парень. Увлекался музыкой — сначала скрупулёзно коллекционировал пластинки с классической музыкой, затем джазовые, а потом и к рок-музыке прибился.

Коля самостоятельно выучил английский язык. Играя! Чтобы читать специальную литературу по хоккею. Это не нравилось Тарасову. Смущало Тарасова и то, что Пучков оставался трезвенником, а стало быть, и белой вороной в ЦСКА. Было и ещё одно обстоятельство, которое повлияло, пусть и косвенно, на уход Пучкова из ЦСКА и сборной — Коля подчёркнуто уважал Аркадия Чернышёва, тарасовского антипода. В те времена Тарасов и Чернышёв ещё не были в одной упряжке, не были единомышленниками...

Возможно, Пучков в своих поступках где-то копировал “их нравы”. Он очень много курил, а ещё больше пил кофе. А в солидном возрасте перешёл с сигарет на трубку.

В ЦСКА он был парторгом, а я комсоргом, и зачастую мы не соглашались с Тарасовым, который хотел в команде иметь свои глаза и уши, находиться в курсе всего происходящего. Зная о том, что Пучков очень болезненно переносит даже маленькие неудачи, мы

слегка над ним подтрунивали. Особенно это любил делать защитник Иван Трегубов. Помню, в конце тренировки они частенько выясняли отношения на предмет “кто кого”.

Обладатель мощнейшего броска Трегубов чаще выходил победителем в этом споре. Порой он забивал Коле три шайбы в четырёх попытках. Тот сильно огорчился, полчаса ни с кем не разговаривал, тяжело переживая своё маленькое поражение. А довольный Трегубов только посмеивался — мол, и поделом ему, полоумному. Почему полоумному? Да потому, что в молодости Коля переболел менингитом...»

В Праге произошло и важнейшее в истории мирового хоккея событие: было подписано соглашение о проведении серии матчей между сборными Советского Союза и Канады. Противоположную сторону представлял новый президент Канадской хоккейной любительской ассоциации (КАХА) Джозеф Кричка. Могли Андрей Старовойтов, подписывая тот документ, знать, чем это обернётся?!

Но в тот раз многоопытный Андрей Васильевич невольно угодил в ловушку, не предполагая подвоха. В соглашении не оказалось специальной оговорки, что речь идёт о соперничестве с канадскими хоккеистами-любителями. Да и с какой стати ей быть, коль КАХА представляла любителей, а с ними наша сборная встречалась практически ежегодно до 1970 года, когда канадцы прервали отношения с европейским хоккеем из-за отказа Международной федерации хоккея разрешить сборной Канады усилиться профессионалами на первенстве мира, которое должно было проходить в Канаде.

Можно было разве что предположить, что канадцы захотят осуществить задуманное и выставить любителей, усиленных второстепенными

профессионалами, как это планировалось при формировании команды на домашний для них чемпионат мира 1970 года.

Старовойтову хорошо было известно категорическое нежелание прежних тренеров сборной встречаться с канадскими профессионалами. Однако летом на очередном конгрессе ЛИХГ он, к своему изумлению, увидел в списках хоккеистов, что в соперники нашей сборной канадцы выставляют лучших своих профессионалов. Не из низших лиг, а из команд Национальной хоккейной лиги!

От прямого соперничества с лучшими профессионалами приходилось уходить под разными предлогами. Наиболее же часто выдвигался тезис о том, что следствием такого контакта может стать запрет на участие нашей сборной в Олимпийских играх, поскольку это идёт вразрез с требованиями Олимпийской хартии, а следовательно, влечёт за собой потерю любительского статуса.

В этой связи уместно обратиться к книге «Пан или пропал!» Евгения Рубина. Он являлся одним из ведущих наших хоккейных журналистов, а в конце 1970-х переехал в США. Все перипетии происходили на глазах Рубина вне зависимости от того, по какую сторону «баррикад» он пребывал: «Затаённую робость перед канадцами Тарасов не мог изжить в себе до конца дней. Хотя при всяком удобном случае бросал канадским профессионалам вызов сойтись с нашей богатырской дружиной в открытом бою и обещал, что “эти самоуверенные, самодовольные, высокомерные профессионалы” будут разгромлены. Всё это, конечно же, нужно было Тарасову для того, чтобы заглушить страх перед родоначальниками хоккея в себе и не дать его заметить другим.

Когда же перспектива таких встреч стала реальной, Анатолий Владимирович спасовал. Чемпионат мира

1970 года был назначен в канадском городе Виннипег. Месяца за полтора до дня открытия канадцы выдвинули ультиматум: либо будет разрешено включать в каждую сборную по девять профессионалов, либо они откажутся от чемпионата. Речь в ультиматуме шла не о тех, кто играет в НХЛ, а о хоккеистах младших лиг, для НХЛ ещё не созревших. Канадцы объясняли: местная публика, избалованная зрелищем профессионального хоккея, не пойдёт на матчи любителей.

Советский представитель в Международной хоккейной федерации запросил Москву, а столичное спортивное начальство — тренеров сборной. Те ответили: не уступать требованию хозяев турнира ни при каких обстоятельствах и просить представителей других соцстран поддержать “старшего брата”.

Предложение Канады не прошло. Пришлось искать страну, желающую принять чемпионат. Такая нашлась — та же самая Швеция, которая проводила его год назад. Канадцы свою команду не прислали. Выиграла первенство сборная СССР — как и всегда, начиная с 1963 года.

Всё же в 1972-м советские хоккеисты с профессионалами сошлись. Да не с простыми, а с избранными, лучшими в НХЛ — командой “Все звёзды Национальной хоккейной лиги”. Но произошло это через полгода после отставки из сборной Чернышёва и Тарасова.

Ту сборную возглавил Бобров — гениальный атлет, которому всё в спорте давалось легко и, может быть, оттого излишне самоуверенный и даже легкомысленный человек. Это он согласился на матчи со “Всеми звёздами” и тем положил начало новой эре в летоисчислении хоккея».

СОБЫТИЕ ВЕКА

В июне 1972 года на «отчётно-выборном» конгрессе в румынском Мамае при согласовании последних формальностей с канадцами о проведении серии матчей Андрей Васильевич Старовойтов, увидев список соперников, потерял сон. Бывший одноклубник Боброва полагал, что соперники выставят команду без громких имён, а на поверку вышло иначе: в представленном ему списке оказались едва ли не все звёзды канадского хоккея.

То, что происходило дальше, описал Анатолий Салуцкий: «Старовойтов опешил и в довольно удручённом состоянии духа возвращался с конгресса в Москву, поскольку предвидел, какие дебаты могут возникнуть вокруг заключённого контракта. И первым человеком, которому он сообщил ошеломляющее известие, был старший тренер сборной Всеволод Михайлович Бобров:

— Сева, вот так всё получилось... — закончил свой грустный рассказ Андрей Васильевич.

Но ответ Боброва был неожиданным:

— Чудак, чему же огорчаться? Прыгай от радости. Представляешь, если мы обыграем этих профессионалов, о которых кое-кто говорит, что они чуть ли не хоккейные “полубоги”? А ведь сможем обыграть, ей-богу, сможем!»

В боевом настроении перед серией пребывал не только Бобров. Для подготовки сборной он привлёк в качестве помощника ещё и Николая Ивановича Карпова.

В беседе с корреспондентами «Спорт-экспресса» (от 4 февраля 2011 года) Николай Карпов делился воспоминаниями:

«— *Вы ведь помогали Боброву в сборной на Суперсерии 72-го года?*

— Да, Сева пригласил. Я ещё сказал ему: “Выиграем там!”

— *Почему?*

— Вот и он спрашивает: “Почему?” А канадцы нашу сборную ни в грош не ставили, это по всему видно было. Приехали как-то, посмотрели на нас, посмеялись: у кого свитер рваный, у кого ботинки допотопные. И форму новую нам принесли. Из жалости. Но на льду наверняка о недооценке пожалели. Тем более что мы и физически оказались в порядке. Правда, когда очередь канадцев была в Москву ехать, — уже наш черёд пришёл удивляться.

— *Чему?*

— Как они готовились! За три с половиной часа до матча приезжали в Лужники. И бились от свистка до свистка. Благодаря чему часто забивали на последних секундах. Кстати, накануне Суперсерии Тарасов выступил в своём стиле — пускай, дескать, ЦСКА сыграет со сборной. Чтоб всем стало ясно, кто должен выходить на профессионалов.

— *Согласились?*

— Говорю “Бобру”: а что мы теряем-то? Отдадим Тарасову всех армейцев, сами останемся с игроками “Динамо”, “Спартак” и “Крыльев”. И не проиграем. “Тарас” тогда решил, что у него достаточно народу, чтобы со льда уходить через 35 секунд. А ни Петров, ни Михайлов, ни Харламов не умели играть по полминуты!

— *А вы что сделали?*

— Меняемся через минуту. Все разогрелись, катаются, — 8:1 их хлопнули! Потом едем на сбор, спрашиваю Харламова: “Валер, что с вами?!” — “А я вам расскажу, Николай Иванович. Сажу на лавке, ‘Тарас’ орёт — выходи, мол. Выхожу. Два раза проехал — шайбу не получил. И слышу: ‘Смена!’ Вот и вся игра”.

— *Зачем Тарасову такие короткие смены?*

— У него методика одна — “задавить”. А Севка — сам игрок, всё чувствовал. Понимал, где паузу взять — мельтешения не признавал».

Серия матчей СССР — Канада, которая проходила в сентябре 1972 года, стала главным событием столетия в истории хоккея — Суперсерией. В четырёх матчах на катках Канады советская сборная вышла победителем: две победы, ничья и поражение. Начав ответный отрезок с победы, наши хоккеисты затем проиграли трижды подряд. Всякий раз, уступая с разрывом в одну шайбу. Итоги Суперсерии были признаны успешными, что и в самом деле так.

Из ветеранов в сборной остались немногие: защитники Александр Рагулин и Виктор Кузькин, нападающие Вячеслав Старшинов и Евгений Мишаков.

Вспоминая игру своих многолетних партнёров по обороне, трёхкратный олимпийский чемпион Виталий Давыдов в разговоре с автором книги отметил, что был прав, закончив играть в сборной, поскольку защитники следующего поколения выглядели убедительнее его сверстников.

Неустрашимый боец Евгений Мишаков оказался полезен. А вот Вячеслав Старшинов появился на площадке лишь в одном матче — в Торонто, где сборная проиграла. В ту пору он уже являлся старшим тренером «Спартака» и вряд ли был в состоянии поддерживать боевую форму.

В составе Старшинов оказался по протекции Боброва. Как-то Всеволода Михайловича спросили, кого он считает лучшим нашим хоккеистом. Он мог бы, казалось, назвать кого-то из числа выдающихся «технарей» — Вениамина Александрова, Валерия Харламова или Александра Мальцева. Но у Боброва было иное мнение: «Лучшим хоккеистом для меня,

бесспорно, является Вячеслав Старшинов. Изумительный боец, игрок, отлично выполняющий и оборонительные функции, прекрасный тактик и техник...»

В книге «Рыцари спорта» Бобров отзывался о Старшинове в восторженных тонах: «Признаюсь, я влюблён в Славу. Влюблён в его спокойную сдержанность, простоту характера, в его рациональную технику, великолепные бойцовские качества, умение быть одновременно и ярчайшей “звездой” и скромным “чернорабочим” хоккейного поля...

Высшим проявлением его мастерства, хоккейной зрелости является способность Славы не только быстро перестраиваться, входить в любую тройку, в любое сочетание игроков, но во всех случаях становиться их вожаком».

О том, чем ему запомнилась та серия, один из её героев Александр Якушев рассказывал: «Сели на сбор в середине августа. Готовились к чемпионату Союза в своих клубах с 1 июля. Месяц — на земле. Без фанатизма. Занозой в голове эта серия не сидела. Страх не было. И накачек тоже. Иногда нам показывали канадские газеты, которые предсказывали нам разгром.

— *Канадских игроков знали?*

— Только понаслышке.

— *Как вас встретили в Монреале?*

— Как дорогих гостей. Мы даже паспортный контроль не проходили. Прямо из самолёта нас проводили в автобус, и мы поехали в лучший отель города “Элизабет”. Очень непривычно было представление игроков перед матчем. Каждого называли, зрители подолгу аплодировали...»

Суперсерия началась 2 сентября 1972 года в Монреале. Процедура открытия продолжалась более часа. У наших хоккеистов с непривычки даже ноги

затекли. Только представление канадских игроков длилось 40 минут. От одного громоподобного голоса диктора с торжественными модуляциями можно было покрыться мурашками.

Свою реакцию, «мандраж», на представлении команд во время первого матча в Монреале описывал Александр Гусев: «Такое было ощущение, что соперникам рукоплескала вся Канада. Говорю на разминке Валере Васильеву: “Валерка! Как бы нас тут не убили!” Он отвечает, улыбаясь: “Не волнуйся, насмерть-то не убьют”».

Однако справиться со шквалом атак канадцев нашим хоккеистам не удалось. Хозяева уже на 7-й минуте были впереди 2:0. Тем удивительнее оказался итоговый счёт — 7:3 в пользу сборной СССР!

Владимир Шадрин, чьё звено находилось на площадке, когда в ворота Владислава Третьяка влетела вторая шайба, вспоминал: «Первую пропустило звено Владимира Петрова. А через несколько минут вбрасывание, которое мы проигрываем, пас назад под бросок — и 0:2. И в этот момент в голове прокрутилось всё то, что писали американские и канадские газеты. Подумалось, что всё это может сбыться.

Что помогло прийти в себя? Прежде всего спокойствие Боброва. Он был как каменный, только губы покусывал от волнения. И не было на скамейке запасных возгласов типа: “Ну что же? Давайте вперёд!” Наоборот, Бобров говорил нежно: “Покатаемся”, “Поточнее”. И стало получаться. А когда прозвучала финальная сирена, подумалось, что это всё было сном и вот теперь он закончился».

Валерий Харламов прокомментировал те события так: «Бояться мы их не боялись. И не потому, конечно, что считали противников слабаками. Это было бы глупо. Во время предыдущей поездки в Канаду мы видели матчи профессионалов, знали, на что они способны. Но

мы верили в себя. Эта вера воспитывалась победами нескольких поколений наших хоккеистов.

К тому же с нами был Всеволод Михайлович Бобров, который в 1954 году был героем сенсационной победы над канадцами, когда также советской команде предрекали поражение. Волновались мы очень. Особенно когда они забили нам два гола. Но тут помог тренер. Авторитет Всеволода Михайловича был для нас очень высок. Возбуждённый, плюхаешься на скамейку во время смены, сделаешь глоток из кувшина, передашь соседу, а напряжение не спадает. И тут взглянешь на Боброва, лицо, как обычно, чуть нахмуренное, но совершенно спокойное, и спокойствие, и уверенность снова возвращаются к тебе».

Андрей Васильевич Старовойтов, который был очевидцем всего происходившего в тот вечер в монреальском «Форуме», рассказывал: «В тренерском деле есть такое понятие, как умение провести матч. Бобров был величайшим специалистом по вопросам проведения матча, управления командой, оценки противника. Он был очень тонким ценителем спорта, умел распознать слабые и сильные стороны противника. Очень значительная доля успеха в той серии принадлежит искусству Боброва как тренера.

Например, канадские вратари играют в иной манере, чем европейцы. Они ожидают прямолинейных действий, поскольку нападающие входят в зону на несколько шагов и при малейшей возможности сильнейшим броском посылают шайбу в сторону ворот. Бобров учил: вы войдите в зону, пусть вратарь выкатится на вас, а вы отдайте шайбу партнёру — ворота будут пустые. Иными словами, у Боброва была поразительная наблюдательность. Он и глобально вопросы решал, но и мелочи не недооценивал...

Бобров не боялся никаких противников, верил в силу советской сборной. Это был железный человек, он не

признавал никакого превосходства над нами. Сильный был человек. Патриот».

Корреспондент ТАСС Всеволод Кукушкин находился в тот момент на Олимпиаде в Мюнхене. Смотрел он первый матч вместе с Сергеем Павловым, его заместителем Виталием Смирновым, возглавлявшим Управление игровых видов спорта Валентином Сычом.

В книге «Лидер» он описывал происходившее: «Виталий Смирнов вспоминал, что на пути в телецентр Павлов поделился с ним своими опасениями: “Знаешь, чего я боюсь? Проиграем там 2:4 или 3:5 — ничего страшного, только не 20:0 в их пользу или чего-то подобного”...

После окончания трансляции все, кто находились в просмотрной Гостелерадио, выпили на радостях, в возбуждённо-приподнятом состоянии вернулись в Олимпийскую деревню. Счастью всей команды не было предела. Судьба Павлова и многих его единомышленников была спасена — главный партийный инквизитор лишился аргументов в борьбе с комсомольским выходцем».

Дело было в том, что партийный секретарь по идеологии М. А. Суслов во всеуслышание на секретариате ЦК КПСС пообещал, что в случае проигрыша хоккеистов Павлов “вылетит из партии, со всех постов и даже дворником в Москве не устроится”».

Любопытной была реакция на неожиданный успех руководителей сборной, о чём поведал Борис Михайлов в своей книге «Такова хоккейная жизнь»: «Перед матчем с нами встретился руководитель советской делегации Рогульский и заявил, что наша первостепенная задача — крупно не проиграть. К такому заданию никто из нас не привык. Точнее, случилось это с каждым из нас в первый раз в жизни. И

неверие в нас в некоторой степени отложило отпечаток на первые минуты встречи в монреальском “Форуме”... Перед второй встречей в Торонто изменилась точка зрения у руководства Госкомспорта. Рогульский заявил, что от команды ждут только победы...»

Конечно, Георгий Михайлович Рогульский, который возглавлял делегацию сборной СССР и на дебютном чемпионате мира в 1954-м, где она стала победителем, развенчав безоговорочных лидеров канадцев, переусердствовал в своей риторике.

В Торонто хозяева взяли реванш — 4:1. Один из героев серии, Александр Якушев, вспоминал: «После поединка в Торонто наш победоносный пыл не угас, нет, разумеется, но он был частично сбит. Что ж, это пошло на пользу. Бобров устроил разбор полётов, жёсткий, объективный, чёткий, без оскорблений. Всё по делу. А Паладьева пристыдил: “ Ну как же Маховлич с тобой разобрался? Как ты позволил себя обыграть один в один?!” Оплошавшего защитника Бобров усадил в запас.

Потом, когда из-за травм Гусева и Ляпкина оставалось в строю только пять защитников, был вынужден выпустить его в Ванкувере, а по возвращении домой вообще вывел из состава. Паладьев в Москве ходил на матчи как простой зритель, только билеты получал от администратора сборной Сеглина. Для Всеволода Михайловича не существовало обстоятельств, при которых он пошёл бы наперекор своим принципам, испугавшись чего-то. Представление о нём как об излишне мягком наставнике ничего общего не имеет с реальностью».

Третий матч состоялся в Виннипеге, где соперники сыграли вничью — 4:4. Заключительная игра канадской части Суперсерии, которая проходила в Ванкувере, завершилась победой советской команды со счётом 5:3.

На страницах «Футбола-хоккея» тренеры нашей сборной поделились экспресс-впечатлениями.

Всеволод Бобров: «Теперь можно признаться, мы не ожидали, что игры окажутся для нас такими успешными. Это, однако, вовсе не значит, что канадский хоккей слабее, чем он казался нам на расстоянии и при взгляде со стороны. Вы сами видели, насколько высок класс хоккеистов, как высока и стабильна их техника, как стоят они на коньках, как ведут силовую борьбу... Нам предстоят трудные игры в Москве...»

Борис Кулагин: «Я тоже уверен, что в Москве нам будет гораздо труднее, чем в Канаде. Там, в Канаде, две школы хоккея впервые встретились на самом высоком уровне. Но мы были в неодинаковом положении. Мы отнеслись к будущему сопернику со всей серьёзностью. Они же нами до сих пор мало интересовались, да и их эксперты, ездившие в Советский Союз смотреть игры наших клубных команд, явно недооценили наш хоккей. Однако равнодушные в первые дни к нашим тренировкам, они затем стали постоянными гостями и следили за нами очень внимательно... Словом, самые тяжёлые испытания нашей сборной впереди».

Борис Михайлов впоследствии отмечал в своей книге: «Безусловно, тем, что советские хоккеисты выиграли первую половину серии, были удовлетворены все. Болельщики, люди из ЦК КПСС и Госкомспорта находились в приподнятом состоянии. Борис Павлович Кулагин, подводя итоги матчей в Канаде, говорил, что если мы сумеем навязать им свою игру, вряд ли канадцы выдержат напряжение высочайшего темпа. Кроме того, канадцы должны были решить вопрос о том, как разобратся с нашим первым пасом, они не успевали перекрыть игрока, его отдававшего. Но хоккеисты, Всеволод Михайлович ни на секунду не

сомневались, что в Москве нас ждут ещё более сложные задачи. Так оно и вышло».

Итак, тренеры хорошо понимали, что в Москве сборной придётся едва ли не труднее, чем в Канаде. Но если задетые за живое профессионалы стремились к реваншу, стали проводить двухразовые тренировки, приезжали на матчи в Лужники за три часа до начала и настраивались на игру предельно тщательно, то наши хоккеисты переоценили свои возможности в свете достигнутых успехов. К тому же тренеры предоставили им некоторые послабления.

Об этом поведал в интервью «Спорт-экспрессу» (от 14 сентября 2012 года) Александр Мальцев:

«— Нас Бобров перед московскими матчами отпустил. Руководство неожиданно предоставило выходные. Если б мы к этим играм готовились так же, как к канадским, наверняка победили бы. Тогда месяц безвылазно на базе сидели. А из Канады вернулись героями, и пошла немножечко звёздная болезнь.

— *У вас?*

— У начальства. С чего бы накануне московской серии отдыхать? Я с друзьями рванул в Сочи на пять дней. Причём паспорт дома забыл. Но меня что туда, что обратно пустили без документов. Узнали — и провели в самолёт. Сегодня такое невозможно.

— *Харламов тоже летал в Сочи?*

— Валера почему-то не захотел. Я своей компанией туда отправился. Тренироваться мы начали за три дня до стартового матча. Вот и проиграли.

— *Трёх дней мало, чтоб прийти в себя?*

— Конечно!»

Вот видение Александра Якушева: «Бобров, будучи натурой независимой и демократичной, не перекрыл команде кислород в общении с народом. Всеволод Михайлович сам являлся всеобщим любимцем, друзей и знакомых имел массу, он словно окунулся в свою

спортивную молодость, когда творил чудеса в хоккее и в футболе. Вожжи управления командой не выпустил из рук, но чуть ослабил их».

Первый матч остался за нашей сборной — 5:4, хотя по ходу советские хоккеисты уступали 0:3 и 1:4. Второй принёс успех канадцам — 3:2. С разрывом в одну шайбу (3:4 и 5:6) проиграны были и остальные встречи. Особенно драматичной выдалась заключительная игра. Решающую шайбу канадцы забросили за 34 секунды до конца...

Ликованию канадцев не было предела. Бой (то есть Суперсерию) они, выражаясь языком бокса, выиграли по очкам: четыре победы, одна ничья и три поражения. Сборная СССР забросила 32 шайбы, соперники — 31.

Но главным итогом встреч с канадцами стала наглядная демонстрация силы советского хоккея. Наша сборная на равных сражалась с хвалёными канадскими профессионалами, которые считались не просто непобедимыми, а хоккейными небожителями.

На пресс-конференции после третьего московского матча Всеволод Бобров, отвечая на вопрос, чем он объясняет поражения сборной СССР во второй и третьей играх, произнёс: «Ничего плохого, а тем более зазорного в проигрышах с минимальным счётом команде, составленной из лучших профессиональных хоккеистов Канады, я не вижу. Считаю результаты игр вполне удовлетворительными. Я доволен игрой подавляющего большинства хоккеистов, в том числе и молодых, которых нам важно было обстрелять в играх с таким соперником».

Александр Мальцев дополнил: «У Всеволода Михайловича был невероятный авторитет перед игроками. Он пытался раскрыть их, поднять до уровня своего таланта. Это главное, о чём он мечтал. Что ему не хватало, так это тарасовской жёсткости. Он многое

нам прощал, сам ведь был игроком со всеми слабостями. Если бы он поступал с нами жёстко, то некоторые ребята, у которых был безусловный талант, играли бы в два раза лучше».

Несомненный интерес представляет высказывание Николая Карпова: «Бобров любил руководить по ходу матчей со скамейки, а проводить тренировки его не очень привлекало. Так что по сути всю летнюю предсезонку в сборной вёл я. А на матчи в Канаду меня не взяли. Да и потом в Москве к сборной особо не подпускали. Потому что Кулагин видел во мне конкурента...

А канадцам мы уступили, уверен, только из-за Кулагина. На тренировках в Москве он загнал ребят. На третьи периоды двух заключительных матчей серии элементарно не хватило сил...»

Именно в Суперсерии-72 зажглась звезда Александра Якушева. Будучи уже опытным игроком, несколько лет выступая в сборной, он никак не мог выйти на первые роли. Спартакowski форвард в книге «Я вспоминаю» писал: «Игру такого уровня я продемонстрировал впервые именно в ходе Суперсерии. Всё-таки до того я поднимался в игровом развитии с переменным успехом, а тут впечатляющий скачок произошёл. Что придало мне такой импульс? Будто кто-то гнал меня — иди, не останавливайся, ты можешь, ты обязан, всё у тебя получится...

Этим ускорителем стал для меня великий Бобров. Если бы не он дирижировал сборной Союза в Суперсерии, я так достойно не сыграл бы. Сто процентов! Вот повезло, так повезло. После пятилетней разлуки я встретил Всеволода Михайловича, который по указанию высшего руководства страны был освобождён от футбола и назначен старшим тренером сборной страны по хоккею. По годам работы с ним в «Спартаке»

осознавал, что Бобров — мой тренер, но даже летом 72-го ещё не представлял себе, насколько это подтвердится в ходе Суперсерии. И что характерно — пять моих лет без его тренерской руки и пять его лет без хоккея вообще никоим образом не повлияли на действенность нашего нового этапа сотрудничества. Встретились, как ни в чём не бывало, и засучили рукава...

Мне кажется, что Всеволод Михайлович оказал благотворное влияние на каждого игрока и на сборную в целом, а на меня — особенно сильное. И Харламов с Мальцевым, и Васильев с Гусевым, и Третьяк с Петровым, Михайловым, Лебедевым, Анисиним и другими — все они воспринимали Боброва с нескрываемым уважением и любовью, даже с восторгом. Как того этот великий человек и заслуживал.

Под началом Боброва Советский Союз встал в хоккее вровень с Канадой. Великое достижение! Как выступила бы наша команда при другом рулевом, никто не знает. Хоккей — не химическая лаборатория, где эксперименты ставят с утра до вечера. Я только убеждён: при Тарасове я бы так здорово не сыграл. Это точно.

Моё личное и осторожное предположение: для открытия Северной Америки в лице её сборной, составленной из звёзд НХЛ, Бобров являлся оптимальной фигурой...

Бобров в раздевалке особо не суетился, не накручивал команду. Наоборот, держался бодро, хотя было видно, что волнуется, опасается канадцев. Как и Кулагин, конечно. Неизвестность всегда тревожит. Всеволод Михайлович призвал нас пособранней начать игру: “Прошу — сразу включитесь на максимум”...

Естественно, была опасность того, что сборная Союза могла развалиться после столь

обескураживающего начала. Но только не при Боброве. Пока канадцы обнимались после второго гола, Всеволод Михайлович с невозмутимым видом прошёлся вдоль лавки туда-сюда и спокойно сказал: “Так, теперь успокоились. Играем в свою игру. И всё будет как надо”.

Так всё и вышло...»

Тот же Якушев недоумевал по поводу упущенной общей победы в том противостоянии: «Мы сами отдали серию канадцам. До сих пор удивляюсь, как это произошло.

Когда после финальной сирены в заключительной встрече зашли в раздевалку, Бобров сказал лишь одно слово. Непечатное. На букву “м”».

По другой версии Якушева, Бобров в раздевалке произнёс: «Пижоны! Первый раз вижу людей, которые сами отказываются от новых автомобилей».

О том, что значила для канадцев победа в Суперсерии, свидетельствует тот факт, что свитер, в котором играл автор решающих шайб в московских матчах Пол Хендерсон, был куплен много лет спустя за сумму, превышающую миллион долларов. А «Святую шайбу» (так в Канаде принято называть ту, что принесла победу) как зеницу ока хранит в своей коллекции защитник Пэт Стэплтон.

ОТСТАВКА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Подготовку к чемпионату мира 1973 года в Москве сборная СССР продолжила по традиции участием в Призе «Известий». Одержав уверенные победы над командами Польши и Финляндии, следом наши хоккеисты разгромили сборную Швеции — 10:2.

Главным героем стал Мальцев, который четырежды поразил ворота соперников. Бобров восстановил первую тройку в прежнем составе, вернув в неё Харламова, а Мальцев стал играть вместе с Шадриным и Якушевым. В заключительном матче сборная СССР переиграла действующих чемпионов мира команду Чехословакии — 8:4.

Ветеран сборной Игорь Ромишевский отмечал на страницах еженедельника «Футбол-хоккей»: «Манера игры наших защитников заметно изменилась. Что раньше от нас требовалось? Обезопасить собственные ворота и только. И лишь в редких случаях шайба влетала в ворота после броска или прохода защитников. Помню, на швейцарском чемпионате мира наша сборная провела в ворота противников в общей сложности 68 шайб, но ни одна из них не была заброшена защитником. Это было слабостью команды, занявшей первое место.

Прошедший матч со шведами лишний раз убедил меня в том, что пробел удалось ликвидировать. Защитникам стали охотнее доверять форварды. Игроки обороны смело идут вперёд, то и дело реально угрожая воротам. Благодаря этому значительно увеличилась атакующая мощь команды. Решительность в наступлении отличает Лутченко, Васильева, Гусева. Да и ветерану сборной Рагулину, мне кажется, пришлось

по душе подобная перестройка. Во всяком случае, он действует под стать своим молодым партнёрам по обороне».

Ромишевскому вторил в том же издании Евгений Рубин: «Гусев, Ляпкин, Васильев, открывший счёт в матче со сборной Швеции, Лутченко — эти имена теперь постоянно фигурируют в списках тех, кто забивает голы либо ассистирует снайперам. Сегодня у нас уже нет поводов сетовать на беззубость защитников в атаке и приводить им в назидание примеры из зарубежной практики. Выросло и сформировалось новое поколение игроков обороны, обладающих мощным и точным броском, умеющих и любящих взять инициативу в атаке на себя, не боящихся риска...»

Сразу после известинского турнира наши лучшие хоккеисты под флагом сборной клубов Москвы отправились в США, где выиграли Международный турнир под громким названием «Кубок мира», в котором участвовали чехословацкая «Дукла» (Йиглава), сборные Канады и США, которые выступали в экспериментальных составах. После чего советская команда несколько раз облетела США от океана до океана, одержав пять побед над профессиональными клубами низших лиг.

По итогам турне Всеволод Бобров отмечал: «Уверен, что наше новогоднее турне за океан сослужило нам неоценимую службу в формировании нового коллектива сборной, сплочённого, живущего едиными интересами и общими устремлениями...

Нам удалось проверить игроков и звенья, прежде всего их волевые, бойцовские качества, в самых сложных условиях. 13 дней, проведённых за океаном, помогли нам, тренерам, поближе узнать и лучше понять каждого игрока, выявить, кто на что способен...

Защита сборной, в общем и целом, была достаточно надёжна. Тактическая, техническая, физическая

подготовка игроков обороны находится на хорошем уровне. Но, обратите внимание, при всей внушительности наших побед, при том, что мы в каждом матче забрасывали много шайб, мы немало и пропускали в свои ворота. Объясняю я это тем, что в игре наших защитников сразу же пропадает строгость, как только счёт становится большим. Это — недостаток. Защитник должен играть строго всегда, это должно быть у него в крови...»

Московский чемпионат мира завершился триумфом сборной Советского Союза. Она не потеряла ни одного очка, опередив второго призёра — команду Швеции — на пять очков. А результаты во встречах с аутсайдерами — сборными ФРГ и Польши — просто поражали воображение: с ФРГ — 17:1 и 18:2, с Польшей — 20:0. Об огромном преимуществе красноречиво свидетельствовала разница забитых и пропущенных шайб: 100—18.

Как обычно достаточно упорными выдались матчи со сборной Чехословакии (3:2 и 4:2), но традиционные конкуренты финишировали третьими, взяв лишь очко в двух встречах со шведами.

По ходу турнира известный мастер чехословацкого хоккея Густав Бубник в «Футболе-хоккее» констатировал: «Я искренне рад тому, что Боброву удалось создать отличную команду, опережающую остальные, прежде всего, в быстроте ведения игры. Защитники советской сборной научились не только грамотно и самоотверженно обороняться, но и первым неожиданным пасом делать контратаку стремительной, острой, голевой. Причём защитник отдаёт шайбу нападающему в самый подходящий момент, когда тот уже набрал скорость. Таким пасом лучше других владеют Гусев, Васильев, Лутченко.

Словом, если раньше советская сборная добивалась успеха благодаря отменному подбору игроков в линии

нападения, то теперь она располагает защитниками, владеющими всеми секретами современного хоккея».

Валерий Васильев был признан лучшим защитником чемпионата. Динамовец выглядел уже не робким новичком, мучимым рефлексиями, как на предыдущих турнирах, а уверенным в себе и способным преодолевать любые трудности игроком.

Владимир Пахомов в своей книге писал: «Однажды Бобров почувствовал — что-то неладное творится с защитником Валерием Васильевым, как-то поник он, одолеваемый какими-то сомнениями. А дело шло. к первым встречам с профессионалами из НХЛ. Когда игроки на тренировке выстроились полукругом и начали поочерёдно бросать шайбу вратарям, сменявшим друг друга, Бобров тихо приблизился к Васильеву, стоявшему в ожидании своей очереди у борта, сказал несколько слов и отъехал в сторону.

Защитник потом вспоминал, что слова Боброва были пустяшными, но от них повеяло такой верой тренера в своего подопечного, что уже в скором времени славный игрок обрёл былую уверенность.

Валерий Васильев — двукратный олимпийский чемпион, восьмикратный чемпион мира — после того случая перевидал в жизни немало тренеров, но одним из самых близких и родных для него людей, по его словам, остался Всеволод Михайлович. Правдивость, искренность, стремление помочь человеку Васильев, да и не только он, измерял с тех пор по Боброву».

Отмечен был и его напарник Александр Гусев. Журналисты включили армейца в состав символической сборной чемпионата. Отдай они голоса и за Васильева, получилось бы, что в символическую сборную целиком вошла первая пятёрка сборной СССР, что с точки зрения политеса могло выглядеть некорректным. Лучшим

правым защитником акулы пера признали шведа Бёрье Сальминга — будущую звезду НХЛ.

Сведение в одну пару Васильева и Гусева озадачило многих. Автор книги «Первая тройка» Олег Спасский признавался: «На приёме, устроенном Правительством СССР по случаю проведения в Москве чемпионата мира-73, я присутствовал при разговоре Чернышёва с Тарасовым, обсуждавших только что оглашённый состав нашей команды: “Рискуют страшно. Гусева и Васильева в одну пару сводить опасно: оба полезут вперёд — и начнутся провалы. Да и зачем ставить их в такое звено? Эта ‘компания’ и без чьей-либо помощи забьёт уйму! Что-что, а это они умеют...”».

Маститые тренеры беспокоились напрасно, что подтвердил в своей книге лидер первой пятёрки Валерий Харламов: «Сильно, по общему мнению, отыграли мы и чемпионат мира, который проводился весной 1973 года в Москве: вместе с нами в пятёрке выступали два могучих защитника — Александр Гусев из ЦСКА и Валерий Васильев из московского “Динамо”, и атакующая мощь пятёрки ошеломляла соперников. Если память не подводит, мы забросили пятьдесят шайб. На иных чемпионатах столько не забрасывает и вся команда, выигрывающая золотые медали».

Всеволод Бобров не случайно уделял повышенное внимание оборонительной линии. Именно её он считал проблемной, поскольку замечательные защитники предыдущего поколения сошли. Удивляло другое — как Боброву, в свою бытность нападающему, да не просто нападающему, а лидеру атак, несколько не обеспокоенному организацией оборонительных действий, удалось в короткий срок навести порядок в защитных построениях, сформировать эту линию так, что она многие годы исправно служила сборной?

В интервью журналу «Спортивные игры» Бобров подвёл итоги чемпионата, выделив особо те слагаемые успеха, которые и определили победу сборной: «Принципиально новым в работе со сборной я считаю трактовку таких понятий, как “коллективная игра”, “игровая дисциплина” и “индивидуальное исполнительское мастерство”. Мы, тренеры, не только не подавляли творческой индивидуальности игроков, но всячески старались поощрять стремление каждого хоккеиста к инициативе, неожиданным действиям, смелым, оригинальным решениям...

Отказались мы и от прежних методов руководства командой на льду. Раньше бывало, что спортсмен, заступивший на “ледовую вахту”, был подвержен определённой опеке, вслед ему с “капитанского мостика” раздавались указания самого различного плана. Они нередко сбивали, отвлекали, повышали нервную нагрузку. Теперь такие “подсказки” полностью исключены из практики. И как следствие — повышение индивидуального творчества, а отсюда разнообразие форм и методов ведения атаки. Один пример. В 1972 году в Саппоро и на чемпионате мира в Праге наша сборная почти не имела на своём счету голов, “сделанных” в результате индивидуальных проходов. На чемпионате мира в Москве они составили двадцать процентов от общего числа заброшенных шайб».

О том, как поддерживался в команде боевой настрой, защитник Юрий Ляпкин рассказывал в еженедельнике «Футбол-хоккей» (№ 15 за 1986 год): «Особо подчеркну обстановку в команде. Она была на редкость благоприятной — деловая, требовательная, доброжелательность и взаимоуважение присутствовали и в мелочах, и в серьёзных вопросах. Такой климат в коллективе был сродни характеру тренеров Боброва и Кулагина. Бобров же вообще был для нас человеком из легенды. Его авторитет спортсмена и тренера, любовь и

просто-таки отцовское отношение к нам, естественно, вызвали страстное желание каждого соответствовать тренеру поступками и игрой.

Вместе с тем Всеволод Михайлович был строг и требователен. Вот такой случай. Я был ответственным за выпуск “Боевого листка”. Он выходил к каждому матчу и вывешивался перед установкой на игру. За тур до последнего матча со шведами наша сборная обеспечила себе первое место, и я решил, что надобность в очередном выпуске, естественно, отпадает.

Бобров провёл установку на игру, распустил ребят на обед и отозвал меня: “Юра, чтобы через час ‘Боевой листок’ был готов. И никаких отговорок — заведённый порядок никто не отменял”».

В книге А. Петрова «Борис Михайлов. Такова хоккейная жизнь» приводится такой рассказ капитана сборной: «На смену Чернышёву и Тарасову пришёл Всеволод Михайлович Бобров. Он производил огромное впечатление. Это был редчайший знаток хоккея. Бобров был достаточно мягким человеком.

С ним, в отличие от Тарасова, можно было обсуждать какие-то хоккейные вещи. При этом Бобров не давил на нас своим колоссальным авторитетом. Он мог согласиться с точкой зрения хоккеистов и в таких случаях просто говорил — давайте попробуем. Он умел прощать, и не было случая, чтобы кого-то в сборной при нём крепко наказывали за различные нарушения. У него было потрясающее чутьё на игроков, он знал, что именно нужно сказать в конкретный момент или промолчать. Мы преклонялись перед ним как великим игроком».

Неожиданная метаморфоза произошла с Александром Якушевым. По итогам серии матчей со сборной НХЛ он наряду с Валерием Харламовым был признан лучшим игроком советской сборной.

Всеволод Михайлович Бобров объяснил положительные сдвиги в игре Якушева на чемпионате мира в Праге так: «Раньше Александра Якушева в сборной подгоняли под намеченную тактическую схему, заставляли играть на передачах. Мы же дали ему возможность действовать так, как он умеет, как у него лучше получается, иначе говоря, не хотелось сковывать его».

Победным, но куда более драматичным оказалось для сборной СССР следующее первенство мира, которое проходило в Финляндии. Капитан сборной Борис Михайлов в своей книге писал: «В 1974 году в Хельсинки чемпионат мира получился на редкость сложным. На старте сборная СССР была разгромлена чехами — 2:7, причём в первом и втором периодах они забросили по три безответные шайбы...

Естественно, все всполошились. Председатель Спорткомитета СССР Сергей Павлов срочно прислал в Хельсинки своего заместителя Виталия Смирнова, разговоры были серьёзные, жёсткие. Но мы и без этого понимали, что надо выигрывать. Центральным стал матч предпоследнего тура со сборной Чехословакии. Мы были сильнее — 3:1. Причём тогда не смог выступить вместе с нами Владимир Петров. И в центр на его место поставили Александра Мальцева. Получилось всё замечательно. Одну шайбу забросил я, а Саша поставил победную точку после моей передачи. Потом мы с таким же счётом выиграли у шведов. В итоге разрыв между нами и чехами составил четыре очка...»

Казалось бы, несомненный успех советской сборной в серии матчей с канадцами, два выигранных мировых первенства открыли перед Бобровым перспективу долгой работы со сборной. Но месяца не прошло после

возвращения из Хельсинки, как старший тренер сборной был отправлен в отставку.

Слухи, циркулировавшие вокруг имени Боброва, накаляли обстановку постоянно. То якобы по его вине был задержан в Шереметьеве самолёт, улетающий в Америку. То в гостинице «Москва» он отлупил... внука Ленина. Понятно, что и в первом, и во втором случаях это были наветы.

К самолёту Бобров прибыл вместе с руководителем делегации председателем Федерации хоккея СССР Николаем Кузьмичом Корольковым. Корольков, будучи заместителем председателя Мособлисполкома, знал о задержке вылета на три часа, и появились они с Бобровым в Шереметьеве к нужному времени. К тому же в полёте помог попутный ветер, и самолёт приземлился даже с опережением графика.

Что до «внука Ленина», то им оказался крепко выпивший командированный, который в переполненном лифте гостиницы несколько раз наступил Боброву на ноги, что тот в прямом и переносном смысле воспринимал болезненно. Приезжий не составил себе труда извиниться, за что и пострадал. Утром протрезвевший «гость столицы» никакого заявления в милицию не подавал, а хлопотал о том, чтобы администрация не сообщала о контактах с милицией на его работу.

На самом деле основным поводом для отставки Боброва стал инцидент, случившийся на чемпионате мира. В свите сборной был Николай Александрович Немешаев — инструктор ЦК КПСС. Ему с такой «говорящей» фамилией помнить бы русскую классику и ни во что не вмешиваться. Однако Немешаев после крупного поражения сборной от команды Чехословакии решил себя показать и вдогонку направлявшемуся в раздевалку Боброву крикнул: «А команду, между

прочим, тренировать надо!» В ответ он был отправлен по вполне очевидному адресу.

Эту историю Владимиру Пахомову поведал сам Бобров. По возвращении Немешаев, который к тому же доводился свояком заведующему отделом пропаганды ЦК КПСС Тяжельникову, свой праведный гнев выплеснул.

Вскоре подоспела и депеша по дипломатическим каналам. Процитируем «Золотую книгу сборной СССР» Семена Вайханского: «На банкете в хельсинкской ратуше, где вручались медали чемпионата, вышел казус. Наш посол в Финляндии предложил Всеволоду Михайловичу выпить за победу. Тренер отказался, поскольку уже “хорошо” отметил успех с чемпионами. Дипломат всё-таки настоял. Тренер выпил фужер коньяку и перестал следовать дипломатическому этикету».

А с какой стати находившийся под парами Бобров должен был ему следовать, если посол — его звали Владимир Севастьянович Степанов — после проигранной встречи команде Чехословакии угрожал доложить о позоре лично генеральному секретарю?

Карьерный путь посла на дипломатическом поприще не сложился. После работы в Финляндии он был возвращён в родной для него Карельский обком, где дослужился до должности первого секретаря. Что касается Николая Александровича Немешаева, то его вскоре произвели в заместители председателя Спорткомитета РСФСР, откуда в конечном итоге он с выговором за аморальное поведение был выдворен...

О том, что дни его пребывания во главе сборной сочтены, Бобров не подозревал. Это подтверждает эпизод, рассказанный Валерием Васильевым: «После чемпионата мира я подошёл к Всеволоду Михайловичу: «Извините, пожалуйста, но мне нужна машина “Волга”».

А в то время её просто так нельзя было купить. На неё очередь стояла. И Бобров мне сказал: “Тебе и Лутченко дам. Остальным — нет”. Через неделю Бобров спрашивает: “А что вы не идёте машины получать?” Так быстро он нам всё устроил».

Увольнение Боброва было обставлено второпях, как дело давно решённое. Елена Николаевна рассказывала, что в тот день они уезжали в Сочи, в санаторий. Неожиданно позвонил Сыч и попросил приехать немедленно, прислал машину. Всеволод Михайлович вернулся к тому времени, когда нужно было уже отправляться на вокзал. Сказал жене: «В поезде расскажу, пойдём...»

«Испортили Севе весь отпуск, — вспоминала Елена Боброва. — Он тогда в госпиталь попал, в Сочи постоянно с плохой кардиограммой был. Ходил — и не понимал, почему его сняли! Знаете, как сформулировали причину увольнения? Непедагогичное поведение тренера...»

Примем за объяснение формулировку из книги Бориса Михайлова: «После чемпионата мира 1974 года, несмотря на победу, пришлось уйти в отставку при содействии партийных органов Всеволоду Боброву. Никого не удивило, что его пост занял Борис Кулагин, тогда главный тренер “Крыльев Советов”, выигравших чемпионат СССР».

На наш взгляд, факт этот не мог не вызвать удивления. В принятой практике при подобных отставках «старшего» к нему присоединялись и члены штаба, во всяком случае помощник. Кулагин же никогда не комментировал своё решение стать во главе сборной после увольнения Боброва.

Не делал он этого, чтобы не оказаться в двусмысленной ситуации. Вопрос о снятии Боброва и назначении Кулагина был согласован ещё до начала чемпионата. Но Борис Павлович был нем как рыба...

Приведём для подтверждения фрагмент из интервью Владимира Юрзинова (в начале 1970-х он был играющим тренером в Финляндии) газете «Весь хоккей» в апреле 2005 года: «Два года самостоятельной работы пролетели моментально. И вот в 74-м в Тампере приехала на товарищеские матчи сборная СССР вместе с Бобровым и Кулагиным, с которыми я знаком не был. Постояли у меня на тренировке у бортика, затем в баню нас пригласили. Я парился с самим Бобровым! После баньки предложил: Всеволод Михайлович, пивка? Он согласился, и я купил ему большую кружку пива.

После чемпионата мира, который наша сборная выиграла, ко мне подошёл Борис Палыч и говорит: “Мне сказали, работает здесь парень, которого все хвалят. Хватит тебе по заграницам, поехали со мной”. А я хотел продлить финский контракт, но вмешался Сыч: “Всё, хватит тебе Финляндии, будешь Кулагину помогать в сборной”.

— *Да, но старшим в сборной был Бобров.*

— Они, видимо, уже знали о его смещении, поэтому и предложили мне пост помощника Кулагина, который вскоре возглавил сборную...»

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ФУТБОЛ

Освобождённый от должности Бобров, несмотря на вполне ожидаемое противодействие Сыча, мог рассчитывать на приглашение возглавить хоккейную команду, ставящую серьёзные цели. Но ему хотелось вернуться в футбол.

Интервью, которое Александр Соскин взял у Боброва в 1973 году, началось с вопроса: «Каково соотношение футбола и хоккея у вас в душе, что вам ближе?» — «В молодости не приходилось спрашивать себя об этом. Это сейчас футбол почти круглогодичный, а тогда кончалась осень и надевали коньки, выходили на лёд. Переход с футбола на хоккей и наоборот был естественный. Почти все футболисты значились хоккеистами. Кроме, может быть, Бескова и Гриши Федотова. То и другое нравилось мне и помогало — зима лету, а лето зиме. И не помню, чтобы уставали. Ни футбол, ни хоккей не успевали надоесть, а отпуск не особо требовался — переключение с одного дела на другое и давало отдых.

В футболе привлекала мысль, а в хоккее скорость. Но это, конечно, условно. Мысль и в хоккее есть. В футболе я тоже любил скорость, только травмы мешали мне её использовать, вот и ждал, когда зальют лёд. Но когда играть закончил, честно говоря, всё время тянуло в футбол. Может, потому, что он посложнее, позаковыристее, а футбольному тренеру труднее добиться чего-то стоящего. Пока так и не добился».

Бобров переживал за судьбу родного ЦСКА, который влачил жалкое существование. И вопрос с его назначением обсуждался в армейских верхах. Он

считался основным претендентом на место старшего тренера ЦСКА.

Однако грянула сенсация — наставником футбольного ЦСКА был назначен Анатолий Владимирович Тарасов. Как это произошло, повествовал в своих мемуарах Валентин Бубукин, которого Тарасов призвал в качестве помощника: «Тарасова назначили довольно оригинально. Его тогда отстранили от хоккея, он по существу был без работы, но продолжал поддерживать близкие отношения с маршалом Гречко. Вместе играли в теннис. Министр решил с ним посоветоваться по поводу назначения Боброва. А Тарасов ответил, что не считает Всеволода Михайловича большим тренером в футболе. Он — прекрасный игрок, прекрасный хоккеист, футболист, которого лет сто не будет. Но это дело не поправит.

Гречко в сердцах и бросил:

— А мне некого больше назначать, тогда давай бери сам...

— А что, и возьму, — ответил Тарасов».

Тарасов не просто играл в теннис с министром. Он выхлопотал для него звание мастера спорта по этой ещё не вошедшей в моду игре, как в 1990-е годы при Борисе Ельцине...

Несколько иначе те события представил в интервью «Спорт-экспрессу» (от 7 сентября 2012 года) известный футболист Вадим Никонов, оказавшийся косвенно к ним причастным: «Всеволода Михайловича министр обороны спрашивает: “Какое место займёте?” — “В пятёрку постараемся войти”. Следующим явился Тарасов — и с порога: “Будем чемпионами! Только дайте мне право на призыв”. А Маношин, начальник команды, подбирал для него игроков со всей страны».

В последнем утверждении есть доля преувеличения. К этому мы вернёмся ниже, а пока задержимся на назначении Тарасова. Зная особенность балагура

Бубукина многие жизненные ситуации превращать если не в анекдоты, то в байки, хотелось найти более аргументированное изложение.

И такая возможность представилась. В уже упоминавшемся интервью «Спорт-экспрессу» этой темы коснулся Владимир Федотов: «Отлучённого от хоккея Тарасова пригласил к себе министр обороны Гречко: “Анатолий Владимирович, у меня тут с футболом не порядок. Подберите достойного тренера для ЦСКА”.

Выполняя приказ маршала Гречко, полковник Тарасов ночью на “Красной стреле” помчался в Ленинград к Зонину. Но Герман Семёнович отказался. Тарасов на этом не успокоился — уговаривал ещё кого-то, однако всё тщетно. Анатолий Владимирович доложил о проделанной работе министру. “Никого не нашли? Тогда берите команду сами, авторитета у вас хватит!” — неожиданно подытожил Гречко.

Нисколько не сомневаюсь, что так оно и было, поскольку эту историю я слышал из уст Александра Яковлевича Гомельского, которому Тарасов, получивший неожиданное назначение, предлагал поработать на пару с ним: “Дисциплину наладим, поднимем атлетизм, научим этих футболистов как следует тренироваться”, — убеждал хоккейный мэтр баскетбольного мэтра. Но Гомельский на эту авантюру не поддался».

Воздадим должное благоразумию «Серебряного лиса», как прозвали Александра Яковлевича в баскетбольных кругах. Хотя вдова Тарасова Нина Григорьевна в интервью «Спорт-экспрессу» (от 10 декабря 2004 года) подавала ситуацию иначе: «Я была категорически против, когда Анатолию стали навязывать футбольный ЦСКА. Это Гомельский его подбивал — бери, мол, ты осилишь, у тебя мысли, опыт... Я Саше потом выговор сделала».

Тарасов из порученца министра превратился в старшего тренера футбольного ЦСКА, и в этой роли, конечно, выглядел одиозно. Армейские футболисты того состава вспоминали сезон под руководством Тарасова кто с содроганием, кто с сарказмом. Но не все. Тот же Федотов благожелательно, даже с благодарностью, поскольку Анатолий Владимирович произвёл его в играющие тренеры.

Своё восприятие людей, которых хорошо знал, Владимир Федотов выразил в интервью «Спорт-экспрессу»: «Бобров всё-таки был тренером не такого масштаба, как Тарасов. Дело в том, что Анатолий Владимирович посвятил спорту всю свою жизнь, тогда как Всеволод Михайлович видел в жизни немало других прелестей и не хотел себе в них отказывать.

Тарасов был Педагог с большой буквы. Говорят, он, подобно актёру, репетировал свои монологи у зеркала. Впрочем, с его мимикой и жестикуляцией достаточно было одного взгляда, чтобы всем всё стало ясно. Он постоянно что-то придумывал и изобретал. И результаты своих открытий и экспериментов не уставал заносить в тетрадь. Тарасову не хватало 24 часов в сутки, и потому на заре он уже был на ногах. Вот только до сих пор не понимаю: как в одном человеке уживались два несовместимых качества — жестокость и добродушие. Причём перевоплощение происходило в доли секунды.

Бобров обладал редчайшим голевым чутьём. Взять исторический футбольный матч армейцев с динамовцами, когда мяч от штанги отскочил не к кому-нибудь, а именно к Боброву, и тот добил его в сетку? Случайность? Ничего подобного!

Много лет спустя на занятиях футбольного ЦСКА, у руля которого стоял Бобров, тренер играл вместе с нами. И всякий раз после немыслимых рикошетов мяч попадал в него — и влетал в маленькие хоккейные

ворота. И всё потому, что в выборе позиции даже среди нас, молодых действующих игроков, не было ему равных. А на льду, в “коробке”, если Бобров перекидывал клюшку в правую руку, то уже никто к нему подступиться не мог — так он шайбу корпусом прикрывал. Когда же к нему подскакивал кто-то с противоположной стороны, Бобров брал клюшку в левую руку, которой также мастерски управлял шайбой».

Валентин Бубукин вспоминал: «Что касается непосредственно содержания тренировок, то тут сразу обнаружились недостатки Анатолия Владимировича как футбольного тренера. И, к сожалению, довольно серьёзные. Даже в физической подготовке, не говоря уж о тактике. Товаровский к тому времени, увы, умер, а других авторитетов в плане методики у Тарасова не было.

Таким образом, он полностью исключил из плана работу над скоростной выносливостью. Механически перенёс свои хоккейные принципы на футбол, не понимая того, что хоккей не предъявляет таких требований к этому элементу физической готовности. Хоккеист находится на площадке полторы-две минуты, ведёт борьбу на пределе, на встречных курсах. А затем следует смена, пауза. Поэтому Тарасов кроссы особо не жаловал. Шла работа над взрывной скоростью и общей физической мощностью...

В футболе есть такой объективный показатель — работа с максимальной мощностью. Это расстояние, которое футболист может пробежать чередующимися рывками на пределе мощности. Не так, как спринтер: пробежал сто метров и упал — выложился. А, положим, мощный рывок метров на сорок, несколько секунд паузы — и дальше.

В то время в лучших командах игроки достигали уровня тысячи двухсот — тысячи пятисот метров.

Лобановский довёл до двух тысяч. А у нас даже Чесноков, который бегал стометровку около одиннадцати секунд, имел показатель семьсот — восемьсот метров. Что говорить о ветеранах — Копейкине, Уткине, Федотове? О какой темповой игре может идти речь, если после очередного рывка футболист выпадает из игры, не успевает восстановиться? Ему давать мяч бесполезно...

В чемпионате ЦСКА играл плохо, что неудивительно. Команда даже на вылет шла. Тарасов спрашивал: “Что же получается, Валентин? Такую работу провели колоссальную!” Тут-то у нас и произошёл разговор. Прежде всего я ему разъяснил огрехи в подготовительном периоде. Кроме того, сказал, что большинство ребят на сходе. Мы, по существу, играем отработанным материалом.

— А потом, Анатолий Владимирович, нельзя игнорировать пас назад.

Пас назад он не переносил категорически. На тренировке сразу заставлял кувыркаться футболиста, отдавшего передачу. Он говорил: “Валерка Харламов шёл на троих защитников, шёл на обводку. Почему же футболист один на один не идёт в обводку?”

В принципе, современный футбол, в лучшем его исполнении, стремится к тому же идеалу, который сложился в задумках Тарасова. Минимум позиционной игры. Быстрый проход средней линии в несколько передач, вывод форварда на ударную позицию. Беда заключалась в том, что мы к этому футболу не были готовы. Да и вообще одновременно все в такой футбол играть не могут...»

Если Маношин и пытался найти усиление для ЦСКА по городам и весям, то в этом не преуспел. Практически все призванные находились в пределах МКАД. Правый крайний Юрий Чесноков был взят из московского

«Локомотива», защитник Николай Худиев — из «Торпедо», и только бывший подопечный Бубукина ещё один игрок обороны Александр Андрющенко — из львовских «Карпат».

Но призыв футболистов продолжился и в ходе сезона, что добавило неприязни к Тарасову со стороны поклонников других клубов. Впрочем, он о таких аспектах не задумывался.

В армию по так называемой «директиве» (персональному наряду) были призваны капитаны столичных «Спартака» и «Торпедо» Сергей Ольшанский и Вадим Никонов. Призываться могли граждане, не достигшие 27-летнего возраста. Если Никонова призвали за месяц до наступления этого срока, то Ольшанского едва ли не накануне дня рождения. Когда 21 мая 1975 года он отыграл отборочный матч с Югославией за олимпийскую сборную СССР, до 27-летия оставалась ровно неделя. Это, однако, не смутило Тарасова, по чьей указке велась армейская «операция». 25 мая Сергей, по его собственным словам, уже рубил дрова в воинской части в Петропавловске-Камчатском.

Угроза призыва нависла и над другим ведущим игроком «Спартака», Евгением Ловчевым. Но того уберегло своевременное рождение второго ребёнка.

Ослабление соперников всегда являлось одним из самых эффективных приёмов Тарасова для достижения результата. При этом оба игрока были отправлены в далёкие гарнизоны и никак не могли помочь ЦСКА...

Приняв команду, Анатолий Владимирович Тарасов как обычно нисколько не сомневался в себе. Если среди определённой категории футбольных тренеров его появление в футболе создало некоторый переполох: «Коли он и тут рванёт, нас разогнать могут...», то ведущие специалисты придерживались другого мнения.

Герман Зонин, возглавлявший тогда ленинградский «Зенит», в своих мемуарах вспоминал: «Перед сезоном

1975 года утверждали мы рабочие планы в Москве. Один за другим выступают тренеры, доходит очередь до Тарасова. Он встаёт, очень подробно всё рассказывает и заключает свою речь словами: “Вопрос о ЦСКА на повестке дня не стоит. Мы будем чемпионами. Думать сейчас надо, прежде всего, о том, как выиграть грядущий чемпионат мира”».

Такое заявление могло обескуражить кого угодно. Но уже в ходе предыдущего сезона Тарасов публично, в печати, высказывался в том смысле, что при правильной постановке тренировочного процесса армейские футболисты смогли бы побороться за чемпионский титул.

Задиристый характер привыкшего к победам Тарасова давал о себе знать в матчах первого круга. Когда армейцы приехали играть в Киев, Тарасов пообещал Лобановскому: «Ну, сегодня мы вас...» Тот усмехнулся: «Если б мы с вами вагоны разгружали, Анатолий Владимирович, вот тогда бы вы нас». Итог матча был 3:0 в пользу киевлян...

Со временем характер притязаний Тарасова резко поменялся. В предпоследнем туре армейцам предстоял выезд в Ленинград. Тот же Зонин свидетельствовал: «Приходит от Тарасова второй тренер Валентин Бубукин: “Герман, мы с Тарасовым предлагаем ничью. Сам просит”. Переговорил по телефону с Анатолием Владимировичем. Решили: играем вничью — 1:1.

И вот начался матч. Моя команда ведёт — 1:0. Время идёт, остаётся совсем немного до конца встречи, счёт прежний. Вижу, Бубукин бежит: “Герман, ты что? Хочешь старика до инфаркта довести? Да на Тарасове лица нет!” Я отвечаю: “Да пусть уйдёт он из-за ворот и не волнуется. Всё будет в порядке”. И точно. Копейкин прорвался и забил ответный мяч — 1:1 (надо ж ЦСКА выручать) — ничья.

Потом Тарасов мне говорит: “Да я чуть с ума не сошёл! Хотя момент мы хороший создали”».

Наобещавший министру золотые горы Тарасов был посрамлён. ЦСКА завершил чемпионат на тринадцатом месте.

Не получив назначения в ЦСКА, Бобров ждал других футбольных предложений. Интерес к нему проявил министр путей сообщения Борис Павлович Бещев. На разговор к Боброву прибыл пользовавшийся доверием Бещева бывший одноклубник Всеволода Михайловича по ВВС Николай Петрович Морозов, под руководством которого сборная СССР успешно выступила на чемпионате мира 1966 года.

Могущественный министр горячо переживал за судьбу своего любимого детища — московского «Локомотива», который тогда завоевал право вновь выступать в высшей лиге. Но что-то в переговорах не сложилось (не исключено, что из-за норова Морозова), и настроившийся на работу в футболе Всеволод Бобров отправился в Алма-Ату, где возглавил оказавшийся за бортом высшей лиги «Кайрат».

Боброва мог вдохновить пятилетней давности пример Александра Севидова, который за сезон решил задачу возвращения этой команды в высший эшелон и сразу же получил приглашение в киевское «Динамо».

По итогам чемпионата 1974 года «Кайрат» выбыл из высшей лиги при равенстве очков с ЦСКА и луганской «Зарей». Как водится, спортивные руководители на финише предпринимали отчаянные попытки спасти команду. Заключительные матчи «Кайрат» проводил дома. И если попытка воззвать к «сердобольности» Николая Петровича Старостина, напомнив о лояльном к нему отношении в Казахстане во время сталинской ссылки, закончилась неудачей («Спартак» победил со

счётом 4:0), то прибывшее в Алма-Ату уже в ранге чемпиона киевское «Динамо» оказалось более сговорчивым, позволив хозяевам поля выиграть — 2:1. Однако это была пиррова победа — ничего кроме равенства очков в споре с конкурентами она не принесла. ЦСКА и «Заря» предусмотрительно сыграли между собой вничью и оказались в таблице выше «Кайрата».

Возглавлял команду в том сезоне Артем Григорьевич Фальян. Мнения об этом тренере расходились полярно.

С немалым удивлением коллеги восприняли присвоение ему звания заслуженного тренера СССР, поскольку никаких формальных оснований не имелось. Уже с нимбом над головой Фальян прибыл в Ленинград вытаскивать со дна турнирной таблицы «Зенит». Но ни с «Зенитом», ни следом с донецким «Шахтёром» достичь каких-либо успехов ему не удалось.

Амбициозный, свято веривший в собственную непогрешимость, Фальян взялся за обновление состава «Кайрата», сделав ставку на воспитанников казахстанского футбола. Дело это, несомненно, благое, но многотрудное, особенно для приезжего тренера.

Удалив из команды таких авторитетных игроков, как Николай Осянин, Сергей Рожков и Юрий Сёмин, Фальян стал «просеивать» в «Кайрате» футболистов из республиканских команд второй лиги, но стройная игра не сложилась, что и привело к неудаче.

Все названные футболисты составляли среднюю линию, лишившись которой команда утратила мозговой центр. Николай Осянин являлся уже игроком возрастным, но возвращённый позже в московский «Спартак» он ещё несколько сезонов достаточно успешно действовал в качестве центрального защитника. Сергей Рожков также вернулся в «Спартак», но, не сумев в нём закрепиться, закончил было

выступления, однако уже в бытность тренером Боброва вернулся в «Кайрат» ко второму кругу и также занял позицию в центре обороны, став «чистильщиком». О значимости Рожкова красноречиво говорит тот факт, что его включили в символическую сборную «Кайрата» минувшего века, хотя в анкетах такого рода предпочтение обычно отдаётся местным футболистам.

Что касается Юрия Сёмина, то он пребывал в расцвете сил и выбрал «Кайрат», уйдя из московского «Динамо» (о чём впоследствии сожалел), с целью играть у конкретного тренера — Виктора Георгиевича Королькова. Но того в ходе сезона 1972 года освободили, и в Алма-Ате появился Сергей Иосифович Шапошников. Его-то в дальнейшем и сменил Фальян.

Отчисление Осянина и Сёмина вряд ли можно считать справедливым. Это была лишь мера воздействия на остальных игроков со стороны авторитарного тренера. Тем не менее, когда автор книги уже в наши дни попросил Сёмина вспомнить о впечатлениях от совместной работы с Фальяном, толерантный Юрий Павлович был вполне корректен: «Запомнилось, что во время тренировок он любил располагаться на трибуне с мегафоном и оттуда делал распоряжения, хотя не всех игроков знал по именам. В нашем с Колей Осяниным случае он, конечно, погорячился. Опоздали мы на сутки из Москвы не по своей вине, вышла задержка с самолётом. В любом случае вопрос можно было решить иначе. Скорее всего, Фальян искал повод от нас избавиться. А вот дальше он и местное начальство поступили непорядочно. Прислали бумагу, которая перекрыла мне возможность играть в высшей лиге. Пришлось на год поехать в Новосибирск, во вторую лигу».

Всеволоду Боброву предстояло из разрозненной массы футболистов сформировать костяк и решать

задачу возвращения в высшую лигу. Осложнялось это ещё и тем, что в предыдущем сезоне «Кайрат» оказался «под колпаком» у следственных органов. Сначала в ЦК КП Казахстана, а затем и в ЦК КПСС рассматривался вопрос «О фактах незаконного расходования средств на содержание футбольной команды “Кайрат”». Виновные отделались различными выговорами, но на «вливаниях» в команду это не могло не сказаться. В таких случаях исчезали так называемые «доплаты», которые имели ведущие игроки, снижался размер премиальных.

В той ситуации сложно было привлечь опытных футболистов, что могло бы помочь, и Бобров ограничился лишь приглашением Вячеслава Солохо. В своё время этот одарённый молодой футболист покинул «Пахтакор», чтобы играть под началом Боброва в ЦСКА. Но, увы, уровень игры Солохо не усилил «Кайрат».

Весь чемпионат «Кайрат» находился среди лидеров, хотя становление коллектива происходило трудно. В середине первого круга алмаатинцы в Кишинёве уступили «Нистру» — 0:1. В своём обзоре в «Футболе-хоккее» очевидец матча опытный специалист Владимир Цинклер недоумевал: «Отсутствие психологической устойчивости, взаимовыручки, волевых усилий у многих ведущих игроков “Кайрата” отрицательно сказалось на команде. Удивляет, что опытные Жуйков, Кисляков, Хисамутдинов не желают взять на себя роль организаторов. Не иначе как потерей чувства ответственности за судьбу команды можно объяснить поведение Ионкина, который в основном занимался тем, что поучал товарищей и жестикулируя реагировал чуть ли не на каждое действие судьи».

Первый круг «Кайрат» закончил в лидирующей группе, где плотность была так велика, что ни победа, ни поражение в одном-двух матчах существенно не сказывались на положении претендентов. Но на финише каждое очко имело уже другую цену.

Решающим для судьбы «Кайрата» стало поражение на своём поле от казанского «Рубина» в предпоследнем туре. Выиграй подопечные Боброва в тот день, они бы опередили второго призёра (им стало минское «Динамо») и получили бы право вернуться в высшую лигу. В итоговой турнирной таблице «Кайрат» оказался на четвёртой строчке...

Тем не менее, когда по окончании сезона тренеры команд-участниц в еженедельнике «Футбол-хоккей» назвали свои варианты символической сборной турнира, в неё попали несколько игроков «Кайрата». В первый «состав» были включены защитники Сеильда Байшаков и Владимир Кисляков, а во второй — вратарь Куралбек Ордабаев и форвард Анатолий Ионкин, ставший с 27-ю голами лучшим бомбардиром чемпионата. Те же фамилии назвал в своём варианте и сам Бобров.

В дальнейшем Ордабаев, Ионкин и Байшаков являлись ведущими игроками «Кайрата» уже в высшей лиге, а последний был даже задействован в сборной СССР. Кисляков же, попав под армейский призыв, уже играл за ЦСКА. И только несерьёзное отношение к футболу помешало этому обладавшему отличными физическими данными игроку проявить себя в должной мере.

Как-то кайратовцы на базе отрабатывали удары с лета. Мяч упрямо летел мимо ворот. Один из лучших бомбардиров в истории команды Анатолий Ионкин вспоминал: «Всеволод Михайлович стоял, смотрел, потом говорит: “Ладно, вы пока передохните, а то стыдно смотреть, как вы бьёте”. Мы с флангов подавали мячи, а он бил в течение 15-20 минут. Всего два или три мяча послал рядом со штангой».

Огорчительным для Боброва во время работы с «Кайратом» помимо невыполнения задачи в чемпионате стало ещё одно событие. Выступления в розыгрыше Кубка СССР команда начала с громкой победы над

московским «Торпедо» — 3:0. В четвертьфинале жребий свёл алмаатинцев с ЦСКА. Всеволоду Михайловичу представился случай для очного соперничества с Тарасовым. Однако надеждам не было суждено сбыться...

Матч состоялся в Москве на стадионе «Динамо». Посвящённый в детали Владимир Пахомов излагал в своей книге: «После выступления Боброва за “команду лейтенантов” никогда на трибунах не собиралось столько его родных, знакомых, в том числе и таких, которые давно не ходили на футбол. Ведь у матча, в коем решалось, кто выходит в полуфинал, был подтекст: очередное противостояние Бобров — Тарасов...

Но в тот день армейцы показали игру, которую они не демонстрировали до этого и которую не сумели показать до конца сезона. Не знаю, как сумел Тарасов настроить подопечных, но они в тот день, как говорится, прыгнули выше головы и победили со счётом 3:0. Более подавленного после матча Боброва я никогда не видел».

«Сева не скрывал, что хорошо поработать ему с “Кайратом” не удалось, — рассказывала Елена Боброва. — Возможно, он не очень стыковался с местным спортивным руководством. Но мы не собирались оставаться в Казахстане больше чем на год. Мише (сыну. — *М. Щ.*) уже пора было идти в школу».

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Во второй раз Всеволод Бобров принял ЦСКА вновь в пожарном порядке. Некогда сменивший его Валентин Николаев отработал четыре сезона, но после чемпионства команда выступала весьма посредственно, и в заключительный год работы Николаева, в 1973-м, заняла десятое место. После этого старшие тренеры армейцев стали меняться ежегодно. Причём каждое новое назначение ничего кроме недоумения не вызывало.

Сначала ЦСКА возглавил никогда прежде не работавший с командами мастеров Владимир Агапов. Итог — 13-е место. Затем, как уже говорилось, задело взялся хоккейный мэтр Анатолий Тарасов. Итог — 13-е место. Могло быть и хуже, но Тарасов вовремя передал бразды правления своему помощнику Валентину Бубукину, а сам стал выполнять функции начальника команды.

В 1976-м наставником ЦСКА был назначен Алексей Мамыкин, не преуспевавший в тренерской профессии.

Об истории этого назначения поведал в своих мемуарах Валентин Бубукин, отметив, что и в этом случае решение принимал министр обороны маршал Гречко: «Пришёл к нему Володя Федотов. Мне в лицах потом рассказывали. Так, мол, и так. Бескова Константина Ивановича поставили и вдруг отстранили.

— А кто вы ему?

— Я — зять. Бубукин хороший тренер, но молодой для такой команды, как ЦСКА.

— Понятно. Идите. Покусаева ко мне. Бубукина оставить вторым. Найти любого старшего тренера из армейцев.

Назначили “старого” Лешку Мамыкина...»

Вполне уместная здесь ирония Бубукина была вызвана не столько родством Бескова и «ходатая» Федотова, сколько определением Бубукина как «молодого тренера». Назначенный Мамыкин был на три года моложе Бубукина...

В обоих однокруговых чемпионатах (то был эксперимент в «интересах сборной», инициированный Валерием Лобановским) армейцы финишировали седьмыми. Мамыкин начал во главе ЦСКА и чемпионат 1977 года. В четвёртом туре команда потерпела сокрушительное поражение от московского «Динамо» (0:4), после чего старший тренер был отправлен в отставку.

Свидетелем передачи дел был Леонид Горянов, который рассказал об этом в книге «Характер чемпионов». Разговор вели Всеволод Бобров и приглашённый им самим некогда в армейскую команду Алексей Мамыкин:

«— Вы что, не набегали в весенний период даже двухсот километров? — изумлённо спросил Бобров у своего предшественника, готовившего армейцев к сезону.

— Мы вообще не бегали кроссов, — последовал ответ.

— Ну, знаете, батенька, у меня нет слов. Вас бы наказать надо. Мы двадцать лет тому назад работали втрое больше...»

Положение Боброва было весьма сложным. Уяснив, что подготовка к сезону в основном шла через бесконечные игры, Всеволод Михайлович обратился к прошлому опыту, к урокам Аркадьева. Ведь как бы поступил Борис Андреевич, окажись в сходной ситуации? Он не стал бы требовать от футболистов высокой самоотдачи в игре до тех пор, пока они не наберутся сил. Прилежный ученик Аркадьева старался

повысить интенсивность занятий, стали практиковаться двух- и трёхразовые ежедневные тренировки.

Бобров срочно начал укреплять оборонительные порядки новичками, переведёнными из армейских коллективов низших лиг. Команда трижды сыграла вничью, но в восьмом туре грянул гром — 0:4 в Киеве. И хотя в дальнейшем таких ударов судьбы команда больше не получала, движение армейцев по турнирной дистанции складывалось трудно. Выбраться из подвала таблицы не удавалось, в конце сентября даже возникла угроза вылета. Последовали пять ничьих на финише, и всё же ЦСКА удалось удержаться в высшей лиге, на очко опередив львовские «Карпаты».

В межсезонье Боброву было над чем поломать голову. Покинули команду основные игроки — нападающий Борис Копейкин и полузащитник Сергей Морозов. На их места были взяты новички, и нужно признать, что Всеволод Михайлович угадал с пополнением.

Особенно удачно влились в состав атакующий полузащитник Назар Петросян и молодой форвард Алексей Беленков.

При подготовке к новому сезону Бобров закладывал крепкий атлетический фундамент. Это позволило футболистам встретить сезон сильными, не боящимися травм, что, в свою очередь, повлияло и на их моральный настрой. Не уступая никому в скоростной выносливости, футболисты ЦСКА оказались в состоянии навязывать соперникам свою игру.

Начав с двух поражений, армейцы в следующих шести матчах одержали пять побед (все с одинаковым счётом 2:1), после чего вышли на третье место. Укрепила веру футболистов в себя и ничья в Киеве.

На перемены в игре ЦСКА откликнулся в «Футболе-хоккее» теперь уже профессиональный журналист Виктор Понедельник: «Став в середине прошлого года у

руля, Всеволод Михайлович кропотливо и настойчиво стал формировать команду, которая была бы готова возродить славные традиции армейцев.

Трудная задача стояла перед ним? Да, трудная. Ибо на ЦСКА все давно махнули рукой, мол, всё равно ничего не выйдет. Каждый год в команду приходят всё новые и новые игроки, а толку всё нет и нет... Боброву, таким образом, пришлось не только воссоздавать команду, но и бороться с теми настроениями вокруг клуба, которые мешали созданию нравственной атмосферы в коллективе...

Поначалу не всё ладилось у нового тренера. Слишком разношёрстный состав оказался у клуба, где наряду с игроками высшей играли и выходцы из первой и даже второй лиги. Надо отдать должное тренерам, они не спешили расставаться с прежним составом и, знакомясь с игроками по ходу первенства, пытались ещё в прошлом сезоне приучить их к новой манере игры, где бы преобладали не только атлетические качества, но и техника, помноженная на умение верно тактически мыслить.

Бобров начал исподволь комплектовать армейскую команду исходя не из количества игроков, а из качества, то есть брал в свой состав того или иного футболиста на определённое место. Так в ЦСКА появились Николаенко, Григорьев, Погорелое, Александров, Коробочка, Петросян, Беленков. Думаю, не ошибусь, если скажу, что, подбирая футболистов, умеющих решать тактические задачи, тренер стремится, чтобы такие игроки были во всех линиях команды, а не только среди полузащитников. И не случайно, что в одиннадцати турах ЦСКА одержал уже семь побед».

Свой панегирик Понедельник завершил так: «Хочется верить, и верю, что армейцы Москвы наконец-

то впервые за последние восемь лет по-настоящему и в дальнейшем будут радовать своих поклонников».

Правда, на этом пути сразу встретились и ухабы. Домашнюю неудачу во встрече с динамовцами Тбилиси никто не драматизировал, но следом в Одессе армейцы потерпели тяжёлое поражение — 0:4.

Вскоре после этого в еженедельнике «Футбол-хоккей» высказался известный телекомментатор Владимир Перетурин: «Далеко не всё ещё пока в игре ЦСКА отлажено. Иногда нечётко действуют защитники, не всегда активны футболисты середины поля, армейцы могут проиграть (даже крупно, как в Одессе), но и в неудавшемся матче с “Черноморцем” команда не заботилась только об обороне...

Футболисты ЦСКА наступают, ошибаются, снова атакуют, и победы к ним всегда приходят под аплодисменты. Стил ь игры армейцев импонирует любителям футбола, а это значит, что команда на правильном пути».

В начале второго круга из-за травмы до конца первенства выбыл из строя основной голкипер Владимир Астаповский. Его, пусть и с некоторыми потерями в сыгранности с обороной, сумел заменить богато одарённый природой молодой Валерий Новиков. Однако в августе армейцы проиграли четыре матча подряд...

Хорошо информированный журналист Олег Кучеренко отмечал в еженедельнике «Футбол-хоккей»: «Надлом в игре команды произошёл после того, как она в отсутствие двух своих тренеров — Боброва и Агапова — бесславно проиграла в Ереване с крупным счётом 0:3. Да, в этом сезоне у ЦСКА бывали и большие неудачи (поражение от “Черноморца” — 0:4), но команда всё же выправлялась, а сейчас, судя по игре, у неё совсем иное настроение».

Объяснение случившихся перемен не прозвучало, подноготная в те годы не раскрывалась. Но всё тайное, как известно, рано или поздно становится явным. В спорте во всяком случае.

В октябре в том же издании другой ведущий обозреватель, Валерий Винокуров, представил своё видение происходящего: «Неудачи ЦСКА наводят на мысль о том, как рискованно делать далеко идущие выводы в середине сезона. В семи последних матчах армейцы шесть раз проиграли и сделали одну ничью. А ведь перед этим провалом только и было разговоров о том, что команда наконец-то создала себе игру. Проиграть раз, и два, и даже три можно, конечно, хотя и нежелательно, но такой провал, как у ЦСКА, был бы невозможен, если бы у команды действительно была игра. Но за неё многие, видимо, приняли оказавшееся временным этакое пробуждение после многолетней спячки: слабость и неорганизованность обороны и средней линии лишь на короткий период сумели компенсировать свежие, удачные действия Чеснокова и его новых партнёров по нападению».

Обзор Винокурова был опубликован за пять туров до конца первенства. К счастью, подопечные Боброва в четырёх из оставшихся матчей одержали победы, а уступили лишь в Тбилиси будущему чемпиону. Это позволило армейцам прибыть к финишу шестыми.

Если журналисты были настроены критически и несколько сгустили краски в отзывах об игре ЦСКА, то многие специалисты оценивали работу Боброва как перспективную. В итоговом обзоре еженедельника наставник московского «Динамо» заслуженный тренер СССР Александр Севидов отмечал: «Мне нравилось, как играла в какой-то период команда ЦСКА. Чесноков, Петросян, Беленков, Тарханов доверяли обороне и тогда, когда мячом владел противник, занимали позиции в районе центральной линии, что позволяло

быстро начинать ответные атакующие действия. И оказывалось, что не так уж страшно пропустить гол, — армейцы, свежо и смело атакуя, забивали два».

Конечно, такой итог после бравого начала мог разочаровать, но высшей несправедливостью стало очередное отстранение Боброва.

«Вторично снимая его за шестое место, военачальники забывали, что он дважды поднимал команду из самых глубин турнирной таблицы, — писал в своей книге Владимир Пахомов. — К сожалению, в 1978 году, незадолго до окончания сезона, в команде ЦСКА возник заговор против старшего тренера. В смуте участвовали не только игроки (в первую очередь это Саух, Назаренко, Высоких). Старший тренер вдруг перестал устраивать своих помощников. Потребовалось вмешательство Главпура, после чего был отмечен небывалый случай — чемпионат Бобров завершал без помощников, если не считать, что в срочном порядке к нему прислали бывшего вратаря Пшеничникова, никогда не работавшего тренером».

Многие подробности прояснил в интервью «Спорт-экспрессу» (от 18 ноября 2016 года) Сергей Ольшанский:

«— Бобров каким запомнился?

— Добрый, отзывчивый, всем помогал. Это не Тарасов. По человеческим качествам — небо и земля. У нас чудесные отношения были, два года подряд отдыхали семьями в Алуште и Сочи. Впервые соприкоснулся с Бобровым весной 1976-го в Кудепсте. В то время он работал в спорткомитете Министерства обороны, приехал на сбор с проверкой...

— Как Боброва увольняли из ЦСКА?

— Не сложились отношения с контр-адмиралом Шашковым, председателем спорткомитета Министерства обороны. Плюс “телегу” накатали.

— Кто?

— Капличный. Он с дублем работал, выступали успешно. Иногда проводил тренировки основного состава. Всеволод Михайлович ему доверял. А тот на его место метил, возомнил себя великим тренером. Настропалил ребят, сварганили бумагу в Министерство обороны. Дескать, Бобров, такой-сякой, талантливую армейскую молодёжь зажимает. Кроме дублёров письмо подписал Юра Чесноков. Тогда мы с Назаром Петросяном и Сашей Тархановым подготовили письмо в защиту Боброва. Чесноков и его подмахнул.

— *Вот это номер.*

— В конце чемпионата Бобров пообещал Чеснокову “Волгу”, если в оставшихся матчах забьёт три мяча. Тот с задачей справился. Машина-то вообще мне полагалась, но Всеволод Михайлович сказал: “Серёга, следующая ‘Волга’ — твоя. А эту я должен Юре отдать”. Денег у него не было, занял у Боброва. Н такая “благодарность”!

— *Странно.*

— Пристыдил я Чеснокова: “Михалыч для тебя столько сделал! Как же идёшь против него?” В ответ пролепетал: “ Растерялся я. Подошли ребята, говорят, все уже подписали...” — “Да кто — все?! Дубль?! Капличный воду мутит, на наших плечах хочет въехать в рай”.

— *Не помогло второе письмо?*

— Нет, к сожалению. Судьба Всеволода Михайловича была предрешена. Но и Капличный главным не стал. Бобров успел его убрать из команды, едва заварилась эта каша».

Такого рода брожение, а скорее даже бунт в спортивных командах иногда возникает, но спровоцировать подобное явление может что-то вопиющее, из ряда вон выходящее. В данном случае ничего похожего не было. Обновлённая команда

поймала свою игру, одерживала победу за победой. Во главе её находился тренер, поощрявший творчество футболистов, стремившийся создать дружный игровой ансамбль, никого не подавлявший своим диктатом.

В ЦСКА тогда недовольство отдельных игроков, в силу разных причин оказавшихся вне основного состава, умело использовали в своих целях члены тренерского штаба.

Интриговали против Боброва начальник команды Владимир Агапов и первый сезон работавший тренером после окончания Высшей школы тренеров Владимир Капличный — люди, которых пригласил в команду он сам. Конечно, чужая душа — потёмки. Но выбор помощников Всеволод Михайлович явно не продумал.

Легко было бы предположить, что он мог опереться, скажем, на Валентина Бубукина, который работал в паре с Мамыкиным. Ведь он уже опытный специалист и тому же Боброву, первому своему тренеру, благодарный. Но это оказалось невозможным. Бубукин после ухода из ЦСКА отправился работать во Вьетнам и таким образом исчез с горизонта Боброва.

Что касается Капличного, то он возглавил армейскую команду близкого его сердцу Львова, затем тренировал другие армейские команды низших лиг на Украине, а осел в Киеве, где и закончил свои дни. Недоумение вызвала фраза в отклике на это событие в «Спорт-экспрессе»: «Всеволод Бобров хотел оставить его в ЦСКА, но “Капля” попросился на вольные хлеба».

Вторую отставку из ЦСКА Всеволод Бобров переживал ещё тяжелее. Он был значительно старше, имелся уже не только опыт за плечами, но и реноме, заработанное в годы работы с хоккейной сборной, да и перспективы этого состава армейцев виделись ему более привлекательными, чем прежнего.

Последнее можно, конечно, оспаривать, поскольку команда образца 1969 года в следующем сезоне стала чемпионом. Но совсем не случайно возникла оговорка в словах Елены Бобровой. В интервью «Спорт-экспрессу» она, вспоминая появление в 1970-м под балконом их квартиры футболистов ЦСКА, отмечавших свой успех, упомянула фамилии Ольшанского, Тарханова, Петросяна — футболистов следующего поколения. Это были уже убеждённые сторонники Боброва, которые не имели ещё повода стрелять пробками от шампанского, но они — ведущие игроки команды — пришли к тренеру домой выказать своё расположение.

Свято веривший в справедливость, Всеволод Михайлович едва ли не впервые в жизни решил постоять сам за себя. Владимир Пахомов писал, что первый визит Бобров нанёс заместителю заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Марату Владимировичу Грамову, который курировал спорт. Будущий председатель Госкомспорта, который на этом посту проявил себя не лучшим образом, и в том случае, на словах возмущившись произошедшим, заявил, что ЦК не может вмешиваться в решения спорткомитета Министерства обороны.

В поисках истины обескураженный Бобров отправился к заведующему отделом пропаганды ЦК Евгению Михайловичу Тяжельникову. Его встретил формально более радушный приём, но ничего кроме трескучих фраз от шефа советской пропаганды он не услышал.

Следующую попытку Бобров предпринял, позвонив по так называемой «вертушке» (прямому телефону) министру обороны Дмитрию Фёдоровичу Устинову. Маршал не числился в поклонниках спорта. Выслушав суть вопроса, он сослался на отсутствие курирующего спорт своего заместителя маршала Соколова. И

посоветовал ждать звонка из армейского ведомства. Но его не последовало...

Бобров мог бы напомнить министру, что он — сын того самого мастера производственного обучения, с которым судьба свела будущего члена политбюро в начале его трудовой деятельности. В том, что Устинов запомнил Михаила Андреевича, сомневаться не приходится. Став в возрасте тридцати трёх лет в 1941-м наркомом вооружения, именно Дмитрий Фёдорович перевёл Боброва-старшего в конце войны из Омска в Москву.

«Но Бобров не стал беречь душу старца воспоминаниями о юности. И в этом был весь Бобров. Воспользоваться магической фразой “Я — Бобров” он мог, когда требовалось помочь родным и друзьям, но не ради себя. Даже в разговоре с министром, оказавшись выброшенным на обочину жизни...» — заключил Владимир Пахомов.

Воспользовался «вертушкой» Бобров в кабинете главкома сухопутных войск генерала армии Ивана Григорьевича Павловского. С ним и его семьёй Всеволод Михайлович находился в дружеских отношениях. Будь это в силах Павловского, он восстановил бы справедливость, но указание последовало из Министерства обороны, от того самого маршала Соколова, чьего звонка тщетно ожидал Бобров.

Не добившись толка от властей предержащих, Всеволод Михайлович вынужден был примириться с обстоятельствами, а вскоре получил назначение тренером футбольной школы ЦСКА, которое стало последним местом его работы. Это был серьёзный удар по самолюбию, к тому же с детьми он никогда не работал.

ЧЕЛОВЕК С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

Вряд ли стоит удивляться тому, что Анатолий Тарасов не считал Боброва большим тренером: мол, достаточно ему и спортивного признания.

Совсем иначе воспринимал давнего оппонента Бобров. Об этом читаем у Анатолия Салуцкого: «По части административных способностей и руководства командой в тренировочном периоде Анатолий Владимирович Тарасов превосходил Боброва, о чём известно достаточно хорошо. Однако была ещё одна, необычайно важная составная часть тренерского искусства, где Тарасов был выше Боброва. Речь идёт о глобальных вопросах хоккея, затрагивающих саму суть этой игры, её теории.

Интересно, что сам Всеволод Михайлович в этом отношении, безусловно, отдавал Тарасову пальму первенства. Однажды, когда в кругу друзей кто-то попытался неодобрительно высказаться об Анатолии Владимировиче, Бобров прервал и очень серьёзно сказал:

— Тарасов — великий теоретик хоккея!

Об этом вспоминает присутствовавшая при разговоре Римма Жукова».

Однако если позиция Тарасова совершенно понятна, то, как мы убедились, у бывших партнёров Боброва — Виктора Шувалова и Николая Пучкова — было противоположное мнение. Они считали Боброва выдающимся тренером.

В интервью «Спорт-экспрессу» (от 5 сентября 2017 года) к 45-летию Суперсерии многолетний капитан

сборной Борис Михайлов назвал Боброва великим человеком и тренером: «У него была своя методика. Говорил очень мало, но всё время по делу. У него был особый подход к тренировочному процессу. Бобров был намного доступнее, чем Тарасов и Тихонов. По доступности его можно сравнить с Аркадием Ивановичем Чернышёвым. Но по-спортивному был очень требовательным. Он мог посадить тебя в запас и ничего при этом тебе не объяснить.

Если говорил, то игроки слушали его с уважением. Он хоккеистов просил. Тарасов и Тихонов никогда не просили — только требовали.

Когда он пришёл, сказал так: я пришёл не менять вас. Играйте так, как играете в своих клубах. Но вы не должны делать то-то и то-то. И мы так и делали. Ну а Всеволод Михайлович подсказывал “по ходу пьесы”. Атмосфера при этом была отличная. Напряжения не было, какое появилось, например, при Тихонове».

Что уж говорить о горячем почитателе Боброва Николае Эпштейне: «Меня спрашивали тут — кого, Николай Семёнович, лучшим хоккейным тренером считаете? А я говорю — Боброва! Он был Тренером! Сева и футболист уникальный, и хоккеист с мячом сильнейший, и по шайбе ему равных нет... И Харламова выше, и Мальцева...

От Бога он, Севка-то. Пока в ВВС играл, сильнее команды не было... И как тренер — самый талантливый. Только мало он в тренерах пробыл».

Эпштейн говорил о хоккее. Но как мы знаем, Бобров стремился покорять тренерские высоты и в футболе. Что подтверждает его жена Елена Николаевна: «Лично я была сторонницей хоккея. На это муж мне говорил так: “Ты любишь хоккей, потому что ничего не понимаешь в футболе. В хоккее надо больше бегать, и забивают там часто, а в футболе надо много думать”. Ему больше нравился футбол».

Но дело даже не в предпочтениях Боброва.

Анатолий Салуцкий обозначил свою позицию так: «По свидетельству очень авторитетных специалистов футбола и хоккея, а также игроков, чьим наставником был Всеволод Михайлович в разное время, можно сделать неопровержимый вывод о том, что Бобров обладал поистине незаурядным тренерским дарованием. Это дарование сочетало в себе аналитическое мышление и педагогический такт с целенаправленной, сильной волей, которая позволяла соответствующим образом настраивать игроков во время матчей. Уважение спортсменов к Боброву было беспредельным, каждый почитал за счастье быть учеником такого выдающегося мастера, и это, естественно, облегчало Всеволоду Михайловичу руководство командами.

И всё-таки, как ни обидно, по-настоящему выдающимся тренером Бобров не стал, он не поднялся до того высочайшего уровня, какого достиг на футбольных полях и хоккейных площадках, не сумел в полной мере реализовать свой огромный творческий потенциал. Почти совершенно лишённый административных наклонностей и недолюбливавший “коридоры спортивной власти”, Всеволод Бобров, представитель романтического периода зарождения хоккея с шайбой, человек вольницы, не смог полностью адаптироваться в новом, по необходимости более рациональном спорте последующих десятилетий. А тренера-напарника, который умело компенсировал бы недостаток административных способностей Боброва, используя сильные стороны его тренерского дарования, увы, не нашлось».

В этой связи помыслы Салуцкого простирались столь далеко, что ему самому была ясна невозможность их воплощения, — совместная работа Боброва и Тарасова.

Совершенно очевидна его правота в том, что Бобров в тренерской деятельности не поднялся до тех высот, которые были подвластны ему в качестве игрока. В первую очередь это касается футбола, где реальных достижений не случилось.

Но в хоккее — иначе. Боброву удалось привести московский «Спартак» к чемпионскому званию, поднять профсоюзную (следует сделать акцент именно на этом) команду до конкурентного уровня с, казалось бы, вечным гегемоном ЦСКА.

Во главе сборной страны Бобров сделал ещё больше. Именно он разрушил миф о непобедимости канадских профессионалов. Это сейчас, обращаясь к Суперсерии 1972 года, рассматривают в основном статистические итоги, досадуя, что могли выиграть её. Постепенно растворяется реальность того времени. Да и откуда ей взяться в оценках следующих поколений — а ведь это был прорыв в новое измерение, хоккейный Космос. И осуществил его не прославленный дуэт мэтров Чернышёв—Тарасов, а только-только пришедший им на смену Всеволод Бобров.

Под водительством Всеволода Михайловича сборная стала победителем двух мировых чемпионатов и в 1973-м выиграла турнир столь блистательно, что ниспровергла все прежние достижения, когда сборная побеждала в чемпионатах мира без потерь в очках. В былые времена они проводились в один круг, а в этом случае — в два.

Этих достижений достаточно, чтобы обозначить Боброва не просто как выдающегося хоккейного тренера, но поставить в один ряд с гигантами — Аркадием Чернышёвым, Анатолием Тарасовым, Виктором Тихоновым.

В восприятии итогов Суперсерии-1972 самим Бобровым отразилось его жизненное кредо.

Елена Боброва рассказывала: «Сева этих встреч не боялся. Он по натуре был не из робких да осторожных. Если предстояло важное дело, то окунался в него с головой. Конечно, Всеволоду хотелось победы во всей серии, но спорт есть спорт, и всё решила одна шайба. Но какой праздник тогда был в Москве!..

Вечером, после последнего матча, мы сидели на кухне, разговаривали. Сева сказал тогда, что ради всего этого можно жить, ради такой объединяющей всех игры стоит организовывать встречи с профи».

Бобров трепетно относился к родному для него ЦСКА. При назначении Виктора Васильевича Тихонова главным тренером хоккейной команды армейцев Всеволод Михайлович наставлял своего подопечного давних лет: «Первые годы ЦСКА будет работать на твоё имя. Но потом всю жизнь ты должен работать на имя ЦСКА».

Приведём ещё одно высказывание Николая Семёновича Эпштейна: «Всеволод Михайлович покорял широтой своей натуры, готовностью пожертвовать ради друга всем. Мастер он был неподражаемый, второго такого быть не может. И жил он так же, как играл, — размашисто, непредсказуемо, ярко, открыто, всей душой, всем сердцем.

Подлости не терпел, гадостей никому не делал. Выигрывал всегда в честной, бескомпромиссной борьбе. Любил людей. Поэтому-то и стал всенародным любимцем. Он душу народа на поле выражал. Тут сочетание величия игрока и личности. Не так-то часто это в жизни случается. А Севка и игрок был гениальный, и тренер выдающийся...»

Анатолий Салуцкий писал: «Его слава была сумасшедшей. Где бы он ни появлялся, на него всюду обращали внимание — и это в дотелевизионную эпоху!

Но он со всеми умел вести себя мягко, спокойно, с юмором, не высокомерно. Он не терпел только одного — хамства. Причём, как ни странно, когда иные друзья детских или спортивных игр в отдельные, трудные для Боброва периоды несправедливо относились к нему, а порой даже переставали с ним здороваться, он не обижался на них и не помнил зла. Более того, потом продолжал помогать им. Но если в его присутствии пытались обидеть кого-то другого, он немедленно приходил на помощь...

Таким же благородным, равнодушным, доброжелательным и жаждущим справедливости Всеволод Михайлович с самых детских лет стремился воспитать своего сына. Миша, названный в честь деда, оказался поздним ребёнком: Боброву было уже сорок шесть лет. И никогда друзья не видели Всеволода таким безмерно счастливым, как в тот день, когда он узнал о рождении сына. Миша, словно копия похожий на отца, был для Всеволода Михайловича самым обожаемым существом на свете, отец называл его “Мини-Боб”. Когда сын ещё не умел ходить, Бобров летом приезжал с семьёй в Калужскую область, к Якову Охотникову, и мог с Мишей на руках часа полтора подряд вышагивать вокруг большого Скобейского луга на берегу Нары, нежно шепча всего лишь два слова: “Михей! Мой Михей!”

Он страстно мечтал поставить сына на ноги, однако не успел этого сделать. Когда он умирал, медсестры слышали его последние слова: “Мне надо Мишку воспитать...” И было бы прекрасно, если бы родной для Всеволода Боброва армейский клуб позаботился об этом».

Заботой это не назовёшь, но Миша Бобров занимался в хоккейной школе ЦСКА. Первым тренером его был многолетний партнёр отца Александр Николаевич Виноградов. А в одной с ним команде

играли сыновья известных хоккеистов Александра Рагулина, Владимира Петрова, Геннадия Цыганкова, Евгения Грошева.

Профессиональным хоккеистом Михаил Бобров не стал — занялся бизнесом. Дела у него ладились, подрастал сын — Всеволод Бобров-младший. В ход событий вмешалась трагическая случайность на дороге...

В 1962 году судьба свела Боброва с молодой киевлянкой. Скорее всего, эта история из числа тех, о которых говорят «любовь с первого взгляда». Этот самый «первый взгляд» побудил опытного сердцеда воскликнуть: «О! Вот на такой я бы сразу женился!»

Ответной реакцией стало искреннее возмущение приезжей красотки. И в самом деле, заявлять подобное с порога иначе как нахальством не назовёшь. Тем более что в Киеве у неё была семья — муж и дочка двух с половиной лет. Но судя по всему, какая-то искра попала туда, куда назначалась...

Дело было 9 мая. Вместе с подругой Елена впервые приехала в Москву. Встретить их должен был приятель сестры молодой лётчик-полковник Григорий Скориков (будущий маршал авиации). Он и встретил — прямо у трапа. Только уже в генеральской форме.

Через короткое время две молодые киевлянки и два бравых генерала оказались в доме на Соколе, где дверь им открыл радушный хозяин в белой нейлоновой рубашке — писк моды того времени. Тогда и прозвучала та самая сакраментальная фраза...

Стол был накрыт, компания приступила к трапезе. Поинтересовавшись у одного из спутников, в чьей квартире они находятся, Елена услышала ничего ей не говорящую фамилию «Бобров». Следующий вопрос она адресовала тому самому нахалу, который огорошил её с порога: «Скажите, а кто такой Бобров?» Тот усмехнулся: «Да как объяснить... Футболист, хоккеист».

Интерес был потерян. Вновь он возник, когда компания отправилась в Сокольники. Когда они шли через парк, молодая особа заметила, что на них оглядываются. И в самом деле, шествуют два генерала-красавца, рядом две девицы в соку. Но, прислушавшись, Елена поняла, что дело вовсе не в них. Разобрала шёпот: «Бобёр, Бобёр...»

В скором времени она со старшей сестрой вновь приехала в Москву. Остановились в маленькой гостинице при украинском постпредстве. И здесь неожиданно появился тот самый Бобров, да ещё с огромным букетом цветов. Вместе с ним был статный брюнет — Юрий Нырклов. На «Волге» редкой расцветки — цвета слоновой кости верх и бордовая нижняя часть — Бобров повёз их в шашлычную на Ленинградском проспекте, прозванную народом «антисоветская», поскольку напротив находилась гостиница «Советская». Там компанию уже ждали. Представляя директору дам, Бобров вновь позволил себе вольность: «Пал Соломоныч, это моя невеста!»

А затем состоялась встреча уже в Киеве, куда Бобров явился якобы по делам спортивным, но истинная цель была иной — предложить молодой киевлянке руку и сердце и убедить её сменить место жительства. Получилось.

Прожили пять лет, не расписываясь, пока не родился сын Миша. Долгожданный продолжатель рода у Всеволода Михайловича появился на свет в 1969-м.

Увидев Всеволода Михайловича во дворе дома с грудным ребёнком на руках, случайные прохожие заулыбались: «Смотри, Бобёр уже дедушка!» Тот с гордым видом объявил: «Отец я!»

Жизнь распорядилась так, что породнились две хоккейные семьи. Приёмная дочь Всеволода Боброва Светлана вышла замуж за сына Вениамина

Александрова Игоря. Прожили они лет десять, а потом Светлана Александровна с маленьким сыном Стасом и новым избранником уехала в Америку (потом они перебрались в канадский Торонто).

Станислав Александров стал хоккеистом, пробовал себя на серьёзном уровне, но рано завершил карьеру из-за травмы. Он вернулся в Россию и ныне работает в хоккейном клубе ЦСКА.

А другой внук Боброва — Всеволод — семейной традиции изменил: всерьёз спортом не занимался. Но трудился младший Всеволод Михайлович Бобров, будучи студентом МГУ, также в сфере спорта — в Российском футбольном союзе.

Оба внука очень привязаны к бабушке, Елене Николаевне. Видят в ней близкого человека, корень рода, лучшего советчика. И она в парнях души не чаёт. Отдаёт своё душевное тепло им в равной мере, хотя Сева вырос на глазах, а Стас — на дальних берегах.

Всё было бы хорошо, вот только, увы, нет на свете сына Всеволода Михайловича Михаила Боброва. Трагически погиб в 28 лет...

Елена Николаевна Боброва рассказывала: «Случилось это в пяти километрах от дачи. Решил он съездить в хозяйственный магазин. В этот день его “мерседес” должны были пригнать из ремонта, а дурацкий мотоцикл забрать. Этот японский мотоцикл не его был, чужой.

В область плотный поток, суббота. Какой-то парень, три месяца как за рулём, пошёл на обгон — а Миша навстречу. Тому уже деваться некуда. Миша хотел уйти, но не смог, его зацепило...

Отрубило кусок голени. Не вышел из болевого шока...

Помчалась туда. Только увидела, как его забирают, сын был без сознания. Успела его поцеловать...

Не знаю, что за сила во мне проснулась. У Мишки остался ребёнок, два годика, ничего не понимает. Тот самый Бобров, о котором мы все мечтали. Когда Миша родился, обсуждали: “Вот сейчас будет Михаил, потом Сева, новый Всеволод Михайлович...” Понимала — этого ребёнка подниму только я».

Дача под Новым Иерусалимом, возле Истринского водохранилища, появилась у Боброва в 1976 году. Получить участок поспособствовал заместитель председателя Мособлисполкома Николай Кузьмич Корольков, который знал Боброва с тех пор, когда занимал пост председателя Федерации хоккея СССР, а налаживал мосты Анатолий Сеглин — «заклятый друг» спортивных лет.

Военные помогли — за три месяца дом выстроили. Но многое там было сделано руками Всеволода Михайловича. Гордостью его была баня.

Елена Боброва вспоминала: «Любил работать на даче — мастерил, занимался огородом. Когда сеял петрушку или укроп, непременно облачался в белый халат».

О предпочтениях и привязанностях Всеволода Михайловича жена рассказывала: «Не помню такого, чтобы дома у нас не было цветов. Нет, это не те букеты, что приносят с собой друзья и поклонники. Сева обожал цветы и очень любил их дарить. Не скажу, что он досконально знал язык цветов, но когда и какие подарить, угадывал всегда. Весной дом благоухал от сирени, ландышей.

Чего не принимал, так это помпезных букетов. Сейчас, когда прохожу по аллее в ЦСКА, где установлены бюсты выдающимся спортсменам, в том числе и Боброву, всякий раз испытываю какую-то неловкость. Лежат у подножий букеты искусственных красных гвоздик, отдающие унылой официальнойностью.

Точно знаю, он бы этого не одобрил. Цветы для него были радостью, а не проформой.

Может быть, поэтому Сева не испытывал никакой тяги к садоводству. Как, скажем, Анатолий Владимирович Тарасов. Тот аж из Голландии луковицы тюльпанов привозил. Всеволод Михайлович ценил не процесс, а результат. А вот домашнюю работу обожал. Уж сколько лет прошло, как его не стало, а в нашей квартире многое до сих пор помнит его руки. Знаете, есть дома, где всё есть, простите за невольный каламбур. А люди туда не тянутся. Холодом каким-то веет от этого выставленного напоказ изобилия.

Мы с Севой жили не бедно. Но он никогда не пытался насытить дом ультрасовременной техникой, прочим барахлом. Помню, как в 1972-м впервые привёз из поездки маленький приёмник “Sony”. Вот и вся аппаратура. Телевизор — и тот появился случайно. Сева лежал в больнице, и тогда как раз шёл чемпионат мира. Чтобы ему было полегче, я и купила телевизор, привезла его в палату, а уж потом он “переехал” домой.

Это я к тому, что уют в нашем доме присутствовал не благодаря каким-то дивной красы гарнитурам и всякой технике, а потому что Сева в каждый уголок старался вложить душу. Ну и я вслед за ним. Это превратилось в потребность следить за тем, чтоб ему дома нравилось. Наверное, нам удавалось превращать квартиру в некий домашний клуб. Иначе не собирались бы здесь постоянно люди. Друзья могли прийти в любое время, а заскочив на минутку, оставались на часы.

Кроме дома, были у Всеволода Михайловича ещё два страстных увлечения: автомобили и голуби.

Не стань он профессионалом в спорте, без дела бы не остался. Не знаю уж, кто в нём перевешивал: гонщик или механик. Он самозабвенно готов был заниматься машиной, будь те “Победа”, БМВ или “Волга”. Номер у

“Волги” был МОЩ 11-11, подряд два номера, под которым любил играть.

А водил так, что дух захватывало. Эту страсть передал и сыну. Миша впервые сел за руль, когда его сверстники только-только осваивают велосипед. Сева подкладывал ему кучу всяких подушечек, чтоб мальчик мог дотянуться до педалей.

Голубей Всеволод Михайлович держал у старшего брата в подмосковном тогда Косине. Голубятня была одна из лучших в Москве. Один бог знает, сколько денег, валюты в том числе, потрачено было им на птиц. Однажды с огромным трудом достал два мешка дефицитного корма для своих питомцев. Неделя идёт, другая, и вдруг голуби стали гибнуть.

Сева никак не мог взять в толк — почему? Случайно выяснилось, что весь этот долларовый корм брат Владимир скармливал потихоньку... курам, которых разводил на продажу. Трагедия! Сева рассердился: “Всё, закончил я с голубями!”

Были птицы и дома — кенары, щеглы, попугай большой был. Умная птица. Любимой его темой было выяснение вопроса “Где Сева?”. А Сева то на сборах, то на играх в других городах и странах...»

По свидетельству Елены Бобровой, Всеволод Михайлович нередко повторял: «У меня нет врагов, есть только завистники». А в адрес своих обидчиков мог иногда разве что отпустить пару крепких слов.

Никита Симонян в своей книге, вспоминая Боброва, писал: «Человеком был необычайно широким и добрым. Его доброту нередко эксплуатировали — с какими только просьбами не обращались друзья, знакомые, полужнакомые, а он неизменно откликался. Да и без просьб всегда готов был прийти на помощь. На моих глазах случалось, стоит кому-то пожаловаться на неприятности, неурядицы, как Бобров тотчас

вскакивает: “Слушай, это же всё можно решить, уладить, я помогу! Садимся в машину, едем! Зачем откладывать? Сделаем всё сейчас!”

Я счастлив, что судьба не обошла меня его дружбой. Мы дружили семьями. Мечтали получить рядом дачные участки, чтобы почаще видеться в свободное время. Я питал к нему самые нежные чувства. Непосредственный, в чём-то очень наивный, большой ребёнок! Всем верил, ко всем был расположен... Он ценил в людях то, что сам раздавал им столь щедро».

Забота о близких была для Боброва на первом плане. В 1945-м из Англии помимо двух камышовых тростей, из которых они с Бабичем сделали клюшки, он привёз электрический утюг в подарок сестре и слуховой аппарат, необходимый племяннице.

А в 1954 году во время чемпионата мира в Стокгольме Всеволод по просьбе кого-то из друзей купил распашонки для новорождённого. За этим занятием его застал шведский фотокорреспондент, и в одной из газет появился снимок, подпись под которым гласила, что Бобров проявляет заботу о своём первенце...

Жена брата Любовь Гавриловна Дмитриевская рассказывала, что Всеволод из загранпоездки её дочери Лиде (назвали её в честь матери братьев Бобровых), которой он доводился и крёстным, привозил кучу всяких костюмчиков, платьиц, туфельек.

Она вспоминала: «Когда родилась моя дочь — а жили мы тогда в Одинцове, под Москвой, Сева поехал в Елоховскую церковь, договорился со священником, привёз его на своей машине к нам в Одинцово, и тот в нашей церкви крестил мою дочь. А Сева был крёстным отцом. А потом сам же батюшку отвёз на машине домой, и тот уезжал от нас уже очень весёлый...

Сева был верующим человеком. В церковь не ходил, но в существование Бога, в загробную жизнь верил и

относился к этому очень серьёзно.

А в жизни земной был оптимистом. Компании очень любил, всегда был весел, остроумен. Но вот в хоровых пениях не участвовал никогда.

Умел пить. Когда он чувствовал, что выпил уже достаточно, на какое-то время питье прекращал — пропускал один-два тоста. А потом снова пил наравне со всеми. Мы в таких случаях говорили, что у Севы открылось второе дыхание».

Бобров тщательно следил за одеждой, старался выглядеть элегантно (и в этом тоже сказывался пример Аркадьева), на его статной фигуре костюм сидел безукоризненно. А довершала внешний облик во все времена кепка. Он шил их на заказ у старого мастера в Столешниковом переулке. Только в сильные морозы надевал пыжиковую шапку, других не признавал. С малых лет «бобровская» кепка заказывалась и сыну Мише.

Ради друзей Всеволод был готов на всё. «У меня вообще было такое ощущение, — говорила Елена Боброва, — что Сева просто ждал случая помочь кому-либо. И тут же откликался на просьбу, когда к нему обращались».

Всеволод постоянно заботился о давнем друге и партнёре Владимире Дёмине, который с годами всё больше опускался. К тому же Дёмин заболел туберкулёзом. С помощью Боброва его устроили на лечение в хороший туберкулёзный санаторий, находившийся в подмосковном Пушкине, где лечился в 1920 году отец Всеволода. Но, к сожалению, Дёмин относился к советам врачей беспечно, часто нарушал режим, что привело к летальному исходу.

Если Дёмин был близким другом, то многолетний капитан тбилисского «Динамо» Автандил Гогоберидзе среди таковых не значился. Но когда Гогоберидзе после автокатастрофы оказался прикован к постели и мог

общаться с окружающими только взглядом, Всеволод Михайлович в первый же приезд в Тбилиси навестил товарища по спорту.

Когда Гогоберидзе увидел Боброва, из его глаз потекли слёзы. Человек чувствительный, Всеволод Михайлович и сам прослезился. Он обнял несчастного, вытер его слёзы и несколько часов просидел рядом, пытаясь своими рассказами хоть немного отвлечь того от невесёлых мыслей.

Близкий друг Боброва Евгений Казаков рассказывал о тёплых его чувствах к Эдуарду Стрельцову: «У них были какие-то особые отношения. Эдик к Михалычу относился как к отцу, всегда на “вы”, всегда “Всеволод Михайлович”, а Сева к нему — как к сыну: обнимет за плечо, прижмёт к себе, и Эдик понемногу оттаивает. Он в то время особенно нуждался в поддержке — после возвращения из лагеря. И Михалыч ездил его смотреть, когда Эдика ещё и за дубль не ставили — он играл за вторую, за первую клубные команды. И всегда дожждётся конца игры, подойдёт к Эдику, поговорит с ним, подбодрит...»

Валентин Бубукин поделился наблюдением: «Я видел, как Всеволод Михайлович не жалел кровные фунты для угощения друзей, у которых и у самих валюта была в кармане. Это впервые я был с ним не то что на одной ноге, но, по крайней мере, не на разных полюсах. В пятьдесят седьмом году меня взяли на усиление ЦДСА в турне по Англии. И в баре за виски постоянно расплачивался Бобров. А я тогда, хоть и был обладателем Кубка, ходил за ним по пятам и хотел быть во всём похожим на него. Он ратиновое пальто купил за пятнадцать фунтов, и я себе такое же. Он присмотрел для Саниной шубу, и я в том же отделе Зое заказал. Кепку шил, как у него».

Не Саниной та шуба предназначалась...

Елене Николаевне запомнился такой случай: «Всеволод Михайлович очень ценил и любил тех, с кем играл. С особым трепетом и нежностью он вспоминал своих ленинградских партнёров, вообще ленинградский период. По-моему, он город на Неве любил больше, чем Москву.

Очень он волновался перед памятной игрой ветеранов Москвы и Ленинграда, которая состоялась, если не ошибаюсь, в 1967 году. Я поехала на стадион вместе с Севой. Был очень жаркий день, трибуны забиты до отказа. Никто не ожидал, что матч футбольных ветеранов вызовет такой громадный интерес, в летний выходной, когда москвичи всему прочему предпочитают дачные огороды.

Ворота ленинградцев защищал известный голкипер Леонид Иванов. Он вышел на поле в той — жуткой! — форме, что была в моде перед войной: свитер грубой вязки, трусы ниже колен, кепочка-блин. Смех, да и только! Но играл отлично.

Был у него могучий стимул: уж очень не хотел пропустить гол от Боброва, игравшего за Москву. Он то и дело посматривал в сторону Севы, поднимал вверх кулак с кукишем, который Боброву предназначался. И реплики громкие пускал: “Во, Севка, ты меня достанешь!”

Но за две минуты до конца матча Бобров забивает ему мяч. Иванов катается по земле, стучит по ней кулаком и стонет в отчаянии: “Ох, чёрт, всё-таки он меня достал!” Сыграли, кажется, вничью и почти сразу после финального свистка разразилась могучая гроза. Красивый получился день. Мы поехали провожать ленинградцев на вокзал. Когда поезд отошёл от перрона, я поняла, что это один из самых счастливых дней в Севиной жизни. Без всякого преувеличения».

В ЦДКА Бобров никогда не был капитаном, но являлся лидером неформальным. После игры футболисты любили собираться в питейной «точке» или у Боброва дома. С одной стороны, это было удобно — он долго оставался холостяком, но более важным являлось то, что Всеволод был человеком с открытой душой.

Хозяйствовала тогда много лет жившая в квартире Всеволода старшая сестра Антонина. Баловал сына гостинцами — маринованными грибами и вареньем — отец Михаил Андреевич. Все дары немедленно выставлялись на стол.

Гостеприимство в доме Боброва стало традицией.

Елена Боброва рассказывала: «Гости в нашем доме могли быть в любое время суток. К Севе приходили самые разные люди. Понятие “гость” для него было священным. А зная его удивительную способность располагать к себе, можно представить, сколько их побывало в нашем доме...

Многие приходили к нему со своими болями и проблемами. Не считаясь ни с какой субординацией и табелем о рангах, Всеволод Михайлович открывал любые двери, спорил, убеждал и настаивал. Для своего товарища он мог сделать всё. Но пойти куда-нибудь просить что-нибудь для себя...

Если бы не моё близкое знакомство с председателем Спорткомитета Павловым, мы вряд ли получили бы теперешнюю трёхкомнатную квартиру. Всеволод переезжал-то сюда с неохотой. Ему было вполне достаточно старой, двухкомнатной. Но у нас уже было двое детей. Эту квартиру мы получили тогда, когда Сева был за океаном».

Среди поклонников Всеволода Боброва было много деятелей искусства. Один из них — болельщик ЦДКА поэт Константин Ваншенкин. В его «Воспоминаниях о спорте» есть и такое: «Композитор Ян Френкель

почувствовал тягу и симпатии к команде в конце войны, но не только потому, что был солдатом, а благодаря поразительной игре молодого Боброва».

Заядлым футбольным болельщиком был Евгений Евтушенко. И главным его любимцем был Всеволод Бобров. Помимо широко известного стихотворения «Прорыв Боброва» у поэта был целый цикл, названный «Моя футболиада», в котором он неоднократно обращался к имени Боброва.

Об отношении поэта к футболисту многое говорят строки из стихотворения «Мои университеты»:

Я учился прорыву
разбойного русского слова
не у профессоров,
а у взмокшего Севы Боброва.

Есть в цикле и стихотворение «Сева»:

Я твоего посева,
Сева.
Я в мире, как в своём дворе,
и бил я справа,
с центра,
слева,
но не от злости,
не из гнева,
а от любви к самой игре.

Елена Николаевна вспомнила памятный день рождения мужа: «1 декабря 1970 года. Сидим мы дома. На улице стужа. Уже и не надеялись, что кто-то забежит на огонёк. Вдруг — звонок. Точнее, не звонок, а трезвон сумасшедший. Открываю — в дверях Евгений Евтушенко. Все знают его аванажный стиль в одежде. И в ту пору его вкусы были теми же: громадное пальто с широченными отворотами на столь же широченных плечах, на голове огромный лисий треух. Это сейчас подобный “прикид” не редкость, а тогда...

В то время Евгений Александрович пребывал в опале. Во Франции вышла его автобиографическая книга, которая не слишком понравилась цензорам со Старой площади.

У него в такие периоды особый кураж просыпался. Сева с ним был знаком уже несколько лет, любил его и на опальный ответ внимания не обращал, с удовольствием звал в гости.

А тут без приглашения обошлось. Евтушенко нагрянул сюрпризом. В этом самом, куражном настроении. Господи, сколько же своих стихов он тогда прочитал. И как! Постепенно кухня в маленький зрительный зал превратилась: пришёл Коля Рыбников с женой, старые Севины друзья. Яша Охотников — в своё время он был порученцем у Василия Сталина, затем учился, руководил базой спорттоваров. Так и сидели до глубокой ночи, слушали Евтушенко. А спустя несколько месяцев было опубликовано новое творение Жени — стихотворение о Боброве. То самое, где Сева с “носом, чуть картошкой”^[1]...»

Евгений Евтушенко — человек творческий — мыслил образами, создавал в своём воображении живописные сюжеты, которые якобы имели место в действительности. При этом ничтоже сумняшеся

выдавал их за реальные, охотно делился со своими слушателями.

Футбол поэт любил, не единожды по итогам крупнейших мировых турниров, где сборная Советского Союза в очередной раз терпела фиаско, выступал в еженедельнике «Футбол-хоккей» с аналитическими статьями, пытаясь пробиться к истине. Но, конечно же, проще было оперировать назидательными примерами из славного прошлого, где Евгений Александрович мог дать волю фантазии.

В «Футболиаде» он писал: «Бобров мне рассказывал, как после триумфального турне в Англии он оказался в обыкновенной, а не показательной русской деревне.

Местное начальство встретило его с помпой, и целая вереница машин въехала в деревню, распугивая непривычных к такому нашествию кур.

Бобров вспоминал: “Было много тостов. Сначала, конечно, за Родину. Потом за советский спорт. Потом за меня. Приятно, конечно... А напротив сидели деревенские бабки — все в морщинах, земля под ногтями. За них тостов никто не поднимал. А я подумал — чем же я их лучше? Если бы не они, не хлеб их, ни футбола, ни меня самого не было бы...”»

Елена Николаевна рассказывала о Леониде Осиповиче Утёсове: «Дружба Севы с ним завязалась через седьмые руки. Но малокровной от этого не была. Даже разница в возрасте не сказывалась на отношениях наших семей. А ведь Лёдик — так звали Утёсова близкие — был старше Севы на 27 лет.

Познакомились мы кружным путём. Одним из самых закадычных друзей Всеволода Михайловича был Евгений Казаков. В прошлом — тоже спортсмен, баскетболист. После большого спорта Женя работал в ансамбле песни и пляски Александрова. А женат был на сестре Тони Ревельс, известной танцовщицы, которую в паре с Новицким должны помнить многие. После смерти

сестры и жены Утёсова именно Тоня стала ему самым близким человеком, а потом второй женой Леонида Осиповича.

Каким он остался в памяти? Энергичным, азартным человеком, не знающим преград. Но как это часто бывает, в обычной жизни, особенно в старости, Лёдик был иным: беззащитным, требующим постоянной заботы человеком. Говорят, что дружба должна на чём-то зиждиться. Людей связывает пережитое, общие интересы и работа, детство. Что могло связывать столь разных людей, как Сева и Лёдик? Думаю, талантливость. Ощущение своей исключительности, в хорошем смысле слова, влекло этих мужчин друг к другу. И они друг друга стоили».

Владимир Пахомов свидетельствовал: «Если Бобров приходил в бильярдную Дома кино, то присутствовавшие, и те, кто играл, и те, кто “болел”, почтительно расступались. Один из игравших, ни слова не говоря, отдавал Всеволоду свой кий и тем самым очередной тур прекращался. Некоторые киношные знаменитости считали за честь проиграть Боброву, а он играл, особенно левой рукой, блестяще...

В 70-м году Всеволод познакомился с космонавтами, бывал у них в гостях в Звёздном городке. Особенно пришёлся ему по душе дважды Герой Советского Союза Борис Волинов».

Знаменитый штангист Юрий Власов, который не один год именовался самым сильным человеком планеты, как-то сказал о Боброве: «Имя его, бесспорно, было самым популярным. Ни Мария Исакова, ни Григорий Новак при всей своей необычайной всесоюзной знаменитости не могли сравниться с ошеломляющей популярностью Всеволода Боброва во вторую половину сороковых и во все пятидесятые. Великий из великих спортсменов».

Всеволода Михайловича Боброва не стало 1 июля 1979 года. Он скончался от острой сердечной недостаточности в военном госпитале им. А. А. Вишневого в Красногорске. Ему было 56 лет.

Елена Боброва рассказывала: «Уезжал ранним утром с дачи на тренировку в ЦСКА, за ним приехал солдатик...

Сева бил по воротам, разминал голкипера. Говорит новенькому массажисту: “Что-то в ноге сильно кольнуло, в самом низу...” — “Ложитесь, Всеволод Михайлович, я вам ногу помассирую”. А это тромб! Вот и размассировал.

Когда Севу привезли в больницу, пульс зашкаливал. Все вокруг успокаивали: “Не страшно, это игровое. Сейчас отдохнёт — и всё пройдёт...” А тромб шёл вверх. В пять утра Севе стало лучше. Подозвал женщину-врача: “Поправлюсь, приглашу вас на дачу”.

Через некоторое время опять потерял сознание — и больше в себя не приходил.

Врачи говорили, что состояние плохое, но они “борются и есть надежда”. Решились мне позвонить в восемь утра, а умер Сева без двадцати час... Я до трёх ночи сидела в фойе красногорского госпиталя, они не знали, как сообщить...

Я ничего не понимала. Чтоб Сева — и умер? Что угодно, но только не это. Аритмия у мужа была, но мы боролись. Как-то не придавали этому значения...»

Бобров попал в госпиталь в пятницу, а умер в воскресенье. Как водится, в выходные многие врачи отсутствовали. Смерть наступила от закупорки лёгочной артерии тромбом. Объяснялось так: тромбоэмболия иногда может проходить бессимптомно и диагностируется уже после гибели больного. Понимающие в медицине люди считали, что всей

возможной квалифицированной помощи больному не оказали.

Елена Боброва имела претензии и к Олегу Белаковскому. За то, что он отправил Боброва в Красногорск, а не в госпиталь им. Н. Н. Бурденко: «В тот же день, когда случилось несчастье с Севой, то же самое произошло с Иваном Кожедубом. Пошёл тромб. Его моментально привезли в Бурденко, уложили на операционный стол и удалили часть аорты. Прожил больше десяти лет».

А любимец Боброва, попугай-какаду, у всех подряд спрашивал: «Где Сева? Где Сева?»

Анатолий Салуцкий писал: «Когда Бобров умер, тысячи людей со всех сторон Москвы устремились к Дворцу спорта ЦСКА на Ленинградском проспекте, чтобы проститься с великим спортсменом: очередь растянулась до станции метро “Аэропорт”, а это — многие сотни метров...

Обычно прощание со знаменитыми спортсменами, которые выступали за армейский клуб, происходит в фойе хоккейного Дворца ЦСКА. Однако во время похорон Всеволода Михайловича Боброва это правило было изменено. Через несколько дней должен был состояться международный турнир по боксу. И организаторы траурной церемонии решили поставить постамент с телом Боброва в центре спортивного зала, на ринге, с которого были убраны ограждающие канаты.

Он лежал на ринге...»

Никита Симонян признавался: «Его смерть ошеломила. Потрясла её внезапность. Но, может быть, такие люди и не уходят из жизни иначе? Москва провожала его как народного героя. Жизнь без него во многом стала беднее...»

Бобров умер в воскресенье, а во вторник некролог с его портретом появился в «Советском спорте». От

больного Аркадьева смерть любимого ученика близкие решили скрыть. Уверяли, что вторичный номер газеты куда-то запропастился. Спешили как можно быстрее снять телефонную трубку, чтобы Борис Андреевич не услышал горестную весть. И всё же о случившемся Аркадьев узнал. После этого он долго не мог прийти в себя. Думал, как несправедливо, когда ученик умирает раньше учителя...

Вот строки Льва Филатова: «Остаться для людей живым... всемогущим Бобром, войти в стихи, в книги... удел редкостный. А слава такая, что и тридцать лет спустя о Боброве говорят настолько живо и весело (Сева!), со столькими красочными подробностями, что кажется — он завтра опять выйдет на поле, всех обведёт и забьёт с прорыва свой гол».

Упоминание имени Боброва и в наши дни находит живой отклик среди любителей спорта и самих спортсменов. Те немногие, которым довелось увидеть его в игре, вскидывают голову и горделиво расправляют плечи. Глаза учеников Всеволода Михайловича светлеют, и воспоминаниям нет конца. Да и молодые люди начинают сыпать своими познаниями, стараясь затмить собеседников.

В последние годы стали традицией мероприятия по посадке знаменитыми спортсменами деревьев. Аллеи динамовцев, армейцев, спартаковцев. Чтобы будущие поколения знали и чтили. Два каштана, которые посадил во дворе своего дома в год кончины Всеволод Бобров, высятся уже на уровне четвёртого этажа...

НА ПОЛЕ ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

В канун 100-летия возрождения Олимпийских игр (в 1996 году) редакционный совет газеты «Къ спорту!» во главе с главным редактором Анатолием Юсиным провёл социологический опрос среди популярных журналистов, деятелей науки, литературы и искусства, представителей делового мира, знаменитых чемпионов и функционеров-руководителей. Вопрос к экспертам-респондентам был один: «Назовите десятку лучших спортсменов в столетней истории русского и советского спорта». Спортсмену, которого ставили на первое место, давалось десять очков, за второе место начислялось девять очков, за третье — восемь и т.д.

У спортивных журналистов тройка лучших выглядела так: Всеволод Бобров — 154 очка, Лев Яшин — 140, гимнастка Лариса Латынина — 109.

У знаменитых чемпионов на первом месте оказался Лев Яшин — 153 очка, за ним следовали: легкоатлет Владимир Куц — 88, Лариса Латынина — 84 и Всеволод Бобров — 82.

Выбор профессорско-преподавательского состава Российской государственной академии физической культуры (РГАФК) был таков: Всеволод Бобров — 129, Лариса Латынина — 128, Владимир Куц — 102.

Представители науки, бизнеса, медицины, литературы, искусства высказались следующим образом: Всеволод Бобров — 140, Лев Яшин — 133, Владимир Куц — 91.

Итоговое положение: Лев Яшин — 520, Всеволод Бобров — 505, Лариса Латынина — 394.

Из футболистов-хоккеистов на первое место Боброва поставили Никита Симонян и Борис Майоров.

Как читателям уже известно, не включил его в свою десятку Михаил Якушин. И был в этом не одинок. Не нашлось Боброву места в анкетах Владимира Маслаченко и Виктора Понедельника.

Если Якушин сделал свой выбор по убеждению (первое место он отдал Яшину, а второе — Григорию Федотову), то Маслаченко и Понедельник, чья юность прошла в дотелевизионную эпоху далеко от Москвы, в игре Боброва не видели. Хотя это не «оправдание». Поставил же Маслаченко на первое место фигуриста Николая Панина-Коломенкина, а Понедельник третьим в своей анкете назвал легендарного борца Ивана Поддубного — оба выступали в начале XX века.

В 1967 году свой опрос провела Федерация спортивных журналистов, она с участием известных литераторов, которым близок спорт, определила десять самых выдающихся спортсменов полувека. Очки начислялись по той же системе. Итоги были опубликованы в журнале «Юность» (№ 11 за 1967 год).

Первые два места достались недавним кумирам того времени олимпийским чемпионам легкоатлету-«высотнику» Валерию Брумелю и штангисту Юрию Власову. Четвёртым был назван Лев Яшин, шестым — Всеволод Бобров, на четырнадцатом месте Григорий Федотов.

В том же году была составлена анкета редакцией календаря-справочника Центрального стадиона им. В. И. Ленина, выходившего миллионным тиражом, целью которой было определение символической футбольной «сборной полувека».

В ней по системе 4+2+4 дуэт центральных нападающих составили Всеволод Бобров и Григорий Федотов.

Из девятнадцати выборщиков имя Боброва не упомянули лишь четверо: Михаил Якушин (о чём было

несложно догадаться), ветераны тренерского цеха Константин Квашнин и Михаил Товаровский, а также вратарь 1920-х годов Фёдор Чулков.

Все они (в меньшей степени Якушин) находились в плену давних привязанностей, лишь пятеро их избранников попали в символическую сборную. Наиболее близко подошли к окончательному варианту Николай Старостин, а также журналисты Константин Есенин и Николай Озеров, и что уж совсем удивительно — народный артист СССР Анатолий Кторов. На счету каждого по девять верно названных фамилий.

«Худшим» из выборщиков оказался знаменитый радиокомментатор Вадим Синявский — лишь три его избранника вошли в окончательный список. Его предпочтения и в самом деле вызвали удивление: из послевоенных игроков он назвал лишь двух Всеволодов — Боброва и Блинкова.

Два десятилетия спустя это же издание выпустило анкету, где выборщики определяли десятку лучших мастеров отечественного футбола за 70 лет. На сей раз игроки выбирались не по позициям, а по заслугам.

Наибольшее количество баллов набрал Лев Яшин — 104,5. За ним следовали Григорий Федотов — 80,5 и Игорь Нетто — 52.

Всеволод Бобров поделил восьмое-девятое места с вратарём давних лет Николаем Соколовым — по 39.

Здесь проще назвать тех, в чьих анкетах не нашлось места Боброву.

Проигнорировал его «по традиции» Михаил Якушин. Не числился Бобров также в десятке у Гавриила Качалина (Федотов назван третьим), Андрея Старостина (Федотов — второй) и Константина Малинина (Федотов — лучший).

Всё тот же календарь-справочник в 1973 году в связи с 50-летним юбилеем московского «Динамо» и ЦСКА предпринял попытку назвать символические

сборные этих клубов за полвека. Среди выборщиков были бывшие футболисты разных команд (но не из числа одноклубников) и ветераны журналистики.

Всеволод Бобров упоминался во всех анкетах, равно как Григорий Федотов. В символической сборной армейского клуба оказались десять представителей «команды лейтенантов», к которым добавился центральный защитник 1960-х Альберт Шестернёв.

В телевизионном цикле «Век футбола», который был организован на канале НТВ в 1997 и 1998 годах Александром Вайнштейном, эксперты и любители футбола определяли лучших футболистов страны за столетие. Победителем был назван Лев Яшин — 99 очков из 100 возможных. Вторым стал Эдуард Стрельцов — 98, третьим — Всеволод Бобров — 97, четвёртым — Григорий Федотов — 96.

В хоккее подобного рода анкетирование проводилось гораздо реже. Когда в декабре 1996 года отмечалось 50-летие отечественного хоккея, наиболее продуманную выборку представил «Советский спорт»: три вратаря и четыре пятёрки полевых игроков.

По рейтингу газеты первая пятёрка выглядела так: Николай Сологубов — Иван Трегубов, Всеволод Бобров — Александр Мальцев — Анатолий Фирсов.

Не стоит удивляться, что Боброву было отведено место правого нападающего, хотя в действительности он играл на левом краю. В символической сборной такое допустимо. Важнее другое: в первую тройку свели хоккеистов, которых эксперты определяют как хоккейных гениев.

В рейтинге журнала «Российский хоккей» к 60-летию отечественного хоккея Всеволод Бобров был назван лучшим игроком в его истории, а также лучшим нападающим и игроком первого десятилетия. Включён он был и в первую пятёрку: Николай Сологубов —

Вячеслав Фетисов, Валерий Харламов — Владимир Петров — Всеволод Бобров.

Когда увлечение статистическими показателями овладело умами не одиночек, а многих, возник замысел сформировать символические клубы, назвав их именами тех, кто первыми забили соответствующее число мячей и шайб.

В ноябре 1967 года еженедельник «Футбол» учредил «Клуб Григория Федотова», куда изначально входили футболисты, забившие более 100 голов в матчах чемпионата страны и в рядах сборной СССР.

В первоначальном варианте Всеволод Бобров оказался на двенадцатом месте — 97 голов в чемпионате и 5 — в сборной.

Узнав о том, что ему не хватает такой малости до «сотни», раздосадованный Бобров не в шутку заявил, что и сейчас готов пополнить свой багаж, лишь бы предоставили возможность. Смирился он только тогда, когда в зачёт включили голы в розыгрышах Кубка, а затем и в аннулированных матчах. К 2017 году Бобров — 32-й в реестре, имея на счету 124 гола.

В ноябре 1979 года тот же еженедельник, преобразованный в «Футбол-хоккей», учредил «Клуб Всеволода Боброва», куда были включены забившие 250 шайб в чемпионатах и розыгрышах Кубка, матчах за сборную СССР. Имея на счету 398 шайб, Бобров занимает ныне в этом списке 18-е место.

Не остался Всеволод Бобров без внимания и в международных рейтингах.

В ноябре 2012 года одно из старейших хоккейных изданий «The Hockey News» представило рейтинг российских игроков, которые никогда не играли в НХЛ. Первым был назван Анатолий Фирсов. Далее расположились: Владислав Третьяк, Валерий Харламов,

Всеволод Бобров, Александр Мальцев, Валерий Васильев, Александр Якушев, Борис Михайлов, Вячеслав Старшинов, Александр Рагулин.

Единственным из названных, кого не видела воочию канадская публика, был Бобров. Почему он оказался среди героев серий с канадскими профессионалами?

Анатолий Сеглин объяснял: «Бобров в Канаде был хорошо известен. В один из визитов туда нас повели в фильмотеку. Так в этой фильмотеке собраны фильмы об игре нашей сборной на всех чемпионатах мира. Они очень серьёзно следили за нашим хоккеем».

В 2000 году Международная федерация футбольной истории и статистики организовала выборы «Футболиста столетия» по опросам журналистов и футбольных ветеранов различных стран. Лучшие мастера прошлого распределялись по своим конфедерациям. После проведения в России Кубка конфедераций читателям должен быть понятен принцип распределения.

В число лучших ста футболистов (кроме вратарей) Европы за все годы вошли три советских футболиста: 22-й с 61 баллом Олег Блохин, 46-й с 24 баллами Эдуард Стрельцов и 89-й с 7 баллами Всеволод Бобров. Заметим, что ни Стрельцов, ни Бобров ни разу не принимали участия в финальных турнирах чемпионатов мира и Европы.

Вскоре после кончины Боброва его именем были названы два приза, которые вручались в хоккее и в футболе. Приз Гостелерадио получала самая результативная хоккейная команда чемпионата страны. Эта традиция живёт, а приз теперь вручается телекомпанией «Первый канал».

Лауреатом футбольного приза имени Боброва от редакции газеты «Вечерняя Москва» становился лучший

бомбардир московских команд. В 2000-х давняя традиция была, увы, забыта.

То же произошло и с турниром юношеских команд, который четверть века с 1981 года проводился футбольной школой ЦСКА, носящей имя Боброва.

Ныне память о Всеволоде Боброве благодарные потомки чтят иначе. Его именем назван Дворец спорта ЦСКА, вступивший в строй в 1991 году. Там установлена мемориальная доска (решение о её установке было принято Моссоветом десятью годами ранее). Правда, в начале 2000-х начальником ЦСКА О. Ю. Смородской (печально знаменитой по последующей работе президентом футбольного клуба «Локомотив») правомерность именованья по формальным причинам оспаривалась, но в дальнейшем всё было приведено в соответствие.

Бюст Всеволода Боброва установлен на Аллее Славы ЦСКА, открытой к 60-летию клуба 29 апреля 1983 года.

В структуре Континентальной хоккейной лиги участники разделены на четыре дивизиона: один из них назван именем Боброва.

Всеволод Бобров избран в Залы славы Международной федерации хоккея (в 1997-м) и отечественного хоккея (в 2004-м).

Свято чтят память земляка в Моршанске — городе, где Бобров родился, и в Сестрорецке — там прошла его юность.

В 1998 году в Моршанске появилась мемориальная доска, свидетельствующая, что на этом месте стоял дом, в котором 1 декабря 1922 года родился Всеволод Бобров. В 2015-м в этом городе открылся ледовый дворец, носящий название «Бобров-Арена».

Заканчивая свою книгу о Боброве, вышедшую в 2002 году, Владимир Пахомов сетовал, что память о нём осталась не увековеченной в камне. Положение вскоре

изменилось. 4 декабря того же года памятник Боброву был открыт в Сестрорецке (там существует и улица Боброва). Представляет он собой бронзовую фигуру футболиста высотой в два с половиной метра. А рядом — гранитный камень, на котором выбита строка Евгения Евтушенко: «Шалапин русского футбола, Гагарин шайбы на Руси».

Первого декабря 2005 года памятник Боброву был открыт и в Моршанске. Двухметровая бронзовая фигура футболиста установлена на гранитном валуне.

В 2014 году ледовый дворец им. В. М. Боброва появился и в подмосковном городе Ступино. Действующая при нём школа по хоккею и фигурному катанию также носит его имя.

В Москве вестибюль станции метро «ЦСКА», которая открылась в начале 2018 года, украшен несколькими бронзовыми фигурами спортсменов, представлявших в разные времена армейский клуб. Футбол представлен изваянием Всеволода Боброва.

В 2018 году к открытию чемпионата мира по футболу памятник Всеволоду Боброву будет воздвигнут в Калининграде.

Как курьёз, на наш взгляд, воспринимается, что в городе Бобров — райцентре Воронежской области, где ледовый дворец (он был открыт в 2010 году) мог быть назван в честь Боброва, а носит имя Вячеслава Фетисова...

Существует скульптурный портрет Всеволода Боброва под названием «Мой тренер» работы Константина Шириняна, игравшего за футбольную команду ВВС.

Именем Всеволода Боброва названо судно тылового обеспечения ледового класса, спущенное на воду в Санкт-Петербурге в 2016 году.

В 2009 году Центральный банк России выпустил коллекционную серебряную монету номиналом в два

рубля с изображением Всеволода Боброва.

ПРОРЫВ БОБРОВА

Вихрастый, с носом чуть картошкой —
ему в деревне бы с гармошкой,
а он в футбол, а он — в хоккей.
Когда с обманным поворотом
он шёл к динамовским воротам,
аж перекусывал с проглотом
свою «казбечину» Михей.
Кто гений дриблинга, кто —
финта, а он вонзался, словно финка,
насквозь защиту пропоров.
И он останется счастливо
разбойным гением прорыва,
бессмертный Всеволод Бобров!
Насквозь — вот был закон Боброва,
пыхтели тренеры багрово,
но был Бобёр необъясним.
А с тем, кто бьёт всегда опасно,
быть рядом должен гений паса —
так был Федотов рядом с ним,
Он знал одно, вихрастый Севка,
что без мяча прокиснет сетка.
Не опускаясь до возни,
в безномерной футболке вольной
играл в футбол не протокольный —
в футбол воистину футбольный,
где забивают, чёрт возьми!
В его ударах с ходу,
с лета от русской песни было что-то.
Защита, мокрая от пота,
вцеплялась в майку и трусы,
но уходил он от любого,
Шаляпин русского футбола,

Гагарин шайбы на Руси!
И трепетал голкипер «Челси».
Ронял искусственную челюсть
надменный лорд с тоской в лице.
Опять ломали и хватали,
но со штырей на льду слетали,
трясаясь, ворота ЛТЦ.
Держали зло, держали цепко.
Таланта высшая оценка,
когда рубают по ногам,
но и для гения не сладок
почёт подножек и накладок,
цветы с пинками пополам.
И кто-то с радостью тупою
уже вопил: «Боброва с поля!»
Попробуй сам не изменись,
когда заботятся так бодро,
что обработаны все рёбра
и вновь то связка, то мениск.
Грубят бездарность,
трусость, зависть,
а гений всё же ускользает,
идя вперёд на штурм ворот.
Что ж грубиян сыграл и канет,
а гений и тогда играет,
когда играть перестаёт.
И снова вверх взлетают шапки,
следуя полёт мяча и шайбы,
как бы полёт иных миров,
и вечно — русский, самородный,
на поле памяти народной
играет Всеволод Бобров.

Евгений Евтушенко

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. М. БОБРОВА

1922, 1 декабря — в Моршанске Тамбовской губернии родился Всеволод Бобров.

1925 — семья Бобровых переехала на жительство в Сестрорецк Ленинградской губернии, где прошли детство и юность Всеволода.

1940, ноябрь — Всеволод начал играть в хоккей с мячом за ленинградское «Динамо», стал чемпионом и обладателем Кубка Ленинграда.

1941, сентябрь — вместе с заводом «Прогресс» эвакуировался в Омск, работал сборщиком-механиком в цехе, где изготовлялись артиллерийские прицелы, и играл за заводскую команду в первенстве Омска в футбол и хоккей.

1942, лето — начал играть за сборную Омска, в которой сразу же выдвинулся в бомбардиры.

Август — был призван в армию и вскоре стал курсантом дислоцированного в Омске Ярославского военно-интендантского училища, продолжал выступать за сборную Омска. *Декабрь* — от сердечного приступа умерла мать Всеволода Лидия Дмитриевна.

1943, лето — в Новосибирске Бобров стал лучшим бомбардиром военной Сибирской спартакиады, был включён в сборную Сибирского военного округа.

1944, август — Бобров прибыл в Москву по вызову Центрального дома Красной армии, был направлен в команду авиаучилища, в составе которой успешно дебютировал в первенстве Москвы.

Декабрь — Всеволод стал игроком ЦДКА.

1945, февраль — в первом же хоккейном сезоне выдвинулся в число лучших игроков страны, стал обладателем Кубка СССР по хоккею с мячом.

19 мая — Бобров дебютировал в футбольной команде ЦДКА. Стал обладателем Кубка СССР и лучшим бомбардиром чемпионата.

Ноябрь — в составе московского «Динамо» Всеволод участвовал в триумфальном турне по Великобритании. Забил несколько голов, был признан одним из героев турне.

1946, февраль — во второй раз стал обладателем Кубка СССР по хоккею с мячом.

28 мая — Бобров получил травму в Киеве в игре с местным «Динамо», от последствий которой страдал до конца спортивной карьеры.

29 декабря — Бобров сыграл свой первый матч в хоккей с шайбой и забросил три шайбы, обеспечив победу над командой ВВС. Затем отправляется на операцию коленного сустава в Югославию.

1947 — награждён золотой медалью чемпиона СССР по футболу.

1948 — впервые стал чемпионом СССР по хоккею с шайбой (лучший бомбардир), внёс большой вклад в успешный дебют советских хоккеистов в матчах с клубом ЛТЦ (Чехословакия).

24 сентября — забил победный гол в матче с московским «Динамо» (3:2), что позволило ЦДКА в третий раз подряд стать чемпионом СССР по футболу.

Бобров во второй раз стал обладателем Кубка СССР по футболу, получил звание заслуженного мастера спорта и под первым номером на своей позиции был включён в список «33 лучших» игроков сезона.

1949 — во второй раз стал чемпионом СССР по хоккею.

В футболе был включён в список «33 лучших» игроков сезона под третьим номером.

1950, январь — Бобров перешёл в клуб ВВС. После гибели в авиакатастрофе хоккеистов ВВС стал капитаном и играющим тренером заново сформированной команды.

1951 — в третий раз стал чемпионом СССР по хоккею (лучший бомбардир).

1952 — в четвёртый раз стал чемпионом и впервые обладателем Кубка СССР по хоккею (лучший бомбардир).

Всеволода Боброва назначили играющим тренером футбольной команды ВВС.

Июль — сборная СССР совершила спортивный подвиг на Олимпиаде, сведя вничью (5:5) матч с Югославией, в ходе которого уступала 1:5 (три гола забил капитан команды Бобров), но в переигровке проиграла, за что подверглась остракизму политическим руководством.

В футболе Бобров был включён в список «33 лучших» игроков сезона под вторым номером среди центральных нападающих. Женился на приме Московского театра оперетты Татьяне Саниной.

1953, лето — после расформирования клуба ВВС Бобров провёл несколько матчей в составе московского «Спартака».

Осень — Бобров вернулся под флаг ЦДСА.

1954, март — сборная СССР во главе с капитаном команды Бобровым стала чемпионом мира и Европы по хоккею, Всеволод был признан лучшим форвардом турнира. В составе ЦДСА во второй раз одержал победу в розыгрыше Кубка СССР.

1955, февраль — в пятый раз стал чемпионом СССР по хоккею.

Март — в составе сборной СССР становится серебряным призёром чемпионата мира и чемпионом Европы по хоккею.

1956, февраль — сборная СССР во главе с капитаном команды Всеволодом Бобровым стала чемпионом Олимпийских игр (одновременно чемпионом мира и Европы) по хоккею.

1957 — Всеволод Михайлович Бобров награждён орденом Ленина.

Март — в составе сборной СССР стал серебряным призёром чемпионата мира и Европы по хоккею.

1958—1960 — являлся тренером футбольной команды ЦСКА.

1963 — назначен старшим тренером «Черноморца» (Одесса).

1964, февраль — Боброва назначили старшим тренером московского «Спартака» по хоккею, который под его руководством в 1967-м стал чемпионом СССР. Удостоился звания заслуженного тренера СССР.

1967 — Всеволода Боброва включили в символическую сборную СССР по футболу за полвека.

1967, май — 1969 — работал старшим тренером футбольной команды ЦСКА, которую в 1967 году вывел в финал Кубка СССР.

1968 — зарегистрировал брак с гражданской женой Еленой Николаевной Керсек.

1969, 1 марта — рождение сына Михаила Боброва.

1970, лето — Всеволод Бобров получил звание полковника.

1972, февраль — Бобров возглавил сборную СССР по хоккею.

Сентябрь — ведомые Бобровым советские хоккеисты впервые встретились с лучшими канадскими профессионалами и добились почётного результата в Суперсерии, прервав многолетнюю изоляцию любительского хоккея.

1973, апрель — под руководством Боброва сборная СССР, не потеряв ни одного очка, стала в Москве чемпионом мира.

1974, апрель — под началом Боброва сборная СССР вновь завоевала звание чемпиона мира. После чего Бобров был отправлен в отставку.

1975 — Бобров был назначен старшим тренером футбольной команды «Кайрат» (Алма-Ата).

1977, май — 1978 — являлся старшим тренером футбольной команды ЦСКА.

1979, 1 июля — Всеволод Михайлович Бобров скончался в военном госпитале им. А. А. Вишневого в Красногорске. Похоронен на Кунцевском кладбище в Москве.

БИБЛИОГРАФИЯ

Александров М. Н. Призвание — тренер: Документальная повесть об А. И. Чернышёве. М.: Физкультура и спорт, 1979.

Аркадьев Б. А. Тактика футбольной игры. М.: Физкультура и спорт, 1962.

Белаковский О. М. Эти настоящие парни. М.: Молодая гвардия, 1981.

Белаковский О. М. Доктор Белаковский. М.: Фирма «Слово», 2006.

Бесков К. И. Моя жизнь в футболе. М.: Агентство «Турбо-Принт», 1994.

Бобров В. М. Самый интересный матч. М.: Физкультура и спорт, 1963.

Бобров В. М. Рыцари спорта. М.: Советская Россия, 1971.

Бубукин В. Б. Вечнозелёное поле жизни. М.: ИД «Стратегия», 2003.

Вайханский С. М. Золотая книга сборной СССР по хоккею. СПб.: ИД Нева, М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Викторов В. Я. Три пятёрки. М.: Молодая гвардия, 1957.

Вуколов Н. Н. Москва — Стокгольм: хоккейные перекрёстки. М.: Воскресенье, 2000.

Вуколов Н. Н., Тузик И. Н. Хоккейные звёзды Бориса Павловича. М.: Спорт и культура-2000, 2009.

Галинский А. Р. Тайна команды лейтенантов // Советский спорт. 1990. 20—25 апреля.

Гогоберидзе А. Н. С мячом за тридевять земель. Тбилиси: Союз журналистов Грузии, 1965.

Голышак Ю., Кружков А. Разговор по пятницам // Спорт-экспресс. М., 2009—2016.

Горбунов А. А., Токарев С. Н. Точка разрыва // Спортивные игры. 1988. №8-12.

Горянов Л. Б. Характер чемпионов. М.: Советская Россия, 1968.

Гришин Е. Р. Годы триумфальных побед. М.: Советский спорт, 1999.

Гущин С. Н. След погасшей звезды. Екатеринбург: ИЦ Академии инженерных наук РФ, 1994.

Даунинг Д. Пассовочка. М.: Изд-во Андрей Ельков, 2015.

Дворцов В. А. Хоккейный репортаж. М.: Молодая гвардия, 1978.

Дворцов В. А. Хоккейные баталии. СССР — Канада. М.: Физкультура и спорт, 1979.

Дементьев П. Г. Пека о себе, или Футбол начинается в детстве. М.: Адвансенд Солюшенз, 2013.

Добронравов И. С. и др. 19:9. Взгляд сквозь годы. М.: Петровский парк, 2000.

Добронравов И. С. Лёд, боль и медные трубы: Хоккей с мячом в московском «Динамо» за 80 лет. М.: Книжный клуб, 2005.

Духон Б. Л., Морозов Г. Н. Анатолий Исаев, равный среди первых. М.: ИД Север, 2013.

Евтушенко Е. А. Моя футболиада. Полтава: ООО Асми, 2009.

Есенин К. С. Московский футбол. М.: Московский рабочий, 1974.

Жердер Ж. Э. Беседа с Татьяной Саниной. Кино-театр.ru.

Жидков В., Серебряников А., Тетерин П. Справочник Отечественный хоккей. Высший эшелон, 1946/47 — 2006/07. М.: Глобал спорт консалтинг, 2007.

Зонин Г. С. Вся жизнь — футбол. М.: АСТ, Астрель-СПб., 2006.

Иванов Л. Г. В воротах «Зенита». Л.: Лениздат, 1987.

Ильин А. М. Мы были первыми. М.: Физкультура и спорт, 1978.

Карандин Ю. П. Хоккейные параллели. М.: ИД Вече, 2010.

Кассиль Л. А. Девятнадцать на девять: Футболисты московского «Динамо» в Англии. М.: Молодая гвардия, 1946.

Кесарев В. И. «Динамо» на всю жизнь. М.: Новое дело, 2005.

Колесников А. В. Холодная война на льду. М.: Новая газета, 2012.

Коноваленко В. С. Третий период. М.: Молодая гвардия, 1986.

Кравинский Е. А. Театр и футбол — любовь моя. М.: ИЦ Фёдоров, 1998.

Кузнецов Ю. К. Годы мои золотые. М.: Издатель Овидий Баженов, 2011.

Кукушкин В. В. Лидер: Сергей Павлович Павлов. М.: Человек, 2011.

Летопись Акселя Вартаняна // Спорт-экспресс. М., 2006—2009.

Лукосяк Ю. П. Кто есть кто в петербургском футболе. СПб.: Союз художников, 2011.

Любецкая Т. Л. Братья Аркадьевы. М.: Терра-Спорт, 2000.

Майоров Б. А. Я смотрю хоккей. М.: Молодая гвардия, 1970.

Маринов И. А. Ватага Василия Сталина // Спортивные игры. М., 1990 (№7-9).

Мудрик Э. Н. Полвека с «Динамо». М.: Издатель Овидий Баженов, 2011.

Мурадов А. В. Всеволод Бобров. М.: Терра-Спорт, 2000.

Нетто И. А. Это футбол. М.: Физкультура и спорт, 1974.

Николаев В. А. Я — из ЦДКА! М.: АОЗТ Контакт, 1995.

Нилин А. П. Василий Трофимов. М.: Физкультура и спорт, 1983.

Нилин А. П. Эдуард Стрельцов. М.: Молодая гвардия, 2002.

Нилин А. П. XX век. Спорт. М.: Молодая гвардия, 2004.

Нилин А. И. Красная машина. М.: Время, 2011.

Озеров Н. Н. Всю жизнь за синей птицей. М.: Наука, 1995.

Пахомов В. Н. Всеволод Бобров — гений прорыва. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Пахомов В. Н. Под покровом творимых легенд. М.: Московские учебники, 2007.

Пахомов В. Н. Николай Сологубов. Защитник из легенды. М.: Олимпия-Пресс, 2005.

Перель А. С. Справочник «Футбол. Первенство. Кубок. Международные встречи». М.: Госкультпросветиздат, 1949.

Перель А. С. Справочник «Футбол. Первенство. Кубок. Международные встречи». М.: Госкультпросветиздат, 1950.

Перель А. С. Хоккей в СССР. М.: Физкультура и спорт, 1955.

Петров А. Д. Борис Михайлов. Такова хоккейная жизнь. М.: Эксмо, 2008.

Письма к другу. Дмитрий Шостакович — Исааку Гликману. М.-СПб.: Издательство DSCH — Композитор, 1993.

Прибыловский Д. П. Тренеры большого футбола. М.: Физкультура и спорт, 1980.

Прозуметчиков М. Ю. Большой спорт и большая политика. М.: РОССПЭН, 2004.

Рабинер И. Я. Спартаковские исповеди. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Разинский Б. Д. Футбол и судьба. М.: Аргус, 1997.

Ратнер А. Ф. Папа дома и на работе (беседа с С. Б. Гринченко о Б. А. Аркадьеве) // Футбольная правда. М., 2003. № 10.

Романов Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. М.: Физкультура и спорт, 1987.

Ромм М. Д. Я болею за «Спартак». Алма-Ата: Жезушы, 1965.

Рубин Е. М. Пан или пропал! М.: Издатель Захаров, 2000.

Салуцкий А. С. Всеволод Бобров. М.: Физкультура и спорт, 1987.

Симонян Н. П. Футбол — только ли игра? М.: Молодая гвардия, 1989.

Сологубов Н. М. Мой друг хоккей. М.: Физкультура и спорт, 1967.

Соскин А. М. Откат. М.: Инсвязьиздат, 2005.

Соскин А. М. Василий Трофимов. М.: Книжный клуб, 2001.

Спасский О. Д. Первая тройка. М.: Физкультура и спорт, 1981.

Сталин В. И. От отца не отрекаюсь! М.: Яуза-пресс, 2015.

Старостин А. П. Повесть о футболе. М.: Советская Россия, 1973.

Старостин Н. П. Футбол сквозь годы. М.: ФК Спартак, КТПО Экран, 1992.

Старостин Н. П. Звёзды большого футбола. М.: ФК Спартак, КТПО Экран, 1992.

Старшинов В. И. Чистое время. М.: Физкультура и спорт, 1981.

Сухомлинов А. В. Василий, сын вождя. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001.

Тарасов А. В. Совершеннолетие. М.: Молодая гвардия, 1970.

Тарасов А. В. Путь к себе. М.: Физкультура и спорт, 1974.

Тихонов В. В. Хоккей: надежды, разочарования, мечты. М.: Физкультура и спорт, 1985.

Торадзе Г. Футбол на всю жизнь. Тбилиси: Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб», 2007.

Федотов Г. И. Записки футболиста. М.: Физкультура и спорт, 1959.

Филатов Л. И. Работа — футбол. М.: Вагриус, 2009.

Фролов В. В. На ледяных полях. М.: Физкультура и спорт, 1957.

Харламов В. Б. Три начала. М.: Молодая гвардия, 1979.

Шмыга Т. И. Счастье мне улыбалось. М.: Вагриус, 2001.

Эпштейн Н. С., Вуколов Н. Н. Хоккейные истории и откровения Семёныча. М.: Советский спорт, 2006.

Юсин А. А. Атланты. М.: Терра-Спорт, 1999.

Юханссон С. «Тумба» говорит начистоту. М.: Физкультура и спорт, 1961.

Якушев А. С. Я вспоминаю. М.: Клуб Легенды хоккея, 2013.

Якушин М. И. Вечная тайна футбола. М.: Физкультура и спорт. 1988.

notes

Примечания

В действительности стихотворение Евгения Евтушенко «Прорыв Боброва» было опубликовано в еженедельнике «Футбол-хоккей» 28 сентября 1969 года в № 39.